Е. ШМУРЛО

ИСТОРІЯ РОССІИ

862—1917

Е. ШМУРЛО

ИСТОРІЯ РОССІИ

862–1917

МЮНХЕНЪ 1922

Е. ШМУРЛО

ИСТОРІЯ РОССІИ

862—1917

Изданіе Книжнаго Магазина „Градъ Китежъ“.

Мюнхенъ 1922

Предисловіе.

Эта книга ставитъ себѣ задачею посильно удовлетворить одну изъ насущнѣйшихъ потребностей нашего времени. Русская учащаяся молодежь, вынужденная покинуть Россію и заканчивать свое образованіе за границей, поставлена въ условія совершенно ненормальныя. Такихъ, кто имѣлъ бы возможность пользоваться школою, сравнительно немного, громадное же большинство вынуждено завершать свое образованіе домашними средствами, безъ преподавателей, и хорошо, если еще съ учебникомъ въ рукахъ. Но учебникъ, особенно по т. наз. «словеснымъ» предметамъ, будь онъ самымъ совершеннымъ, никогда не замѣнитъ живого слова преподавателя: его задача — сообщить извѣстную сумму фактическихъ свѣдѣній, подлежащихъ усвоенію, дать основу знанія; разъяснить же усвоенное, выявить наружу скрытый въ этихъ фактахъ смыслъ и значеніе; вызвать ученика на размышленіе, помочь ему сдѣлать соотвѣтственный выводъ, отъ самого его еще ускользающій, т. е. достичь тѣхъ результатовъ, которые одни только и оправдываютъ трудъ, положенный на усвоеніе учебника, это есть дѣло живой бесѣды и истолкованія.

Необходимость такого истолкованія особенно чувствуется въ области историческихъ фактовъ. Сколько труда иной разъ уходитъ на усвоеніе громоздкаго фактическаго матеріала, уложеннаго въ рамки учебника, а въ результатѣ — остались однѣ имена и цифры, сухая послѣдовательность событій, смыслъ же ихъ, живая душа улетѣли, не схвачены.

Дать такое истолкованіе въ области русской исторіи, посильно замѣнить отсутствующаго преподавателя въ роли ея истолкователя, — по скольку, разумѣется, печатная буква въ состояніи замѣнить устное слово, — и является цѣлью настоящей книги. Истолкованіе, конечно, требуетъ отъ читателя извѣстной подготовки, нѣкотораго умственнаго развитія, — вотъ почему наша книга имѣетъ въ виду не младшій и не средній школьный возрастъ, а кончающихъ гимназію и даже окончившихъ ее, вообще ту молодежь, которая и въ силахъ и нравственно обязана, особенно въ теперешнее тяжелое время, разобраться и отдать себѣ отчетъ въ историческихъ судьбахъ своей Родины и возможно сознательнѣе отнестись къ своему

настоящему, которое, всегда и вездѣ, есть фатальный продуктъ прошлаго.

Такимъ образомъ книга выходитъ изъ предположенія, что ея читатель уже успѣлъ предварительно хорошо ознакомиться съ фактической стороною дѣла, основательно и отчетливо усвоилъ систематическій курсъ русской исторіи въ обычномъ объемѣ гимназическаго преподаванія[1]), и что потому свое вниманіе она можетъ остановить не столько на фактахъ, сколько на ихъ освѣщеніи.

Предметъ освѣщенія остается тотъ же, что и раньше — Россія и ея судьбы; но Россія, — т. е. страна, народъ, государство — разсматривается теперь не изолированно, а какъ факторъ всемірной исторіи, какъ неотъемлемый членъ міровой семьи. Задача книги дать молодому уму возможность почувствовать, какое мѣсто въ исторіи занимаетъ Россія въ ряду другихъ европейскихъ и не-европейскихъ народовъ; обратить его вниманіе на внѣшнія условія ея историческаго развитія, на сходства и отличія въ развитіи общественнаго уклада Россіи, ея государственнаго и церковнаго строя, выдѣлить черты, которыя сближаютъ или отдѣляютъ русскій народъ отъ другихъ народовъ; отмѣтить явленія, свидѣтельствующія о томъ, что русскій народъ и по происхожденію, и по культурѣ, и по своему духовному складу, есть народъ европейскій, но фатально связанный съ азіатскимъ Востокомъ; указать на историческую роль Рима и Византіи въ судьбѣ германо-романскихъ и славянскихъ народовъ и сопоставить вліяніе двухъ культуръ, западно-католической и восточно-православной, на эти народы; обратить вниманіе на разницу условій, въ какихъ выростала церковь въ Россіи и на Западѣ; на то, что ростъ монархіи, отношеніе ея къ общественнымъ классамъ; смѣна «полицейскаго абсолютизма» «просвѣщеннымъ», борьба за политическое преобладаніе — что явленія эти, при всѣхъ ихъ мѣстныхъ особенностяхъ, по существу общи и Европѣ и Россіи, свидѣтельствуя о единствѣ духовныхъ силъ, положенныхъ въ основу государственной жизни и тамъ и тутъ. На долю каждаго народа выпадаетъ т. наз. историческая задача, и наша книга должна дать почувствовать ученику, въ чемъ именно состояла историческая миссія Россіи.

Именно, дать почувствовать: не больше. Уяснять и опредѣлять съ надлежащей отчетливостью и полнотой — дѣло университетскаго курса, если не всей послѣдующей жизни, и совершенно достаточно, если оканчивающій среднюю школу

---

[1]) По учебникамъ, напримѣръ, Платонова или Елпатьевскаго, — лучшимъ и наиболѣе доступнымъ здѣсь, за границей.

въ состоянiи будетъ хотя бы только почувствовать бiенiе тѣхъ матерiальныхъ и духовныхъ силъ, что̀ объединяютъ отдѣльныя народности въ единый мiровой организмъ.

Вотъ основанiя, на какихъ построенъ нашъ трудъ. Объясняя, онъ въ то же время старается указать своему читателю, въ какомъ направленiи должна идти его умственная работа, — подсказываетъ, чего именно слѣдуетъ ему доискиваться у исторiи Русской земли и Русскаго народа, и тѣмъ посильно старается замѣнить ему слово преподавателя. Въ свою очередь, и преподаватель, особенно случайный, не спецiалистъ, можетъ зачастую, въ его теперешнемъ положенiи, даже и располагая учебникомъ, почувствовать сильный недочетъ въ необходимыхъ пособiяхъ. Въ самомъ построенiи нашей книги онъ, думается, тоже найдетъ полезныя для себя указанiя.

Изложенiю во многихъ частяхъ книги придана конспективная форма. Книга наша не исключаетъ ни разсказа, ни описанiя, ни характеристики, но она вся построена на желанiи выдѣлить событiя, разграничить ихъ одно отъ другого, и — повторю свое выраженiе — выявить наружу то, что скрыто или заслонено наружною оболочкою фактовъ. Что было — интересуетъ ее мало; зато составные элементы совершившагося факта или явленiя; силы, его породившiя, процессъ развитiя, причинная связь — на это сосредоточено главное вниманiе, и конспективная форма наиболѣе для этого пригодна, такъ какъ книга предназначается меньше всего для чтенiя, но больше для размышленiя и анализа. Вотъ почему видное мѣсто удѣлено перечнямъ и схемамъ.

Спѣшу оговориться: размышленiя и анализа — въ предѣлахъ; доступныхъ молодому уму. Сложныя формы нашего общественнаго и государственнаго строя сознательно обойдены — имъ мѣсто въ университетскомъ преподаванiи. Авторъ предпочтительнѣе останавливался на явленiяхъ духовной жизни, на фактахъ, позволяющихъ сближать и сопоставлять исторiю Россiи съ исторiей Западной Европы, а также на особенностяхъ той обстановки, въ какой сложилась историческая жизнь нашей Родины.

Каждый отдѣлъ книги заканчивается особой рубрикой — «Памятниками духовной культуры». Это не болѣе какъ сухой перечень главнѣйшихъ памятниковъ русской старины, отраженiя ея мысли и чувства, съ самыми краткими поясненiями. Назначенiе такого перечня не для чтенiя, даже не для усвоенiя, а чисто справочное, — для напоминанiя о тѣхъ духовныхъ цѣнностяхъ, какiя создалъ русскiй умъ и генiй въ разнообразныхъ проявленiяхъ своей творческой фантазiи и духовной

работы. Обыкновенно мы такъ индифферентны къ нашей старинѣ; пусть эта рубрика напомнитъ о богатомъ духовномъ наслѣдіи, доставшемся намъ отъ прежнихъ поколѣній.

Выраженію «Памятники духовной культуры» придано содержаніе болѣе широкое сравнительно съ общепринятымъ: кромѣ произведеній литературныхъ, оно охватываетъ также и вещественную старину: церкви, иконы, фрески, живописное шитье и другіе предметы изобразительнаго искусства. Они привлечены сюда въ той мѣрѣ, въ какой отразили историческое прошлое и духовныя потребности, вызвавшія ихъ къ жизни — въ зависимости отъ чего сдѣланъ и самый подборъ ихъ. По тѣмъ же соображеніямъ сочтено было умѣстнымъ отмѣтить и тѣ изъ монастырей, которые служили въ свое время центромъ духовнымъ, политическимъ или культурнымъ.

Авторъ не безъ колебанія допустилъ въ своей книгѣ маленькое новшество. Учебное пособіе обыкновенно, и вполнѣ основательно, избѣгаетъ всего спорнаго и еще не установленнаго въ научной литературѣ. Этого правила держались и мы, намѣренно обходя такіе вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи Руси, опричнины, о существованіи въ Древней Руси феодальнаго строя и т. п., и довольствовались тѣмъ, что говоритъ объ этомъ учебникъ; однако нѣкоторыя отступленія нами все же допущены, — въ тѣхъ случаяхъ, когда спорный вопросъ сталъ достояніемъ жизни, не одной только науки, и когда обходить его молчаніемъ значило бы сознательно отворачиваться отъ того, что само напрашивается и настойчиво ищетъ себѣ разрѣшенія, какъ напр. оцѣнка личности и дѣятельности Ивана Грознаго, Петра Великаго; или когда было бы несправедливо, разъ приходится касаться спорныхъ вопросовъ, ограничиться изложеніемъ собственнаго взгляда, какъ бы навязывать его, въ то время когда противоположный взглядъ находитъ себѣ авторитетную защиту въ научной литературѣ.

Какъ учебное пособіе, наша книга, хотя и построена по плану, отличному отъ обычнаго, содержаніемъ своимъ отнюдь не претендуетъ на что либо новое. Авторъ опирался, поскольку это было возможно для него, на послѣдніе выводы русской исторической науки и вмѣстѣ съ тѣмъ не боялся использовать богатое литературное наслѣдіе, оставленное нашими историками, заимствуя у нихъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, удачно выраженную мысль, яркую характеристику, живой образъ или мѣткое выраженіе, — вездѣ, конечно, указывая на свой источникъ.

Римъ.
Мартъ 1922 г.

Е. Ш.

Вступленіе.

Русскую исторію можно раздѣлить на шесть основныхъ эпохъ:

1. Зарожденіе Русскаго государства. 862—1054.
2. Неустойчивость политическаго центра. 1054—1462.
3. Московское государство. 1462—1613.
4. Превращеніе въ европейскую державу. 1613—1725.
5. Россія — европейская держава. 1725—1855.
6. Разрушеніе стараго порядка. 1855—1917.

Первая эпоха характеризуется появленіемъ первыхъ элементовъ государственности и принятіемъ христіанства: объединяются племена; намѣчается территорія; возникаетъ власть; кладутся основы духовнымъ связямъ съ культурнымъ міромъ Европы.

Вторая эпоха дѣлится на три періода:

1. Кіевскій періодъ. 1054—1169.
2. Суздальско-Волынскій періодъ. 1169—1242.
3. Московско-Литовскій періодъ. 1242—1462.

Первый періодъ. Политическій центръ въ Кіевѣ. Это пора вѣчевой дѣятельности и родовыхъ отношеній, княжескихъ усобицъ и борьбы со Степью.

Второй періодъ. Въ поискахъ политическаго центра одна часть русскихъ земель, на Сѣверовостокѣ, группируется вокругъ Владиміра на Клязьмѣ (Суздальская область); другая, на Югозападѣ, вокругъ Владиміра на Лугѣ и Галича (области Волынская и Галицкая). Новгородъ остается политическимъ межеумкомъ. Этотъ періодъ характеризуется упадкомъ родовыхъ отношеній и возникновеніемъ удѣловъ; княжескія усобицы и борьба со Степью продолжаются, какъ и раньше.

Третій періодъ. Русская земля объединяется около двухъ центровъ: Москвы и литовской Вильны. Татарское нашествіе, ослабивъ Русскую землю, окончательно порываетъ связь между Сѣверовостокомъ и Югозападомъ. Московское государство строится путемъ активной работы населенія Сѣверовосточнаго края, Югозападъ — пассивно входитъ въ составъ Литовскаго государства.

Третья эпоха тоже дѣлится на три періода:

1. Образованіе Московскаго государства. 1462—1533.
2. Время перваго царя. 1533—1584.
3. Смутное время. 1584—1613.

Первый періодъ. Двѣ особенности характеризуютъ его: 1) «вотчина» превращается въ «государство», притомъ въ государство самодержавное; 2) начинаютъ опредѣляться политическія задачи Россіи: на Западѣ — притязанія на Зарубежную Русь, политическое и культурное сближеніе съ Европой; на Востокѣ — наступательное движеніе въ цѣляхъ культурной обороны.

Второй періодъ. Первыя серьезныя попытки осуществить эти задачи (Ливонская война; завоеваніе Казани и Астрахани). Дальнѣйшій ростъ самодержавія (борьба съ боярствомъ) подготовляетъ окончательное торжество государства надъ вотчиной.

Третій періодъ. Происходитъ конфликтъ новаго государства со старымъ укладомъ. Государство, какъ выраженіе общихъ интересовъ, торжествуетъ надъ эгоизмомъ отдѣльныхъ классовъ и группъ.

Четвертая эпоха дѣлится на два періода:

1. Образованіе абсолютной монархіи. 1613—1682.
2. Эпоха реформъ Петра Великаго. 1682—1725.

Первый періодъ. Зло, причиненное годами Смуты, содѣйствуетъ дальнѣйшему укрѣпленію самодержавія, которое, къ концу періода, окончательно принимаетъ формы абсолютной монархіи. Въ области внѣшней политики вполнѣ выявились (назрѣли) три національныхъ задачи: 1) культурная — Балтійскій вопросъ; 2) религіозно-племенная — Польскій вопросъ; 3) территоріальная — Черноморскій вопросъ. Однако матеріальныя и духовныя силы страны оказались не на уровнѣ этихъ задачъ, что́ вызвало первыя попытки исправить указанные жизнью недочеты.

Второй періодъ. Реформы Петра Великаго явились слѣдствіемъ сознанныхъ нуждъ государственныхъ; на службу государству призваны, и съ этою цѣлью закрѣпощены, всѣ классы общества, безъ исключенія. Достигнуто два цѣнныхъ результата: 1) благополучно разрѣшена культурная задача — Балтійскій вопросъ; 2) Россія введена въ общую семью европейскихъ народовъ, и ей обезпеченъ постоянный духовный обмѣнъ и общеніе съ ними («окно въ Европу»).

Пятая эпоха дѣлится на три періода:

1. Время дворцовыхъ переворотовъ. 1725—1741.
2. Время просвѣщеннаго абсолютизма. 1741—1796.
3. Время политическаго преобладанія въ Европѣ. 1796—1855.

Первый періодъ. Искаженіе преобразовательной програмы Петра Великаго.

Второй періодъ. Національное направленіе русской политики во внѣшнихъ дѣлахъ. Просвѣтительный характеръ правительственныхъ мѣропріятій въ дѣлахъ внутреннихъ. Раскрѣпощеніе дворянскаго сословія и закрѣпощеніе крестьянства.

Третій періодъ. Интересы національные подчинены интересамъ международнымъ. Реакція, наступившая въ Европѣ послѣ Французской революціи и Наполеоновскихъ войнъ, пагубно отразилась и на порядкахъ внутренней жизни Россіи. Результатомъ реакціонной и ненаціональной политики былъ военный крахъ (Крымская война).

Шестая эпоха дѣлится тоже на три періода:

1. Эпоха великихъ реформъ императора Александра II. 1855—1881.
2. Противодѣйствіе реформамъ. 1881—1904.
3. Подготовка революціи. 1904—1917.

Первый періодъ. Крахъ военный явился одновременно крахомъ и всей государственной системы и вызвалъ реформы императора Александра II, которыя вернули Россію на прежній путь національныхъ интересовъ. Очередной вопросъ — Восточный: освобожденіе балканскихъ славянъ и свободный выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное — разрѣшается (хотя далеко не въ полномъ объемѣ) тоже въ національномъ духѣ религіозно-племенныхъ симпатій и экономическихъ потребностей страны.

Второй періодъ. Реформы императора Александра II остались не законченными и пріостановлены еще при жизни Царя-Освободителя. Его преемники поворачиваютъ государственный корабль назадъ и порождаютъ недовольство.

Третій періодъ. Неудачная война съ Японіей вызываетъ первое революціонное столкновеніе общества съ правительствомъ. Вынужденное уступить, правительство созываетъ Государственную Думу, но не дѣйствуетъ съ ней рука объ руку. Между сторонниками самодержавія и конституціонной монархіи ведется глухая борьба. Трудности новой, Міровой, войны доводятъ эту борьбу до высшаго напряженія. Въ результатѣ старый строй рушится, при полномъ однако безсиліи тѣхъ, кто содѣйствовалъ его паденію, соорудить новое зданіе вмѣсто прежняго, поваленнаго.

Эпоха первая. 862–1054.

ЗАРОЖДЕНІЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I. Характеръ Русской земли. Ея отличія отъ Западной Европы.

1. Равнинность Русской земли.

На Западѣ природа повсюду разсыпала въ изобиліи острова, полуострова, мощныя горныя цѣпи; морской берегъ изрѣзанъ тамъ глубокими проливами и заливами на мелкія отдѣльныя части. Все это содѣйствуетъ образованію многихъ, сравнительно небольшихъ по объему, государствъ; каждое изъ нихъ какъ бы отдѣльный, замкнутый міръ съ точно обозначенными, и съ суши и съ моря, естественными границами: Скандинавскій полуостровъ, Данія, Англія; полуострова Пиренейскій, Апенинскій, Балканскій; Архипелагъ. Да и границы Франціи — тоже главнымъ образомъ горы и море, и только на востокѣ сливаются онѣ съ Среднеевропейской равниной; но и тутъ есть барьеръ — рѣка Рейнъ.

Территорія Россіи, наоборотъ, одна сплошная равнина; ея окраины — Сѣверный океанъ съ Бѣлымъ моремъ; Уральскія горы; Каспійское, Азовское и Черное моря; Карпатскія горы; Балтійское море — отстоятъ далеко одна отъ другой. Это содѣйствовало здѣсь образованію е д и н а г о г о с у д а р с т в а.

Русское государство съ первыхъ же дней своего существованія размѣстилось на громадной территоріи. Уже при Рюрикѣ на крайнихъ пунктахъ ея лежатъ Ладога, Ростовъ, Кіевъ, — такъ далеко другъ отъ друга! — а ко временамъ Ярослава Мудраго ея границы доходятъ до Оки, Тмутаракани и Галиціи. На Западѣ иначе: территорія государственная первоначально тамъ небольшая и только со временемъ начинаетъ рости и

увеличиваться. Особенно это примѣнимо къ Римской имперіи: долгое время власть Рима не выходила за предѣлы Лаціума, и чтобы овладѣть только имъ однимъ, понадобилось цѣлыхъ четыре вѣка (753—343 г. до Р. Х.).

Сравнительно бо́льшая обособленность жизни на Западѣ выработала въ тамошнемъ человѣкѣ индивидуальность и самобытность, личное Я; на Русской равнинѣ, гдѣ всѣ скоро зажили одной общей жизнью, выработались, наоборотъ, общинность, «міръ», поглощеніе личнаго Я массою.

2. Россія — страна континентальная.

Древніе греки и римляне, а позже испанцы, французы, итальянцы, югозападные славяне (сербы и хорваты), византійцы, арабы, османскіе турки — всѣ жили у береговъ Средиземнаго моря; послѣднее лежало среди ихъ земель, стало общимъ поприщемъ ихъ индивидуальной жизни и притягивало къ себѣ даже народы, жившіе въ сторонѣ отъ него: таковы англичане, западные славяне (чехи, поляки) и въ особенности германцы. Общенію Зап. Европы значительно содѣйствовала развитая береговая линія. Особенно богатъ ею греческій Архипелагъ съ Элладой и западнымъ берегомъ Малой Азіи; см. также: Далматинское побережье Адріатическаго моря; итальянскіе острова и побережье Тирренскаго моря; глубокія устья рѣкъ въ Германіи, Франціи и Англіи; фіорды Норвегіи, на цѣлые десятки верстъ врѣзавшіеся вглубь материка; острова Датскаго архипелага. Въ Африкѣ береговая линія развита менѣе всего: отношеніе ея къ поверхностному протяженію = 1:106, въ Европѣ (вообще) = 1:37; въ частности въ Греціи = 1:3. Кромѣ того въ Зап. Европѣ обиліе хорошихъ морскихъ гаваней; острова тамъ точно станціи и верстовые столбы для путешественника; нѣтъ сильныхъ вѣтровъ: ни муссоновъ, ни пассатовъ. Все это значительно облегчало взаимное общеніе между народами, жившими по берегамъ Средиземнаго моря.

Россія, наоборотъ, страна континентальная; ея береговая линія опредѣляется, какъ 1:101, т. е. она такая же бѣдная, какъ и африканская; лишь въ самомъ началѣ своей исторіи русскій народъ прикоснулся на короткое время къ морю (первые князья; походы на Византію), потомъ его отбросили назадъ, такъ что понадобились цѣлые вѣка напряженныхъ усилій, чтобъ добраться до морскихъ береговъ и установить тамъ свои границы. Сѣверный океанъ долго оставался безъ пользы для насъ; да и расположенъ онъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ культурнаго міра; къ тому же Бѣлое море замерзаетъ на 7—8 мѣсяцевъ въ году; море Каспійское вело въ Азію, въ страны съ другой, не-христіанской культурой; одно только Черное море съ Азовскимъ да

море Балтійское служили хорошей дорогою въ Европу; но русскій народъ пробился къ этимъ морямъ лишь 8—9 вѣковъ спустя послѣ того, какъ началъ жить исторически: лишь при Петрѣ Великомъ («окно въ Европу») и при Екатеринѣ II.

3. Природа.

На Западѣ болѣе мягкій климатъ; дары природы тамъ разнообразнѣе и легче использовать ихъ. Восточноевропейскую равнину природа, наоборотъ, надѣлила гораздо скупѣе. При суровомъ климатѣ и короткомъ лѣтѣ, трудъ земледѣльца, даже въ плодородныхъ районахъ, вознаграждался хуже. Въ Россіи земля покрыта 5—7 мѣсяцевъ въ году снѣгомъ и ничего не даетъ за это время; а на Западѣ въ одно лѣто можно сдѣлать два-три сбора сѣна или овощей. У насъ въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ необходимо успѣть закончить всѣ полевыя работы, что̀ требуетъ большого напряженія силъ, а на Западѣ весь такой трудъ распредѣленъ на 8 мѣсяцевъ и совершается, не торопясь. Такимъ образомъ въ Россіи много силъ, физическихъ и духовныхъ, ушло на заботу о матеріальномъ существованіи.

По сравненію съ Зап. Европой, природа здѣсь мачеха. «Западный человѣкъ никогда не былъ угнетенъ непрестанною работою круглый годъ лишь для того, чтобы быть только сытымъ, одѣться, обуться, спастись отъ непогоды, устроиться въ жилищѣ такъ, чтобы не замерзнуть отъ стужи, чтобъ не потонуть въ грязи, чтобы заживо не быть погребеннымъ въ сугробахъ снѣга. Западный человѣкъ не зналъ и половины тѣхъ заботъ и трудовъ, какіе порабощаютъ и почти отупляютъ человѣка въ борьбѣ съ порядками природы, болѣе скупой и суровой» (Забѣлинъ).

Бѣдность камня, какъ строительнаго матеріала, вела въ Россіи къ болѣе частымъ пожарамъ («каменная» Европа и «деревянная» Россія).

Природа или содѣйствуетъ, или задерживаетъ ростъ культурной жизни человѣка. На Западѣ она содѣйствовала, на Русской равнинѣ она тормозила.

4. Рѣки.

Рѣки, многоводныя, многоверстныя — особенность Русской равнины: въ Зап. Европѣ, пересѣченной горами, разчлененной островами и полуостровами, такихъ не могло и быть; исключеніе — одинъ Дунай. Эту особенность нашей страны подмѣтилъ еще Геродотъ: «въ Скиѳіи» — говоритъ онъ — «нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны».

Двѣ другихъ особенности русскихъ рѣкъ:

1) весьма развитые бассейны, т. е. обильные притоками, широко расходящимися въ сторону отъ главной артеріи, такъ что одна рѣчная система почти переплетается съ другою;

2) общій источникъ ихъ — Валдайская возвышенность: вытекающія отсюда главнѣйшія рѣки (Волга, Ловать-Волховъ, Зап. Двина, Днѣпръ) расходятся во всѣ четыре стороны, на В., на С., на З. и Ю., сближая окраины съ центромъ.

Въ результатѣ: Русская равнина вся покрыта почти сплошною водною сѣтью, своего рода проѣзжими, столбовыми дорогами. Рѣки для того времени — естественные, можно сказать, единственные пути сообщенія. Сравн. Соловья-Разбойника, который залегъ прямоѣзжую дорогу изъ Мурома въ Кіевъ. По рѣкамъ разселялись русскія племена, по нимъ велась торговля (Греческій Водный путь), возникали города, упрочивалась власть княжеская. Рѣчные пути, какъ и равнинность страны, значительно содѣйствовали объединенію племенъ и образованію единаго государства. Чѣмъ служило море на Западѣ для внѣшнихъ сношеній, тѣмъ была въ Россіи рѣка для сношеній внутреннихъ.

«Надо перенестись мыслію за тысячу лѣтъ до нашего времени, чтобы понять способы тогдашняго сообщенія. Вся Суздальская или по теперешнему имени Московская сторона такъ прямо и прозывалась Лѣсною землею, глухимъ Лѣсомъ, въ которомъ однѣ рѣки и даже рѣчки только и доставляли возможность пробраться, куда было надобно, не столько въ полыя весеннія воды или лѣтомъ, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чѣмъ даже наши шоссейныя дороги. По сухому пути и лѣтомъ прокладывались дороги, теребились пути, какъ выражаются лѣтописи, т. е. прорубались лѣса, по болотамъ устраивались гати, мостились мосты, но въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ лѣтнее время цѣлыя рати заблуждались и, идя другъ противъ друга, расходились въ разныхъ направленіяхъ и не могли встрѣтиться. Зато зимою въ темномъ лѣсу безъ всякихъ изготовленныхъ дорогъ легко и свободно можно было пробираться по ледяному рѣчному руслу, по которому путь проходилъ хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотмѣнно приводилъ къ надобной цѣли. Очень многія и большія войны, особенно съ Новгородомъ, происходили этимъ зимнимъ путемъ и вдобавокъ, если путь лежалъ вверхъ рѣкъ, почти всегда по послѣднему зимнему пути съ тѣмъ намѣреніемъ, что съ весеннею полою водою можно было на лодкахъ легко спуститься къ домамъ» (Забѣлинъ).

Куда текли главныя рѣки? На югъ и на юговостокъ: Днѣстръ, Южный Бугъ, Днѣпръ, Донъ, Волга — въ эту

сторону потекла и народная жизнь: Греческій Водный путь велъ изъ Варягъ въ Греки; походы первыхъ русскихъ князей направлены на Византію, на Тмутаракань и Каспійское побережье; христіанство пришло съ юга, изъ Византіи. То же и въ Московскій и Императорскій періоды. Вспомнимъ завоеваніе Поволжья, Астраханскаго царства, Сѣвернаго Кавказа; заселеніе южныхъ окраинъ; походы подъ Азовъ при первыхъ Романовыхъ; завоеваніе Крыма, Кавказа; политическое и духовное сближеніе съ балканскими славянами; вѣковую мечту о Царьградѣ и Св. Софіи.

Другая система рѣкъ (Зап. Двина, Ловать-Волховъ-Нева), хотя и не въ такой степени, какъ южная, и притомъ значительно позже, въ свою очередь тоже властно направила народную жизнь на сѣверо-западъ, къ Балтійскому морю (борьба за Ливонію и побережье Финскаго залива, съ Ивана Грознаго вплоть до Петра Великаго).

5. Непосредственное сосѣдство съ Азіей.

Русское государство (Кіевское княжество) зародилось на краю большой прямоѣзжей дороги, по которой неустанно проходили азіатскіе выходцы, кочевые, полудикіе племена и народы: гунны, авары (обры), угры (иначе: венгры или мадьяры), хозары, печенѣги, половцы, татары (черезъ «Великія Европейскія Ворота» — низовья р. р. Урала, Волги и Дона. Азія — officina gentium). Эти кочевники не давали спокойно жить; вниманіе раздвоялось; работа домостроительства постоянно прерывалась необходимостью дать отпоръ внѣшнему врагу, отогнать его отъ себя, охранить отъ его нападеній. Сравн. слова Владиміра Мономаха: «смердъ начнетъ орать, а половчанинъ убьетъ его, разграбитъ село, захватитъ жену и дѣтей и сожжетъ его гумно».

Общеніе съ «Азіей» сказалось на русской жизни отрицательно, не положительно. Позже, со стороны юга же, пришлось вынести двухъ-съ половиной-вѣковое монгольское иго, вести 300-лѣтнюю борьбу съ крымскими татарами; приходилось вынужденно углубляться въ кавказскія горы, въ заволжскія и зауральскія степи, дойти до самаго Памира, и все это съ единственной цѣлью — оградить мирное населеніе отъ кочевника, который не могъ жить иначе, какъ разбоемъ. Мы его отгоняли, отодвигали свою границу, но на новомъ мѣстѣ повторялась прежняя исторія; и такъ шло, на югѣ, вплоть до временъ Екатерины, а на юговостокѣ — почти до нашихъ дней. Фатально обреченный на поиски естественныхъ границъ, русскій народъ затратилъ на нихъ, какъ и на борьбу съ природой-мачехой, массу физическихъ и духовныхъ силъ, которыя, въ иныхъ условіяхъ,

могли бы пойти на достиженіе цѣлей гораздо болѣе продуктивныхъ.

Такого рода помѣхъ своему культурному развитію Зап. Европа не знала: ея жизнь протекала въ условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ. Набѣги норманновъ были явленіемъ временнымъ; норманны явились въ Европу не племенемъ, а лишь какъ военная дружина; они приняли ея языкъ и культуру и легко, незамѣтно слились съ туземнымъ населеніемъ. Послѣднее можно сказать и о мадьярахъ. Что же касается арабовъ, то еще вопросъ, чего больше: зла или добра, внесли они въ европейскую жизнь? Арабы явились въ Европу въ пору высокаго развитія своей культуры: послѣдняя, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, даже превосходила культуру тогдашняго христіанскаго міра, и завоеванія арабовъ, нанеся временное зло, неизбѣжное при всякихъ войнахъ, обогатили европейскій міръ полезными знаніями (медицина, математика, географія, архитектура, поэзія, философія).

Пагубно было появленіе въ Европѣ османскихъ турокъ, но и то не столько для Западной, сколько для Юговосточной (Сербія, Болгарія, Австрія, Венгрія, Польша); да и тутъ тяжесть борьбы въ значительной мѣрѣ пришлось раздѣлить той же Россіи.

6. Лѣсъ и Поле (Сѣверъ и Югъ).

Другая особенность Русской равнины: дѣленіе ея на двѣ полосы, на Поле и Лѣсъ, на черноземно-степную и звѣроловную; одна для пахаря и скотовода, другая — для охотника, пчеловода, промышленника. Граница между этими полосами шла съ югозапада на сѣверовостокъ, отъ устьевъ Десны до устьевъ Оки, по линіи Кіевъ — Нижній-Новгородъ.

Судьба и здѣсь оказалась мачехою для русскаго человѣка: черноземный, степной югъ лежалъ въ районѣ набѣговъ азіатскихъ кочевниковъ. «Южный земледѣлецъ долженъ былъ жить всегда на-готовѣ для встрѣчи врага, для защиты своего пахатнаго поля и своей родной земли. Важнѣйшее зло для осѣдлой жизни заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было прочертить сколько-нибудь точную и безопасную границу отъ сосѣдей степняковъ. Эта граница ежеминутно перекатывалась съ мѣста на мѣсто, какъ та степная растительность, которую такъ и называютъ Перекати-Полемъ. Нынче пришелъ кочевникъ и подогналъ свои стада или раскинулъ свои палатки подъ самый край пахатной нивы; завтра люди, собравшись съ силами, прогнали его, или дарами и обѣщаніемъ давать подать удовлетворили его жадности. Но кто могъ ручаться, что послѣ завтра онъ снова не придетъ и снова не раскинетъ свои палатки

у самыхъ земледѣльческихъ хатъ? Поле, какъ и море — вездѣ дорога, и невозможно на немъ положить границъ, особенно такихъ, которыя защищали бы, такъ сказать, сами себя. Жизнь въ чистомъ полѣ, подвергаясь всегдашней опасности, была похожа на азартную игру».

Въ Лѣсной сторонѣ нѣтъ степнаго раздолья, зато жизнь безопаснѣе и работа домостроительства устойчивѣе и вѣрнѣе. «Лѣсъ, по самой своей природѣ, не допускалъ дѣятельности слишкомъ отважной или вспыльчивой. Онъ требовалъ ежеминутнаго размышленія, внимательнаго соображенія и точнаго взвѣшиванія всѣхъ встрѣчныхъ обстоятельствъ. Въ лѣсу, главнѣе всего, требовалась широкая осмотрительность. Отъ этого у лѣснаго человѣка развивается совсѣмъ другой характеръ жизни и поведенія, во многомъ противоположный характеру кореннаго полянина. Правиломъ Лѣсной жизни было: десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь. Правило Полевой жизни заключалось въ словахъ: либо панъ, либо пропалъ. Полевая жизнь требовала простора дѣйствій; она прямо вызывала на удаль, на удачу, прямо бросала человѣка во всѣ роды опасностей, развивала въ немъ беззавѣтную отвагу и прыткость жизни. Но за это самое она же дѣлала изъ него игралище всякихъ случайностей. Вообще можно сказать, что Лѣсная жизнь воспитывала осторожнаго промышленнаго политическаго хозяина, между тѣмъ какъ Полевая жизнь создавала удалого воина и богатыря, беззаботнаго къ устройству политическаго хозяйства» (Забѣлинъ).

Полевой югъ пріучалъ къ козакованью, Лѣсной сѣверъ, наоборотъ, — къ сидѣнью на мѣстѣ, къ общественности: выжечь ли лѣсъ, выкорчевать ли пни, вспахать поле — все легче съ помощью другого, чѣмъ одному; оттого здѣсь больше, чѣмъ на югѣ, дорожили общественной жизнью и крѣпче держались ея; оттого и государственная жизнь установилась здѣсь прочнѣе, чѣмъ на югѣ.

Позже, когда на югѣ стало невыносимо отъ кочевниковъ, населеніе Приднѣпровья направилось на сѣверовостокъ, въ Лѣсную полосу и, колонизовавъ ее, положило начало Великорусской народности. Такимъ образомъ Поле и Лѣсъ наложили свой отпечатокъ на два развѣтвленія русскаго народа: на малороссовъ и великорусовъ.

7. Русскій Drang nach Osten.

На Западѣ политическія границы государства, для каждаго, были очерчены, можно сказать, съ первыхъ же дней ихъ существованія и оставались, въ предѣлахъ данной народности, почти безъ измѣненій. Совершались завоеванія; чужія области

силою оружія присоединялись; но именно потому что онѣ были чужія, населены другимъ народомъ, обыкновенно онѣ отпадали и возсоединялись съ тѣми политическими организаціями, отъ которыхъ были насильно отторгнуты. Границы нынѣшней Англіи, Франціи, Испаніи, Италіи или Швеціи, Норвегіи почти тѣ же самыя, какими онѣ были при возникновеніи этихъ государствъ. Столѣтняя война, въ Средніе вѣка, между Франціей и Англіей вернула послѣднюю въ ея естественныя границы; Итальянскіе походы французскихъ королей въ Италію, въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. в., окончились неудачно, главнымъ образомъ потому что выводили Францію за предѣлы ея естественныхъ границъ; владычество Испаніи въ Сициліи и Миланѣ было непрочно по тѣмъ же причинамъ. Сравн. еще: недолговѣчность шведскаго владычества въ Сѣверной Германіи, австрійскаго на Апеннинскомъ полуостровѣ, испанскаго въ Нидерландахъ. Одна только Германская народность раздвинула свои границы и, продвинувшись за Эльбу, въ восточномъ направленіи (нѣмецкій Drang nach Osten), колонизовала (германизировала) новыя земли (славянскія), превративъ ихъ въ нѣмецкія. Колоніи, какъ мы ихъ понимаемъ теперь, стали возникать лишь въ Новые вѣка: это всегда земли за предѣлами государства, обычно въ странахъ не-европейскихъ, особый міръ, рѣзко отграниченный отъ своей метрополіи.

Такой колонизаціи Россія никогда не знала; ея колонизація сродни германской, только въ большемъ масштабѣ. Русская колонизація — это постоянное раздвиженіе государственной границы, постоянный ростъ территоріи Русскаго государства. Чѣмъ была она вызвана? Равнинность Русской страны (см. выше, пар. 1), легкость передвиженія по рѣчнымъ путямъ (пар. 4) и вынужденный уходъ съ юга подъ напоромъ азіатскихъ кочевниковъ (пар. 6) выработали въ русскомъ народѣ большую подвижность и наклонность къ передвиженіямъ — черта, которая проходитъ чрезъ всю его исторію. Пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ русскій человѣкъ окончательно осядетъ и заведетъ себѣ прочное, постоянное жилье. Передвиженія эти, не вполнѣ законченныя еще и въ наше время, направлялись обыкновенно въ сторону наименьшаго сопротивленія: уже при Рюрикѣ русскій человѣкъ сидитъ не только въ Новгородѣ и Кіевѣ, но и на территоріи финновъ, въ Суздальскомъ краѣ (города Ростовъ, Муромъ); новгородскіе ушкуйники и промышленники съ давнихъ поръ захватили весь сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи; Уральскія горы Ермака съ его ватагой не задержали; въ какихъ-нибудь 100 лѣтъ русскіе «землепроходы» прошли чрезъ всю Сибирь и дошли до береговъ Тихаго океана.

Наше продвиженіе на Востокъ было по преимуществу народнымъ: правительство шло уже вслѣдъ за народной волной,

лишь санкціонируя совершившійся захватъ земель. Послѣдній, по времени, фактъ этого рода: присоединеніе, по договору 1883 г., съ Китаемъ, озерной области Марка-Куль (за хребтомъ Южнаго Алтая), куда русскій колонистъ — раскольникъ и звѣроловъ — сталъ проникать съ половины XIX ст. Продвиженіе же на югъ и особенно на юговостокъ, хотя отчасти тоже обязано народной иниціативѣ (донскіе, запорожскіе казаки; заволжскіе раскольничьи скиты), велось главнымъ образомъ самимъ правительствомъ и носило характеръ преимущественно военный (борьба на Кавказѣ; Оренбургская казачья «линія»; завоеваніе Хивы, Бухары и Коканда).

8. Наслѣдіе древняго міра.

Географическое положеніе Русской страны обусловило еще одну особенность въ жизни Русскаго народа. Въ потокѣ народовъ, хлынувшихъ около Рождества Христова изъ Азіи въ Европу (германцы, славяне, литовцы), славяне пришли въ ту пору, когда Западная и Средняя Европа были уже заняты, такъ что только нѣкоторымъ (южнымъ славянамъ) удалось размѣститься по сосѣдству или непосредственно въ областяхъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе классической культуры (Далмація, Ѳракія, Мизія, Дакія). Да и то вліяніе это было, относительно, слабое, совсѣмъ не то, что на земляхъ древней Галліи, Иберіи или Карѳагена. Что же до русскаго племени, то оно очутилось уже совсѣмъ на крайнемъ востокѣ, куда древняя культура почти никогда не проникала. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, въ отдѣльныхъ пунктахъ, греки оставили было свои слѣды, но ко времени появленія русскихъ славянъ на Восточноевропейской равнинѣ слѣды эти совершенно исчезли; самая ближняя изъ культурныхъ странъ, Византія, была отдѣлена степями и моремъ. Вотъ почему большого и непосредственнаго, постояннаго вліянія на ходъ и развитіе русской жизни цивилизація Древняго міра имѣть не могла.

Иначе сложилась обстановка на Западѣ. Германскія племена расселились тамъ на самой территоріи Зап. Римской имперіи, среди самихъ римлянъ или романизированнаго имъ населенія; они восприняли культуру древняго Рима и, подъ вліяніемъ романизаціи, изъ прежнихъ германскихъ превратились въ народы романскіе, по духовному своему облику ставъ ближе къ римлянамъ Цесаря или Деоклетіана, чѣмъ къ своимъ предкамъ, германцамъ временъ Тацита. Болѣе неприкосновеннымъ германскій типъ сохранился тамъ, гдѣ новыя государства сложились на территоріи, не испытавшей вліянія Рима, или гдѣ его вліяніе было совершенно слабое (Англія, Германія, Скандинавія, Ютландія); однако и здѣсь христіан-

ство, принятое изъ Рима, ввело эти государства въ кругъ той же римской цивилизаціи, что и народы романскіе.

Такая разница въ обстановкѣ и положеніи географическомъ Россіи и Западной Европы объяснитъ намъ, почему культурное содержаніе западноевропейскихъ государствъ значительно богаче и разнообразнѣе. На Западѣ новыя государства съ первыхъ же дней своего существованія получили въ свое распоряженіе богатый запасъ знанія, накопленный предыдущими поколѣніями, Россія, наоборотъ, сѣла на «пустое мѣсто», вслѣдствіе чего и культурное развитіе ея шло медленнѣе и, по содержанію, оказалось много бѣднѣе.

II. Языческія вѣрованія русскихъ славянъ.

1. Основа общеарійская.

Какъ и остальные арійцы, русскіе славяне поклонялись видимымъ силамъ природы, небеснымъ и земнымъ.

Для первобытнаго человѣка явленія окружающей его природы полны загадочности, таинственной прелести, и чѣмъ они загадочнѣе, тѣмъ охотнѣе надѣляетъ онъ ихъ сверхъ-естественными силами. Для него буквально все полно сознательной жизни; весь окружающій его міръ населенъ живыми существами, съ такою же, какъ у него самого, волей, желаніемъ, съ такими же злыми и добрыми мыслями, какъ у всѣхъ людей вообще. Солнце, звѣзды, луна, сама земля — это живыя существа; горы, лѣсъ, камни, травы и цвѣты — то же самое; громъ и молнія, дождь и вѣтеръ, ростъ дерева и шумъ водопада, таяніе снѣга и вскрытіе рѣкъ; мрачность лѣса и прозрачность воздуха въ лѣтній день — все это таинственныя, непонятныя проявленія силы и жизни различныхъ существъ. Одни явленія поражали его силою, размахомъ: разливъ рѣки, завываніе вѣтра, зной и морозъ, безконечная степь, дремучій, полный ужасовъ лѣсъ; другія — странностью своихъ формъ: исполинское дерево съ лапистыми корнями, темная пещера, отпечатокъ фигуры на камнѣ; и чѣмъ недоступнѣе для человѣческихъ силъ были проявленія этой жизни природы, чѣмъ таинственнѣе и величественнѣе представлялись они людскому воображенію, тѣмъ сильнѣе приковывали къ себѣ вниманіе, тѣмъ больше вызывали почтенія и трепета. Первобытный человѣкъ «сознавалъ, что весь видимый міръ отъ былинки до небеснаго свѣтила одухотворенъ тою же человѣческою душою, ея мыслью, ея чувствомъ, ея волею. Язычникъ, какъ новорожденное дитя, пребывалъ еще на рукахъ, въ объятіяхъ матери-природы. Онъ чувствовалъ ея грозу и ласку, чувствовалъ, что эта вѣчная матерь наблюдаетъ за нимъ непрестанно, что каждое его дѣй-

ствіе, помыслъ, намѣреніе и всякое дѣло и дѣяніе находятся не только въ ея власти, но и отражаются въ ея чувствѣ. Безотчетное и безграничное чувство любви и страха — вотъ чѣмъ былъ исполненъ этотъ ребенокъ, живя на рукахъ матери-природы» (Забѣлинъ). Эта близость къ природѣ и сознаніе могучаго вліянія ея на жизнь человѣка привели къ обоготворенію природы и возвели это чувство на степень религіи.

2. Русскій Олимпъ.

а) Силы небесныя: небо — Сварогъ; солнце — Дажьбогъ, иначе: Хорсъ, Волосъ (у зап. славянъ: Велесъ); громъ и молнія — Перунъ; вѣтеръ — Стрибогъ.

Сварогъ — общій всѣмъ отецъ; остальныя божества — его дѣти, Сварожичи.

Разныя наименованія солнца указываютъ, подобно миѳологіи другихъ народовъ, на разныя его свойства; но выдѣлены эти свойства въ миѳологіи неясно. Въ чемъ разница межъ Дажьбогомъ и Хорсомъ?! Отчетливѣе представляется Волосъ: солнце, какъ податель всѣхъ благъ, между прочимъ, матеріальнаго богатства; послѣднее состоитъ въ обладаніи скотомъ — вотъ почему Волосъ сталъ скотьимъ богомъ (такому представленію естественнѣе было сложиться на пастушескомъ югѣ, а не на лѣсистомъ сѣверѣ). Сравн. у финикіянъ: Белъ — олицетвореніе благодатнаго солнца, дающаго свѣтъ, тепло; Ваалъ — губящаго (зной, засуха); Мелькартъ — солнца, вѣчно движущагося. У грековъ Мелькартомъ былъ Геліосъ, а Белъ изъ солнца матеріальнаго выросъ въ солнце духовное, въ Феба-Аполлона, въ бога духовнаго свѣта, нравственнаго совершенствованія и вдохновенія (своими лучами Аполлонъ убиваетъ Пиѳона, духа, тьмы; Аполлонъ и его музы).

б) Силы земныя: Мать-Сыра Земля (олицетвореніе производительныхъ силъ земли; сравн. греческую Деметру, римскую Цереру); Лѣшій, Водяной, Полевикъ.

в) Культъ предковъ: Родъ (божество-производитель), Щуръ, Рожаницы; Домовой, Русалки. Сравн. Лары и Пенаты у древнихъ римлянъ.

3. Бѣдность русскаго Олимпа.

А) Русскій Олимпъ много бѣднѣй и блѣднѣе Олимпа греческаго:

1. Греческій Олимпъ богатъ уже однимъ количествомъ своихъ божествъ, разнообразіемъ формъ въ олицетвореніи силъ природы.

2. Образы греческіе гораздо ярче, опредѣленнѣе; ихъ черты выражены рѣзче, полнѣе — божества же русскихъ славянъ

лишь намѣчены; ихъ больше чувствуешь, чѣмъ видишь и осязаешь. Сравн.: Сварогъ и Зевесъ; Перунъ и тотъ же Зевесъ; Мать-Сыра Земля и Деметра; Дажьбогъ и Аполлонъ; лѣшій и панъ съ дріадами; водяной и нимфы.

3. Кромѣ того русскія божества лишены этическаго элемента: они олицетворяютъ только силы природы — значительная часть греческаго Олимпа, наоборотъ, поднялась ступенью выше, до олицетворенія духовныхъ силъ, моральныхъ качествъ и культурныхъ проявленій дѣятельности человѣческаго ума. Сравн.: Зевесъ въ роли pater familias, верховнаго судіи; Аѳина-Паллада — богиня разума; Аполлонъ — богъ свѣта духовнаго; Гермесъ — посланникъ боговъ, покровитель торговли; Гефестъ — богъ ремеслъ, кузнечнаго мастерства, и т. д.

Б) Развитію греческой религіи содѣйствовало:

1. Она росла на свободѣ, безъ внѣшнихъ помѣхъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, имѣла время окрѣпнуть.

2. Богатая фантазія грека съумѣла выработать яркіе образы и найти имъ прочныя формы.

3. Особое сословіе — классъ жрецовъ — спеціально посвятилъ себя ея культивированію.

4. Литература, наука, искусство, въ свою очередь, прочно закрѣпили образы боговъ въ сознаніи народномъ. Оттого греческій Олимпъ оказался такимъ живучимъ и позже такъ долго отстаивалъ себя въ борьбѣ съ христіанствомъ.

В) Въ Россіи, наоборотъ:

1. Христіанство захватило русское язычество, прежде чѣмъ оно успѣло достаточно развиться и окрѣпнуть, и потому легче могло подавить и заглушить его.

2. Вмѣсто жрецовъ здѣсь были одни только волхвы и кудесники.

3. Русскій Фидій и Пракситель способны оказались лишь на выдѣлку однихъ истукановъ грубой формы; ни литературы, ни науки на Руси до принятія христіанства еще не существовало.

4. Отсутствіе жреческаго класса.

Жрецовъ не было въ языческой Руси; были одни только волхвы или кудесники.

Различіе между волхвомъ и жрецомъ. Волхвъ — это мудрецъ, знающій будущее, гадатель, знахарь, ближе смертнаго стоящій къ таинственнымъ силамъ природы, — къ божеству, какъ выразился бы вѣрующій язычникъ; жрецъ — избранникъ Бога, представитель на землѣ его интересовъ; знаніе и могущество жреца исходятъ непосредственно отъ Бога.

Волхвъ еще не жрецъ, но всякій жрецъ можетъ быть и волхвомъ. Волхвомъ можетъ назвать себя каждый, и поддерживать въ другихъ это убѣжденіе соотвѣтственными дѣйствіями; жрецомъ же можетъ стать только тотъ, кого изберутъ и признаютъ въ этомъ званіи особые люди, имѣющіе на то право; а гдѣ есть такіе люди, тамъ они не только поддерживаютъ религію, но также и разъясняютъ ее, даютъ болѣе отчетливое представленіе о сложившихся образахъ, стараются вкоренить убѣжденіе въ ихъ справедливость и возвышенность, — иными словами развиваютъ и укрѣпляютъ въ обществѣ религіозныя вѣрованія. Потому то тамъ, гдѣ нѣтъ жрецовъ, а одни волхвы, религіозныя понятія и представленія туманны и непрочны.

III. Варяги.

1. Кто такіе были варяги.

Варяги — это тѣ же норманны, что совершали, начиная съ IX вѣка, набѣги на Британію, Францію, Сицилію, Южную Италію, гонимые туда изъ скудно одаренной родины (Скандинавія, Ютландія) матеріальной нуждой, влекомые жаждою подвиговъ, удальствомъ и мыслью о легкой наживѣ. Они покидали свою родину отдѣльными, сравнительно небольшими дружинами или отрядами и, вернувшись домой, могли быть увѣрены, что найдутъ на мѣстѣ и домъ свой, и сородичей. Въ этомъ ихъ отличіе отъ франковъ, вандаловъ, вест — или остготовъ: тѣ, снимаясь со стараго селища, переселялись на новыя мѣста всѣмъ племенемъ, съ женами, дѣтьми, съ домашнимъ скарбомъ, со всѣми стадами скота и табунами лошадей; послѣ ихъ ухода оставалось пустое мѣсто, которое могли занять другія племена. Одни норманны шли на Западъ и извѣстны тамъ подъ этимъ именемъ (Nordmänner — сѣверные люди: таковыми были они для жителей Средней и Южной Европы), другіе выбирали Востокъ — этихъ обыкновенно звали (въ Византіи) *Βάραγγοι* — наемники, наемные солдаты.

2. Въ чемъ ихъ отличіе отъ норманновъ.

Но различіе между норманнами и варягами не въ одномъ названіи: норманны — преимущественно берсеркеры, удальцы, захватчики, морскіе пираты. Не даромъ появленіе ихъ въ Зап. Европѣ вызывало въ населеніи паническій страхъ; не даромъ тамъ сложилась молитва: «De furore Normannorum libera nos, Domine» (отъ ярости норманской избави насъ, Господи). Свободное для всѣхъ море позволяло норманнамъ проникать всюду и безнаказанно. Варягамъ же, наоборотъ, путь въ

Царьградъ лежалъ добрую половину по сушѣ, и, будь они исключительно шайкой грабителей и пиратовъ, прокладывай себѣ дорогу исключительно однимъ оружіемъ, имъ бы не добраться до Царьграда, а если и дойти, то значительно ослабленными въ силѣ и количествѣ. Между тѣмъ проѣздъ черезъ Русскую землю доставался имъ, сравнительно, легко — это потому, что изъ берсеркеровъ варяги превратились здѣсь въ дружинниковъ-торговцевъ: хотя и вооруженные съ головы до ногъ, они все же прокладывали себѣ путь не столько насиліемъ, сколько соглашеніемъ, связавъ свой личный интересъ съ интересомъ мѣстнаго населенія, и въ самую Византію приходили не столько грабить, сколько торговать, или нанимались тамъ, за плату, въ военную службу.

3. Двоякое положеніе варяговъ на Руси.

Не одна Византія притягивала варяговъ на Востокъ: извлечь себѣ пользу умѣли они и въ Русской землѣ, при чемъ и здѣсь, хотя не отказывались при случаѣ прибѣгать къ силѣ, шли на встрѣчу мѣстнымъ нуждамъ. При постоянныхъ своихъ междоусобицахъ русскіе искали и находили себѣ въ варягахъ военную помощь и содѣйствіе (на этой почвѣ могла возникнуть легенда о призваніи Рюрика съ братьями); большіе города (Новгородъ, Кіевъ), гдѣ выросъ богатый торговый классъ, цѣнили варяговъ, какъ военную охрану ихъ торговыхъ каравановъ. Такимъ образомъ роль варяговъ на Руси была двоякая: гдѣ они завоеватели (Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ; Рогволодъ полоцкій), а гдѣ военная наемная дружина. Но грубая сила въ ту пору значила много; такая дружина, естественно, пріобрѣла, въ лицѣ своего вождя, к о н у н г а, властный голосъ въ дѣлахъ общественныхъ, и въ результатѣ, наряду съ туземными племенными князьками (Малъ въ Древлянской землѣ), вскорѣ появились князья варяжскаго происхожденія (Рюрикъ, Олегъ) и взяли окончательный перевѣсъ надъ тѣми.

4. Появленіе варяговъ не было „завоеваніемъ“.

По добровольному ли соглашенію или насильно осѣдали варяги въ Русской землѣ, во всякомъ случаѣ появленіе ихъ тамъ не имѣло ничего похожаго на завоеваніе Зап. Римской Имперіи германскими племенами: тамъ цѣлое племя овладѣвало территоріей, захватывало власть, присвоивало себѣ земельныя богатства и, поработивъ туземное населеніе, лишивъ его правъ и свободы, становилось въ положеніе особаго привилегированнаго класса побѣдителей, при чемъ новая аристократія обыкновенно рѣзкой стѣною отграничивала себя отъ побѣжденныхъ. Въ Россіи, наоборотъ, даже въ лучшемъ случаѣ

варяги являлись ничтожною горсточкой, которая постепенно таяла въ массѣ туземнаго славянскаго населенія, заранѣе обреченная на безслѣдное исчезновеніе (уже внукъ Рюрика, Святославъ, носитъ чисто славянское имя). Сравн. аналогичное явленіе въ Нормандіи: норманскій элементъ-побѣдители распылился и тамъ; норманны приняли языкъ и культуру побѣжденныхъ французовъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе въ одномъ только названіи завоеванной ими области — Нормандіи.

5. Варяги-Русь и Русь-Земля.

Варяговъ наши предки называли Русью, Русскими (финское названіе: Руотси); названіе людей, дружинниковъ перенесено было потомъ на страну: самая земля стала тоже называться Русью, Русскою землею. Такимъ образомъ слѣдуетъ строго различать Русь-страну и Русь-людей: страна была славянская, люди — норманны, германскаго происхожденія. Здѣсь объясненіе, почему имена рѣкъ, горъ и урочищъ, равно и имена мѣстныхъ людей чисто славянскаго корня:

Волховъ, Ловать, Днѣпръ, Десна; Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, Любечъ, Переяславль; Боричевъ увозъ, Щековица, Хоривица; Кій, Щекъ, Хоривъ.

Имена же первыхъ князей и пословъ «отъ рода Рускаго», перечисленныхъ въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, наоборотъ, чисто скандинавскаго происхожденія:

Князья: Рюрикъ — Hrörekr; Синеусъ — Signiutr; Труворъ — Thorvadr; Олегъ — Helgi; Игорь — Jngvarr; Аскольдъ — Höskuldr; Диръ — Dyri.

Послы: Карлы, Инегелдъ, Фарлооъ, Веремудъ, Рулавъ, Фостъ, Шихбернъ, Турбернъ, Шибридъ, Турбидъ, Фурстѣнъ и проч.

Здѣсь также объясненіе и названіямъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя приводитъ императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи Византійской имперіи»: тѣ, что обозначены «по славянски», дѣйствительно, славянскаго корня:

Островунипрагъ, Неясыть, Вулнипрагъ, Веручи, Напрези; а тѣ, что обозначены «по русски», сразу выдаютъ свое скандинавское происхожденіе:

Ульборси, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ.

Исторія даетъ не одинъ примѣръ того, какъ чужое имя людей усваивалось страною, въ которой они появлялись: славянская Болгарія заимствовала свое имя отъ тюркскихъ болгаръ; французская Нормандія — отъ скандинавскихъ нор-

маннъ; иберо-романская Андалузія — отъ германцевъ-вандаловъ.

IV. Дѣятельность первыхъ князей.

1. Что положительнаго внесли они въ русскую жизнь.

Въ русской жизни варяги съиграли роль фермента: дрожжи заквасили муку и дали взойти тѣсту. До варяговъ начатки гражданственности уже существовали: племенная жизнь съ родовыми союзами; лѣсное и земледѣльческое хозяйство; торговля; города; но отсутствовалъ еще тотъ стержень, вокругъ котораго сгруппировалась бы работа русскихъ людей; и если общность интересовъ смутно уже сознавалась, то не проявились еще наружу реальныя силы, способныя вызвать ее къ жизни. Въ томъ и значеніе варяговъ, что это сознаніе общности своихъ интересовъ, обусловленной общею выгодой и общей опасностью, они, дѣйствительно, привили и воспитали въ русскихъ племенахъ, вмѣсто прежней жизни вразбродъ, указавъ общія цѣли и задачи. Этимъ заложенъ былъ первый камень въ томъ фундаментѣ, на которомъ позже сталъ строиться весь нашъ государственный порядокъ и бытъ. Какими же путями, какою работой достигли варяги этихъ результатовъ?

а) Объединеніе племенъ.

Оно совершилось, одновременно, насильственнымъ и мирнымъ путемъ. Въ орбиту русской жизни введены были: новгородскіе славяне и кривичи — при Рюрикѣ; поляне, древляне, сѣверяне, радимичи — при Олегѣ; вторично древляне — при Игорѣ и Ольгѣ; вятичи — при Святославѣ; вятичи вторично и радимичи — при Владимірѣ Св. Кромѣ того Олегъ пытался покорить тиверцевъ и уличей; Владиміръ — хорватовъ. Въ походахъ Олега принимали участіе, кромѣ покоренныхъ племенъ, также хорваты, дулѣбы, тиверцы и финская Меря и Весь; въ походахъ Игоря — тиверцы. . .

Князья вводили въ покоренныхъ областяхъ свое управленіе, набирали тамъ себѣ войско, собирали дань, творили судъ и расправу на основѣ справедливости, порядка и законности, и вообще клали начало гражданскаго правопорядка. Два столѣтія спустя послѣ Рюрика о племенахъ уже нѣтъ болѣе рѣчи: ихъ замѣнили области: Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская, Туровская, Волынская и т. д.

б) Оборона страны отъ внѣшнихъ враговъ.

Олегъ и Владиміръ строятъ города, т. е. возводятъ укрѣпленныя мѣста на границахъ со степью; съ Игоря начинается и почти безъ перерыва тянется борьба съ печенѣгами. Походы

Святослава на хозаръ, ясовъ и касоговъ имѣли, несомнѣнно, ту же цѣль: обезпечить населеніе Русской земли отъ враждебныхъ дѣйствій степныхъ народцевъ.

в) Охрана матеріальнаго благосостоянія страны (торговля).

Торговля вообще и въ частности съ Византіей велась еще до появленія первыхъ князей; теперь она стала значительно интенсивнѣй. Русскіе купцы въ Константинополѣ становятся обычнымъ явленіемъ, и князья берутъ на себя трудную задачу обезпечить имъ правильный и постоянный обмѣнъ товарами. Напрасно думать, будто походы князей на Византію были пиратскими набѣгами въ цѣляхъ легкой наживы: войны съ греками должны были силою оружія обезпечить русскимъ торговымъ людямъ то положеніе на византійскомъ рынкѣ, какого они тамъ домогались. Какъ логическій выводъ этихъ походовъ — договоры, заключенные съ греками (до насъ дошли лишь договоры Олега, Игоря и, неполный, Святослава). Во имя тѣхъ же цѣлей торговому каравану давалась во время пути военная охрана (особенно у Днѣпровскихъ пороговъ и близъ устьевъ Дуная — тамъ и тутъ противъ печенѣговъ).

2. Святославъ и опорные пункты на пути въ Византію.

Память народная надѣлила Святослава чертами богатыря, который проводитъ свою жизнь въ вѣчныхъ войнахъ и неустанныхъ походахъ; онъ живетъ въ суровой обстановкѣ, свои походы совершаетъ налегкѣ: безъ обоза, безъ шатровъ. Конскій потникъ и сѣдло въ головахъ составляли его ложе; звѣрина или говядина, испеченная на угольяхъ — его пищу. Стремительно, подобно барсу, кидался онъ на врага и, точно желая сознательно увеличить препятствія, заранѣе извѣщалъ о своемъ приходѣ, посылая сказать: «иду на васъ». Въ описаніи русской лѣтописи Святославъ напоминаетъ тѣхъ норманскихъ викинговъ, для которыхъ война, пролитая кровь, зарево пожаровъ составляли смыслъ и цѣль самой жизни. Но народное воображеніе схватило лишь внѣшнія черты; для него остался непонятнымъ скрытый смыслъ Святославовыхъ походовъ.

Крупная историческая личность можетъ всѣ силы свои отдать на достиженіе эгоистическихъ цѣлей, но она умѣетъ ихъ совмѣстить и неотдѣлимо слить съ благомъ общественнымъ, что собственно и даетъ ей право на видное мѣсто въ исторіи. Завоеванія Александра Македонскаго не только удовлетворяли личной жаждѣ подвиговъ и завоеваній, но содѣйствовали также культурному общенію азіатскаго Востока съ европейскимъ Западомъ, взаимному воздѣйствію двухъ культуръ. Юлій Цесарь, завоевывая Галлію, готовилъ себѣ средства для пред-

стоящей борьбы съ Помпеемъ и, дѣйствительно, приготовилъ ихъ: Галлія дала Цесарю возможность стать «первымъ» не только въ «деревнѣ», но и въ «городѣ». Но умеръ Цесарь, умерло его личное дѣло, а Галлія осталась, навсегда введенная въ орбиту міровой жизни.

Подобный же смыслъ, хотя и безъ такихъ же результатовъ, имѣла дѣятельность Святослава. Торговыя сношенія русскихъ купцовъ съ Византіей, вслѣдствіе ея удаленности, были сопряжены съ большою опасностью и затрудненіями; торговые караваны нуждались въ опорныхъ пунктахъ на длинномъ пути. Добыть эти опорные пункты явилось цѣлью тѣхъ войнъ, какія вели съ Византіей Святославъ и послѣ него Владиміръ (пытавшійся утвердиться въ Корсуни, на Таврическомъ полуостровѣ). Берегъ моря, на пути въ Византію, былъ всего необходимѣе, потому-то Святославъ такъ и старался утвердиться на нижнемъ Дунаѣ. Въ упорной борьбѣ императоръ Іоаннъ Цимисхій разрушилъ его планы; но удайся они Святославу, путь изъ Кіева въ Византію получилъ бы прочную точку опоры, а культурному воздѣйствію Греціи на полуварварскій народъ открылся бы болѣе широкій доступъ.

Судьба отнеслась къ Святославу значительно суровѣе, чѣмъ къ Александру и Цесарю, да и самъ онъ, конечно, ни по личнымъ средствамъ, ни по тѣмъ, что находились въ его распоряженіи, не стоялъ на уровнѣ съ названными великими дѣятелями древности; но видѣть въ немъ простого искателя приключеній, безшабашнаго рубаку и берсеркера по норманскому образцу, значило бы несправедливо отнимать у него мѣсто въ ряду тѣхъ, кто вложилъ свою долю участія въ трудномъ дѣлѣ домостроительства Русской земли.

3. Кіевъ, а не Новгородъ центръ дѣятельности первыхъ русскихъ князей.

Изъ сказаннаго выше должно быть ясно, почему центръ дѣятельности первыхъ русскихъ князей изъ Новгорода вскорѣ перенесенъ былъ на югъ, въ Кіевъ. Кіевъ не только лежалъ на торговой столбовой дорогѣ, но почти въ центрѣ Греческаго Воднаго пути, значительно ближе къ главному Византійскому рынку, и къ тому же близъ устьевъ Десны и Припяти, — двухъ рѣкъ, которыя, въ свою очередь, открывали удобные пути внутрь страны. Кіевъ всего дальше былъ выдвинутъ къ западу, въ сторону Польши и Венгріи, что̀ облегчало ему сношенія съ этими землями. Будучи расположенъ на границѣ Лѣсной и Степной полосы, онъ являлся удобнымъ складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ сѣвера (лѣсъ, мѣха, медъ, воскъ) и юга (скотъ, зерно). Все это дѣлало Кіевъ узломъ торговыхъ

сношеній. Кромѣ того близость степи, откуда слѣдовало постоянно ожидать нападеній, дѣлала Кіевъ важнымъ военнымъ пунктомъ: изъ далекаго Новгорода труднѣе было бы защитить Русскую землю отъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ «кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли» (Ключевскій); но къ этому слѣдуетъ добавить: Кіевъ, будучи главнымъ военнымъ оплотомъ противъ неспокойнаго степнаго юга, тому, въ чьихъ рукахъ находился онъ, предоставлялъ наилучшія средства для обороны страны.

V. Принятіе Христіанства.

Крещеніе Руси явилось актомъ политической мудрости со стороны Св. Владиміра. Человѣкъ большаго ума, русскій князь понялъ, что язычество стоитъ и станетъ, можетъ быть, навсегда серьезной помѣхою къ общенію съ культурной Европой, отгородитъ отъ нея молодую страну высокимъ заборомъ. Оставаться въ язычествѣ значило обречь себя на изолированную жизнь, отказаться навсегда отъ возможности войти въ семью европейскихъ народовъ. Такъ какъ культурная Европа олицетворялась въ ту пору для Россіи въ Греческой имперіи, то именно отсюда онъ эту религію и позаимствовалъ. Католическіе миссіонеры, добивавшіеся, чтобы русскій князь принялъ христіанство изъ рукъ римскаго первосвященника, не имѣли успѣха по той же самой причинѣ, по какой не нашла себѣ благопріятной почвы и пропаганда мусульманская и еврейская: папа ввелъ бы Владиміра и его страну въ кругъ Зап. Европы, съ которой у него въ ту пору не было почти никакого соприкосновенія. Короче говоря, Владиміру римская вѣра въ данную минуту была безполезна, и, практическій государственный умъ, Владиміръ взялъ новую вѣру оттуда, гдѣ это оказывалось всего выгоднѣе.

VI. Вліяніе Христіанства на русскую жизнь.

1. Возникаетъ новый общественный классъ-духовенство.

Это особый міръ: у него своя іерархія, свои правила и законы, свой кругъ лицъ и учрежденій, которыя онъ вѣдаетъ, судитъ или защищаетъ. Вообще рядомъ съ свѣтскимъ обществомъ возникаетъ новое, церковное.

Положеніе церкви опредѣлялось церковными уставами Владиміра Св. и Ярослава Мудраго, выработанными въ духѣ Номоканона, византійскаго свода церковныхъ правилъ и

законовъ о церкви, изданныхъ свѣтскою властью (русскій переводъ его извѣстенъ подъ именемъ Кормчей книги).

Вѣдѣнію (управленію) церкви подлежали:

1. Все духовенство, бѣлое и черное, а также церковнослужители.
2. Такъ наз. церковные или богадѣленные люди:
   а) странники, нищіе, калѣки;
   б) рабы, отпущенные на волю на поминъ души или по какому иному поводу.
3. Изгои (церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода, 1135 г.: «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ»).

Суду церкви подлежали:

1. Вся вышеперечисленная категорія лицъ, подлежавшихъ вѣдѣнію церкви.
2. Міряне, обвиняемые въ еретичествѣ или колдовствѣ — дѣяніяхъ противныхъ христіанскому вѣроученію; или оскорбившіе отца, мать, жену — нарушившіе чистоту семейныхъ отношеній, охрану которыхъ взяла на себя церковь.
3. Нѣкоторыя изъ преступленій уголовнаго характера: воровство, разбой. Послѣдняя категорія преступленій вѣдалась судомъ смѣшаннымъ, изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

2. Слагается новый взглядъ на общественныя отношенія.

Языческое общество опиралось на грубую силу, руководилось личнымъ интересомъ и ветхозавѣтнымъ правиломъ «око за око, зубъ за зубъ»; месть за обиду возведена была на степень нравственнаго долга: княгиня Ольга заслужила бы общее презрѣніе и на вѣкъ бы себя обезчестила, не отомсти она древлянамъ за смерть своего мужа. Рабъ считался вещью; въ основѣ семейной жизни лежалъ одинъ грубый эгоизмъ (умыканье женъ).

Христіанство, наоборотъ, проповѣдуетъ забвеніе обидъ, заботу о слабомъ и безпомощномъ. Всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» Русская церковь взяла подъ свою защиту: люди, выброшенные изъ общества, потерявшіе связь съ нимъ (изгои), больные, безсильные находили себѣ у нея покровительство. Отъ церкви русскій человѣкъ впервые узналъ о существованіи «ближняго»; рабъ пересталъ быть вещью — онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, такое же созданіе «по образу и подобію Божію». Церковь облагородила семейную жизнь,

положивъ въ основу ея духовное единеніе и сознаніе взаимнаго долга, искореняя обычаи умыканія и многоженства. Вообще христіанство внесло въ общественную жизнь новые идеалы, измѣнило самыя понятія о морали, представленія о правѣ и долгѣ, и грубую силу подчинило требованіямъ нравственнаго закона.

3. На ряду съ міромъ земныхъ интересовъ народился міръ интересовъ духовныхъ (монастыри).

Язычество знало одни лишь земные интересы: личное счастье, славу и власть, торжество надъ врагомъ, матеріальное довольство, богатство — христіанство, наоборотъ, презрѣвъ блага земныя, проводитъ въ жизнь новый идеалъ: блага царства небеснаго. Этихъ благъ можно достигнуть, лишь уйдя изъ міра и посвятивъ себя Богу, служа Его завѣтамъ. Нравственное самосовершенствованіе, безкорыстіе, довольство малымъ, постоянное пребываніе въ трудѣ, самоотверженная забота о ближнемъ — вотъ на чемъ должна быть построена наша жизнь. Такъ возникли монастыри, а съ ними особый классъ людей — монашество.

Слѣдуетъ различать два типа монашества: пустынножительство и общежитіе. Пустынники самымъ реальнымъ образомъ разрывали съ міромъ и, не заботясь о немъ, думали лишь о спасеніи собственной души. Монастыри же общежительные «міръ» понимали, какъ «суету земную», и, отрекаясь отъ послѣдней, отъ самого міра не отвертывались, посвящали свои силы на служеніе ему, стараясь перевоспитать его въ духѣ завѣтовъ Христа. Вотъ почему монастыри этого типа явились каѳедрой христіанскаго ученія, воспитательной школою, разсадникомъ просвѣщенія, благотворительнымъ учрежденіемъ. Такая роль создала имъ чрезвычайно высокое и авторитетное положеніе въ древне-русскомъ обществѣ. Начало было положено Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Родоначальникъ позднѣйшихъ русскихъ монастырей, онъ далъ своихъ проповѣдниковъ и мучениковъ на далекомъ сѣверѣ, еще не тронутомъ свѣтомъ христіанства; ставъ средоточіемъ умственной жизни, онъ выросъ въ своего рода палладіумъ русскаго православія. Здѣсь было положено начало книжному просвѣщенію; здѣсь появились первые церковные писатели и первая исторія Россіи. Печерскій монастырь сталъ нравственной силою, и къ голосу его иноковъ прислушивались сами князья, не всегда рѣшаясь идти наперекоръ имъ.

4. Привносится идея единодержавной и самодержавной власти государя.

Восточная церковь выросла изъ тѣснаго союза съ свѣтской властью, подъ впечатлѣніемъ великихъ услугъ, оказанныхъ

ей греческими императорами. Дѣйствительно, Константинъ Великій и его преемники помогли христіанской церкви стать на ноги, восторжествовать надъ язычествомъ, оказывали ей могущественную поддержку въ борьбѣ съ многочисленными ересями, обезпечили матеріальное ея положеніе; принимая живое участіе въ ея дѣлахъ, они созывали церковные соборы, своимъ авторитетомъ давали силу ихъ рѣшеніямъ. Все это воспитало византійское духовенство въ чувствѣ извѣстной зависимости и подчиненности. Въ ихъ глазахъ императоръ сталъ единымъ законнымъ источникомъ жизни на землѣ. Онъ — ставленникъ Бога, Его помазанникъ, верховный покровитель вселенской церкви, и за свои дѣйствія отвѣчаетъ лишь передъ Богомъ, вручившимъ ему власть на землѣ. Противодѣйствовать волѣ императора — значитъ идти противъ воли Божіей, совершить тяжкій грѣхъ. Самъ патріархъ совершилъ бы преступленіе, если бъ допустилъ себя до подобнаго шага.

Высокое представленіе о носителѣ свѣтской власти перенесено было греческимъ духовенствомъ и въ Древнюю Русь. Русскій князь, конечно, не императоръ, но онъ именно носитель государственной власти, и этого достаточно, чтобы церковь постоянно проводила въ сознаніе русскаго общества идею безусловнаго повиновенія своимъ государямъ. Уже Владиміра Святого епископы величаютъ царемъ и самодержцемъ, говоря ему: «ты поставленъ отъ Бога»; Лука Жидята такъ поучаетъ народъ: «Бога бойтеся, князя чтите: мы рабы во-первыхъ Бога, а потомъ государя»; та же мысль и въ поученіи митр. Никифора Владиміру Мономаху: «князья избраны отъ Бога; Онъ царствуетъ на небесахъ, а князю опредѣлено царствовать на землѣ». Правда, привился этотъ взглядъ не скоро и не сразу; видимые результаты его скажутся лишь въ Московскій періодъ; но, подобно тому, какъ «капля точитъ камень» (gutta lapidem cavat), такъ и эта идея со временемъ дастъ свои плоды и окажетъ сильное вліяніе на ростъ государственной власти въ Россіи.

5. Отношеніе къ азіатскому Востоку.

Принятіе христіанства положило рѣзкую грань между новообращенною Русью и азіатскимъ міромъ — языческимъ, позднѣе магометанскимъ. Этотъ міръ съ самаго начала и во все продолженіе русской исторіи былъ сосѣдомъ Русской земли; всегда враждебный, онъ являлся постоянной угрозою ея существованію, а послѣ татарскаго нашествія сталъ даже властелиномъ на цѣлые вѣка. Ставъ христіанами и признавая въ себѣ людей, обладающихъ единой истинной вѣрой, русскіе люди уже съ тѣхъ поръ почувствовали свое превосходство надъ этимъ восточно-азіатскимъ міромъ п о г а н ы х ъ людей. «Это

чувство превосходства, соединившееся съ извѣстнымъ отвращеніемъ, не исчезало даже во время вѣкового ига, держало побѣжденныхъ вдалекѣ отъ побѣдителей и въ концѣ концовъ въ сильной мѣрѣ было залогомъ самаго освобожденія» (Пыпинъ).

6. Отношеніе къ Римской церкви.

Если новая религія отгородила русскихъ отъ міра азіатскаго, не-христіанскаго, то тоже неодолимую стѣну воздвигла она и между православной Россіей и католическимъ Западомъ. Хотя въ пору Владиміра Св. христіанская церковь формально еще не раскололась на Восточную и Западную (это совершилось въ 1054 г.), но путь къ расколу уже обозначился: обѣ церкви къ этому времени сложились, какъ два особыхъ и враждебныхъ одинъ другому міра; римскій первосвященникъ уже поставилъ вопросъ о приматѣ и въ сферѣ церковной, и въ сферѣ мірской жизни, что неизбѣжно вырывало глубокую пропасть между Римомъ и Константинополемъ.

1. Восточная церковь окрѣпла подъ покровительствомъ свѣтской власти и привыкла видѣть въ ней выраженіе божественной воли (см. выше, п. 4); авторитетъ же римскихъ папъ выросъ независимо отъ нея. Постепенно папы привыкли держать себя самостоятельно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда находили дѣйствія и предписанія византійскихъ государей несправедливыми (наприм. въ дѣлѣ иконоборства), прямо отказывали имъ въ повиновеніи. Принявъ изъ рукъ Пипина Короткаго Равенскій экзархатъ, по праву принадлежавшій восточнымъ императорамъ, они и не думали возвращать его имъ. Если власть папы, «намѣстника Христа», «выше всякой другой власти», то эти «другія власти» должны подчиняться ей — вотъ положеніе, глубоко вкоренившееся въ Римской церкви. На этой почвѣ должно было неизбѣжно произойти столкновеніе двухъ властей, мірской и духовной. Еще со времени коронованія Карла Великаго (800) Римская церковь стала проводить мысль, что «римскій императоръ и папа суть два меча, посланные Богомъ на землю для защиты и торжества христіанства: мечъ духовный врученъ папѣ, мечъ свѣтскій — императору». Отсюда оставался лишь одинъ шагъ (его и сдѣлаетъ Иннокентій III въ XIII ст.), чтобы заявить: «такъ какъ задача, возложенная на эти мечи, чисто духовнаго характера, то отъ папы, а не отъ императора зависитъ, какое направленіе дать имъ. Мечъ духовный выше меча свѣтскаго».

2. Другая черта, рѣзко отдѣлявшая Восточную церковь отъ Западной — рознь религіозная. Западный догматъ filioque на Востокѣ не признавался; къ причастію подъ обоими видами здѣсь допускали не одно духовенство, но и міряиъ.

Многіе обряды церковные тоже сложились различно: запричастный хлѣбъ для проскомидіи на Востокѣ готовился квасный, на Западѣ — употреблялись опрѣсноки. Иконостасъ въ восточныхъ церквахъ; органъ при богослуженіи въ западныхъ; форма построенія храмовъ (латинскій и греческій крестъ) — все это уже тогда довольно замѣтно обособило «православнаго» отъ «католика», полемическая же литература усиленно питала эту обособленность.

Такимъ образомъ духъ непріязни, взаимнаго недовѣрія и вражды уже тогда охватилъ обѣ церкви, и христіанство пришло въ Древнюю Русь со взглядомъ на Западную церковь, какъ на «латинскую», т. е. нечистую и полную заблужденій. Русскіе люди стали воспитываться въ отчужденіи и ненависти къ Западной церкви и ко всему тому, что съ нею было связано, приравнивать латинство къ «поганому» язычеству. Такая нетерпимость сдѣлала невозможнымъ вліяніе западной образованности въ Древней Руси, къ явному ущербу послѣдней, такъ какъ Западная церковь въ ту пору была большою культурною силою: школа, просвѣщеніе, письменность, литература, богатое наслѣдіе, доставшееся отъ Древняго міра, нашли въ ней разностороннее истолкованіе. Вслѣдствіе этого культурная мысль Запада осталась внѣ круга русскаго мышленія, которому долгое время, почти до времени Петра Великаго, пришлось воспитываться исключительно на однихъ византійскихъ образцахъ и идеалахъ.

Примѣчаніе. Мы видѣли, какъ громадны были послѣдствія того, что христіанство пришло въ Россію изъ Византіи, не изъ Рима. Для лучшаго уразумѣнія этихъ послѣдствій полезно уяснить себѣ: Что создало привилегированное положеніе римскихъ папъ въ Западной церкви и что дало имъ основаніе притязать на главенство во всемъ христіанскомъ мірѣ. Причины были разныя:

а) Политическое обаяніе Рима-города. Не въ примѣръ другимъ городамъ, Римъ былъ «вѣчный» городъ, со временъ римлянъ столица міра, Urbs, не oppidum, т. е. городъ изъ городовъ. Одно уже это повышало римскаго епископа, имѣвшаго здѣсь свою резиденцію, и выдѣляло его изъ среды остальныхъ «провинціальныхъ» епископовъ.

б) Въ сферѣ религіозной папа явился своего рода наслѣдникомъ римскихъ императоровъ. Римскій императоръ въ языческую пору былъ государемъ не только свѣтскимъ (caesar, augustus, imperator), но и духовнымъ (pontifex maximus). Перенесеніе столицы на Востокъ, въ Константинополь, поставило папу, въ областяхъ, гдѣ императорской власти не было на лицо, въ положеніе преемника императора по дѣламъ

религіи, что и нашло свое выраженіе въ принятіи того же титула: pontifex maximus. Самое царствованіе папы обыкновенно называется понтификатомъ.

в) Своего рода наслѣдникомъ римскаго императора явился папа и въ сферѣ мірской жизни. Италія, подъ гнетомъ постоянныхъ варварскихъ вторженій, особенно нуждалась въ защитѣ и властной рукѣ, способной остановить разрушительный потокъ, или по крайней мѣрѣ ослабить его пагубныя дѣйствія. За отсутствіемъ на лицо верховной свѣтской власти, папа, силою вещей, становился единственнымъ авторитетнымъ представителемъ христіанскаго населенія, единственнымъ, кто могъ дать ему эту защиту и охранить его интересы. Конечно, защита папъ могла быть только моральною, но тѣмъ сильнѣе дѣйствовала она своимъ успѣхомъ на умы современниковъ, тѣмъ болѣе повышала въ глазахъ благодарнаго населенія представителя церкви.

г) Религіозное значеніе Рима. Римская церковь основана была, по преданію, двумя самыми главными и видными апостолами, Петромъ и Павломъ, что особенно возвысило ее надъ остальными церквами. Слова, обращенныя Спасителемъ къ апостолу Петру: «Ты еси Петръ и на камени семъ созижду церковь Мою», толковались въ томъ смыслѣ, что церковь, основанная Петромъ, есть основной фундаментъ церкви христіанской, и что самъ онъ, апостолъ Петръ, есть намѣстникъ Христа; а такъ какъ папы, по званію епископа, получили власть преемственно отъ Петра, то черезъ него и они стали намѣстниками Христа.

д) Неукоснительное православіе папъ. Въ то время какъ на Востокѣ III—IX вѣка были эпохой нескончаемыхъ богословскихъ споровъ и уклоненій отъ православія, Западъ сохранилъ себя отъ ересей (кромѣ ереси павликіанъ, мѣстнаго происхожденія, всѣ остальныя занесены со стороны, съ Востока). Многіе изъ восточныхъ патріарховъ впадали въ заблужденіе, римскіе же папы, наоборотъ, оставались постоянно неуклонными хранителями православія; особенно проявили они чистоту своихъ вѣрованій во время иконоборства, выступая ревностными защитниками почитанія иконъ (Григорій II и Григорій III).

е) Личныя заслуги папъ (Левъ I, Григорій I). Остановлено нашествіе Аттилы; франки, англосаксы и племена, жившія въ Германіи, обращены въ христіанство; вестготы, бургунды, лонгобарды обращены изъ аріанства въ православіе.

ж) Территоріальные размѣры папскаго вліянія. Обращеніе главнѣйшихъ германскихъ племенъ въ христіанство или въ православіе поставило мѣстныя церкви въ варварскихъ государствахъ въ положеніе дочерей къ Римской церкви-матери. Ихъ создалъ папа, за нимъ и право руководить ими.

Попытки мѣстныхъ церквей отстоять свою независимость кончились неудачею (Францiя, Миланъ, Равенна, Аквилея). Такимъ образомъ Западная и Сѣверная Европа съ центральною ея частью образовала какъ бы одну громадную епархiю подъ властью и верховнымъ наблюденiемъ римскаго епископа.

з) Образованiе папской области. Начало свѣтской власти папъ положено было въ 728 г., когда лонгобардскiй король Лiутпрандъ подарилъ папѣ Григорiю II во владѣнiе маленькiй городокъ Сутри; но настоящимъ свѣтскимъ государемъ сдѣлался папа въ 756 г., когда франкскiй король Пипинъ Короткiй подарилъ папѣ Стефану II отнятый имъ у лонгобардовъ Равенскiй экзархатъ. Съ тѣхъ поръ къ авторитету духовному присоединился еще авторитетъ свѣтскаго владыки.

и) Юридическое оправданiе духовнаго примата и свѣтской власти папъ. Возникновенiе свѣтской власти по милости франкскаго короля казалось недостаточно почетнымъ, и въ VIII и IX в. в. составлены были два акта, такъ называемые Даръ Константина (Donatio Constantini) и Исидоровы (Лжеисидоровы) Декреталiи. Хотя тотъ и другой документы оказались подложными, но въ свое время (въ теченiе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ) ихъ считали достовѣрными и считались съ ихъ постановленiями. 1. Даръ Константина. Константинъ Великiй, принявъ крещенiе отъ папы Сильвестра, въ знакъ своего духовнаго подчиненiя и въ благодарность за исцѣленiе отъ слѣпоты, передъ тѣмъ поразившей его, подарилъ папѣ знаки императорскаго достоинства, Латеранскiй дворецъ, городъ Римъ, Италiю и всѣ западныя страны, призналъ его главенство надъ патрiархами александрiйскимъ, антiохiйскимъ, iерусалимскимъ и константинопольскимъ, самъ же перенесъ свою столицу на Востокъ: не подобаетъ-де главѣ имперiи жить тамъ, гдѣ живетъ глава церкви. 2. Декреталiи, сборникъ разнаго рода документовъ (писемъ, постановленiй, въ томъ числѣ и «Даръ Константина»): папская власть выше всего на свѣтѣ; папа — единый охранитель мира въ церкви; ему принадлежитъ право суда надъ епископами; ему подчинены соборы, императоръ; самъ же онъ не подлежитъ ничьему суду.

VII. Просвѣщенiе въ Древней Руси.

1. Бѣдность просвѣщенiя.

За Владимiромъ Св. и Ярославомъ Мудрымъ громадная заслуга — насадителей въ Русской землѣ просвѣщенiя. Вводя и укрѣпляя христiанство, т. е. вводя русскаго человѣка въ кругъ европейскихъ народовъ, Владимiръ понялъ необходимость привить ему также и гражданскую культуру грековъ:

перенять ихъ образованность и знанія, — иначе говоря, не только сдѣлать русскихъ христіанами, но и поставить ихъ на ту же ступень образованія, на какой стояли тогдашніе греки, снабдить молодыя силы, призванныя къ новой жизни, реальными средствами въ предстоящей борьбѣ и охранѣ своей національности и государственности. Съ этою цѣлью заводятся школы, привлекаются дѣти лучшихъ гражданъ къ ученію, даже привозятся въ Кіевъ «два мѣдныхъ болвана и четыре мѣдныхъ коня», вѣроятно, какіе-нибудь памятники древней скульптуры. Дѣло Владиміра продолжалъ Ярославъ, тоже заводившій школы, строившій церкви и выписывавшій съ этою цѣлью изъ Греціи мастеровъ-строителей и художниковъ. Ярославъ занимался переводомъ греческихъ книгъ, основалъ первую на Руси библіотеку. По выраженію лѣтописи, Владиміръ «взоралъ и умягчилъ» Русскую землю, просвѣтивъ ее крещеніемъ, а сынъ его «насѣялъ книжными словесы сердца вѣрныхъ людей».

Но подражателей первые наши князья-христіане себѣ не нашли, и просвѣщеніе, насажденное ими, корней не пустило — цѣль, поставленная русскому обществу, оказалась ему еще не по силамъ. Просвѣщеніе продолжало насаждаться, но исключительно церковное; школы дальше простой грамотности не пошли; литература, обогащаясь количественно, была переводная или подражательная, лишенная самостоятельности; а поученія, съ которыми обращалось къ народу духовенство, — простымъ сколкомъ съ византійскихъ образцовъ. Исключеніе — «Слово о законѣ и благодати», митр. Иларіона, блестящее ораторское произведеніе, полное внутренней силы краснорѣчія, глубины чувства и воодушевленія, несомнѣнное свидѣтельство о совершенномъ знаніи ораторскаго искусства, какъ школьной науки. Но одна ласточка еще не дѣлаетъ весны; оазисъ въ пустынѣ еще не дастъ жизни безплоднымъ пескамъ. Мірская литература до XVI в. почти отсутствовала (Поученіе Владиміра Мономаха, Слово Даніила Заточника, путешествія Даніила и другихъ паломниковъ), а поэтическая мысль, если и дала цѣнные образцы художественнаго творчества (былины, Слово о Полку Игоревѣ, Слово о погибели Русскія земли, Задонщина), все же **просвѣщенія** собою еще не выражала. **Научнаго** движенія не существовало въ Древней Руси ни въ Кіевскій, ни въ Московскій періоды; знанія техническія ограничивались одною архитектурой, главнымъ образомъ церковной.

А между тѣмъ на Западѣ въ это время, хотя церковь и тамъ наложила на просвѣщеніе свой религіозно-церковный отпечатокъ, въ университетахъ разрабатывались: философія, богословіе (Парижъ), римское право (Болонья), медицина (Салерно); католичество, какъ вѣроученіе, подверглось всестороннему изученію («Summa theologiae» Ѳомы Аквинскаго);

народилась схоластика — стройная система научнаго мышленія; даже въ тѣсной сферѣ монашеской жизни наблюдается большое разнообразіе ея формъ (ордена бенедиктинскій, францисканцевъ, доминиканскій); наконецъ, соприкосновеніе съ арабами тоже не мало расширило умственный горизонтъ западноевропейскаго человѣка (алгебра, медицина, географія, поэзія, искусство, философія).

2. Какія были тому причины.

Какія были тому причины? Народы Зап. Европы, занявъ земли Римской имперіи, смѣшавшись съ туземнымъ населеніемъ и воспринявъ его культуру (романизація), были живымъ и непрерывнымъ продолженіемъ древнихъ римлянъ; поэтому на Западѣ живая традиція просвѣщенія никогда не прерывалась; просвѣщеніе могло временами падать и потухать, но никогда не умирало. Пытливый духъ человѣка тамъ никогда не угасалъ. Вообще на Западѣ наблюдается извѣстная преемственность классическаго міра: толчекъ къ умственной работѣ и матеріалы къ ней даны были уже предварительно; огонь тлѣлъ подъ пепломъ и только ждалъ, чтобъ его раздули. На Руси, наоборотъ, не было самого огня, и чтобъ добыть его, требовались особыя усилія и работа. Въ лицѣ Карла Великаго Западъ воскресилъ старую имперію, сталъ ея продолжателемъ и тѣмъ самымъ принялъ на себя нравственную обязанность позаботиться о самомъ главномъ, что завѣщалъ ему древній Римъ — о просвѣщеніи. На Руси подобный нравственный стимулъ отсутствовалъ. Русскій народъ жилъ на окраинѣ культурнаго міра, непосредственнаго соприкосновенія съ наслѣдіемъ древней цивилизаціи не имѣлъ; завести просвѣщеніе было ему много труднѣе; необычайно-трудно было и взростить его. Постоянныя усобицы князей и татарское иго, въ свою очередь, сильно тормозили просвѣщеніе народное.

VIII. Памятники духовной культуры. 862—1054.

А. Ранѣе 862 г.

1. Чертомлыцкая серебряная ваза, тонкой греческой работы IV в. до Р. Хр.; найдена въ 1863 г. въ Чертомлыцкомъ курганѣ (гробница скиѳскаго царя), на югѣ Россіи, близъ Днѣпровскихъ пороговъ; съ изображеніемъ скиѳовъ, укрощающихъ дикихъ коней (хранится въ Эрмитажѣ).

2. Кульобская ваза, изъ электрона (смѣсь золота и серебра), греческой работы III—IV в. до Р. Хр.; найдена въ 1831 г. въ курганѣ Куль-Оба, близъ Керчи, въ царскомъ могильникѣ; съ изображеніемъ сценъ изъ скиѳской жизни (Эрмитажъ).

3. Траянова колонна, въ Римѣ; въ честь побѣдъ императора Траяна надъ даками; начало II в. по Р. Хр., съ изображеніемъ сценъ изъ борьбы римлянъ съ даками-славянами.

NB. Нѣкоторые ученые находятъ въ изображеніяхъ этихъ двухъ вазъ и колонны (одежда, вооруженіе, прическа, жилье) сходныя бытовыя черты изъ русской жизни въ начальную эпоху русской исторіи.

В. 862—1054.

1. Церковный уставъ Владиміра Св.
2. Церковный уставъ Ярослава Мудраго.
3. Русская Правда Ярослава М., дополненная его сыновьями и внуками.
4. «Поученіе къ братіи» новгородскаго епископа Луки Жидяты, перваго епископа изъ русскихъ: первое литературное произведеніе русскаго пера, 1035 г.
5. «Слово о законѣ и благодати» митр. Иларіона; образцовое по ораторскому искусству, по силѣ воодушевленія и задушевному краснорѣчію, 1037—1050 г.

Съ религіей на Русь перешла изъ Византіи и церковная архитектура; готовыхъ національныхъ формъ здѣсь она не нашла никакихъ, вотъ почему первые русскіе храмы строятся совершенно по образцу византійскихъ (планъ — т. наз. греческій крестъ, т. е. прямоугольникъ, близкій къ квадрату). Не то въ Зап. Европѣ: тамъ еще раньше, въ языческую пору, выработался типъ базилики, длиннаго прямоугольника — типъ этотъ полностью вошелъ въ архитектуру католическихъ церквей (т. наз. латинскій крестъ).

6. Церковь Св. Василія, въ Кіевѣ — первая церковь, построенная Владиміромъ Св., на холмѣ, гдѣ раньше стоялъ идолъ Перуна. Сохранилась только алтарная часть. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ Трехсвятительская церковь.
7. Десятинная церковь, въ Кіевѣ, 989—996 г.; украшена была мозаикой и стѣнною живописью (фресками). Сохранился одинъ только фундаментъ, да и тотъ закрытъ позднѣйшею перестройкою.
8. Софійскій соборъ, въ Кіевѣ, 13-тиглавый; обилуетъ фресками и мозаикой. Фресокъ сохранившихся — 625 фигуръ: событія изъ Свящ. Писанія, изображенія святыхъ, бытовыя сцены свѣтскаго содержанія. Главнѣйшія мозаики: колоссальное изображеніе Божіей Матери «Нерушимая Стѣна», надъ горнимъ мѣстомъ; таинство Евхаристіи; Благовѣщеніе; Христосъ-Вседержитель (Пантократоръ). Соборъ заложенъ въ 1037 г.

9. Софійскій соборъ, въ Новгородѣ, 1045—1052 гг., типичная византійская церковь съ куполомъ, на 4 квадратныхъ столпахъ. Позднѣйшія пристройки и передѣлки отняли у собора его первоначальный византійскій характеръ, придавъ ему чисто русскій колоритъ: 5 позолоченныхъ главъ; бѣлыя, гладкія стѣны безъ украшеній; цвѣтная живопись надъ входомъ. Какъ и въ Кіевской Софіи, и въ этой есть фрески, но онѣ хуже сохранились и не такъ совершенны, какъ тѣ.

Примѣчаніе. Оба храма, кіевскій и новгородскій, построены въ честь Св. Софіи. «Софія» означаетъ: «Премудрость — слово Божіе». Она обозначалась двояко: въ видѣ Богоматери (Кіевъ: «Нерушимая Стѣна») или въ видѣ крылатаго ангела съ огненнымъ лицомъ, въ царскомъ вѣнцѣ и одѣяніи, на золотомъ престолѣ (Новгородъ).

---

10. Пара турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро, съ орнаментомъ, русской (кіевской) работы второй половины X в.; найдена въ курганѣ «Черная Могила» Черниговской губ. (Эрмитажъ).

Эпоха вторая. 1054–1462.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАГО ЦЕНТРА.

А. КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ. 1054—1169.

— —

I. Характеристика Кіевскаго періода.

Внутренняя исторія Россіи за это время опредѣлялась взаимодѣйствіемъ двухъ силъ: населенія и княжеской семьи (потомство Владиміра Св.), а потому Кіевскій періодъ можно назвать временемъ вѣчевой дѣятельности и родовыхъ отношеній. Въ исторіи внѣшней главнымъ факторомъ были половцы. Такимъ образомъ основное содержаніе Кіевскаго періода сводится къ: а) княжескимъ междоусобицамъ и б) борьбѣ со степью.

II. Составъ Русской земли.

Земли (области, княжества) и коренное ихъ населеніе (племена).

По бассейну озеръ Ильменя и Чудскаго:

1. Новгородская земля съ Псковскою (Ильменскіе кривичи, иначе: Новгородскіе славяне).

По бассейну Зап. Двины:

2. Полоцкая земля (кривичи).

По бассейну Днѣпра:

3. Смоленская земля (кривичи).
4. Кіевская земля (поляне и древляне) съ Туровской землею (дреговичи).
5. Чернигово-Сѣверская земля, по Деснѣ и Сейму (сѣверяне и радимичи).
6. Переяславская земля, выдѣлилась изъ Чернигово-Сѣверской.
7. Волынская земля (дулѣбы, иначе: волыняне; бужане, дреговичи).

По бассейну Днѣстра:

8. Галицкая земля (бѣлые хорваты).

По бассейну Волги и Оки:

9. Суздальская земля (новгородскіе колонисты въ землѣ Веси и Мери).
10. Муромо-Рязанская земля (вятичи).

Волынская земля, кромѣ Днѣпра, лежала частью и въ бассейнѣ р. Днѣстра — отсюда ея историческая связь не только съ Кіевомъ, но и съ Галицкой землею.

Муромо-Рязанская земля занимала исключительно бассейнъ р. Оки — отсюда ея выдѣленіе изъ Черниговo-Сѣверской, въ составъ которой она раньше входила; выйдя изъ чуждой ей области Днѣпра, она выдѣлилась въ самостоятельную область.

III. Составъ населенія Русской земли.

1. Духовный классъ: бѣлое и черное духовенство. Сюда можно отнести и тѣхъ мірянъ, которые подлежали вѣдѣнію церкви: богадѣленные или церковные люди и изгои (см. выше, «Зарожденіе Русск. гос.», VI, 1).

2. Земскіе бояре, иначе: лучшіе люди (рѣже: огнищане): высшій классъ населенія по происхожденію и матеріальному благосостоянію (крупные землевладѣльцы).

3. Княжеская дружина: ближайшіе сотрудники князя по управленію и веденію домашняго хозяйства и военнаго дѣла. Съ дружиной князь управляетъ, судитъ, ходитъ на войну. Дружина всегда при князѣ и слѣдуетъ за нимъ при перемѣщеніи его съ одного княженія на другое. Взаимныя отношенія очень тѣсныя, на основѣ взаимнаго довѣрія и свободнаго соглашенія: любой дружинникъ въ любую минуту могъ покинуть князя.

а) Старшая дружина: княжи мужи или княжи бояре - главнѣйшіе сотрудники и совѣтники по управленію войскомъ и княжествомъ.

б) Младшая дружина: гридь (общее наименованіе). Ее составляли:

1. Отроки — домашніе слуги князя.
2. Дѣтскіе — ступенью выше: главная военная сила князя.
3. Дворяне — слуги на княжомъ дворѣ.

Отличіе княжескихъ служилыхъ бояръ (старшей дружины) отъ бояръ земскихъ заключалось въ томъ, что земскіе бояре были туземнаго, а эти — пришлаго, иноземнаго (варяги) происхожденія. Но послѣ Ярослава М. оба элемента, земскій и слу-

жилый, слились и образовали одинъ боярскій классъ. Боярство не было сословіемъ или привилегированной корпораціей: бояриномъ могъ стать каждый по личнымъ качествамъ или заслугамъ. — Иначе на Западѣ. Завоеваніе и порабощеніе туземнаго населенія создало тамъ военно-земледѣльческую аристократію, которая отгородилась отъ остальныхъ привилегіями, возведенными на степень закона. На Руси преобладающее положеніе бояръ опиралось лишь на фактическое существованіе такого преобладанія, что всегда могло измѣниться; на Западѣ же тамошній феодалъ и сеньеръ опирались на свои юридическія права.

4. Градскіе люди: городское населеніе подъ разными наименованіями: люди, мужи, гости (иноземные купцы), купцы (послѣднія двѣ категоріи — торговый классъ); черные люди — низшій слой горожанъ. Городское населеніе, въ отличіе отъ смердовъ, свободно было отъ платежа княжеской дани. Горожаниномъ могъ сдѣлаться всякій свободный человѣкъ.

5. Смерды: сельское населеніе, живущее на общинныхъ земляхъ или принадлежащихъ частнымъ лицамъ (боярамъ). Это былъ самый многочисленный классъ населенія, главные поставщики людей въ войско и плательщики князю дани.

6. Закупы, иначе наймиты: полусвободный, ограниченный въ своихъ правахъ классъ населенія. Закупъ — это сельскій рабочій, поселившійся на чужой хозяйской землѣ и обработывающій ее съ помощью хозяйскаго инвентаря, — вообще должникъ, неуспѣвшій еще выплатить своего долга. Хозяинъ могъ тѣлесно наказывать закупа за его вину, даже продать его въ рабство, если тотъ, причинивъ кому матеріальный вредъ, не могъ возмѣстить убытковъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ отвѣчалъ передъ истцомъ хозяинъ.

7. Несвободные: холопы, иначе: челядь, рабы. Холопами становились:

а) плѣнники;

б) неисправные должники;

в) лица, родившіяся отъ холоповъ;

г) всякій, женившійся на рабѣ;

д) всякій, добровольно продавшійся въ рабство (въ голодные года родители, по неимѣнію средствъ прокормить своихъ дѣтей, часто продавали ихъ въ рабство).

8. Инородцы:

а) варяги — они ассимилировались уже въ XI ст. и совершенно слились съ туземнымъ населеніемъ;

б) половцы (раньше хозары, печенѣги), проникшіе на южную окраину частью мирнымъ путемъ, частью насильственно. Родственные имъ торки или черные клобуки

(берендеи), замиренные и перешедшіе на положеніе полукочевое, составили на степной окраинѣ сплошное военное населеніе, — оплотъ противъ половецкихъ вторженій.

в) финскія племена Весь и Меря въ Суздальскомъ краѣ.

IV. Государственный строй.

1. Органы власти.

А) Князь.

а) Какъ добывалась княжеская власть:

1. Наслѣдованіемъ, въ порядкѣ старшинства членовъ княжескаго рода («родовая лѣствица»). Это былъ идеальный порядокъ согласно родовымъ воззрѣніямъ вѣка.

2. Избраніемъ народнымъ (призваніе по постановленію вѣча).

3. Захватомъ вооруженною рукой.

б) Функціи князя:

Онъ управляетъ княжествомъ;
отправляетъ судъ;
законодательствуетъ;
становится во главѣ войска и руководитъ военными дѣйствіями.

Б) Вѣче (Народное собраніе).

а) Составъ вѣча: полноправные граждане старшаго города, міряне и духовные; не исключалось однако и участіе пригородовъ. Дѣти при отцахъ на собраніи не участвовали.

б) Право созыва: обыкновенно созывалъ вѣче князь; созваніе его самимъ народомъ, отдѣльными лицами обыкновенно означало несогласіе и раздоръ съ княземъ.

в) Функціи вѣча:

1. Избраніе и призваніе князя.
2. Заключеніе съ нимъ ряда, т. е. договора объ условіяхъ избранія.
3. Изгнаніе неугодныхъ князей.
4. Рѣшеніе о войнѣ — выставлять ли народное ополченіе для совмѣстнаго дѣйствія съ княжеской дружиной или нѣтъ.

Для постановленія требовалось рѣшеніе единогласное, не большинствомъ голосовъ, какъ въ нынѣшнихъ парламентахъ. При отсутствіи подавляющаго большинства, одна партія склоняла другую на свою сторону насильственно (бурныя собранія вѣча въ Новгородѣ).

Вѣче и князь представляли собою два необходимыхъ элемента государственной власти: князь былъ необходимъ землѣ для управленія и суда, т. е. для установленія внутренняго порядка, и, кромѣ того, для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ; вѣче, въ свою очередь, было необходимо князю, потому что безъ поддержки населенія, съ одной своею дружиной, онъ далеко не всегда былъ бы въ состояніи провести въ жизнь намѣченныя имъ мѣры. Такимъ образомъ оба эти элемента власти дополняли, поддерживали другъ друга, дѣйствовали въ духѣ «одиначества» (единенія). Возникавшія между княземъ и вѣчемъ несогласія, подчасъ кончавшіяся даже открытымъ разрывомъ, не вытекали изъ принципіальнаго противоположенія интересовъ одной стороны интересамъ другой, а обязаны были мотивамъ болѣе или менѣе случайнымъ и личнымъ.

Эта черта тоже отдѣляетъ Древнюю Русь отъ Средневѣковой Европы, гдѣ вѣче (парламентъ) сложилось, какъ противовѣсъ княжеской (королевской) власти. Исключеніе составлялъ одинъ Новгородъ: здѣсь вѣче только терпѣло князя, какъ неизбѣжное зло; въ этомъ отношеніи новгородскіе порядки, по духу, ближе къ порядкамъ Зап. Европы.

В) Княжеская Дума.

Постоянный составъ ея — бояре (до XI в. раздѣлявшіеся на земскихъ и служилыхъ); иногда участвуютъ епископы и игумены. Всѣ важныя рѣшенія князь принималъ по обсужденіи ихъ въ думѣ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что рѣшенія думы были обязательны для князя, что онъ не только совѣтовался съ нею, но и нуждался въ ея согласіи, и что поэтому княжеская дума была, наряду съ княземъ и вѣчемъ, третьимъ необходимымъ органомъ государственной власти.

2. Управленіе.

а) Князь — главный правительственный органъ: онъ самъ судитъ, самъ предводительствуетъ войскомъ, самъ собираетъ дань съ населенія. Его помощники:

б) Тіуны и ключники — въ судѣ и по хозяйству.

в) Посадники — по волостямъ (въ пригородахъ), по управленію и тоже по суду. Князь выбиралъ ихъ изъ старшихъ дружинниковъ; содержались они на счетъ волости (кормъ въ натурѣ).

Земскіе органы управленія:

г) Тысяцкій и его помощники: сотскіе и десятскіе. Тысяцкій предводительствовалъ народнымъ ополченіемъ, вѣдалъ въ городахъ дѣла торговыя и внѣшній порядокъ (полицію).

V. Русская Правда.

Русская Правда не есть сводъ законовъ, а простой судебникъ, — сборникъ правилъ о томъ, «какъ вести судъ, какое наказаніе назначать за преступленія, какъ узнать — совершено или не совершено преступленіе» (Б.-Рюминъ), и этимъ существенно отличается отъ позднѣйшихъ сборниковъ этого рода.

Дѣйствующіе въ настоящее время въ европейскихъ государствахъ своды законовъ опредѣляютъ положеніе, права и обязанности лицъ и общественныхъ классовъ, отношеніе общества къ государству, стараются охватить болѣе или менѣе всѣ стороны общественной и государственной жизни (государственная власть; управленіе; судъ; классы и сословія; семья; собственность; договоры и обязательства) и обыкновенно возникаютъ въ зрѣлую пору народной жизни, когда общество уже успѣло прочно сложиться, а государственная власть — окрѣпнуть и обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ и внѣшними средствами, чтобы осуществить свои предначертанія (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича; Кодексъ Наполеона; Сводъ Законовъ, составленный Сперанскимъ въ царствованіе императора Николая I); Русская же Правда выросла изъ болѣе скромной потребности — предотвратить столкновеніе и распри и, во имя правосудія, опредѣлить наказаніе за совершенный проступокъ. Наказать преступленіе и оградить имущественные интересы — вотъ двѣ главныхъ задачи Русской Правды.

1. Преступленія она знаетъ: убійство, нанесеніе ранъ, побоевъ, увѣчья; самоуправство, разбой, кражу.

2. Имущественные интересы — связаны съ наслѣдствомъ, займами, отдачею денегъ въ ростъ, кредитомъ, куплей и продажей.

Предупредить преступленіе, исправить преступника — Правдѣ до этого нѣтъ никакого дѣла; ей бы только матеріально наказать за матеріальный ущербъ, нанесенный преступникомъ. И чѣмъ чувствительнѣе ущербъ, тѣмъ строже наказаніе: за отсѣченную руку — 40 гривенъ; за отсѣченный палецъ — 3 гр.; за лошадь — 60 кунъ, за корову — 40, за теленка или овцу — 5.

Не заботясь о предупрежденіи преступленій, Русская Правда не проявляетъ инниціативы и въ ихъ преслѣдованіи; это дѣло потерпѣвшаго: онъ самъ долженъ отыскивать преступника, самъ доказывать преступленіе, самъ производить слѣдствіе, самъ позаботиться найти свидѣтелей и доставить ихъ въ судъ.

Совсѣмъ иначе въ наше время. Современный законъ строго различаетъ уголовное преступленіе отъ гражданскаго. Въ гражданскомъ преступленіи заинтересовано только лицо, не-

посредственно потерпѣвшее, и если должникъ не заплатилъ мнѣ по векселю, то предоставляется моей личной волѣ предъявлять этотъ вексель ко взысканію или не предъявлять; но если воръ обокралъ меня, насильственно овладѣлъ моимъ имуществомъ; если кто покушался на мою жизнь или нанесъ мнѣ, даже ненамѣренно, въ случайной схваткѣ или раздраженіи, рану, то хотя бы самъ я и простилъ его, не захочу взыскивать, то не проститъ его государство, законъ, и предастъ его суду, какъ уголовнаго преступника, потому что такой человѣкъ нарушилъ установленный порядокъ общественной жизни, гарантированный закономъ, и государство призвано карать подобныя нарушенія.

Преступленій уголовнаго характера Русская Правда не знала совсѣмъ.

Русская Правда возникла не сразу. Древнѣйшая часть ея составлена при Ярославѣ М., остальное — при сыновьяхъ и внукахъ его.

На древнѣйшей части еще лежитъ отпечатокъ грубой языческой поры. Такъ, за убійство полагается кровная месть, — не только допускается, но прямо предписывается закономъ. Это понятно. Кровавая месть составляла въ тѣ времена нравственный долгъ родственниковъ убитаго (сравн. месть Ольги древлянамъ за смерть Игоря); въ дальнѣйшемъ мстить уже запрещено: месть замѣнена денежнымъ штрафомъ (вирою). Начинаютъ различать и самое убійство: строже карается убійство умышленное, слабѣе — случайное въ дракѣ или въ ссорѣ.

Смертная казнь существовала, но примѣнялась рѣдко; она была противна духу русскаго народа, и болѣе широкое примѣненіе нашла себѣ значительно позже, подъ вліяніемъ византійскаго права и татарскихъ обычаевъ. Не даромъ Владиміръ Св. ввелъ казнь для разбойниковъ только по настоянію греческихъ епископовъ, указывавшихъ ему, что князь поставленъ «на казнь злымъ и на милованіе добрымъ». «Боюсь грѣха», мотивировалъ Владиміръ свое нежеланіе. Мономахъ въ Поученіи къ дѣтямъ совѣтуетъ имъ: «ни сами не убивайте, ни другимъ не приказывайте убивать, хотя бы виновный и заслуживалъ смерть». Еще въ XIII в., уже при татарахъ, Серапіонъ, епископъ владимірскій (ум. 1275 г.), возставалъ противъ убійства волхвовъ, которыхъ винили въ тогдашнихъ общественныхъ бѣдствіхъ; а двѣсти лѣтъ спустя русскіе нравы огрубѣютъ настолько, что новгородскій архіепископъ Геннадій станетъ совѣтовать великому князю Ивану III, для искорененія ереси жидовствующихъ, руководиться примѣромъ короля испанскаго Фердинанда Католика, который какъ разъ тогда учредилъ инквизицію и сжигалъ еретиковъ на кострѣ.

VI. Единство Русской земли.

Въ теченіе Кіевскаго періода въ русскихъ людяхъ постепенно жило и крѣпло сознаніе, что они составляютъ одну большую семью. Разные факторы воспитали въ нихъ это сознаніе:

1. Единство языка.
2. Единство быта, семейныхъ и общественныхъ отношеній.
3. Единство вѣры.
4. Вліяніе православной церкви.
5. Общій источникъ образованія — Византія.
6. Однородность, во всей Русской землѣ, княжескаго управленія и суда.
7. Даже княжескія междоусобицы, съ ихъ постоянными перемѣщеніями князей съ одного княженія на другое, постоянно вовлекая населеніе одной области въ дѣла другой, поддерживали ту же идею единства. Государственное единство Русской земли было нарушено: собранная Ярославомъ М., она снова распалась на отдѣльныя княжества и волости, зато выросло и окрѣпло единство духовное: всѣ княжества группировались около одного старшаго, Кіевскаго, какъ дѣти вокругъ своего отца или матери. Помимо того, усобицы касались исключительно князей, вносили раздоръ въ одну княжескую среду и подрывали въ ней идею рода; само же населеніе оставалось чуждо мотивамъ, которые ихъ вызвали: ему было безразлично, старшій или младшій въ родѣ княжитъ въ его землѣ, дядя или племянникъ, лишь бы какъ князь, онъ отвѣчалъ своему назначенію. А въ то же время эти усобицы, ставя населеніе въ постоянное соприкосновеніе, давали ему многократные случаи лично, на дѣлѣ убѣждаться въ единствѣ своей вѣры, языка, быта и нормъ жизни, и въ сознаніи этого единства противополагать себя другимъ народамъ и племенамъ.

«Княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь, мѣстные интересы областей, не давая имъ слишкомъ обособляться. Области эти поневолѣ вовлекались въ общую сутолоку жизни, какую производили князья. Онѣ еще далеко не были проникнуты однимъ національнымъ духомъ, сознаніемъ общихъ интересовъ, общей земской думой, но по крайней мѣрѣ пріучались все болѣе думать другъ о другѣ, внимательно слѣдить за тѣмъ, что происходило въ сосѣднихъ или отдаленныхъ областяхъ» (Ключевскій).

Первый нашъ лѣтописецъ берется за перо, чтобъ написать «Повѣсть временныхъ лѣтъ» и въ ней разсказать «откуду есть пошла Руская земля и откуду стала есть». Въ началѣ XII в. его современникъ, игуменъ Даніилъ, зажигаетъ въ Іерусалимѣ, на Гробѣ Господнемъ, «лампаду съ елеемъ отъ всей Русской земли, и за всѣхъ князей нашихъ, и за всѣхъ христіанъ Рус-

ской земли». Чувствомъ любви къ Русской же землѣ проникнуто и «Слово о Полку Игоревѣ»: съ глубокою скорбью слѣдитъ оно за ея бѣдственнымъ положеніемъ и устами вел. князя Святослава взываетъ къ русскимъ князьямъ вступиться не только «за раны Игоря», но и «за обиду сего времени, за землю Русскую».

Вотъ почему выраженіе «удѣльно-вѣчевой періодъ», въ примѣненіи къ Кіевскому, установившееся въ нашей исторической литературѣ со временъ Карамзина и вошедшее въ учебники, за послѣднее время выходитъ изъ употребленія. Удѣлъ указываетъ на отдѣленіе, на обособленіе, а его-то и не было въ данномъ случаѣ: младшія княжества духовно не порывали со старшимъ, были не единицами самостоятельными, а частями единаго цѣлаго. Удѣльный порядокъ возникаетъ позже, на сѣверовостокѣ, въ Суздальской землѣ, со временъ Всеволода III, — къ той порѣ и слѣдуетъ примѣнять этотъ терминъ.

VII. Упадокъ Югозападной Руси. Утрата Кіевомъ своего значенія.

1. Набѣги половцевъ болѣзненно отразились на южнорусскихъ областяхъ.

а) Всего болѣе страдали пограничныя земли Черниговская, Переяславская, Кіевская. Природа создала здѣсь наилучшія условія для земледѣлія, между тѣмъ поля лежали заброшенными и плугъ все рѣже и рѣже проходилъ по нимъ. Пустѣли не одни поля: изъ селъ и городовъ половцы тысячами уводили плѣнниковъ въ свои степи. За 1055—1228 гг. извѣстно 37 половецкихъ набѣговъ на Русскую землю, не считая второстепенныхъ вторженій; въ 1160 г. изъ одного только Смоленскаго княжества — даже не пограничнаго! — уведено было 10000 плѣнниковъ! Эти несчастные, большею частью, попадали на азіатскіе невольническіе рынки.

б) Стала падать и торговля съ Византіей: половцы перегородили дорогу въ Грецію, проѣздъ по Днѣпру сталъ неизмѣримо опаснѣй, и затраты на предпріятіе плохо теперь окупались.

2. Отливъ населенія съ юга, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, сталъ неизбѣженъ: пусть природныя условія жизни будутъ хуже, лишь бы обезпечить себѣ безопасность извнѣ. Эмиграція шла двумя путями: на Западъ — въ верховья Западнаго Буга и Днѣстра, въ Галицію, въ сторону Польши; и на Сѣверовостокъ — всего больше — въ Суздальскую область, на Оку и Верхнюю Волгу.

3. Велико было зло отъ кочевниковъ, но княжескія усобицы его удвоили. Кіевской области досталось отъ нихъ всего тяжелѣе. Кіевъ обладалъ особою притягательною силою: старшій среди остальныхъ городовъ, самый богатый, онъ былъ олицетвореніемъ единства княжескаго рода и всей Русской земли; мѣстопребываніе митрополита, главы Русской церкви, онъ одновременно олицетворялъ и единство церковное. Обладаніе Кіевомъ создавало князьямъ почетное положеніе, удовлетворяло ихъ гордость и самолюбіе. Но именно поэтому-то удержать за собою Кіевъ и было особенно трудно. За 23 года (1146—1169) въ немъ перебывало 8 князей: четверо по два раза теряли городъ и по два раза возвращали его обратно, такъ что всѣхъ вокняженій (смѣнъ на престолѣ) было за это время счетомъ 12. Изъ всѣхъ претендентовъ лишь одному удалось усидѣть на кіевскомъ столѣ 6 лѣтъ (Ростиславъ Смоленскій: 1162—1169), зато остальные держались на немъ всего по нѣскольку мѣсяцевъ и даже недѣль.

4. Рано или поздно, такой порядокъ долженъ былъ неизбѣжно обезцѣнить Кіевъ. Реальной пользы отъ него становилось все меньше. Обладаніе имъ покупалось дорогою цѣною — вѣчными неладами, при полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Званіе великаго князя кіевскаго превращалось въ игрушку, становилось пустымъ титуломъ. Многихъ эта игрушка еще продолжала слѣпить своимъ наружнымъ блескомъ, но реакція должна была не замедлить. Общему яблоку раздора, Кіеву не хватало именно того, что является однимъ изъ условій всякаго сильнаго государства: политической устойчивости. Это понялъ Андрей Боголюбскій, и когда въ 1169 г. военное счастье улыбнулось ему, и онъ завоевалъ Кіевъ, то, оставивъ себѣ титулъ великаго князя, не сталъ жить въ Кіевѣ, а остался въ своемъ родовомъ Суздальскомъ княжествѣ. Кіевъ пересталъ быть столицею Русской земли. Экономически подорванный еще раньше, онъ пересталъ существовать теперь и политически. Отъ этого удара ему уже никогда потомъ не удалось оправиться.

Но перенесеніе столицы на берега Клязьмы, въ городъ Владиміръ, задѣло не одинъ Кіевъ: оно превратилось въ событіе общерусское. Съ 1169 г. мы вступаемъ въ новый періодъ русской исторіи.

VIII. Представители эпохи. Владиміръ Мономахъ.

1. Это человѣкъ полный энергіи и неутомимой дѣятельности. Его хватало на все: на войну и дѣла внутренняго распорядка, на охоту и домашнее хозяйство, на думу съ дружи-

ной и на молитву. Вся его долгая жизнь (1053—1125) прошла въ движеніи и работѣ, съ той самой поры, когда отецъ послалъ его, еще 13-лѣтнимъ мальчикомъ, въ Ростовъ черезъ землю вятичей. Смоленскъ, Польша, Чешскій Лѣсъ, Туровъ, Полоцкъ, Черниговъ, вятичи, Волынь, Минскъ, половецкія степи — этапы его походной жизни. Онъ совершилъ на своемъ вѣку 83 большихъ похода и поѣздки, а болѣе мелкихъ и припомнить не могъ. Неутомимый охотникъ, онъ собственноручно ловилъ и вязалъ дикихъ коней, неоднократно подвергалъ опасности свою жизнь: туръ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ его, а лютый звѣрь валилъ вмѣстѣ съ конемъ. Находилъ время Владиміръ слѣдить и за порядкомъ домашнимъ: онъ самъ держалъ ловчій нарядъ, самъ смотрѣлъ за конюшней, за соколами и ястребами.

2. Владиміръ Мономахъ не по имени только былъ христіаниномъ: образецъ благочестія, онъ милостивъ даже къ врагамъ; дѣйствія его проникнуты чувствомъ любви къ ближнему; защитникъ слабыхъ, онъ содѣйствуетъ торжеству правды надъ несправедливостью; онъ учитъ соблюдать крестное цѣлованіе и не казнить смертью, даже если бы человѣкъ былъ виновенъ и заслуживалъ ее, «дабы не погубить души христіанской», поясняетъ онъ.

3. Онъ былъ хранителемъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ держался родовой порядокъ, и самою дѣятельностью своею воспитывалъ князей, старшихъ и младшихъ, въ сознаніи, что они составляютъ одну общую семью. Онъ уважалъ права старшинства, требовалъ наказанія во имя нарушенной правды, мирилъ враждующихъ и умѣлъ направить дѣятельность князей на достиженіе цѣлей болѣе достойныхъ, чѣмъ ихъ постоянныя «кóторы» (ссоры), — на борьбу съ половцами.

4. Владиміръ Мономахъ — неутомимый борецъ съ половцами, защитникъ Русской земли отъ ихъ набѣговъ. Онъ неустанно взывалъ къ князьямъ о необходимости напрячь свои силы и оградить Русскую землю отъ степныхъ варваровъ и многократными походами въ Степь достигъ того, что силы ея были надломлены, и Южная окраина, хотя на время, свободно вздохнула. 19 разъ заключалъ онъ миръ съ половцами, иначе говоря, 19 разъ принимался воевать съ ними; еще при жизни отца (до 1093 г.) онъ имѣлъ 12 удачныхъ битвъ съ ними; на своемъ вѣку изрубилъ и потопилъ свыше 200 половецкихъ князей, считая однихъ только главныхъ; около сотни перехваталъ и потомъ отпустилъ на волю.

Вышесказанное пояснитъ намъ, почему лѣтопись называетъ его: «братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю».

Походы князей въ половецкую степь при Мономахѣ, та энергія, съ какою велось наступленіе, та бодрая вѣра въ успѣхъ и желаніе, какимъ сгорали князья, проникнуть до самого сердца половецкихъ вѣжей, чтобы рѣшительнымъ ударомъ навсегда освободить родную землю отъ разорительныхъ вторженій этихъ полудикарей, — напоминаютъ подобную же борьбу, какую какъ разъ въ то же время Западная Европа вела противъ другого, тоже тюркскаго, племени — въ Палестинѣ. «Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ Крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владиміръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя одновременно подвизавшіеся на защиту христіанскаго міра противъ враждебнаго ему Востока» (Иловайскій).

---

1. Владиміръ Мономахъ не есть идеальная личность: онъ не избѣгъ недостатковъ своего вѣка (убійство двухъ половецкихъ князей противно данному обѣщанію; разграбленіе города Минска); но его вѣкъ не обладалъ тѣми достоинствами, какія были у него (митр. Евгеній).

2. «Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностію умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ, и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка вещей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворить его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не которовался съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью — Мономахъ во время злой вражды между братьями заслужилъ названіе братолюбца, умными совѣтами и рѣшительностію отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ которъ, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза. Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей христіанскихъ — Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требовало отъ князя строгаго правосудія — Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ. Въ то время, когда другіе князья

играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе и всякаго рода насилія — Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интересовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе — Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное европейско-христіанское общество, окруженное варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности — Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ на сторожѣ Русской земли: въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, «добрый страдалецъ за Русскую землю». Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не дивно, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство» (Соловьевъ).

3. «Около его имени вращаются почти всѣ важныя событія русской исторіи во второй половинѣ XI и въ первой четверти XII вѣка. Этотъ человѣкъ можетъ по справедливости назваться представителемъ своего времени. За нимъ въ исторіи останется то великое значеніе, что, живя въ обществѣ, едва выходившемъ изъ самаго варварскаго состоянія, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ всякій гонялся за узкими своекорыстными цѣлями, еще почти не понимая святости права и договора, одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы Русской земли» (Костомаровъ).

IX. Памятники духовной культуры. 1054—1169.

1. Поученія преп. Өеодосія, игумена Кіевопечерскаго, 1057–1074 г.г. «Почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искусства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко наставительный и нерѣдко умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи, и нечуждый вліянія языка народнаго» (митр. Макарій).

2. «Поученіе» или «Духовная» Владиміра Мономаха, нач. XII в.

3. Лѣтопись Нестора-Сильвестра, нач. XII в.

4. «Хожденіе во Іерусалимъ» или «Паломникъ» игумена Даніила, нач. XII в.

5. «Въпрашанье» черноризца Кирика, съ отвѣтами новгородскаго епископа Нифонта (1130–1156). Въ этихъ «вопропросахъ» и «отвѣтахъ» отразилась современная имъ эпоха:

остатки языческихъ суевѣрій, состояніе нравственности народа и духовенства; младенческое состояніе нашей церкви.

---

6. Остромирово Евангеліе, писано для новгородскаго посадника Остромира, съ миніатюрами, русской работы, 1056—1057 гг.; драгоцѣнный памятникъ для изученія церковно-славянскаго языка (Спб. Публ. Библ-ка). Издано: Спб. 1843 и (фототипически) Спб. 1883.

7. Архангельское Евангеліе, 1092 г., отысканное на Сѣверѣ Россіи (Румянц. музей).

8. Мстиславово Евангеліе, писано до 1117 г., для новгородскаго князя Мстислава, сына Владиміра Мономаха. При Иванѣ Грозномъ Евангеліе возили въ Константинополь для переплета. Верхняя доска филигранной работы, серебряная, позолоченная; выложена драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; много финифтяныхъ изображеній (Москва. Синод. Библ.).

9. Юрьевское Евангеліе, писано для Юрьевскаго монастыря въ Новгородѣ, 1119—1128 г. (Москва. Синод. Библ.).

10. Евангеліе 1144 года, писано въ Галиціи (Москва. Синод. Библ.). Изд.: М. 1882.

Евангеліе 1144 г. есть т. наз. четвероевангеліе, т. е. всѣ 4 евангелія расположены тамъ, полнымъ текстомъ, одно за другимъ: ев. отъ Матвѣя, затѣмъ ев. отъ Марка, отъ Луки и, послѣднимъ, ев. отъ Іоанна; остальныя Евангелія: Остромирово, и т. д. — т. наз. апракосъ: текстъ расположенъ въ порядкѣ чтенія въ церкви, на богослуженіи данной главы изъ даннаго евангелиста, по недѣлямъ, начиная съ Пасхи.

11. Святославовъ Изборникъ 1073 года, съ миніатюрами, въ томъ числѣ изображеніе вел. князя Святослава (сына Ярослава М.), съ женою и 5 сыновьями — первые русскіе портреты, писанные русскимъ художникомъ. Сборникъ (въ листъ) есть копія болгарскаго перевода (съ греческаго подлинника), приготовленнаго для болгарскаго царя Симеона (889—927). Переводъ этотъ, при перепискѣ русскимъ переписчикомъ, искаженъ руссицизмами. Содержаніе Сборника: статьи по философіи, риторикѣ, литературѣ, въ цѣляхъ истолкованія Св. Писанія (Москва. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ). Изд.: М. 1883 и (фотолитографически) Спб. 1880.

12. Святославовъ Изборникъ 1076 года, какъ и тотъ, содержитъ разныя статьи изъ твореній Св. Отцовъ; въ четверку. (Москва. Синод. Библ.) Изд.: Варшава 1894.

13. Подпись королевы Анны, дочери Ярослава М., вдовы французскаго короля Генриха I (ум. въ 1060 г.), на латинской грамотѣ, данной аббатству Санъ-Крепи, 1063 г.: «Ана Реъина». Въ это время Анна была женою, вторымъ бракомъ, графа Рудольфа графа де-Крепи (Crépy). Нынѣшній городъ Крепи лежитъ къ С. отъ Парижа, на пута въ Суассонъ.

14. Церковь Успенія Б. М., въ Кіевопечерскомъ м-рѣ, 1073—1089 г. Она была необыкновенной красоты, «небеси подобной». Болѣе не существуетъ. «Ея стѣны и иконостасъ блистали золотомъ, разноцвѣтною мозаикою и прекрасною иконною живописью; полъ состоялъ изъ разновидныхъ камней, расположенныхъ узорами; верхи были позолочены, а большой крестъ на главномъ куполѣ сдѣланъ изъ чистаго золота» (митр. Макарій). Перестроена въ концѣ XVII в.

15. Михайловскій соборъ въ Златоверхо-Михайловскомъ м-рѣ, въ Кіевѣ; внѣшностью схожъ съ Кіево-Софійскимъ соборомъ; 15-тиглавый; купола позолочены; мозаики (уцѣлѣли жалкіе остатки); 1108 г.

16. Георгіевскій соборъ въ Юрьевскомъ м-рѣ., подъ Новгородомъ; гладкія, безъ малѣйшаго узора, стѣны величаво уходятъ въ небо; формы храма простыя, величественныя, даже суровыя; строилъ мастеръ Петръ, 1119—1129 г.

17. Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ, 1152 г., съ богатой скульптурой; мѣстами сплошная рѣзьба стѣнъ; перестроенъ при Всеволодѣ III.

18. Преображенскій соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, построенъ Юріемъ Долгорукимъ, 1152—1155 г.; одноглавый; пилястры дѣлятъ фасадъ на 3 неравныхъ части.

19. Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, 1158—1160 г., одноглавый, съ фресками; былъ богато украшенъ Андреемъ Боголюбскимъ; послѣ пожара (1183), будучи перестроенъ (1189) въ пятиглавый, утерялъ первоначальный романскій стиль; наружныя стѣны обведены горизонтальнымъ поясомъ изъ колоннокъ.

Послѣдніе три храма (17—19), всѣ въ Суздальской области, хотя и строились по византійскому плану (почти квадратъ; куполъ на 4 столпахъ; алтарная стѣна образуетъ 3 полукруглыхъ выступа), но уже носятъ слѣды вліянія романскаго стиля (пилястры; поясъ изъ колоннокъ; рѣзьба на наружныхъ стѣнахъ).

20. Икона Б. М. Одигитріи (Путеводительницы), Смоленская, писана, по преданію, евангелистомъ Лукою; привезена изъ Царьграда 1077—1078 г. (Смоленскъ. Соборный храмъ).

21. Икона Б. М., Владимірская, писана тоже Лукою, принесена въ Кіевъ изъ Царьграда въ 1131 г. Андрей Бог. перенесъ ее въ 1155 г. во Владиміръ, — отсюда ея названіе — а изъ Владиміра ее перенесли въ 1395 г. въ Москву (Кремль. Успенскій соборъ).

22. Икона Знаменія Б. М. въ Новгородѣ, отвратившая въ 1169 г., отъ Новгорода рать Андрея Бог. (Москва. Маріинская обитель вел. кн. Елизаветы Өедоровны).

NB. Преп. Алимпій (Алипій) Печерскій, первый, извѣстный по имени, русскій иконописецъ; родоначальникъ русской иконописи и живописи; ум. 1114 г.

23. Кіевопечерскій монастырь, основанъ 1057 г.

24. Антоніевъ м-рь, подъ Новгородмъ, осн. 1117 г.

25. Юрьевъ м-рь въ Новгородѣ, осн. 1119 г.

26. Боголюбовъ м-рь, осн. послѣ 1155 г. на мѣстѣ, гдѣ остановилась (Владимірская) икона Б. М., привезенная изъ Кіева Андреемъ Бог.

---

27. Шапка Мономахова — памятникъ византійскій, «который былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но, или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ самомъ Херсонѣ (Таврическомъ), словомъ, въ мѣстности, гдѣ византійское искусство въ XI—XII в. в. соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ. Мономахову шапку, по деталямъ техники, необходимо относить къ XII вѣку» (Кондаковъ). Впрочемъ другіе ученые считаютъ Шапку произведеніемъ чисто восточнымъ (египетскій султанъ Калавунъ прислалъ ее Узбеку, хану Золотой Орды (XIV в.); позже, при паденіи Золотой Орды, она попала въ число добычи московскимъ великимъ князьямъ) (Оружейная Палата).

28. Княжеская женская діадема, изъ 7 золотыхъ створокъ съ цвѣтными эмалевыми иконками на нихъ и съ золотыми подвѣсками, русской работы конца XII в.; найдена въ Кіевскомъ кладѣ 1889 г. (Эрмитажъ).

29. Запись князя Глѣба Святославича, внука Ярослава Мудраго, на камнѣ: опредѣленіе ширины Керченскаго пролива, измѣренной по льду, между Тмутараканью и Керчью, въ 1068 г.: »Въ лѣто 6576 инд. 6. Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду от Тъмутороканя до Кърчева 10000 и 4000 саженъ» (Эрмитажъ).

Б. СУЗДАЛЬСКО-ВОЛЫНСКІЙ ПЕРІОДЪ. 1169—1242.

I. Характеристика періода.

Основное содержаніе этого періода:

1. Попытки создать общій политическій центръ и сплотить отдѣльныя области въ одно цѣлое. Онѣ ведутся въ двухъ направленіяхъ: на СВ., въ Суздальской землѣ: Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III Большое Гнѣздо (ум. 1212 г.); на ЮЗ., въ Галичѣ и на Волыни: Романъ Мстиславичъ (ум. 1205 г.) и сынъ его Даніилъ Галицкій (ум. 1264 г.). Новгородъ, какъ и раньше, активнаго участія въ политической жизни не принимаетъ и входитъ въ сферу вліянія суздальскихъ князей. Югъ (Черниговская и Кіевская области), обезсиленный, становится яблокомъ раздора между Суздалемъ и Волынью (въ 1195 г. въ Кіевѣ посаженъ Рюрикъ Ростиславичъ, подручникъ Всеволода III; Романъ его выгоняетъ, но самъ удержаться тамъ не можетъ. Послѣ Романа въ Кіевѣ утвердились было Ольговичи, князья Черниговскіе, но Всеволодъ и надъ ними беретъ верхъ. Позже Даніилъ Галицкій снова овладѣлъ Кіевомъ).

Это образованіе двухъ центровъ, вокругъ которыхъ сходятся остальныя русскія земли, свидѣтельствуетъ о томъ, что уже теперь намѣтились тѣ два русла, по которымъ, позже, потечетъ русская жизнь: московскіе князья будутъ продолжать дѣло суздальскихъ князей, а литовскіе — объединятъ земли Юго-западной Руси. Такимъ образомъ послѣдующій Московско-Литовскій періодъ русской исторіи (1242—1462) явится логическимъ продолженіемъ и завершеніемъ настоящаго Суздальско-Волынскаго періода (1169—1242).

2. Борьба со Степью продолжается, даже интенсивнѣе, чѣмъ въ предыдущій періодъ, и въ этой борьбѣ Югъ окончательно хирѣетъ и падаетъ.

3. Княжескія междоусобицы продолжаются своимъ чередомъ. За 1055—1228 г. насчитываются, въ общемъ, 80 лѣтъ, прошедшихъ въ войнахъ, и только 93 года мирныхъ.

II. Суздальская земля.

1. Заселеніе края. Двѣ колонизаціи — обѣ путемъ мирнаго проникновенія въ финскія болота:

а) Древнѣйшая — изъ Новгорода, съ характеромъ чисто народнымъ. Города: Ростовъ, Бѣлоозеро, Суздаль.

б) Позднѣйшая — съ юга, княжеская, начиная съ Владиміра Мономаха (даже раньше: Ярославъ М. основалъ городъ Ярославль на Волгѣ); всего болѣе обязана Юрію Долгорукому и Андрею Боголюбскому. Послѣдній говорилъ: «я всю Суздальскую Русь городами и селами великими населилъ и многолюдною учинилъ». Города: Переяславль, Москва, Юрьевъ Польскій, Дмитровъ, Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ, Тверь, Городецъ, Кострома и др.

Первая колонизація: переселенцы занимали ничью землю, устраивались самостоятельно, какъ могли и хотѣли; становились хозяевами на новыхъ мѣстахъ, ни отъ кого независимыми. Принеся изъ Новгорода вѣчевые порядки, они придерживались ихъ и здѣсь. Таковы старые или старшіе города.

Вторая колонизація: хозяиномъ здѣсь былъ князь; земля была его собственностью; переселенцы селились на его земляхъ. Съ первыхъ же шаговъ они становятся въ подчиненное къ нему положеніе. Условія для развитія вѣчевыхъ порядковъ здѣсь отсутствовали. Таковы новые или младщіе города (пригороды).

2. Какіе признаки того, что край заселился выходцами съ Юга?

Переселенцы принесли съ собою названія покинутыхъ ими мѣстностей и закрѣпили ихъ за новыми поселеніями; многіе города и рѣчки носятъ тѣ же наименованія, что и на Югѣ: Переяславль Залѣсскій (то же и въ Рязанской области: Переяславль Рязанскій), Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ, рч. Почайна, Лыбедь, Трубежъ, Ирпень и др.

3. Отличіе новыхъ порядковъ отъ порядковъ Южной Руси.

Княжеская власть сложилась здѣсь на иныхъ началахъ, чѣмъ на Югѣ. Тамъ — первые князья явились пришельцами; они застали общественный порядокъ уже сложившимся и готовымъ (земледѣльцы-смерды на собственной землѣ; городское населеніе — крупные землевладѣльцы и купечество — съ развитой вѣчевою жизнью), и имъ оставалось лишь додѣлывать его, устанавливать подробности. Здѣсь — князья сами строили и создавали; здѣсь они являлись творческой силою. Въ Суздальской землѣ первый князь «обыкновенно находилъ въ своемъ владѣніи не готовое общество, которымъ предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, въ которой все надо было завести и устроить, чтобы создать въ ней общество. Край оживалъ на глазахъ своего князя; глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на «новяхъ», заводили новые поселки и промыслы, новые доходы приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь,

все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ личнымъ созданіемъ» (Ключевскій).

Таковы были Андрей Боголюбскій, братъ его Всеволодъ III. Выросши на сѣверѣ, они воспитали въ себѣ понятія и привычки иныя, чѣмъ тѣ, что сложились на югѣ. Это были люди земли, не утопій, съ практическимъ, трезвымъ взглядомъ на жизнь, безъ увлеченій и фантазій. Андрей Боголюбскій сознательно, безъ сожалѣнія промѣнялъ безпокойный златоглавый Кіевъ на скромный Владиміръ, затерянный среди финскихъ лѣсовъ и болотъ: здѣсь онъ былъ полнымъ собственникомъ и хозяиномъ, съ положеніемъ гораздо болѣе прочнымъ и устойчивымъ, чѣмъ то, какое могъ дать ему Кіевъ.

Такъ сложился новый типъ хозяина и вотчинника.

4. Типъ хозяина-вотчинника.

Типъ этотъ лишенъ той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характеръ южныхъ князей: героевъ, предводителей дружинъ, которые не собирали себѣ ни золота, ни серебра, но все раздавали дружинѣ и своею отвагою, безпокойною дѣятельностью расплодили Русскую землю, намѣтивъ границы ея европейской государственной области, неутомимо пробѣгая ея пустынныя пространства, строя города, прокладывая пути чрезъ лѣса и болота, населяя степи, собирая разбросанное и разъединенное населеніе. Работа благотворная, благодѣтельная, но этимъ она и завершилась: «прочности, крѣпости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходимъ былъ хозяйственный характеръ сѣверныхъ князей-собственниковъ. Южные князья до конца удержали прежній характеръ, и Южная Русь вѣками бѣдствій должна была поплатиться за это, и спаслась единственно съ помощію Сѣверной Руси, собранной и сплоченной умнымъ хозяйствомъ князей своихъ» (Соловьевъ).

5. Послѣдствія этого были трoякія:

а) Вѣчевой строй не могъ получить развитія въ Суздальской землѣ; старанія старшихъ городовъ удержать его успѣха не имѣли. Противъ вѣчевыхъ притязаній князья нашли себѣ опору въ новыхъ городахъ; имъ они оказывали въ свою очередь всевозможную поддержку и столицею своею выбрали не Ростовъ и не Суздаль, гдѣ всегда могли встрѣтить оппозицію со стороны мѣстной аристократіи, а ничтожный пригородъ Владиміръ на Клязьмѣ. Новые города богатѣли, процвѣтали, а старые хирѣли, — хирѣлъ съ ними и вѣчевой строй.

б) Ослабла родовая связь между князьями. Тѣ духовныя силы, что скрѣпляли князей если не въ одну семью, то въ одинъ родственный союзъ, сильно теперь пошатнулись. Полновластный хозяинъ, неограниченный властелинъ у себя дома, въ своихъ новыхъ городахъ, суздальскій князь такимъ

же держалъ себя и въ сношеніяхъ съ сородичами. Они для него не младшіе братья, а подчиненные; ими онъ считаетъ себя въ правѣ распоряжаться по произволу. «Хотѣлъ онъ быть самовластцемъ», говоритъ про Андрея лѣтописецъ. Когда Ростиславичи Смоленскіе, его племянники, посаженные имъ въ Кіевскую землю, не исполнили его волю, Андрей Боголюбскій не задумался приказать имъ уходить обратно въ Смоленскъ, а двоихъ даже совсѣмъ хотѣлъ изгнать изъ Русской земли. «Мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви» — отвѣчали Ростиславичи — «но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ». Слово подручникъ красочно опредѣлило сущность происшедшей перемѣны: «южные князья поняли перемѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца; поняли, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручническими, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполняли его приказанія, какъ подданные» (Соловьевъ).

в) Образовались вотчины-удѣлы. Завоевавъ Кіевъ, а самъ оставшись на прежнемъ мѣстѣ, у себя во Владимірѣ, Андрей въ корнѣ подсѣкъ старый порядокъ перехода столовъ согласно т. наз. «родовой лѣствицы». На Югѣ этотъ порядокъ еще держится нѣкоторое время, но въ Суздальской области ему не стало болѣе мѣста. Территорія распадается здѣсь на отдѣльныя княжества, одно отъ другого независимыя; каждое изъ нихъ превращается въ личное достояніе князя, становится его вотчиною, т. е. частною собственностію, которая переходитъ отъ отца къ сыну, какъ отцовское наслѣдіе.

Раньше — наслѣдовали братъ послѣ брата, племянникъ послѣ дяди, при чемъ ни одинъ князь не могъ сказать: «это моя земля, я располагаю ею, какъ хочу»: князь былъ только временнымъ, не всегда даже пожизненнымъ ея владѣльцемъ и правителемъ. Теперь — это частная собственность князя, который передаетъ, кому захочетъ, брату или сыну, даже женѣ или дочери.

Двѣ собственности, два хозяйства — это два міра, два отдѣльныхъ замкнутыхъ круга, и сколько возникло хозяйствъ, столько же образовалось и обособленныхъ отдѣльныхъ круговъ-міровъ, иными словами удѣловъ. Такихъ удѣловъ на Югѣ не могло быть, потому что тамъ не было «хозяйствъ», княжества не составляли тамъ частной собственности, у княжескаго рода тамъ все было общее, всѣ были дѣти одного отца, внуки одного дѣда. «Мы не венгры и не ляхи, но потомки одного предка, и отказаться отъ Кіева не можемъ», говорятъ

Ольговичи Мономаховичамъ. Любое княжество, будь это крупное: Кіевское, Черниговское, или мелкое: Туровское, Торопецкое, все равно, понималось какъ часть одного цѣлаго, связанная съ другою частью узами кровнаго родства.

Вотъ почему удѣльный періодъ начинается на Сѣверѣ, со времени Всеволода III, не раньше; къ періоду Кіевскому выраженіе это не приложимо. Лѣтопись наша вовсе не знаетъ слова удѣлъ; впервые выраженіе это встрѣчается въ половинѣ XIV в. (договоръ сыновей Ивана Калиты). На Югѣ сѣверному «удѣлу» соотвѣтствовали иныя выраженія: столъ, волость: такой-то князь сѣлъ на столѣ отца своего; такого-то князя лишили его волости.

Заключеніе. Въ Суздальскомъ краѣ общественный и политическій порядокъ сложился иной, чѣмъ на Югѣ. Изъ этого новаго порядка, какъ изъ зерна, выросло позже единодержавіе и самодержавіе Московскихъ государей.

III. Галичъ съ Волынью.

1. Галичъ.

Галицкіе и волынскіе князья, каждый въ своихъ интересахъ, домогались гегемоніи въ Югозападной Руси. Первоначально успѣхъ былъ на сторонѣ Галича, но онъ былъ непроченъ:

а) внѣшнія помѣхи: вмѣшательство во внутреннія дѣла Галича сосѣдней Венгріи и Польши;

б) внутреннія помѣхи: вражда князей съ мѣстною аристократіей-боярами (классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ).

Галицкій столъ въ теченіе всего XII ст. переходилъ непосредственно отъ отца къ сыну, сталъ наслѣдственнымъ въ предѣлахъ одного колѣна:

Братья Василько и Володарь. 1097—1124.

Володимірко, сынъ Володаря. 1124—1152.

Ярославъ Осмомыслъ, сынъ Володимірка. 1152—1187.

Владиміръ, сынъ Ярослава. 1187—1198.

Галицкіе князья не переходили съ одного княженія на другое, не переходила съ ними и ихъ дружина: служившіе отцу, продолжали служить и сыну. Дружинники, служившіе у другихъ князей, въ другихъ областяхъ, вслѣдствіе постоянныхъ своихъ переходовъ, мало дорожили земельною собственностью: послѣдняя стѣсняла ихъ. При своемъ кочеваньѣ съ мѣста на мѣсто, они не могли образовать сословія, пустить прочныхъ корней въ области: вездѣ они временные гости; значеніемъ и вѣсомъ пользуются они, пока остаются неразлучными спутниками и вѣрными совѣтниками своего князя. Ихъ

службу очень цѣнятъ, князья не могутъ обойтись безъ нея; но стоитъ имъ только самимъ порвать съ нею, покинуть князя — и все значеніе ихъ блекнетъ, почва уходитъ изъ-подъ ногъ.

Въ Галичѣ не то: дружина тамъ перестала быть временной, случайною гостьей въ странѣ; она осѣлась, обзавелась землею и превратилась въ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ первенствующее сословіе независимое отъ князя. Подъ вліяніемъ Польши и Венгріи, бывшіе дружинники прониклись аристократическимъ духомъ; какъ тамъ, они старались играть въ Галичѣ видную политическую роль, подчинить князя своимъ видамъ и ослабить его власть.

Для примѣра: послѣдній галицкій князь Юрій II (1325—1340) грамоты свои выдавалъ не только отъ своего имени, но и отъ имени своихъ бояръ (nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque), причемъ къ самимъ грамотамъ привѣшивались, кромѣ печати князя, также и печати его «бароновъ».

2. Волынь.

Романъ Мстиславичъ, завоевавъ Галичъ и Кіевъ (1200—1205), сталъ полнымъ хозяиномъ въ Южной Руси. Не даромъ современники звали его «самодержцемъ всей Русской земли». Черты, сближающія его съ Андреемъ Боголюбскимъ и Всеволодомъ III: то же стремленіе создать сильную власть на основѣ не идейныхъ отношеній родства, а самостоятельнаго обладанія реальною, ни отъ кого независимою силою. Но какая разница въ обстановкѣ! — 1) Тамъ князья опирались на вѣрные и покорные имъ младшіе города; здѣсь, вмѣсто добрыхъ сотрудниковъ, Романъ нашелъ боярство, силу, «предъ которою никло значеніе князя» (Соловьевъ); не даромъ съ такой энергіей боролся онъ съ галицкими боярами: «не передавивши пчелъ, меду не ѣсть», говаривалъ Романъ; 2) тамъ, на Сѣверѣ, область, на которую изъ Ярославичей мало кто зарился; здѣсь — постоянная борьба съ завистливой роднею; 3) тамъ сосѣдями смирные инородцы-финны; здѣсь — воинственные поляки, венгры и половцы: постоянная угроза и съ запада и съ востока.

Въ результатѣ:

а) Въ Суздальской землѣ процессъ объединенія территоріи и усиленія княжеской власти совершается непрерывно; на Югозападѣ — онъ оборвался со смертью Романа и возобновился лишь спустя 40—50 лѣтъ при сынѣ Романа, Даніилѣ Галицкомъ.

б) Тамъ процессъ этотъ оказался вполнѣ прочнымъ и далъ свои непосредственные плоды: Москву и объединенную вокругъ нея всю Сѣверную и Сѣверовосточную Русь; здѣсь — объединительная работа Романа и Даніила сослужила пользу не своимъ, а чужимъ: Польшѣ и Литвѣ.

IV. Особенности политическаго строя въ Новгородѣ.

1. Въ Суздальской землѣ перевѣсъ беретъ княжеская власть надъ вѣчемъ.

2. Въ Галичѣ и на Волыни — бояринъ надъ княземъ и вѣчемъ.

3. Въ Новгородѣ — вѣче надъ княземъ.

Повсюду въ Русской землѣ князь и вѣче (населеніе) дѣйствуютъ рука объ руку, выходя изъ убѣжденія, что у той и другой стороны существуютъ и возможны общіе интересы; вѣче тамъ также предварительно договаривалось съ княземъ, но только тамъ договоры складывались на почвѣ взаимнаго довѣрія и симпатій. Въ одномъ Новгородѣ совсѣмъ иначе. Для новгородцевъ князь — необходимое зло. Безъ князя не обойдешься: онъ нуженъ для обороны отъ внѣшнихъ враговъ, отъ притязаній со стороны своихъ же русскихъ князей; князь долженъ обезпечить справедливый судъ, обезопасить торговлю, свободный провозъ товаровъ; но самъ онъ для населенія всегда болѣе или менѣе чужой. Судьба можетъ натолкнуть на отрадныя исключенія, какъ Мстиславъ, старшій сынъ Владиміра Мономаха, или какъ Мстиславъ Храбрый: къ нимъ у Новгорода будетъ душа лежать — давай Богъ почаще такихъ! — но это именно исключенія, вообще же новгородскій князь это наемникъ, которому платятъ и за которымъ слѣдуетъ зорко слѣдить, какъ бы онъ не использовалъ своего положенія въ ущербъ народной свободѣ и матеріальнаго благосостоянія. Отсюда частая смѣна князей (въ XII в. до 30 разъ); отсюда та тщательность, съ какою, въ своихъ договорахъ, новгородцы опредѣляютъ и взвѣшиваютъ, чего НЕ долженъ дѣлать призываемый князь.

1. Ограниченія княжеской власти.

а) Князь не имѣлъ права, безъ согласія вѣча, начинать войны («не замышлять войны безъ Новгородскаго слова»);

б) онъ не имѣлъ права въ правители пригородовъ и областей (въ провинціальные посадники) назначать не-новгородцевъ;

в) онъ не имѣлъ права смѣщать должностныхъ лицъ безъ суда;

г) управленіе и судъ онъ долженъ былъ вести совмѣстно съ посадниками и тысяцкими.

Посадникъ и Тысяцкій въ городѣ Новгородѣ — главные правительственные сановники: въ рукахъ посадника сосредоточивалась гражданская власть; у тысяцкаго — военная. Ихъ выбирало вѣче, такъ что они являлись представи-

телями и защитниками народныхъ интересовъ, и по своему положенію оказывали сильное вліяніе на рѣшенія князя. Такимъ образомъ:

д) князь не могъ безъ посадника отправлять суда;

е) онъ не могъ назначать безъ его согласія провинціальныхъ посадниковъ;

ж) торговые договоры, заключенные съ нѣмцами, для князя святыня: онъ не смѣлъ нарушать ихъ;

з) ни онъ, ни его дворяне не имѣли права покупать селъ въ Новгородскихъ областяхъ, изъ опасенія, какъ бы, ставъ крупнымъ землевладѣльцемъ, князь, путемъ экономическаго давленія на мѣстное населеніе, не усилилъ своихъ политическихъ прерогативъ;

и) ѣздить на охоту въ Русу князь могъ только осенью.

NB. Охота въ ту пору служила князьямъ не простой забавой, а источникомъ дохода.

2. Права вѣча.

а) Вѣче заключаетъ съ княземъ договоры, призываетъ, изгоняетъ, судитъ князей;

б) избираетъ посадника и тысяцкаго;

в) избираетъ и сгоняетъ владыкъ-архіепископовъ;

г) законодательствуетъ;

д) рѣшаетъ, вести ли войну или нѣтъ.

3. Основа вѣчевого устройства — общерусская: какъ и въ остальныхъ областяхъ Русской земли, новгородское вѣче

а) не есть учрежденіе постоянное: его созываютъ по мѣрѣ надобности;

б) каждый полноправный можетъ участвовать на немъ;

в) участвуетъ обыкновенно населеніе города, пригороды же лишь въ рѣдкихъ случаяхъ;

г) рѣшенія требовались единогласныя, что̀ зачастую достигалось насиліемъ большинства надъ меньшинствомъ (бурныя схватки на Волховскомъ мосту).

Но эта общерусская основа рѣзче подчеркнута, послѣдовательнѣе и глубже проведена въ жизнь: разстояніе между княземъ и вѣчемъ здѣсь значительно больше, чѣмъ въ остальной Русской землѣ.

4. Совѣтъ Господъ.

Его составъ: посадники и тысяцкіе, степенные (т. е. состоящіе на дѣйствительной службѣ) и бывшіе; старосты концовъ; сотскіе — общее имя имъ бояре. Предсѣдатель Совѣта — архіепископъ. Функціи: предварительное разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ, передъ поступленіемъ ихъ на

утвержденіе вѣча. Примѣнительно къ современной терминологіи англійскаго парламента, Совѣтъ Господъ — Верхняя палата, палата Лордовъ; Вѣче — Нижняя палата, палата Общинъ.

V. Опустошеніе Русскаго юга.

1. Опустошеніе края.

Опустошеніе Русскаго юга продолжалось и въ этотъ періодъ. Борьба съ половцами достигаетъ высшаго напряженія, а вторженія кочевниковъ и разореніе края становятся явленіемъ обыденнымъ и нормальнымъ. Населеніе продолжаетъ, какъ и раньше, бѣжать на сѣверовостокъ и на западъ. Отлагая на время свои ссоры, князья предпринимаютъ совмѣстно походы въ половецкія степи, врасплохъ нападаютъ на половецкія вежи, уводятъ оттуда плѣнниковъ, скотъ, коней; но половцы платятъ имъ тѣмъ же и, въ свою очередь, совершаютъ набѣги на пограничныя русскія села, возвращаясь къ себѣ съ еще болѣе богатой и разнообразной добычей. Такъ идутъ годы. Въ этой обстановкѣ выростали и смѣнялись поколѣнія, въ печальномъ сознаніи, что жизнь проходитъ подъ давленіемъ темной роковой силы, отъ которой никуда не уйти и не скрыться.

2. Слово о Полку Игоревѣ.

Это настроеніе, полное безвыходной грусти, безъ надежды на свѣтлое будущее нашло свое выраженіе въ поэтическомъ произведеніи той поры, въ «Пѣсни о Полку Игоревѣ». Темою для безыменнаго автора послужилъ неудачный походъ на половцевъ сѣверскаго князя Игоря, закончившійся его плѣненіемъ (1185). Богатое яркими образами, оно проникнуто сильнымъ лиризмомъ, своего рода покорностью судьбѣ. Передъ нами люди, надломленные жизнью; въ прошломъ они пережили мучительную драму. Не рогъ Роланда звучитъ въ этой «Пѣсни» увѣреннымъ и мощнымъ призывомъ; нѣтъ, это Ярославна, жена несчастнаго Игоря, «утромъ рано на забралѣ кычетъ лебедью» и дѣлится своимъ горемъ съ вѣтромъ, солнцемъ, Днѣпромъ; это самъ поэтъ печально слѣдитъ за распрями князей, главной причиной торжества варваровъ; и когда онъ хочетъ отдохнуть душею, то мысли его обращены въ прошлое: только тамъ, въ лицѣ Владиміра Мономаха, грозы половцевъ, блеснетъ для него настоящій лучъ, освѣтитъ и согрѣетъ его печальное настоящее.

3. Разгромы Кіева.

А Кіевъ-городъ падалъ все глубже и глубже. Взятый приступомъ, войсками Андрея Боголюбскаго, въ 1169 г., онъ тогда былъ отданъ на разграбленіе. Въ теченіе двухъ дней, опьянен-

ный успѣхомъ, побѣдитель зорилъ городъ, поджигалъ дома, убивалъ жителей, растаскивалъ чужое добро. Не пощажены были монастыри и церкви; забраны иконы, книги, ризы, колокола. 34 года спустя (1203) Кіевъ ожидала подобная же участь: онъ вторично взятъ и разграбленъ, но на этотъ разъ его грабили русскіе совмѣстно съ половцами, что̀, конечно, лишь усилило бѣдствіе. Огню и мечу подверглись одинаково и нижняя часть города (Подолъ), и верхняя со своими главными святынями, св. Софіей и Десятинною церковью. Храмы были опустошены, лишены своихъ украшеній, цѣнныхъ вещей; въ плѣнъ увели всю молодежь города, мужскую и женскую; монастыри также подверглись разгрому — монахи и монахини угнаны въ степь на тяжелую, а кто и на позорную работу. Уцѣлѣли только купцы иностранцы: они заперлись со своими товарами въ каменныхъ церквахъ и купили себѣ жизнь и свободу, отдавъ половцамъ половину добра. Съ тѣхъ поръ, обезчещенный, надломленный и хилый, печально влачилъ Кіевъ свои дни, въ ожиданьи третьяго, еще болѣе горшаго разгрома — татарскаго (1240).

VI. Представители Эпохи.

А. Люди новаго порядка.

1. Андрей Боголюбскій.

«Это былъ настоящій сѣверный князь, истый суздалецъ-залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятіямъ, по своему политическому воспитанію. На Сѣверѣ прожилъ онъ бо̀льшую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши Юга». Впервые онъ туда попалъ, когда ему было уже подъ 40 лѣтъ. «Андрей скоро выдѣлился изъ толпы тогдашнихъ южныхъ князей особенностями своего личнаго характера и своихъ политическихъ отношеній. Онъ въ боевой удали не уступалъ своему удалому сопернику Изяславу[1]), любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, заноситься въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на Югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ; но совсѣмъ не было обычно умѣнье Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ горячаго боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, осмотрительнымъ распорядителемъ. У Андрея всегда все было въ порядкѣ и наготовѣ; его нельзя было захватить врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы среди общаго переполоха. Привычкой ежеминутно быть на сторожѣ и всюду вносить порядокъ онъ напоминалъ своего дѣда Владиміра

[1]) Своему двоюродному брату Изяславу II Мстиславичу (ум. 1154 г.).

Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любилъ войны и послѣ удачнаго боя первый подступалъ къ отцу съ просьбой мириться съ побитымъ врагомъ» (Ключевскій).

2. Всеволодъ III — «былъ образцомъ большей части потомковъ своихъ, князей сѣверныхъ: былъ очень остороженъ, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, до рѣшительныхъ битвъ, которыми можно было вдругъ выиграть, но можно вдругъ и потерять; уступчивъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видѣлъ успѣхъ невѣрный, но постояненъ въ стремленіяхъ къ достиженію цѣли, а цѣль эта какъ у него, такъ и у потомковъ его — пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить себя на счетъ всѣхъ другихъ князей, подчинить ихъ себѣ: это-то стремленіе Всеволода III и потомковъ его и было средствомъ къ утвержденію единовластія въ Россіи» (Соловьевъ).

Б. Люди стараго порядка.

Два Мстислава, отецъ и сынъ, Храбрый (ум. 1180 г.) и Удалой (ум. 1228 г.) — «самые блестящіе представители старой Югозападной Руси въ борьбѣ ея съ новою Сѣверовосточною» (Соловьевъ).

3. Мстиславъ Храбрый.

Это онъ обвинилъ Андрея Боголюбскаго въ оскорбительномъ намѣреніи третировать младшихъ князей, какъ подручниковъ (см. выше), а чтобъ сильнѣе выразить свое негодованіе, приказалъ остричь послу Андрея голову и бороду. Въ Вышгородѣ онъ девять недѣль выдерживаетъ осаду Андреевой рати и заставляетъ ее со стыдомъ удалиться, нанеся ей рѣшительное пораженіе. Послѣдній годъ жизни онъ княжилъ въ Новгородѣ. Новгородъ тоже отстаивалъ свою старину отъ притязаній суздальскихъ князей и потому видѣлъ въ Мстиславѣ своего человѣка. Здѣсь Мстиславъ ярко проявилъ южнорусскія черты удалого воина. Тотчасъ по приходѣ онъ уже думаетъ, куда бы пойти повоевать, и идетъ на Чудскую землю; разгромилъ ее и вернулся, по выраженію лѣтописца, «съ славою и честью великою». На весну новая дума съ дружиной: куда еще пойти — и пошелъ на полоцкаго князя Всеслава.

Но, воинъ, онъ щедръ къ бѣднымъ, ласковъ къ монахамъ, отзывчивъ на нужды церковныя; попамъ и святительскому чину оказывалъ должную честь; онъ не жалѣлъ жизни за Русскую землю и за христіанъ и, истинный потомокъ Владиміра Краснаго Солнышка, не накапливалъ серебра и золота, а щедро дѣлился имъ со своею дружиной. Не было мѣста въ Русской землѣ, гдѣ бы его не любили, не желали имѣть у себя; и вѣсть о его смерти печалью пронеслась повсюду.

Очевидно, своимъ былъ Мстиславъ не для однихъ новгородцевъ. Русскіе люди того времени видѣли въ немъ образецъ доблести и добродѣтелей. Онъ жилъ, думалъ и дѣйствовалъ такъ, какъ жили, думали и дѣйствовали его современники. Мстиславъ не открывалъ имъ новыхъ горизонтовъ, не выбивалъ изъ наторенной колеи, но свято хранилъ устои старины, дорогіе большинству тогдашнихъ людей. За это-то тогдашнее большинство такъ и цѣнило его. Лучшее доказательство тому — гробъ Мстислава сталъ предметомъ поклоненія и церковь вскорѣ причла его къ лику святыхъ.

4. Мстиславъ Удалой. Подобно отцу, «онъ не думалъ объ усиленіи себя и дѣтей своихъ на счетъ другихъ князей, не думалъ объ умноженіи своихъ волостей, но заботился только о томъ, какъ бы прославить себя воинскими подвигами, любилъ рѣшать споры битвами, въ которыхъ видѣлъ судъ Божій; съ дружиною своею, славною также храбростію, онъ переѣзжалъ изъ одного конца русскихъ владѣній въ другой, являлся всюду, гдѣ только нужно было защитить слабаго отъ сильнаго и поддержать старину». Странствующій герой, покровитель утѣсненныхъ, онъ лишенъ всякаго государственнаго пониманія, всякихъ государственныхъ стремленій (Соловьевъ).

Долго сидѣлъ Мстиславъ безъ «настоящаго дѣла» въ своемъ Торопецкомъ княжествѣ и былъ уже не первой молодости, когда, узнавъ, что Всеволодъ III притѣсняетъ новгородскихъ купцовъ, задерживая ихъ въ своей землѣ, и не пропускаетъ въ Новгородъ хлѣбъ, — Мстиславъ явился неожиданно въ Торжокъ, схватилъ сторонниковъ суздальскаго князя и послалъ ихъ въ оковахъ въ Новгородъ, наказавъ сказать тамъ: «кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ; я пришелъ къ вамъ: слышу, князья дѣлаютъ вамъ насиліе — жаль мнѣ своей отчины». Это было предложеніе услугъ, и Новгородъ не отказался отъ нихъ, принялъ Мстислава своимъ княземъ, а тотъ собралъ ополченіе, повелъ его на Всеволода и принудилъ къ уступкамъ (1210). Стоило потомъ Мстиславу услыхать, что на югѣ черниговскій князь Всеволодъ Чермный незаконно овладѣлъ Кіевскою землею и изгналъ оттуда его двоюродныхъ братьевъ — онъ спѣшитъ туда, выгоняетъ Всеволода и возстановляетъ права обиженныхъ братьевъ.

Мстиславу однако не сидится на мѣстѣ: опять стоило польскому королю позвать его отнимать Галичъ у венгровъ, какъ онъ немедля сзываетъ вѣче и говоритъ новгородцамъ: «есть у меня дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ», — поклонился и ушелъ, сошелъ со княженія. Въ Галичѣ онъ прогналъ венгровъ, вокняжился тамъ, но не удержался: поссорился съ поляками и, будучи, въ свою очередь, изгнанъ, отправился за помощью къ половцамъ «отмстить свой соромъ». Но, еще не

доходя до степей, слышитъ Мстиславъ, что суздальскіе князья, сыновья Всеволода III, чинятъ неправду надъ Новгородомъ, грозятъ Новый Торжокъ сдѣлать столицею Новгородской земли, а Новгородъ низвести на степень пригорода. Не стерпѣлъ Мстиславъ, полетѣлъ въ Новгородъ, собралъ вѣче и говоритъ: «пойдемте искать свою братью и своихъ волостей; да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ пусть и Новгородъ! И въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда!» Вдобавокъ младшіе сыновья Всеволода III (Ярославъ и Юрій) дѣйствовали, въ своей Суздальской землѣ, въ ущербъ правамъ старшаго брата (Константина), и Мстиславу представился случай одновременно и тутъ выступить защитникомъ правды, какъ онъ понималъ ее, согласно своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ на родовые обычаи.

Липецкая битва (1216) рѣшила споръ въ пользу Мстислава: но въ Новгородѣ онъ и теперь не надолго; его тянетъ на Югъ, и два года спустя онъ опять разстается съ новгородцами: «кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца у св. Софіи».

И пошелъ искать Галичъ, прогналъ венгровъ, вокняжился тамъ. Цѣль достигнута — но какая у Мстислава цѣль? Горизонтъ у него не широкій; дальше славы онъ ничего не видитъ. Ему любо сознавать, что Галицкая земля съ восторгомъ признала его своимъ княземъ, величаетъ «своимъ свѣтомъ», «сильнымъ соколомъ»; побѣдитель, онъ милостивъ ко врагу, не особенно заботясь, какъ используетъ врагъ эту его милость. Дѣйствительно, главнѣйшему изъ венгерскихъ бояръ, лобызавшему его колѣни, Мстиславъ далъ въ управленіе городъ Звенигородъ, обручилъ свою дочь съ венгерскимъ королевичемъ и отдалъ будущему зятю въ удѣлъ Перемышль, — т. е. вчерашнимъ врагамъ самъ же помогъ укрѣпиться въ своей землѣ.

Въ этой борьбѣ за Галичъ есть эпическіе моменты. Венгровъ одолѣли; городъ взятъ; король Коломанъ съ женой и боярами заперлись въ церкви; жажда мучаетъ ихъ, — и Мстиславъ, продолжая осаду, въ разгаръ военныхъ дѣйствій, посылаетъ имъ бочку воды. Чѣмъ это хуже Генриха IV, который кормитъ осажденныхъ въ Парижѣ? Но Генрихъ дѣйствовалъ по холодному политическому расчету, Мстиславомъ же двигало минутное настроеніе, порывъ сердца и мысль, что всѣ они, осажденные и осаждающіе, враги и друзья, всѣ — одна семья, тѣ же сородичи и близкіе люди.

И вездѣ Мстиславомъ руководитъ чувство: сегодня Галичъ, а завтра Калка. Поистинѣ удалой, Мстиславъ рвется впередъ, точно боясь, какъ бы успѣхъ побѣды надъ татарами не пришлось раздѣлить съ остальными князьями, что не достанется слава

ему одному: онъ опередилъ главныя силы, не расчитавъ силъ татарскихъ, ударилъ на нихъ, былъ разбитъ на голову и тѣмъ предопредѣлилъ несчастный исходъ сраженія.

Послѣдніе годы жизни Мстиславъ сидитъ въ Галичѣ, но жалкой игрушкой въ рукахъ бояръ. Интригуя и обманывая, бояре довели его до открытаго столкновенія съ молодымъ зятемъ своимъ, знаменитымъ впослѣдствіи Даніиломъ Галицкимъ; выжили самого Мстислава и убѣдили отдать Галицкій столъ не зятю, а дочери, женѣ венгерскаго королевича. Много потрудился Мстиславъ для русскаго дѣла въ Галичѣ, но теперь этимъ послѣднимъ поступкомъ онъ безсознательно самъ же своими руками подсѣкъ въ корнѣ всю прежнюю свою работу. Моральный приговоръ Мстиславъ самъ подписалъ себѣ, сказавъ Даніилу: «сынъ, согрѣшилъ я, не давъ тебѣ Галича, а далъ иноплеменникамъ, по совѣту Судислава-льстеца, меня обманувшаго».

Таковъ былъ Мстиславъ Удалой. «Онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не далъ новаго поворота ходу событій, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя. Это былъ, напротивъ, защитникъ старины, охранитель существующаго, борецъ за правду, но за ту правду, которой образъ сложился уже прежде. Его побужденія и стремленія были также неопредѣленны, какъ стремленія, управлявшія его вѣкомъ. Его доблести и недостатки носятъ на себѣ отпечатокъ всего, что въ совокупности выработала удѣльная жизнь. Это былъ лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ; и въ этомъ отношеніи жизнь его выражала современное ему общество» (Костомаровъ).

Мстиславъ многими чертами напоминаетъ шведскаго короля Карла XII: у того и другого полное отсутствіе политической прозорливости, та же погоня за безплодною славой, тотъ же узкій горизонтъ личныхъ и фамильныхъ отношеній, та же неспособность подняться до уровня интересовъ общегосударственныхъ. Своею дѣятельностью Мстиславъ и Карлъ какъ бы хотѣли лишній разъ напомнить намъ, что въ ихъ жилахъ течетъ норманская кровь, — кровь тѣхъ викинговъ-берсеркеровъ, которые искали войны ради самой войны, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что Карлъ XII жилъ въ эпоху, когда такой пережитокъ сталъ уже полнымъ анахронизмомъ, во времена же Мстислава духовное родство съ норманнами X—XII в. было явленіемъ вполнѣ естественнымъ и даже вызывало симпатію въ современникахъ.

Типичный представитель своего времени, богатый личными доблестями, Мстиславъ, тѣмъ не менѣе, совершенный пустоцвѣтъ въ русской жизни: положительныхъ слѣдовъ по

себѣ онъ не оставилъ, и если бы не лѣтопись, ничто не напоминало бы намъ о немъ. Не то Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III: первый камень, который потомъ пошелъ на кладку фундамента будущаго государственнаго зданія Россіи, обтесанъ былъ ими.

VII. Памятники духовной культуры. 1169—1242.

1. «Слово» или «Моленіе» Даніила Заточника, конца XII в. Цѣль сочиненія, равно и личность автора остаются еще не ясными. «Слово» отразило въ себѣ ходячую народную мудрость, что̀, вмѣстѣ съ обиліемъ нравоучительныхъ текстовъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ писаній, и замысловатымъ остроуміемъ, завоевало ему у современниковъ обширный кругъ читателей.

2. «Слово о Полку Игоревѣ», конца XII в.

3. Патерикъ Печерскій, собраніе повѣстей о подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскаго монастыря, о легендахъ и чудесахъ, имъ приписываемыхъ, первой половины XIII в.

---

4. Церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ; стѣнныя фрески, XII в., по византійскимъ образцамъ, работы русскихъ мастеровъ новгородской школы.

5. Спасопреображенскій соборъ въ Мирожскомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ Пскова, съ замѣчательно сохранившимися фресками (сцены изъ Новаго Завѣта), по лучшимъ оригиналамъ византійской стѣнописи, 1156 г.

6. Церковь Покрова на Нерли, въ Суздальскомъ краѣ, заложена 1165 г. Андреемъ Боголюбскимъ. Романскій стиль архитектуры ярко выступаетъ въ ней: одноглавая; пилястры, узкія полуколонки; поясъ изъ ряда колоннъ; внѣшнія украшенія: человѣческія фигуры, звѣри, фантастическія животныя; внутренность раздѣлена пилястрами на 3 нефа (корабля). Прототипъ Дмитріевскаго собора въ меньшихъ размѣрахъ. «Одинъ изъ величайшихъ памятниковъ мірового искусства» (Грабарь).

7. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ честь св. Димитрія Солунскаго, 1194—1197 г., наиболѣе совершенный образецъ романскаго стиля у насъ въ Россіи. Одноглавый; богатѣйшая орнаментація наружныхъ стѣнъ: птицы, звѣри, грифоны, гарпіи; многія изъ нихъ очень близки къ украшеніямъ венеціанскаго собора св. Марка; богатый поясъ изъ колонокъ; внутри 5 нефовъ, украшенныхъ фресками. Особенность Дмитріевскаго собора, какъ и ц. Покрова на Нерли, въ сочетаніи вліяній романской архитектуры съ греко-

восточною. Въ этомъ сочетанiи зародышъ будущаго русскаго нацiональнаго искусства.

8. Церковь Спаса Нередицы, въ окрестностяхъ Новгорода, 1198 г.; богатѣйшiя, оригинальныя фрески, почти не тронутыя временемъ. «Всѣ стѣны внутри храма покрыты сплошнымъ ковромъ фресокъ, хорошо сохранившихся и оставляющихъ глубокое впечатлѣнiе значительностью композицiй и торжественной суровостью красокъ. Фрески эти должны быть отнесены къ числу лучшихъ созданiй стѣнной живописи XII вѣка не только въ Россiи, но и въ цѣлой Европѣ и придаютъ въ высшей степени драгоцѣнный видъ этому, такъ долго находившемуся въ забвенiи созданiю примитивной вѣры.» Вообще творчество новгородскихъ и псковскихъ мастеровъ создало «такой волшебный мiръ красоты, что равнять его можно лишь съ вершинами, до которыхъ доходило мiровое искусство. Кому посчастливилось видѣть наиболѣе совершенныя изъ ихъ созданiй и довелось почувствовать власть ихъ чаръ, тотъ знаетъ, что придетъ время, когда европейскiе музеи будутъ такъ же искать новгородскихъ иконъ, какъ ищутъ сейчасъ египетскихъ и греческихъ скульптуръ» (Грабарь).

---

9. Крестъ преп. Евфросинiи Полоцкой, 1161 г., «одно изъ рѣдчайшихъ, по драгоцѣнности и высотѣ техническаго искусства, произведенiй древнерусскаго мастерства, воспользовавшагося предметами и средствами византiйскаго художества» (Кондаковъ). (Полоцкъ. Спасскiй м-рь).

10. Корсунскiя врата, главныя входныя (западныя) двери въ Софiйскомъ соборѣ, въ Новгородѣ: на деревянной основѣ набиты дощечки изъ листовой мѣди, съ изображенiемъ 48 сценъ изъ Свящ. Писанiя, съ надписями по латыни (надписи славянскiя — позднѣйшiя); нѣмецкой работы конца XII в.; образчикъ сѣвернаго романскаго стиля.

11. Сигтунскiя врата, боковыя, тамъ же; итало-византiйской работы, съ орнаментомъ; попали въ Новгородъ, вѣроятно, изъ города Сигтуна (въ Швецiи), XII вѣка.

---

12. Хутынскiй монастырь, близъ Новгорода, 1192 г.

В. МОСКОВСКО — ЛИТОВСКІЙ ПЕРІОДЪ. 1242—1462.

I. Характеристика періода.

1. Москва и Вильна.

Группированіе русскихъ земель вокругъ двухъ центровъ, начавшееся еще въ предыдущій періодъ, теперь обозначилось еще рѣзче, съ тѣмъ лишь однако отличіемъ, что на Сѣверовостокѣ центръ остался прежнимъ: Владиміръ-Москва, на Югозападѣ же мѣсто Галича и Волыни заняла литовская Вильна. Новгородъ самостоятельной позиціи не съумѣлъ создать себѣ и теперь: онъ яблоко раздора между Литвой и Москвою и, рано или поздно, та или другая втянетъ его въ свою орбиту и лишитъ политической независимости.

2. Что обусловило рубежъ между Русью Суздальско-Волынскою и Русью Московско-Литовскою?

Почти одновременное появленіе на В. — татаръ, а на З. — нѣмецкихъ орденовъ, Ливонскаго (Меченосцевъ) и Тевтонскаго. Тягость татарскаго ига вызвала, въ противовѣсъ, бóльшую сплоченность областей. Татары послужили могучимъ толчкомъ къ объединенію Сѣверовосточной Руси вокругъ московскаго центра, фундаментъ чему заложенъ былъ еще въ предыдущій періодъ (работа Андрея Бог. и Всеволода III). Въ свою очередь наступательное движеніе нѣмецкихъ орденовъ пробудило литовское племя, призвавъ его къ исторической жизни. Подъ натискомъ съ запада, Литва сама двигается на востокъ, на югъ, ищетъ себѣ точки опоры и находитъ ее въ соединеніи своихъ силъ съ силами Югозападной Руси.

3. Отчужденіе отъ Зап. Европы.

Борьба Александра Невскаго съ шведами (побѣда его на р. Невѣ, 1240 г.) и съ орденомъ Меченосцевъ (Ледовое побоище на Чудскомъ оз., 1242 г.) носитъ характеръ религіозно-національный. Шведы и нѣмцы явились врагами русской народности и русской вѣры. Такимъ образомъ заслуга Александра, въ глазахъ его современниковъ, заключалась въ томъ, что онъ: а) отстоялъ политическую независимость Русской земли: не допустилъ вторженія въ нее иноземцевъ, и б) отстоялъ чистоту русской вѣры: не допустилъ «латинскую» ересь исказить истинное православіе. И раньше духовная связь Россіи съ Зап. Европою была слаба — теперь порывались послѣднія нити. Татарское иго и безъ того тянуло Россію въ сторону Востока, требовало усиленнаго къ себѣ вниманія; Россіи, съ появленіемъ

татаръ, и безъ того стало вдвое труднѣе сохранять свою европейскую физіономію и соприкасаться духовно съ Европой, — теперь крестоносный характеръ шведско-нѣмецкаго наступленія создалъ еще больше препятствій къ тому. Иго татарское волей-неволей заставляло поворачиваться лицомъ къ Востоку — появленіе шведовъ и нѣмцевъ на р. Невѣ и на Чудскомъ оз. вызывало добровольное желаніе отвернуться отъ Запада. Совокупность этихъ обстоятельствъ на долгое время отчудило Россію отъ Зап. Европы и поставило ее внѣ общенія съ ея культурною жизнью.

NB. Подъ Россіей слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ Сѣверовосточную Русь; но и Русь Югозападная, хотя ближе стояла къ Европѣ, тоже воспиталась въ чувствѣ враждебности и сознанія противоположности интересовъ. Сближеніе Даніила Галицкаго съ Папскимъ престоломъ на почвѣ религіозной — принятіе имъ католичества — фактъ единичный, и самой изолированностью своею лишь рѣзче подчеркиваетъ общее положеніе.

II. Александръ Невскій, Даніилъ Галицкій и Миндовгъ Литовскій.

Что между ними общаго? Современники (первый и послѣдній умерли въ 1263 г.; Даніилъ годомъ позже), всѣ они слабы, всѣ должны приноравливаться къ обстоятельствамъ, считаться съ врагами болѣе сильными, всегда быть зоркими, осмотрительными; многое они вынуждены дѣлать противъ воли и убѣжденій, прибѣгать къ изворотливости, всюду проявлять большую гибкость совѣсти и находчивость. Смѣлая, открытая политика несовмѣстна съ ихъ положеніемъ.

1. Александръ Невскій.

Онъ прилагаетъ невѣроятныя усилія ввести расхлеставшееся татарское море въ должныя границы, примирить возмущенное чувство русскихъ людей съ неизбѣжностью ига; заискиваетъ у татаръ и, когда убѣжденіемъ, когда силою, заставляетъ свой народъ подчиниться требованіямъ хана. Гибкость и изворотливость проявилъ онъ изумительныя, и дѣятельность его результаты дала положительныя. Александръ — это типъ сѣвернаго князя: практическій умъ, разсудительность, желѣзная воля, настойчивость и терпѣніе; увлеченіямъ нѣтъ мѣста; цѣнится одно только реальное благо. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III, въ его положеніи, дѣйствовали бы такъ же, какъ онъ.

2. Даніилъ Галицкій.

Это, наоборотъ, типъ южнорусскаго князя. Онъ тоже, какъ и Александръ Невскій[1]), въ желѣзныхъ тискахъ: враги извнѣ: татары, литва; вдобавокъ еще враги домашніе: собственные бояре, открыто съ нимъ враждующіе; неустойчивыя отношенія къ полякамъ и венграмъ, сегодня союзникамъ, завтра врагамъ; зато у Александра опредѣленно намѣченный путь и способъ дѣйствій; свои средства онъ старательно взвѣситъ, прежде чѣмъ станетъ примѣнять ихъ къ дѣлу; Даніилъ же съ блестящими дарованіями, съ наслѣдственной любовью къ славѣ, съ широкими государственными замыслами, по духовному облику, несомнѣнно, болѣе симпатичный, лишенъ однако устойчивыхъ взглядовъ и политической программы. Даніилъ не умѣетъ, когда это нужно, пожертвовать своимъ настроеніемъ, поступиться чувствомъ въ пользу холоднаго разсудка. Не даромъ онъ сродни (зятемъ) такому яркому представителю Юга, какъ Мстиславъ Удалой.

Сначала онъ долго не ѣдетъ въ Орду: ему оскорбительна самая мысль о предстоящемъ горькомъ униженіи, а въ концѣ концовъ онъ все-таки поѣхалъ! Выпилъ чашу униженія — и понапрасну; пользы изъ этого не извлекъ никакой: все равно потомъ не выдержалъ и взбунтовался противъ хана. Правда, побужденія у него благородныя: «злѣе зла честь татарская», — почести, оказанныя ему въ Ордѣ; а въ конечномъ результатѣ новое нашествіе татаръ на его землю и новое разореніе края, — именно то, отъ чего умѣлъ избавить Александръ Невскій свою Сѣверовосточную Русь. Такъ же непостояненъ Даніилъ и съ Литвою: то противъ нея, то заодно съ нею. Въ расчетѣ на помощь Римскаго престола, онъ принимаетъ католичество и, съ нимъ, королевскій вѣнецъ, но потомъ, обманутый въ надеждахъ, рѣзко порываетъ духовныя связи съ Римомъ. Брачнымъ союзомъ съ венгерскимъ королемъ Бѣлой IV Даніилъ расчитывалъ было обезпечить своему сыну австрійскую корону, но ошибся и тутъ: Бѣла охотно использовалъ его военную помощь въ войнѣ съ чехами и нѣмцами, но потомъ, когда дѣло дошло до расплаты, жестоко обманулъ Даніила. Въ результатѣ яркая, шумная дѣятельность Даніила ничего положительнаго не дала и дать не могла.

Вина однако не въ одной личности Даніила. Дѣятельность Александра прошла въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ; изъ внѣшнихъ враговъ (въ пору его великокняженія) ему пришлось считаться съ одними татарами; у себя дома помѣхъ онъ не встрѣчалъ: отъ крамольныхъ бояръ судьба его

[1]) Александръ приходился троюроднымъ братомъ Роману, отцу Даніила.

избавила, въ самомъ же населеніи, — въ его свойствахъ: разсудительности и природной сметкѣ, въ общественности и житейскомъ тактѣ — Александръ встрѣтилъ даже прямую поддержку. Такой поддержки у Даніила не было.

«Въ судьбѣ этого князя было что-то трагическое. Многаго добился онъ, чего не достигалъ ни одинъ южнорусскій князь и съ такими усиліями, которыхъ не вынесъ бы другой. Почти вся Южная Русь, весь край, населенный южнорусскимъ племенемъ, былъ въ его власти; но не успѣвши освободиться отъ монгольскаго ига и дать своему государству самостоятельное значеніе, Данило тѣмъ самымъ не оставилъ и прочныхъ залоговъ самостоятельности для будущихъ временъ. По отношенію къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, какъ и вообще во всей своей дѣятельности, Данило, всегда отважный, неустрашимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный и добросердечный до наивности, былъ менѣе всего политикъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы не видимъ и слѣда хитрости, даже той хитрости, которая не допускаетъ людей попадаться въ обманъ. Этотъ князь представляетъ совершенную противоположность съ осторожными и расчетливыми князьями Восточной Руси, которые, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ, усвоивали отъ отцовъ и дѣдовъ путь хитрости и насилія, и привыкли не разбирать средствъ для достиженія цѣли» (Костомаровъ).

3. **Миндовгъ.**

Миндовгъ заложилъ основной камень подъ государственное зданіе Литвы. Но чего это ему стоило! Какой напряженной борьбы, неутомимой дѣятельности и энергіи! И сколько проявилъ онъ при этомъ ловкости, хитрости и жестокости! Онъ не разбиралъ средствъ, не останавливался передъ убійствомъ соперника, а гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, сыпалъ золотомъ, прибѣгалъ къ обману, вплоть до измѣны вѣрѣ отцовъ. Чуть зашевелилась Литва и, въ его лицѣ, выкинула объединительное знамя, сосѣди, почуявъ опасность, всѣ кидаются на него, готовые задушить въ зародышѣ начатую работу: оба нѣмецкихъ ордена, Ливонскій и Тевтонскій; польскіе князья мазовецкіе, князья пинскіе, галицкій князь Даніилъ. У себя дома, въ самой Литвѣ, Миндовгъ тоже встрѣтилъ отпоръ: вѣдь съ его усиленіемъ мѣстнымъ племеннымъ князькамъ неизбѣжно предстояла утрата ихъ независимости! Даже въ близкой роднѣ нашлось больше ожесточенныхъ соперниковъ, чѣмъ добрыхъ помощниковъ.

На пути стоятъ родной братъ и племянники; Миндовгъ замышляетъ убить ихъ, и если они остались въ живыхъ, то отнюдь не по его милости. Разъединить своихъ враговъ — вотъ на что направлены всѣ усилія Миндовга, и тутъ онъ проявилъ

много ума и ловкости. Прежде всего онъ обезопасилъ себя со стороны польскихъ князей, а Ливонскій орденъ обезоружилъ, принявъ христіанство. Послѣ этого осилить племянниковъ стало много легче, тѣмъ болѣе что для этого въ Литвѣ, при ея партійныхъ мелкихъ раздорахъ, средства всегда были на лицо; затѣмъ Миндовгъ разъединяетъ пинскихъ князей съ Даніиломъ Галицкимъ и, наконецъ, привлекаетъ послѣдняго на свою сторону, закрѣпивъ добрыя отношенія съ могущественнымъ сосѣдомъ, выдавъ свою дочь за его сына Шварна.

Теперь, обезпечивъ себя съ юга, онъ бросается на главнаго врага, на нѣмецкихъ рыцарей, которые держатъ въ рукахъ часть Литовской земли. Долго сдерживалъ себя Миндовгъ. Христіанство было для него кабалой; не искупилъ ее и королевскій титулъ, присланный папою Иннокентіемъ IV вмѣстѣ съ благословеніемъ; но на свое обращеніе Миндовгъ смотрѣлъ, какъ на передышку, и, какъ мы сейчасъ видѣли, умѣло воспользовался ею. Черезъ 11 лѣтъ (1250—1261) онъ сбросилъ личину, снова вернулся въ язычество, вернулъ себѣ симпатіи туземнаго населенія и въ рядѣ битвъ нанесъ жестокое пораженіе нѣмцамъ, освободивъ отъ нихъ родную землю.

Но Миндовгъ родился слишкомъ рано, чтобы идея единой Литвы могла окончательно восторжествовать. Время Гедимина и Ольгерда еще не наступило. Миндовгъ погибъ отъ руки своихъ близкихъ; однако сѣмя, брошенное имъ, не заглохло.

III. Литовское Государство.

1. Гедиминъ
|
Ольгердъ . . . . Кейстутъ
| |
Ягелло . . . . Витовтъ
|
Казиміръ IV

2. **Литовскія племена.**

Летьгола или Латыши . . .	по нижнему теченію Зап. Двины, на правомъ ея берегу.
Жемгала или Земигола . . . (Semigallia)	тамъ же, на лѣвомъ берегу рѣки.
Корсь или Куроны	по р. Виндавѣ и у моря Балтійскаго (Рижскій заливъ).
Жмудь (Samogitia)	по нижнему Нѣману.
собственно Литва	по среднему Нѣману и по р. Виліи.

Пруссы . . . . .по берегу Балтійскаго моря, между устьевъ Нѣмана и Вислы.
Ятвяги . . . . .къ югу отъ Литвы, въ направленіи къ Западному Бугу.

3. **Завоеваніе русскихъ областей.**

а) Ко времени смерти Миндовга (ум. 1263 г.):
Черная Русь (главный городъ Новогродокъ; городъ Гродно).
Полоцкое княжество.

б) Послѣ Миндовга:
Минская земля.

в) При Гедиминѣ (1316—1341):
Туровское княжество.
Пинское княжество.
Витебское княжество.

Передъ смертью Гедимина русскія области составляли больше двухъ третей всей территоріи Литовскаго государства.

г) При Ольгердѣ (1341—1377; великимъ княземъ съ 1345 г.):
Чернигово-Сѣверская область (города: Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ).
Кіевская область.
Подолье (земли межъ Бугомъ и Днѣстромъ, сѣверная часть ихъ; города: Каменецъ, Бакота).
Волынь.

Ольгердъ держалъ въ зависимости смоленскихъ князей; одно время подъ его вліяніемъ находился Псковъ. Его владѣнія простирались отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и отъ Зап. Буга до Угры, Оки и истоковъ Сейма.

д) При Витовтѣ (1392—1430):
Смоленская область (1395). Позже, потерявъ, Витовтъ снова завоевалъ ее (1404).

4. **Литва и Польша.**

У той и другой общій опасный врагъ — Тевтонскій орденъ. Это обусловило союзъ двухъ государствъ и самую прочность союза.

а) Бракъ Ягеллы съ Ядвигой. 1386.

б) Витовтъ — великій князь литовскій, но съ признаніемъ надъ собой главенства Польши. 1392.

в) Виленскій договоръ 1401 г. обязывалъ оба народа: имѣть общихъ враговъ и друзей и не выбирать себѣ государей иначе, какъ по взаимному соглашенію. Въ частности, Литва обязывалась, въ случаѣ смерти Витовта, признать надъ собою власть Ягеллы.

г) Битва при Танненбергѣ (Грюнвальдѣ). 1410. Побѣдители (Литва и Польша) не умѣли использовать ее, но моральное значеніе ея огромно.

д) Городельская унія. 1413. Литовскіе бояре, если они католики, получали права и привилегіи польской шляхты. Этимъ: ограничивалась власть вел. князя; ополячивалась Литва; прививались ей польскіе воззрѣнія и порядки; окатоличивалось населеніе, бывшее почти исключительно православнымъ.

е) Старанія Витовта получить королевскій титулъ: въ цѣляхъ освободить себя отъ польской зависимости. Помѣхи со стороны Польши, желавшей сохранить свою власть надъ Литвой (1429, 1430).

5. **Выгодныя стороны союза Литвы съ Польшею.**

а) Опора въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ. Выгода была обоюдная. Только совмѣстными усиліями могли Польша и Литва одолѣть нѣмецкихъ рыцарей. Битва при Танненбергѣ доказала это. Правда, она не уничтожила окончательно силъ Тевтонскаго ордена, но все же пріостановила нѣмецкій натискъ на Востокъ (Drang nach Osten). Въ исторіи отношеній славянской и нѣмецкой народности битва 1410 г. имѣетъ значеніе поворотнаго пункта: ею устранена опасность, грозившая одинаково и Польшѣ, и Литвѣ, а за ними также и Русской землѣ, подпасть насильственному вліянію германской культуры (германизаціи), исказить свой языкъ и свой бытъ, вообще духовный обликъ свой — участь, уже постигшая другія славянскія и литовскія народности (бодричи, лютичи, Полабскіе славяне, кашубы, лужичане, Литовскіе пруссы). Отсюда моральное значеніе этой битвы. Память о ней и до сихъ поръ неразрывна съ мыслью о возможности и о нравственномъ долгѣ нашемъ охранять чистоту духовныхъ особенностей славянской расы и не допускать внѣдренія всего, что ей чуждо по самой природѣ своей.

б) Литва могла съ бо̀льшимъ успѣхомъ продвигаться на Востокъ (завоеваніе Смоленскаго княжества; притязанія Витовта на Новгородъ, Псковъ).

в) Литва легче перенесла послѣдствія пораженія, нанесеннаго ей Едигеемъ на р. Ворсклѣ (1399).

6. **Пагубныя стороны союза Литвы съ Польшею.**

а) Потеря политической самостоятельности. Литва вошла въ орбиту польской жизни и польскихъ политическихъ отношеній.

б) Уже при Гедиминѣ Литовское государство состояло больше чѣмъ на двѣ трети изъ русскихъ областей; теперь, со временъ Витовта, чисто литовскій элементъ, можно сказать,

топулъ въ массѣ русской народности ($^1/_{10}$ и $^9/_{10}$). Само собой, незамѣтно, безъ всякаго давленія извнѣ, въ литовскомъ населеніи начался процессъ обрусѣнія. Съ болѣе развитой гражданственностью, русскіе духовно подчинили себѣ литовцевъ: русскій языкъ, православная вѣра, русскіе обычаи, русскіе порядки въ общественной жизни и въ государственномъ укладѣ все болѣе и болѣе проникали въ литовскую среду, — все говорило о предстоящемъ полномъ превращеніи Литовскаго государства въ Литовско-Русское, если не прямо въ Русское государство, съ Вильной-столицею. Бракъ 1386 г. нарушилъ нормальный ходъ этого мирнаго поглощенія одной народности другою, и въ этомъ отношеніи является событіемъ громадной важности. Вторженіе католичества и польскихъ государственныхъ порядковъ внесло сѣмена религіозной вражды и поставило лицомъ къ лицу двѣ разныхъ культуры: одну — проникнутую началами демократизма, другую — началами аристократизма.

б) Борьба съ Москвою изъ-за обладанія русскими областями началась еще при Ольгердѣ (изъ-за Твери); она будетъ продолжаться и послѣ Витовта, причемъ приметъ размѣры не частнаго столкновенія изъ-за какой-нибудь отдѣльной земли, а борьбы за полное подчиненіе одной стороны другою, — сведется къ основному вопросу: Москва или Вильна соберетъ вокругъ себя русскую народность (Стефанъ Баторій, Смутное время и пр.), и въ этой борьбѣ симпатіи русскаго населенія Литвы окажутся не на сторонѣ своего правительства, а на сторонѣ Москвы, которая явится въ его глазахъ истинной носительницей національной и религіозной правды. Бракъ 1386 г. и послѣдующіе договоры (уніи: Городельская, 1413 г.; Люблинская, 1569 г.; Брестская, 1596 г.) выбьютъ Литовскую Русь изъ нормальной колеи и предопредѣлятъ будущее возсоединеніе западнорусскихъ областей при Екатеринѣ II.

IV. Причины усиленія Москвы.

1. Географическое положеніе Москвы.

1) Московскій удѣлъ, по своему положенію на границѣ ЮЗ. и СВ. Руси, служилъ первою остановкой для переселенцевъ, направлявшихся изъ Кіевскаго Приднѣпровья въ бассейнъ Волги и Оки; переселенческій потокъ, естественно, пріостанавливался здѣсь и, расплываясь по области, значительно содѣйствовалъ уплотненію ея народонаселенія.

2) Рѣка Москва своимъ теченіемъ сближала Верхнюю Волгу съ среднимъ теченіемъ Оки, создавая удобный транзитный путь изъ Новгорода въ Рязанскую область, самую богатую есте-

ственными произведеніями во всемъ Сѣверовосточномъ краѣ: уже съ давнихъ поръ, и въ изобиліи, новгородцы вывозили отсюда въ Европу медъ и воскъ. Не даромъ на перевалѣ съ Волги въ р. Москву, именно на р. Ламѣ, возникъ городъ Волокъ Ламскій (Волоколамскъ, нынѣ уѣздный городъ Московской губ.).

Оба эти обстоятельства превращали Москву въ своего рода дорожный узелъ, гдѣ перекрещивались пути съ ЮЗ. на СВ. и съ СЗ. на ЮВ. Первая дорога увеличивала населеніе Москвы, вторая — матеріально обогащала ее (пошлины въ казну князя; заработокъ мѣстнымъ жителямъ).

2. Центральное положеніе Московскаго княжества.

Московское княжество лежало окруженное княжествами Нижегородскимъ, Рязанскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ и, съ сѣвера, землями Новгородской общины, прикрытое отовсюду отъ внѣшнихъ враговъ: татары ли, литва ли, прежде чѣмъ добраться до него, обрушивали свой первый ударъ на периферію: на область Рязанскую, Смоленскую или Тверскую, и зачастую, встрѣтивъ здѣсь отпоръ, уже не шли дальше, а, подобно волнѣ, потерявшей свою первоначальную силу, откатывались назадъ. Такъ, въ то время, какъ Рязанская область постоянно терпѣла отъ татарскихъ вторженій, Московское княжество не слыхало о нихъ съ 1293 г. вплоть до нашествія Тохтамыша (1381). Благодаря этому, населеніе окраинъ охотно шло подъ защиту московскихъ князей, тѣмъ болѣе что сильныхъ областныхъ привязанностей оно не выработало и вообще привыкло переходить, чуть какое затрудненіе, изъ одного княжества въ другое, находя вездѣ одинаковыя условія жизни, одинаковый бытъ и порядокъ.

3. Личныя свойства и политика московскихъ князей.

А. Князья-хозяева.

Въ исторической литературѣ давно установилось за московскими князьями, предшественниками Ивана III, прозваніе князей-собирателей. Какъ курочка по зернышку клюетъ, такъ и московскіе князья потихоньку да помаленьку увеличивали и расширяли свой наслѣдственный удѣлъ. Но, какъ курица то терпѣливо выжидаетъ времени, когда ей дадутъ зерна, то не задумается стянуть его у зазѣвавшейся хохлатки, такъ и московскіе князья, особенно вначалѣ, когда каждый лишній кусокъ былъ особенно цѣненъ, не упускали случая стянуть, что плохо лежитъ: обманомъ захватятъ у Рязанскаго князя Коломну, у Можайскаго — его удѣлъ, какъ это сдѣлалъ Юрій, сынъ Даніила.

Вообще же это мирные хозяева, скопидомы, терпѣливо и заботливо округлявшіе свои владѣнія путемъ «прикуповъ» и «примысловъ», покупкой ли удѣла у обѣднѣвшаго князя; отдѣльнаго села и деревни — у простого землевладѣльца, или просто дожидаясь, когда родственникъ умретъ бездѣтнымъ и откажетъ имъ свое княжество (Даніилъ, получившій Переяславль по смерти своего племянника). Всѣ ихъ способности направлены на пріобрѣтеніе, и удобнаго случая, разъ онъ представился, они уже не упустятъ. Они домовито устраиваютъ свой удѣлъ, заботятся водворить въ немъ прочный порядокъ, заселяютъ промышленными и рабочими людьми, перезывая ихъ къ себѣ изъ чужихъ княжествъ, «толпами покупаютъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и на льготныхъ условіяхъ сажаютъ тѣхъ и другихъ на своихъ московскихъ пустошахъ, строятъ деревни, села, слободы» (Ключевскій).

Б. Князья-политики.

Но не одними чисто хозяйственными способами увеличивали московскіе князья свои владѣнія. Они съумѣли найти себѣ мощную поддержку во всевластныхъ татарскихъ ханахъ, этихъ истинныхъ хозяевъ и властелиновъ Русской земли, ихъ покорнаго «улуса»:

1) Они выхлопотали себѣ титулъ великаго князя (1328) и съумѣли удержать его съ тѣхъ поръ за собой. Это навсегда обезпечило имъ первое мѣсто среди остальныхъ князей, голосъ ихъ сталъ звучать болѣе властно и авторитетно, а князья остальныхъ областей начали сходить все болѣе и болѣе на положеніе простыхъ подручниковъ.

2) Тогда же, при Иванѣ Калитѣ, московскіе князья добились права самимъ собирать съ Русской земли татарскую дань, т. наз. «выходъ», вмѣсто прежнихъ данщиковъ. Новый порядокъ былъ выгоденъ всѣмъ: а) Ордѣ — избавляя ее отъ хлопотъ, гарантируя отъ недоимокъ, сопротивленія со стороны населенія; б) самому населенію и, въ частности, всѣмъ русскимъ князьямъ — избавляя ихъ отъ непосредственныхъ сношеній съ Ордой и соприкосновенія съ ея чиновниками, которые разъѣзжали по Русской землѣ обыкновенно съ вооруженнымъ конвоемъ, грабя и угнетая народъ; в) выгоденъ былъ новый порядокъ и московскимъ князьямъ: онъ ставилъ остальныхъ князей въ зависимое отъ нихъ положеніе, а при безконтрольномъ сборѣ дани давалъ возможность наживаться, собирая ее въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ какой полагался Ордѣ.

Но какъ съумѣли московскіе князья добиться такого привилегированнаго положенія?

1) Изворотливые, безъ «излишняго» самолюбія, они пускали въ ходъ подкупъ, обманъ, низкопоклонство, умѣли терпѣливо

выжидать благопріятной минуты. Въ Ордѣ открыто торговали ярлыкомъ на великое княженіе, и московскіе князья-скопидомы, съ туго набитымъ карманомъ (»калита« значитъ денежный кошель) обладали въ достаточной мѣрѣ презрѣннымъ металломъ, чтобы наддать высокую цѣну на томъ своеобразномъ аукціонѣ, какой производился въ ханской палаткѣ въ Ордѣ. Разумѣется, такой образъ дѣйствій не могъ не наложить на московскихъ князей отталкивающаго отпечатка: погоня за грубой, матеріальной наживой, жесткій, безсердечный эгоизмъ и полная неразборчивость въ средствахъ — черты вообще присущія московскимъ князьямъ того времени.

2) Но успѣхъ московскихъ князей объясняется не одной ловкостью и покладистостью моральной — ихъ совокупная дѣятельность представляетъ собою замѣчательную послѣдовательность. Всѣ они точно скроены изъ одной матеріи на одинъ фасонъ; у всѣхъ у нихъ одна мысль. Сынъ старательно продолжаетъ дѣло отца, неуклонно держась пути, по которому шелъ тотъ, и въ свою очередь указываетъ своему сыну путь, по которому слѣдуетъ идти и ему. «Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ» (Соловьевъ). Эта устойчивость программы, эта концентрація силъ, направленныхъ въ одно мѣсто, это терпѣніе и настойчивость на протяженіи шести поколѣній необходимо должны были увѣнчаться успѣхомъ.

1. Даніилъ, сынъ Александра Невскаго (ум. 1303 г.).
2. Иванъ Калита.
3. Сыновья Калиты.
4. Дмитрій Донской.
5. Василій I.
6. Василій II Темный (ум. 1462 г.).

3) Превращеніе города Владиміра въ московскую отчину, въ свою очередь, много содѣйствовало перевѣсу московскихъ Даниловичей надъ другими князьями. Владиміръ, стольный городъ, былъ яблокомъ раздора для князей Сѣверовосточной Руси: обладать имъ значило стать великимъ княземъ всея Руси и пользоваться соотвѣтственнымъ положеніемъ и правами. Вотъ почему такъ спорили изъ-за Владиміра одинаково и московскіе, и суздальскіе, и тверскіе, и рязанскіе князья. Въ отличіе отъ другихъ городовъ, Владиміръ былъ особымъ, какъ бы выдѣленнымъ городомъ, своего рода майоратомъ, находившимся

въ распоряженіи Золотой Орды: она награждала имъ, кого хотѣла.

Съ Ивана Калиты Владиміръ постоянно доставался московскимъ князьямъ, но каждый разъ только благодаря милостямъ хана. Однако 60 лѣтъ пользованія (1328—1389, за исключеніемъ 1359—1361) постепенно превратили фактъ въ право; втеченіе трехъ поколѣній (Калита — его сыновья — внукъ Дмитрій) Владиміръ такъ приросъ къ Москвѣ, что Дмитрій Донской, составляя завѣщаніе (1389), рѣшился назвать Владиміръ своею отчиною и отдать ее, какъ таковую, своему старшему сыну, не спрашиваясь хана и не дожидаясь его согласія. Послѣдствія оправдали этотъ смѣлый и въ тогдашнихъ условіяхъ незаконный шагъ. Съ той поры споръ могъ идти лишь о томъ, кому изъ московскихъ князей владѣть Владиміромъ и быть великимъ княземъ, — князья не-московскіе изъ самого спора исключались навсегда.

В. Князья-воины.

Пораженіе, нанесенное Мамаю на Куликовомъ полѣ (1380, 8 сентября), высоко подняло московскихъ князей въ глазахъ всей Руси. Побѣда глубоко запала въ народную душу, заронила свѣтлый лучъ надежды на окончательное избавленіе отъ татарскаго ига и оправдала собирательную и объединительную работу московскихъ князей. Раньше, на Калкѣ, русскіе князья дѣйствовали вразбродъ, заводили распрю въ самыя отвѣтственныя минуты и, въ результатѣ, терпѣли пораженіе; теперь почти всѣ князья (исключеніе: Олегъ Рязанскій) покорно сошлись подъ стягомъ Дмитрія, выставили неслыханную дотолѣ, по размѣрамъ, рать въ 150000 человѣкъ и одержали блестящую побѣду. Раньше князья отказывались подчиниться старшему князю, стать его подручниками; теперь — именно подручничество и дало побѣду надъ врагомъ. Великое дѣло Дмитрія Донского, освященное церковью, начатое съ ея благословенія (Сергій Радонежскій), само, въ свою очередь, освятило новый порядокъ, который началъ утверждаться на Сѣверовостокѣ, и обезпечило ему дальнѣйшій успѣхъ.

4. Поддержка духовенства и санкція церковная.

Лишь только церковь, въ лицѣ ея представителей, митрополитовъ, почувствовала, что Москва становится прочнымъ оплотомъ и защитой отъ внѣшнихъ бурь и нестроеній, какъ открыто стала на ея сторону и оказала московскимъ князьямъ, на пути къ достиженію ихъ цѣли, могущественную моральную поддержку, при чемъ проявила въ этомъ дѣлѣ большую энергію, не отступая подчасъ отъ явной партійности и пристрастія. И, подобно тому, какъ работа самихъ московскихъ князей отли-

чалась въ высшей степени послѣдовательностью и настойчивостью, точно также и русское духовенство, однажды заключивъ съ Москвою союзъ, никогда ей не измѣняло, всегда, безъ колебаній, шло съ нею рука объ руку по общему пути, никогда не сбиваясь и не отступая. Всѣ свои духовныя силы, весь моральный авторитетъ свой церковь принесла на служеніе московскимъ князьямъ, смотря на все ихъ глазами, добро и зло оцѣнивая по ихъ мѣркѣ, въ ихъ врагахъ видя своихъ враговъ, въ ихъ благѣ — собственное благо.

Русская церковь руководилась двумя побужденіями, оказывая поддержку московскимъ князьямъ: одно было идейнаго, другое матеріальнаго характера.

1) Русское духовенство воспитано было на византійскихъ образцахъ; верховная власть, для него, своимъ происхожденіемъ обязана была Богу, ни отъ кого и ни отъ чего не зависѣла, а также не допускала подлѣ себя другой подобной власти. Русское духовенство было поэтому всегда сторонникомъ единой и самодержавной власти (см. «Зарожденіе Русскаго государства», VI, 4). «Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно направленъ мечъ духовный» (Соловьевъ).

2) Прекращеніе княжескихъ усобицъ, введеніе порядка гражданскаго было необходимо духовенству по соображеніямъ экономическимъ. Церковь владѣла большими земельными имуществами, разбросанными по всѣмъ областямъ Русской земли; усобицы были для нея разорительны, да и вообще при существованіи удѣловъ церкви труднѣе было охранить свои права, тѣмъ болѣе, что князья, считая всѣ средства дозволенными, враждуя, не останавливались передъ явнымъ нарушеніемъ этихъ правъ. Такимъ образомъ «одною изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей московскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя» (Милютинъ).

Въ свою очередь, московскіе князья дѣлали все, чтобы оправдать такой взглядъ. Они «были слишкомъ ловки и дальновидны, чтобы не понять тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, какіе могли возникнуть для нихъ изъ тѣснаго союза съ духовною властью». Поэтому князья всячески стараются опереться на авторитетъ духовенства, пріобрѣсти его расположеніе, и съ этою цѣлью «оказываютъ ему большой почетъ, жалуютъ ему множество земель, освобождаютъ недвижимыя имущества его отъ различнаго рода тягостей и повинностей, предоставляютъ ему

право собственнаго суда и вообще надѣляютъ это сословіе громадными привилегіями» (Загоскинъ).

Перечень фактовъ, свидѣтельствующихъ о поддержкѣ, оказанной духовенствомъ московскимъ князьямъ.

1. Митр. Петръ постоянно жилъ въ Москвѣ, явно отдавая ей предпочтеніе передъ Владиміромъ; свои дни онъ закончилъ въ столицѣ московскаго князя (1326). Съ его именемъ связывается преданіе, будто онъ предрекъ будущее великое значеніе Москвы.

2. Преемникъ Петра, Ѳеогностъ, окончательно утвердилъ митрополичью каѳедру въ Москвѣ. Это было событіемъ огромной важности. Маленькій, совсѣмъ еще незначительный городъ, Москва сразу заняла положеніе церковной столицы, хранительницы русской православной вѣры. Отдавъ Москвѣ предпочтеніе, церковь освятила своимъ присутствіемъ самое мѣсто и придала московскимъ князьямъ характеръ, дѣйствительно, князей «всея Руси», такъ какъ единство Русской земли поддерживалось въ это время тѣмъ, что на Руси былъ единый митрополитъ. Живя въ Москвѣ, митрополитъ неизбѣжно держалъ сторону московскаго князя въ его распряхъ съ другими князьями. Кромѣ того присутствіе митрополита въ Москвѣ способствовало возрастанію и обогащенію города, такъ какъ туда со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія.

3. Затворивъ церкви въ Псковѣ, давшемъ пріютъ Александру Тверскому, сопернику Ивана Калиты, Ѳеогностъ вынудилъ псковичей не держать у себя Александра (1327).

4. По смерти Симеона Гордаго митр. Алексѣй былъ главнымъ руководителемъ Ивана II во все время его княженія (1353—1359).

5. Когда Москвѣ и всей Русской землѣ стала грозить опасность новаго разоренія отъ хана Бердибека, требовавшаго тяжкой дани и собиравшагося, въ случаѣ отказа, идти войною, митр. Алексѣй поѣхалъ въ Орду и, пользуясь милостями ханши Тайдулы, съумѣлъ отвратить опасность (1357).

6. Тотъ же Алексѣй явился посредникомъ при заключеніи договора между Дмитріемъ Донскимъ и его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ (1364).

7. Въ Суздальской области шла распря между двумя братьями, князьями суздальскими; одинъ изъ нихъ, Дмитрій, обратился за содѣйствіемъ къ московскому князю. Тогда митр. Алексѣй послалъ въ Нижній-Новгородъ игумена Сергія (Радонежскаго), тотъ заперъ нижегородскія церкви и принудилъ другого брата, Бориса, смириться; мѣстнаго же епископа, за

его поддержку Бориса, митрополитъ свелъ съ епархіи (1365).

8. Митр. Алексѣй отлучилъ отъ церкви смоленскаго и другихъ князей за нарушеніе данной присяги — идти войною съ московскимъ княземъ противъ литовцевъ (1368).

9. Дмитрій Донской позвалъ своего соперника Михаила Тверскаго къ себѣ въ Москву, покончить распрю и договориться о соглашеніи, клятвенно обѣщаясь, вмѣстѣ съ митр. Алексѣемъ, не чинить ему зла; но клятва была нарушена и Михаилъ лишенъ свободы. Позже, уже отпущенный, онъ особенно жаловался на митрополита: «я довѣрялъ ему болѣе чѣмъ, кому иному, а онъ такъ посрамилъ и надругался надо мной!» (1368).

10. Литовскій князь Ольгердъ, союзникъ Михаила Тверскаго, въ свою очередь, жаловался на митр. Алексѣя константинопольскому патріарху: «и при отцахъ нашихъ не бывало такого митрополита, какъ этотъ: благословляетъ москвитянъ проливать кровь, и ни къ намъ не ѣдетъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ! А кто поцѣлуетъ крестъ мнѣ и убѣжитъ къ нему (т. е. нарушитъ данную клятву), и съ того митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе. Бывало ли когда-нибудь на свѣтѣ, чтобы снимать съ человѣка клятву?!»

11. Сергій Радонежскій оказалъ нравственную поддержку Дмитрію Донскому въ борьбѣ его съ Мамаемъ: посылкою двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, на Куликово поле, онъ какъ-бы испрашивалъ благословенія свыше на трудный подвигъ (1380).

12. Тотъ же Сергій, въ критическую для Дмитрія минуту, остановилъ войско Олега Рязанскаго и склонилъ его къ вѣчному миру съ Москвой (1385). Вообще препод. Сергій настолько ярко проявилъ свои московскія симпатіи, что, когда въ Москвѣ (уже вскорѣ послѣ его смерти, 1392 г.) признали его святымъ, чтя особенно его заслуги, какъ покровителя и представителя интересовъ Московскаго княжества, Новгородъ, по этой самой причинѣ, долгое время отказывался чествовать его память.

13. По смерти Василія I, митр. Фотій отправился въ Галичъ къ Юрію, дядѣ Василія, убѣждать его не искать великаго княженія въ ущербъ племяннику (1425).

14. Игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія II Темнаго отъ клятвы и «принялъ грѣхъ на себя», дозволивъ ему возобновить борьбу съ Дмитріемъ Шемякою и вооруженной рукою отыскивать себѣ великое княженіе (1446).

15. Митр. Іона шлетъ, всѣмъ соборомъ духовнымъ, обличительное посланіе Дмитрію Шемякѣ, обвиняя его въ неисполненіи договора, сравнивая съ Каиномъ и Святополкомъ и проводя мысль, что освобожденіе Русской земли отъ ига татарскаго возможно лишь при условіи единодержавія московскаго князя; что князь Василій сидитъ на великомъ княженіи Божіею благодатію, а кому что дано отъ Бога, того отнять никто не имѣетъ

права. Забывая, какъ недавно этому самому Василію разрѣшено было нарушить свою клятву, посланіе особенно ставитъ Шемякѣ въ вину его клятвопреступленіе и грозитъ за него церковнымъ проклятіемъ (1447).

16. Тотъ же митр. Іона разсылаетъ грамоты новгородскому владыкѣ, епископу смоленскому, къ вятчанамъ — всѣ направленныя противъ Дмитрія Шемяки, всѣ въ пользу московскаго князя.

17. Когда Василій II пошелъ съ войскомъ на Шемяку, то его сопровождалъ митрополитъ съ епископами (1449).

Что дѣятельная защита интересовъ московскихъ князей совпадала съ благомъ общенароднымъ и пользовалась горячимъ сочувствіемъ самого народа, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, фактъ причисленія почти всѣхъ митрополитовъ этого періода къ лику святыхъ. Исключеніе составили двое; но одинъ, Пименъ, правилъ митрополіею въ пору большихъ раздоровъ между самими іерархами; его, какъ самозваннаго кандидата на митрополичій престолъ, не всѣ даже признавали за главу Русской церкви; другой же, Исидоръ, впавъ въ унію, конечно, потерялъ всякое право быть сопричисленнымъ къ сонму русскихъ праведниковъ.

св.	Петръ	ум. 1326 г.,
св.	Ѳеогностъ	ум. 1353 г.,
св.	Алексѣй	ум. 1378 г.,
	Пименъ	ум. 1390 г.,
св.	Кипріанъ	ум. 1406 г.,
св.	Фотій	ум. 1431 г.,
	Исидоръ —	низложенъ въ 1441 г.,
св.	Іона	ум. 1461 г.

5. Содѣйствіе служилыхъ людей.

Лишь только выяснилось преобладающее значеніе и устойчивость положенія Московскаго княжества сравнительно съ другими областями, служилые люди начали охотно переходить на службу къ московскимъ князьямъ, и не только изъ сосѣднихъ княжествъ, но также изъ Литвы и Орды.

1) Служба у московскихъ князей становилась почетнѣе, болѣе лестною: они служили великому князю; на службѣ у другихъ князей имъ пришлось бы играть второстепенную роль.

2) Служба Москвѣ была выгоднѣе, доходнѣе.

3) Благодаря своей силѣ и связямъ въ Ордѣ, московскій князь лучше другихъ гарантировалъ ихъ имущественные интересы, ихъ земельныя владѣнія, обыкновенно разбросанныя по разнымъ областямъ.

Цѣня свою службу, служилые люди, особенно высшій ихъ слой, боярство, охотно отстаивали интересы князей, приносили имъ свой опытъ и энергію, поддерживали ихъ въ борьбѣ съ другими князьями, хлопотали за нихъ въ Ордѣ.

1) Особенно много обязанъ боярамъ Дмитрій Донской за время своего малолѣтства: это они отстояли его права на великое княженіе и вырвали его у противной стороны — суздальскаго князя.

2) Василій I смогъ безъ борьбы захватить Нижегородское княжество, потому что тамошній бояринъ Румянецъ измѣнилъ своему князю и перешелъ на сторону Москвы (1392).

3) Борьба за великокняжескій столъ между племянникомъ и дядей, Василіемъ II и Юріемъ Дмитріевичемъ, кончилась въ пользу перваго, благодаря стараніямъ и ловкости боярина Всеволожскаго (1432).

6. Содѣйствіе земщины.

По самому характеру своему, неувлекающійся, разсудительный, склонный къ мирнымъ занятіямъ, житель русскаго Сѣвера скоро оцѣнилъ матеріальныя выгоды, какія несло ему единовластіе, суля прекращеніе усобицъ, отъ которыхъ онъ такъ страдалъ, тѣмъ болѣе что съ прекращеніемъ прежней областной обособленности самъ онъ ничего не терялъ. Такое отношеніе обезпечило московскимъ князьямъ большое сочувствіе и дѣятельную поддержку со стороны широкихъ слоевъ русскаго населенія.

7. Малочисленность княжеской семьи въ потомствѣ Даніила Александровича.

Она содѣйствовала тому, чтобы: а) установить порядокъ наслѣдованія отъ отца къ сыну; б) надѣлять старшаго сына удѣломъ значительно бо̀льшихъ размѣро̀въ, чѣмъ удѣлы младшихъ сыновей, и такимъ путемъ постепенно сосредоточить московскія земли въ однѣхъ рукахъ.

8. **Распаденіе и неурядицы въ Золотой Ордѣ.**

Неурядицы возникаютъ со второй половины XIV ст., и съ тѣхъ поръ Русская земля медленно, но неуклонно начинаетъ высвобождаться отъ прежняго гнета; первые, кто воспользовался этимъ, были московскіе князья.

Заключеніе.

Своимъ усиленіемъ Москва обязана совокупному дѣйствію многочисленныхъ факторовъ.

1. Первичный факторъ — географическія условія страны — данъ былъ природою, отъ воли человѣка не зависѣлъ

и имѣетъ значеніе простой базы, на которой построилось все зданіе.

2. Основная же и главная сила — въ личныхъ качествахъ московскихъ князей: толчекъ всему данъ былъ ими.

3. Какъ ни велика и многозначительна роль духовенства, но оно выступило на сцену уже во второй моментъ, когда фигуры будущихъ строителей Русской земли болѣе или менѣе обрисовались.

4. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о служиломъ классѣ и о земщинѣ, т. е. сельскомъ и городскомъ населеніи: они стали цѣпляться за Москву не раньше, какъ выяснились выгоды отъ перехода на ея сторону.

5. Роль Орды пассивная: поручая московскимъ князьямъ сборъ дани, поддерживая постоянно ихъ противъ другихъ русскихъ князей, она не сознавала, что дозволяетъ рости силѣ, которая завтра ей же нанесетъ рѣшительный ударъ.

V. Татары на Руси.

1. Нашествіе Батыя.

А. Истребленіе населенія. Нашествіе Батыя сильно обезлюдило Русскую землю. Извѣстно, что:

а) въ Торжкѣ татары перебили всѣхъ жителей;

б) въ Козельскѣ — не только все взрослое мужское населеніе, но и женщинъ съ дѣтьми;

в) въ Южной Руси, взявъ и сжегши Переяславль, половину жителей перебили, а другую увели въ плѣнъ;

г) въ Кіевѣ, отъ всего города, осталось не болѣе 200 домовъ, а въ окрестностяхъ валялось безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ;

д) въ городѣ Ладыжинѣ, на р. Бугѣ, сдавшееся населеніе было истреблено поголовно;

ж) во Владимірѣ Волынскомъ не осталось ни одного живого человѣка; тамошнія церкви были переполнены трупами.

Б. Матеріальное разореніе. Нашествіе Батыя матеріально обездолило Русскую землю. Особенно тяжело досталось городамъ: множество ихъ было разрушено; за одинъ только февраль мѣсяцъ (1238) татары взяли 14 городовъ, не считая слободъ и погостовъ. Населеніе бѣжало въ лѣса; страна обнищала и запустѣла. Въ городахъ всего болѣе было скоплено народнаго достоянія, и потому разореніе ихъ было особенно чувствительно.

2. Куликовская битва и ея значеніе.

Куликовскую битву иногда ставятъ въ рядъ съ грандіозными столкновеніями между европейскими и азіатскими ополченіями, отъ исхода которыхъ зависѣла судьба цѣлыхъ народовъ, всей христіанской культуры. Такъ, въ эпоху Великаго переселенія народовъ римскій полководецъ Аэцій спасъ на Каталаунскихъ поляхъ Зап. Европу и ея цивилизацію отъ дикихъ гунновъ (451); нѣсколько позже (732), почти на тѣхъ же мѣстахъ, подъ Туромъ, Карлъ Мартеллъ разгромилъ арабовъ и остановилъ исламъ въ его поступательномъ движеніи. «Западная Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX-го вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ Сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть, и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталаунская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носятъ одинакій съ ними характеръ, — характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ — которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?» (Соловьевъ).

Рѣшила ли однако Куликовская битва этотъ вопросъ? устранила ли она опасность, тяготѣвшую надъ Русской землею? Побоище, дѣйствительно, было кровавое; но практическаго рѣшенія оно не принесло; реальные результаты Куликовской битвы ничтожны. Значеніе ея лишь моральное, идейное: она воочію указала на возможность одолѣть татаръ, въ корень подточила прежнее убѣжденіе въ ихъ непобѣдимости, зародила свѣтлыя надежды, укрѣпила вѣру въ будущее, оправдала собирательную политику московскихъ князей, но торжества надъ Азіей еще не дала. Да и самая опасность была не та, что̀ въ свое время грозила Зап. Европѣ: татары въ ту пору находились уже въ періодѣ разложенія; смести съ лица земли русскій народъ, какъ это смогъ бы сдѣлать Аттила въ V вѣкѣ, или духовно поработить его, навязавъ свою культуру, чего можно было опасаться отъ арабовъ въ VIII стол., они все равно были не въ состояніи; въ случаѣ неудачи на Куликовомъ полѣ Россія поплатилась бы новымъ вторженіемъ, новымъ разореніемъ страны, но не больше. Зато, безсильные уничтожить Московскую Русь, татары обладали еще достаточными средствами, чтобы

держать ее подъ постоянной угрозой. Послѣ Каталаунскаго побоища и битвы подъ Туромъ гунны и арабы исчезли навсегда, татары же еще долго давали знать о своемъ существованіи. Отъ набѣговъ и вторженій татарскихъ Куликовская побѣда не избавила Русь, и даже сама Москва, столица, еще не разъ дрожала отъ страха за свою судьбу. Вообще вплоть до вокняженія Ивана III, т. е. почти вплоть до фактическаго паденія татарскаго ига, Москва продолжаетъ жить въ полной неувѣренности за завтрашній день. Ниже приводятся доказательства этому.

1381. Нашествіе Тохтамыша. Узнавъ о приближеніи татаръ, въ Москвѣ стали поспѣшно выжигать посады вокругъ города, не оставивъ ни одного тына или дерева; Кремль наполнился бѣглецами. Ворвавшись туда обманно черезъ крѣпостныя ворота, татары набросились на мирную процессію, довѣрчиво вышедшую съ иконами и крестами имъ на встрѣчу, стали рубить ее саблями безъ разбора и проникли до самой середины Кремля, кто черезъ ворота, кто по лѣстницамъ, черезъ стѣны. «Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дѣти метались въ безпамятствѣ туда и сюда; напрасно думали они избавиться отъ смерти; множество ихъ искало спасенія въ церквахъ, но татары разбивали церковныя двери, врывались въ храмъ и истребляли всѣхъ отъ мала до велика. По извѣстію лѣтописца, рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока у татаръ не утомились плечи, не иступились сабли. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары — все было ограблено. Тогда истреблено множество книгъ, снесенныхъ со всего города въ соборныя церкви; вѣроятно, въ это время погибло безвозвратно много памятниковъ древней литературы, которые представили бы намъ въ гораздо болѣе ясномъ свѣтѣ нашу прошлую духовную жизнь, если бы уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ, городъ былъ зажженъ. Огонь истреблялъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣжать татарскаго меча. Такъ покаравши Москву, татары отступили отъ нея. Страшное зрѣлище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было въ ней ни одной живой души; кучи труповъ лежали повсюду на улицахъ среди обгорѣлыхъ бревенъ и пепла, и растворенныя церкви были завалены тѣлами убитыхъ. Некому было ни отпѣвать мертвыхъ, ни оплакивать ихъ, ни звонить по нимъ» (Костомаровъ). Подводя счетъ потерямъ, лѣтописецъ выражается: «мало сказать и тысяча тысячъ». Погибло не меньше 24 000 человѣкъ, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ.

1395. Всего 14 лѣтъ спустя послѣ Тохтамыша появился Тамерланъ; населеніе южныхъ окраинъ во множествѣ сбѣжа-

лось подъ защиту каменныхъ стѣнъ Москвы, готовясь къ осадѣ. Къ счастью, татары, дойдя до Ельца, повернули обратно.

1408. Еще 13 лѣтъ спустя, появился неожиданно татарскій князь Едигей, и на этотъ разъ подошелъ къ самой Москвѣ, расположившись станомъ подъ с. Коломенскимъ. Войско его разошлось по всей странѣ, грабя и насильничая. Посады московскіе, какъ и во времена Тохтамыша, были выжжены самими русскими; всѣ находились въ великомъ страхѣ и отчаяніи, молились и постились. Едигей стоялъ 3 недѣли, и только усобица въ самой Ордѣ освободила городъ отъ его присутствія. Все же онъ взялъ окупъ въ 3000 рублей и ушелъ съ награбленнымъ добромъ, ведя плѣнныхъ тысячами.

1439. Внезапно подошелъ къ Москвѣ ордынскій царь Махметъ и тоже осадилъ городъ; посады на этотъ разъ пожгли сами татары. Взять Москву Махмету не удалось, но Коломну онъ сильно опустошилъ на обратномъ пути.

1445. Тотъ же Махметъ, ставши царемъ казанскимъ, подошелъ къ Мурому; Василій Темный вышелъ ему на встрѣчу, но попался въ плѣнъ.

1451. Ордынскій царевичъ Мазовша внезапно появился подъ Москвою. Татары зажгли всѣ посады, стали приступать къ городу, но на другой день ушли.

1459. Ордынцы подошли къ рѣкѣ Москвѣ, но за рѣку, къ самому городу, ихъ не пустили и прогнали.

3. Татарское иго.

А. Огрубѣніе нравовъ. Свыше чѣмъ двухвѣковое общеніе съ татарами, постоянное соприкосновеніе съ ними неизбѣжно привело къ сильному огрубѣнію нравовъ, къ усвоенію варварскихъ понятій и привычекъ. Въ Средніе Вѣка два христіанскихъ народа, на двухъ противоположныхъ окраинахъ Европы, терпѣли иго мусульманское: русскіе и испанцы; но послѣдніе находились въ значительно лучшихъ условіяхъ: мавры принесли съ собою высокую культуру, оставили послѣ себя положительный слѣдъ; они содѣйствовали развитію знанія (философія, математика, географія, медицина) и искусствъ (поэзія, архитектура) и съ избыткомъ искупили нанесенный ими матеріальный вредъ; тогда какъ отъ татаръ русскій народъ перенялъ главнымъ образомъ жестокія пытки и кнутъ, рабское чувство низшихъ передъ высшими, привычку къ произволу. Татары глушили чувство законности и нравственнаго долга и надолго грубую силу поставили выше закона.

Б. Вліяніе на бытъ. Вліяніе татарское оказалось сильно на домашнемъ обиходѣ, на затворничествѣ женщинъ,

на одеждѣ, на церемоніалѣ княжескаго двора, наконецъ, на языкѣ, который воспринялъ много словъ восточнаго происхожденія (татарскихъ, персидскихъ, тюркскихъ). Для примѣра:

1) Бытовыя: богатырь — толмачъ — ханжа (отъ хаджи: паломникъ, побывавшій въ Меккѣ) — киса (сундукъ) — калита (кошель) — ясакъ (дань) — ямъ (почтовая станція) — якшаться (отъ якши: хорошо).

2) Одежда: армякъ — зипунъ — кафтанъ — сарафанъ — ферязь — жупанъ, чепанъ — шаровары — колпакъ — кушакъ — халатъ.

3) Обувь: башмакъ.

4) Ткани: камка — кармазинъ — обьярь — тафта — бязь — алтабазъ — зорбафъ.

5) Вооруженіе: куякъ — мисюрка — еловецъ — саадакъ — барабанъ.

Сравн. еще: кошъ — кошевой — есаулъ — ясырь — бунчукъ — караулъ.

6) Драгоцѣнные камни: алмазъ — бисеръ — жемчугъ — топазъ — яхонтъ — яшма.

7) Торговля: базаръ — барышъ — аршинъ — товаръ — алтынъ — деньга — казна — тамга — пай (т. е. доля).

8) Строенія: амбаръ — чердакъ — сарай.

9) Огородъ: бакча — арбузъ.

10) Города: Касимовъ — Тула (въ честь ханши Тайдулы) — Тюмень.

11) Фамиліи (включая сюда и финскаго происхожденія): Апраксины — Бибиковы — Болтины — Дѣевы — Енгалычевы — Еникѣевы — Ермоловы — Карамзины — Матюшкины — Мещерскіе — Мордвиновы — Мухановы — Уваровы — Урусовы — Хитрово — Юсуповы и мн. др.

В. Разобщеніе съ Западомъ. Всѣ силы русскихъ людей ушли на то, чтобы вынести и благополучно пережить тяготу татарскаго ига; все вниманіе ихъ обращено было въ сторону Востока. Обернуться къ Западу, принять участіе въ его духовной жизни прямо-таки не было физической возможности. Къ тому же, помимо того, что Востокъ татарскій цѣпко держалъ въ рукахъ Московскую Русь и не пускалъ ее отъ себя, нѣмцы и литва одновременно выставили крѣпкій заслонъ съ Запада и загородили дорогу туда. Разобщеніе настало полное. Если гдѣ что и знали о Западѣ, то въ одномъ Новгородѣ; но Новгородъ своимъ знаніемъ не дѣлился съ Москвой — тому мѣшали политическая рознь и вражда.

Въ XV ст. вся Западная Европа переживала блестящіе годы Возрожденія; тамъ въ эту пору совершался одинъ изъ

тѣхъ величайшихъ умственныхъ переворотовъ, которые составляютъ эпоху въ жизни человѣчества, — и хоть бы какой живой отголосокъ его донесся до Московской Руси! хоть бы малѣйшій краешекъ истины раскрылся передъ нею! Иноземные мастера, строившіе кремлевскія церкви и палаты, ничего не повѣдали ей ни о Савонаролѣ и Гусѣ, ни о Медичисахъ, ни о гуманистахъ, ни о политическихъ теоріяхъ Макіавелли. Когда же Максимъ Грекъ вздумалъ было пріоткрыть немного ту завѣсу, что скрывала отъ русскаго человѣка чуждый ему міръ, то слова его прозвучали чѣмъ-то дикимъ и уродливымъ и стоили ему долгихъ лѣтъ заточенія.

Не знала Московская Русь Запада; не зналъ совсѣмъ ее и Западъ. Ему приходилось открывать «Америку» не только за Атлантическимъ океаномъ; въ Германіи до 1486 г. имѣли самое смутное представленіе о Московской Руси: знали, что она лежитъ гдѣ-то тамъ, за Польшей и Литвой, управляется своимъ княземъ, но думали, что князь этотъ состоитъ вассаломъ польскаго короля; и нуженъ былъ спеціальный пріѣздъ въ Москву рыцаря Поппеля, чтобы разсѣять это недоразумѣніе.

Разобщеніе неизбѣжно привело къ отчужденію и недовѣрію. Византія воспитала въ русскомъ человѣкѣ религіозную нетерпимость къ Риму; послѣдняя усиливалась сознаніемъ, что «латынянинъ» въ то же время и врагъ политическій. Въ этомъ отчужденіи единственная выгода была та, что помогла русскому народу отчетливѣе понять свои національныя особенности, выдѣлить свою народность, научиться цѣнить ее. Лучшее средство для охраны своей самобытности онъ видѣлъ въ созданіи сильнаго, прочнаго государства; въ этомъ направленіи онъ и работаетъ на протяженіи ряда вѣковъ, готовый идти на большія жертвы ради достиженія поставленной себѣ цѣли.

Г. Заслуга Россіи передъ Западной Европой. Съ паденіемъ татарскаго ига оканчивается длинный шестивѣковой періодъ (862—1462), втеченіе котораго русскому народу пришлось выдерживать постоянный натискъ со стороны азіатскаго Востока (авары, угры, печенѣги, половцы, монголы). Съ XVI в. положеніе измѣнится къ лучшему: новыя полчища свои Азія двинетъ на Балканскій полуостровъ, пытаясь оттуда проникнуть въ сердце Европы (турки-османы), Россія же, окрѣпшая подъ знаменемъ Москвы, получитъ возможность сама перейти въ наступленіе и не пассивно, какъ прежде, но активно охранять себя отъ опаснаго сосѣда.

Эта шестивѣковая борьба съ Востокомъ потребовала многихъ жертвъ и явилась «великимъ бѣдствіемъ для русскаго племени: она разорвала національную цѣлость Сѣверной и Южной Руси; задержала умственное развитіе, отнявъ

много силъ на матеріальную защиту національности и отдаливъ Россію отъ европейскаго Запада; наконецъ, вслѣдствіе долгаго сосѣдства, оставила свой слѣдъ на самомъ національномъ характерѣ». Но въ то же время, борясь за свою національность, Древняя Русь оказала неоцѣнимую услугу всей Зап. Европѣ: она вынесла «на своихъ плечахъ страшныя азіатскія нашествія, и при всемъ невысокомъ уровнѣ ея культуры, она боролась противъ Востока во имя общаго европейскаго начала, такъ какъ это была борьба не только за свою независимость, но и борьба за христіанство противъ невѣрныхъ. Европа почти не видѣла этого врага, до нея мало или совсѣмъ не достигали бѣдствія борьбы, поэтому она рѣдко оцѣнивала это положеніе вещей несправедливость, которая и до нашего времени не давала европейской исторіографіи и обществу правильно опредѣлять историческія судьбы Россіи и существенный источникъ ея сравнительной запоздалости. Съ другой стороны, и русскіе историки не всегда отдавали себѣ отчетъ въ значеніи этого историческаго факта» (Пыпинъ).

VI. Памятники духовной культуры. 1242—1462.

1. «Александрія», повѣсть о баснословныхъ подвигахъ Александра Македонскаго; подлинникъ на греческомъ яз.; русскій текстъ заимствованъ изъ текста болгарскаго, въ половинѣ XIII в.; «Александрію» охотно читали въ Древней Руси.

2. «Стефанитъ и Ихнилатъ», повѣсть о львѣ-царѣ, о быкѣ, его довѣренномъ, и двухъ шакалахъ, придворныхъ; поучительная, съ притчами; восточнаго происхожденія; XIII в.

3. «Соломонъ и Китоврасъ», повѣсть о вынужденномъ участіи Китовраса (миѳическаго демона-звѣря) въ построеніи Соломонова храма; греческій оригиналъ, подобно «Александріи», занесенъ на Русь через Болгарію; XIV в.

4. «Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ», пламенная апологія христіанской жизни; греческій подлинникъ; также занесенъ черезъ Болгарію; XIV—XV в.

5. «Слово о погибели Русскія земли»; сохранился лишь небольшой отрывокъ — начало; авторъ съ любовью вспоминаетъ прежнюю красоту и славу Русской земли и оплакиваетъ теперешнюю ея горькую долю послѣ нашествія Батыя; много чувства и поэтическаго настроенія; произведеніе, по духу, близкое къ «Слову о Полку Игоревѣ» и «Задонщинѣ»; въ половинѣ XIII в., тотчасъ послѣ разгрома.

6. «Задонщина», поэтическое описаніе Куликовской битвы и подвиговъ Дмитрія Донского; авторъ во многомъ подражаетъ «Слову о Полку Игоревѣ»; конца XIV в.

7. Сочиненіе Іоанна Скилицы Куропалата, на греч. яз., о событіяхъ византійской исторіи за 811—1079 гг.; авторъ ум. въ первой половинѣ XII в.; списокъ XIV в., снабженъ миніатюрами, писанными съ образцовъ современныхъ автору; нѣкоторыя миніатюры изображаютъ печенѣговъ, пріемъ вел. княгини Ольги при византійскомъ дворѣ и сцены изъ войны грековъ съ Святославомъ: переговоры и свиданіе съ нимъ императора Цимисхія и др. (Мадридъ. Національ. Библ-ка).

8. Хроника Манассіи — событія всемірной исторіи отъ Адама до 1081 г.; списокъ XIV в., въ болгарскомъ переводѣ съ греч. яз., тоже съ цѣнными миніатюрами: сцены изъ войны Цимисхія съ Святославомъ (осада Доростола) (Римъ. Ватиканская Библ-ка).

9. Договоръ Новгорода съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 г.; древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ, въ оригиналѣ, русскихъ договорныхъ грамотъ (Москва. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

10. Лаврентьевская лѣтопись — такъ называется древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» Нестора-Сильвестра (съ продолженіемъ до 1305 г.); писанъ на пергаментѣ монахомъ Лаврентьемъ, 1377 г. (Спб. Публ. Библ-ка)

11. Ипатьевская лѣтопись, правильнѣе: «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» (съ продолженіемъ до 1292 г.), по Ипатскому списку (изъ Ипатскаго монастыря въ Костромѣ); писана на бумагѣ, конца XIV или нач. XV в. (Спб. Академія Наукъ).

12. Соборное постановленіе о Флорентійской уніи, 6 іюля 1439 г., за собственноручными подписями папы Евгенія IV, греческаго императора Іоанна VIII Палеолога, русскаго митрополита Исидора и другихъ участниковъ собора. Единственная славянская подпись — спутника митр. Исидора: «сміреный епископъ Авраміе суждальскый подписую»; подлинникъ (Флоренція. Лаврентьевская Библ-ка).

13. «Повѣсть о осьмомъ соборѣ» (Флорентійскомъ), соч. суздальскаго священника Симеона, спутника митр. Исидора: осуждая поведеніе греческаго императора, который «положилъ начало злу», авторъ восхваляетъ «христолюбиваго» князя московскаго, благодаря которому теперь на Москвѣ «утвердилась православіемъ вся Русская земля».

14. Миніатюры къ тексту соч. Нестора-лѣтописца: «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ», въ спискѣ XIV в.

---

15. Успенскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ, первая въ Москвѣ каменная церковь; заложенъ митр. Петромъ въ 1324 г.

16. Церковь Спаса на Бору, въ Московскомъ Кремлѣ; построена въ 1329—1330 г., перестроена въ 1527 г.

17. Архангельскій соборъ, тамъ же, 1332 г.

18—23. Иконы новгородскаго письма. Новгородская иконопись достигла высшаго развитія въ XV ст. Выросши изъ византійской, она выработала удивительно чистыя формы, строгій, простой стиль; позы святыхъ, ихъ группировка полны ритмическаго движенія, изящныхъ линій; въ иныхъ иконахъ композиція вноситъ черты русской дѣйствительности (лица русскаго типа; изображенія церквей взяты съ натуры).

18. «Молящіеся новгородцы», 1367 г. (Новгородъ. Епарх. музей).

19. Икона съ изображеніемъ битвы новгородцевъ съ суздальцами, въ память чудотворной помощи, оказанной Божіею М. Новгороду въ битвѣ 1169 г.; конца XIV в. (тамъ же).

20. «Входъ Господень во Іерусалимъ» (Москва. Собраніе И. С. Остроухова).

21. «Омовеніе ногъ» (тамъ же).

22. «Снятіе со креста» (тамъ же).

23. «Тайная Вечеря» (Кіевъ. Собраніе Б. И. Ханенка).

24. Икона «Св. Троица», работы А. Рублева (Троицкая Лавра).

Андрей Рублевъ, иконописецъ, ум. ок. 1424—1430 г. Это нашъ русскій Фра Беато Анджелико, къ тому же его современникъ (1387—1455); съ нимъ у него много общаго по силѣ чувства и теплотѣ, какое оба вкладывали въ свою кисть. Отъ святыхъ Рублева вѣетъ истинно божественнымъ; это, дѣйствительно, существа одухотворенныя, полныя нѣжнаго чувства и поэтическаго настроенія. Далекіе отъ міра земнаго, они витаютъ мыслями въ небесныхъ сферахъ и умиляютъ душевной чистотою. Рублеву приписываются также фрески въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ.

---

25. Крестъ, которымъ преп. Сергій Радонежскій благословилъ Дмитрія Донского передъ отправленіемъ его на битву съ Мамаемъ (Кіевъ. Музей Духовн. Академіи).

26. Воздухъ, вышитый по заказу Маріи Тверской, вдовы вел. кн. московскаго Симеона Гордаго (сына Ивана Калиты), 1389 г.: ликъ Спасителя съ фигурами святыхъ и ангеловъ; изъ сохранившихся самый ранній образецъ русскаго художественнаго шитья цвѣтными шелками (Москва. Музей Щукина).

27. «Суздальскій Воздухъ», съ изображеніемъ таинства Евхаристіи, стеганый шелками, серебромъ и золотомъ, нач. XV в.; пелена длиною почти въ одну сажень; назначеніе ея остается не выясненнымъ (Москва. Историч. Музей).

28. Плащаница 1456 г. «Фигуры гибкія, живыя и полныя глубокаго движенія» (Анисимовъ) (Новгородъ. Ризница Софійскаго собора).

---

29. Даниловъ монастырь, подъ Москвою; основанъ Даніиломъ, сыномъ Александра Невскаго (ум. 1303 г.).

30. Чудовъ м-рь, въ московскомъ Кремлѣ, построенъ митр. Алексѣемъ, 1365 г.

31. Срѣтенскій м-рь, въ Москвѣ, въ память встрѣчи иконы Владимірской Б. М., при перенесеніи ея изъ Владиміра, 1395 г.

32. Кирилло-Бѣлозерскій м-рь, на Бѣлоозерѣ; постр. преп. Кирилломъ, 1397 г.

33. Ипатьевскій м-рь, подъ Костромою; впервые упом. 1421 г.; по преданію, его основалъ мурза Чета, предокъ Бориса Годунова.

34. Соловецкая обитель препп. Зосимы и Савватія, на Бѣломъ морѣ, 1429—1436 г.

35. Пафнутіевъ м-рь, близъ города Боровска, Калужской губ., 1448 г.

Эпоха третья. 1462—1613.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

А. ОБРАЗОВАНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА 1462—1533.

I. Ростъ территоріи Московскаго княжества при Иванѣ III и Василіи III.

1. Постепенное наростаніе территоріи.

Собираніе Русской земли (1263—1462) совершалось медленно, и даже 200 лѣтъ спустя, ко времени вступленія на престолъ Ивана III, территорія Московскаго княжества, по размѣрамъ, была довольно скромною: превосходя Тверь и Рязань, Москва все же значительно уступала княжеству Литовскому и Новгородской области. Клинъ, Вязьма (эта послѣдняя за предѣлами княжества), Калуга, Коломна, всѣ на разстояніи 100—170 верстъ отъ города Москвы; Нижній-Новгородъ, въ 400 верстахъ — опредѣляли, приблизительно, границы тогдашнихъ московскихъ владѣній на З., Ю., и на В.; и только на С. рубежъ Московскаго княжества далеко, двумя клиньями, вдвинулся: на СЗ. — въ Заозерскій край (Бѣлоозеро, 700 в.), на СВ. — въ зырянскіе лѣса и болота (Устюгъ, 900 в.).

Зато это былъ край гуще населенный, болѣе зажиточный, чтò не осталось безъ вліянія на послѣдующій быстрый ростъ княжескихъ владѣній. За 60 лѣтъ, при Иванѣ III и Василіи III (1462—1533), территорія московская выросла почти въ 4 раза. При Иванѣ Москва въ одинъ пріемъ поглотила обширныя земли Новгородской области, чтò сразу приблизило ее къ Финскому заливу, Бѣлому морю и Ледовитому океану; втянула въ себя Вятскую землю, Пермскій край, прикоснувшись такимъ образомъ до Уральскаго хребта; а покоривъ Тверское княжество и съумѣвъ привлечь на свою сторону мелкихъ князей Чернигово-Сѣверскихъ (т. наз. «страну князей»), она вошла въ непосредственное соприкосновеніе съ Литвою.

Въ княженіе Василія III падаютъ послѣдніе остатки независимости въ Сѣверовосточной Руси: Псковъ и Рязань. Съ 1523 г. на всемъ протяженіи ея существуетъ одна только власть — великаго князя московскаго. Такъ завершилась работа восьми поколѣній. Она была дополнена первымъ успѣхомъ въ Югозападной Руси — присоединеніемъ Сѣверскаго княжества, и первымъ успѣхомъ въ борьбѣ съ Литвою — завоеваніемъ Смоленска.

2. Что было сдѣлано за это время.

Иванъ III.

1463. Присоединено княжество Ярославское, по доброму соглашенію, съ переходомъ ярославскихъ князей на московскую службу.
1472. Присоединенъ удѣлъ брата Юрія, умершаго бездѣтнымъ (Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ).
1472. Покоренъ Пермскій край.
1474. Присоединено Ростовское княжество, покупкою (часть его пріобрѣтена была еще при Иванѣ Калитѣ).
1478. Покорена Новгородская область.
1481. Присоединенъ удѣлъ брата Андрея Меньшаго, по его смерти, въ уплату за долги (Вологда, Таруса).
1482—1493. Князья Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣльскіе, Новосильскіе, Мезецкіе и др. признали надъ собою верховную власть московскаго князя (Вязьма, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ).
1485. Завоевано Тверское княжество.
1485. Присоединенъ Верейскій удѣлъ двоюроднаго дяди Михаила, по завѣщанію (вынужденному).
1489. Завоевана Вятская земля.
1492. Захваченъ силою удѣлъ брата Андрея Большаго (Угличъ). Самъ Андрей и его сыновья заточены въ темницу, гдѣ и умерли.
1503. Присоединенъ удѣлъ удѣльнаго князя Рязанскаго Өедора, умершаго бездѣтнымъ, по завѣщанію.

Василій III.

1510. Присоединенъ Псковъ.
1513. Присоединенъ удѣлъ двоюроднаго брата Өедора, умершаго бездѣтнымъ (Волоколамскъ).
1514. Завоевано у литовцевъ Смоленское княжество.
1517. Присоединено великое княжество Рязанское.
1523. Присоединено Сѣверское княжество; князь его Шемячичъ заключенъ былъ въ тюрьму.

3. Что опредѣлило успѣхи Ивана III и Василія III.

Когда плодъ созрѣлъ, достаточно легкаго прикосновенія къ дереву, чтобы онъ упалъ.

Тверской и рязанскій князья, обезсиленные, номинально независимые, на дѣлѣ снизошли, еще до вокняженія Ивана III, на степень чуть не подручниковъ; въ Псковѣ Василій II ставилъ своихъ посадниковъ, а въ Новгородѣ давно уже, вмѣсто самостоятельныхъ князей, сидѣли намѣстники, по выбору и назначенію московскаго князя. Кромѣ того Новгородъ, по Яжелбицкому договору 1456 г., лишился права самостоятельнаго суда; вѣче не могло перерѣшать постановленій московскаго князя; къ судебнымъ дѣламъ печать Великаго Новгорода болѣе не прикладывалась, а замѣнялась печатью московскою, и вообще грамоты новгородскія писались съ тѣхъ поръ отъ имени не вѣча, а великаго князя московскаго, — это была потеря одной изъ прерогативъ свободнаго, независимаго государства.

Въ пользѣ объединенія русскій народъ успѣлъ убѣдиться еще до Ивана III. Куликовская битва сильно подняла авторитетъ московскихъ князей и подняла ихъ на высоту, недосягаемую для другихъ князей Сѣверовосточной Руси; она въ значительной степени помогла укрѣпиться сознанію, что Московское княжество способно оказать защиту отъ внѣшняго врага и домашняго насильника, охранить отъ татаръ и создать болѣе или менѣе сносный порядокъ. Это сознаніе крѣпло, помимо того, и благодаря хозяйственной, осторожной политикѣ самихъ московскихъ князей, нравственной поддержкѣ, какую оказывало ей духовенство, и выросло, наконецъ, въ прочное убѣжденіе. Обезпечить массѣ народной нормальное, спокойное существованіе не могла ни Литва, гдѣ русская народность уже теперь испытывала пагубное для себя давленіе чуждыхъ ей порядковъ (вліяніе польское) и откуда уже стали раздаваться голоса съ жалобой на притѣсненіе православной вѣры; ни Новгородъ съ его политической неустойчивостью, внутренними раздорами и явнымъ перевѣсомъ богатаго класса («вящшихъ» людей) надъ бѣднотой («меньшими» людьми) (своего рода новгородскіе оптиматы и пролетаріи). Въ Новгородѣ московскій князь нашелъ сторонниковъ въ простонародьѣ, искавшемъ управы и защиты отъ притѣсненій сильныхъ бояръ; а въ другихъ областяхъ къ Москвѣ особенно тянули бояре, служилое сословіе, соблазняясь выгодами тамошней службы. Тверь при Иванѣ, Рязань при Василіи — достались Москвѣ почти безъ кровопролитія, главнымъ образомъ благодаря измѣнѣ мѣстныхъ бояръ.

II. Какъ превратилось Московское княжество изъ вотчины въ государство.

1. Національная идея.

Прекращеніе удѣловъ, распространеніе на всѣ области Сѣверовосточной Руси единой власти превратило хозяина московской земли изъ прежняго удѣльнаго князя-собственника въ князя-государя. Прежняго московскаго князя можно сравнить съ крупнымъ богатымъ помѣщикомъ, какимъ мы знаемъ его въ XVIII и XIX стол.: владѣлецъ обширныхъ угодій, пашень и лѣсовъ, безконтрольный властелинъ надъ селами и деревнями, населенными многочисленными крестьянскими «душами», окруженный большою покорною дворнею, готовою къ его услугамъ, такой баринъ-помѣщикъ жилъ въ свое удовольствіе, мало заботясь о томъ, что лежало внѣ его личныхъ интересовъ и выгодъ.

Сама Москва-городъ была въ своемъ родѣ помѣщичьимъ имѣньемъ: въ центрѣ лежала барская усадьба — княжескій Кремль; а вокругъ — всякаго рода дворовыя постройки, населенныя дворней, обязанной обслуживать ея хозяйственныя нужды. Сохранившіяся до настоящаго времени названія многихъ московскихъ улицъ, переулковъ и кварталовъ наглядно указываютъ на чисто хозяйственное назначеніе слободъ, возникшихъ въ старое время подлѣ Кремля: Поварская, Гончарная, Житная улицы; Хлѣбный, Калашный, Столовый, Скатертной переулки; Остоженка, Кречетники, Хамовники (хамовное дѣло — изготовленіе полотенъ, скатертей, убрусовъ); Прудки; Кузнецкій мостъ; Животинный дворъ (Коровій валъ); Басманная (хлѣбная) слобода. Сравн. церковь Николу на Щепахъ (прежде тутъ находился Дровяной дворъ).

Раньше дѣятельность московскаго князя протекала въ средѣ такихъ же, какъ онъ, хозяевъ-помѣщиковъ (вотчинниковъ); все это были близкая или дальняя родня, свои Рюриковичи, и всякая война, споръ или соглашеніе съ ними носили характеръ то домашней распри, то мировой сдѣлки во имя родственнаго чувства или желанія поддержать добро-сосѣдскія отношенія. Теперь московскій князь, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе его княжества, очутились совершенно въ иномъ положеніи: вокругъ, сосѣдями, все стали чужіе люди; кромѣ прежнихъ татаръ, бокъ о бокъ оказались литва, Ливонскій орденъ, шведы; каждая такая группа представляла собою особый народъ; каждая со своими отличительными признаками: свой языкъ, своя вѣра, обычаи и порядки, даже внѣшнее обличье иное.

Хотя свои этнографическія и культурныя особенности, выдѣлявшія его отъ другихъ народовъ, русскій человѣкъ подмѣтилъ въ себѣ уже давно, но только теперь явилась у

него сознанная потребность закрѣпить и выявить ихъ, поставить свой родной языкъ, вѣру и порядки въ условія благопріятныя для дальнѣйшаго ихъ существованія, — короче говоря, только теперь русскіе люди почувствовали себя народомъ, націей, единымъ, отличнымъ отъ другихъ политическимъ цѣлымъ.

2. Что особенно содѣйствовало развитію національнаго сознанія.

а) Куликовская битва. Побѣда надъ Мамаемъ не только оправдала собирательную дѣятельность московскихъ князей, но и вызвала сильный подъемъ народнаго чувства. Подвигъ Донского явился національнымъ подвигомъ. Не даромъ «Задонщина», восхваляя князя, влагаетъ ему въ уста такія слова: «Братія моя милая! не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую, за святыя церкви, за землю Русскую!». Олегъ Рязанскій, отказавшійся принять участіе въ общемъ дѣлѣ, заклейменъ былъ въ памяти народной, какъ измѣнникъ русскому дѣлу.

б) Флорентійская унія. На Руси она была понята, какъ измѣна грековъ православной вѣрѣ, а въ послѣдовавшемъ затѣмъ паденіи Константинополя (1453) видѣли перстъ Божій и заслуженное наказаніе. Само собою напрашивалось на сравненіе поведеніе московскаго князя: стойкость, проявленная имъ по отношенію къ «злонравному» Исидору, задумавшему «совратить» русскіе умы, давала основаніе видѣть въ немъ истиннаго защитника вѣры, твердую опору ея, и горделиво думать: если пошатнулась вѣра въ Греческой землѣ, зато она сіяетъ прежнимъ свѣтомъ на Святой Руси. Такимъ образомъ Москва, въ глазахъ современниковъ, выростала въ хранительницу православія и становилась тѣмъ стягомъ, подъ которымъ могли довѣрчиво собраться всѣ вообще православные люди, не одна только Русь.

в) Сверженіе татарскаго ига. Государю, собравшему вокругъ себя почти все великорусское племя, естественно было стать политически независимымъ; прежнее положеніе данника и улусника татарскаго хана совершенно противорѣчило дѣйствительной обстановкѣ: Орда давно уже потеряла и силу, и прежнее обаяніе власти. Сверженіе ига было поэтому логическимъ выводомъ изъ законченнаго собиранія Сѣверовосточкой Руси и еще сильнѣе подчеркнуло переходъ отъ вотчиннаго строя къ новому.

г) Бракъ съ Софіей Палеологъ. Софья принесла съ собою въ Москву державныя права на Византійскій престолъ, и Иванъ, ставъ ея мужемъ, перенесъ на себя эти права. Права эти, конечно, можно было оспаривать, но важна была идея,

возможность толковать ихъ въ свою пользу. А ставъ въ положеніе наслѣдника византійскихъ императоровъ, московскій князь уже тѣмъ самымъ пріобрѣталъ характеръ государя и переставалъ быть удѣльнымъ княземъ-вотчинникомъ.

NB. Роль этихъ 4 факторовъ не одинакова: первые два активно пробуждали національное чувство; сверженіе ига — дало только точку опоры для этого, уже пробудившагося сознанія; активно было вліяніе и брака съ Софіей Палеологъ, но въ болѣе тѣсныхъ кругахъ: придворно-княжескомъ и духовномъ; массѣ же народной значеніе его не могло быть такъ ясно.

3. Политическая независимость московскаго князя.

Внѣшнее выраженіе политическая независимость московскаго князя нашла въ титулахъ царь и самодержецъ, которые начинаютъ входить въ употребленіе въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени: при Иванѣ III — въ сношеніяхъ съ орденами Ливонскимъ и Тевтонскимъ, съ городами Ревелемъ, Любекомъ; при Василіи III — кромѣ нѣмецкихъ орденовъ, еще съ германскимъ императоромъ, съ папою, съ Даніей, Швеціей (свидѣтельство Герберштейна), также въ дѣлахъ внутренняго управленія. Отъ императора Максимиліана Василій III даже добился признанія за нимъ титула «цесарь и обладатель всероссійскій». Если Иванъ III могъ считать себя наслѣдникомъ византійской короны, тѣмъ болѣе имѣлъ право на это Василій: какъ сынъ византійской царевны, онъ связанъ былъ по крови съ византійскими императорами.

Этими титулами московскіе князья хотѣли заявить, что они болѣе не данники татаръ и вольны распоряжаться своею землею независимо отъ давленія посторонней воли, что никто изъ другихъ государей не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, что они не вассалы и никому не подчинены. Такимъ образомъ, величаясь царями и самодержцами, Иванъ III и Василій III опредѣляли исключительно внѣшнее, международное положеніе свое и далеки были отъ мысли характеризовать ими свое положеніе внутри государства, политическія отношенія свои къ мѣстному населенію. Позднѣйшій смыслъ термина «самодержецъ» — не-конституціонный государь — сталъ придаваться ему лишь съ Ивана Грознаго.

Царь есть сокращенная форма латинскаго слова Caesar, цесарь, или, какъ его писали въ старину, цьсарь. Сравн., въ Остромировомъ евангеліи, слова молитвы Господней: «да пріидетъ цьсарствіе Твое». Слово самодержецъ — переводъ греческаго *αὐτοκράτωρ* (титулъ византійскаго императора). Въ пользованіи тѣмъ и другимъ титуломъ не выработано еще никакихъ установленныхъ правилъ, точно сами носители ихъ

еще не успѣли свыкнуться съ новымъ своимъ положеніемъ; во всякомъ случаѣ практика подготовила почву для будущаго времени, когда Иванъ Грозный, короновавшись царемъ, придастъ этимъ титуламъ значеніе постояннаго, необходимаго аттрибута русскаго государя.

4. Зарубежная Русь.

Объединеніе Сѣверовосточной Руси подчеркнуло съ особою силою существованіе другой Руси, Югозападной, оставшейся не объединенною съ Русью Московскою. Духовное и племенное родство съ нею выступало особенно сильно, такъ какъ Русь эта находилась въ зависимости отъ людей другого языка, другой вѣры. Права свои на эту «зарубежную Русь» московскіе князья черпали не только въ этомъ родствѣ населенія, не только въ естественномъ желаніи собрать воедино членовъ одной семьи, но и въ убѣжденіи, что Югозападная Русь такая же вотчина Владиміра Св. и, слѣдовательно, такое же законное наслѣдіе его прямыхъ потомковъ, какъ и земля Московская. Иванъ III прямо заявлялъ, что владѣть ею должны не Гедиминовичи, а Рюриковичи; что польскіе и литовскіе государи — государи въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, «а Русская земля, отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина». При всякомъ удобномъ случаѣ Иванъ и его сынъ напоминаютъ литовскимъ князьямъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и другіе русскіе города, лежащіе въ Литовскомъ государствѣ, ихъ вотчина и что они имѣютъ всѣ основанія заботиться и «жалѣть» ихъ.

Свои притязанія на всю Русь, не на одну Московскую, Иванъ III выразилъ еще и тѣмъ, что въ сношеніяхъ съ Литвою сталъ титуловаться «государемъ всея Руси».

5. Внѣшнія сношенія и новая политика на Западѣ и на Востокѣ.

а) **Внѣшнія сношенія.** Во внѣшнемъ положеніи Сѣверовосточной, Московской Руси, произошла, со временъ Ивана III, еще одна существенная перемѣна: возобновились, прерванныя татарскимъ игомъ, сношенія съ иностранными государствами. Государства эти были:

При Иванѣ: Австрія (сватовство), Венгрія (посредничество съ Литвою), Данія (союзъ противъ Швеціи), Римъ (Софія Палеологъ), Венеція (турецкія отношенія; вызовъ мастеровъ), Миланъ (мастера), Молдавія (бракъ), Турція (торговля), Грузія (просьба грузинскаго царя Александра о покровительствѣ), Крымъ (союзъ противъ Литвы). Кромѣ того Персія, Хорассанъ. Съ Казанью, Швеціей, Литвою и Ливонскимъ орденомъ велись войны.

Василій III продолжалъ дѣло своего отца; особенно интенсивны были сношенія его съ императоромъ германскимъ (посольства Герберштейна) и Римомъ. Кромѣ того сдѣлана была попытка войти въ сношенія съ Франціей.

б) **Государственный характеръ этихъ сношеній.** Ничего особенно выдающагося въ сношеніяхъ этихъ не было, но они важны тѣмъ, что поставили Московское государство въ непосредственное соприкосновеніе съ международною жизнью Европы и Передней Азіи, втянули его въ тамошнія отношенія, заставили, если не сейчасъ, то позже, принимать участіе въ ихъ политическихъ комбинаціяхъ и, сверхъ того, ближе поставили къ западноевропейской культурѣ, повліявъ такимъ образомъ не только на политическія судьбы Россіи, но и на ея духовную жизнь. И во всѣхъ этихъ сношеніяхъ Московская Русь выступаетъ въ новой для нея роли — государства, у котораго есть свои національные интересы, которые необходимо отстаивать и за которые приходится бороться. Новыя войны, переговоры и сдѣлки съ иноземцами стали совершаться теперь не ради «примысловъ» и «прибытковъ», какъ раньше, не ради накопленія частной казны и увеличенія личнаго добра, а ради общаго блага. Это особенно ярко выступитъ въ отношеніяхъ Москвы къ непосредственнымъ своимъ сосѣдямъ на Западѣ и на Востокѣ.

в) **Какія цѣли преслѣдовались на ближнемъ Западѣ и на ближнемъ Востокѣ.** Раньше отношенія къ татарамъ были исключительно оборонительныя; на Западѣ, въ свое время, Александръ Невскій борется съ шведами, нѣмцами и Литвой тоже съ единственною цѣлью противостоять натиску извнѣ. Теперь, объединившись въ одно государство, сбросивъ татарское иго, Москва чувствуетъ себя въ силахъ къ болѣе активному дѣйствію. Не о завоеваніяхъ въ обычномъ смыслѣ этого слова думаетъ она, а объ удовлетвореніи тѣхъ нуждъ, какія поставила ей жизнь. На Востокѣ, для огражденія себя отъ постоянныхъ нападеній казанскихъ татаръ, она предпринимаетъ рядъ военныхъ походовъ, не разъ стоитъ подъ стѣнами самой Казани, расчищая дорогу Ивану Грозному; на Западѣ, если отношенія къ Ливонскому ордену носятъ еще прежній характеръ домашнихъ распрей и взаимныхъ несправедливостей, зато въ Литвѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, Москва домогается родоваго наслѣдія, попавшаго въ литовскія руки; тамъ же, при Иванѣ III, приходитъ въ столкновеніе со Швеціе[1]); но и Казань, и Литва, и Швеція — начало, надлежащимъ образомъ, можетъ быть, еще и не сознанное, той политики, которую потомъ, въ бóльшихъ

[1]) 1496—1497 гг.; русскіе неудачно осаждали Выборгъ и прошли по южной Финляндіи до Тавастгуса, опустошивъ страну.

размѣрахъ и съ бóльшимъ успѣхомъ станутъ проводить Иванъ Грозный, царь Алексѣй Михайловичъ, Петръ Великій и Екатерина II.

Изъ этихъ первыхъ наступательныхъ движеній на два фронта, пробныхъ шаровъ, выросли позже тѣ три грандіозныхъ задачи, которыя надолго, на цѣлые вѣка, опредѣлятъ политическую дѣятельность Россіи на Востокѣ и Западѣ — продвиженіе къ Балтійскому морю (шведскія войны), возсоединеніе русской народности подъ однимъ скипетромъ (польскія войны) и выясненіе границъ, которыя позволили бы прочно отмежеваться отъ мусульманскаго Востока и полудикой азіатчины (Казань, Крымъ, Сибирь, Сѣверный Кавказъ, Средняя Азія, Туркменскій край).

6. Брачные союзы.

Высокое представленіе о себѣ, какъ о государѣ, и притомъ государѣ независимомъ, заставляетъ Ивана III искать брачныхъ союзовъ для членовъ своего княжескаго дома не между подданными, хотя бы и высокопоставленными, но въ средѣ царствующихъ династій. Старшаго сына (отъ перваго брака съ Маріей Тверской), Іоанна Молодого, онъ женитъ на Еленѣ, дочери молдавскаго господаря Стефана; ищетъ нѣмецкихъ принцессъ для другихъ своихъ сыновей; выдаетъ дочь Елену за Александра, князя литовскаго. Первоначально онъ намѣчалъ ей въ мужья Максимиліана, сына германскаго императора Фридриха III, но получилъ отказъ; на предложеніе же сосватать ее за маркграфа баденскаго велѣлъ отвѣтить: «за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій».

7. Новый порядокъ въ его внѣшнихъ выраженіяхъ.

Превращеніе удѣльнаго князя въ московскаго государя находитъ свое выраженіе и во внѣшнихъ формахъ:

а) «наслѣдникъ» византійскихъ императоровъ, Иванъ III принимаетъ гербъ византійскій — двуглаваго орла, и сливаетъ его съ московскимъ — Георгіемъ Побѣдоносцемъ, помѣстивъ послѣдняго въ центрѣ новаго герба (на груди орла);

б) торжественно вѣнчаетъ внука Дмитрія на царство, собственноручно возложивъ на него шапку (вѣнецъ) и бармы (оплечье) Мономаха;

в) вводитъ этикетъ при дворѣ, въ частности при пріемѣ иностранныхъ пословъ; цѣлованіе государевой руки;

г) въ дипломатическихъ бумагахъ вводится болѣе торжественный языкъ и пышная терминологія.

д) положено начало чиновной іерархіи: наименованіе бояринъ перестаетъ быть почетнымъ обозначеніемъ положенія, неотъемлемою принадлежностью въ силу этого самаго положенія: оно становится саномъ, чиномъ, которымъ государь жалуетъ за заслуги, по своему усмотрѣнію. Кромѣ боярскаго чина учреждается другой — окольничій, одной степенью ниже. Возникаютъ также новые придворные чины: конюшій, ясельничій, постельничій.

8. Самодержавіе московскаго государя.

Называя себя самодержцемъ въ знакъ независимости своей отъ другихъ государей, Иванъ III постепенно становится самодержцемъ и въ позднѣйшемъ, нынѣшнемъ значеніи этого слова, т. е. государемъ, воля котораго выше всего и всѣхъ въ его государствѣ. Онъ требуетъ безпрекословнаго себѣ повиновенія, строго караетъ за ослушаніе; онъ поднялся на высоту столь недосягаемую, что передъ нимъ уравнились всѣ: потомокъ Рюрика или Гедимина и послѣдній изъ подданныхъ, всѣ одинаково благоговѣйно и раболѣпно должны преклоняться предъ нимъ. Иванъ не задумался послать на плаху Патрикѣевыхъ и одного изъ Ряполовскихъ, видныхъ представителей московской знати. Не даромъ говорили, что женщины не выдерживали его взгляда и падали въ обморокъ.

Когда псковичамъ показалось, что, объявивъ сына своего Василія «великимъ княземъ Новгорода и Пскова» (1493), Иванъ намѣренъ отдѣлить ихъ отъ Московскаго государства, и послали просить его оставить ихъ подъ державою внука Дмитрія (въ ту пору онъ еще считался наслѣдникомъ всей Русской земли), то Иванъ велѣлъ отвѣтить: «развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество», пословъ же велѣлъ заточить въ тюрьму за неумѣстное вмѣшательство не въ свои дѣла.

Въ еще болѣе яркія и сильныя формы облеклось самодержавіе Василія III. Лучше и полнѣе всего оно изображено Герберштейномъ. Посолъ императора Максимиліана I, Герберштейнъ дважды посѣтилъ Москву, въ 1517 и 1526 гг., и имѣлъ случай хорошо присмотрѣться къ условіямъ и обстановкѣ тогдашней придворной жизни. Василій III, по его словамъ, «примѣняетъ свою власть къ духовнымъ такъ же, какъ и къ мірянамъ, распоряжаясь, безпрепятственно и по своей волѣ, жизнью и имуществомъ всѣхъ; изъ его совѣтниковъ ни одинъ не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться разногласить съ нимъ или помѣшать ему въ чемъ-либо. Русскіе открыто заявляютъ, что воля государя есть воля Божья, и что ни сдѣлаетъ государь, онъ дѣлаетъ по волѣ Божіей. Поэтому они на-

зываютъ его «ключникомъ и постельничимъ Божіимъ»; поэтому и самъ государь, въ случаѣ ходатайства за како го-нибудь плѣнпаго или по другому важному дѣлу, обычно отвѣчаетъ: «если Богъ повелитъ, то освободимъ», и если кто спрашиваетъ о дѣлѣ невѣрномъ, сомнительномъ, то обычно получаетъ въ отвѣтъ: «про то вѣдаетъ Богъ да великій государь» («Записки о московитскихъ дѣлахъ» Герберштейна).

Вотъ почему, если русскіе жаловались (Берсень Беклемишевъ), что Василій всѣ дѣла «запершись самъ-третей у постели (т. е. у себя въ кабинетѣ, а не на общемъ собраніи) вершаетъ», то это говорилось втихомолку, уже по одному тому, что за такія рѣчи приходилось расплачиваться головою на плахѣ.

9. Обстройка Кремля.

Независимый государь, обладатель всей Сѣверовосточной Руси, идейный наслѣдникъ византійской короны, сносящійся съ иностранными государями и принимающій у себя ихъ пословъ, Иванъ III не могъ жить въ прежней обстановкѣ, въ деревянномъ Кремлѣ, постоянно выгоравшемъ и носившемъ обликъ обычнаго на Руси города. Кремлевскія стѣны, хотя и каменныя, отъ времени и пожаровъ сильно обветшали; покрытыя деревянною кровлею, съ деревянными заборолами (разборный заборъ), онѣ и по виду казались сложенными изъ дерева, а немногія церкви изъ камня были такія маленькія, что совсѣмъ пропадали въ общей массѣ деревянныхъ построекъ (княжескихъ и боярскихъ хоромъ). Иванъ III съ сыномъ и принялись за перестройку и украшеніе Кремля. Ихъ строительная дѣятельность велась въ очень широкихъ размѣрахъ, наглядно свидѣтельствуя о новыхъ временахъ и новыхъ требованіяхъ.

Кремлевскіе соборы велѣно было строить, примѣняясь къ архитектурному стилю Успенскаго собора во Владимірѣ; и дѣйствительно, рука иноземнаго мастера не заглушила въ нихъ основной черты — простоты и серьезности древнерусскаго храма. Перестроенный Кремль наглядно свидѣтельствовалъ о величіи Москвы, о богатствѣ и власти ея государя. Кремль сталъ символомъ русской мощи, гордостью и славой ея властителей. Чудные, величественные соборы, богато украшенные, и бѣлый поясъ высокихъ каменныхъ стѣнъ, опоясавшихъ Кремль, ярко выдѣляясь на фонѣ окрестныхъ полей и лѣсовъ, создали съ той поры бѣлокаменную Москву и ея златоглавые верхи.

1473—1474. Кирпичныя, на каменномъ фундаментѣ, митрополичьи палаты.

1475—1479. Успенскій соборъ, донынѣ существующій. Строилъ его Аристотель Фіоравапти, изъ Болоньи.

1479.	Церковь Іоанна Златоустаго въ монастырѣ того же имени, въ память покоренія Новгорода. Строили псковскіе мастера.
1480.	Церковь Богоявленія на Троицкомъ подворьѣ.
1483.	Церковь во имя Алексѣя Чудотворца.
1484—1485.	Церковь Ризъ Положенія (митрополичья). Строили псковскіе мастера.
1484—1489.	Благовѣщенскій соборъ (дворцовый). Строили псковскіе мастера.
1485.	Кирпичныя палаты Ховрина (сына государева казначея).
1485—1495.	Кремлевскія стѣны. Строили итальянскіе мастера Антоній Фрязинъ, Маркъ Фрязинъ (Марко Руффо) и Алевизъ (Aloisio, изъ Милана).
1487—1491.	Грановитая палата. Строили Маркъ Фрязинъ и Пьетро Антоніо Солари, изъ Венеціи.
1499—1508.	Теремной дворецъ. Строилъ мастеръ Алевизъ, изъ Милана.
1501—1503.	Церковь Чуда архангела Михаила, въ Чудовомъ м-рѣ.
1504.	Церковь Козмы и Демьяна.
1505—1509.	Архангельскій соборъ, мѣсто погребенія государей московскихъ. Строилъ мастеръ Алевизъ Новый.
1506.	Церковь Николы Голстунскаго, кирпичная.
1508.	Ровъ подъ Кремлевскими стѣнами; обложенъ камнемъ и кирпичемъ. Работа мастера Алевиза.
1508—1509.	Церковь Іоанна Предтечи, у Боровицкихъ воротъ. Строилъ Алевизъ.
1514.	Церковь Рождества Богородицы.
1514.	Десять каменныхъ церквей, на посадѣ, за предѣлами Кремлевскихъ стѣнъ. Строилъ Алевизъ.
1515.	Успенскій соборъ былъ расписанъ живописью.

Подобно Владимірскому, и Успенскій соборъ пятиглавый; главы покоятся на столпахъ, составляющихъ остовъ храма. Стѣны совершенно гладкія; только поясъ изъ колоннокъ да цвѣтная (позднѣйшаго времени) роспись вокругъ порталовъ, разнообразятъ бѣлое поле стѣны. «Не только нѣтъ украшеній, но и всѣ линіи собора необычайно просты. И въ этой простотѣ сказалась душа вѣка, не привыкшаго къ земной пышности, суроваго, но въ то же время упорнаго въ своей вѣчной жизненной борьбѣ. Соборъ былъ колоссомъ въ сравненіи съ окружающими зданіями, съ раскинувшейся кругомъ деревянной Москвой: его монументальная простота переходила въ величіе, которое чувствуется и теперь, когда окружающія постройки сжали и

превысили соборъ» (Шамурины). Успенскій соборъ сталъ образцомъ для позднѣйшихъ пятиглавыхъ храмовъ.

III. Удѣльные князья — пережитокъ старины.

Процессъ превращенія московской вотчины въ государство, во времена Ивана III и Василія III, совершался, но еще не завершился окончательно: старые взгляды и понятія оказались живучи и изжили не сразу. Совершенно отказаться отъ удѣльныхъ воззрѣній ни тотъ ни другой изъ названныхъ князей не рѣшились, вѣрнѣе, совсѣмъ и не собирались.

Иванъ III оставилъ послѣ себя 5 сыновей и, умирая, всѣхъ ихъ надѣлилъ удѣлами, всѣхъ оставилъ еще на положеніи самостоятельныхъ князей, — государей, сказали бы мы, примѣнительно къ терминологіи нашего времени. Правда, настоящимъ государемъ сдѣланъ былъ одинъ Василій, остальные — только слабыя тѣни: Василій получилъ 66 городовъ, притомъ все главнѣйшіе: Москву, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владиміръ, Коломну, Ростовъ, Нижній, Муромъ; области: Заволочье, Югру, Печору, Пермь Великую, Вятскую землю и проч.; остальнымъ же четыремъ сыновьямъ, всѣмъ вмѣстѣ, досталось всего 30 городовъ, и то второстепенныхъ: Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Руза, Устюжна, Молога, Калуга, Верея и др.; ихъ лишили правъ сноситься съ иностранными государями, чеканить свою монету, права располагать вотчиною по своему усмотрѣнію, такъ какъ по смерти удѣлъ ихъ долженъ былъ перейти къ старшему брату; обязали служить великому князю своимъ войскомъ; даже судъ по важнѣйшимъ дѣламъ перенесли изъ удѣльной области въ Москву, — и все же, по идеѣ, младшіе братья были такіе же князья, какъ Василій, въ силу того же самаго права, какое и его посадило на великокняжескій престолъ. Укороченные въ своихъ правахъ, фактически совершенно безсильные, младшіе братья Василія все же оставались, въ предѣлахъ своихъ жалкихъ удѣловъ, носителями княжеской власти и имѣли право сказать, что, кромѣ Московскаго великаго княжества, есть еще другія княжества, гдѣ существуетъ своя власть, свои люди, свое войско и управленіе.

Василій III тоже не порываетъ со стариной. У него два сына и два дяди. Часть, оставленная старшему сыну Ивану, непомѣрно громадна, другимъ достались однѣ жалкія крохи, а все же достались.

Даже Иванъ Грозный завѣщалъ младшему сыну Дмитрію, въ удѣлъ, городъ Угличъ. Правда, особымъ самостоятельнымъ княжествомъ Угличъ на этотъ разъ уже не былъ, однако форма, хотя совершенно выдохшаяся, лишенная всякаго содержанія, еще на лицо. Такъ медленно шло разложеніе

вотчины и превращеніе ея въ государство. Только ураганъ, пронесшійся надъ Русской землей въ Смутные годы, смелъ окончательно и безвозвратно этотъ ненужный пережитокъ старины.

IV. Москва и Новгородъ.

1. Главныя причины паденія Новгорода.

а) Недостатки государственнаго строя; низшій классъ населенія искалъ себѣ управы и защиты не у своего правительства, а у чужого, въ Москвѣ.

б) Союзъ съ иновѣрной Литвой — онъ получилъ характеръ измѣны православію, чѣмъ умѣло воспользовался Иванъ III, выступивъ противъ новгородцевъ въ роли защитника истинной вѣры и придавъ самому походу своему на Новгородъ характеръ крестоваго похода.

2. Культурное развитіе Новгорода.

Паденіе Новгорода явилось не только политическимъ торжествомъ Москвы, въ ея объединительной работѣ по собиранію разрозненныхъ частей Русской земли, но одновременно крупнымъ завоеваніемъ также и въ области культурной. Дѣло въ томъ, что, культурно, Новгородъ былъ сильнѣе Москвы, стоялъ гораздо выше ея. Долгій періодъ татарскаго ига Москва провела въ полномъ разобщеніи съ Зап. Европой, Новгородъ же и Псковъ, наоборотъ, продолжали поддерживать свое общеніе съ нею. Новгородъ и въ этотъ темный періодъ русской исторіи оставался прежнимъ рынкомъ и торговымъ звеномъ между Западомъ и Востокомъ, тою гостепріимною пристанью и складочнымъ мѣстомъ, куда стекались товары ганзейскіе, съ мусульманскаго Востока и отъ сѣверныхъ инородцевъ. Въ Новгородѣ существовалъ постоянный «нѣмецкій» дворъ. Дыханіе западноевропейской жизни, не доходившее до Москвы, чувствовалось на берегахъ Волхова.

Съ Запада зашла сюда ересь жидовствующихъ, вызвавшая къ жизни много цѣнныхъ литературныхъ произведеній; подъ вліяніемъ этой ереси приступили (архіеп. Геннадій) къ переводу на церковно-славянскій языкъ полной библіи; этой же ереси обязано своимъ появленіемъ знаменитое сочиненіе Іосифа Волоцкаго «Просвѣтитель»; тогда же въ Новгородѣ занялись составленіемъ житій русскихъ святыхъ; въ связи съ наступленіемъ восьмаго тысячелѣтія отъ сотворенія міра (1492 + 5508 = 7000) составлена была церковная пасхалія. Первыя печатныя книги съ Запада пришли въ Новгородъ раньше, чѣмъ въ Москву; онѣ появились здѣсь въ концѣ XV ст., т. е. 30—40

лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія Гуттенберга (первыя книги напечатаны въ Германіи въ серединѣ 1450-хъ годовъ). Для своей библіи архіеп. Геннадій могъ пользоваться печатнымъ изданіемъ Вульгаты (латинскимъ переводомъ библіи, одобреннымъ католическою церковью). «Первые переводы произведеній западно-европейскихъ литературъ, сдѣланные, несомнѣнно, въ Московской Руси, относятся ко второй половинѣ XV вѣка и принадлежатъ по преимуществу Новгороду. И въ этомъ столѣтіи, и въ началѣ слѣдующаго Новгородъ работаетъ надъ переводами энергично» (Соболевскій). Все это свидѣтельствуетъ о культурномъ движеніи, о духовныхъ запросахъ, какими жила въ ту пору новгородская интеллигенція.

Болѣе близкій къ Западу, Новгородъ въ то же время стоялъ дальше отъ азіатскаго Востока — другое благопріятное условіе для культурнаго развитія. Благодаря тому, что нога татарина никогда не заходила въ Новгородскій край, тамъ сохранилось гораздо больше памятниковъ старины — вещественной (церковной) и рукописной. Высчитываютъ, что добрая половина древней русской письменности, дошедшей до насъ за XI—XVI в., принадлежитъ Новгороду и Новгородской области.

3. Культурная зависимость Москвы отъ Новгорода.

Москва оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія; но съ подчиненіемъ Новгорода, а позже и Пскова, тамошнія культурныя силы пріобщились и ей, перешли къ ней на службу. Перестраивая Кремль, московскіе князья пользовались услугами не только итальянскихъ мастеровъ, но также и псковскихъ[1]); образованнѣйшіе люди временъ Ивана Грознаго, какъ митр. Макарій, свящ. Сильвестръ, образованіемъ своимъ обязаны Новгороду. Макарій здѣсь задумалъ и принялся за составленіе своихъ знаменитыхъ Четій-Миней; извѣстная Царственная книга (описаніе первыхъ 20 лѣтъ правленія Ивана Грознаго, 1533—1553 гг.) раскрашена новгородскими миніатюристами.

4. Новгородская школа иконописанія.

Особенно высоко стояло въ Новгородѣ иконописаніе. Отличительные признаки новгородской школы письма:

Рисунокъ рѣзкій, строгій; прямыми, длинными линіями, фигуры по большей части короткія; лицо длинное; носъ опущенъ на губы; обиліе деталей. Московское письмо изящнѣе; отдѣлка тамъ тонкая, краски положены живыя, чего нѣтъ

---

[1]) До временъ Ивана III каменныя церкви въ Москвѣ были рѣдкостью, въ Новгородѣ же ихъ было много вообще. Не только въ самомъ главномъ городѣ. За одинъ только 1417 годъ построено было шесть каменныхъ церквей.

въ Новгородской школѣ. Фигуры московскихъ святыхъ полны мечтательности; они ушли въ свои мысли (А. Рублевъ), — лики же новгородскихъ иконъ полны экспрессіи и энергичнаго выраженія; движеніе фигуръ — сильное; покой — глубокій. Новгородскіе святые упорно вперили свой взоръ, точно хотятъ вычитать въ нашей душѣ; московскіе — стоятъ, не замѣчая насъ; они живутъ въ своемъ мірѣ, далеко отъ міра земного.

V. Личность Ивана III.

1. **Преемственность програмы.** Одной стороною Иванъ III стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ и принадлежитъ обѣимъ. Онъ такой же князь-собиратель, какъ и его предшественники; у него тѣ же цѣли, тѣ же пріемы и тѣ же средства, какъ и у тѣхъ. Истинный потомокъ Калиты, онъ такъ же расчетливъ, медлителенъ и остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ же избѣгаетъ рѣшительныхъ мѣръ, всего рискованнаго и терпѣливо ждетъ, пока плодъ не созрѣетъ вполнѣ и не свалится самъ.

2. **Отличія отъ прошлаго.** Одно выдѣляетъ его отъ предковъ: онъ счастливѣе ихъ. Онъ жилъ въ ту пору, когда плодъ уже созрѣлъ, и цѣль была достигнута: ему не для чего выходить на Куликово поле и биться смертнымъ боемъ съ татарами, рисковать своимъ будущимъ — ханъ Ахметъ постоитъ на берегу р. Угры и самъ, безъ понужденія, отойдетъ въ свои приволжскія степи; нечего осаждать Тверь — она сама отворитъ ворота и покорно признаетъ его власть; стоитъ ему подойти къ Новгороду, пригрозить — и конецъ вѣчевому колоколу, конецъ новгородской свободѣ; богатыя и обширныя земли безъ кровопролитія и безъ особыхъ усилій сольются съ родовой отчиной московскаго князя.

3. **Грань между Иваномъ и прошлымъ.** Иванъ счастливѣе своихъ предковъ, — казалось бы, только и разницы; но этого «счастья» достаточно, чтобы наложить на него особый отпечатокъ. Хотя по крови и по духу, онъ настоящій сынъ Василія Темнаго, правнукъ Донского и праправнукъ Калиты, однако самый успѣхъ, выпавшій на его долю — завершеніе начатаго дѣла — кладетъ извѣстную грань между нимъ и тѣми. Сѣверо-восточная Русь, ставъ объединенною, превратила Ивана въ государя и надѣлила его средствами въ такихъ размѣрахъ, о какихъ тѣ никогда и мечтать не смѣли. Съ «государствомъ» сразу расширились новые и очень далекіе горизонты. Московское княжество начнетъ съ этой поры превращаться въ Россію, начнетъ принимать участіе въ общеевропейской жизни — это создастъ совершенно новыя условія существованія, породитъ

новыя цѣли, а для достиженія этихъ цѣлей заставитъ искать и новыхъ средствъ.

4. **Внѣшняя и внутренняя политика.** Виднѣлись ли самому Ивану эти новые горизонты? Внесъ ли онъ что-нибудь отъ себя для выясненія этихъ новыхъ цѣлей и созданія этихъ новыхъ средствъ?

Въ области т. наз. внѣшней политики — да, Иванъ новый человѣкъ; тутъ онъ заронилъ идеи и намѣтилъ задачи, которыхъ раньше не знали и не ставили въ Московской Руси; зато въ области внутренней политики онъ не особенно далеко отошелъ отъ старины.

5. **Политическая независимость.** Назвавъ себя царемъ и самодержцемъ, онъ опредѣлилъ новое мѣсто независимой Россіи въ ряду другихъ государствъ, подчеркнулъ ея самоцѣнность; и, отказываясь отъ предложеннаго императоромъ королевскаго титула, заявивъ, что «мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, и какъ прежде его ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь», — онъ указалъ, что новая Россія не пойдетъ въ хвостѣ другихъ державъ, но дорожитъ собственнымъ Я и будетъ заботливо оборонять его, какъ святыню.

Это черта совершенно новая. Раньше на Руси ничего подобнаго не слыхали. Отсюда пойдетъ будущее Московское царство, Россійская имперія, и когда Петръ Великій торжественно возложитъ на себя императорскую корону, а Николай I на запросъ англійскаго посла: зачѣмъ онъ строитъ военный флотъ въ Балтійскомъ морѣ, отвѣтитъ: «для того, чтобы мнѣ потомъ не смѣли задавать подобныхъ вопросовъ», — или когда Александръ II, во время польскаго возстанія, съ негодованіемъ отвергнетъ вмѣшательство Франціи и Англіи въ его внутреннія дѣла, — во всѣхъ этихъ случаяхъ названные государи будутъ дѣйствовать, какъ истинные наслѣдники Ивана III.

6. **Польскій вопросъ.** Но политическая фигура Ивана характеризуется еще другою, тоже новою, и столь же важною чертою. Своимъ титуломъ «государь всея Руси», энергичной защитою православія въ зарубежной Литвѣ Иванъ поставилъ новый вопросъ: кому быть во главѣ объединенной русской націи: Литвѣ или Москвѣ? Въ теченіе трехъ вѣковъ вопросъ этотъ будетъ оставаться очереднымъ, однимъ изъ самыхъ жгучихъ и неотложныхъ. Пройдетъ длинный рядъ годовъ, пока русская жизнь съумѣетъ дать на него удовлетворительный отвѣтъ. Въ началѣ пройденнаго пути стоитъ Иванъ III, въ концѣ его — Екатерина II, а между ними Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, два первыхъ Романова, Петръ Великій, какъ

звенья той цѣпи, имя которой Польскій вопросъ. Выковала окончательно эту цѣпь Екатерина, но ковать ее началъ Иванъ. Въ этомъ его историческая заслуга; именно это дѣлаетъ его человѣкомъ новыхъ временъ. Въ области русско-литовскихъ отношеній, по духу, онъ гораздо ближе къ чужой ему по происхожденію императрицѣ-нѣмкѣ, чѣмъ къ родному отцу своему или дѣду.

Короче говоря, Иванъ III вывелъ Россію на новый путь международной жизни.

7. **Зависимость отъ старины.** Зато въ дѣлахъ домашнихъ, въ предѣлахъ своего Московскаго княжества Иванъ полонъ противорѣчій. Сознавъ себя національнымъ, независимымъ государемъ и опредѣливъ себѣ мѣсто на ряду съ такими же, какъ онъ, независимыми государями, онъ, конечно, не могъ не сознавать своей «государственности» и по отношенію къ самой Россіи, къ ея населенію; однако старые образы такъ крѣпко срослись съ его понятіями, что ему трудно совсѣмъ отрѣшиться отъ нихъ и перестать видѣть въ Московскомъ княжествѣ прежнее частное владѣніе, а въ себѣ ея «хозяина-примыслителя».

Иванъ понимаетъ, что онъ могущественнѣе своего отца или дѣда, сознаетъ свою силу и проявитъ ее рѣзче, убѣдительнѣе: строже накажетъ за ослушаніе, пуститъ въ ходъ кнутъ — небывалую раньше на Руси позорную казнь; отрубитъ Ряполовскому голову, — потому то и боятся его бояре больше; потому то падаютъ женщины въ обморокъ отъ его гнѣвнаго взгляда, а бояре, не шевелясь, ждутъ его пробужденія, опасаясь неосторожнымъ движеніемъ нарушить его покой; но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ слышится чаще разгнѣванный хозяинъ, грозный отецъ, чѣмъ государь, глава большого народа.

Что онъ еще не выросъ въ государя во весь ростъ, свидѣтельствуютъ тѣ удѣлы, которые онъ оставилъ своимъ младшимъ сыновьямъ: государь — онъ долженъ былъ бы обдѣлить младшее свое поколѣніе; отецъ — онъ не рѣшается на это: это было бы противно стариннымъ правиламъ морали, завѣту дѣдовъ и отцовъ.

8. **Противорѣчія во внутренней дѣятельности.** Новое и старое постоянно борятся въ немъ. Переселеніе непокорныхъ новгородцевъ изъ ихъ родного города на Волгу — мѣра суровая, но ее можно оправдать соображеніями государственной пользы; но зачѣмъ было вносить въ нее личное раздраженіе, разореніе тысячъ и тысячъ людей? Вѣдь разоряя новгородскія семьи, онъ разорилъ не только ненавистный ему городъ, но также и національное русское добро! То же самое можно сказать и о мѣрахъ, погубившихъ новгородскую торговлю съ Ганзой.

Сегодня онъ коронуетъ на царство внука и сажаетъ подъ стражу сына, а завтра низложитъ внука и его лишитъ свободы, а на его мѣсто поставитъ сына. Чувствуй себя въ эту минуту Иванъ государемъ, онъ навѣрно поостерегся бы отъ подобнаго шага: вѣдь онъ наносилъ ударъ не только внуку, но и самой идеѣ государства, — идеѣ столь еще молодой, едва начинавшей пускать первые ростки. Подобный опытъ еще могъ безнаказанно продѣлать Петръ Великій со своимъ сыномъ, но тамъ вся обстановка была иная: идея государства въ сознаніи общественномъ уже окрѣпла, да и на самую казнь царевича Алексѣя посылалъ не отецъ, а государь, въ заботѣ о благѣ государственномъ.

9. **Двойственность.** Такимъ образомъ личность Ивана двоится: одной ногою онъ стоитъ уже въ новомъ, будущемъ мірѣ, другою — еще завязъ въ старомъ. Первое дѣлаетъ его видною историческою личностью, съ чертами, несомнѣнно, положительными, а второе держитъ на прежнемъ уровнѣ. Тамъ его фигура облита зарею новаго свѣта, тутъ она вся еще въ сумеркахъ догорающаго дня. Тамъ имъ сказано новое слово, здѣсь онъ все еще сбивается на проторенную дорогу. Во всякомъ случаѣ на этой дорогѣ Иванъ ничего не растерялъ изъ доставшагося ему наслѣдія; скорѣе, наоборотъ, прочно спаялъ его и такимъ хорошо спаяннымъ передалъ своимъ преемникамъ. Будущія поколѣнія, въ достиженіи новыхъ цѣлей, поставленныхъ русскою жизнью, будутъ нуждаться въ новыхъ средствахъ, но имъ не обойтись и безъ средствъ, завѣщанныхъ Иваномъ.

10. **Заключеніе.** Умъ не творческій, Иванъ едва ли заслужилъ названіе В е л и к а г о, какимъ награждаютъ его нѣкоторые историки; но это не отнимаетъ у него права занимать одно изъ выдающихся мѣстъ среди дѣятелей русской старины. Это типичный представитель переходнаго времени. Уходя изъ прошлаго, онъ еще не затворилъ за собою окончательно дверей; но онъ первый пріотворилъ дверь туда, куда потомъ пришлось идти всей Россіи.

VI. Судъ Исторіи.

Оцѣнка русскими историками личности и дѣятельности Ивана III.

1. **Карамзинъ** (1816). Карамзинъ ставитъ Ивана III на очень высокое мѣсто. По его мнѣнію, это дѣятель не только русской, но и всемірной исторіи. Не обладая привлекательными свойствами Мономаха или Дмитрія Донского, онъ «стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія». Его осторожность не можетъ плѣнить насъ; иногда она кажется даже боязливо-

стью и нерѣшительностью (поведеніе на р. Угрѣ, въ виду полчищъ хана Ахмета), но она подсказана благоразуміемъ; благодаря ей, «твореніе» Ивана пріобрѣло надлежащую прочность, устойчивость и пережило его самого. Александръ Македонскій оставилъ послѣ себя одну славу, государство его распалось; Россія временъ Олега, Владиміра Св., Ярослава Мудраго тоже погибла въ нашествіе монголовъ, Иванъ же III оставилъ послѣ себя «государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія». Онъ создалъ нынѣшнюю Россію. Не высказываясь прямо, Карамзинъ готовъ поставить Ивана выше даже Петра Великаго. «Государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи; по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ». — Весь 12-титомный трудъ Карамзина не безъ основанія носитъ названіе «Исторіи государства Россійскаго»: вниманіе автора сосредоточено главнымъ образомъ на развитіи русскаго государства и русской государственности, и Иванъ III, при которомъ Русская земля, дѣйствительно, выросла въ государство, пріобрѣлъ въ его глазахъ особенно видное значеніе.

2. Соловьевъ (1856). Соловьевъ удѣляетъ Ивану III значительно болѣе скромное мѣсто. Въ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьевъ тоже слѣдитъ главнымъ образомъ за развитіемъ государства, но отъ него не ускользнула историческая преемственность событій, связь и прямая зависимость одной эпохи отъ другой. Вотъ почему, отдавая должное Ивану, онъ не забываетъ и тѣхъ, кому тотъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ и выдающимся положеніемъ. Соловьевъ прибѣгаетъ къ такому сравненію. Въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ цѣлыя поколѣнія тяжелыми трудами накапливали большія богатства; сынъ прибавлялъ къ тому, что было накоплено отцомъ, внукъ увеличивалъ собранное дѣдомъ и отцомъ; тихо, медленно, незамѣтно дѣйствовали они, подвергаясь лишеніямъ, жили бѣдно; и вотъ, наконецъ, въ руки счастливаго наслѣдника досталось это богатство — плодъ трудолюбія и бережливости его предковъ. Наслѣдникъ не расточаетъ его, напротивъ, продолжаетъ увеличивать; но самый способъ его дѣйствій теперь уже иной: обширныя средства позволяютъ ему дѣйствовать въ болѣе крупномъ масштабѣ; его дѣйствія становятся громкими, обращаютъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ оказываютъ вліяніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. «Честь и слава человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами; но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостію, лишеніями доставили ему эти средства?». Этими словами Соловьевъ хочетъ исправить односторонность въ

сужденіи Карамзина: присоединеніе обширныхъ областей къ родовому удѣлу, почти полное прекращеніе удѣловъ, освобожденіе отъ татарскаго ига, первый шагъ на пути возсоединенія литовско-русскихъ земель съ Московскимъ государствомъ, возобновленіе сношеній съ Зап. Европой — факты, дѣйствительно, крупные, но они ослѣпили Карамзина, онъ упустилъ изъ виду предшествующую подготовительную работу.

«Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на Московскій престолъ, когда дѣло собиранія Сѣверовосточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобъ дорушить его. Пользуясь полученными отъ предковъ средствами, счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, онъ доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности; но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей Русской земли, среди образователей Московскаго государства; Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе — вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III».

3. **Костомаровъ** (1874). Еще дальше отъ Карамзина отошелъ въ своей оцѣнкѣ Костомаровъ. Подчеркивая преимущественно отрицательныя стороны Ивана, онъ указываетъ не столько на то, что Иванъ далъ, сколько на то, чего не далъ, но что долженъ былъ и могъ дать. Костомаровъ не закрываетъ глаза на его положительныя качества, какъ человѣка, но не видитъ плодотворнаго имъ примѣненія въ жизни.

«Печальныя событія съ его отцомъ внушили ему съ дѣтства непримиримую ненависть ко всѣмъ остаткамъ старой удѣльно-вѣчевой свободы и сдѣлали его поборникомъ единодержавія. Это былъ человѣкъ крутого нрава, холодный, разсудительный, съ черствымъ сердцемъ, властолюбивый, неуклонный въ преслѣдованіи избранной цѣли, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна постепенность, даже медлительность; онъ не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умѣлъ превосходно пользоваться обстоятельствами; онъ никогда не увлекался, зато поступалъ рѣшительно, когда видѣлъ,

что дѣло созрѣло до того, что успѣхъ несомнѣненъ. Забираніе земель и возможно прочное присоединеніе ихъ къ Московскому государству было завѣтною цѣлью его политической дѣятельности; слѣдуя въ этомъ дѣлѣ за своими прародителями, онъ превзошелъ всѣхъ ихъ и оставилъ примѣръ подражанія потомкамъ на долгія времена».

«Русскіе историки называютъ Ивана Великимъ. Дѣйствительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, съ какою онъ умѣлъ преслѣдовать избранныя цѣли, его умѣнью кстати пользоваться благопріятными обстоятельствами и выбирать надлежащія средства для достиженія своихъ цѣлей; но не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, при сужденіи о заслугахъ Ивана Васильевича, того, что истинное величіе историческихъ лицъ въ томъ положеніи, которое занималъ Иванъ Васильевичъ, должно измѣряться степенью благотворнаго стремленія доставить своему народу возможно большее благосостояніе и способствовать его духовному развитію: съ этой стороны государствованіе Ивана Васильевича представляетъ мало данныхъ. Онъ умѣлъ расширять предѣлы своего государства и скрѣплять его части подъ своею единою властью, жертвуя даже своими отеческими чувствами, умѣлъ наполнять свою великокняжескую сокровищницу всѣми правдами и неправдами, но эпоха его мало оказала хорошаго вліянія на благоустроеніе подвластной ему страны. Сила его власти переходила въ азіатскій деспотизмъ, превращающій всѣхъ подчиненныхъ въ боязливыхъ и безгласныхъ рабовъ. Такой строй политической жизни завѣщалъ онъ сыну и дальнѣйшимъ потомкамъ. Его варварскія казни развивали въ народѣ жестокость и грубость. Его безмѣрная алчность способствовала не обогащенію, а обнищанію русскаго края. Покоренный имъ Новгородъ былъ ограбленъ точно такъ, какъ будто его завоевала разбойничья орда, вмѣсто того, чтобы, съ пріобрѣтеніемъ спокойствія подъ властью могучаго государя, ему получить новыя средства къ увеличенію своихъ экономическихъ богатствъ. Ни малѣйшаго шага не было сдѣлано Иваномъ ко введенію просвѣщенія въ какомъ бы то ни было видѣ, и если въ послѣднихъ годахъ XV и въ первой четверти XVI вѣка замѣчается нѣкотораго рода оживленная умственная и литературная дѣятельность въ религіозной сферѣ, то это вызвано было не имъ. На народную нравственность Иванъ своимъ примѣромъ могъ оказывать скорѣе зловредное, чѣмъ благодѣтельное вліяніе».

«Истинно великіе люди познаются тѣмъ, что опережаютъ свое общество и ведутъ его за собою; созданное ими имѣетъ прочные задатки не только внѣшней крѣпости, но духовнаго саморазвитія. Иванъ въ области умственныхъ потребностей

ничѣмъ не сталъ выше своей среды; онъ создалъ государство, завелъ дипломатическія сношенія; но это государство, безъ задатковъ самоулучшенія, безъ способовъ и твердаго стремленія къ прочному народному благосостоянію, не могло двигаться впередъ на поприщѣ культуры, простояло два вѣка, вѣрное образцу, созданному Иваномъ, хотя и дополняемое новыми формами въ томъ же духѣ, но застылое и закаменѣлое въ своихъ главныхъ основаніяхъ, представлявшихъ смѣсь азіатскаго деспотизма съ византійскими, выжившими свое время, преданіями. И ничего не могло произвести оно, пока могучій умъ истинно великаго человѣка — Петра, не началъ пересоздавать его въ новое государство уже на иныхъ культурныхъ началахъ».

4. **Бестужевъ-Рюминъ** (1885). По его мнѣнію, оцѣнка Костомарова — «прекрасная обвинительная рѣчь, но не сужденіе историка». Отрицать въ Иванѣ всякую заслугу, не найти въ его дѣятельности ничего, кромѣ своекорыстныхъ побужденій, значитъ, нарушить основное правило исторической критики, которая требуетъ судить историческую личность въ связи съ той обстановкой, въ какой онъ жилъ и воспитался, съ тѣми взглядами и понятіями, которые господствовали въ его время и оказывали могущественное вліяніе на ея собственныя воззрѣнія и поступки. Предшественники, дѣйствительно, много подготовили Ивану, но Иванъ первый поставилъ вопросъ о томъ, кому быть: Литвѣ или Москвѣ, намѣтилъ будущую политику Россіи по отношенію къ Польшѣ. «Сношенія съ Западомъ съ него начинаются. Умѣніе же пользоваться обстоятельствами ставитъ Іоанна въ рядъ великихъ людей. Если не признать величія Іоанна, то пришлось бы такое же сужденіе частію примѣнить и къ Петру, который въ значительной степени былъ только болѣе рѣшительнымъ преемникомъ своего брата, отца и дѣда».

5. **Иловайскій** (1884). Онъ также ставитъ Ивана очень высоко. «Иванъ III представляется намъ основателемъ того истинно государственнаго строя, которому отнынѣ подчинилась вся Русская земля и которому она обязана своимъ послѣдующимъ величіемъ. Суровый, деспотичный, крайне осторожный и вообще мало привлекательный характеръ этого перваго московскаго царя, сложившійся еще подъ тяжелыми впечатлѣніями потерявшихъ смыслъ княжескихъ междоусобій и постыднаго варварскаго ига, не можетъ умалить его необычайный государственный умъ и великія заслуги въ глазахъ историка. И если, отъ Владиміра Св. до Петра I, кто изъ русскихъ государей достоинъ наименованія Великаго, то это именно Иванъ III».

6. **Выводы.** Разногласіе въ оцѣнкѣ Ивана III въ значительной мѣрѣ обусловлено тѣмъ, что наши историки искали въ

Иванѣ цѣльную личность и хотѣли подвести подъ одинъ итогъ противоположныя, не всегда примиримыя стороны его дѣятельности; между тѣмъ, будучи представителемъ переходной эпохи, Иванъ, уже въ силу одного этого, долженъ двоиться: онъ соединялъ въ себѣ извѣстныя противорѣчія: черты положительныя и отрицательныя; новое, свѣтлое — и устарѣвшее, умирающее. По характеру, привычкамъ, способу дѣйствій, Иванъ весь въ прошломъ, — а это прошлое (время князей-собирателей) отличалось неразборчивостью въ средствахъ, жесткимъ эгоизмомъ, низкимъ уровнемъ нравственныхъ требованій, готовностью принижаться передъ сильнымъ, грубымъ произволомъ по отношенію къ слабымъ. Эти отталкивающія черты, усвоенныя Иваномъ по наслѣдству, и сказались на сужденіи Костомарова. Несомнѣнны зато заслуги Ивана въ развитіи русской государственности, и ихъ выдвинули съ особою силою Карамзинъ, Бестужевъ-Рюминъ и Иловайскій. Соловьевъ всего ближе къ истинѣ, вводя эти заслуги въ надлежащія историческія рамки. Панегиристамъ московскаго князя онъ говоритъ: Иванъ былъ лишь счастливымъ наслѣдникомъ тѣхъ богатствъ, какія скопили ему его предшественники; но и хулителей онъ останавливаетъ замѣчаніемъ: Иванъ былъ несчастнымъ наслѣдникомъ того дурного, что досталось ему отъ прошлаго времени.

VII. Памятники духовной культуры. 1462—1533.

1. «Повѣсть о созданіи и о взятіи Царяграда». Она была одною изъ любимыхъ книгъ, читавшихся въ старое время. Читатель особенно охотно останавливался на предсказаніи, что наступитъ время, когда русскій народъ побѣдитъ турокъ и воцарится на семи цареградскихъ холмахъ. Съ тѣхъ поръ въ сознаніи русскаго человѣка никогда не умирала надежда на то, что, рано или поздно, православный крестъ вновь заблеститъ на куполахъ Св. Софіи.

2. «Повѣсть о Бѣломъ клобукѣ». Ее тоже много читали въ старину. Содержаніе ея: императоръ Константинъ Великій пожаловалъ крестившему его папѣ Сильвестру, какъ главѣ христіанскаго благочестія, Бѣлый клобукъ для ношенія. Когда же впослѣдствіи латыняне отступились отъ православія и преемники Сильвестра хотѣли, для поруганія, отослать Бѣлый клобукъ въ чужую землю, то ангелъ, въ видѣніи, грозя страшною казнію, повелѣлъ папѣ отослать Клобукъ константинопольскому патріарху и, въ свою очередь, тоже въ видѣніи, повелѣлъ патріарху отослать Клобукъ, по полученіи его, къ архіепископу новгородскому, чтобы носилъ его никто иной, какъ онъ, такъ какъ въ Новгородѣ «нынѣ воистину славится вѣра Христова»;

въ Римѣ она уже погибла, погибнетъ, по гордости людской, и въ Царьградѣ отъ руки агарянъ, но возсіяетъ въ Третьемъ Римѣ — въ Русской землѣ. Съ тѣхъ поръ новгородскіе архіепископы носятъ на головѣ бѣлый клобукъ, а не черный, какъ остальные архіереи. — Легенда эта сложилась въ Новгородѣ, на почвѣ стремленій создать мѣстной церкви іерархическую независимость; позже, съ паденіемъ политической самостоятельности Новгорода, легенда была пріурочена къ Москвѣ, и съ 1564 года московскіе митрополиты тоже стали носить, вмѣсто чернаго, бѣлый клобукъ.

3. Радзивиловская или Кенигсбергская Лѣтопись — списокъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», конца XV в., съ продолженіемъ до 1206 г., съ 604 миніатюрами; миніатюры эти воспроизведены съ болѣе древнихъ подлинниковъ, которые одни относятъ къ началу XIII в. (Шахматовъ), другіе къ концу XIII или даже къ первой четверти XIV в. (Кондаковъ). Цѣнность миніатюръ въ томъ, что онѣ наглядно знакомятъ насъ съ домашнимъ бытомъ русскихъ того времени (одежда, вооруженіе, утварь). Текстъ изд.: Спб. 1767; миніатюры: Спб. 1890 (подлинникъ въ Академіи Наукъ).

4. Геннадіева Библія — собраніе ветхозавѣтныхъ (не всѣхъ) и новозавѣтныхъ (полностью) книгъ, въ переводѣ съ греческаго и, частью, съ латинскаго текста; трудъ законченъ ок. 1493 г. Это былъ первый трудъ на Руси подобнаго рода. Рукопись хранится въ Московск. Синодал. Библ-кѣ. Съ нея напечатана Острожская Библія 1581 г., а съ Острожской — московское изданіе Библіи 1663 г., первое для Московской Руси. — Отсутствіе подъ рукою полнаго греческаго текста библіи вынудило Геннадія прибѣгнуть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ латинскому тексту, къ т. наз. Вульгатѣ (наприм. Книги Маккавейскія). Насколько однако трудно было освоиться въ ту пору даже въ Новгородѣ съ латинскимъ языкомъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: ab arce переведено: отъ арсе; contra castra — противу кастрасъ; eis (т. е. ихъ) — еисъ.

5. «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго — 16 словъ противъ жидовствующихъ, въ 1490-хъ годахъ.

6. «Уставъ о жительствѣ скитскомъ», Нила Сорскаго (ум. 1508 г.) — горячій протестъ противъ обогащенія монастырей земельными вотчинами.

7. «Слово отвѣтное противъ клевещущихъ истину», Вассіана Косого (Патрикѣева), направленное противъ іосифлянъ, до 1531 г.

8. Четвероевангеліе 1507 года, съ прекрасными миніатюрами (Спб. Публ. Библ.).

9. Пять писемъ вел. князя Василія III — первыя по времени дошедшія до насъ въ подлинникахъ письма русскихъ государей (Москва. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ).

10. Сочиненія Максима Грека.

Особую группу представляютъ сочиненія, отразившія на себѣ слагавшіяся въ ту пору представленія о Москвѣ, какъ о «Третьемъ Римѣ», и о правѣ московскихъ князей именоваться царями. Бо́льшая часть ихъ сложилась въ княженіе Василія III, но нѣкоторыя зародились, вѣроятно, еще раньше.

11. Повѣсти о Вавилонѣ, подъ разными названіями: «Притча о Вавилонѣ», «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», «Посланіе отъ Льва царя греческаго» и др. Содержаніе ихъ: греческій царь Левъ послалъ трехъ благочестивыхъ мужей, — грека, обежанина (абхазца) и русина, въ городъ Вавилонъ. Въ ту пору Вавилонъ былъ городъ заброшенный; его охраняли змѣи. Съ большими трудностями и приключеніями сказочнаго характера три мужа проникли въ городъ, пришли въ царскую сокровищницу и тамъ, въ особой палатѣ, нашли два царскихъ вѣнца; ихъ нѣкогда носили царь Навуходоносоръ и его царица; при вѣнцахъ лежала грамота, гласившая, что «нынѣ» вѣнцы эти будутъ на главѣ греческаго царя Льва и его царицы. Въ другой палатѣ оказалась сердоликовая крабица (коробица, коробка, т. е. шкатулка) съ царской порфирой (по другой версіи кромѣ порфиры тамъ лежали еще «шапка Мономахова» и царскій скипетръ). Взявъ всѣ эти вещи, вмѣстѣ съ двумя ларцами, полными разныхъ драгоцѣнностей, три мужа принесли ихъ имп. Льву, который такимъ образомъ явился какъ бы наслѣдникомъ вавилонскихъ царей. Слѣдующая повѣсть сдѣлаетъ это наслѣдство достояніемъ русскихъ князей.

12. «Сказаніе о князехъ Владимірскихъ» — разсказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ, по примѣру другихъ русскихъ князей, задумалъ идти войною на Царьградъ и, послѣ удачнаго набѣга, вернулся въ Кіевъ съ богатой добычей, и какъ потомъ греческій императоръ Константинъ Мономахъ (NB. онъ умеръ въ 1055 г., когда Владиміру было всего 2 года) послалъ этому Владиміру Мономаху богатые дары, въ томъ числѣ царскій вѣнецъ, въ знакъ «вольнаго самодержавства великія Россіи», сердоликовую крабицу и ожерелье (бармы), съ своихъ плечъ. Дары повезъ митрополитъ ефесскій, который долженъ былъ короновать Владиміра царскимъ вѣнцомъ. «И съ того времени князь великій Володимеръ Всеволодовичъ нареченъ Мономахъ и царь всея великія Россіи, и отъ того часа тѣмъ вѣнцемъ царскимъ вѣнчаются всѣ великіе князи Володимерскіе, егда ставятся на великое княженіе русское».

13. Родословіе великихъ князей русскихъ — выводившее Рюрика, а съ нимъ, слѣдовательно, и князей московскихъ, отъ римскаго императора Августа, черезъ брата его Пруса, поселившагося въ Прусской землѣ: «пріиде на Русь въ Великій Новгородъ изъ Прускіе земли княжить князь великій Рюрикъ».

14. Посланіе старца Филоѳея къ дьяку Мунехину — въ немъ, какъ и въ нижеслѣдующемъ посланіи къ вел. князю Василію III, впервые ясно и отчетливо формулирована мысль о преемственности царской власти, перешедшей отъ византійскихъ императоровъ къ московскимъ князьямъ, и о Москвѣ, какъ Третьемъ Римѣ: «Нынѣ одно только православное царство стоитъ — Московское; во всемъ поднебесьи нашъ государь остался единымъ христіанскимъ царемъ, браздодержателемъ святыхъ престоловъ вселенской церкви, которая нынѣ, вмѣсто римской и константиноградской, свѣтится паче солнца въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ».

15. Посланіе того же старца Филоѳея къ вел. князю Василію III: «Церковь стараго Рима пала отъ Аполлинаріевой ереси (опрѣсноки); церкви Второго Рима, Константинополя, разсѣчены сѣкирами невѣрныхъ агарянъ; Московская же церковь — церковь Третьяго, новаго Рима, свѣтится во всей поднебесной паче солнца. И вѣдай, благочестивый царь, всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ твоемъ единомъ царствѣ; одинъ ты во всей поднебесной царь для христіанъ. Царство свое подобаетъ тебѣ держать со страхомъ Божіимъ; бойся Бога, который далъ тебѣ его».

---

16. Литовскій Статутъ 1529 года — составленный въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ; во многомъ сходенъ, по характеру своего содержанія, съ древней «Русской Правдой», установляя правила судопроизводства; между прочимъ онъ узаконялъ употребленіе русскаго языка въ литовскихъ судахъ.

Печатныя книги:

17. въ 1491 г.: первыя книги, напечатанныя на славяно-русскомъ языкѣ, въ Краковѣ, печатникомъ Феолемъ: Часословъ, Псалтирь, Осмогласникъ.

18. въ 1517—1519 г.: «Библія Руска», напечатана Фр. Скориною въ Прагѣ.

19. въ 1525 г. Фр. Скорина издалъ въ Вильнѣ «Апостолъ». Это была первая книга на церковно-славянскомъ языкѣ, напечатанная на территоріи, впослѣдствіи вошедшей въ составъ Русскаго государства.

---

20. Дьяковская церковь, т. е. церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ с. Дьяковѣ, подъ Москвою, 1525 г.:

церковь переходной поры отъ купола къ шатру (конусообразной формы): по прежнему еще 5 традиціонныхъ главъ, но четыре боковыя значительно мельче и ниже средней, которая высится надъ тѣми и подавляетъ ихъ.

21. Церковь Вознесенія въ с. Коломенскомъ, подъ Москвою, 1532 г. Это уже настоящій типъ шатроваго (конусообразнаго) храма: восьмиугольный барабанъ постепенно съуживается и переходитъ въ конусъ, уходя въ небо. Этотъ храмъ прямой сколокъ съ деревянныхъ церквей, которыхъ такъ много сохранилось на сѣверѣ Россіи (и въ Прикарпатской Руси) еще до нашего времени, — слѣдовательно произведеніе чисто русскаго національнаго искусства. Тамъ эта форма нашла свое выраженіе въ деревѣ, здѣсь — впервые получила его въ камнѣ. «Въ этой постройкѣ есть что-то тоскливое и въ то же время грозное и величественное, что отлично вяжется съ тѣмъ далекимъ, унылымъ, типично русскимъ пейзажемъ, среди котораго она высится» (Ал. Бенуа). Церковь производила сильное впечатлѣніе на современниковъ; они такъ отзывались о ней: «вельми чудна красотой и лѣпотой, такова не бывала прежде сего на Руси».

---

22. «Святая Софія», въ томъ видѣ, какъ она изображалась въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ (см. Пам. Дух. Кул. 862-1054): на золотомъ тронѣ ангелъ съ огненнымъ лицомъ и огненными крыльями, въ золотомъ одѣяніи; надъ нимъ, въ золотыхъ лучахъ, Спаситель, а по бокамъ Божія Матерь и Іоаннъ Креститель. Одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ образчиковъ русскаго художественнаго шитья конца XV в. (Москва. Историч. Музей).

23. «Успеніе Богоматери», пелена конца XV в. (Кирилло-Бѣлозерскій м-рь).

24. Пелена 1496 г.: ее вышивала Софія Палеологъ, «царевна царегородская», какъ она обозначила себя на этой работѣ (Троице-Серг. Лавра).

---

25. Волоколамскій монастырь, осн. 1479 г.

26. Нилова Пустынь; основана Ниломъ Сорскимъ (ум. 1508 г.).

27. Новодѣвичій монастырь, въ Москвѣ, осн. 1525 г.

Б. ВРЕМЯ ПЕРВАГО ЦАРЯ. 1533—1584.

I. Общая характеристика царствованія Ивана Грознаго.

Царствованіе Ивана Грознаго можно раздѣлить на двѣ совсѣмъ непохожихъ одна на другую эпохи: на свѣтлую (1547—1560) и на мрачную (1564—1584). Между ними краткій періодъ четырехъ лѣтъ (1560—1564), своего рода переходная полоса отъ одной жизни къ другой. Въ первую эпоху молодой царь, полный энергіи и добрыхъ начинаній, охваченный дѣятельною мыслью, предпринимаетъ цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, и большею частью съ успѣхомъ; поддерживаетъ планы и начинанія своихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ; во вторую эпоху, хотя государственная машина и продолжаетъ дѣло, начатое въ предыдущій періодъ, но всѣ силы уходятъ на злосчастную борьбу съ внутреннимъ врагомъ, — съ княжатами и боярами; на всемъ лежитъ отталкивающій, ужасающій отпечатокъ «эпохи казней и гоненій», какъ обыкновенно называютъ эти послѣднія 20 лѣтъ жизни и царствованія Ивана IV. Въ молодые годы царь окруженъ такими выдающимися личностями, какъ митр. Макарій, Сильвестръ, Адашевъ, кн. Курбскій; эпоха казней выдвинула опричниковъ, Малюту Скуратова, кн. Вяземскаго, Басманова, Василья Грязнова — съ именемъ каждаго изъ нихъ связана память о насиліи и убійствахъ.

Къ первой свѣтлой порѣ относятся:

1. Принятіе царскаго титула (1547).
2. Посылка нѣмца Шлитте въ Европу для найма въ русскую службу опытныхъ мастеровъ, техниковъ, типографщиковъ, врачей и проч. (1547).
3. Канонизація русскихъ святыхъ (1547, 1549).
4. Созывъ земскаго собора (1550).
5. Изготовленіе Судебника (1550).
6. Первая попытка уничтожить мѣстничество (1551).
7. Созывъ Стоглаваго собора (1551).
8. Завоеваніе Казанскаго царства (1552).
9. Устройство первой въ Россіи типографіи (1553).
10. Начало торговыхъ сношеній съ Англіей (1553).
11. Завоеваніе Астраханскаго царства (1554—1556).
12. Завоеваніе татарскихъ царствъ Приволжскихъ сейчасъ же сказывается за Ураломъ: сибирскій царь Едигей признаетъ себя данникомъ русскаго царя (1555).

13. Уничтоженіе отяготительной системы кормленія и дарованіе населенію земскаго самоуправленія, съ выборными головами, земскими судьями и губными старостами (1555).

14. Помѣстная система, обслуживавшая военныя нужды государства, получила бо́льшую стройность и законченность, будучи основана теперь на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ (1556).

15. Удачное начало Ливонской войны (1558): русскія войска доходятъ до Риги (1559), а Ливонскій орденъ, подъ ударами русскаго оружія, распадается и теряетъ свою самостоятельность (1561).

Эпоха эта, помимо всего, есть также пора усиленной литературной дѣятельности: таковая вызвана въ значительной степени блестящими успѣхами на Востокѣ и горделивымъ сознаніемъ своей государственной мощи. Побѣда надъ двумя татарскими царствами была своего рода итогомъ всей прошлой дѣятельности, — вотъ почему главнѣйшія произведенія того времени, по содержанію, преимущественно историческія.

16. Заканчивается составленіе Четій-Миней, обширнѣйшей энциклопедіи духовно-религіознаго содержанія.

17. Получаетъ окончательную редакцію Степенная Книга.

18. Съ новой энергіей принимаются за прерванный было сводъ лѣтописныхъ извѣстій; изготовляется т. наз. Никоновскій лѣтописный сводъ.

19. Возникаетъ грандіозный замыселъ — составить Царственный Лѣтописецъ, иллюстрированную исторію Россіи, не стѣсняясь ни размѣрами труда, ни затратами на него. Подготовительная работа велась въ теченіе многихъ лѣтъ, но довести ее до конца удалось лишь въ XVII в., при Романовыхъ; помимо грандіозности плана, въ послѣдніе два десятилѣтія царствованія Ивана Грознаго было уже не до литературныхъ работъ. Цифры лучше всего дадутъ представленіе о размѣрахъ «Царственнаго Лѣтописца»: 10 фоліантовъ; 9000 листовъ; 16000 раскрашенныхъ рисунковъ.

20. Ведется энергичная работа по составленію житій русскихъ святыхъ. Канонизуя новыхъ угодниковъ русской церкви, митр. Макарій одновременно озаботился и составленіемъ ихъ біографій: однѣ писались заново, другія передѣлывались, — тѣ, которыя были признаны неполными, вообще неудовлетворительными. Работа эта продолжалась и послѣ соборовъ 1547 и 1549 гг., обогативъ русскую литературу цѣннымъ вкладомъ (ок. 45 житій).

21. Расширеніе границъ на Востокѣ наводитъ на мысль о составленіи Книги Большого Чертежа, географическаго описанія новаго Русскаго царства.

22. Къ этой же порѣ относится и «Домострой», — сводъ правилъ «мірскаго строенія» и кодексъ семейно-общественной морали.

23. Создана была Царская Мастерская Палата (нынче сказали бы: Академія Художествъ) для подготовки иконописцевъ и опытныхъ каллиграфовъ въ списываніи рукописей; составлено для нихъ руководство — Иконописный Подлинникъ, гдѣ собраны всѣ необходимыя свѣдѣнія для написанія иконы: а) наставленія практическія, чисто техническаго рода (выборъ доски, красокъ, покрытіе золотомъ и проч.), и б) правила, которыхъ слѣдовало обязательно держаться при изображеніи священныхъ лицъ и событій, во избѣжаніе отступленія отъ Свящ. Писанія и преданій православной церкви.

24. Въ живописи (въ иконописаніи и церковной фрескѣ) и въ церковной архитектурѣ въ царствованіе Ивана Грознаго совершился извѣстнаго рода переломъ: пора слѣпого подражанія и безсознательнаго исканія самостоятельныхъ формъ кончается; эти самостоятельныя формы русскій художникъ почувствовалъ въ себѣ, и на новыхъ его произведеніяхъ лежитъ уже національный отпечатокъ. Воспитанная на архитектурныхъ образцахъ новгородскихъ, владимірскихъ и суздальскихъ, Москва выработала теперь свой собственный художественный вкусъ и стала, въ свою очередь, разсадникомъ искусства для всей Россіи. Съ половины XVI ст. начинается золотая пора русскаго искусства и продолжается вплоть до временъ Петра В. Первымъ сильнымъ и яркимъ выраженіемъ ея были: въ живописи — Царственный Лѣтописецъ, миніатюры къ житіямъ Николая Чудотворца и Сергія Радонежскаго; въ области зодчества — Василій Блаженный.

Не часто встрѣтишь въ исторіи за краткій періодъ 13 лѣтъ такую кипучую и плодотворную дѣятельность въ столь разнообразныхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Но свѣтлой полосѣ царствованія, съ 1560 года, наступаетъ конецъ; небосклонъ быстро заволакивается тучами, гроза подходитъ, ростетъ; воздухъ насыщается электричествомъ, и достаточно неосторожнаго прикосновенія, чтобы зажечь небесный пожаръ. Курбскій бѣжитъ въ Литву — и гроза разражается съ небывалою силой: возникаетъ опричнина; почти безъ перерыва слѣдуютъ одна за другою опалы на бояръ, пытки, кровавыя казни. Работа, начатая въ предыдущій періодъ, продолжается и теперь: война съ Швеціей и Польшей ведется по прежнему; но она уже лишена устойчивости, нѣтъ прежнихъ силъ, бодрости духа и, главное, вѣры въ самихъ себя; борьба съ «измѣной» подсѣкаетъ эту вѣру въ корнѣ, вынуждая къ безславному соглашенію съ шведами, къ тяжелому, унизительному миру съ поляками.

Этотъ послѣдній періодъ царствованія совсѣмъ не похожъ на первый: ничего творческаго, ничего продуктивнаго.

1. Десятки бояръ казнены; десятки ихъ насильно пострижены въ монахи или подверглись ссылкѣ и заточенію.

2. Насильственною смертью погибъ двоюродный братъ царя, Владиміръ Андреевичъ Старицкій, со своею матерью, женою и дочерью (1569).

3. Задушенъ митр. Филиппъ за смѣлое слово правды (1569).

4. Подвергся безпощадному разгрому древній Новгородъ; вся его округа опустошена, — тутъ не остановились и передъ тысячами жертвъ, точно это была чужая, вражеская земля, а не своя «отчина» и «дѣдина», не свое родное добро.

5. Вмѣсто благороднаго облика первой жены Анастасіи Романовны — идетъ постоянная смѣна новыхъ «женъ».

6. Кощунство опричниковъ и самого царя.

7. Глумленье надъ Русской землею — въ «цари» ей даютъ крещенаго татарина, касимовскаго царя Симеона Бекбулатовича (1575).

8. Набѣгъ на Москву Девлетъ-Гирея (1571), напомнившій худшія времена Батыя и Тохтамыша, и, наконецъ, въ довершеніе —

9. Убійство, собственными руками, родного сына (1581).

Въ этой мрачной вереницѣ событій не много найдется свѣтлыхъ штриховъ: устройство на южной окраинѣ засѣчныхъ линій отъ крымскихъ набѣговъ — но ихъ начали строить подъ давленіемъ явной необходимости; завоеваніе Сибири — но оно обязано частной иниціативѣ и совершено ослушникомъ царской воли, дѣйствовавшимъ на собственный страхъ; появленіе первой книги, «Апостолъ», составленіе «Исторіи Казанскаго царства», получившей широкое распространеніе среди грамотнаго люда — но то и другое, въ сущности, было завершеніемъ работъ, начатыхъ еще въ свѣтлую пору царствованія.

II. Идея Третьяго Рима.

Долгіе годы существованія древней Римской имперіи, покрывшей своею властью чуть не весь тогдашній міръ (orbis terrarum); грандіозная работа многихъ поколѣній, поработившихъ народы силою не только оружія, но и духовнаго превосходства, воспитали людей императорской эпохи въ убѣжденіи, что внѣ предѣловъ Рима не можетъ быть настоящей жизни, что имперія на этомъ свѣтѣ можетъ существовать только одна, а міровымъ центромъ ея долженъ быть исключительно городъ Римъ, вѣчный городъ (Urbs aeterna). Онъ вѣченъ

не потому, что начало его скрывается въ туманѣ сѣдой старины, а потому что онъ несетъ и хранитъ въ себѣ идею вѣчности. Существовали послѣдовательно три всемірныхъ монархіи: Вавилонская, Персидская и Македонская; всѣ онѣ пали, ни одна не удержалась; на смѣну имъ пришла теперь монархія Римская — она будетъ послѣднею, потому что другой, болѣе совершенной, нѣтъ и не можетъ быть. Вотъ почему городъ Римъ вѣченъ: конца ему никогда не настанетъ. Эта горделивая идея единой, вѣчной, неумирающей имперіи сложилась еще въ языческую пору и получила новую точку опоры въ христіанствѣ. Само проповѣдуя единую религію, исключающую всѣ остальныя, христіанство закрѣпило идею единаго, вѣчнаго Рима и передало ее народамъ, смѣнившимъ старыхъ римлянъ, въ обновленной формѣ Священной Римской имперіи.

Однако перенесеніе столицы Константиномъ Великимъ на берега Босфора нанесло идеѣ единства сильный ударъ. Константинополь, всецѣло преданный этой идеѣ, предъявилъ свои права на духовное римское наслѣдіе; право стать новымъ, Вторымъ Римомъ. Указывая на глубокое паденіе стараго Рима, на эти «обломки разбитаго сосуда», и на отсутствіе тамъ носителя верховной свѣтской власти, онъ утверждалъ, что «Римъ», т. е. сосудъ съ его идеей вѣчнаго міродержавія, можетъ существовать и не въ Римѣ, не исключительно на берегахъ итальянскаго Тибра, а и въ другомъ мѣстѣ, въ лицѣ другихъ людей, лишь бы оказались они способны хранить и носить въ себѣ эту великую идею.

И вотъ мы видимъ, какъ одна половина имперіи, Греческій Востокъ, никогда всецѣло не поддававшійся вліянію романизаціи, мало по малу привыкаетъ видѣть въ Константинополѣ свой обновленный Второй Римъ, Западъ же, наоборотъ, цѣпко ухватывается за старыя традиціи и отстаиваетъ ихъ во имя права и всего своего прошлаго. На этой почвѣ выростаетъ Карлова монархія, Священная Западная Римская Имперія. Раздвоеніе почувствовалось еще сильнѣе, и уже безповоротно, когда произошелъ расколъ въ самой церкви, и Греческій Востокъ, православный, противопоставилъ себя Латинскому Западу, католическому. Возникаютъ двѣ церкви; каждая изъ нихъ признаетъ единственно себя истинною и законною, обладающею правомъ олицетворять то начало единаго, которое было такъ дорого той и другой. Обѣ церкви обмѣниваются взаимными проклятіями, отлученіемъ; свѣтская власть дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. На Карла Великаго въ Византіи смотрятъ, какъ на бунтовщика, дерзкаго узурпатора; ни за Оттонами, ни за Гогенштауфенами не признаютъ правъ на императорскую корону. Германо-романскій міръ, въ свою очередь, платитъ тою же монетою.

Наша Россія воспитывалась подъ угломъ зрѣнія византійскимъ; она считала себя покорною дщерью константинопольскаго патріарха, а въ византійскомъ императорѣ видѣла верховнаго блюстителя общественной правды. Константинополь, царственный городъ, Царь-Градъ, сталъ въ глазахъ русскихъ людей, дѣйствительно, Вторымъ Римомъ.

Такъ продолжалось до половины XV в., когда до Москвы дошло потрясающее извѣстіе, что благочестивѣйшій императоръ и вселенскій патріархъ, — какъ разъ тѣ, кому бы и хранить больше всего истинную вѣру, впали въ тяжкую, гнусную ересь: на Флорентійскомъ соборѣ 1439 г. они признали надъ собою первенство папы и приняли ненавистное filioque.

Извѣстіе объ этомъ поразило умы, какъ громомъ. Надо мысленно перенестись въ ту эпоху, чтобы понять все потрясающее значеніе совершившагося событія. Чѣмъ большимъ авторитетомъ у русскаго народа пользовалась Византійская церковь, чѣмъ устойчивѣе, казалось, было ея обаяніе, тѣмъ сильнѣе ошеломила дошедшая до Москвы вѣсть о состоявшемся соглашеніи. Тѣ, на кого полагались, какъ на незыблемую твердыню и оплотъ православія, — столпы вѣры, учителя и наставники, слово которыхъ цѣнилось на вѣсъ золота, — они неожиданно оказались вѣроотступниками! Смущеніе было полное и авторитетъ Греческой церкви безвозвратно подорванъ.

Послѣдующія событія не только не измѣнили, но еще сильнѣй укрѣпили русское общество въ справедливости его разочарованія въ грекахъ: 14 лѣтъ спустя послѣ Флорентійской уніи, турецкій султанъ Магометъ II торжественно въѣзжалъ, во главѣ побѣдоноснаго войска, въ ворота Константинополя. Съ этой минуты Царьградъ становился Стамбуломъ, а Св. Софія нечестивой мечетью. Вмѣсто христіанскаго креста надъ поруганнымъ храмомъ благочестія заблисталъ мусульманскій полумѣсяцъ. «Второй Римъ» былъ низвергнутъ и на престолѣ византійскомъ, вмѣсто защитника православной церкви, возсѣлъ врагъ Христовъ.

Паденіе Греческой имперіи получало характеръ Божіей кары. Дѣйствительно, могъ ли бы иначе Богъ попустить нечестивыхъ агарянъ овладѣть Константинополемъ, этимъ священнымъ «сосудомъ» вѣковѣчной Истины? Очевидно, городъ и вся страна погибли за свои грѣхи. Уже до Флорентійской уніи возникли на Руси сомнѣнія, двоить или трегубить аллилуію, складывать ли, для крестнаго знаменія, два или три перста; а потомъ завязался споръ, какъ совершать хожденіе вокругъ храма, по солонь (по солнцу) или противъ солнца; и если одни опирались на авторитетъ Греческой церкви, то другіе отвергали его именно изъ-за допущенныхъ ею «новшествъ».

Зато въ одномъ не было никакихъ сомнѣній: если Второй Римъ погибъ, то съ нимъ еще не погибло Православное царство, такъ какъ оно никогда не можетъ погибнуть. Изъ за того, что сосудъ разбитъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ изсякло и его содержаніе, такъ какъ Истина, хранимая въ этомъ сосудѣ, безсмертна. Господь Богъ могъ попустить невѣрныхъ покорить грековъ, но Онъ никогда не допуститъ стереть съ лица земли истинную вѣру и дать восторжествовать надъ нею латинянамъ или злымъ агарянамъ. Правая вѣра — вѣчная, неумирающая; изсякнетъ она — тогда и міру наступитъ конецъ. Но міръ пока еще существуетъ, и потому разбитый сосудъ необходимо замѣнить новымъ, чтобы воплотить вѣчную истину и снова дать ей внѣшнія формы существованія.

Но гдѣ искать этого новаго сосуда? Кто окажется достойнымъ нести почетное знамя защитника и представителя православія? Прежде всего это долженъ быть, разумѣется, народъ православный. Кто же именно? Не сербы же, не болгары, только-что согнувшіеся подъ ярмомъ мусульманскимъ? Нѣтъ, эту задачу можетъ выполнить одинъ только русскій народъ! За нимъ не только право непоколебленной чистой вѣры, но и право государственной мощи: татарское иго стало воспоминаніемъ; удѣльные раздоры и безсиліе смѣнились грознымъ самодержавіемъ Москвы. Уже давно московскій князь перестал звать себя «стольникомъ» византійскаго императора, замѣнивъ это прозвище другими, болѣе лестными названіями «сродника» и «брата». Бракъ Ивана III съ Софіею Палеологъ подтверждалъ еще доказательнѣе притязанія московскихъ государей на великое наслѣдіе павшей Византіи, давая имъ санкцію права и справедливости. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ — оправдать теоретически новое положеніе, и оправданія были найдены въ легендахъ и сказаніяхъ, сложившихся въ это время. Начало имъ положено еще въ княженіе Ивана III, а окончательную обработку онѣ получили при Иванѣ Грозномъ. Таковы были «Сказаніе о князехъ владимерскихъ», «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» и нѣкоторыя другія.

Согласно этимъ легендамъ, русскіе государи происходили отъ царской крови и были потомками римскаго императора Августа, по брату его Прусу, поселившемуся въ нынѣшней Пруссіи, пращуру Рюрика, перваго русскаго князя. Высокое положеніе русскихъ государей опредѣлилось и было признано оффиціально будто бы еще во времена Владиміра Мономаха, когда греческій императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ ему въ даръ царскій вѣнецъ и ожерелье съ своихъ плечъ. Владиміръ короновался-де тѣмъ вѣнцомъ («шапка Мономахова») и тѣмъ ожерельемъ («бармы Мономаховы»), «и съ тѣхъ поръ вѣнцомъ тѣмъ коронуются всѣ великіе князья владимірскіе». Патріоти-

чески настроенная мысль не довольствуется этимъ: происхожденіе царскихъ инсигній она отодвигаетъ еще въ болѣе глубокую даль: «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» утверждала, что бармы и шапка, присланныя Владиміру изъ Греціи, попали въ самую Грецію изъ Вавилона, гдѣ въ свое время ихъ носилъ царь Навуходоносоръ.

Повышая свѣтскую власть, выводя ее изъ глубокой старины, повышали и власть духовную, дѣлали ее носительницею прерогативъ божественнаго происхожденія. Латинскому Риму нѣтъ основанія гордиться своими апостолами Петромъ и Павломъ, считать ихъ главными и старшими: у насъ есть свой зиждитель православія — апостолъ Андрей, къ тому же первозванный: онъ водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ и предсказалъ, что тамъ возсіяетъ благодать Божія. Мало того. Принятіе христіанства отъ апостола Андрея дѣлаетъ Русь самостоятельною въ церковномъ отношеніи не только отъ папы, но и отъ самихъ грековъ, ибо прежде чѣмъ Владиміръ Св. принялъ отъ послѣднихъ христіанскую вѣру, она была уже провозглашена намъ. Слагается и другая легенда — о Бѣломъ клобукѣ. Этотъ символъ церковной независимости императоръ Константинъ Великій вручилъ римскому папѣ Сильвестру, а преемники послѣдняго, въ сознаніи своего недостоинства, передали его константинопольскому патріарху, отъ него онъ перешелъ къ новгородскимъ владыкамъ, а потомъ къ московскому митрополиту.

Вотъ почему если и палъ Второй Римъ, то на мѣсто его возникъ Третій Римъ — Москва. Первые два погибли, третій не погибнетъ, а четвертому совсѣмъ не бывать. Мысль эту впервые формулируетъ старецъ Филоѳей въ началѣ XVI ст. въ посланіяхъ къ дьяку Мунехину и вел. князю Василію III: «два Рима убо падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти». Въ сущности то же, но не въ такой яркой формѣ, выразилъ митр. Зосима еще въ 1492 г. въ новой пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ: упомянувъ о созданіи царемъ Константиномъ Царьграда, «новаго Рима», Зосима замѣчалъ, что нынѣ Господь Богъ прославилъ великаго князя Ивана Васильевича, «новаго царя Константина новому граду Константину-Москвѣ, и всей Русской земли и инымъ многимъ землямъ государя».

Темные намеки на грядущую роль Россіи попали также и въ предсказанія, нашедшія себѣ мѣсто въ произведеніяхъ греческой литературы: «наступитъ время, говорится тамъ, когда родъ русыхъ (ξανθὸν γένος), придя изъ полунощныхъ странъ, покоритъ семихолмный Царьградъ». Въ этихъ русыхъ у насъ на Руси признали указанія на русскій народъ, а въ полунощной странѣ — Московскую Русь.

Ивану Грозному оставалось лишь сдѣлать соотвѣтствующій выводъ изо всѣхъ этихъ сказаній и легендъ, и онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ его, вѣнчавшись короной въ Успенскомъ соборѣ и принявъ титулъ царя. Сорокъ два года спустя (1589), Ѳедоръ Ивановичъ окончательно завершитъ работу отца: русская церковь получитъ своего собственнаго патріарха и станетъ не только фактически, но и de jure автокеѳальной, и притомъ во имя тѣхъ же началъ, которыя дали царю Ивану основаніе возложить на себя царскій вѣнецъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія, пріѣзжавшій въ Москву на поставленіе Іова въ московскіе патріархи, въ рѣчи своей къ царю Ѳедору, говорилъ: «Ветхій Римъ погибъ отъ ереси; второй Римъ, Константинополь, въ рукахъ безбожныхъ агарянъ; твое же, великій государь, Русское царство, — третій Римъ — всѣ другія царства превзошло своимъ благочестіемъ, и ты единый во всей вселенной есть истинный христіанскій государь».

Теорія Третьяго Рима получила «государственное значеніе. Москва стала называться «богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, Третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ», а приведенныя выше слова Филоѳея переписывались въ сборники, занесены въ Степенную книгу и дословно приведены въ Уложенной грамотѣ объ учрежденіи патріаршества, что̀ лучше всего доказываетъ, какъ глубоко проникли эти мысли не только въ умы современниковъ, но и въ оффиціальныя сферы. Филоѳей не былъ творцомъ теоріи о «Москвѣ — Третьемъ Римѣ». Элементы этой теоріи были уже на лицо, и ему принадлежитъ только окончательная и полная ея формулировка. Но въ исторіи идей это была безспорно важная заслуга» (Дьяконовъ).

III. Канонизація русскихъ святыхъ.

Она была дѣломъ митр. Макарія. Святыхъ, которые пользовались бы всенароднымъ чествованіемъ въ Русской церкви, было немного[1]); большею частью каждая мѣстность имѣла своихъ, мѣстныхъ святыхъ, которыхъ не только не вездѣ знали, но иногда даже не признавали въ другихъ областяхъ. Такъ, напримѣръ, вел. князь Иванъ III не вѣрилъ въ чудеса новгородскаго святого Варлаама Хутынскаго; Сергій, москвичъ родомъ, будучи назначенъ архіепископомъ въ Новгородъ, обозвалъ смердомъ одного изъ своихъ предшественниковъ, архіеп. Моисея, чтимаго тамъ за святого; въ свою очередь и

[1]) Именно семь: Борисъ и Глѣбъ (первые святые у насъ на Руси), Ѳеодосій Печерскій, митр. Петръ, митр. Алексѣй, Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій.

Новгородъ платилъ тою же монетою: только при Василіи Темномъ онъ призналъ святымъ Сергія Радонежскаго и согласился чествовать его память, въ самой же Москвѣ преп. Сергій пользовался славою угодника Божія почти непосредственно вслѣдъ за своею смертію (1392). Точно такъ же и Андрей Боголюбскій: въ Новгородѣ мѣстное сказаніе о знаменіи отъ иконы пресв. Богородицы, отвратившей въ 1169 г. опасность, грозившую Новгороду отъ войскъ Андрея, изображаетъ послѣдняго «лютымъ фараономъ», мѣстныя же преданія владимірскія называютъ его благовѣрнымъ святымъ и вносятъ его житіе въ мѣстный Владимірскій патерикъ. На дѣятельности нѣкоторыхъ святыхъ, особенно московскихъ, лежалъ сильный отпечатокъ партійной защиты спеціально московскихъ интересовъ. Таковы, напримѣръ, были святители Петръ, Алексій, Іона (митрополиты). Это предпочтеніе Москвы, возвышавшейся въ ущербъ и на счетъ другихъ областей, болѣзненно чувствовалось тамъ, гдѣ еще не вполнѣ примирились съ утратой прежней политической независимости; и пришлось, напримѣръ, прибѣгать къ авторитетному и властному слову константинопольскаго патріарха, чтобы заставить установить повсемѣстное почитаніе митр. Петра.

Однако время дѣлало свое дѣло; присоединяя удѣлы, московскіе князья присоединяли и удѣльныхъ святыхъ, вводили ихъ въ кругъ общерусскаго почитанія. Разница между «своими» и «чужими» постепенно сглаживалась. Митр. Макарій, въ первые же годы своего управленія Русскою церковью (1542—1563), сгладилъ эту разницу по отношенію къ 15 мѣстнымъ святымъ, закрѣпивъ, уже существовавшее въ дѣйствительности, общецерковное почитаніе ихъ[1]), а вслѣдъ затѣмъ, по его иниціативѣ, въ Москвѣ были созваны, дважды, въ 1547 и въ 1549 гг., церковные соборы, на которыхъ канонизовано было 30 новыхъ святыхъ, мѣстныхъ и общерусскихъ[2]).

Такая мѣра духовно скрѣпляла областную Россію съ ея политическимъ центромъ и много содѣйствовала тому, чтобы отдѣльныя области, вчерашніе удѣлы, видѣли въ себѣ членовъ одной общей семьи, а въ Москвѣ и ея царѣ свою столицу и общаго всѣмъ владыку. Въ этомъ отношеніи митр. Макарій и Иванъ Грозный дѣйствовали рука объ руку, въ одномъ духѣ, въ одномъ направленіи — укрѣпленія единодержавной власти.

---

[1]) Владиміръ Святой, вел. княгиня Ольга, Антоній Печерскій, Леонтій Ростовскій, Варлаамъ Хутынскій, Димитрій Прилуцкій, кн. Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ (замученные въ Золотой Ордѣ) и др.

[2]) Александръ Невскій, Макарій Колязинскій, Пафнутій Боровской, Зосима и Савватій Соловецкіе, Павелъ Обнорскій, Стефанъ Пермскій, митр. Іона, Михаилъ Клопскій, Александръ Свирскій, Савва Сторожевскій и др.

IV. Макарьевскія Четьи-Минеи.

Это, хотя и съ пробѣлами, но, поскольку то было возможно, полный сводъ всей древнерусской письменности, колоссальный памятникъ, воздвигнутый на грани между старой, разрозненной Русью и Русью новой, объединенной въ Московское государство. Четьи-Минеи тоже объединили русскую литературу, разбросанную дотолѣ по областнымъ угламъ, въ монастыряхъ и церквахъ. Въ области литературы митр. Макарій совершилъ то же самое, что въ области церковной: канонизуя русскихъ святыхъ и собирая русскую литературу, онъ, помимо ближайшихъ цѣлей, достигалъ еще и цѣлей общихъ, закрѣпляя идею государственнаго единенія.

Свою работу собиранія митр. Макарій совершилъ еще въ Новгородѣ, на архіепископской каѳедрѣ, но потомъ дополнилъ ее въ Москвѣ. Въ ту пору Новгородъ былъ первымъ городомъ по богатству книжныхъ и просвѣтительныхъ средствъ; но, передавъ свой трудъ Москвѣ — 13 фоліантовъ, вкладъ въ Успенскій соборъ — онъ поставилъ и этотъ, нынѣ царственный городъ, въ завидное положеніе — сдѣлаться не только политическимъ, но и духовнымъ центромъ, средоточіемъ просвѣщенія для всей Руси. Не даромъ въ эти же годы (1553) въ Москвѣ возникаетъ первая типографія.

Составъ Четій-Миней: всѣ книги новозавѣтныя; значительная часть ветхозавѣтныхъ; слова и бесѣды св. Отцовъ церкви; старинные сборники русскаго происхожденія, какъ: Патерики, Пчела, книга Измарагдъ, Златая Цѣпь, книга Козьмы Индикоплова и др.; многочисленныя житія святыхъ; похвальныя слова святымъ; сказанія объ открытіи ихъ мощей; слова учительныя, торжественныя на праздники; толкованія церковныхъ службъ; назидательныя повѣсти; посланія русскихъ князей и духовныхъ лицъ, и многое другое.

Названіе сборника. Сборникъ раздѣленъ на 12 большихъ книгъ, по числу 12 мѣсяцевъ года; содержаніе каждой книги разбито по днямъ мѣсяца. Такимъ образомъ это сборникъ для чтенія на каждый день мѣсяца (по гречески *μήν*), Минеи читаемыя, въ отличіе отъ Минеи служебной, т. е. сборника церковныхъ службъ.

V. Завоеваніе Казани.

Казань, изъ всѣхъ трехъ татарскихъ царствъ, первая признала надъ собою власть русскаго царя; побѣда надъ врагомъ, вчера еще страшнымъ и, казалось, неодолимымъ, досталась съ гораздо бо́льшимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ того потребовали Астрахань и Сибирское царство Кучума; въ ту пору Казань

была самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ, ея близость особенно ощутительно и тяжело отзывалась на восточныхъ окраинахъ, постоянно подвергавшихся опустошеніямъ. Вотъ почему паденіе Казани произвело на современниковъ громадное впечатлѣніе.

Прежде всего это было первое настоящее завоеваніе чужой земли; раньше Москва только присоединяла вотчинныя земли, росла на счетъ своихъ же собратьевъ; притомъ это было завоеваніе не какой-нибудь простой земли, а цѣлаго царства! Намъ довольно трудно представить себѣ, что значило въ XVI в. для современниковъ завоевать татарское царство, какой смыслъ вкладывался въ эти слова. Въ Россіи царями величали только византійскихъ императоровъ да татарскихъ хановъ; этимъ титуломъ обозначали только государей старшихъ, обладающихъ особою властью и преимуществами.

Не даромъ князья московскіе преклонялись передъ ордынскими ханами, покорно признавали свое княжество ихъ улусомъ, терпѣливо сносили унизительные обряды на пріемѣ ханскихъ пословъ. Приниженное положеніе забывается не сразу, и, даже освободившись отъ платежа дани, ставъ государями независимыми, князья московскіе еще не освободились отъ обаянія той власти, которой они подчинялись два съ половиною вѣка. Иванъ III требовалъ себѣ равенства съ султаномъ, съ германскимъ императоромъ, но еще не смѣлъ и думать о равенствѣ съ крымскимъ ханомъ и въ грамотахъ своихъ билъ ему челомъ.

И вотъ внукъ этого Ивана рѣшился принять самъ титулъ царя, т. е. поставилъ себя на равную съ ханомъ высоту — это была своего рода политическая дерзость, и завоеваніе Казани блестящимъ образомъ оправдало ее. Русская земля могла теперь свободно вздохнуть и съ законною гордостью, въ сознаніи своей мощи и доблести, смотрѣла, какъ ея государь попиралъ пятою вчерашняго грознаго владыку. Вспоминались счастливыя времена Святослава, Владиміра Св., Ярослава Мудраго, нашихъ первыхъ князей-завоевателей.

Дорого досталась побѣда; татары съ ожесточеніемъ защищали свой городъ. «Здѣсь Средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ Московскаго государства» (Соловьевъ). Напряженіе, потребовавшееся, чтобы сломить этотъ оплотъ, напоминало усилія 1380 года, времена Мамая и битву на Куликовомъ полѣ; только результаты на этотъ разъ были несравненно значительнѣе: тамъ татаръ лишь отразили, теперь ихъ завоевали и подчинили. Кромѣ того, множество русскихъ православныхъ людей, томившихся въ татарскомъ плѣну, получили свободу, и такимъ образомъ успѣхъ русскаго

оружія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и священнымъ подвигомъ защиты христіанства отъ бусурманъ.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ великой побѣды заработало воображеніе.

1. Народъ воспѣлъ завоеваніе Казани въ своихъ пѣсняхъ, прозвалъ побѣдителя Грознымъ за то, что онъ грозно, съ достоинствомъ держалъ русское знамя. Въ народныхъ представленіяхъ царемъ сталъ Иванъ лишь съ завоеванія Казани, не раньше; да и самое основаніе Москвы отнесено тоже къ этой порѣ: народная мудрость хотѣла выразить этимъ, что только теперь пріобрѣла Москва настоящую силу и право на первое мѣсто.

„И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.“

2. По тогдашнему обычаю, въ память побѣды воздвигался храмъ; построенъ былъ соборъ Покрова Богородицы на Красной площади въ Москвѣ, болѣе извѣстный подъ именемъ Василія Блаженнаго. Воздвигая его, хотѣли создать нѣчто особенное, выдѣлить новый церковный памятникъ изъ ряда другихъ, подобно тому, какъ выдѣлялась сама побѣда, столь непохожая на другія побѣды. Цѣль была достигнута. Василій Блаженный полонъ оригинальности, своеобразнаго творчества и не похожъ на другія церкви. Чисто русскіе мотивы овѣяны въ немъ мотивами восточными, точно художникъ желалъ воочію представить столкновеніе двухъ міровъ, христіанскаго и мусульманскаго, и торжество перваго надъ вторымъ[1]).

VI. Наступательная политика на Востокѣ.

Сейчасъ было говорено о сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на современниковъ завоеваніе Казанскаго царства. Вообще успѣшная борьба съ татарскою Азіею является одною изъ наиболѣе блестящихъ страницъ царствованія Ивана Грознаго: предѣлы государственной территоріи раздвинулись до небывалыхъ размѣровъ; сметена самая память о недавнемъ игѣ. Съ этой поры начинается новая эра въ отношеніяхъ къ Азіатскому Востоку: раньше мы только оборонялись, теперь сами переходимъ въ наступленіе.

[1]) Форма храма: купола — одинъ главный, а вокругъ него восемь пониже, въ видѣ русской луковицы; но въ пестротѣ красокъ чувствуется Востокъ. Строили соборъ русскіе мастера Барма и Постникъ.

Это новое явленіе въ русской жизни было чревато послѣдствіями. Въ томъ натискѣ, какому впервые подвергся Востокъ со стороны Россіи при Иванѣ Грозномъ, содержится вся программа будущихъ поколѣній: царствомъ Кучума Ермакъ открываетъ дверь нашимъ «землепроходамъ», а они въ какую-нибудь сотню лѣтъ пройдутъ чрезъ всю Сибирь, вплоть до Тихаго океана, до Берингова пролива, и присоединятъ ее къ Русскому царству; городъ Уфа, построенный въ 1586 г. въ центрѣ Башкирскаго края, — первый этапъ на томъ пути, который, при Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ, приведетъ насъ за Яикъ, за Уралъ, при Александрѣ II — въ Кокандъ, Хиву и Бухару, а при Александрѣ III — въ Туркменскія степи. Наконецъ, небольшая крѣпостца, воздвигнутая Иваномъ Грознымъ на берегахъ Терека, — послужитъ исходнымъ пунктомъ послѣдующаго завоеванія Кавказа; а неудачный походъ Адашева на Крымъ (1559) — лишь преддверіе къ походамъ Петра, Миниха, къ покоренію Крыма при Екатеринѣ II и, какъ вѣнецъ всего дѣла, къ прочному утвержденію на берегахъ Чернаго моря.

VII. Отношенія къ Польшѣ.

Раньше у Московскаго государства не было никакихъ соприкосновеній съ Польшею; теперь Люблинская унія (1569) все измѣнила. Литва и Польша слились въ одно государство; южная половина Литовскаго княжества, съ исключительно русскимъ населеніемъ — Кіевщина, Волынь, Подолье, Подляшье — была присоединена къ Польшѣ, и съ той поры, въ своихъ притязаніяхъ на Зарубежную Русь, Москвѣ пришлось считаться уже не съ одной Литвою. Такимъ образомъ положеніе осложнилось; на пути къ цѣли, поставленной Иваномъ III, выросли новыя затрудненія. Литва отступаетъ теперь на второй планъ; нарождается Польскій вопросъ, — онъ на цѣлыхъ два столѣтія прикуетъ къ себѣ вниманіе и силы русскаго народа.

Притязанія Ивана Грознаго на Ливонію осложнили этотъ вопросъ еще болѣе: Польша и здѣсь явилась помѣхой Москвѣ. Въ утвержденіи Россіи на берегахъ Балтійскаго моря, чего такъ добивался московскій царь, Польша видѣла, и не безъ основанія, угрозу себѣ. Эта двойная распря достигнетъ черезъ 40 лѣтъ (Смутное время) высшаго напряженія и ослабитъ оба государства на ихъ южныхъ границахъ: въ теченіе всего XVII в. и Польша, и Россія будутъ одинаково страдать отъ крымскихъ татаръ и отъ турокъ, такъ какъ дѣйствовали разобщенно, вѣчно подозрѣвая и не довѣряя одна другой, что̀, конечно, лишало ихъ возможности дать надлежащій отпоръ врагу, который между тѣмъ былъ общимъ для нихъ обѣихъ.

VIII. Ливонская война.

Война Ивана Грознаго изъ-за Ливоніи была явленіемъ новымъ въ русской жизни XVI в. Этой войною рѣшался вопросъ гораздо болѣе сложный и важный, чѣмъ простое утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря; исходъ ея обозначалъ: войдетъ ли Россія или нѣтъ въ общую семью европейскихъ народовъ, получитъ ли возможность самостоятельно сноситься съ государствами Зап. Европы, свободно, безъ помѣхи со стороны недоброжелателей, провозить свои товары въ обмѣнъ на другія, ей необходимыя; обезпечитъ ли себя отъ повторенія такихъ непріятностей, какъ случай съ нѣмцемъ Шлитте, когда мастера и техники, нанятые на службу русскому царю, не могли попасть въ Москву именно изъ-за этихъ недоброжелателей, заградившихъ имъ туда путь. Торговля съ англичанами сѣвернымъ путемъ удовлетворить Ивана не могла: Бѣлое море лежало далеко отъ Европы и свободно для плаванія было лишь меньшую часть года.

Таковы побудительныя причины, заставившія царя взяться за оружіе; но самые корни войны лежали гораздо глубже. Еще на зарѣ своей исторіи, при первыхъ князьяхъ, Россія находилась въ тѣсномъ общеніи съ тогдашнимъ образованнымъ міромъ. Ея купцы торговали на рынкахъ Константинополя; въ Кіевъ свозились товары изъ Византіи, изъ далекаго Регенсбурга (въ нынѣшней Баваріи); сюда наѣзжали, кромѣ иностранныхъ купцовъ, также иноземные послы, миссіонеры, разные искатели счастья и приключеній; брачные союзы связывали княжескую семью съ иностранными государями. Съ отливомъ населенія южныхъ областей и особенно съ появленіемъ татаръ, связь съ Западомъ прекратилась, — теперь война за Ливонію была первой серьезной попыткой ввести русскую жизнь въ прежнее русло, возстановить общеніе, когда-то насильственно порванное.

Попытка Грознаго кончилась неудачей: Швеція и Польша встали ему на пути; но важная заслуга Ивана IV въ томъ, что онъ указалъ на этотъ путь и первый повелъ по нему. Что путь былъ правильный, доказательствомъ служитъ то, что по нему стараются идти всѣ его преемники: Борисъ Годуновъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, царь Алексѣй. По этому пути пойдетъ и Петръ Великій, пока не дойдетъ наконецъ до желанной цѣли.

IX. Балтійскій вопросъ.

Царствованіе Ивана Грознаго отмѣчено еще однимъ новымъ явленіемъ: народился Балтійскій вопросъ, соперни-

чество сосѣдей изъ-за преобладанія на Балтійскомъ морѣ. Въ томъ видѣ, какъ онъ сложился, Балтійскій вопросъ могъ возникнуть только въ XVI ст. Къ этому времени кончились Средніе Вѣка, и въ Европѣ, одинаково Западной и Восточной, произошли коренныя перемѣны. Вмѣсто прежнихъ феодальныхъ или удѣльныхъ государствъ возникли единодержавныя монархіи; что сдѣлалъ Иванъ III для Сѣверовосточной Руси, объединивъ ее, то же самое дѣлаетъ во Франціи Людовикъ XI, въ Испаніи — Фердинандъ Католикъ съ Изабеллой Кастильской. Вездѣ прекращаются вотчинныя владѣнія и возникаютъ государства съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ они существуютъ и нынѣ. Правда, Италіи только въ половинѣ XIX столѣтія удастся сложиться въ единый цѣльный организмъ; Германія и донынѣ не столько государство, сколько союзъ государствъ; однако самыя попытки сплотить разрозненныя части, и притомъ во имя соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ недавно господствовавшими вотчинными понятіями, проявляются въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст. также и въ этихъ двухъ странахъ. Германскіе императоры Фридрихъ III и Максимиліанъ I, менѣе удачливые, лелѣютъ ту же мысль, что и ихъ болѣе счастливые современники въ Россіи, Франціи и Испаніи; этой мечтѣ служитъ и жестокій, безнравственный сынъ папы Александра VI, Цезарь Борджьа, коварно умерщвляя своихъ враговъ и не стѣсняясь въ средствахъ для устраненія препятствій на своемъ пути. Эта политика жестокости, обмана и вѣроломства найдетъ свое талантливое оправданіе, какъ мѣра необходимая при извѣстныхъ условіяхъ, въ знаменитомъ сочиненіи Макіавелли «Государь» (Il Principe).

Прежде, въ Средніе Вѣка, Европа не знала государствъ, а потому въ ней не могло быть мѣста для европейскихъ державъ; теперь эти державы приходятъ въ соприкосновеніе между собой; возникаетъ борьба за интересы территоріальные, религіозные, экономическіе; возникаетъ то, что принято называть борьбою за политическое равновѣсіе или политическое преобладаніе. Походы французскихъ королей въ Италію (1498—1525) съ цѣлью подчинить себѣ Апеннинскій полуостровъ получили отпоръ со стороны Испаніи и Германіи; позже, при Филиппѣ II испанскомъ и Елизаветѣ англійской (1556—1598), возникаетъ соперничество изъ-за преобладанія на морѣ; еще позже, въ царствованіе Людовика XIV (1643—1715), будутъ спорить за Пиренеи, за Рейнъ, и вездѣ, на ряду съ непосредственно заинтересованными соперниками, выступятъ менѣе заинтересованные, которые однако не смогутъ остаться равнодушными зрителями, силою обстоятельствъ будутъ вовлечены въ общій потокъ, или, по собственной инціативѣ, поспѣшатъ извлечь свои выгоды изъ сложившагося положенія вещей

То же самое и на Востокѣ Европы. Борьбу за Балтійское море ведутъ въ XVI в. преимущественно три державы: Россія, Швеція, Польша; къ нимъ примыкаютъ Германія, Венгрія, Пруссія; не останется безучастною ни Турція, ни Англія, ни Франція. Это соперничество роковое, неизбѣжное, и значеніе Ивана Грознаго въ томъ, что при немъ Россія впервые приняла активное участіе въ общемъ спорѣ. Съ этой поры она стала европейской державою.

X. Помѣстная система.

Весь XVI вѣкъ, почти сплошь, и особенно царствованіе Грознаго, прошелъ въ постоянныхъ войнахъ. Государство нуждалось въ войскѣ и въ средствахъ на его содержаніе и вооруженіе. Въ наше время для удовлетворенія такого рода нуждъ правительство созываетъ людей, подлежащихъ военной повинности, и, располагая готовыми денежными средствами, ежегодно, установленнымъ порядкомъ, поступающими въ государственную казну, принимаетъ исключительно на себя заботу содержать рекрутъ, обучить ихъ военному искусству, организовать войско и заготовить ему все необходимое: оружіе, артиллерію, провіантъ, амуницію, лазареты, предъявляя къ рекруту лишь одно требованіе: «вѣрою и правдою» служить своей родинѣ.

Въ старину такая система была невозможна: центральное управленіе было еще слабо связано съ областнымъ, а главное, размѣры податей и самая система ихъ поступленія не позволяли московскому правительству располагать въ достаточной мѣрѣ необходимыми средствами. Вслѣдствіе этого оно вынуждено было прибѣгнуть къ т. наз. помѣстной системѣ. Военное бремя почти полностью, въ натурѣ, было переложено непосредственно на тѣхъ, кто несъ военную службу. Располагая обширными, часто совершенно незаселенными и необработанными землями («казенными землями», по нынѣшнему), правительство отдавало ихъ въ пользованіе частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ нести военную службу. Такія земли назывались помѣстьями, а лица, владѣвшія ими, помѣщиками. Помѣщикъ, пока служилъ, былъ полнымъ хозяиномъ помѣстья; зато, призванный на войну, онъ долженъ былъ явиться въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, снабдивъ ихъ, за свой счетъ, полнымъ вооруженіемъ и содержаніемъ на время военныхъ дѣйствій. Количество людей, которыхъ приводилъ съ собою помѣщикъ, зависѣло отъ размѣровъ помѣстья. Крупные помѣщики выставляли иногда цѣлые отряды. Это называлось явиться на службу «конно, людно и оружно». Переставалъ почему либо служить помѣщикъ, лишалъ государство своихъ

услугъ, — кончалось и владѣніе его помѣстьемъ: оно отходило «въ казну» и передавалось другому.

Въ этомъ существенное отличіе помѣстья отъ вотчины: послѣдняя считалась полною собственностью вотчинника, постояннымъ, извѣчнымъ его владѣніемъ: вотчину онъ могъ продать, подарить, передать по наслѣдству своему сыну, — помѣстье же находилось во временномъ и условномъ пользованіи, оставаясь всегда собственностью государства.

Земля, чтобъ стать доходною, нуждалась въ обработкѣ: пашни, рыбныя ловли; лѣса, обилующіе звѣремъ, богатые строительнымъ матеріаломъ, гдѣ можно было ставить пчелиныя борти, гнать деготь, — все это требовало рабочихъ рукъ; поэтому необходимо было, чтобы на землѣ жили, «сидѣли» крестьяне-земледѣльцы, звѣроловы, лѣсники. За крестьянами въ ту пору было право свободнаго перехода съ одной земли на другую, и они широко пользовались имъ. Земли вездѣ было вдоволь; шли туда, гдѣ казалось лучше и выгоднѣе.

На помѣщичьей землѣ такой крестьянинъ былъ обыкновенно желаннымъ гостемъ. Нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, помѣщики охотно предоставляли крестьянамъ разныя льготы, помогая деньгами, хлѣбомъ, скотомъ, лишь бы заманить къ себѣ рабочаго человѣка, такъ какъ, чѣмъ больше распахивалось земли, чѣмъ шире велось хозяйство, тѣмъ больше давало оно дохода.

Вотъ почему помѣщику свободный переходъ крестьянина выгоденъ былъ лишь въ случаѣ перехода на его землю; напротивъ, онъ становился убыточенъ, если крестьянинъ уходилъ съ нея. Поэтому каждый помѣщикъ старался задержать у себя крестьянина, прикрѣпить его къ своей землѣ; правительство, по соображеніямъ военнымъ, держало его сторону, такъ какъ потеря необходимыхъ рабочихъ рукъ лишала помѣщика способности выполнить принятыя имъ на себя обязанности. Наоборотъ, крестьянству было выгодно сохранить свое право перехода и свободнаго выбора. Особенно охотно переходилъ земледѣлецъ отъ мелкаго помѣщика къ крупному: у крупнаго и выборъ земли больше, крупный помѣщикъ могъ снабдить на болѣе льготныхъ условіяхъ сѣменами для посѣва, необходимыми орудіями производства; да и по своему положенію и вліянію, онъ могъ оказать, въ тогдашній вѣкъ самоуправства и слабости мѣстныхъ правительственныхъ органовъ управленія, болѣе вѣрную защиту и поддержу. Зато отъ перехода особенно страдали мелкіе помѣщики; на ихъ жалобы правительство не могло не обратить вниманія, въ силу общаго интереса: ущербъ, нанесенный хозяйству помѣщика, вредно отражался на военныхъ силахъ государства.

Частые переходы наносили вредъ не одному только военному дѣлу, но и вообще экономическому благосостоянію страны. Помѣстная система сложилась въ царствованіе Ивана IV, но еще со временъ Василія Темнаго переходу начали ставиться препятствія: для выхода съ земли указанъ былъ опредѣленный срокъ — осенній Юрьевъ день (26 ноября). Раньше этого дня, совпадающаго съ окончаніемъ полевыхъ работъ, крестьянинъ не имѣлъ права покидать помѣщичью землю; Судебники 1497 и 1550 гг. окончательно установили такой распорядокъ, а въ XVII ст., Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, отмѣненъ будетъ и этотъ срокъ, и крестьяне будутъ обязаны вѣчно сидѣть на той землѣ, гдѣ ихъ застало это распоряженіе (отсюда поговорка: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!»).

Такъ было положено начало прикрѣпленію крестьянъ. Оно вызвано было нуждами государственными. Вообще съ ростомъ государства и его потребностями росли и обязанности, возлагаемыя на населеніе. Прикрѣплялись не одни крестьяне: прикрѣплялись также и помѣщики, потому что государству было гораздо выгоднѣе не отнимать помѣстья у помѣщика, а удерживать его на данной ему землѣ, обезпечивая себѣ этимъ путемъ людей для войска, и если садили на землю крестьянъ, то должны были садить на ней и помѣщика.

Такова, въ общихъ чертахъ, схема помѣстной системы и ея возникновенія. Военныя нужды создали раздачу земель и привели къ прикрѣпленію земледѣльческаго и военно-служилаго класса. Однако сейчасъ этому было положено лишь начало; зато въ слѣдующемъ вѣкѣ, XVII-мъ, когда военныя нужды станутъ еще настоятельнѣе, къ населенію будутъ предъявлены новыя, болѣе серьезныя требованія, прикрѣпленіе получитъ дальнѣйшее развитіе и, дойдя при Петрѣ В., до своего апогея, охватитъ всѣ классы русскаго общества.

XI. Борьба Ивана Грознаго съ княжатами и боярствомъ.

Въ старину въ Московскомъ княжествѣ, какъ и вездѣ на Руси въ удѣльный періодъ, бояре, на положеніи вольныхъ слугъ, были ближайшими сотрудниками князя, его совѣтниками, правителями областей, военачальниками надъ боевыми полками. Съ тѣхъ поръ какъ выяснилась прочность успѣха московскихъ Даниловичей въ притязаніяхъ на великокняжескій титулъ и связанное съ нимъ привилегированное положеніе, бояре стали быстро пополнять ряды московской знати. За ними тянулись дѣти боярскіе, отроки, вторая, младшая категорія служилыхъ людей. Уже при Иванѣ Калитѣ въ Москву пере-

шелъ изъ Кіева бояринъ Родіонъ Нестеровичъ, приведя съ собою 1700 человѣкъ «послужильцевъ», т. е. отроковъ, дружинниковъ. Тогда же много бояръ пріѣхало изъ Твери. Въ одиночку стекались въ Москву знатные и простые люди какъ изъ сосѣднихъ княжествъ, такъ и изъ Литвы; приходили даже изъ Германіи; были выходцы изъ Крыма и Золотой Орды, татарскіе мурзы, крещеная мордва. Такихъ выходцовъ, ко времени Ивана III, въ рядахъ московскихъ насчитывалось, однихъ только видныхъ фамилій, до 40.

Обоюдный интересъ связывалъ обѣ стороны. Насколько цѣнили московскіе князья службу своихъ бояръ, можно судить по предсмертнымъ словамъ Дмитрія Донского, обращеннымъ къ его дѣтямъ: «любите своихъ бояръ, оказывайте имъ надлежащую честь и безъ воли ихъ ничего не дѣлайте». Слова эти наглядно рисуютъ взаимное положеніе: бояре охотно шли на службу къ московскому князю — она была для нихъ источникомъ личныхъ выгодъ; князья дорожили этою службою — она приносила имъ несомнѣнную пользу: при содѣйствіи бояръ они собирали Сѣверовосточную Русь, совмѣстно устраняя препятствія, лежавшія на пути этого собиранія. Но скоро наступитъ время, когда такія отношенія взаимнаго довѣрія и взаимной пользы потерпятъ существенныя измѣненія.

Какъ слуги вольные, т. е. по добровольному договору принявшіе на себя извѣстныя обязательства, бояре пользовались правомъ отъѣзда, т. е. правомъ прекратить свою службу у князя и перейти къ другому; право это было обычнымъ на всей Руси и нашло свое выраженіе въ междукняжескихъ договорахъ: «а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ — воля». Но съ теченіемъ времени право это фактически стало отпадать само собою, подобно тому, какъ сухая лишенная соковъ вѣтвь сама сваливается съ дерева.

Причинъ тому было нѣсколько:

1) Съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго княжества все меньше и меньше оставалось самыхъ княжествъ, куда служилый человѣкъ могъ бы явиться съ предложеніемъ своихъ услугъ.

2) Князь московскій былъ самый богатый вотчинникъ, онъ щедрѣе надѣлялъ бояръ землями и, какъ самый сильный изъ князей, вѣрнѣе могъ защитить интересы своего боярина, если у того были свои владѣнія въ другомъ княжествѣ. Выгоды московской службы создавали привычку, воспитывали въ убѣжденіи, что служить слѣдуетъ именно въ Москвѣ, а не въ другомъ мѣстѣ; прежнее право оставалось правомъ, но оно омертвѣло, и, дѣйствительно, случаи перехода бояръ изъ Москвы на службу къ другому князю были очень рѣдки.

3) Въ Москвѣ удерживало служилыхъ людей еще одно соображеніе матеріальнаго характера. Для нихъ, какъ земельныхъ собственниковъ, далеко не безразлично было владѣть ли и пользоваться своими вотчинами на мѣстѣ, служа въ Москвѣ, или заглазно, въ случаѣ перехода на службу къ другому князю: на московскаго князя, какъ сильнѣйшаго, не всегда легко было найти управу; не взирая на договоры, онъ всегда имѣлъ полную возможность выместить свое неудовольствіе на отъѣхавшаго и не рѣдко просто грабилъ или отнималъ его села и дома. У московскихъ и тверскихъ вотчинниковъ возникали зачастую распри изъ-за пограничныхъ межъ на земляхъ по ту и другую сторону въ томъ и другомъ княжествѣ, и если жаловался тверитянинъ, то напрасно было искать суда въ Москвѣ: московскому вотчиннику все извинялось; но стоило пожаловаться москвичу, и изъ Москвы летѣли грозныя требованія удовлетворить его жалобу. Подъ такимъ давленіемъ — это было при Иванѣ III — много тверитянъ, даже и тѣ, кто дорожилъ своею службою въ Твери и желалъ бы продолжать ее тамъ, сочли меньшимъ зломъ перейти на службу въ Москву.

4) Со времени Ивана III и Василія III отъѣздъ возможенъ сталъ только въ Орду либо въ Литву; идти въ Орду, конечно, ни у кого не было желанія, никто не рѣшился бы «опоганиться» и разстаться съ своей вѣрой, перейдя, какъ это неизбѣжно пришлось бы, въ мусульманство: отъѣздъ же въ Литву получилъ теперь характеръ измѣны тому же православію и, вдобавокъ, Русскому государству, въ которое превратилось вчерашнее Московское княжество. Такъ, силою вещей, вольный человѣкъ сдѣлался бояриномъ, хотя и привилегированнымъ по своему положенію, но навсегда прикрѣпленнымъ ко двору московскаго князя.

Со второй половины XV в. составъ московскаго боярства сталъ быстро пополняться новымъ элементомъ. Прежде всего — онъ непомѣрно выросъ: въ княженіе отца и дѣда Ивана Грознаго появилось свыше 150 новыхъ фамилій, и притомъ самыхъ родовитыхъ. Большинство ихъ состояло изъ бывшихъ удѣльныхъ князей или ихъ потомковъ. Этимъ княжатамъ, по установившемуся за ними прозвищу, некуда было теперь дѣваться: распродавъ свои удѣлы московскому князю или вынужденно отказавшись въ его пользу отъ нихъ, имъ ничего теперь не оставалось иного, какъ тоже перейти на службу къ московскому князю и встать на положеніе его служилыхъ бояръ. «Съ тѣхъ поръ во всѣхъ отрасляхъ московскаго управленія, въ государевой думѣ совѣтниками, въ приказахъ судьями, т. е. министрами, въ областяхъ намѣстниками, въ полкахъ воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московскаго нетиту-

лованнаго боярства. Эти князья за немногими исключеніями были наши Рюриковичи или литовскіе Гедиминовичи. Вслѣдъ за князьями шли въ Москву ихъ ростовскіе, ярославскіе, рязанскіе бояре».

Соотвѣтственно значенію своихъ удѣловъ, княжата становились или въ первые ряды боярства, наравнѣ съ самыми славными старшими фамиліями, или степенью, двумя ниже; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ они всегда принадлежали къ высшему правительственному слою, и отблескъ недавняго «царственнаго» (выразились бы мы нынче) положенія еще продолжалъ сіять надъ ихъ развѣнчанной головой. Тѣмъ болѣе помнили они сами, что еще вчера только были такими же, по титулу и положенію, вотчинниками-государями, какъ и счастливый соперникъ ихъ, князь московскій. Къ тому же, переходя на службу въ Москву, многіе изъ княжатъ продолжали фактически управлять своими удѣлами и, превратившись изъ вотчинниковъ-государей въ простыхъ вотчинниковъ-землевладѣльцевъ, «продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и рядили по старымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, сохранили свои удѣльные полки, иные даже оффиціально назывались удѣльными, а не служебными князьями» (Ключевскій).

Слуги по отношенію къ московскому государю, княжата въ своихъ вотчинахъ «имѣли всѣ аттрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое «воинство», которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они «жаловали» монастырямъ въ вотчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстья» (Платоновъ).

Въ свою очередь и нетитулованные бояре живо помнили завѣтъ Дмитрія Донского и считали себя въ правѣ ждать, что московскій князь, дѣйствительно, станетъ «любить» ихъ и поступать по ихъ «волѣ». Но въ XVI вѣкѣ такія ожиданія являлись анахронизмомъ. Воля теперь была одна — государева: теперь великій князь «самъ-третей у постели» вершалъ всѣ дѣла государственныя, на долю же бояръ оставалось только покорно исполнять его приказанія.

Еще съ Ивана III стало входить въ обычай брать съ бояръ, которыхъ подозрѣвали въ намѣреніи отъѣхать, крестоцѣловальныя записи, за денежной порукой другихъ бояръ. Все вело къ тому, чтобы прежняго вольнаго слугу превратить въ подданнаго, въ княжескаго холопа.

Ни княжата, ни остальные бояре примириться съ такимъ положеніемъ были не въ силахъ, и скоро на этой почвѣ выросло то ужасное столкновеніе, которое омрачило вторую половину царствованія Ивана Грознаго, стоило бездны жертвъ, массы

пролитой крови и заставило всю страну пережить одну изъ наиболѣе мрачныхъ эпохъ — эпоху казней и гоненій.

Столкнулись два непримиримыхъ воззрѣнія. Грозный, дѣйствительно, хотѣлъ превратить бояръ въ подданныхъ, сдѣлать ихъ послушнымъ орудіемъ своей воли, а тѣ домогались, наоборотъ, властнаго положенія царскихъ совѣтниковъ, видѣли въ своемъ боярствѣ не пожалованіе, а наслѣдственное право, и смотрѣли на себя, какъ на своего рода суверенныхъ обладателей боярскаго достоинства, — какъ на «извѣчныхъ» бояръ, — не даромъ таковыми призналъ ихъ самъ Василій III, ужъ на что особенныхъ симпатій къ боярству не питавшій.

Но къ половинѣ XVI в. эта идея уже отжила свой вѣкъ; она не соотвѣтствовала духу времени. Вотъ почему побѣду одержало не боярство, а Грозный. Превращеніе вольныхъ слугъ въ подданныхъ явилось логическимъ послѣдствіемъ превращенія вотчиннаго князя въ самодержавнаго государя. Не даромъ народная память простила Ивану его изувѣрства и жестокія казни, признавъ въ нихъ необходимую мѣру искорененія боярской и з м ѣ н ы. Былина на одинъ уровень ставитъ три дѣянія, которыми Иванъ можетъ гордиться: коронованіе царскимъ вѣнцомъ, завоеваніе Казани и искорененіе измѣны. Устами царя она говоритъ:

Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалитися:
Вынесъ я порфиру изъ Царя́-града,
Взялъ Казань-горо́дъ и славну Астрахань,
Вывелъ я туманъ изъ-за синя́ моря,
Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-го́рода,
Вывелъ я изо̀ Пскова, изъ каменно̀й Москвы!

Мѣра государственная однако въ конецъ была искажена с п о с о б о м ъ ея проведенія въ жизнь. Этой мѣрѣ Иванъ придалъ характеръ личной мести. Давно уже г о с у д а р ь, онъ все еще оставался прежнимъ в о т ч и н н и к о м ъ. Онъ былъ тѣмъ и другимъ одновременно. Старое уживалось въ немъ съ новымъ и, конечно, порождало непримиримыя противорѣчія. Иванъ не умѣлъ отдѣлить интереса личнаго, семейнаго отъ интереса общественнаго. Въ своей мести онъ зашелъ такъ далеко, что она граничила съ безуміемъ: рядомъ съ государственными преступниками гибли сотни людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Онъ мстилъ за то, что когда-то Сильвестръ и Адашевъ владѣли его душою и помыслами; за то, что близкіе ему люди отказались связать судьбу свою съ судьбой его малолѣтняго сына; мстилъ за тяжелыя, больныя воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. Цѣль была достигнута, «измѣна» выведена, но какой цѣною! Боярство и монашество во времена Ивана Грознаго были двумя наиболѣе культурными классами русскаго общества, тогдашней его интеллигенціей, — и одинъ изъ этихъ классовъ, въ странѣ

вообще бѣдной духовными силами, былъ въ одной своей части уничтоженъ, въ другой морально забитъ и искалѣченъ!

На Западѣ въ ту пору тоже выводили «измѣну» и тоже не церемонились со своими противниками; современники Ивана Грознаго тоже домогались стать самодержавными государями и съ этою цѣлью безпощадно расправлялись съ привилегированнымъ сословіемъ — дворянствомъ; мѣры, къ какимъ они прибѣгали, тоже покажутся отвратительными и безчеловѣчными для нашего времени: во Франціи вѣроломно избивали гугенотовъ (Варѳоломеевская ночь 1572 года); жестоко расправлялся съ дворянствомъ шведскій король Эрикъ; въ Англіи въ одинъ пріемъ повѣсили на Лондонскомъ мосту 300 человѣкъ, и королева Елизавета, показывая французскому посланнику башню Тоуэръ, зубцы которой сплошь унизаны были трупами повѣшенныхъ, съ гордостью говорила ему: «такъ-то вотъ изводимъ мы измѣну».

Но на Западѣ такія казни вытекали изъ идеи общественнаго блага, и личный интересъ государя, если онъ и имѣлъ мѣсто, не заслонялъ самой идеи. Иванъ же именно з а с л о н и л ъ ее своими поступками. Онъ ввелъ терроръ, а всякій терроръ подрываетъ вѣру въ правоту дѣла, которое онъ хочетъ насадить. Учрежденіе опричнины было мѣрою государственною, но наглый произволъ, допущенный тамъ, потачка самымъ дурнымъ инстинктамъ превратили опричнину въ народное бѣдствіе и зло. Государственною мѣрою было и лишеніе княжатъ ихъ старыхъ вотчинъ, переселеніе на новыя земли, въ другіе концы государства, гдѣ у новыхъ владѣльцевъ не могло быть никакихъ связей съ мѣстнымъ населеніемъ; но переселеніе превратилось въ разореніе, которое больно задѣло не одного только боярина, богатаго землевладѣльца, но и простолюдина. Создавалось впечатлѣніе, будто все это дѣлаетъ не государь, «Божіею милостію» поставленный заботиться о благѣ народномъ, а озлобленный человѣкъ, обрадовавшійся возможности навредить своему врагу. Иванъ подрывалъ чувство законности, уваженіе къ верховной власти и самъ разрушалъ одной рукою то, что созидала другая.

Во Франціи, напримѣръ, Ришелье очень круто расправлялся съ непокорнымъ дворянствомъ, но благо общественное всегда стояло у него на первомъ планѣ; власть была только средствомъ («Tout pour le peuple, rien par le peuple» — было его правиломъ). И не только у него одного. Вотъ почему на Западѣ гораздо раньше могла вырости идея о государѣ, какъ «первомъ слугѣ государства»; у насъ мысль эту выскажетъ впервые Петръ Великій, но и послѣ него она еще надолго останется мертвою буквою, безъ дѣйствительнаго приложенія;

«вотчинникъ» все время будетъ сказываться въ «государѣ», и значительная доля вины въ этомъ лежитъ на Иванѣ Грозномъ.

Послѣ Грознаго боярскихъ фамилій прежнихъ временъ съ трудомъ можно было насчитать десятка полтора или два — это изъ тѣхъ 200, которыхъ засталъ онъ при своемъ воцареніи! «По давному московскому обычаю, при опалѣ конфисковали не только имущество опальнаго человѣка, но и его документы — «грамоты и крѣпости». Дѣйствіе этихъ крѣпостей прекращалось, обязательства развязывались, и крѣпостные люди получали свободу, иногда съ запрещеніемъ поступать въ какой либо иной дворъ. Подобную судьбу испытывала многочисленная дворня погибавшихъ отъ лютости Грознаго бояръ. Если она не гибла съ господиномъ, она осуждалась на свободное и голодное существованіе. Это былъ опасный для порядка элементъ» (Платоновъ).

Такимъ образомъ способъ проведенія Иваномъ его политической мѣры заранѣе подготовилъ матеріалъ для будущихъ Смутныхъ годовъ: недовольно было боярство; недоволенъ служилый классъ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; недовольно крестьянство, вынужденное или сидѣть на разоренной землѣ или скитаться на положеніи бездомнаго бобыля.

XII. Царствованіе Ивана Грознаго. Связь съ прошлымъ и послѣдующимъ временемъ.

Внесъ ли Иванъ Грозный своею дѣятельностью что либо новое въ русскую жизнь? стоитъ ли онъ особнякомъ въ ряду своихъ предшественниковъ и преемниковъ, или Московское государство въ его время жило и держалось тѣми же устоями, руководилось тѣми же завѣтами, какъ и непосредственно передъ этимъ? Мы видѣли, что время Ивана III и Василія III многимъ отличается отъ времени т. наз. «князей-собирателей»; при томъ и другомъ князѣ многое измѣнилось, и не въ одной внѣшней обстановкѣ, но также и по существу, — внесло ли въ свою очередь какую-нибудь крупную перемѣну также и царствованіе Ивана IV?

Если непремѣнно дѣлать выборъ, то перваго русскаго царя придется зачислить къ старинѣ, къ прошлой эпохѣ, никакъ не къ новой порѣ. Основная дѣятельность Грознаго сводится къ тому, что онъ продолжалъ работу своего отца и дѣда, но на эту работу онъ наложилъ такой яркій, индивидуальный отпечатокъ; сама работа велась въ такихъ крупныхъ, прямо грандіозныхъ размѣрахъ, что эти двѣ особенности наложили на его царствованіе особую окраску и создали на первый взглядъ впечатлѣніе, будто мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то совершенно

новымъ, отличнымъ отъ прежняго. Въ дѣйствительности же Иванъ IV работалъ не только съ помощью средствъ, приготовленныхъ ему его предшественниками, но и въ направленіи, указанномъ и сложившимся прежде него. Въ дѣятельности Ивана было и новое, но оно органически связано было со старымъ — отсюда жизненность и устойчивость того, что имъ было сдѣлано.

Въ области внутренней политики:

1. Принятіе царскаго титула выросло на почвѣ идей, начавшихъ слагаться еще въ концѣ XV ст. и получившихъ свое литературное выраженіе еще при Василіи III.

2. Борьба съ боярствомъ есть завершеніе длительнаго, начатаго еще съ половины XV ст., процесса превращенія вольныхъ слугъ въ слугъ подвластныхъ, въ подданныхъ.

3. Судебникъ Ивана IV по существу есть лишь новое исправленное и дополненное изданіе Судебника Ивана III.

4. Созывъ Стоглаваго собора имѣлъ цѣлью обновить Русскую церковь и очистить ее отъ вкоренившихся недостатковъ, сознанныхъ еще до Ивана IV.

5. Канонизація русскихъ святыхъ на двухъ соборахъ, 1547 и 1549 гг., скрѣпляя единство Русской церкви, положила новую скрѣпу и для единенія политическаго, въ духѣ объединительной работы предшествующихъ поколѣній.

6. Литературные труды, составленные или задуманные въ свѣтлую пору царствованія Грознаго, явились продолженіемъ прежде начатыхъ (Макарьевскія Четьи-Минеи; лѣтописные своды), или вообще выросли изъ круга идей прежняго времени (Домострой).

Въ области внѣшней политики.

7. Дорога къ Казани показана была давно, еще Иваномъ III и Василіемъ III. Русскіе люди давно уже прониклись сознаніемъ необходимости наложить руку на это полуразбойничье гнѣздо, и самый восторгъ, съ какимъ встрѣтила Россія побѣду своего царя, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ настоятельной и неотложной необходимости покончить возможно скорѣе съ этимъ больнымъ вопросомъ.

8. Оживленныя сношенія съ Англіей были тоже лишь дальнѣйшимъ развитіемъ сношеній съ Зап. Европой, начатыхъ еще съ конца XV ст. Превратившись въ самостоятельное государство, Россія тѣмъ самымъ неизбѣжно выступала на дорогу международныхъ сношеній. Первымъ выступилъ Иванъ III, Иванъ же IV шелъ вслѣдъ за нимъ и за отцомъ.

9. Ливонская война, при всей новизнѣ дѣла, идейно, была подведена подъ старыя формулы: подобно дѣду, предъявлявшему права на Кіевъ и Смоленскъ, какъ на свою «отчину»,

Грозный тоже оправдывалъ свою войну правами на Юрьевъ Ливонскій, основанный Ярославомъ Мудрымъ.

Недаромъ однако старина Ивана такъ отзываетъ новизною: размѣры того, что онъ сдѣлалъ или задумалъ, зачастую совершенно заслоняютъ работу его ближайшихъ предшественниковъ, — работу, въ которой нѣтъ ничего показного и которая велась осторожно, расчитанно, спокойно-увѣренно, можно сказать, втихомолку, въ противоположность работѣ Грознаго, всегда болѣе или менѣе шумной и крикливой.

1. Царскій титулъ. Принятіе царскаго титула само по себѣ было явленіемъ настолько громкимъ, внушительнымъ, что неизбѣжно оставило далеко за собой робкія, случайныя попытки отца и дѣда именоваться царями. Завершая дѣло предковъ, Иванъ въ то же время кладетъ извѣстное начало, вводитъ въ жизнь новыя формы, которыя потомъ сростутся съ нею и сохранятъ свою жизненность въ теченіе всей послѣдующей исторіи Россіи (1547—1917).

2. Борьба съ боярствомъ. Въ борьбу съ боярствомъ и княжатами Иванъ внесъ много ненужной страсти, дойдя до предѣловъ безумія и изувѣрства, превратилъ ее изъ государственной мѣры, необходимой и полезной, въ личную драму и въ трагедію цѣлаго сословія. Такихъ ужасовъ, свидѣтелями которыхъ сдѣлалъ Грозный своихъ подданныхъ, Россія не видала, можетъ быть, со временъ Батыя, если только вообще когда видала подобное, и безусловно никогда отъ своихъ государей — въ этомъ, несомнѣнно, новая и неизгладимая черта.

3. Востокъ. На Востокѣ Россія изъ прежней обороны переходитъ въ наступленіе, — явленіе тоже новое.

4. Западъ. Еще ярче «новое» сказалось на западныхъ границахъ: Россія втянулась въ распрю съ Польшей и Швеціей; война за Ливонію создала для нея новый, ранѣе не существовавшій, Балтійскій вопросъ.

XIII. Личность Ивана Грознаго.

Натура неуравновѣшенная, болѣзненно-нервная, Грозный весь сотканъ изъ порывовъ и минутныхъ страстей; ему не дано спокойно и хладнокровно взвѣшивать поступки, свои и чужіе. Увлекающійся, онъ легко поддавался первому сильному впечатлѣнію, все равно, порождало ли оно хорошую мысль, здоровую, благородную или дурную, низкую, вредную. Вотъ почему въ его царствованіи добро смѣшано со зломъ, привлекательное съ отталкивающимъ.

Воспитаніе не выработало въ немъ ни сильной воли ни твердаго характера, не дало ему никакихъ нравственныхъ устоевъ. Да и воспитанія онъ не получилъ никакого. На жизненное поприще онъ вышелъ не стойкимъ, не сильнымъ, легко поддавался чужимъ вліяніямъ, и въ этомъ трагизмъ его жизни. Впечатлѣнія воспринималъ онъ пылко и нервно, но глубокихъ корней въ его душу пустить они не могли; сама душа его была не изъ глубокихъ, а корни, едва они начинали укрѣпляться въ ней, сметалъ порывъ новыхъ впечатлѣній, столь же пламенныхъ, бурныхъ и столь же преходящихъ. Вотъ почему для Ивана возможны были такіе скачки: отъ «избранной рады», гдѣ онъ держалъ себя покорнымъ ученикомъ, къ опричнинѣ, въ которой онъ искалъ выхода охватившей его подозрительности и мести, отъ сдержанно-наставительнаго Сильвестра къ низменному, покладистому Малютѣ Скуратову.

Себя онъ не помнилъ иначе, какъ государемъ. Сто лѣтъ спустя, во Франціи, на королевскій престолъ вступитъ (1643) пятилѣтній ребенокъ, Людовикъ XIV; его дѣтскія игры смѣшаются съ торжественными парадными выходами, наставленія и ласковые упреки матери съ униженными поклонами и льстивою рѣчью его подданныхъ; съ самыхъ малыхъ лѣтъ Людовикъ привыкнетъ видѣть себя въ центрѣ совершающихся событій, ихъ первоисточникомъ и завершеніемъ — совершенно естественно, если въ такой обстановкѣ, со временемъ, у него сложится представленіе о себѣ, какъ о «королѣ-солнцѣ», повелителѣ-самодержцѣ, обладающемъ правомъ требовать безпрекословнаго себѣ повиновенія, во имя того, что «tel est notre bon plaisir».

Точно также и Иванъ Грозный. Ему еще нѣтъ пяти лѣтъ, а онъ вмѣстѣ съ матерью участвуетъ въ Успенскомъ соборѣ на торжествѣ переложенія мощей Алексѣя Чудотворца изъ старой раки въ новую, и присутствуетъ не въ толпѣ, а на самомъ видномъ мѣстѣ, первоначально, вѣроятно, еще не безъ нѣкотораго удивленія подмѣчая то особое вниманіе, какимъ его окружаютъ (1535, 1 февр.); ему пошелъ всего шестой годъ, а онъ уже видитъ себя во-очію, на дѣлѣ, государемъ, да еще какимъ государемъ! Бывшій царь казанскій Шихалей падаетъ передъ нимъ на колѣни, прося прощенія, а ребенокъ (конечно, предварительно должно наставленный) велитъ ему встать, въ знакъ милости, зоветъ его «карашеваться» (здороваться) и сажаетъ его справа отъ себя (1535, 12 дек.); въ другой разъ, того же Шихалея, пріѣхавшаго съ визитомъ къ правительницѣ, вел. княгинѣ Еленѣ, Иванъ чтитъ, встрѣчая въ сѣняхъ и потомъ участвуя на самомъ пріемѣ; а когда жена Шихалея, царица Фатима, тоже пріѣхала къ его матери, то на свиданіи присутствовалъ и маленькій Иванъ, и велъ себя согласно установленному этикету: онъ обратился къ гостьѣ съ привѣтствіемъ, сказалъ ей «табуг-

саламъ», карашевался и потомъ «сѣлъ князь великій на своемъ мѣстѣ у матери, а у царицы съ правой руки, а бояре съ нимъ по обѣ стороны».

Нѣсколько позже, но все еще не достигши полныхъ шести лѣтъ, онъ даетъ аудіенцію литовскимъ посламъ, обращается къ нимъ съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ вопросомъ: «братъ нашъ Жигимонтъ (Сигизмундъ) король по здорову ль?», потомъ зоветъ ихъ къ рукѣ (1536, 13 авг.); полгода спустя тѣмъ же посламъ онъ цѣлуетъ крестъ, т. е. даетъ торжественную клятву въ соблюденіи договора (1537, 18 февр.). Литовскихъ пословъ смѣняетъ посолъ крымскій — Иванъ и здѣсь дѣйствуетъ, какъ государь. Потомъ пойдутъ пріемы пословъ ногайскихъ, астраханскихъ, волошскихъ, снова литовскихъ.

Пріѣдетъ ли въ Москву изъ Новгорода архіепископъ Макарій, онъ за свое почти трехнедѣльное пребываніе тамъ станетъ черезъ день являться къ ребенку-государю, печалуясь за опальныхъ (1535); будутъ ли возводить игумена Іоасафа въ митрополиты, восьмилѣтній мальчикъ приметъ участіе въ церемоніи, вручитъ новопосвященному посохъ, а потомъ будетъ ждать его пріѣзда къ себѣ для полученія отъ него благословенія (1539, 6 и 9 февр.). Ивану то и дѣло приходится чувствовать и держать себя государемъ: на церемоніи встрѣчи чудотворныхъ иконъ, перенесенныхъ изъ города Ржева (1540, 3 февр.); на засѣданіи боярской думы, при рѣшеніи вопроса, оставаться ли ему, въ виду приближенія татаръ, въ Москвѣ, или укрыться въ болѣе безопасномъ мѣстѣ (1541, іюль).

Распри и ссоры боярскихъ фамилій за власть неизбѣжно втянули въ борьбу и Ивана. При всемъ его малолѣтствѣ, онъ являлся для спорящихъ единственной твердой точкой опоры; можно сказать, бояре сами предупредили его совершеннолѣтіе. Ивану всего 8 лѣтъ, а бояринъ Бѣльскій «совѣтуетъ» ему пожаловать боярствомъ князя Голицына, въ противность желанію Шуйскихъ (1538, осенью); два года спустя тотъ же Бѣльскій, успѣвшій за это время попасть въ ссылку, снова появился во дворцѣ (1540, іюль). За него ходатайствовалъ митр. Іоасафъ, но судьбу стараго заслуженнаго боярина рѣшилъ 10-лѣтній мальчикъ. Удивляться ли, что впослѣдствіи, возмужавъ, правительственныя дѣйствія того времени Иванъ припишетъ своей иниціативѣ: «войдя въ возрастъ» — вспоминалъ онъ — «я не восхотѣлъ подъ рабскою властью быть, отослалъ отъ себя князя Ивана Васильевича Шуйскаго и велѣлъ быть у себя князю Ивану Өедоровичу Бѣльскому».

А между тѣмъ, государь въ Грановитой палатѣ, въ Успенскомъ соборѣ, вообще въ оффиціальныя минуты жизни, онъ далеко не чувствуетъ себя на положеніи таковаго въ обыденной обстановкѣ. Тамъ — онъ предметъ всеобщаго почитанія, центръ

для всѣхъ, всегда первое лицо; въ своей же дѣтской, наоборотъ, онъ еще такой маленькій, безсильный и безпомощный! . . . Здѣсь старшіе обращаются съ нимъ небрежно, совсѣмъ не хотятъ считаться съ его желаніями. Любимую мамку, по смерти матери, отняли у него силой; стоило ему сдружиться съ Ѳедоромъ Воронцовымъ, и бояре, опасаясь найти въ немъ соперника, не задумались, на глазахъ вел. князя, наброситься на новаго любимца и едва его не убили (1543, 9 сент.). Однажды ночью 11-лѣтній мальчикъ былъ страшно перепуганъ — бояре ворвались въ его комнаты, гонясь за бояриномъ Бѣльскимъ и митр. Іоасафомъ (1542, 3 янв.).

Иванъ росъ въ забросѣ, предоставленный самому себѣ, не всегда заботливо накормленный или хорошо одѣтый. Мальчикъ видѣлъ вокругъ себя, какъ безцеремонно расхищали его отцовское добро. Легко представить себѣ чувство маленькаго Ивана, привыкшаго видѣть въ себѣ государя, — чувство, одновременно, и оскорбленія, и безсильной злобы, при видѣ того, какъ ничтожный Тучковъ пихалъ ногами вещи его покойной матери, а кн. Иванъ Шуйскій опирался, сидя на лавкѣ, локтемъ на постель его отца, вел. князя Василія, и клалъ на нее ногу, наблюдая въ комнатѣ за игрою двухъ братьевъ, Ивана и Юрія. «Ребенокъ видѣлъ передъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ; вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ — самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ томъ возрастѣ!» (Соловьевъ).

Послѣдовательно ребенокъ, мальчикъ, подростокъ, Иванъ видѣлъ вокругъ себя одно насиліе, жестокость и безсердечіе; ничего облагороживающаго, возвышающаго и достойнаго примѣра; пролитая кровь никого не смущала; чужая боль никого не тревожила. Не удивительно, если онъ самъ сталъ такимъ же жестокимъ, безсердечнымъ, такимъ же насильникомъ, равнодушнымъ къ чужимъ слезамъ. Уже 12-ти лѣтъ онъ находилъ наслажденіе бросать съ высокаго терема животныхъ и смотрѣть, какъ они разбивались при паденіи; на 15-мъ году онъ скакалъ со сверстниками по улицамъ, топталъ людей, билъ и грабилъ попадавшихся на встрѣчу мужчинъ и женщинъ. Звѣрь уже тогда сидѣлъ въ немъ.

И звѣрь не замедлилъ проявиться наружу. Три-четыре мѣсяца спустя послѣ случая съ Воронцовымъ, 13-лѣтній мальчикъ неожиданно для всѣхъ показалъ себя на дѣлѣ государемъ и самовластнымъ повелителемъ, приказавъ схватить первосовѣтника боярскаго, кн. Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ, — тѣ, волоча его въ тюрьму, прикончили по дорогѣ (1543, 29 дек.). «Съ тѣхъ поръ» — говоритъ лѣтопись — «начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе». И страхъ ихъ былъ

основателенъ: опалы идутъ теперь за опалой. Сосланъ князь Кубенскій (1544, 16 дек.), отрѣзанъ языкъ Бутурлину (1545, 3 сент.); едва успѣлъ Иванъ вернуть изъ ссылки кн. Кубенскаго, какъ снова наложилъ на него опалу, на этотъ разъ вмѣстѣ съ другими князьями: съ Шуйскимъ, Палецкимъ и Горбатымъ; не удержался и любимецъ, Өедоръ Воронцовъ (1545, 5 окт.); черезъ 2 мѣсяца однако всѣхъ ихъ вернули ко двору (1545, декабрь). Иванъ скоръ и на гнѣвъ, и на милость; онъ дѣйствуетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ; анализъ, вопросъ: хорошо ли это или дурно? приходитъ уже потомъ, и такимъ по существу останется Грозный на всю жизнь.

Такимъ выросталъ будущій царь. Изъ дѣтской поры онъ вынесъ двѣ аксіомы, ставшія потомъ руководяшимъ началомъ всей его жизни: 1) онъ есть государь-властелинъ и имѣетъ право дѣлать все, что захочетъ; 2) бояре — это люди, отъ которыхъ ему нечего ждать себѣ ничего хорошаго.

Московскій пожаръ 1547 г. произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе. Бѣдствіе было такое ужасающее, приняло такіе небывалые размѣры; несчастная Москва тонула въ такомъ безумномъ морѣ огня, что пожаръ являлся, особенно убѣдительно на этотъ разъ, карой небесной, ниспосланной за людскіе грѣхи. По воззрѣніямъ вѣка, въ бѣдствіи народномъ сказывался неотвратимый перстъ Божій. Такія натуры, какъ Иванъ, въ подобныя минуты способны перерождаться, по крайней мѣрѣ такъ это кажется имъ самимъ и, зачастую, всѣмъ окружающимъ. Оглянувшись назадъ (а Сильвестръ старательно помогъ ему оглянуться), Иванъ не увидалъ въ своемъ прошломъ ничего свѣтлаго и чистаго: однѣ боярскія ссоры, насиліе, жестокій произволъ, убійства и кровь; онъ самъ уже успѣлъ загрязниться, тѣлесно и духовно; ему едва исполнилось 16 лѣтъ, а на душѣ у него уже лежала тяжесть сознанія о казненныхъ и замученныхъ по его приказанію, о годахъ разнузданной жизни, жестокихъ забавъ, безсердечнаго эгоизма. Иванъ охваченъ самымъ искреннимъ желаніемъ очистить себя отъ скверны, загрязнившей его, и, точно откровеніемъ, явилась для него мысль, что онъ поставленъ «Божіею милостію царемъ всея Руси» не только царствовать и властвовать, но также и пещись о благѣ своихъ подданныхъ.

Охваченный лучшими пожеланіями, онъ легко даетъ увлечь себя и охотно идетъ по пути, указанному сгруппировавшейся вокругъ него «избранной радою» — такъ называетъ Курбскій совѣтниковъ и сотрудниковъ Ивана Грознаго въ первые годы его царствованія: попа Сильвестра, Адашева и др. Наступаетъ свѣтлая пора земскихъ соборовъ, походовъ подъ Казань, заботъ о внутреннемъ распорядкѣ.

Но вотъ, въ 1553 г., Иванъ опасно захворалъ; онъ при смерти, и люди самые близкіе, на которыхъ онъ всего больше расчитывалъ, отказываются присягнуть его сыну-младенцу. Иванъ уязвленъ въ самое сердце. Если бъ еще одни бояре — ихъ враждѣ онъ не удивился бы; но вѣдь противъ поднялись даже тѣ, кого онъ считалъ за самыхъ близкихъ своихъ, — люди, обязанные всѣмъ исключительно ему одному — Сильвестръ и Адашевъ! Онъ любилъ и уважалъ ихъ, видѣлъ въ нихъ не слугъ, а друзей: Сильвестра почиталъ за отца. «И эти-то люди, изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату!» (Соловьевъ). Но воцарись Владиміръ Старицкій, какая участь будетъ ждать его ребенка? Извѣстно, какъ предшественники Ивана отдѣлывались отъ родственниковъ-соперниковъ: голодная смерть, пожизненное заточеніе... Горькую обиду молодой царь пока затаилъ, но въ его душѣ совершился переломъ. Прежнее довѣріе смѣняется мыслью объ измѣнѣ; пора перваго увлеченія проходитъ; Иванъ начинаетъ догадываться, что во многомъ, тамъ, гдѣ ему казалось, что дѣйствуетъ, указываетъ онъ, въ дѣйствительности дѣйствовали и творили другіе, самъ же онъ служилъ лишь пѣшкою въ рукахъ другихъ. Самолюбіе его несказанно задѣто. Самодержавный государь и вдругъ оказывается, что правитъ государствомъ не онъ, а кто-то другой, существо низшее!

Постепенно выходитъ Иванъ изъ-подъ опеки «избранной рады»; но отъ чужихъ вліяній ему, безвольному, впечатлительному, слабому душей, все равно, не уйти. Онъ, какъ свѣточувствительная фотографическая пластинка, живо зафиксируетъ въ своей душѣ даже случайно брошенную мысль, осторожный намекъ, слабую тѣнь намека. По дорогѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, куда онъ ѣхалъ благодарить за дарованное ему исцѣленіе, Иванъ заѣзжаетъ въ Пѣсношскую обитель, къ старцу Вассіану Топоркову, и съ восторгомъ выслушиваетъ коварный совѣтъ: чтобы сохранить свое самодержавіе и не подчиняться другимъ, не слѣдуетъ держать подлѣ себя совѣтниковъ, которые были бы мудрѣе его самого. «Самъ отецъ, будь онъ живъ, не могъ бы дать мнѣ лучшаго совѣта», восклицаетъ восхищенный Иванъ, и всю жизнь онъ будетъ руководиться этимъ правиломъ: въ теченіе остальныхъ 30 лѣтъ своего царствованія онъ, дѣйствительно, не допустилъ къ себѣ совѣтникомъ «ни единаго мудрѣйшаго себя».

Даже допустивъ, что бесѣда Ивана со старцемъ Вассіаномъ исторически недостовѣрна, все же въ совѣтникахъ подобнаго рода у молодого царя недостатка не было. Иванъ Пересвѣтовъ еще задолго до драмы, разыгравшейся у постели умирающаго

Ивана, высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ однородныя мысли и подавалъ такіе же совѣты, что̀ и Пѣсношскій старецъ: вся бѣда, утверждалъ онъ, идетъ отъ вельможъ, изъ-за ихъ лихоимства и неправеднаго суда; избавить насъ отъ этого зла можетъ лишь неограниченная власть, грозно охраняющая правду и справедливость; царю надлежитъ быть грознымъ и мудрымъ, иначе правду не ввести въ государствѣ; добрый же слуга царю тотъ, кто выдвинутъ личными достоинствами, а не родовитостью.

Эти совѣты, въ которыхъ было такъ много опаснаго, пали на воспріимчивую почву. Рожденный въ порфирѣ, съ малыхъ лѣтъ привыкшій видѣть въ себѣ государя, перваго и старшаго надъ всѣми, Иванъ всѣмъ воспитаніемъ своимъ какъ нельзя лучше подготовленъ былъ къ рѣчамъ Вассіана и Пересвѣтова; еще ребенкомъ онъ привыкъ смотрѣть на окружающихъ снизу вверхъ и относиться къ нимъ недовѣрчиво, съ опаской. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы прослѣдить послѣдовательныя фазы разрыва; несомнѣнно однако, что отношенія сильно ухудшились изъ-за Крыма и Ливоніи. «Рада» настаивала на болѣе энергичныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ; утверждала, что, покончивъ съ Казанью и Астраханью, слѣдуетъ покончить и съ Крымомъ; что теперь это не будетъ стоить особенно большихъ усилій, — Иванъ, наоборотъ, хотѣлъ сосредоточить силы противъ Ливоніи и настоялъ на своемъ.

Духовная опека, въ какой его держали, тяготила, раздражала Ивана; онъ сознавалъ себя, какъ говорилъ потомъ кн. Курбскому, «въ лѣтахъ совершенныхъ и не захотѣлъ быть младенцемъ». Престижъ власти, обиженное самолюбіе начинали говорить въ немъ сильнѣй и сильнѣе. Впослѣдствіи, уже послѣ разрыва, впечатлѣнія недавняго прошлаго суммировались у него въ такой яркой формѣ: «я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ своихъ совѣтниковъ, а тѣ могли говорить мнѣ, что угодно, обращались со мною не какъ съ государемъ, даже не какъ съ братомъ, а прямо какъ съ низшимъ. Достаточно было, чтобы кто исполнилъ мое распоряженіе, сдѣлалъ по моему, и на того уже гоненіе и мука; а кто раздражитъ, пойдетъ противъ меня — тому богатство, слава и честь; попробую прекословить — а мнѣ уже кричатъ: и душа-то моя погибнетъ, и царство-то разорится!».

Послѣднюю каплю горечи внесло отношеніе «рады» къ царицѣ Анастасіи. Чѣмъ сильнѣе привязанъ былъ Иванъ къ своей женѣ, тѣмъ больнѣе кололо его недоброжелательство къ ней Сильвестра и Адашева. «За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ неугодна; за одно малое слово ея они разсердилися». Разрывъ наступилъ. Сильвестръ отошелъ добровольно, предупреждая грозу; Адашева удалили отъ двора, отправивъ

на театръ военныхъ дѣйствій. Почти вслѣдъ за этимъ умерла царица, и тотчасъ же пошли слухи о насильственной ея смерти. Отдаляя недавнихъ любимцевъ, царь потребовалъ, чтобы окружающіе прервали съ ними сношенія; недовѣрчивый, онъ хотѣлъ присягой обезпечить исполненіе своей воли; присягу дали, но не исполнили; опальнымъ старались вернуть прежнее положеніе — это только подлило масла въ огонь.

Между тѣмъ уже съ 1554 г. начались побѣги бояръ въ Литву. Иванъ и въ этомъ видѣлъ измѣну, бояре же смотрѣли на отъѣздъ, какъ на свое исконное право. Тѣ и другіе были и правы и неправы въ одно и то же время. Никакой законъ не запрещалъ отъѣзда; формальное право существовало, но условія его осуществленія, обстановка всей жизни были теперь уже иныя. Иванъ и бояре переживали ту переходную эпоху, когда одно понятіе, одинъ порядокъ замираетъ, а другой нарождается; старый еще не сгибъ окончательно, а новый еще не настолько окрѣпъ, чтобы имѣть силу задушить другой. Недовѣрчивый съ дѣтства, съ впечатлительными нервами, легко раздражающійся, Иванъ началъ видѣть вокругъ себя одну только крамолу, измѣну; это болѣзненное чувство постепенно овладѣло имъ, и онъ, незамѣтно для себя, изъ одного духовнаго рабства попалъ въ другое, не менѣе тяжелое. Такому неуравновѣшенному человѣку, какъ Иванъ, достаточно было однажды вступить на наклонную плоскость, чтобы покатиться по ней съ возрастающею скоростью.

XIV. Судъ исторіи. Оцѣнка русскими историками личности и дѣятельности Ивана Грознаго.

Мы видѣли, какъ двоилась, въ представленіи нашихъ историковъ, личность Ивана III; не менѣе двойственною предстала на судъ исторіи фигура и Ивана Грознаго; но двойственность дѣда была порождена противорѣчіями его политической дѣятельности; противорѣчія Грознаго коренились въ его міросозерцаніи, въ душевномъ складѣ самой его личности. Одновременно государь и вотчинникъ, Иванъ III одной ногою стоялъ въ прошломъ, другою перешагнулъ рубежъ, вступалъ въ новый міръ отношеній — хотя такого рода двойственность (но уже въ значительно болѣе слабой степени) можно прослѣдить и на Грозномъ, но не она наложила свой отпечатокъ на русскаго царя: Иванъ IV смѣшалъ личное дѣло съ дѣломъ государственнымъ. Низведеніе вольныхъ слугъ на степень слугъ подневольныхъ предначертано было всѣмъ ходомъ русской исторіи; потомки бывшихъ удѣльныхъ князей (княжата), рано или поздно, все равно должны были превратиться

въ подданныхъ государевыхъ, такъ что путь, по которому шелъ Иванъ, самъ по себѣ былъ правильный; но мѣрѣ чисто государственной онъ придалъ смыслъ личной мести и личной ненависти - это противорѣчіе и до сихъ поръ является главнымъ камнемъ преткновенія для уясненія его личности. Человѣкъ и политическій дѣятель слились въ Иванѣ нераздѣльно; характеръ его, вообще сложный, не легко поддается анализу; оцѣнка, которая удовлетворила бы всѣхъ и была признана за окончательную, есть дѣло будущаго; пока приходится довольствоваться сводкою отдѣльныхъ сужденій.

Эти сужденія можно разбить на двѣ категоріи: одни, благопріятныя и неблагопріятныя, пытаются дать полную оцѣнку личности и результатовъ дѣятельности царя Ивана, совершенно не отдѣляя человѣка отъ политическаго дѣятеля; другія направляютъ свой фонарь преимущественно на личность, стараясь выяснить душу, характеръ Ивана Грознаго.

1. Для **Карамзина** (1816) Иванъ — «герой добродѣтели въ юности» и «неистовый кровопійца въ лѣтахъ мужества и старости», второй Калигула и Неронъ.

2. **Погодинъ** (1829 и 1859) тоже видитъ въ немъ «тирана, какому исторія мало представляетъ подобныхъ». Все шло хорошо, пока за царя управляли другіе, Сильвестръ и Адашевъ. Иванъ былъ лишенъ государственнаго ума; онъ не издалъ ни одного значительнаго закона; «нѣтъ ничего, кромѣ казней, пытокъ, опалъ — дѣйствій разъяреннаго гнѣва, взволнованной крови, необузданной страсти; совершенное отсутствіе государственнаго взгляда, благороднаго сознанія, высокихъ цѣлей, при неограниченности эгоизма, которому приносилось въ жертву все».

3. Въ столь же мрачныхъ краскахъ рисуетъ портретъ Ивана Грознаго и **Костомаровъ** (1871): онъ указываетъ на нравственную испорченность царя, на его трусливость передъ опасностью, смѣлость и наглость при увѣренности въ своей безопасности, способность находить наслажденіе въ мучительныхъ казняхъ, настоящую жажду крови, безсердечность, и не видитъ никакихъ руководящихъ цѣлей въ борьбѣ его съ боярствомъ.

4. **Иловайскій** (1890), въ свою очередь, видитъ въ Иванѣ IV «рѣзкій образецъ государя, щедро одареннаго отъ природы умственными силами и обнаружившаго недюжинныя правительственныя способности, но нравственно глубоко испорченнаго, вполнѣ порабощеннаго своимъ страстямъ». Сильную власть, унаслѣдованную отъ предковъ, онъ превратилъ въ орудіе жестокой и нерѣдко безсмысленной тиранніи. Самодержавіе свелось при немъ къ азіатской деспотіи. Онъ подготовилъ Смутное время; ослабилъ влеченіе Литовской Руси къ возсоеди-

ненію съ Московскимъ государствомъ, помогъ дѣлу Люблинской уніи. Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига русское просвѣщеніе начало было подвигаться впередъ — эпоха казней и опричнины совсѣмъ заглушила его. Деспотизмъ и тиранство Ивана были яркимъ отраженіемъ татарщины, которое такъ вредно повліяло на народные нравы, развивая раболѣпіе, а не гражданское чувство.

5. **Ключевскій** (1906) находитъ въ Иванѣ и хорошее и дурное: «умъ бойкій и гибкій, вдумчивый и немного насмѣшливый, настоящій великорусскій, московскій умъ»; признаетъ, что «царь совершилъ или задумывалъ много хорошаго, умнаго, даже великаго», но «рядомъ съ этимъ надѣлалъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Разгромъ Новгорода по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, московскія казни, убійство сына и митрополита Филиппа, безобразія съ опричниками въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ — читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы». Въ противоположность предыдущимъ историкамъ, Ключевскій не отказываетъ Ивану въ положительныхъ заслугахъ передъ государствомъ, но удѣльный вѣсъ этихъ заслугъ считаетъ довольно ничтожнымъ.

«Положительное значеніе царя Ивана въ исторіи нашего государства далеко не такъ велико, какъ можно было бы думать, судя по его замысламъ и начинаніямъ, по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ, сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на современный ему государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она строилась до него и ровнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какія были имъ подготовлены. Важнѣе отрицательное значеніе этого царствованія. Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель, пожалуй, даже бойкій политическій мыслитель; но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практическаго такта, политическаго глазомѣра, чутья дѣйствительности, и успѣшно предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, онъ незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Карамзинъ преувеличилъ очень немного, поставивъ царствованіе Ивана, — одно изъ прекраснѣйшихъ по началу, — по конечнымъ его результатамъ наряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени. Враждѣ и произволу царь жертвовалъ и

собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить своихъ враговъ, на самого себя повалилъ зданіе, на крышѣ коего эти враги сидѣли».

Сужденіе Ключевскаго — связующее звено между отзывами отрицательными и благопріятными.

6. **Соловьевъ** (1847 и 1856) высоко ставитъ Ивана, какъ государя: борьба съ боярствомъ была историческою необходимостью; война съ Ливоніей доказала политическую прозорливость Грознаго. Слабымъ мѣстомъ въ Иванѣ было преобладаніе чувства надъ разсудкомъ. «Это былъ, безспорно, самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ Русская исторія до Петра В., самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностію взгляда, ловкостію въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое противоположное начало, женственное, чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспріимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности».

Зато въ оцѣнкѣ нравственной Соловьевъ не даетъ снисхожденія. Если борьба съ боярами была продолженіемъ дѣла, начатаго еще дѣдомъ и отцомъ, то пріемы, допущенные въ этой борьбѣ, нравственно оправданы быть не могутъ: Иванъ не умѣлъ совладать съ порочными наклонностями своей природы, хуже того — онъ совсѣмъ и не боролся со своими страстями. Онъ сознавалъ свое паденіе, и потому тѣмъ болѣе виноватъ, не пытаясь подняться. Большія дарованія, большая начитанность точно также не оправданіе, а обвиненіе ему.

«Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ ревниво; но онъ не сознавалъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не сознавалъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда; или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы Смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово

оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія», если вспомнить, въ какой обстановкѣ выросъ Грозный: въ юные годы Ивана Шуйскіе съ товарищами сѣяли своекорыстіе, презрѣніе къ общему благу, къ жизни и чести ближняго — какихъ же добрыхъ плодовъ можно было ожидать отъ такого посѣва?!

Такимъ образомъ обвиненія, предъявленныя къ Ивану, какъ къ человѣку, слѣдуетъ прежде всего направить къ современному ему обществу, къ той обстановкѣ, въ какой сложился его характеръ и понятія.

7. Кавелинъ (1847) сближаетъ Ивана IV съ Петромъ Великимъ, и одного этого достаточно, чтобы судить, на какую высокую степень ставитъ онъ Грознаго. «Переходную эпоху нашей исторіи — утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена, — ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторіи, Іоаннъ IV и Петръ Великій: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и начинаетъ другую. Раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ В. глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ В. — какъ человѣкъ, по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у второго воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столь загадочное лицо въ нашей исторіи».

8. **Самаринъ** (1843). Для Самарина въ личности Ивана, какъ и для Кавелина, тоже много трагическаго. «Чудно совмѣщались въ немъ живое сознаніе всѣхъ недостатковъ, пороковъ и порчи того вѣка съ какимъ то безсиліемъ и непостоянствомъ воли. Поэтому его умственное превосходство выражалось отрицательно, разрушеніемъ, ненавистью къ настоящему, ядовитою ироніею и безсмысленнымъ слѣпымъ злодѣйствомъ. Этотъ разладъ съ современною жизнью, его не удовлетворявшею, повторялся въ немъ какъ лицѣ; ибо въ самомъ себѣ Іоаннъ сознавалъ всю темную сторону и ненавидѣлъ, презиралъ себя. Никто изъ современниковъ не понималъ его, никто не страдалъ вмѣстѣ съ нимъ отъ глубокаго неудовлетворенія».

Мысль Самарина можно было бы такъ формулировать: Иванъ Грозный — это первый «Гамлетъ», котораго создала наша русская жизнь.

9. **Ждановъ** (1876). «Характеръ Грознаго сложный, а потому не легко поддающійся анализу. Психическое настроеніе Ивана Васильевича все еще остается загадкой. Въ лицѣ царя Ивана Васильевича мы встрѣчаемся со страннымъ, но любопытнымъ образчикомъ человѣческой природы. Никто не откажетъ Грозному въ умѣ и талантливости, но эта талантливость осталась въ немъ чѣмъ-то неудавшимся, чѣмъ-то неприложимымъ, точно капиталъ, который не умѣли хорошо помѣстить. Онъ много читалъ и, благодаря своей даровитости, много помнилъ изъ прочитаннаго, но это чтеніе было безпорядочно и не давало прочныхъ и полезныхъ знаній. Среди придворныхъ интригъ и переворотовъ, въ сферѣ лести, коварства и борьбы своекорыстныхъ интересовъ люди рано открылись ему съ самыхъ непривлекательныхъ и грязныхъ своихъ сторонъ. Понятно, что онъ не научился цѣнить ихъ. Напротивъ, встрѣчаясь въ окружающемъ либо съ наглымъ застращиваніемъ, либо съ коварнымъ подслуживаніемъ, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что людей можно только бояться и презирать».

Натура одаренная, Иванъ, испытывая чувство пустоты и недовольства, искалъ болѣе разумной и болѣе удовлетворяющей жизни, но все, что «отзывалось напряженіемъ и борьбой, что требовало ряда опытовъ и наблюденій, т. е. все, что составляетъ существеннѣйшую часть всякой человѣческой дѣятельности, онъ склоненъ былъ предоставлять другимъ. Съ теченіемъ времени онъ убѣждался, что весь запасъ его энергіи потраченъ былъ только на то, чтобъ отказаться отъ иниціативы дѣла и занять какую-то второстепенную, хотя и почетную роль. А онъ искалъ не того: онъ искалъ роли передового, заправляющаго дѣятеля». Такое положеніе его не удовлетворяло; желая отдѣлаться отъ постороннихъ вліяній, онъ брался самъ за дѣло, но «только открывалъ путь новымъ вліяніямъ, создавалъ

новыя могущества. Это мучило и раздражало его. Но онъ не винилъ себя. Напротивъ, онъ тѣмъ скорѣе подставлялъ подъ это недовольство другихъ, чѣмъ больше отучался цѣнить людей, чѣмъ чаще слышалъ доносы и обвиненія, которыми окружающіе его чернили одинъ другого. Нужно, впрочемъ, прибавить, что какъ ни росла мнительность Ивана въ отношеніи къ людямъ, ея зерно, ея глубочайшая причина — недовольство собою — не умирало; оно ясно сказывалось въ той раздражительности, которую постоянно выказывалъ Иванъ. Лишь только случалось ему заговорить о чемъ-нибудь, касавшемся его царственной роли, его самодержавія (принципы котораго онъ постоянно смѣшивалъ съ своимъ личнымъ житейскимъ опытомъ), какъ онъ тотчасъ начиналъ горячиться, какъ будто съ кѣмъ-то спорилъ, въ чемъ-то оправдывался».

XV. Памятники духовной культуры. 1533—1584.

1. Четьи-Минеи, собранныя митр. Макаріемъ.

2. Житія святыхъ, составленныя по иниціативѣ митр. Макарія:

а) преподобныхъ Михаила Клопскаго, Александра Свирскаго, Іосифа Волоцкаго, Павла Обнорскаго, Макарія Калязинскаго, Саввы Сторожевскаго, Нифонта Новгородскаго и др.;

б) митрополитовъ московскихъ: Алексія, Іоны;

в) русскихъ князей и княгинь: Ольги, Владиміра Св., Александра Невскаго, князя Петра и супруги его Февроніи; также «Повѣсть» о св. мучч. Борисѣ и Глѣбѣ.

3. Степенная Книга — первый опытъ методическаго изложенія русской исторіи, по отдѣламъ, въ нисходящемъ порядкѣ княженій. Это первая свѣтская біографія русскихъ государственныхъ дѣятелей. Лѣтопись по названію, она, по существу, есть настоящая исторія Россіи, съ опредѣленнымъ взглядомъ и даже, нерѣдко, съ тенденціозной оцѣнкой. Чрезъ всю «Книгу» красною нитью проходитъ мысль о высокомъ значеніи царской власти и о единствѣ интересовъ Русскаго государства и Русской церкви. Изд.: Москва. 1775.

4. Лѣтописи — продолженіе и обработка прежнихъ лѣтописныхъ сводовъ, въ томъ числѣ т. наз. Царственная Книга, съ рисунками (не раскрашенными), описаніе первыхъ 20 лѣтъ правленія Ивана Грознаго, 1533—1553 гг. (Москва. Синод. Библ.)

5. Царственный Лѣтописецъ — въ 10 томахъ; тт. 1—3: Всеобщая исторія (Библейская, Римская, Византійская); тт. 4—10: Русская исторія, отъ начала до 1567 г. Томъ четвертый (Русская исторія отъ начала до 1114 г.) утерянъ. О грандіоз-

ности плана см. выше, «Общая характеристика царствованія Ивана Гр.». Миніатюры знакомятъ съ бытомъ русскаго народа, съ обстановкой, въ какой онъ жилъ (хранится отдѣльными томами въ разныхъ библіотекахъ и музеяхъ: Историч. Музей; Синодал. Библ. — въ Москвѣ; Академія Наукъ, Публ. Библ. — въ Петербургѣ).

6. Житіе Нифонта Новгородскаго, съ миніатюрами 1550-хъ гг. (Истор. Музей).

7. Житіе Николая Чудотв., съ миніатюрами — одно «изъ самыхъ интересныхъ въ художественномъ отношеніи» (Султановъ) (Румянц. Музей).

8. Житіе преп. Сергія Радонежскаго, съ миніатюрами, цѣнными по своему реализму и живому воспроизведенію русскаго быта русскихъ людей послѣдней четверти XVI в. (Троицкая Лавра). Изд.: М. 1853.

9. Иконописный Подлинникъ — сводъ обязательныхъ правилъ при написаніи иконъ; составленъ по постановленію Стоглаваго собора. Окончательная обработка его однако относится къ началу XVIII ст.

10. Государевъ Родословецъ — своего рода списокъ придворныхъ чиновъ; цѣлью его было показать, сколько потомковъ царственныхъ фамилій (царей татарскихъ), владѣтельныхъ князей (удѣльныхъ) и знатныхъ иностранныхъ родовъ (выходцевъ изъ-за границы) служитъ русскому государю; составленъ около 1555 г.

11. Сводная Разрядная Книга — въ ней записаны службы членовъ родовитыхъ фамилій при московскомъ дворѣ.

12. Домострой Сильвестра.

13. «Исторія о Казанскомъ царствѣ», составлена въ 1560-хъ гг., по взятіи Казани царемъ Иваномъ. Эту книгу въ старое время можно было найти почти въ каждой библіотекѣ; она съ интересомъ читалась въ разныхъ классахъ общества. Изд.: Казань. 1791.

14. «Исторія князя великаго московскаго», соч. кн. Андрея Курбскаго: исторія жизни и правленія Ивана Грознаго, съ 1534 г.

15. Сочиненія Ивана Пересвѣтова, выходца изъ Литвы, публицистическаго содержанія, 1547—1549 гг. (двѣ Челобитныя; три Сказанія: о царѣ Константинѣ, о Магметѣ-Салтанѣ, о Книгахъ; Предсказанія философовъ и докторовъ). Изд.: М. 1908.

16. «Бесѣда препп. Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ» — анонимный памфлетъ (раньше приписывался старцу Вассіану Косому) на іосифлянъ, въ защиту нестяжательности монастырей; отголосокъ мыслей, исходившихъ изъ

круга т. наз. заволжскихъ старцевъ (Нила Сорскаго, Вассіана Патрикѣева, Максима Грека); ок. 1554 г. Изд.: Спб. 1890.

17. Переписка царя Ивана Грознаго съ кн. Андр. Курбскимъ.

18. «Апостолъ», т. е. Дѣянія апостоловъ и соборныя посланія съ посланіями ап. Павла — первая книга, напечатанная въ Московскомъ государствѣ, въ Москвѣ, 1564 г. Печатали ее дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ. Приложенное къ книгѣ изображеніе евангелиста Луки есть первая приготовленная въ Россіи гравюра на деревѣ.

19. Острожская Библія 1580 г. (выпущена въ 1581 г.), напечатана тѣмъ же Иваномъ Ѳедоровымъ въ Острогѣ. Обилуетъ неправильностями, неточностями, ошибками; при всемъ томъ появленіе ея было величайшимъ благомъ для православной церкви: это была первая полная библія, печатная, на славянскомъ языкѣ.

---

20. Гравюра, на раскрашенныхъ листахъ, съ изображеніемъ посольства князя Сугорскаго и дьяка Арцыбашева, снаряженнаго Иваномъ Грознымъ въ 1578 г. къ имп. Рудольфу II: сцена богослуженія; процессія, несущая царскіе дары; одежды посольскихъ людей (Висбаденскій Музей: полностью всѣ 4 доски; Спб. Публ. Библ.: неполный снимокъ).

21. Церковь Покрова Пресв. Богородицы, иначе: Василій Блаженный, въ Москвѣ, въ память завоеванія Казани; строилась въ 1555—1559 гг. (см. выше, пар. 5-й, «Завоеваніе Казани»).

22. Царскія Врата въ ц. Іоанна Богослова, на Ишнѣ, въ окрестностяхъ Ростова, деревянныя, покрытыя золотомъ, работа инока Исаіи, 1562 г. (самая церковь построена въ 1687 г., врата перенесены сюда изъ другой церкви). Причудливая, искусно выполненная рѣзьба; богатая узорная фантазія, подъ сильнымъ вліяніемъ восточныхъ, преимущественно персидскихъ, мотивовъ. Чудный рисунокъ переноситъ зрителя въ Тегеранъ, Каиръ, въ Альямбру.

Художественное шитье, т. е. художественно расшитыя шелками, шерстью или бумагой плащаницы, пелены, платы. Такое шитье достигаетъ въ эту пору высокой степени искусства, по гармоническому сочетанію цвѣтовъ, по глубинѣ чувства, отражающагося на идеально-прекрасныхъ ликахъ, по силѣ драматизма, по умѣнью передать божественность содержанія. Образцы остаются прежніе — византійскіе, но болѣе чѣмъ когда въ національной переработкѣ. Позже, въ

XVII ст., характеръ шитья измѣнится: драгоцѣнность матеріала, замѣна шелка золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, — эта тяжелая роскошь, орнаментомъ и богатствомъ, убьетъ композицію и духовное содержаніе.

23. Плащаница, вкладъ Евфросиніи Старицкой, жены кн. Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Ивана Грознаго, 1555 г. Великолѣпно переданы трагическія минуты, переживаемыя Божіей Матерью и соприсутствующими ей. «Въ стремительномъ припаданіи ко Христу чувствуется испугъ и отчаяніе, выраженные съ такой силой дѣйствительности, которая до того была совершенно чужда русскому древнему искусству. Въ твердо очерченномъ ликѣ Христа, въ суровомъ обрамленіи Его волосъ и въ остропрочувствованномъ обрѣзѣ Его тяжелыхъ вѣкъ художникъ съ удивительной силой съумѣлъ передать вѣяніе смерти; дѣлается понятной та безудержная скорбь, которая искажаетъ лица святыхъ женъ и заставляетъ Марію Магдалину рвать на себѣ волосы» (Щекотовъ).

24. Шитая пелена съ изображеніемъ св. мученицы Ирины, XVI в., замѣчательна по тонкости работы (Кирилло-Бѣлозер. м-рь).

В. СМУТНОЕ ВРЕМЯ. 1584—1613.

I. Подготовительный періодъ.

1. **Царь Өедоръ.** Молодой царь Өедоръ, наслѣдовавшій Ивану Грозному, былъ человѣкъ неспособный къ управленію государствомъ. Обиженный природою, по уму — тихій дурачекъ, глуповато улыбавшійся, съ кроткой душею, никому въ жизни не причинившій намѣренно зла, но неспособный творить и настоящее добро, онъ походилъ на блаженненькаго, которому свойственнѣе было, какъ онъ и дѣлалъ, заниматься богомольемъ, одѣлять милостынею нищихъ да проводить время со странниками и юродивыми, чѣмъ стоять во главѣ обширнаго государства, къ тому же сильно утомленнаго недавними тяжелыми войнами, расшатаннаго и разореннаго 20-тилѣтнимъ произволомъ Грознаго царя и его приспѣшниковъ. Любимымъ занятіемъ Өедора было: забраться на церковную колокольню и звонить тамъ въ колокола, — его еще отецъ называлъ за это «пономаремъ». Любилъ Өедоръ кулачные бои, возню своихъ шутовъ; потѣшала его и другая забава, обычная въ то грубое время: какъ человѣкъ съ рогатиной въ рукахъ вступалъ въ единоборство съ медвѣдемъ. Всѣмъ было ясно, что править государствомъ долженъ кто-нибудь другой.

2. **Боярство.** Наиболѣе видными изъ бояръ въ то время были: Бѣльскій, Милославскіе, отецъ съ сыномъ; Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ, Шуйскіе, Нагіе — эти послѣдніе родня седьмой жены Грознаго, Маріи Нагой, матери царевича Димитрія, и Борисъ Годуновъ, братъ жены скудоумнаго царя. Въ борьбѣ за власть побѣдилъ Годуновъ, самый умный и способный изъ нихъ. Мстиславскій-отецъ былъ сосланъ и постриженъ въ монахи; старшіе изъ Шуйскихъ тоже подверглись опалѣ и сосланы; съ Никитой Романовичемъ, братомъ Анастасіи, первой жены Грознаго, Годуновъ дружилъ и умѣло использовалъ эту дружбу; но тотъ вскорѣ умеръ, и едва ли смерть друга не была даже на руку Годунову: она съуживала кругъ лицъ, съ которыми ему необходимо было считаться.

3. **Б. Годуновъ.** Потомокъ татарскаго мурзы Чета, выходца изъ Орды во времена Ивана Калиты, Годуновъ выдвинулся еще при Грозномъ. Хотя въ спискахъ опричнины онъ не числился, но къ ней стоялъ близко; репутація его осталась не замаранной, а все же связь съ отвратительнымъ прошлымъ не обошлась ему даромъ и провела рѣзкую грань между нимъ и старыми княжатами: въ ихъ глазахъ Годуновъ былъ дерзкимъ выскочкой, осмѣлившимся перебивать имъ дорогу, чего они не могли простить ему; къ злобѣ примѣшивалось и чувство презрѣнія.

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ —

такъ опредѣляетъ его одинъ изъ Шуйскихъ въ Пушкинскомъ «Борисѣ Годуновѣ».

4. **Правительственная дѣятельность Годунова.** Хотя школа, пройденная при дворѣ Грознаго, и пріучила Годунова не особенно стѣсняться въ средствахъ, однако онъ хорошо понималъ, что далеко не все простится ему, что прощалось и сносилось отъ царя Ивана, прирожденнаго государя «Божіею милостію». Человѣкъ съ недюжинными талантами и широкимъ умомъ, мудрый правитель, умѣвшій цѣнить образованіе, хотя самъ и мало начитанный, Годуновъ ввелъ порядокъ въ управленіе и положилъ конецъ безчиніямъ, творившимся въ предыдущее царствованіе. А въ то же время дѣло Грознаго тамъ, гдѣ оно отвѣчало дѣйствительнымъ потребностямъ и пользѣ государства, продолжалось неукоснительно.

Особенно важно было у ч р е ж д е н і е п а т р і а р ш е с т в а (1589). То, что въ свое время сдѣлалъ Иванъ IV для свѣтской власти, принявъ титулъ царя, достигнуто было теперь для власти духовной возведеніемъ московскаго митрополита въ санъ патріарха. Духовный глава Русской церкви повышался въ той же мѣрѣ, какъ свѣтскій глава Русской земли. Теперь

Московское государство не только политически, но и церковно поднялось на степень независимой, Богомъ хранимой державы. Флорентійская унія и завоеваніе Константинополя турками, заронивъ въ умѣ русскаго человѣка мысль о томъ, что въ христіанскомъ мірѣ остался одинъ только истинный православный государь — государь московскій, дали пищу и другой мысли — что Русская церковь, съумѣвъ уберечь истинное благочестіе, имѣетъ право выйти изъ положенія младшей и подчиненной. Такимъ образомъ, питаясь изъ одного источника, царство и патріаршество дружно и совмѣстно служили для укрѣпленія русскаго самодержавія и русской государственности.

Продолжателемъ дѣлъ царя Ивана Васильевича явился Годуновъ и въ сношеніяхъ съ иноземными государствами: онъ съ честью поддерживалъ достоинство русскаго имени, и въ этой области достигъ даже бо̀льшаго, чѣмъ самъ Грозный, столь чуткій и заботливый ко всему, что связано было съ внѣшнимъ положеніемъ и блескомъ царскаго сана. Счастливая война съ Швеціей вернула Россіи города, потерянные въ прежнее царствованіе, и русская государственная граница на западѣ вновь подошла непосредственно къ морю (на Финскомъ заливѣ); построеніе города Тобольска при впаденіи Тобола въ Иртышъ, окончательно утвердило русскую власть въ бывшемъ царствѣ Сибирскомъ, а постройка другого города, Томска, привела въ самую глубь Сибири, за Обь. Надлежало охранить важный торговый путь по Волгѣ, и въ этихъ видахъ восточная граница продвинута до Средняго Урала: въ самомъ сердцѣ Башкирскаго края построили городъ Уфу, укрѣпились также на р. Яикѣ. Много было сдѣлано и для обороны южныхъ областей отъ крымскихъ набѣговъ: засѣчную линію значительно выдвинули впередъ, далеко за Курскъ и Воронежъ; это было одновременно и расширеніемъ государственной границы, и охраной земледѣльческой, населенной полосы. Наконецъ, мѣры, направленныя къ прикрѣпленію крестьянъ, при всей ихъ непопулярности среди крестьянства, были, въ тогдашнихъ условіяхъ, необходимы: иначе мелкій служилый классъ не въ состояніи былъ бы нести бремя военной службы, и государственная казна пострадала бы въ сборѣ податей съ тяглаго населенія.

Все это было немаловажной заслугою Годунова. Успѣхи извнѣ, успокоеніе внутри государства, несомнѣнно, укрѣпляли его положеніе; въ оффиціальныхъ бумагахъ и въ оффиціальныхъ рѣчахъ его величали: «правитель», «слуга» (почетное званіе, введенное со временъ Грознаго), «конюшій бояринъ», «дворовый воевода», «содержатель (т. е. намѣстникъ) великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго»; иноземные послы льстили ему, величая «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ», «пресвѣтлымъ величествомъ». При всемъ томъ положеніе

Годунова оставалось шаткимъ и двусмысленнымъ. При хиломъ здоровьи царя Ѳедора и его бездѣтности естественно было задуматься: кто будетъ его преемникомъ? А этотъ вопросъ поднималъ и другой: какъ отразится на судьбѣ Годунова предстоящая перемѣна на престолѣ?

II. Боярская смута.

1. Смерть царевича Димитрія. Не упрочилось положеніе Годунова и со смертью царевича Димитрія (15 мая 1591 г.), — скорѣе наоборотъ. Правда, путь къ престолу расчищался, реальныя препятствія исчезали, зато выростали препятствія моральнаго свойства, которыя позже, въ концѣ концовъ, и погубили Годунова. Въ народѣ сейчасъ же по смерти Димитрія заговорили, что царевичъ убитъ (зарѣзанъ) по наущенію всемогущаго правителя; молва росла, и нашлись люди, охотно ее раздувавшіе. Это были прежде всего личные враги Годунова: тѣ бояре, которыхъ онъ оттѣснилъ отъ власти или которые опасались за свою судьбу, не ждали себѣ отъ него ничего добраго.

И понынѣ обстоятельства смерти царевича Димитрія остаются загадочными, и нельзя съ надлежащею точностью и увѣренностью сказать, какъ, отчего умеръ Димитрій, кто былъ виновникомъ его смерти. Иные отрицаютъ даже самый фактъ убійства, полагая, что царевича удалось спасти, и считаютъ Лжедимитрія I за истиннаго сына царя Ивана Васильевича.

2. Обвиненіе Годунова. Трудно сказать, повиненъ ли Годуновъ въ смерти 8-лѣтняго мальчика. При всемъ честолюбіи, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понять, что сохранить преступленіе въ тайнѣ будетъ невозможно, а разъ тайна открыта, доказанное преступленіе навредитъ ему больше, чѣмъ еслибъ царевичъ остался въ живыхъ. Но тотъ же умъ, или, еще болѣе, жизненный опытъ долженъ былъ подсказать ему и другое: что, умри Ѳедоръ и воцарись Димитрій, Нагіе не задумаются расправиться съ нимъ такъ же, какъ онъ расправился съ Мстиславскими или Шуйскими, и что его ждетъ въ такомъ случаѣ или петля на шею въ уединеніи тюремныхъ стѣнъ, или долгіе годы заточенія въ глухомъ, холодномъ углу, и въ лучшемъ развѣ случаѣ монашескій клобукъ. По инстинкту самосохраненія ему естественно было желать — только желать! — смерти царевича, и если неосторожная фраза выдала его затаенную мысль, то въ прихлебателяхъ и людяхъ готовыхъ подслужиться недостатка у Годунова быть не могло. Но выдалъ ли онъ свою тайну, онъ, такой осторожный, такой разсудительный?...

Что бы тамъ ни произошло, но смерть царевича принесла Годунову больше зла, чѣмъ пользы; на немъ легло пятно «убійцы», и чѣмъ рискованнѣе было утверждать это вслухъ, чѣмъ тяжелѣе каралъ «убійца» за неосторожныя рѣчи, тѣмъ сильнѣе вкоренялось убѣжденіе, что онъ есть, дѣйствительно, главный виновникъ злого дѣла.

Русская исторія знаетъ другой случай, сходный по нѣкоторымъ чертамъ своимъ. Императоръ Петръ III, по низложеніи, былъ перевезенъ въ село Ропшу и тамъ вскорѣ убитъ. Убилъ его Алексѣй Орловъ, одинъ изъ главныхъ пособниковъ императрицы Екатерины II при возведеніи ея на престолъ. Однако общественная молва считала императрицу сильно замѣшанною въ этомъ убійствѣ; всѣмъ казалось «яснымъ» и «естественнымъ», что она постарается возможно скорѣе развязаться съ ненавистнымъ мужемъ и предотвратить возможность новой смуты, которая могла бы кончиться ея собственнымъ низложеніемъ и новымъ воцареніемъ Петра. Даже сынъ императрицы, цесаревичъ Павелъ, оставался долгое время въ убѣжденіи, что Орловымъ управляла рука его матери. Правда раскрылась передъ нимъ только 34 года спустя, когда, воцарившись, онъ нашелъ въ бумагахъ Екатерины записку Орлова, въ которой тотъ, донося о смерти Петра, винился передъ нею въ содѣянномъ преступленіи.

«Зять палача» для однихъ, «убійца» — для другихъ, Годуновъ остался такимъ и послѣ своего воцаренія (1598). Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы законно обставить свое вступленіе на престолъ: не сразу далъ согласіе, дождался, пока соберется земскій соборъ и выберетъ его всенародно. Не помогла однако и законность избранія. Слухи о томъ, что царевичъ Димитрій живъ, возникли уже на третій годъ царствованія Бориса, а въ концѣ 1603 года въ Польшѣ объявился и самъ онъ.

3. **Личность Лжедимитрія I.** Кто былъ этотъ Названый Димитрій? Кто внушилъ ему мысль, что онъ есть истинный царевичъ, или кто подговорилъ его назваться именемъ царевича, остается и донынѣ неразрѣшенной загадкой. Всего вѣроятнѣе былъ онъ ставленникъ бояръ. Кто другой съумѣлъ бы такъ хорошо подготовить его къ будущей трудной роли? Княжата и старые родовитые бояре, какъ ни громилъ ихъ царь Иванъ, какъ мало ни осталось ихъ, не могли забыть прежняго своего привилегированнаго положенія, тѣмъ менѣе согласились бы поступиться имъ въ пользу человѣка съ такимъ незавиднымъ прошлымъ, какъ Борисъ. Имъ необходимо было найти орудіе, чтобы свалить новаго царя, и они его создали.

Но былъ ли ихъ ставленникъ только Лже-Димитрій или, кромѣ того, еще и Самозванецъ? Обманывался ли онъ самъ, вѣря въ свое происхожденіе отъ Ивана Грознаго (Лжедимитрій), или онъ завѣдомо надѣлъ на себя личину (Самозванецъ)? На

этотъ вопросъ тоже нельзя дать отвѣта, который бы исключалъ возможность другихъ. Большинство склоняются къ послѣднему мнѣнію и потому называютъ Лжедимитрія Самозванцемъ; но едва ли не правильнѣе видѣть въ немъ не обманщика, а обманутаго.

4. **Лжедимитрій I — не самозванецъ.** Невѣроятно, чтобы тотъ, кого называли Димитріемъ, былъ сознательнымъ обманщикомъ. Нельзя носить личину долгіе годы и ни разу не выдать себя. Что Лжедимитрій вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, это доказываютъ его поступки, проникнутые искренностью и смѣлостью, немыслимыми для обманщика. Если онъ обманщикъ, то какимъ хитроумнымъ, изворотливымъ Одиссеемъ пришлось бы признать его! Какое, значитъ, проявилъ онъ самообладаніе, обдуманность, предусмотрительность въ своихъ дѣйствіяхъ! Какъ, значитъ, умѣлъ взвѣшивать каждый свой шагъ! Какой холодный расчетъ и ловкіе пріемы! Какой, значитъ, талантъ первокласснаго актера проявилъ онъ, играя, цѣлые годы — и такъ безукоризненно! — свою роль, на виду цѣлаго свѣта, въ ежеминутномъ сознаніи, что это именно только роль, что малѣйшая неправильность въ ея исполненіи будетъ стоить ему жизни!

Гдѣ всему этому могъ научиться Лжедимитрій при простотѣ тогдашняго быта? А онъ былъ великоруссъ по рожденію, москвичъ по воспитанію. Триста лѣтъ назадъ русская жизнь была значительно проще нынѣшней и не выработала ни такихъ условій, ни средствъ, которыя научили бы, какъ разыгрывать роль самозванца. Если самозванцы появлялись, то именно какъ самозванцы, вродѣ Тушинскаго вора, и такимъ обманъ удавался, лишь пока они вели дѣло заглазно, пока ихъ не видѣли воочію, пока масса народная знала о нихъ только по слухамъ, вѣря имъ прежде всего потому что хотѣла вѣрить; тѣ же, кто сталкивался съ этими самозванцами лицомъ къ лицу, кто вмѣстѣ съ ними жилъ и работалъ, — окружающіе ихъ — тѣ никогда не считали ихъ за истинныхъ носителей царскаго имени и заодно съ ними завѣдомо обманывали другихъ.

Между тѣмъ Лжедимитрій I вездѣ на людяхъ, и вездѣ дѣйствуетъ открыто: въ домѣ Вишневецкихъ, въ домѣ Юрія Мнишка, при дворѣ польскаго короля, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ боярской думѣ, на площади передъ народомъ, среди войска. Онъ легкомысленъ, не уважаетъ русскихъ обычаевъ, часто поступаетъ крайне неосторожно, позволяетъ увлеченію взять верхъ надъ благоразуміемъ; но именно эта самая неосторожность и свидѣтельствуетъ въ пользу его искренности. Обманщикъ поостерегся бы нарушать заведенный порядокъ, ѣсть телятину въ Великій постъ, не ходить въ положенные дни въ баню, одѣваться въ польскій кунтушъ, мирволить полякамъ,

католикамъ; особенно сдержанъ былъ бы онъ въ сужденіяхъ о порядкахъ церковныхъ, не выставлялъ бы наружу своей нелюбви къ монахамъ. Обманщикъ взвѣсилъ бы предварительно каждое свое слово, слѣдилъ бы за каждымъ своимъ шагомъ; но Лжедимитрій, въ глазахъ своихъ, былъ законный царь, истинный отпрыскъ царскаго дома, и въ силу этого считалъ все для себя дозволеннымъ. Не та же ли увѣренность въ своемъ правѣ позволитъ позже и Петру Великому игнорировать общественное мнѣніе, пойти на перекоръ сложившимся обычаямъ?

Но Лжедимитрій не только легкомысленъ; у него также и доброе сердце: онъ великодушно прощаетъ Шуйскаго, спасаетъ его отъ плахи, возвращаетъ ему прежнее положеніе. Обманщикъ побоялся бы оставить въ покоѣ человѣка, который покушался низвергнуть его и, можетъ быть, лучше, чѣмъ кто другой, зналъ всю подноготную дѣла въ Угличѣ.

Другой вопросъ — остался ли Лжедимитрій до конца убѣжденнымъ въ своемъ царскомъ происхожденіи? Возможно, что, чѣмъ ближе подходило время кровавой развязки, ужасная истина стала вскрываться предъ нимъ; но отступать тогда было уже поздно, — всякое отступленіе неизбѣжно вело бы на вѣрную гибель.

Два самыхъ авторитетныхъ нашихъ историка, Соловьевъ и Ключевскій, тоже склоняются въ пользу признанія Лжедимитрія не самозванцемъ. Вотъ что говорятъ они:

Соловьевъ. «Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что̀ и доказываютъ намъ характеры послѣдующихъ самозванцевъ. Что̀ же до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося, но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ; ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до неосторожности, эту открытость и свободу въ поведеніи? чѣмъ объяснить мысль отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты жизни это обращеніе къ матери? на вопросъ разъяренной толпы — точно ли онъ самозванецъ? Димитрій отвѣчалъ: «спросите у матери!» — «Почему, говорятъ, Разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?» Возможность такихъ вопросовъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедимитрій не былъ сознательный обманщикъ. Если бы

онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасенія и похожденій? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объяснить? могущественные люди, его подставлявшіе, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ; по имени онъ упоминалъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ».

Ключевскій. «Своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ широкую и сильную привязанность въ народѣ, хотя въ Москвѣ кое-кто подозрѣвалъ и открыто обличалъ его въ самозванствѣ. Лучшій и преданнѣйшій его слуга П. Ѳ. Басмановъ подъ рукой признавался иностранцамъ, что царь — не сынъ Ивана Грознаго, но его признаютъ царемъ потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшаго царя теперь и не найти. Но самъ Лжедимитрій смотрѣлъ на себя совсѣмъ иначе: онъ держался какъ законный, природный царь, вполнѣ увѣренный въ своемъ царственномъ происхожденіи; никто изъ близко знавшихъ его людей не подмѣтилъ на его лицѣ ни малѣйшей морщины сомнѣнія въ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и вся земля смотритъ на него точно такъ же. Дѣло о князьяхъ Шуйскихъ, распространявшихъ слухи о его самозванствѣ, свое личное дѣло, онъ отдалъ на судъ всей земли и для того созвалъ земскій соборъ. Смертный приговоръ, произнесенный этимъ соборомъ, Лжедимитрій замѣнилъ ссылкой, но скоро вернулъ ссыльныхъ и возвратилъ имъ боярство. Царь, сознававшій себя обманщикомъ, укравшимъ власть, едва ли поступилъ бы такъ рискованно и довѣрчиво, а Борисъ Годуновъ въ подобномъ случаѣ, навѣрное, раздѣлался бы съ попавшимися келейно въ застѣнкѣ, а потомъ переморилъ бы ихъ по тюрьмамъ».

III. Революціонное движеніе.

1. **Движеніе общественныхъ низовъ.** Съ воцареніемъ Василія Шуйскаго (1606) въ исторіи Смуты наступаетъ рѣзкій переломъ. Раньше Смуту создавали и поддерживали главнымъ образомъ бояре; теперь въ нее вовлечены болѣе широкіе круги — средніе и низшіе классы общества. Начало броженію этихъ классовъ было положено на южной окраинѣ Московскаго государства, гдѣ накопилось особенно много горючаго матеріала и гдѣ довольно было простой случайности, чтобы онъ воспламенился и охватилъ пожаромъ всю Русскую землю.

Мы видѣли, какъ въ періодъ собиранія Московской Руси, постепеннаго ея усиленія и высвобожденія изъ-подъ татарской неволи, всѣ классы общества дружно работали вмѣстѣ со своими

князьями: и бояре, и духовенство, и земщина; общая цѣль сплачивала ихъ всѣхъ въ одну дружную семью; каждый вносилъ отъ себя, по мѣрѣ силъ и способностей, что могъ, на общее дѣло строенія родной земли. Превращеніе вотчиннаго князя въ государя дало первую трещину въ этомъ стройномъ союзѣ; бояръ, доселѣ свободныхъ и независимыхъ, перевели на положеніе подневольныхъ слугъ, подданныхъ своего государя; бояре оказали сопротивленіе; при Грозномъ разладъ выросъ въ открытую борьбу, особенно обострившуюся тѣмъ, что въ нее оказались замѣшанными бояре титулованные (княжата), болѣзненнѣе, чѣмъ кто другой, ощущавшіе насильственную смѣну старыхъ порядковъ новыми.

Но время Грознаго, вообще такое напряженное, породило и другую, еще болѣе опасную трещину. Продолжительныя войны на Востокѣ и на Западѣ обходились дорого государству; нужды военныя и бѣдность государственной казны еще со временъ Ивана III породили помѣстную систему, которая при Грозномъ получила наиболѣе полное развитіе. Возникъ многочисленный классъ помѣщиковъ, которыхъ надѣляли помѣстьями изъ т. наз. «черныхъ» (т. е. государственныхъ) земель; къ общей тяготѣ привлечены были и земли частныхъ владѣльцевъ (вотчинныя), также земли удѣльныя, по мѣрѣ присоединенія удѣловъ. Не смѣли трогать лишь монастырскихъ земель: ихъ считали Божьимъ достояніемъ, и потому неприкосновенными; казалось грѣхомъ брать съ нихъ на нужды мірскія. Тѣ же потребности военныя вызвали устройство засѣчныхъ линій и укрѣпленныхъ пунктовъ (городовъ), съ населеніемъ изъ т. наз. городовыхъ казаковъ.

Все это были новыя повинности, которыхъ раньше не знали. Всего тяжелѣе ложились онѣ на сельское населеніе: невысокій уровень благосостоянія страны, слабое развитіе промышленности и торговаго обмѣна, слабая связь областныхъ органовъ управленія съ центральными неизбѣжно вели къ юридическому и экономическому закрѣпощенію крестьянъ: съ одной стороны правительство принимало всѣ мѣры, чтобы обезпечить: себѣ плательщиковъ податей, а помѣщику и вотчиннику — наличность рабочихъ рукъ и матеріалъ для поставки рекрутъ, а съ другой — крестьянинъ обыкновенно садился на чужую землю безъ наличныхъ средствъ, вступалъ въ долговыя обязательства, чаще всего превышавшія его платежныя силы, и въ силу уже одного этого изъ свободнаго человѣка переходилъ на положеніе кабальнаго, холопа, т. е. фактически прикрѣплялся къ землѣ, терялъ право покинуть ее по своему усмотрѣнію.

Хотя помѣстье въ извѣстной степени прикрѣпляло къ землѣ также и помѣщика, но послѣдній оставался на ней всегда хозяиномъ, крестьянинъ же сидѣлъ тамъ подневольнымъ работ-

никомъ. Это соціальное неравенство становилось все чувствительнѣе, чѣмъ дальше шла экономическая разруха. Къ тому же два голодныхъ года (1601—1602) разорили массу хозяйственныхъ гнѣздъ и выкинули «на улицу» тысячи бездомныхъ и безработныхъ. Будучи не въ силахъ прокормить своихъ холоповъ, многіе господа въ ту пору покидали ихъ на произволъ судьбы; тѣ разбѣгались и поневолѣ жили воровствомъ и грабежами. Развилось бродяжество, а съ нимъ и преступленія; спасаясь отъ наказанія, люди бѣжали на окраины — тамъ легче было укрыться отъ карающей руки. Вообще такихъ выбитыхъ изъ колеи людей, которые не сидѣли спокойно, на мѣстѣ, а бродили въ поискахъ лучшаго, казаковали, жили изо дня въ день, накопилось довольно въ началѣ XVII столѣтія.

Но бѣгство на окраину, облегчая положеніе бѣжавшихъ, пагубно отражалось на положеніи оставшихся. Размѣръ повинностей, лежавшихъ на деревенской общинѣ, на мірѣ, опредѣлялся количествомъ пахатной земли, и теперь, съ уходомъ рабочихъ рукъ, раскладка падала на меньшее число лицъ — положеніе оставшихся поэтому становилось еще затруднительнѣе, ихъ желаніе уклониться отъ повинностей еще сильнѣе. Такимъ образомъ, чѣмъ больше увеличивалось на окраинахъ число недовольныхъ, тѣмъ болѣе, экономически, хирѣли центральныя области.

Въ существующемъ государственномъ и общественномъ строѣ крестьянинъ и холопъ видѣли теперь враждебную, темную силу, лишившую ихъ прежней свободы. Свою ненависть къ этому строю они перенесли на всѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, находился въ лучшемъ положеніи, — на служилыхъ людей, на посадскихъ, на зажиточный торговый классъ, не говоря уже про богатыхъ и власть имущихъ.

Между тѣмъ жажда еще не забытой свободы, желаніе избавиться отъ экономической тяготы нашли свой выходъ, благодаря тѣмъ же самымъ войнамъ, которыя такимъ тяжелымъ бременемъ легли на населеніе: съ завоеваніемъ Казани, открылась восточная граница, свободный доступъ въ черноземный Приволжскій край; на югѣ тоже открылись свободныя земли за Окою. Ока перестала теперь, какъ раньше, быть берегомъ, гранью, за которою для русскаго человѣка начиналось безбрежное степное море, чужое и опасное: къ концу XVI ст. онъ уже перешагнулъ этотъ барьеръ и дошелъ до Сѣвернаго Донца, до верховьевъ Сейма и, отвоевавъ широкую полосу земли, открылъ путь и сюда.

Еще при Грозномъ въ города Сѣверской Украйны само правительство выселяло, въ наказаніе, всякаго рода лихихъ людей, крамольниковъ, на положеніи казаковъ и стрѣльцовъ. Помѣстная система нашла и здѣсь свое примѣненіе; но слу-

жилые люди были тутъ мелкопомѣстные, и служба ихъ была не изъ легкихъ. Кромѣ того на Волгѣ и на Дону къ тому времени успѣло образоваться вольное казачество — оно охотно принимало въ свою среду любого, кто, подобно ему, разорвалъ связи со старымъ укладомъ жизни.

Вообще и на югъ, и на Волгу шло много всякаго народа: кто по своей волѣ, убѣгая, скрываясь: холопы, крестьяне, обѣднѣвшіе посадскіе люди, преступники; кого посылало само правительство для заселенія и охраны границъ. Большинство этой разнородной массы жило безъ увѣренности, какъ она встрѣтитъ завтрашній день, и нуженъ былъ лишь внѣшній толчокъ, чтобъ сплотить ее и дать выходъ накопившемуся недовольству и злобѣ противъ «лучшихъ» людей.

2. **Болотниковъ и Сунбуловъ-Ляпуновъ.** Такой толчокъ дала смѣна на престолѣ. Убійство Лжедимитрія I и воцареніе Шуйскаго (17 мая 1606 г.) не предвѣщали ничего добраго ни общественнымъ низамъ, ни среднему служилому классу, мелкопомѣстному дворянству: для тѣхъ и другихъ Шуйскій былъ «боярскимъ» царемъ, съ программой узкосословной, и потому, когда разнеслась вѣсть о спасеніи царя Димитрія, слухъ имѣлъ большой успѣхъ и многихъ, особенно на окраинахъ, сплотилъ вокругъ имени Димитрія.

Однако единодушіе, съ какимъ поднялся Югъ противъ Шуйскаго, не могло быть прочнымъ, по разнородности элементовъ враждебныхъ новому царю. Мелкопомѣстные служилые люди съ одной стороны; выбитая изъ колеи масса народная: бѣглые холопы и крестьяне, казаки, посадскіе люди, стрѣльцы — пополненная всякаго рода преступнымъ сбродомъ, ворами и разбойниками, — съ другой, очевидно, не могли долго идти по общей дорогѣ. Во главѣ первыхъ стали: рязанскій воевода Сунбуловъ, дворянинъ Прокопій Ляпуновъ; во главѣ вторыхъ — Болотниковъ, бывшій холопъ. Тѣ хотѣли свалить «боярскаго» царя, чтобъ замѣнить его общенароднымъ, такимъ, который блюлъ бы интересы всѣхъ классовъ Русской земли, а не мирволилъ одной небольшой кучкѣ избранныхъ; у этихъ — въ сущности не было никакой программы, кромѣ развѣ той, чтобы пограбить и поживиться на чужой счетъ. Въ своимъ грамотахъ Болотниковъ призывалъ холоповъ убивать своихъ господъ, грабить лавки съ товаромъ и обѣщался посадить своихъ приверженцевъ на мѣста бояръ, окольничихъ, назначить ихъ воеводами. Одни хотѣли реформы, другіе довольствовались разрушеніемъ.

Возстаніе вначалѣ имѣло успѣхъ, но когда выяснился его анархическій характеръ, Сунбуловъ съ Ляпуновымъ устранились отъ него, примирились съ Шуйскимъ (1606, ноябрь), и движеніе Болотникова было подавлено (1607, октябрь).

3. **Тушинскій воръ и польскіе паны.** Но оно вспыхнуло съ новою силою съ появленіемъ Тушинскаго вора и приняло на этотъ разъ размѣры болѣе опасные, такъ какъ въ безформенную массу бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ влились два свѣжихъ элемента: гулящій народъ — донскіе и запорожскіе казаки и польскіе шляхетскіе отряды, участвовавшие въ недавнемъ рокошѣ (вооруженномъ бунтѣ противъ короля), люди тоже выбитые изъ колеи: кто былъ осужденъ на изгнаніе и волей-неволей шелъ на сторонѣ искать себѣ счастья (извѣстный наѣздникъ Лисовскій со своими «лисовчиками»), кто — просто не желалъ выпускать сабли изъ рукъ, выжидая подходящаго случая пустить ее поскорѣе въ дѣло (панъ Рожинскій). Тушинцамъ поляки придали силу не столько количествомъ своихъ сабель, сколько извѣстною организаціей: это не была безпорядочная ватага людей, но военное братство, у котораго были установленныя правила, свои законы и дисциплина.

Мы видѣли, что разъединяло сторонниковъ Болотникова отъ Сунбулова и Ляпунова: разныя цѣли. Рѣзкая грань легла и въ Тушинскомъ лагерѣ между русскими и польскими сотрудниками Самозванца: племенное происхожденіе, религія, обычаи, вкусы и навыки житейскіе; зато ихъ сплотила именно цѣль, болѣе или менѣе одинаковая: захватъ чужого добра, нажива, разореніе; вслѣдствіе чего и самый союзъ оказался прочнѣе, не распался такъ скоро.

Главнѣйшія событія за это время:

а) П о л у т о р а г о д о в о е с и д ѣ н ь е Т у ш и н с к а г о в о р а п о д ъ М о с к в о ю (1608, іюнь — 1609, декабрь). Зло было не только въ томъ, что правительство царя Шуйскаго, запертое въ Москвѣ, отрѣзанное отъ областей, лишено было свободы дѣйствій и возможности править страною; но и въ той разлагающей нравственной атмосферѣ, какая охватила въ ту пору столицу. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, страхъ за себя и вмѣстѣ съ тѣмъ духовное ничтожество «боярскаго» царя, неспособнаго поддержать свой авторитетъ на надлежащей высотѣ, создали, по выраженію того времени, «шатанье умовъ», полную политическую безпринципность. Многіе, поцѣловавъ крестъ въ Москвѣ Шуйскому, уходили въ Тушино, присягали тамъ Самозванцу и, получивъ отъ него милости и награды, возвращались опять въ Москву. Это была беззастѣнчивая торговля: кто больше дастъ или пообѣщаетъ. Люди обѣдали за однимъ столомъ, а послѣ обѣда отправлялись, одни во дворецъ къ царю Василію, другіе — въ Тушинскій лагерь; въ расчетѣ на то, что, если побѣдитъ сторона Шуйскаго, то поѣхавшіе къ нему защитятъ отъѣхавшихъ къ Вору, и наоборотъ. А безпомощный Шуйскій принималъ такихъ п е р е л е т о в ъ, даже награждалъ ихъ, подрывая этимъ послѣднее уваженіе къ себѣ. Каждый думалъ

объ одномъ себѣ; Русская земля, общее благо были забыты; Родина перестала существовать.

б) 16-тимѣсячная осада Троице-Сергіева монастыря отрядами Сапѣги и Лисовскаго (1608, сентябрь — 1610, январь). Достопамятна по религіозному воодушевленію, съ какимъ осажденные отстаивали «домъ св. Сергія» отъ грозившей ему опасности подвергнуться поруганію иноплеменника.

в) Захватъ тушинцами поволжскихъ и сѣверныхъ городовъ. Судьба тѣхъ изъ нихъ, которые оказали сопротивленіе, уступивъ только силѣ, была очень тяжелая. Въ Ростовѣ, напримѣръ, погибло до 2000 человѣкъ; соборъ разграбленъ, серебряная рака съ мощами св. Леонтія Ростовскаго разбита на куски и подѣлена между грабителями. Запуганное, безсильное населеніе въ остальныхъ городахъ, во избѣжаніе разгрома, сдавалось большею частью добровольно. «Кого было слушать, на что рѣшиться? двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплохъ, увлекаемые примѣромъ, въ тяжкомъ недоумѣніи, на чьей сторонѣ правда» (Соловьевъ). Таковы были Суздаль, Угличъ, Ярославль, Владиміръ, Кинешма, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Тотьма, Устюгъ, Муромъ (1606, октябрь, слѣд.).

г) Возстаніе этихъ городовъ, вызванное поведеніемъ тушинцевъ. Поведеніе это было настоящею вакханаліею произвола и насилія. Безнаказанность развязывала руки, создавала потачку самымъ дурнымъ инстинктамъ. Врывались въ дома знатныхъ людей и хозяйничали тамъ, какъ хотѣли; грабили лавки, забирали товары безъ денегъ; обижали простой народъ на улицахъ; похищали женщинъ и дѣтей; денежнымъ и всякаго иного рода поборамъ не было конца. Вотъ что говоритъ одна челобитная, поданная Тушинскому царику: «Царю государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржанаго, и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ».

Характерно, что русскіе тушинцы вели себя много хуже поляковъ. Поляки пришли за добычей; сама Россія, ея настоящее, а тѣмъ болѣе будущее нисколько ихъ не интересовали; ни къ кому ни особыхъ симпатій, ни особой вражды они не питали; простые хищники, они пришли взять, что можно, съ

тѣмъ, чтобъ вернуться потомъ обратно домой въ свою Польшу, безучастные ко всему остальному. Не то тушинцы русскіе, состоявшіе главнымъ образомъ изъ бездомныхъ казаковъ, бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ. Они ненавидѣли существующій строй, бѣжали отъ его порядковъ и теперь вымещали свою ненависть на беззащитныхъ жителяхъ. Имъ мало было одного матеріальнаго разоренія: чувствуя, что существующій строй имъ не разрушить, они съ удвоенной злобой поднимались на мирныхъ обывателей городовъ и деревень, — на всѣхъ тѣхъ, кто въ ихъ глазахъ олицетворялъ собою этотъ строй, и злорадно губили ихъ, умерщвляя не просто, а самымъ звѣрскимъ образомъ. Чувство злобы и ненависти глушило въ нихъ даже чувство религіозное: они хладнокровно смотрѣли, какъ поляки кощунствовали въ церквахъ, надругались надъ лицами духовными, даже сами помогали имъ въ этомъ.

Въ результатѣ, по словамъ современника, «жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей: медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты, желали скорѣйшаго наступленія ночи, но ночи были ясны: вмѣсто луны пожарное зарево освѣщало поля и лѣса, охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки; козаки, если гдѣ не могли истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкали двери и ворота, чтобы сдѣлать жилища неспособными къ обитанію».

Отъ Самозванца отпали постепенно города: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Кашинъ, Угличъ, Ярославль, Молога, Муромъ, Тотьма (1609, первая половина года).

IV. Нашествіе иноземцевъ.

Швеція и Польша. Положеніе царя Шуйскаго было безвыходнымъ. Хотя болѣе главные города, въ томъ числѣ Смоленскъ, Нижній, Казань, Коломна, и признавали его власть, но этихъ силъ ему было недостаточно, чтобы, опираясь на нихъ, справиться съ тушинцами. Царь Василій рѣшился на мѣру сомнительной пользы — онъ призвалъ на помощь шведовъ, давно уже навязывавшихъ ему свою дружбу (1609, февраль). Купленная дорогою цѣной — уступкою города Корелы (Кексгольмъ) въ Кареліи, отказомъ отъ своихъ правъ на Ливонію и обязательствомъ вѣчнаго союза противъ поляковъ — помощь

эта существенной пользы Россіи не принесла: Москву отъ царика она не освободила, но зато повела къ вмѣшательству Польши: Сигизмундъ III пошелъ на нее войною и въ сентябрѣ 1609 г. осадилъ Смоленскъ. Такимъ образомъ къ одной бѣдѣ — къ врагамъ домашнимъ, прибавилась другая — врагъ внѣшній.

Выступленіе Сигизмунда создало переломъ въ ходѣ Смуты. Тушинскіе поляки нашли болѣе выгоднымъ дѣйствовать заодно съ королевскими войсками и отошли къ Смоленску; покинутый союзниками, Самозванецъ бросилъ Москву и засѣлъ въ Калугѣ (1609, дек.). Все же онъ продолжалъ грозить и оттуда. Безсиліе и непригодность Шуйскаго становились все очевиднѣй; имъ «играли, какъ дѣтищемъ», и, какъ ненужную, безполезную вещь, низвели съ престола (1610, 17 іюля). Смута однако отъ этого не прекратилась, наоборотъ, она почувствовалась теперь еще острѣй и больнѣе. Вакантный престолъ слѣдовало замѣстить, и Москвѣ предстоялъ выборъ между Самозванцемъ и Владиславомъ.

Выбирая изъ двухъ золъ меньшее, Москва, лишь бы не стать жертвою Вора и его сподвижниковъ, рѣшилась, съ болью въ сердцѣ, присягнуть королевичу (1610, 27 августа) и впустить въ свои стѣны польскій военный отрядъ подъ начальствомъ Жолкѣвскаго. Что оставалось ей дѣлать? Самозванецъ снова стоялъ подъ столицей, и его торжество однимъ ударомъ сгубило бы вѣковую работу прежнихъ поколѣній. Весь созидательный трудъ по устроенію Русскаго государства, стоившій такого напряженія и усилій, матеріальныхъ и духовныхъ, свелся бы на нѣтъ, попади страна въ руки наиболѣе худшихъ ея элементовъ.

Но если избраніе Владислава лишь меньшее зло, отъ этого оно еще не стало малымъ, ничтожнымъ. Отношенія къ Польшѣ успѣли опредѣлиться еще со временъ Ивана Грознаго; еще война со Стефаномъ Баторіемъ показала, что Россія нашла въ полякахъ національныхъ враговъ, и въ ихъ-то руки она должна была добровольно отдать свою судьбу! Поэтому послѣдовавшая вскорѣ смерть Самозванца (1610, декабрь) была двойнымъ благомъ: она освободила Россію отъ одного врага и лишила смысла договоръ, заключенный съ Владиславомъ, тѣмъ болѣе что къ тому времени уже выяснилось, что королевичъ являлся простою ширмою и подготовлялъ путь къ русскому престолу не себѣ, а своему отцу, королю Сигизмунду.

Вообще съ этой минуты положеніе дѣлъ если не улучшилось, то значительно упростилось. Смерть Вора, не освободивъ страну отъ внутреннихъ враговъ окончательно, все же распылила ихъ, обезсилила; самозванцы продолжали появляться и позже, волненія, насилія и захваты еще не прекратились,

однако свелись къ отдѣльнымъ, разрозненнымъ движеніямъ; зато выпуклѣе обрисовалась опасность отъ врага внѣшняго. Жолкѣвскій продолжалъ сидѣть въ Москвѣ; Сигизмундъ не отступалъ отъ Смоленска (1611, іюнь), а шведы, послѣ призыва Владислава на московскій престолъ, изъ прежнихъ союзниковъ превратились во враговъ и захватили сѣверозападныя области, съ Новгородомъ во главѣ (1611, 17 іюля). И вотъ только теперь, когда для России возникла угроза очутиться подъ пятой иноземца, громко заговорило въ ней чувство самосохраненія и во весь ростъ встала опасность потерять свою національную самостоятельность. Съ этой поры Смута вступаетъ въ новый, послѣдній, періодъ — національный или патріотическій.

V. Борьба за національное достояніе. (Народное движеніе)

1. Движеніе, вызванное грамотами патріарха Гермогена. Патріотическому движенію положили начало патр. Гермогенъ и архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій. Ихъ грамоты, разсылаемыя по городамъ, съ призывомъ подняться противъ Сигизмунда, встрѣтили живой откликъ. Зло еще сносили, пока оно не шло дальше матеріальнаго разоренія и обнищанія; но, лишь дѣло коснулось вѣры, лишь узнали, что даже не Владиславъ, а его отецъ, завзятый католикъ, можетъ возсѣсть на русскомъ престолѣ и принести съ собою на царство латинскій крыжъ, — тогда у людей точно пелена спала съ глазъ, точно электрическая искра пробѣжала по Русской землѣ, пробудила и подняла разоренные города и глухія деревни, и русскіе люди какъ-то сразу почувствовали себя, дѣйствительно, русскими, родными братьями, членами одной и той же семьи. Города начали переписываться между собою, увѣщевая другъ друга соединиться противъ поляковъ и спасти православную вѣру и государство.

Заволновалась Русская земля. «Повсюду бѣгали изъ города въ городъ гонцы, иногда по два и по три, иногда по нѣскольку человѣкъ. То были дѣти боярскіе и посадскіе; они возили грамоты, черезъ нихъ городъ извѣщалъ другой городъ, что онъ съ своею землею стоитъ за православную вѣру, и идетъ на польскихъ и литовскихъ людей за Московское государство. Изъ городовъ бѣгали посыльщики по селамъ, сзывали помѣщиковъ, собирали даточныхъ людей съ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ; вездѣ, по приходѣ такихъ посыльщиковъ, звонили въ колокола, собирались люди на сходки, дѣлали приговоръ, вооружались, чѣмъ ни попало, и спѣшили въ свої городъ кто верхомъ, кто пѣшкомъ, а въ городъ везли порохъ, свинецъ,

сухари, толокно, разныя снасти. Передъ соборнымъ духовенствомъ происходило крестное цѣлованіе всего уѣзда. Тутъ русскій человѣкъ присягалъ и обѣщался передъ Богомъ стоять за православную вѣру и Московское государство, не отставать отъ Московскаго государства, не цѣловать крестъ польскому королю, не служить ему и не прямить ни въ чемъ, не ссылаться письмомъ и словомъ ни съ нимъ, ни съ поляками и Литвою, ни съ московскими людьми, которые королю прямятъ, а биться противъ нихъ за Московское государство и за всѣ россійскія царствія, и очищать Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей» (Костомаровъ).

2. **Составъ перваго ополченія.** Съ разныхъ концовъ двинулись полки земскихъ людей къ Москвѣ выгонять оттуда поляковъ Жолкѣвскаго, освобождать патріарха Гермогена, который сидѣлъ тамъ у нихъ плѣнникомъ, и валить боярское правительство (Семибоярщину), которое держало руку Сигизмунда.

Послала своихъ бойцевъ земля Рязанская съ Ляпуновымъ во главѣ; Низовая съ княземъ Репнинымъ; пришли съ своими воеводами суздальцы, арзамасцы, владимірцы, романовцы, угличане, каширяне; воевода Волынскій и князь Волконскій привели полки изъ Ярославской и Костромской земли; рать вологодскую и поморскихъ городовъ вели Нащокинъ, князья Пронскій и Козловскій.

Пристали къ общему дѣлу и бывшіе тушинцы, кн. Трубецкой и казацкій атаманъ Заруцкій; но ихъ участіе скорѣе навредило, чѣмъ принесло пользу. Хотя вольный казакъ не меньше земскаго человѣка ненавидѣлъ поляковъ за ихъ панскіе, аристократическіе порядки, но столь же ненавистенъ былъ ему и земскій русскій строй. Вокругъ Трубецкого и Заруцкаго сгруппировались люди съ общественнымъ идеаломъ совершенно непохожимъ на тотъ, что̀ сложился въ остальной землѣ Русской. Повторился неестественный союзъ Сунбулова съ Болотниковымъ, и съ тѣми же послѣдствіями. Въ тайнѣ Заруцкій лелѣялъ мысль посадить царемъ только что родившагося сына Марины и въ грамотахъ, написанныхъ по соглашенію и отъ имени кн. Трубецкого, открыто обѣщалъ холопамъ боярскимъ волю и жалованье, иными словами, поднималъ одинъ классъ населенія на другой. Къ тому же военную рать Трубецкой съ Заруцкимъ привели съ собой внушительную, и это придавало ихъ словамъ значительный вѣсъ. Оба они вмѣстѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, общимъ голосомъ, были поставлены во главѣ дѣла и составили правительственный тріумвиратъ, разсылавшій грамоты, издававшій приказы и обязательныя для всѣхъ областей постановленія.

Такимъ образомъ вмѣсто одного правительства Россія имѣла теперь два: одно (Семибоярщина) сидѣло въ плѣну, вмѣстѣ съ поляками, за стѣнами Кремля, лишенное всякаго авторитета и силы, другое съорганизовалось подъ стѣнами Кремлевскими и заявляло, что дѣйствуетъ отъ имени всей Русской земли.

3. **Правительственный тріумвиратъ.** Человѣкъ дюжинный, Трубецкой только числился первымъ, въ силу своей родовитости, настоящею же душою дѣла были Ляпуновъ и Заруцкій. Но какъ могли вести его они, люди различныхъ убѣжденій и желаній, — своего рода два противоположныхъ полюса?.. «Ляпуновъ считался у дворянъ и дѣтей боярскихъ заправщикомъ. Онъ всѣмъ распоряжался: первый въ битвѣ, первый въ совѣтѣ. Во всей Русской землѣ его знали за перваго человѣка. Это былъ человѣкъ земскаго начала; дума у него была — выгнать иноземцевъ, прекратить на Руси своевольство, выбрать царя всею землею и возстановить прежній порядокъ въ потрясенномъ Московскомъ государствѣ. Нравомъ онъ былъ очень крутъ и настойчивъ; его не останавливала боязнь оскорбить чужое самолюбіе; онъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и небогатыхъ, со всѣми хотѣлъ обращаться съ властью и рѣшительно. Это стало многимъ не по нраву; иные обращались къ нему за своими дѣлами: ихъ принуждали дожидаться очереди, стоя у избы военачальника, а онъ занимался другими дѣлами и, пока не кончалъ ихъ, не выходилъ хоть бы къ самому знатному лицу. Строго преслѣдовалъ онъ неповиновеніе и своевольство; онъ зналъ, что, пока русскіе не отвыкнутъ отъ разнузданности, къ которой пріучились за нѣсколько смутныхъ лѣтъ, то великое дѣло — спасеніе земли — не пойдетъ успѣшно. Многіе знатные терпѣли отъ него брань и укоризны, и соблазнялись тѣмъ, что онъ ниже ихъ происхожденіемъ, но выше властью; а онъ не сдерживалъ себя, чтобы иной разъ не помянуть о Тушинѣ и о Калугѣ тѣмъ, которые служили вѣдомому вору и признавали его царемъ. За это-то его особенно не любили, роптали и говорили о немъ: «не по своей мѣрѣ онъ поднялся и загордился!». Всего непріязненнѣе онъ сталкивался съ казаками, съ полчищемъ Заруцкаго, которое явилось къ Москвѣ не для того, чтобы спасать отечество, котораго для него, собственно, и не было, а для грабежей и своевольства. Казацкія шайки скитались по окрестностямъ и дѣлали безчинства не хуже сапѣжинскихъ шаекъ. Ляпуновъ хотѣлъ ихъ взять, какъ говорится, въ ежовыя рукавицы, обращался съ ними сурово, наказывалъ жестоко. Заруцкій увидалъ, что не только невозможно склонить Ляпунова къ содѣйствію его замысламъ доставить престолъ сыну Марины, но даже и заикнуться объ этомъ было опасно. Заруцкій былъ душа казаче-

ства, какъ Ляпуновъ — душа земщины. Заруцкій съ казаками, Ляпуновъ съ земскими, одинъ противъ другого, — и тотъ и другой, наперекоръ другъ другу, давали распоряженія. Тѣ приходили просить помѣстій къ Ляпунову, тѣ къ Заруцкому. Заруцкій раздавалъ ихъ казакамъ и людямъ своей партіи, самовольно принималъ деньги, присылаемыя изъ разныхъ сторонъ Русской земли, и надѣлялъ ими однихъ казаковъ, а Ляпуновъ ласкалъ и жаловалъ однихъ земскихъ ратныхъ людей. Случалось, одни и тѣ же помѣстья и вотчины давалъ Ляпуновъ своимъ, а Заруцкій своимъ. Ляпуновъ отнималъ у тѣхъ, которымъ давалъ Заруцкій, и отдавалъ тѣмъ, которые не были въ станѣ Вора и оставались вѣрны Шуйскому. Раздоръ, естественно, распространился между подчиненными въ лагерѣ; получавшіе отъ Ляпунова были врагами получавшихъ отъ Заруцкаго, и наоборотъ; по этому поводу происходили безпрестанно драки, убійства и буйства всякаго рода» (Костомаровъ).

4. **Общая разруха.** Дѣло кончилось печально: подъ благовиднымъ предлогомъ казаки зазвали Ляпунова въ свой кругъ и тамъ изрубили его саблями (1611, іюль).

Бѣда не ограничилась однимъ этимъ убійствомъ. Одновременно съ нимъ совпали другія тяжелыя событія. Новгородъ, захваченный шведами, отложился отъ Русской земли и призналъ своимъ государемъ шведскаго королевича Карла Филиппа; откололся и Псковъ, принявъ у себя новаго самозванца (Сидорку, т. наз. третьяго самозванца); послѣ двухлѣтней славной обороны Смоленскъ вынужденъ былъ сдаться на волю побѣдителя (1611, іюнь); Москву сожгли поляки; они же увели въ плѣнъ Великое посольство, отправленное подъ Смоленскъ къ Сигизмунду отъ имени Семибоярщины (митр. Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ).

5. **Казацкое засилье.** Вдобавокъ, Заруцкій съ Трубецкимъ, оставшись одни хозяевами положенія, окончательно распустили казацкія толпы, стали отрѣшать дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ ихъ должностей и замѣщать своими людьми, казацкими атаманами. По словамъ русскихъ лѣтописцевъ-современниковъ, «дворяне, стольники, дѣти боярскіе и всѣ вообще, которые могли, по происхожденію и по прежнему своему положенію, быть названы людьми честными, терпѣли такія насилія и поруганія отъ казаковъ, что сами себѣ искали смерти. Заруцкій не давалъ земскимъ людямъ ни жалованья, ни корму; всѣ доходы, присылаемые изъ городовъ, обращались на однихъ казаковъ. Земскіе люди должны были содержать себя на свой счетъ; но Заруцкій лишалъ ихъ и такихъ средствъ: отбиралъ у нихъ помѣстья и отдавалъ атаманамъ. Такъ, въ Ярополчѣ, близъ Москвы, помѣщены были дѣти боярскіе, которые пришли

изъ Вяземскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ, выгнанные оттуда поляками. Заруцкій приказалъ взять у нихъ помѣстья, изгнать оттуда ихъ семьи на голодную смерть, а земли ихъ раздалъ своимъ. Отъ такихъ обидъ дворяне и дѣти боярскіе и вообще люди, принадлежавшіе земской сторонѣ, которой представителемъ былъ Ляпуновъ, бѣжали изъ табора и разносили по Руси ненависть и озлобленіе противъ казаковъ» (Костомаровъ).

6. **Реакція противъ этого засилья.** Такъ долго продолжаться не могло. Трагическій конецъ вождя земскихъ людей и разбойныя дѣйствія казацкія воочію показали мирному населенію невозможность совмѣстной работы съ казаками. Послѣдніе снизошли на уровень тѣхъ же враговъ, что и сами поляки; становилось ясно, что это были люди, не только вышедшіе изъ общества, но и не желавшіе возвращаться въ него обратно; что сплачиваться и дѣйствовать за одно возможно только тѣмъ, кто, дѣйствительно, болѣлъ душою за Русскую землю и готовъ былъ сложить за нее свою голову. Раньше и отчетливѣе всего это было сознано въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ. Тамошнее населеніе, сравнительно болѣе зажиточное, до сей поры стоявшее въ сторонѣ отъ казаковъ и не имѣвшее случая соприкасаться съ ними, сильнѣе другихъ почувствовало непримиримость казацкаго идеала съ идеаломъ мирнаго земледѣльца и горожанина. Города стали снова обмѣниваться грамотами, давать обѣщанія «быть въ совѣтѣ и единеніи», охранять порядокъ. Воодушевленіе передавалось изъ города въ городъ и быстро охватывало область за областью.

7. **Видѣнія.** Въ эпоху народныхъ бѣдствій и страданій, особенно когда всѣ усилія избавиться отъ нихъ остаются тщетными и люди чувствуютъ себя точно въ заколдованномъ кругу, жизнь обыкновенно течетъ съ приподнятыми нервами, съ повышеннымъ пульсомъ. Религіозно настроенный умъ болѣзненно ищетъ выхода и, не находя его, потерявъ вѣру въ собственныя человѣческія силы, видитъ свое спасеніе въ силѣ небесной. Подъемъ душевный нерѣдко сопровождается чудесными видѣніями, которыя принимаются за указанія свыше, находятъ себѣ всеобщую вѣру и даютъ исходъ смятеннымъ умамъ. Такъ было во Франціи въ пору крайняго ея униженія, когда бѣдная пастушка изъ Дом-Реми, Жанна Д'Аркъ, услышала «голоса», призывавшіе ее спасти родину отъ англичанъ. Такъ было и въ Смутные Русскіе годы. Въ Новгородѣ монахъ Варлаамъ видитъ чудесный сонъ: Матерь Божія велитъ ему передать людямъ: покайтесь и готовьтесь къ смерти; въ войскахъ, стоявшихъ подъ Москвою, появился, неизвѣстно откуда, «свитокъ», — писаніе, съ разсказомъ о томъ, какъ нѣкоему Григорію явился Спаситель въ сообществѣ свѣтлаго мужа и предрекъ судьбу Московскаго цар-

ства; въ городѣ Владимірѣ простой женщинѣ явилась ночью «пречудная жена» — всѣ они призывали народъ къ посту, молитвѣ и покаянію. Широко разнеслась вѣсть объ этихъ видѣніяхъ и встрепенула народъ. Многіе города, дѣйствительно, наложили на себя трехдневный постъ: не пили и не ѣли въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, а въ слѣдующіе два дня ѣли лишь въ сухомятку. Поститься заставляли даже младенцевъ, съ явной опасностью для ихъ жизни.

Умы были достаточно подготовлены; не хватало лишь человѣка, который съумѣлъ бы горячимъ словомъ, воодушевленною рѣчью, зажечь сердца людей длительнымъ, жгучимъ огнемъ, чтобъ люди толпами сошлись подъ однимъ общимъ стягомъ и отъ слова перешли къ дѣлу, во имя спасенія родной земли. Такая рѣчь раздалась въ Нижнемъ-Новгородѣ, такой человѣкъ нашелся въ лицѣ земскаго старосты Козьмы Минина Сухорукаго.

8. **Земское ополченіе.** Духовный подъемъ и моральную силу для свершенія историческаго своего подвига Мининъ нашелъ въ себѣ тоже подъ воздѣйствіемъ чудеснаго видѣнія. Ему явился преп. Сергій, повелѣвая собрать «казну» на военныя нужды и идти «очищать» Московское государство. Въ первую минуту червякъ сомнѣнія зашевелился въ душѣ земскаго старосты: не ошибся ли онъ? Но видѣніе повторилось, и колебаніямъ былъ положенъ предѣлъ. Увѣровавъ въ небесный призывъ, Мининъ беззавѣтно отдалъ всего себя на служеніе великому дѣлу. Вмѣстѣ съ кн. Пожарскимъ онъ организовалъ новое ополченіе, второе по счету, и, подобно первому, повелъ его тоже освобождать Москву отъ поляковъ. Но, въ противоположность тому, это ополченіе съ первыхъ же шаговъ рѣзко отгородило себя отъ казачества, сохраняя въ чистотѣ свой земскій характеръ, что̀ сразу подняло его авторитетъ въ странѣ и самому ему придало новыя силы.

Казаки же, съ своей стороны, дѣлали все возможное, чтобы рѣзче подчеркнуть противоположность цѣлей, руководившихъ ими. Часть ихъ сносилась съ псковскимъ самозванцемъ, признала его царемъ, насильно заставила кн. Трубецкого цѣловать ему крестъ, такъ что тотъ, находясь «въ великомъ утѣсненіи», самъ сталъ хлопотать о скорѣйшемъ приходѣ ополченія къ Москвѣ; Заруцкій дважды подсылалъ убійцъ къ Пожарскому, сильно притѣснялъ ратниковъ, явившихся изъ украинскихъ городовъ на зовъ нижегородскихъ грамотъ. Не удивительно, если Пожарскій, подходя къ Москвѣ, опасался казаковъ больше, чѣмъ самихъ поляковъ, не рискнулъ расположиться станомъ рядомъ съ ними и настоялъ на свиданіи съ Трубецкимъ не въ его лагерѣ, а въ мѣстѣ нейтральномъ. Заруц-

каго впрочемъ объ эту пору подъ Москвою уже не было; онъ бѣжалъ, такъ какъ открылись его переговоры съ поляками, и онъ сдѣлался невозможнымъ даже для Трубецкого и тѣхъ, кто группировался около этого бывшаго тушинскаго боярина.

Уходъ Заруцкаго сдѣлалъ возможнымъ сближеніе Пожарскаго съ Трубецкимъ, но далеко не сразу; взаимное недовѣріе и нелюбовь преодолѣть было не легко. Долго еще тотъ и другой дѣйствуютъ вразбродъ, обособленно; пораженіе одного ополченія вызываетъ скорѣе радость, въ другомъ станѣ, чѣмъ печалованіе. Польскій гетманъ Ходкѣвичъ подошелъ къ Москвѣ подать помощь полякамъ, сидѣвшимъ и голодавшимъ въ Кремлѣ, и дѣлалъ неоднократныя попытки пробиться къ своимъ. Въ одномъ изъ боевъ полки гетмана стали совсѣмъ одолѣвать рать Пожарскаго, казаки же Трубецкого стояли, не двигаясь, на противоположномъ берегу рѣки и глумились: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана». Два дня спустя, въ другомъ бою, Пожарскому удалось спасти положеніе лишь благодаря нравственному воздѣйствію духовенства: келарь Авраамій Палицынъ объѣхалъ казацкіе таборы и, пристыдивъ ихъ, уговорилъ помочь земскому ополченію.

Какъ ни какъ, но общими усиліями, въ союзѣ, хромавшемъ на обѣ ноги, дѣло было спасено: Ходкѣвичъ отбитъ отъ Москвы (1612, августъ), взятъ и самый Кремль (1612, октябрь). Москва была очищена отъ враговъ и стало возможнымъ приступить къ дѣлу, не терпѣвшему отлагательствъ — къ избранію новаго царя. Избраніемъ Михаила Романова (1613, 21 февраля) кончилась наконецъ долголѣтняя смута, или, какъ также называютъ ее, «Московское Разоренье», пора «Русскаго Лихолѣтья». Однако тяжелыя послѣдствія разрухи еще долго будутъ сказываться и давать себя чувствовать.

«Бури Смутнаго времени не потрясли крѣпкихъ основъ государства: единства религіознаго и политическаго; онѣ еще болѣе укрѣпили ихъ; вслѣдствіе тяжкихъ испытаній, единство, данное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, матеріальное единство стало духовнымъ, независящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточенія внѣшняго. Видимое, матеріальное сосредоточеніе было потеряно въ концѣ Смутной эпохи, и, не смотря на то, въ силу духовнаго единства, русскіе люди собрались и очистили государство. Новоизбранный царь Михаилъ спрашивалъ земскихъ пословъ: «Чѣмъ поручатся они, что въ его царствованіе не повторятся тѣ же смуты, какія были недавно?» — «Тѣмъ, — отвѣчали послы — что уже всѣ русскіе люди наказалися». Эпоха смутъ была великимъ урокомъ для Русской земли: въ подобныя эпохи народы воспитываются для дальнѣйшей гражданской жизни» (Соловьевъ).

VI. Причины Смуты.

1. **Притязанія бояръ** на привилегированное положеніе въ государствѣ, ихъ конституціонныя стремленія и дѣйствія, направленныя къ ограниченію самодержавной власти государя, въ интересахъ своего класса, т. е. въ духѣ олигархическомъ — вотъ первая причина. Боярскія притязанія перешли въ прямую борьбу съ верховною властью, если не всегда открытую, то всегда опасную и вредную для общаго дѣла. Подкапываясь подъ Бориса Годунова, бояре выставили противъ него Лжедимитрія; они же и Лжедимитрію не дали усидѣть на престолѣ; тѣ же боярскія интриги сдѣлали шаткимъ положеніе и царя Василія Шуйскаго. Вслѣдствіе этого верховная власть потеряла надлежащую устойчивость, лишилась авторитета, нравственной силы, оказалась въ состояніи паралича и не могла выполнять одного изъ первѣйшихъ своихъ назначеній — править страною, что неизбѣжно вносило безпорядокъ, смуту и разстройство въ нормальное теченіе народной жизни.

2. Второю причиною Смуты было **тяжелое экономическое положеніе страны.** Утвержденіе русской власти на Среднемъ и Нижнемъ Поволжьѣ (завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ), продолжительная неудачная война Ивана Грознаго за Ливонію потребовали большого напряженія народныхъ силъ и дорого обошлись населенію. Вдобавокъ безуміе Грознаго разорило Новгородскій край; опричнина, съ ея насильственнымъ выселеніемъ вотчинниковъ-бояръ изъ ихъ старыхъ гнѣздъ, съ насильственнымъ же передвиженіемъ служилыхъ людей съ однѣхъ земель на другія, зачастую рука объ руку съ завѣдомымъ грабежемъ и ничѣмъ не оправдываемымъ раззоромъ налаженнаго хозяйства, отразилась также очень пагубно на благосостояніи населенія. Два голодныхъ года (1601—1602) уничтожили массу мелкихъ хозяйствъ и пустили по міру десятки тысячъ людей, поставивъ ихъ на положеніи бездомной и голодной толпы, незнающей, что ожидаетъ ее затра.

3. Третьею и, можетъ быть, самою главною причиною Смуты былъ **глубокій соціальный разладъ,** рѣзко обозначившійся въ концѣ XVI ст. между высшими и низшими классами тогдашняго общества (см. выше, III, 1, «Движеніе общественныхъ низовъ»). Разладъ этотъ такъ тѣсно связанъ съ вышеуказаннымъ экономическимъ положеніемъ страны, что не всегда легко отдѣлить одну причину отъ другой. Самые разнородные элементы: преступники, бѣжавшіе отъ кары закона, бѣглые крестьяне и холопы, обѣднѣвшіе посадскіе люди, казацкая вольница, казаки городовые, средніе служилые люди, въ большей или меньшей степени, жили въ разладѣ съ существующимъ строемъ; онъ давилъ, дѣлалъ ихъ положеніе невыносимымъ, и

они, какъ враги, нетерпѣливо ждали минуты, когда счастливое стеченіе обстоятельствъ дастъ имъ возможность подняться и обрушиться на него со всей силою ненависти и злобы, на какую они были способны.

4. Если однако три указанныхъ явленія: борьба боярства съ верховною властью, экономическое обѣдпѣніе страны и классовая рознь, сами по себѣ и способны были расшатать сложившійся государственный и общественный строй, то едва ли бы они расшатали его въ такой степени, не будь онъ до извѣстной степени расшатанъ уже предварительно, не дай еще раньше сильной трещины. Образованію такой трещины всего болѣе способствовала **опричнина.** Она многихъ выбила изъ колеи, возстановила слабыхъ противъ сильныхъ, подорвала уваженіе къ власти, пріучила къ произволу, воспитала въ неуваженіи къ закону. Трещина раздалась еще больше въ **правленіе Бориса Годунова.** Подозрительный, пугливый, неспособный къ дѣйствіямъ прямымъ и открытымъ, привыкшій къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, Борисъ, при всѣхъ его достоинствахъ правителя, какъ человѣкъ, стоялъ не высоко. Онъ вышелъ изъ школы Грознаго, а школа эта не могла воспитать въ немъ ни нравственной твердости, ни нравственнаго величія, — душевныхъ качествъ необходимыхъ каждому смертному, тѣмъ болѣе государю. Въ вѣчномъ страхѣ за себя, Борисъ жилъ, окруженный доносчиками, поощрялъ наушничество и этимъ внесъ большое растлѣніе въ умы людей. Холопы доносили на своихъ господъ, увѣренные, что ихъ выслушаютъ охотно; люди худородные получали повышенія и награды за услуги сомнительной честности — въ обществѣ, уже расшатанномъ, этимъ окончательно подрывались моральные узы, связывавшіе людей между собою. Червь и безъ того уже точилъ столбы, подпиравшіе домъ, теперь люди сами стали вынимать камни изъ фундамента, — такая разрушительная работа должна была неизбѣжно кончиться крушеніемъ зданія.

5. И все же расшатанность общественныхъ отношеній создавала лишь благопріятную обстановку для Смуты, сама же по себѣ вызвать ее еще не могла. Чтобы породить Смуту, нуженъ былъ толчекъ извнѣ, — рука, которая вынула бы изъ-подъ дома послѣдніе, поддерживающіе его камни. Горючій матеріалъ былъ на лицо, необходимо однако было поднести къ нему факелъ или спичку, чтобъ онъ загорѣлся. Такимъ факеломъ явились: **прекращеніе династіи и появленіе самозванцевъ.** Смерть Θедора зажгла Смуту; самозванцы, не переставая являться одинъ за другимъ, раздували огонь и мѣшали загасить его; съ своей стороны поляки, а потомъ шведы постоянно подкладывали топливо, и все вмѣстѣ породило

тотъ пожаръ, который охватилъ Русскую землю и длился цѣлыхъ 10 лѣтъ (1603—1613).

VII. Схема событій за 1584—1613 гг.

1. **Подготовительный періодъ. 1584—1598.** Въ царствованіе Ѳедора Смута только еще назрѣваетъ, лишь подготовляется та обстановка, которая потомъ будетъ питать ее. Таковыми были: обостреніе отношеній между Годуновымъ и боярами; таинственная смерть царевича Димитрія; смерть царя Ѳедора и, съ нею, прекращеніе династіи.

2. **Боярская смута. 1598—1606.** Смуту разводятъ и питаютъ бояре. Борисъ принялъ царство на старомъ основаніи, т. е. на положеніи ничѣмъ и никѣмъ неограниченнаго государя; Лжедимитрій тоже не думалъ стѣснять себя волею бояръ, и бояре подкапывались подъ Бориса, низвергли Лжедимитрія. Это по преимуществу бояре старшіе, самые родовитые, прежніе княжата. Цѣль ихъ довольно узкая: вернуть себѣ прежнее положеніе, утраченное со времени Ивана Грознаго. Противъ самого государственнаго строя, какъ онъ сложился и существовалъ, они ничего не имѣли. Они боролись единственно за право быть совѣтниками своего государя, совмѣстно съ нимъ обсуждать и рѣшать дѣла въ государствѣ; выражаясь по нынѣшнему, они добивались ограниченія самодержавной власти въ пользу привилегированнаго сословія; хотѣли создать своего рода олигархическое правленіе, на подобіе того, какое замыслили Верховники въ 1730 году, при воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Ихъ программа была исключительно политическою; во имя ея они выставили Лжедимитрія противъ Бориса, во имя ея же свергли и самого Лжедимитрія.

3. **Революціонное движеніе. 1606—1609.** Уже въ предыдущій періодъ Смута начала выходить изъ предѣловъ спеціально боярскаго круга; движеніе, посадившее Лжедимитрія на престолъ, было движеніемъ народнымъ: успѣхомъ своимъ Лжедимитрій обязанъ былъ не столько полякамъ, пришедшимъ съ нимъ изъ Польши, сколько поддержкѣ, какую онъ нашелъ въ среднихъ и низшихъ классахъ общества, главнымъ образомъ въ Сѣверской Украйнѣ. Но при Лжедимитріи движеніе это еще не получило надлежащаго развитія; тонъ всему дѣлу давали по прежнему бояре. Зато съ воцареніемъ Шуйскаго бояре отодвинуты на задній планъ. Правда, они далеко еще не сходятъ со сцены; они добились даже частичнаго успѣха: новый царь, при воцареніи, далъ имъ подкрестную запись, ограничивавшую его самодержавіе, обязавшись опалъ самовольно на нихъ не налагать, вообще дѣлить съ ними свою власть въ упра-

вленіи, на судѣ и въ дѣлахъ законодательныхъ; но на практикѣ царь Василій плохо соблюдалъ принятыя обязательства, и потому бояре продолжали свои подкопы и подъ него, при чемъ ихъ олигархическая борьба съ верховною властью ведется съ прежнимъ напряженіемъ и слабѣе не стала. Во всякомъ случаѣ съ убійствомъ Лжедимитрія она потеряла прежнюю остроту и значеніе, все болѣе становясь вопросомъ тѣснаго кружка лицъ: Смута теперь окончательно вышла изъ предѣловъ дворца и боярской думы, охвативъ значительно болѣе широкіе слои общества, отъ поведенія которыхъ главнымъ образомъ и будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ событій. Вмѣсто бояръ на передній планъ выступаютъ средніе и нижніе слои. Сунбуловъ съ Ляпуновымъ характеризуютъ первые; Болотниковъ, Тушинскій воръ, Заруцкій и князь Трубецкой — вторые. Одни реформаторы, другіе — революціонеры-разрушители; и послѣдніе берутъ верхъ. Средніе классы (Сунбуловъ съ Ляпуновымъ), шедшіе противъ бояръ (Шуйскій), сами оказались на положеніи аттакуемыхъ и, пока что, вынуждены сойти со сцены. Смута сразу сдѣлала громадный скачекъ, перескочивъ изъ дворца въ самые низы народные, и быстро разлилась по всему государству, охвативъ не только южную окраину и центръ, но и другія окраины: нижнее Поволжье, Прикамскій край.

4. **Нашествіе иноземцевъ. 1609—1611.** Революціонное движеніе, возглавляемое бѣглыми холопами и вольными казаками, ничего творческаго, созидательнаго съ собой не принесло; наоборотъ, оно только ухудшило положеніе: разорило страну, разнуздало страсти, уничтожило правящую власть, дѣйствіе законовъ и, вдобавокъ, навлекло на Россію нашествіе иноземное. Поляки и шведы явились новымъ факторомъ, который осложнилъ Смуту еще болѣе. Въ теченіе двухъ лѣтъ страна пережила: низложеніе Шуйскаго и увозъ его въ Польшу; паденіе Смоленска; вынужденное избраніе Владислава; занятіе Москвы польскими войсками; плѣненіе Великаго посольства; отторженіе Новгорода шведами и, одновременно, непрерывавшееся хозяйничанье казацкихъ шаекъ. Подъ тяжелымъ давленіемъ этихъ событій страна начинаетъ пробуждаться; и для Смуты наступаетъ новый, на этотъ разъ послѣдній періодъ — народнаго движенія за освобожденіе отъ иноплеменниковъ и за возстановленіе нарушеннаго порядка.

5. **Народное движеніе. 1611—1613.** Оно пережило двѣ фазы: 1) въ 1611 г. — т. наз. первое ополченіе, руководимое Пр. Ляпуновымъ, Заруцкимъ и Трубецкимъ, и 2) въ 1612 г. — второе ополченіе: во главѣ его стоятъ кн. Пожарскій и Козьма Мининъ. Исходъ перваго ополченія былъ плачевный: задача, какую оно поставило себѣ — освобожденіе Москвы отъ поляковъ

— не была разрѣшена, такъ какъ здоровая часть, земщина, связанная съ элементомъ противообщественнымъ, казаками, была недостаточно свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Зато второе ополченіе составилось изъ одной земщины и рѣзко обособилось отъ казачества. Однако недостатокъ собственныхъ силъ заставилъ и ее въ критическую минуту прибѣгнуть къ помощи казаковъ; все же главное руководство она удержала въ своихъ рукахъ: нижегородское ополченіе и послѣ соединенія своего съ казаками Трубецкого не утеряло земскаго своего характера, тѣмъ болѣе что крайніе изъ казацкихъ элементовъ (Заруцкій) сами устранились отъ общаго дѣла.

Освобожденіе Москвы совмѣстными усиліями земщины и казаковъ опредѣлило положеніе ихъ во время выборовъ новаго царя: каждая сторона считала себя въ правѣ настаивать на своемъ кандидатѣ. Къ счастью, нашлось лицо, способное объединить голоса и примирить, для данной минуты, противоположные интересы тѣхъ и другихъ. Земщинѣ Михаилъ Романовъ былъ угоденъ по близкому своему родству съ прежнимъ царствующимъ домомъ; казаки же расчитывали найти въ немъ своего человѣка по прежнимъ связямъ съ его отцомъ, который, одно время, не только находился въ лагерѣ Тушинскаго вора, держа его сторону, но и жилъ тамъ на положеніи патріарха.

VIII. Памятники духовной культуры. 1584—1613.

1—5. Пять подлинныхъ документовъ о присоединеніи Западнорусской церкви къ Римской; всѣ на русскомъ языкѣ; всѣ за собственноручными подписями русскихъ іерарховъ и съ приложеніемъ ихъ именныхъ печатей изъ краснаго воска (Римъ. Ватиканскій Архивъ).

1. Коллективное заявленіе о желаніи присоединиться къ Римской церкви, 2 декабря 1594 г. (подписалось 8 человѣкъ).

2. Соборная грамота на имя папы Климента VIII, съ заявленіемъ о посылкѣ въ Римъ Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго, 12 іюня 1595 г. (9 человѣкъ).

3. Исповѣданіе вѣры еп. Ипатія Потѣя, 23 декабря 1595 г.

4. Исповѣданіе вѣры еп. Кирилла Терлецкаго, 23 декабря 1595 г.

5. Постановленіе русскихъ іерарховъ, на Брестскомъ соборѣ, о ихъ присоединеніи къ уніи, 8 октября 1596 г., на пергаментѣ; печати, каждая особо, въ коробкахъ. Подписались: кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза; еп. владимір-

скій Инатій Потѣй; еп. луцкій Кириллъ Терлецкій; архіеп. полоцкій Георгій Германъ; еп. холмскій Діонисій Збируйскій; еп. пинскій Іона Гоголь, архим. брацлавскій Богданъ Годкинскій; архим. лаврашовскій Гедеонъ Брольницкій; архим. минскій Паисій.

6. Собственноручное письмо Лжедимитрія I на польскомъ языкѣ, къ папѣ Клименту VIII, 24 апрѣля 1604 г., изъ Кракова. Ошибки и промахи въ написаніи (заранѣе для него приготовленнаго) текста выдаютъ въ писавшемъ его великорусское происхожденіе и недостаточное знакомство съ польскимъ языкомъ (Римъ. Архивъ Сант' Оффиціо).

7—8. Двѣ грамоты Лжедимитрія I къ папѣ Павлу V, 17 февраля и 5 марта 1606 г., изъ Москвы; на латинскомъ яз.; подлинники, за собственноручными подписями Лжедимитрія на латинскомъ же яз.; каждая грамота запечатана большою государственною печатью (діаметръ $11^1/_2$ сант.), на ободкѣ которой читается: «царь и великій князь Иванъ Васільевичъ всея Русіи» — видимо, новыхъ печатей, съ именемъ Димитрія, еще не успѣли заготовить. (Римъ. Ватик. Арх.).

9—19. Полемическія сочиненія, вызванныя церковною уніей въ Русской Польшѣ. Печатались, тамъ же, на русскомъ или на польскомъ яз.; авторы нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій остались неизвѣстны.

9. 1577. Петръ Скарга. «О единствѣ церкви Божіей», съ посвященіемъ кн. Конст. Конст. Острожскому. Написанная съ большимъ талантомъ и воодушевленіемъ, книга эта — краснорѣчивый, горячій призывъ къ принятію Флорентійской уніи — послужила прототипомъ для позднѣшихъ сочиненій католиковъ и уніатовъ въ доказательство превосходства Латинской церкви. Ею открывается длинный рядъ полемическихъ сочиненій на тему: кто правъ, католики или православные? слѣдуетъ ли входить въ унію съ Римомъ или нѣтъ?

10. 1597. П. Скарга. «Синодъ Брестскій и оборона Брестскаго синода», въ доказательство незаконности Брестскаго собора православныхъ, собравшагося одновременно съ соборомъ уніатовъ.

11. 1597. Христофоръ Филалетъ (псевдонимъ Хр. Бронскаго). «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о соборѣ Берестейскомъ», противъ Скарги, въ опроверженіе его «Синода».

12. 1597. «Ектесисъ или краткое изложеніе дѣлъ, происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ», въ духѣ православнаго ученія.

13. 1600. Петръ Аркудій (?). «Антиррисисъ», полемика съ «Апокрисисомъ» Филалета.

14. 1603. «Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ», противъ латинянъ.

15. 1605. «Перестрога» (предостереженіе), противъ уніи.

16. 1608. Ипатій Потѣй. «Гармонія», похвала Римской и осужденіе Греческой церкви.

17. 1610. Мелетій Смотрицкій. «Өриносъ, т. е. плачъ единой, каөолической, апостольской восточной церкви, съ изъясненіемъ догматовъ вѣры». Авторъ скрылся подъ именемъ Өеоѳила Ортолога и говоритъ отъ лица церкви, которая оплакиваетъ свое положеніе и, обращаясь къ уніатамъ, особенно къ митр. Потѣю, опровергаетъ, одно за другимъ, латинскіе догматы, разнствующіе съ православными (главенство папы; ученіе объ исхожденіи Св. Духа (filioque); чистилище; причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ), защищая послѣдніе. «Это сочиненіе, проникнутое живымъ сочувствіемъ къ православію и непріязнію къ латинству и уніи, наполненное множествомъ свѣдѣній какъ изъ древней церковной литературы, такъ и изъ позднѣйшихъ писателей латинскихъ и протестантскихъ, запечатлѣнное свѣтлымъ умомъ и тонкою діалектикою и изложенное изящнымъ польскимъ языкомъ, произвело большое движеніе не только между православными, но и между ихъ врагами. По свидѣтельству самихъ уніатовъ, никто изъ еретиковъ не порицалъ такъ рѣзко папское сѣдалище[1]), какъ оно порицается здѣсь; каждое слово здѣсь есть жестокая рана, каждая мысль смертельный ядъ для уніи и папства. А потому не одни схизматики, но и еретики протестанты съ радостію пріобрѣтали и перечитывали эту книгу. Иные берегли ее, какъ сокровище, и завѣщавали своимъ дѣтямъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, а изъ православнаго духовенства нѣкоторые ставили ее наравнѣ съ твореніями св. Іоанна Златоустаго и готовы были пролить за нее кровь. Смотрицкій вдругъ сдѣлался авторитетомъ. Къ нему, какъ къ оракулу, обращались православные, просили его наставленій и совѣтовъ въ дѣлахъ вѣры» (митр. Макарій). Что книга произвела сильное впечатлѣніе, можно судить по тому, что король Сигизмундъ III издалъ распоряженіе изъять ее изъ продажи и уничтожить, самую же типографію, гдѣ былъ напечатанъ «Өриносъ», отобрать у ея владѣльца.

18. 1610. П. Скарга. «Престрога (предостереженіе) Руси греческой вѣры противъ Плача Өеоѳила Ортолога», полемика съ Өриносомъ».

19. 1612. И. Мороховскій. «Утѣшеніе или утоленіе плача восточной церкви», тоже направленное противъ «Өриноса».

---

[1]) Т. е. папскій престолъ (Sancta Sedes).

20. «Иное сказаніе о самозванцахъ», неизвѣстнаго автора, составлено еще въ Смутные годы.

21. Литовскій Статутъ 1588 г. — сборникъ западнорусскихъ законовъ и привилеевъ; составленъ въ 1529 г., дополненъ и впервые напечатанъ въ 1588 г., на русскомъ языкѣ.

---

22. Лицевое житіе преп. Сергія Радонежскаго; миніатюры послѣдней четверти XVI в. (Троицкая Лавра).

23. Годуновская Псалтирь, лицевая, съ 578 миніатюрами-толкованіями на текстъ; вкладъ Дм. Ив. Годунова, 1592 г. (Кострома. Ипатьевскій монастырь).

24. Лицевое житіе митр. Алексѣя Чудот.; миніатюры первоклассныхъ мастеровъ, времени Бориса Годунова (Спб. Публ. Библ.).

25—26. Два портрета: Лжедимитрія I и Марины Мнишекъ, современные (Москва. Историч. Музей; перешли туда изъ Вишневецкаго замка).

27—31. Пять картинъ масляными красками, съ изображеніемъ событій изъ жизни Лжедимитрія I и Марины Мнишекъ (первыя четыре въ Истор. Музеѣ, изъ Вишнев. замка; послѣдняя въ Буда-Пештѣ, Націонал. Музей).

27. Въѣздъ Лжедимитрія въ Путивль.

28. Обрученіе Марины въ Краковѣ съ дьякомъ Аѳ. Власьевымъ, замѣщавшимъ Лжедимитрія.

29. Торжественный въѣздъ Марины въ Москву.

30. Коронованіе Марины въ Успенскомъ соборѣ.

31. Пріемъ Лжедимитріемъ польскихъ пословъ въ Москвѣ.

---

32. Донской монастырь, основанъ въ 1591 г. въ память избавленія Москвы отъ крымскаго хана Казы-Гирея.

33. Церковный колоколъ въ Угличѣ: когда убили царевича Димитрія, 15 мая 1591 г., въ него звонили, сзывая народъ; отправленный въ ссылку въ Тобольскъ, онъ позже былъ возвращенъ въ Угличъ (Мѣстный Истор. Музей).

34. «Иванъ Великій» — колокольня въ Московскомъ Кремлѣ, построенная Борисомъ Годуновымъ, 1600 г.

35. Воеводское знамя, сопровождавшее князя Пожарскаго въ его походѣ изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, 1612 г. (Москва. Оружейная Палата).

36—37. Двѣ сабли: одна кн. Пожарскаго, другая К. Минина (тамъ же).

Эпоха четвертая. 1613–1725.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ВЪ ЕВРОПЕЙСКУЮ ДЕРЖАВУ.

А. ОБРАЗОВАНІЕ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХІИ. 1613—1682.

I. Что принесло съ собою избраніе Михаила Ѳедоровича Романова.

Избраніемъ Михаила Ѳедоровича Романова Смута еще не закончилась, однако главное было достигнуто: явилась возможность положить ей предѣлъ, покончить съ прежнимъ «шатаньемъ» умовъ и собрать подъ общимъ стягомъ тѣхъ, кто отъ него откололся или потерялъ къ нему путь. Долгіе годы Лихолѣтья утомили страну; громадное большинство жаждало покоя и порядка, и первою заботою новаго правительства было — удовлетворить этой настоятельнѣйшей потребности. Казнью Заруцкаго и Воренка, сына Марины (сама она была уморена голодомъ) страна освободилась отъ домашнихъ претендентовъ на русскій престолъ; затѣмъ постепенно были очищены области отъ воровскихъ шаекъ, русскихъ и литовскихъ; удалось уладить, хотя и дорогой цѣною, распрю съ сосѣдями: съ Швеціей заключенъ былъ миръ (1617), съ поляками перемиріе (1618). Хотя Владиславъ еще не отказался отъ притязаній на царскую корону, но дѣйствительныхъ мѣръ къ захвату ея болѣе не предпринималъ Въ 1619 г. вернулся изъ плѣна Филаретъ Никитичъ, отецъ царя Михаила, правленіе перешло въ твердыя, опытныя руки, и нормальный ходъ государственной жизни былъ возстановленъ окончательно — возможно стало приняться за лѣченіе тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ Разрухой.

II. Послѣдствія смуты. Главнѣйшія явленія Русской Исторіи при первыхъ трехъ Романовыхъ.

А) Главнѣйшія изъ этихъ «ранъ» сводились къ слѣдующимъ:

1. Страна была разорена, матеріально обнищала.
2. Платежныя силы населенія не въ состояніи удовлетворить даже наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ государства.
3. Порядокъ общественный расшатанъ.
4. Авторитетъ правительства поколебленъ.
5. Извнѣ странѣ грозила опасность со стороны сосѣднихъ государствъ.

Раны предстояло залѣчивать, и вниманіе первыхъ Романовыхъ (1613—1682) обращено на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ.

1. Составлена опись населенныхъ земель государства, въ цѣляхъ выяснить наличныя земельныя богатства страны, для обложенія ихъ налогомъ въ пользу государственной казны.
2. Поземельная подать замѣнена податью подворною.
3. Крестьяне окончательно прикрѣплены къ землѣ.
4. Издано Соборное Уложеніе 1649 г.
5. Намѣстники и земское самоуправленіе замѣнены правленіемъ воеводскимъ.
6. Приняты мѣры въ цѣляхъ развитія иностранной торговли.
7. Заведены: постоянное войско и наемные полки изъ иноземцевъ.
8. Уничтожено мѣстничество.

Б) Но Смута оставила послѣ себя не однѣ только «раны». Она произвела большую перемѣну и въ самыхъ умахъ тогдашняго общества, на многое заставила посмотрѣть иными глазами; вызвала переоцѣнку старыхъ понятій, раскрыла новыя неотложныя для государства задачи, съ большею отчетливостью подчеркнула тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время еще не успѣли выступить съ надлежащею ясностью и убѣдительностью.

1. Представленіе о государствѣ, какъ общемъ національномъ достояніи, окончательно вытѣснило прежнее представленіе о государствѣ-вотчинѣ (см. ниже).
2. Особенное значеніе получили земскіе соборы и ихъ совмѣстная работа съ правительствомъ, которому, одному, безъ посторонней поддержки, разрѣшеніе сложныхъ задачъ, выдвинутыхъ жизнью, было бы не подъ силу (см. ниже).

3. Старыя родовыя боярскія фамиліи потерпѣли отъ Смуты не меньше, чѣмъ во времена Ивана IV; ихъ затерли новые, худородные люди, вышедшіе изъ среднихъ слоевъ общества; эти послѣдніе продвинулись къ власти и образовали новую аристократію, изъ которой первые цари новой династіи стали выбирать своихъ ближайшихъ слугъ и помощниковъ по управленію государствомъ. Гибель стараго боярства въ XVII ст. явилась завершеніемъ борьбы Ивана Грознаго съ княжатами, вообще съ родовитыми фамиліями.

4. Отчетливѣе выяснились три національныхъ задачи въ области внѣшней политики — вопросы Балтійскій, Польскій и Черноморскій.

В) Отвѣтъ на запросы жизни не всегда давался удовлетворительный. Коренную причину Смуты — соціальный разладъ на экономической почвѣ (см. выше, Эпоха 3-я, VI, «Причины Смуты»), устранить не удалось; она скорѣе даже обострилась. Недовольство податныхъ классовъ выражалось въ вспышкахъ и открытыхъ бунтахъ, и хотя правительство подавляло ихъ сравнительно быстро, однако одинъ изъ нихъ, бунтъ Стеньки Разина, охватилъ цѣлыя области, вызвалъ сильное потрясеніе государственнаго организма и своими размѣрами, тяжелыми послѣдствіями сильно напомнилъ недавную Разруху 1605—1612 гг. Къ тому же народныя движенія получили новую поддержку въ церковномъ расколѣ, въ жгучемъ антагонизмѣ, между старообрядцами и государственной церковью, насильно вводившей реформу патр. Никона.

Г) Залѣчиваніе «ранъ», порожденныхъ Смутою, изысканіе соотвѣтственныхъ средствъ для «лѣченія», самый діагнозъ «болѣзни» — все это постепенно раскрыло бѣдность духовныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи тогдашняго общества, что̀, въ свою очередь, вызвало во второй половинѣ XVII ст. сознаніе новой потребности — поднять страну въ культурномъ отношеніи. Культурная работа шла въ двухъ направленіяхъ: въ области духовнаго просвѣщенія (школа, литература, общеніе съ Западомъ) и церковной реформы (реформа патр. Никона; см. ниже).

Таковы, въ общихъ чертахъ, послѣдствія Смуты и обусловленное ими содержаніе русской исторіи за 1613—1682 гг.

III. Государство — не вотчина.

Въ XVII ст. окончательно и безповоротно сложилась идея Русскаго государства. Мы знаемъ, что идея эта стала нарождаться еще со временъ Ивана III; но, подобно тому, какъ цвѣтокъ не сразу развертывается изъ почки, такъ и этой

идеѣ понадобилось извѣстное время, чтобъ вырости, окрѣпнуть, овладѣть умами людей и заглушить прежнюю идею о вотчинѣ. Хотя государство въ XVI ст. уже возникло, но оно еще не было сознано, какъ таковое; старыя вотчинныя понятія еще не изжили вполнѣ; даже Иванъ Грозный, при всей его вѣрѣ въ высокое происхожденіе своей царственной власти и убѣжденіи, что Московское государство обладаетъ несомнѣннымъ правомъ на самостоятельное, независимое положеніе въ международной жизни, — даже онъ еще не отрѣшился окончательно отъ удѣльныхъ воззрѣній стараго времени. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и само населеніе еще не чувствовало противорѣчія и непримиримости такихъ двухъ понятій, какъ вотчина и государство, и смотрѣло на Русскую землю не какъ на свое природное достояніе, а какъ на чужое хозяйское добро, принадлежащее государю-хозяину и его семьѣ, — какъ на домъ, куда его допустили жить и съ которымъ оно коренным образомъ не было связано.

Такому взгляду на государство Смута положила конецъ. Прекращеніе династіи лишило Русскую землю ея хозяина; Земля стала ничьей, иначе говоря, стала народнымъ достояніемъ. Выбирая новыхъ государей: Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, королевича Владислава, Михаила Романова, выбирали уже не «хозяевъ», а правителей; искали людей, которые блюли бы интересы Земли, работали не на себя, а на Московское государство. Искать новаго хозяина было не къ чему: онъ уже объявился — самъ народъ русскій. Понятія: Русская земля (иначе: Московское государство) и народъ Русскій стали тожественны, неотдѣлимы одно отъ другого. Роль земли, какъ новаго хозяина, особенно ярко выступила при избраніи Михаила на царство, когда всѣмъ слоямъ и классамъ русскаго общества пришлось обсуждать и рѣшать вопросъ такой первостепенной важности.

Такимъ образомъ Смута въ корнѣ подкосила старый вотчинный взглядъ на государя, какъ на хозяина, и создала почву, на которой позже, мало по малу, сложится представленіе діаметрально противоположное — о государѣ, какъ о «первомъ слугѣ государства»[1]). Всего ярче и отчетливѣе воплотилъ въ себѣ это представленіе первый императоръ, Петръ Великій.

IV. Земскіе соборы.

1. Составъ земскихъ соборовъ. Земскій соборъ, по понятіямъ того времени, отражалъ собою, въ миніатюрѣ, всю Русскую землю, вслѣдствіе чего современники обыкновенно опредѣляли его, какъ совѣтъ всей Земли. Въ составъ такого «совѣта»

[1]) Выраженіе прусскаго короля Фридриха II.

обязательно входили три группы: 1) боярская дума, — постоянный совѣтъ государя; 2) высшее духовенство съ митрополитомъ (позже съ патріархомъ) во главѣ, — т. наз. освященный соборъ (или еще иначе: власти), — тоже постоянный правительственный органъ по дѣламъ церковнымъ, и 3) земскіе люди, — группа служилыхъ и общественныхъ классовъ населенія. Только участіе этой послѣдней группы дѣлало собраніе земскимъ соборомъ; одна боярская дума съ освященнымъ соборомъ, безъ земскихъ людей, собора образовать еще не могла, такъ какъ первыхъ двѣ группы, даже совмѣстно, всей Земли собою еще не отражали.

Въ конституціонныхъ государствахъ современной Европы существуютъ двѣ палаты, съ которыми глава государства раздѣляетъ свою власть: верхняя (палата лордовъ въ Англіи, сенатъ въ Италіи и Франціи, ландстингъ въ Даніи и т. д.) и нижняя (англійская палата общинъ, французская палата депутатовъ, датскій фолкстингъ и т. д.). Земскій соборъ, если прибѣгнуть къ аналогіи, совмѣщалъ въ себѣ одновременно и верхнюю и нижнюю палаты, при чемъ боярская дума и освященный соборъ — верхняя палата, являлись учрежденіями постоянными: они продолжали дѣйствовать и послѣ роспуска земскаго собора въ качествѣ постоянныхъ совѣтовъ при царѣ и митрополитѣ (патріархѣ); кромѣ того составъ той и другого опредѣлялся независимо отъ ихъ участія на соборѣ.

Не то «нижняя» палата — земскіе люди. Значеніе совѣщательнаго правительственнаго органа принадлежало имъ только на время созыва и дѣйствія земскаго собора: распускался соборъ, и они переходили опять на то положеніе, въ какомъ ихъ застало назначеніе въ члены собора. Притомъ въ самомъ составѣ этой земской группы замѣчается большая разница между тѣмъ, какимъ былъ онъ въ XVI-мъ и какимъ сталъ потомъ въ XVII в.

2. Соборы XVI в. Въ XVI в., т. е. съ той поры, какъ земскіе соборы стали вообще созываться, составъ земскихъ людей на соборѣ опредѣлялся правительствомъ: само же населеніе въ выборахъ не принимало никакого участія; правительство указывало, какіе классы населенія призвать, изъ какихъ городовъ и областей; въ участіи на соборѣ оно видѣло не право участвующихъ, а обязанность, возложенную на нихъ государствомъ, во имя общегосударственныхъ нуждъ, — такую же повинность, какъ и многія иныя. Дѣло въ томъ, что земскіе соборы народились по требованію и по иниціативѣ правительства, въ отвѣтъ на сознанную имъ потребность расширить кругъ своихъ совѣтниковъ.

Съ половины XVI ст. у государства выросли новыя сложныя задачи: рядъ очередныхъ заботъ объ улучшеніи областнаго

управленія, объ изысканіи новыхъ доходовъ, о пересмотрѣ судебныхъ законовъ, объ устройствѣ военнаго дѣла; осложнились заботы по веденію войнъ на восточной и западной границахъ. Знанія и опытъ одной боярской думы и освященнаго собора оказывались не всегда достаточными; необходимость выслушать мнѣніе всей Русской земли и опереться на него въ своихъ рѣшеніяхъ побуждало правительство въ извѣстныхъ случаяхъ привлекать къ совмѣстному обсужденію лицъ, наиболѣе, по его мнѣнію, къ тому пригодныхъ — оно искало ихъ среди людей должностныхъ: въ служащемъ классѣ, въ общественныхъ группахъ (посадскіе люди, купечество), которые въ ту пору являлись тоже органами правительственной власти (финансовой). Такъ возникли земскіе соборы.

Составъ перваго земскаго собора, 1550 г., намъ совершенно не извѣстенъ; на соборѣ Стоглавомъ, 1551 г., участвовали, кромѣ духовенства, «князья, бояре и воины», т. е. военно-служилый классъ (городскіе дворяне, помѣщики); еще больше раздвинулся кругъ совѣщательнаго собранія на соборѣ 1566 г., созванномъ для обсужденія условій мира, предложенныхъ поляками: кромѣ «воиновъ», мы видимъ тамъ еще «дьяковъ и приказныхъ людей» (по нынѣшнему: чиновниковъ) и «гостей, купцовъ и всѣхъ торговыхъ людей» (они вѣдали сборъ податей и повинностей, разныя монополіи, вообще были финансовыми органами правительства). Таковъ же составъ собора и въ 1598 г., когда «всей Землею» выбрали на царство Бориса Годунова.

Вообще земщина на соборахъ XVI ст. представлена была лицами оффиціальными по своему положенію, представителями мѣстнаго управленія, уѣзднаго или городскаго; они попадали туда не по общественному выбору, а по назначенію правительства. Зато прекращеніе династіи Рюриковичей сильно отозвалось на составѣ земской группы: назначеніе смѣняется выборомъ; рѣшеніе — кого послать на земскій соборъ, отъ правительства переходитъ въ руки непосредственно самого населенія. Иначе и быть не могло въ ту пору, когда правительства зачастую не оказывалось совсѣмъ на лицо и приходилось выбирать его самого.

3. Соборы въ Смутное время. Послѣднее обстоятельство положило извѣстную грань между соборами XVI и XVII вв.; если раньше соборы были «совѣтомъ всей Земли», то теперь, съ тѣмъ бо̀льшимъ правомъ и основаніемъ, могли они присвоить себѣ это названіе. Измѣнился не только путь, какимъ попадали земскіе люди въ члены собора — расширился также и самый кругъ выборныхъ лицъ; наиболѣе важный изъ соборовъ этого времени, соборъ 1613 г., выбиравшій на царство Михаила Ѳед. Романова, по составу, былъ поистинѣ всероссійскимъ: на немъ

засѣдали не только высшіе и средніе классы — духовенство, бояре, служилые люди, посадскіе — но также и тяглое крестьянство.

Обстановка, въ какой приходилось дѣйствовать теперь земскимъ соборамъ, въ значительной степени содѣйствовала укрѣпленію новаго взгляда на государство, окончательному превращенію прежняго вотчинника въ государя-представителя и выразителя народной жизни и народныхъ интересовъ. Вообще за 10—15 лѣтъ Смутной поры идея государственности сдѣлала въ сознаніи русскаго общества весьма большіе успѣхи. Среди тяжелыхъ потрясеній, переживаемыхъ страною, среди всеобщаго господства грубой силы и личныхъ интересовъ земскій соборъ становился надежнымъ якоремъ спасенія, точкою опоры въ борьбѣ съ произволомъ и кривотолками, единственнымъ законнымъ выраженіемъ народной воли и желаній, единственнымъ органомъ, имѣвшимъ право авторитетно говорить и постановлять рѣшенія, обязательныя для всѣхъ. Такая высокая роль земскихъ соборовъ воспитывала населеніе въ духѣ гражданственности и національнаго сознанія. Областной сепаратизмъ и безъ того уже началъ глохнуть со временъ Ивана III; теперь ему былъ нанесенъ новый ударъ; больше чѣмъ когда стало возможнымъ выдвинуть идею Родины, общаго всѣмъ Отечества.

Люди, вчера жившіе на землѣ государя-вотчинника, почувствовали, что они стали жить у себя, сами стали хозяевами и господами положенія. Къ нимъ то и дѣло обращаются за рѣшеніемъ, спрашиваютъ ихъ мнѣнія. Въ 1598 г. Русская земля соборно выбираетъ на царство Бориса Годунова; въ 1605 г. ея согласія ждетъ и Ѳедоръ Борисовичъ, чтобы сѣсть на отцовскій престолъ; въ 1606 г. Лжедимитрій передаетъ судъ надъ кн. Василіемъ Шуйскимъ тому же земскому собору. Вступая на престолъ, Шуйскій цѣлуетъ крестъ «всѣмъ людямъ Московскаго государства, всѣмъ православнымъ христіанамъ», даетъ обязательство передъ «всею Землею» творить судъ совмѣстно съ боярами, согласно данной имъ записи. Воля Русской земли признается единственнымъ источникомъ власти. Все тотъ же Шуйскій, отправляя пословъ въ Польшу и наказывая имъ объяснить убійство Лжедимитрія I, приказываетъ сказать: «хотя бы былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государствѣ не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ». Королевичу Владиславу ставится условіемъ, чтобы онъ правилъ государствомъ совмѣстно съ «думою бояръ и всей Земли», т. е. съ земскимъ соборомъ. Дѣйствія князя Пожарскаго пользовались авторитетомъ въ силу того, что на земскомъ соборѣ, который онъ созвалъ для совмѣстнаго дѣйствія и рѣшеній, представительство Русской

земли достигло большой полноты: кромѣ освященнаго собора и боярской думы тамъ сошлись въ еще небываломъ дотолѣ числѣ «изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ выборные люди».

Однако Смута, спѣшность дѣла, препятствія чисто внѣшнія не всегда позволяли собрать людей непремѣнно со всѣхъ концовъ обширнаго государства Русскаго: дѣйствовали и рѣшали не рѣдко лишь тѣ, кто находился въ данную минуту въ Москвѣ на лицо; все же даже и такое ограниченное по составу собраніе обыкновенно мыслилось, какъ отраженіе всей Земли, — ясное доказательство потребности во что бы ни стало найти опору и оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Такъ, Василій Шуйскій избранъ былъ въ цари небольшою кучкой приверженцевъ; но ему ясна шаткость, неполнота такого избранія: право на престолъ дать ему можетъ одна только Земля, — и онъ торопится всенародно заявить, что «учинился на отчинѣ прародителей своихъ царемъ за моленіемъ всего освященнаго собора и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства».

Въ такомъ заявленіи нѣтъ никакого сознательнаго обмана: по понятіямъ того времени, не было надобности, чтобъ данную группу населенія представляли лица, собранныя непремѣнно со всѣхъ областей, — достаточно, если она вообще имѣла на соборѣ своего представителя. Вотъ почему кн. В. В. Голицынъ, глава посольства къ Сигизмунду III, искренно вѣрилъ въ то, что онъ уполномоченъ «всѣми людьми», и открыто заявлялъ, что отъ имени однихъ бояръ онъ и не поѣхалъ бы, хотя, въ дѣйствительности, снаряжавшіе посольство представляли собою далеко не всю Землю. Точно также и первое ополченіе, собравшееся подъ Москвою подъ начальствомъ Ляпунова, кн. Трубецкого и Заруцкаго, выбравъ изъ своей среды совѣтъ для обсужденія ратнаго и земскаго порядка, считало этотъ совѣтъ «всей Землею», не смотря на то, что въ составъ его вошли представители только ратныхъ частей, составлявшихъ ополченіе.

4. Соборы въ царств. Михаила Ѳед. Съ воцареніемъ Михаила дѣятельность земскихъ соборовъ не только не прекратилась, но, наоборотъ, усилилась. Въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ (1613—1622) соборы слѣдуютъ одинъ за другимъ почти безъ перерыва; не рѣдкостью они и во вторую половину царствованія. Обыкновенно насчитываютъ за это время семь сессій (созывовъ):

1) 1613—1615 — тотъ самый соборъ, что̀ выбиралъ Михаила.
2) 1616—1618.
3) 1619.
4) 1620—1622.
5) 1632—1634.

6) 1637.
7) 1642.

Въ чемъ состояла работа этихъ соборовъ?

1. Соборъ 1613—1615 гг. По выборѣ царя Михаила и до пріѣзда его въ Москву, соборъ держалъ въ своихъ рукахъ все дѣло государственнаго управленія:

а) къ нему стекались донесенія воеводъ;

б) онъ велъ переговоры съ Польшею;

в) разсылалъ предписанія воеводамъ;

г) принималъ мѣры къ успокоенію края, въ частности, къ прекращенію разбоевъ;

д) распоряжался военными силами государства.

Позже, съ пріѣздомъ въ Москву царя:

е) въ виду пустоты государственной казны, торопилъ именитыхъ людей Строгановыхъ скорѣйшей уплатою слѣдуемыхъ съ нихъ налоговъ и хлопоталъ предъ ними о заимообразной ссудѣ деньгами;

ж) убѣждалъ казаковъ не приставать къ Заруцкому и Воренку (1614);

з) обложилъ все населеніе тяжелымъ 20-типроцентнымъ налогомъ на имущества, т. наз. «пятою деньгою» (1615).

2. Соборъ 1616—1618 гг. Главнѣйшія его постановленія:

а) вторичный сборъ «пятой деньги» (1616), на этотъ разъ съ однихъ только промышленниковъ и торговыхъ людей; земледѣльческій же классъ обязанъ былъ уплатою по 120 рублей (1500 руб. нынѣшнихъ) съ сохи (соха содержала тяглой крестьянской пашни 800 «четвертей», т. е. полудесятинъ, въ одномъ полѣ, значитъ, 1200 десятинъ въ трехъ поляхъ);

б) мѣры для отраженія королевича Владислава и казацкаго гетмана Сагайдачнаго, шедшихъ войною на Москву.

3. Соборъ 1619 г. выбиралъ въ патріархи Филарета Никитича Романова.

4. Соборъ 1620—1622 г.

а) Мѣры по выясненію экономическаго положенія страны (перепись платежныхъ единицъ; составленіе т. наз. «писцовыхъ книгъ»);

б) мѣры въ цѣляхъ помѣшать тяглому классу (посадскимъ и крестьянамъ) уклоняться отъ несенія своего тягла;

в) кромѣ того соборъ обсуждалъ: использовать ли или нѣтъ представившійся случай возобновить войну съ поляками въ союзѣ съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и шведскимъ королемъ.

5. Соборъ 1632—1634 гг. Созванный по случаю войны съ Польшею, соборъ этотъ всецѣло посвятилъ ей свои работы.

6. Соборъ 1637 г. — обсудилъ и принялъ мѣры для отраженія крымскаго хана (послѣ взятія казаками Азова ожидали, что ханъ нападетъ на самую Москву).

7. Соборъ 1642 г. — обсуждалъ вопросъ, брать или не брать взятый казаками Азовъ, иными словами: рѣшиться ли на войну съ Турціей, неизбѣжную въ случаѣ признанія Азова русскимъ городомъ.

Чѣмъ объяснить такую напряженную дѣятельность соборовъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича?

Если въ XVI ст. правительство Ивана Грознаго нуждалось въ земскихъ соборахъ для совмѣстной работы, то теперь, когда Разруха въ конецъ разстроила государственный организмъ, извратила общественныя отношенія, разорила страну, — новому царю, почти еще ребенку, совершенно неопытному, не авторитетному, возможно было справиться съ возложенной на него тяжелой задачей единственно лишь при содѣйствіи тѣхъ самыхъ людей, которые возвели его на престолъ; только они могли, общимъ голосомъ всей Земли, помочь ему разобраться въ трудномъ дѣлѣ успокоенія страны, выяснить мѣры, необходимыя для возстановленія нарушеннаго порядка, придать нравственную силу и убѣдительность дѣйствіямъ новаго правительства. Не принимая непосредственнаго участія въ самомъ управленіи, соборы, близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ странѣ, своею освѣдомленностью о ея нуждахъ и наличныхъ средствахъ, служили царю на первыхъ порахъ его дѣятельности незамѣнимыми совѣтниками и руководителями. Общая опасность и общая забота о Русской землѣ сближали царя и земскіе соборы и заставляли ихъ дружно идти рука объ руку по пути охраненія и совершенствованія общаго достоянія. «Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи» (Платоновъ).

Степенью той потребности, какая чувствовалась въ земскихъ соборахъ, опредѣлилась и самая дѣятельность ихъ. Первые годы были, конечно, самые тяжелые — и соборы работаютъ почти безъ перерыва девять лѣтъ подрядъ (1613—1622); но 9 лѣтъ спустя порядокъ болѣе или менѣе наладился, нѣтъ болѣе мѣста прежнему шатанію умовъ, правительство (боярская дума, приказы) окрѣпло, дѣйствія его стали увѣреннѣе, голосъ авторитетнѣе; накопился извѣстный опытъ — рѣже

стали созываться и соборы. Безъ нихъ еще нельзя обойтись, но ихъ собираютъ теперь уже въ исключительныхъ случаяхъ, какъ война съ Польшею (1632—1634), оборона отъ крымскихъ татаръ (1637), возможность турецкой войны (1642).

5. Соборы въ царств. Алексѣя Мих.

Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича жизнь снова выдвинула на очередь рядъ серьезныхъ вопросовъ - въ зависимости отъ нихъ опять участились и соборы:

1) 1645 — вступленіе на престолъ царя Алексѣя Мих. было подтверждено соборомъ[1]).

2) 1648—1649 — составленіе Уложенія.

3) 1650 — мѣры къ усмиренію бунта въ Псковѣ.

4) 1651 — выясненіе отношеній къ Польшѣ, въ связи съ Малороссійскимъ вопросомъ.

5) 1653 — рѣшеніе вопроса, присоединять или нѣтъ Малороссію.

6. Отчего прекратились земскіе соборы.

Соборъ 1653 г. былъ послѣднимъ настоящимъ соборомъ; послѣдующіе за нимъ скорѣе временныя комиссіи изъ свѣдущихъ людей, чѣмъ «совѣты всея Земли». Такія комиссіи обыкновенно созывались, время отъ времени, для выясненія какого нибудь отдѣльнаго вопроса и состояли при боярской думѣ, подъ руководствомъ одного изъ бояръ. Таковы были:

а) комиссія 1660 г. — она выясняла причины дороговизны въ Москвѣ съѣстныхъ припасовъ;

б) комиссія 1672 г. — высказалась о договорѣ, заключенномъ съ армянскими купцами;

в) комиссія 1676 г. — о торговлѣ съ Персіею;

г) комиссія 1681 г. изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей для пересмотра военнаго устава (на этомъ собраніи-соборѣ постановлено было уничтожить мѣстничество);

[1]) Слѣдуетъ помнить, что династія была еще новою, корней пустить еще не успѣла; что въ самые послѣдніе годы жизни царя Михаила въ Польшѣ появился самозванецъ Луба, выдававшій себя за сына Лжедимитрія и Марины; что онъ предъявлялъ притязанія на московскую корону. Поэтому вполнѣ естественно, что „бояринъ Морозовъ, которому порученъ былъ царевичъ Алексѣй умирающимъ отцомъ его, желая придать несокрушимую опору царской власти 16-тилѣтняго питомца своего и будучи увѣренъ въ единодушной преданности всей Земли дому царя Михаила, пожелалъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, придать восшествію Алексѣя на престолъ санкцію всенародной воли. Въ виду необходимости твердой внѣшней и внутренней политики юнаго царя, въ виду лежавшей на послѣднемъ обязанности твердою рукою завершить недоконченное отцомъ его дѣло государственнаго строенія — подобная предосторожность должна была казаться вполнѣ раціональною и даже необходимою“ (Загоскинъ).

д) комиссія 1682 г. — объ уравненіи службъ и податей (комиссія эта, позже, приняла участіе, совмѣстно съ населеніемъ города Москвы, въ выборѣ на царство Петра Великаго, придавъ этому избранію выраженіе воли «всей Земли»).

Наши историки еще не пришли въ согласному объясненію причинъ, вызвавшихъ упадокъ земскихъ соборовъ. Одно можно сказать: къ половинѣ XVII ст. Русская земля уже успѣла справиться отъ бѣдствій Смутной поры, и правительство перестало нуждаться въ соборахъ, какъ нуждалось раньше; государственная власть окончательно выработалась въ форму неограниченнаго самодержавія; замѣна прежняго областного самоуправленія управленіемъ воеводскимъ, параллельно съ ростомъ приказовъ, сосредоточивъ власть въ рукахъ центральныхъ органовъ, въ свою очередь, позволила обходиться безъ содѣйствія соборовъ. Не мало повліяло и изданіе Уложенія. Уложеніе было не только собраніемъ законовъ — имъ опредѣлился весь строй государственной жизни, общественныхъ отношеній; стала ясна картина всего государственнаго организма; въ рукахъ правительства сошлись всѣ нити управленія, и оно теперь отчетливѣе видѣло, какъ наличность средствъ, какими могло располагать и требовать отъ страны, такъ и тѣ пути, какіе вели къ осуществленію его требованій.

Кромѣ того совѣты земскихъ соборовъ неизбѣжно являлись также и критикой существующаго порядка, указаніемъ на допущенныя ошибки, и критика принималась теперь уже не съ прежнимъ благодушіемъ; рѣзче сталъ обозначаться антагонизмъ высшихъ и низшихъ классовъ. Между тѣмъ земскій элементъ на соборахъ, т. е. средніе классы, постоянно росъ и численно сталъ подавлять представителей духовенства и боярства, что облегчало ему проводить мѣропріятія, для тѣхъ не всегда выгодныя и желательныя. Такъ, на соборѣ 1648—1649 г. духовенству запретили пріобрѣтать служилыя вотчины (хотѣли даже отобрать у него и всѣ, ранѣе полученныя); прикрѣпленіе крестьянъ и запретъ принимать закладчиковъ были выгодны среднимъ служилымъ людямъ, но не крупнымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ въ интересахъ правительственнаго класса было управлять государствомъ исключительно посредствомъ того бюрократическаго механизма (воеводы, приказы), который какъ разъ къ этому времени окончательно сложился и окрѣпъ.

Препятствій къ превращенію соборовъ въ простыя комиссіи правительство со стороны земскихъ людей не встрѣтило; скорѣе наоборотъ: въ созывѣ земскихъ соборовъ населеніе видѣло не право свое, а повинность, отъ которой, какъ и отъ многихъ другихъ, оно предпочитало, по возможности, уклониться. Послѣ того какъ населеніе стало крѣпко землѣ и

своему двору, потеряло личную свободу, у него, естественно, ослабъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ — тамъ его роль могла быть только служебною и подневольною. Утрата прежняго права на выборъ своихъ занятій, замѣна мѣстнаго самоуправленія бюрократическимъ не оставляли болѣе мѣста для народнаго представительства; соборы стали анахронизмомъ и погибли, какъ гибнетъ и сохнетъ всякое дерево, лишенное питанія и здоровыхъ соковъ.

7. Выводы.

1. Время созыва земскихъ соборовъ: 1550—1653—1682 гг.

2. Въ составъ соборовъ всегда входили три группы: боярская дума, освященный соборъ и земскіе люди.

3. Въ XVI ст. земскіе люди (служилые и посадскіе) не выбирались, а назначались; составъ ихъ опредѣлялся не населеніемъ, а правительствомъ, притомъ изъ представителей одной столицы и Московскаго уѣзда.

4. Въ соборахъ XVII ст. земскій элементъ, наоборотъ, былъ не назначенный, а выборный. Выбирались: дворяне и дѣти боярскіе (служилые), стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы (тоже служилые люди, но столичные), посадскіе и (значительно рѣже) уѣздные люди (крестьяне). На избирательный соборъ 1613 г. посланы были, въ числѣ прочихъ: «игумены, протопопы, посадскіе, уѣздные, изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей».

5. Смутная пора и первыя 9 лѣтъ царствованія Мих. Ѳед. — расцвѣтъ дѣятельности земскихъ соборовъ.

6. Дѣятельность земскихъ соборовъ:
   а) они избирали государя (1598, 1610, 1613), патріарха (1619).
   б) подтверждали право наслѣдника на занятіе престола (1584, 1645).
   в) постановляли рѣшенія совмѣстно съ правительствомъ (1611, 1612, 1649, 1653).
   г) подавали свое мнѣніе (всѣ остальные).

7. Значитъ: земскіе соборы въ однихъ случаяхъ были органомъ совѣщательнымъ, въ другихъ — они законодательствовали; однако рѣшеніе собора получало силу закона лишь въ случаѣ санкціи (согласія) государя.

8. Совѣщательная и законодательная работа земскихъ соборовъ и, тѣмъ болѣе, необходимость выбирать новаго государя или подтверждать права наслѣдника на занятіе престола политически воспитывали русскій народъ, укрѣпляли въ немъ взглядъ на Русскую землю, какъ на національное добро и общее достояніе, а на государя, какъ на хранителя и выразителя нуждъ и чаяній народныхъ.

9. Земскіе соборы заглохли, потому что: а) правительственная власть усилилась (централизація, бюрократическое управленіе), выросъ авторитетъ государя, сложилась абсолютная монархія, въ соборахъ перестали чувствовать прежнюю надобность — нашли возможнымъ обходиться безъ нихъ; б) дѣятельность соборовъ, будучи не всегда только «совѣщательною», не всегда сходилась со взглядами и желаніями правительства; вмѣсто прежней работы рука объ руку, стали возникать тренія — дѣятельность соборовъ стала нежелательною.

10. Соборы пережили двѣ стадіи развитія: совѣщательную (XVI в.) и совѣщательно-законодательную (XVII в.). И въ тотъ и въ другой періодъ дѣятельности, одинаково, соборы не являлись противоположеніемъ царской власти и конституціонно не ограничивали ея; наоборотъ, по самой идеѣ, царь и соборъ дополняли одинъ другого, призванные дѣйствовать всегда сообща, въ одномъ духѣ и направленіи.

11. Конфликтовъ (столкновеній) между царемъ и соборомъ никогда не было; но въ половинѣ XVII ст. почувствовалась возможность таковыхъ, что̀, на ряду съ другими обстоятельствами (см. выше, п. 9), съиграло извѣстную роль въ прекращеніи созыва соборовъ.

V. Служилые люди.

1. Положеніе служилыхъ людей. Въ старину служба была вольная; князю служила дружина, дѣлившаяся на старшую и младшую. Позже, когда Москва стала прибирать къ своимъ рукамъ Сѣверовосточную Русь, служилые люди продолжали служить московскому князю на прежнемъ положеніи, какъ и раньше, съ правомъ покинуть, по желанію, московскую службу и перейти къ другому князю, сохраняя за собою право на тѣ вотчины и земельныя угодья, какими они успѣвали обзавестись въ Московскомъ княжествѣ.

Но уже вскорѣ право отъѣзда становится только формальнымъ. Чѣмъ больше крѣпла Москва, чѣмъ у̀же становился кругъ княжествъ, куда могъ бы отъѣхать служилый человѣкъ, и чѣмъ дольше служилъ онъ на одномъ мѣстѣ, тѣмъ прочнѣе складывалось убѣжденіе, что онъ долженъ оставаться на этомъ мѣстѣ, долженъ служить своему князю. Со времени Дмитрія Донского московскіе князья начинаютъ наказывать служилыхъ людей за ихъ отъѣздъ, отнимать у нихъ ихъ имѣнія и, чтобъ вѣрнѣе удержать ихъ у себя, договариваются съ другими князьями, чтобы тѣ, если и примутъ покинувшихъ московскую службу, то безъ вотчинъ. Иванъ III сдѣлалъ большой шагъ впередъ на пути закрѣпленія служилыхъ людей: съ лицъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать, стали брать крестоцѣ-

ловальныя записи въ томъ, что они будутъ служить московскому князю до конца дней своихъ и ни къ кому не отъѣдутъ. Внѣшнія условія значительно содѣйствовали проведенію въ жизнь этой мѣры: теперь и отъѣзжать стало не къ кому, развѣ въ Литву, но отъѣздъ туда уже получилъ къ тому времени характеръ измѣны общему русскому дѣлу, не одному только князю. Такъ пришелъ конецъ вольной службѣ. Формальнаго уничтоженія ея не послѣдовало; никакого указа объ ея отмѣнѣ дано не было; но отказываться отъ службы стало уже невозможно. Прежніе вольные слуги превратились въ слугъ подневольныхъ.

Къ XV вѣку старое дѣленіе служилыхъ людей на старшую и младшую дружину выходитъ изъ употребленія; высшій слой по прежнему называется боярствомъ, но за младшей дружиной утвердилось новое названіе дѣтей боярскихъ, или вольныхъ слугъ.

Военныя нужды породили помѣстную систему; наряду съ вотчиной, частной земельной собственностью, появились помѣстья — земли, раздаваемыя во временное пользованіе, подъ условіемъ службы. Не всѣ служилые люди были вотчинниками, но всѣ,кто несъ военную повинность, становились помѣщиками — это еще болѣе обязывало и связывало съ тѣмъ лицомъ, которому служили. Параллельно съ усиленіемъ княжеской власти ростетъ и значеніе службы подлѣ государя, при его дворѣ. Самое слово дворъ получило теперь, съ Ивана III, иное, болѣе высокое значеніе. Прежній дворянинъ во дворѣ князя принадлежалъ къ категоріи низшихъ слугъ и работниковъ; теперь онъ поднялся; его служба стала болѣе почетной. Новый взглядъ отразился и на служиломъ классѣ: если высшій его слой, бояре, сохранили свое прежнее названіе, зато слой низшій, дѣти боярскіе, въ новомъ положеніи помѣщиковъ, зачастую стали называться дворянами. Сынъ боярскій, по положенію, сначала еще считался выше дворянина, но послѣ того какъ оба слоя, при Иванѣ Грозномъ, слились въ одинъ классъ, «дворянинъ» (при составленіи служилыхъ списковъ) оказывается уже на первомъ мѣстѣ, а «сынъ боярскій» на второмъ. Это торжество одного термина надъ другимъ наглядно свидѣтельствуетъ о торжествѣ новыхъ московскихъ порядковъ надъ старыми, отжившими.

2. Служилые чины Московскаго государства. Ихъ можно свести въ слѣдующія группы:

А. **Думные люди:** бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Они были членами боярской думы, но, кромѣ обязанностей въ думѣ, могли занимать еще и другія должности, обыкновенно высшія (но не думные дворяне и дьяки; на

высшія должности они не попадали): ихъ назначали воеводами въ полки; они управляли областями, приказами, ѣздили въ послахъ къ иноземнымъ государямъ; одѣтые въ золотое платье, участвовали во всѣхъ церемоніяхъ царскаго двора, на пріемѣ пословъ при выходахъ государя въ церковь; сопровождали его въ поѣздкахъ по монастырямъ на богомолье, въ загородные дворцы или на охоту. Примѣнительно къ современной терминологіи, это были генералы-военачальники, губернаторы, министры, посланники или ихъ ближайшіе сотрудники и помощники, канцлеры, статсъ-секретари, генералъ-и флигель-адъютанты.

Бояре. Чинъ боярина былъ самый высшій. Званіе это не было наслѣдственнымъ; въ бояре жаловалъ государь, но обыкновенно онъ считался съ сложившимися представленіями о родовой чести той или иной фамиліи. Нѣкоторые боярскіе роды считали своимъ правомъ сразу получить чинъ боярина, еще въ молодыхъ годахъ, другіе, менѣе родовитые, дослуживались до него, предварительно пробывъ нѣсколько лѣтъ въ чинѣ окольничаго, и даже стольника и думнаго дворянина. Назначеніе прямо въ бояре, въ XVII ст., было привилегіей всего лишь 19 фамилій. Кромѣ одной, всѣ онѣ княжескія, въ томъ числѣ: князья Воротынскіе, Голицыны, Куракины. Морозовы (не-князья), Одоевскіе, Репнины, Сицкіе, Трубецкіе, Урусовы, Хованскіе, Шаховскіе, Шуйскіе.

Фамилій менѣе родовитыхъ, достигавшихъ боярскаго званія лишь послѣ предварительной выслуги въ чинѣ окольничаго, числилось, въ XVII ст., 40:

а) Старые боярскіе роды: Захарьины-Романовы-Юрьевы, Бутурлины, Годуновы, Головины, Милославскіе, Нарышкины, Пушкины, Салтыковы, Стрѣшневы, Хитрово, Шеины, Шереметевы и др.

б) Второстепенные князья: Барятинскіе, Бѣльскіе, Волконскіе, Долгорукіе, Лобановы-Ростовскіе, Масальскіе, Пожарскіе, Прозоровскіе, Ромодановскіе, Троекуровы, Хилковы, Черкасскіе и др.

Окольничіе — второй думный чинъ. Знать, но второстепенная. Ихъ служба была около государя. Сопровождая царя въ его поѣздкахъ, они ѣхали впереди для заготовки лошадей, ночлега; во дворцѣ завѣдывали пріемомъ иностранныхъ пословъ, вводили въ кабинетъ государя тѣхъ, кого тотъ принималъ у себя. Самые приближенные къ государю носили званіе ближнихъ и комнатныхъ окольничихъ — эти стояли даже выше бояръ.

Думные дворяне — третій думный чинъ. Знатью они не были. Въ этотъ чинъ возводили людей неродословныхъ, обыковенно изъ первостепенныхъ дворянъ, изъ московскихъ же дворянъ брали только слой второстепенный. Хотя думные

дворяне, совмѣстно съ боярами и окольничими, считались совѣтниками государя, но равной чести не только съ ними, но даже съ дворянами старинныхъ знатныхъ фамилій не имѣли; вотъ почему изъ московскихъ дворянъ въ думные повышали лишь менѣе родовитыя фамиліи: для родословнаго московскаго дворянина никакой не было чести попасть въ думные дворяне. Кромѣ участія въ думѣ, думные дворяне несли разныя обязанности по военной службѣ, во дворцѣ и въ приказахъ.

Думные дьяки — изъ разряда приказныхъ людей. Впервые появляются въ началѣ XVII в. Люди мелкіе, худородные, они занимали въ боярской думѣ послѣднее мѣсто; въ присутствіи государя обыкновенно стояли и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ удостоивались разрѣшенія сѣсть. Опытные дѣльцы, они возвышались исключительно благодаря своимъ талантамъ и знаніямъ, принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ, брали на себя инищіативу и, случалось, проводили свое мнѣніе вразрѣзъ мнѣнію остальныхъ членовъ. Въ служебной іерархіи они занимали мѣсто послѣ стряпчаго съ ключомъ.

Б. **Дворяне.** Они дѣлились на два класса: высшій — московскіе дворяне; низшій — городовые дворяне.

Московскіе дворяне — вмѣстѣ съ дворянами городовыми составляли собственно служилыхъ людей, главную военную силу. Это были своего рода гвардейскіе полки, войска столичной службы. Въ 1550 г., при Иванѣ Грозномъ, свыше 1000 человѣкъ изъ «лучшихъ людей» были надѣлены помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ и составили основной кадръ служилаго класса. Ихъ близость къ столицѣ сохранилась и на будущее время. Быть записаннымъ по «московскому списку» значило попасть въ привилегированные полки.

Званіе московскаго дворянина было наслѣдственнымъ, но оно пріобрѣталось и выслугою. По служебной іерархіи мѣсто московскаго дворянина было за придворными чинами и всегда впереди дворянъ городовыхъ. Преимущество московскихъ дворянъ передъ городовыми въ томъ, что они столичные, а тѣ провинціальные; ихъ служба проходила по близости московскаго двора и зачастую на глазахъ государя. Московскіе дворяне по преимуществу назначались въ стольники, стряпчіе и другіе придворные чины; они состояли на службѣ при царицахъ, участвовали въ посольствахъ, назначались въ приказы и на воеводства, посылались съ разными порученіями по городамъ, предводительствовали полками (Сергѣевичъ).

Городовые дворяне (дѣти боярскіе). По сравненію съ дворянами московскими, это армейскіе полки, — самая обширная группа служилыхъ людей. Ихъ вотчины и помѣстья лежали въ другихъ уѣздахъ, не въ Московскомъ; особенно много горо-

довыхъ было расположено въ уѣздахъ пограничныхъ, по тамошнимъ городамъ-укрѣпленіяхъ, откуда произошло и самое ихъ названіе. Это были рядовые воины, и на должности командпаго состава ихъ не назначали. Вся военная сила Московскаго государства зиждилась на нихъ и на дворянахъ московскихъ.

В. **Стрѣльцы, казаки, пушкари, драгуны** — низшій разрядъ служилыхъ людей.

Г. **Иноземцы** — иноземныя войска, наемныя и состоявшія на жалованьи.

Д. **Придворные чины.** Ихъ можно раздѣлить на старшихъ и младшихъ: а) крайчій, конюшій, дворецкій, оружничій, постельничій, стряпчій съ ключомъ, казначей, — всего 7 чиновъ; въ первые четыре возводились обыкновенно бояре, окольничіе, люди родовитые, въ остальные три брались люди неименитые. Въ каждую изъ этихъ должностей возводилось одно только лицо; другихъ крайчихъ, конюшихъ и проч. одновременно не бывало; б) стольники, спальники, стряпчіе — ихъ было одновременно по нѣскольку человѣкъ, обыкновенно даже помногу.

1. **Крайчій** — самая почетная придворная должность: на церемоніальныхъ обѣдахъ стоялъ за стуломъ государя, руководилъ подачею ему яствъ и питья (по нынѣшему: оберъ-шенкъ); завѣдывалъ стольниками. Въ крайчіе назначались лица изъ лучшихъ фамилій; обыкновенно, черезъ нѣсколько лѣтъ службы, они повышались въ бояре.

2. **Конюшій** — управлялъ обширнымъ конюшеннымъ вѣдомствомъ, царскими выѣздами (по нынѣшнему: оберъ-шталмейстеръ); назначался изъ бояръ. «Кто бываетъ конюшимъ, и тотъ первый бояринъ чиномъ и честью» (Котошихинъ).

3. **Дворецкій** — завѣдывалъ царскими имѣніями и царскимъ дворомъ; тоже одна изъ высшихъ придворныхъ должностей (по нынѣшнему министръ императорскаго двора и удѣловъ). По мѣсту службы онъ шелъ непосредственно вслѣдъ за конюшимъ.

4. **Оружничій** — завѣдывалъ Оружейной палатой и Оружейнымъ приказомъ. Въ это званіе назначались люди родовитые.

5. **Постельничій** — завѣдывалъ царскимъ гардеробомъ, спалъ въ одной комнатѣ съ царемъ или около, ходилъ съ нимъ въ баню. Это ближайшій къ государю слуга. Въ его вѣдѣніи состояли спальники, состоявшіе на дежурствѣ, и стряпчіе. Въ постельничіе назначались изъ третьестепенныхъ не-княжескихъ родовъ; но по мѣсту они шли вслѣдъ за оружничимъ.

6. **Стряпчій съ ключомъ** — вѣдалъ обширный штатъ придворныхъ стряпчихъ.

7. **Казначей** — хранилъ государеву казну, т. е. платье, бѣлье, мѣха, посуду, драгоцѣнности, деньги. Занимали эту должность люди новые, неименитые, но довѣренные. Должность казначея прокладывала дорогу къ высшимъ почестямъ вплоть до боярства. Казначей присутствовалъ въ боярской думѣ и писался выше думныхъ дворянъ.

8. **Стольники, спальники** — придворныя должности, на которыя назначались обыкновенно дѣти знатныхъ лицъ, бояръ, окольничихъ, — кандидаты на отцовскія званія. Стольники состояли при столѣ государя; на парадныхъ обѣдахъ они подавали кушанья и питья; на пріемахъ иностранныхъ пословъ стояли, въ качествѣ рындъ, по сторонамъ царскаго трона. Спальники спали въ комнатѣ у царя, помогали ему одѣваться, раздѣваться. Близость такихъ стольниковъ и спальниковъ къ государю дѣлала ихъ, подобно окольничимъ, ближними, или комнатными.

Стольники назначались въ воеводы, послами, завѣдывали второстепенными приказами, стрѣлецкими полками. Уловить разницу между стольниками и спальниками не всегда возможно: стольники — понятіе болѣе широкое: изъ нихъ выбирались спальники; но стольникъ, ставъ спальникомъ, не переставалъ быть стольникомъ; это потому что спальникомъ онъ отправлялъ свою должность, стольничество оставалось въ этомъ случаѣ, какъ званіе, чинъ.

9. **Стряпчіе** — завѣдывали царскими вещами. Ихъ обязанностію было нести, при выходѣ государя въ церковь, стулъ и платокъ, держать шапку государеву; во время военнаго похода на ихъ рукахъ находилось вооруженіе государя; зимою, во время выѣздовъ, стояли «на ухабѣ» (вродѣ выѣздного лакея). Комнатные, т. е. наиболѣе приближенные къ государю, стряпчіе завѣдывали царскою постелью; какъ и стольники, стояли рындами у царскаго трона. Званіе стряпчаго въ служебной іерархіи считалось ниже званія стольника; дѣти бояръ и окольничихъ въ это званіе не возводились; на должность стряпчаго назначали обыкновенно изъ московскаго дворянства.

Штатъ придворныхъ стряпчихъ былъ обширный. Стряпчіе должны были устроивать, приготовлять, стряпать порученное имъ дѣло. Такъ, стряпчіе конюха «стряпали» на конюшнѣ: чистили, кормили, ходили за лошадьми, смотрѣли за экипажемъ, запрягали; стряпчіе въ Мастерской палатѣ «стряпали»-шили; стряпчіе на Кормовомъ и Хлѣбномъ дворѣ «стряпали»-готовили (кушанье), пекли (хлѣбъ), варили (пиво или медъ). Подобно этому, и у стряпчихъ при комнатахъ государя была своя «стряпня» — царскія вещи, которыя необходимы бывали ему въ ежедневномъ обиходѣ.Старинное выраженіе стряпать сохранилось

до нашего времени въ значеніи кухарить, готовить пищу, вообще улаживать дѣло; «состряпать свадьбу», «судейскій стряпчій» (судебный чиновникъ), «стряпчій» (ходатай по частнымъ дѣламъ) Выраженіемъ «дѣло стряпается» хотятъ сказать: дѣло налаживается, о немъ хлопочатъ.

Е. **Дьяки, подъячіе** — группа приказныхъ людей. Люди они не родословные, безъ «отечества», и мѣстничаться не могли. Ихъ служба была не военною, а гражданскою.

Дьяки — служили въ судѣ и администраціи, въ войскахъ, бывали въ посольствахъ; вѣдали государевы доходы, объявляли царскіе указы; въ важныхъ случаяхъ говорили именемъ государя. Въ приказахъ они засѣдали на положеніи равноправныхъ членовъ, товарищами бояръ и окольничихъ.

Подъячіе — «они дѣлились на старыхъ и молодыхъ. Молодые употреблялись для письма, а старые, какъ давно состоящіе въ должности подъячаго и потому опытные, дѣло знающіе, для болѣе важныхъ назначеній. Они участвуютъ на смотру служилыхъ людей, отвозятъ государеву казну, досматриваютъ съ дьяками больныхъ служилыхъ людей, а иногда назначаются и къ исправленію должности дьяка» (Сергѣевичъ).

Высшимъ слоемъ въ этой группѣ были думные дьяки. См. о нихъ выше.

3. Должности и чины. Изъ вышеизложеннаго видно, что большинство званій одновременно обозначало и должность, и чинъ, т. е. и службу, и почетное отличіе или мѣсто въ ряду другихъ мѣстъ и отличій. Напр. окольничій завѣдывалъ поѣздками государя, засѣдалъ въ боярской думѣ — эта должность и дѣлала его окольничимъ; но если его назначали вѣдать приказомъ или отправляли въ посольство, то званіе окольничаго обозначало просто чинъ. Или другой примѣръ: оружничій и конюшій были обыкновенно изъ бояръ, и въ этомъ случаѣ «бояринъ» означалъ чинъ, а званіе оружничаго или конюшаго — должность. То же самое и стольники: назначенный воеводою или начальникомъ стрѣлецкаго полка въ провинцію, стольникъ, конечно, уже переставалъ исполнять должность «при столѣ» государя и, продолжая называться стольникомъ, носилъ это званіе, какъ чинъ.

Такое смѣшеніе должностей и званій зачастую мѣшаетъ точно выдѣлить одну изъ другого тѣмъ болѣе, что въ XVII ст. и должность, и чинъ одинаково назывались чиномъ. Служилые люди, посадскіе и крестьяне, въ свою очередь, назывались, каждая группа, «чиномъ». Отсюда выраженіе «люди всѣхъ чиновъ Московскаго государства», обозначавшее совокупность всего населенія или представителей его группъ.

Чины-званія выросли изъ чиновъ-должностей; иная должность могла утратить свое первоначальное значеніе, и наименованіе, какимъ она раньше опредѣлялась, стало служить лишь для обозначенія служебнаго мѣста, подобно тому, какъ въ наше время чинъ коллежскаго совѣтника пересталъ обозначать совѣтника, служащаго въ коллегіи, а обозначаетъ чиновника, который на чиновничьей лѣстницѣ стоитъ на 6-й ступени, ниже статскаго совѣтника (5-я ступень) и выше надворнаго совѣтника (7-я). Надо только помнить, что соотношеніе чиновъ въ XVII ст. еще складывалось и окончательно еще не выработалось, такъ что не всегда ясно, кто въ ту пору былъ выше, кто ниже другого. Точнѣе это будетъ выработано позже, съ учрежденіемъ Табели о рангахъ (1722).

VI. Сельское населеніе.

1. **Два класса.** Крестьянъ, сидѣвшихъ на землѣ, было двѣ категоріи:

1) Черные или государевы люди — они жили на черной (государственной, иначе: волостной) землѣ.

2) Владѣльческіе крестьяне — они жили на земляхъ помѣщичьихъ, вотчинныхъ, монастырскихъ, дворцовыхъ (по нынѣшнему: удѣльныхъ).

И тѣ и другіе одинаково обложены были тягломъ (податью). Первоначально, на положеніи совершенно свободныхъ людей, они пользовались правомъ переходить съ одной земли на другую, выбирать себѣ своего хозяина, причемъ право это ничѣмъ не было стѣснено. Ограниченія начинаются лишь съ половины XV ст., когда установленъ былъ т. наз. Юрьевъ денъ (26 ноября). Судебникъ 1497 г. узаконилъ это ограниченіе и примѣнилъ ко всѣмъ категоріямъ крестьянъ.

2. **Задолженность крестьянъ.** Обыкновенно, поселяясь на участкѣ земли, крестьянинъ вступалъ въ договоръ съ землевладѣльцемъ, заключалъ съ нимъ, по тогдашнему выраженію, рядъ. Нужда въ хозяйственной поддержкѣ вызывала необходимость ссуды, которую онъ и получалъ въ видѣ денегъ, скота, хлѣба, земледѣльческихъ орудій и зерна для посѣва; на первое время землевладѣлецъ освобождалъ крестьянина отъ государственнаго тягла, внося его изъ собственнаго кармана, не бралъ съ него и оброка. Всю эту «подмогу», по истеченіи условленнаго срока, крестьянинъ долженъ былъ оплатить, и притомъ съ процентами, которые въ ту пору составляли пятую часть капитала (20% годовыхъ), — условія въ общемъ крайне тяжелыя. Денежная ссуда въ 120—300 (нынѣшнихъ) рублей фактически вынуждала крестьянина оставаться на землѣ без-

срочно; неуплата долга въ назначенный срокъ вела къ потерѣ личной свободы, и чаще всего должникъ вынужденъ былъ просить о новой отсрочкѣ, «переписывалъ свой вексель», на новыхъ, еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ, и совершенно запутывался въ долгахъ.

3. **Выходъ изъ этого положенія.** Выходовъ изъ такого положенія представлялось два. Одинъ — незаконный: покинуть землю, бѣжать, не расплатившись съ землевладѣльцемъ, но съ очевиднымъ для себя рискомъ. Кто покидалъ землю, не раздѣлавшись съ своими обязательствами, тотъ, какъ бѣглый, подлежалъ насильственному водворенію на прежнее мѣсто. Кромѣ того, бѣжать — значило перейти на положеніе бездомовнаго, вести бродячую жизнь, «казаковать», жить чуть не грабежемъ и насиліемъ. На пахатной землѣ все же былъ свой уголъ и хоть какой ни на есть кусокъ хлѣба.

Естественнѣе, проще былъ выходъ законный — перейти на землю другого землевладѣльца по соглашенію съ этимъ послѣднимъ. Рабочія руки въ ту пору были дороги; ихъ высоко цѣнили, ихъ искали, за ними охотились. Для этого посылались особые люди, которые разъѣзжали по уѣзду, высматривали и уговаривали крестьянина бросить своего хозяина и переселиться къ другому. Помѣщики, вотчинники, монастыри, сами крестьянскія общины, всѣ одинаково, переманивали крестьянъ другъ у друга и охотно принимали на себя уплату ихъ долговъ, лишь бы перевести рабочаго человѣка къ себѣ на землю.

Такое переманиваніе законъ первоначально не запрещалъ; но большой выгоды отъ перехода для самого крестьянина не было. Зато выгадывали тѣ, кому удалось переманить, главнымъ образомъ крупные землевладѣльцы, особенно богатые монастыри, не платившіе никакихъ налоговъ и потому имѣвшіе возможность предложить болѣе льготныя условія.

4. **Борьба за рабочія руки.** Между тѣмъ завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго открыло свободныя земли для заселенія по Волгѣ, въ бассейнѣ Камы и верхняго Дона. Населеніе хлынуло туда, какъ по собственному почину, такъ и по призыву тамошнихъ помѣщиковъ, у которыхъ въ только что отведенныхъ помѣстьяхъ еще не было заведено никакого самостоятельнаго хозяйства и которые потому особенно нуждались въ рабочихъ рукахъ. Въ силу этого посады, села и деревни въ центральныхъ уѣздахъ начали сильно пустѣть; иные совершенно обезлюдѣли. У землевладѣльцевъ и у тяглыхъ общинъ то и дѣло возникали споры по поводу сманенныхъ крестьянъ; опричнина, массами переселяя вотчинниковъ и помѣщиковъ изъ однихъ владѣній въ другія, запутала отношенія еще болѣе. Споры породили иски; дѣла по искамъ тяну-

лись годами; бѣглые скрывались; имъ легче было укрыться, чѣмъ властямъ поймать ихъ, и, чтобы покончить съ безконечными тяжбами, въ 1597 г. былъ обнародованъ указъ, по которому ходъ искамъ давался только тѣмъ, которые возникли за послѣднія 5 лѣтъ, другими словами, устанавливалась пятилѣтняя давность, и на бѣглыхъ, бѣжавшихъ раньше 1592 г. и все еще не пойманныхъ, рѣшено было «поставить крестъ», примириться съ фактомъ и болѣе не разыскивать, насильно на старыя мѣста не возвращать.

Эта мѣра была первымъ шагомъ на пути юридическаго прикрѣпленія крестьянъ. Уже въ 1620-хъ годахъ для нѣкоторыхъ видовъ крестьянства давность была продолжена на 10 лѣтъ, въ 1641 г. этотъ срокъ сдѣланъ всеобщимъ, пока, наконецъ, Уложеніемъ 1645 г. она не была отмѣнена совсѣмъ, т. е. постановлено, что какъ бы давно крестьянинъ ни покинулъ свою землю, землевладѣлецъ сохранялъ навсегда право требовать его возвращенія. Съ этихъ поръ можно стало говорить о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ.

VII. Городское (посадское) населеніе.

1. **Отличіе посада отъ города.** Городомъ называлось огороженное, укрѣпленное деревянными или каменными стѣнами мѣсто, военный оборонительный пунктъ и, одновременно, правительственный центръ даннаго уѣзда, вообще данной округи. Населеніе города состояло изъ постояннаго и временнаго. Постоянно жили здѣсь начальственныя лица, мѣстная администрація, военныя силы; здѣсь же находились: соборная церковь, «съѣзжая изба» (управленіе воеводы), тюрьма, склады военныхъ снарядовъ, хлѣбные запасы и другое казенное имущество; временно — окрестное населеніе: въ случаѣ войны оно находило тамъ убѣжище и высиживало осаду; съ этою цѣлью въ городѣ ставились «осадные дворы», въ мирное время обыкновенно пустовавшіе.

Такимъ образомъ «городъ» означалъ то, что теперь мы называемъ кремлемъ въ такихъ старинныхъ городахъ, какъ Москва, Смоленскъ или Нижній-Новгородъ (Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ); что въ Германіи въ старину называлось бургомъ (Burg), въ Польшѣ и Франціи — замкомъ (zamek — отъ слова замыкать; château — отъ латинскаго castellum).

Посадъ — это поселеніе, возникавшее у наружныхъ стѣнъ города; онъ какъ бы лѣпился къ этимъ стѣнамъ, окружалъ ихъ своимъ кольцомъ; населеніе посада занималось промыслами и торговлей; никакого военнаго отпечатка на немъ не лежало. Городъ возникалъ по иниціативѣ правительства, посадъ —

по частной инициативѣ. Разростаясь, съ увеличеніемъ населенія, посадъ, особенно если его «городъ» былъ важнымъ правительственнымъ и военнымъ центромъ, въ свою очередь обносился стѣною; вокругъ этой второй стѣны, съ теченіемъ времени, возникалъ новый поясъ домовъ; если его также не обводили стѣнами, то, въ отличіе отъ посада, этотъ поясъ, лѣпившійся уже не къ «городу», а къ «посаду», назывался слободою поселеніемъ на свободномъ, открытомъ мѣстѣ.

Въ случаѣ вражескаго нападенія слободы (и посады, если у нихъ не было стѣнъ) обыкновенно сжигались, чтобы помѣшать непріятелю засѣсть въ домахъ и съ близкаго разстоянія вредить городу-кремлю. Такъ, при нашествіи Тохтамыша (1381), посадъ подъ Москвою, тогда еще не обведенный стѣной, былъ сожженъ.

Посады существовали и въ Зап. Европѣ; они тоже ютились около «города» (бурга, замка), что нашло свое выраженіе въ языкѣ. Сравн. французское faubourg, отъ forsbourg (лат. foris — внѣ, снаружи); нѣмецкое Vorstadt (vor — передъ). И въ современномъ русскомъ языкѣ слово форштадтъ означаетъ предмѣстье, подгородную слободку.

По мѣрѣ того какъ раздвигались границы государства, «города» стали терять свой военный характеръ, разница между городомъ и посадомъ постепенно сглаживалась и оба поселенія превращались въ городъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова.

2. Послѣдовательный ростъ города Москвы.

1) Первая стадія: Кремль — «городъ»; старыя стѣны замѣнены каменными въ 1485—1495 гг.

2) Вторая стадія: Китай-городъ; обведенъ, каменными же, стѣнами и отдѣленъ отъ Кремля глубокимъ и широкимъ рвомъ въ 1535—1538 гг.

3) Третья стадія: Бѣлый городъ; широкимъ поясомъ онъ охватываетъ Кремль и Китай-городъ, упираясь концами въ рѣку Москву, на противоположномъ берегу которой лежитъ Замоскворѣчье. Въ 1586—1593 гг. Бѣлый городъ былъ обведенъ стѣнами изъ бѣлаго камня (откуда и самое названіе его); на мѣстѣ этихъ стѣнъ нынѣ пролегаютъ бульвары (считая съ З. на В.) Пречистенскій, Никитскій, Тверской, Страстной, Петровскій, Рождественскій, Чистопрудный, Покровскій.

4) Четвертая стадія: Деревянный, позже Земляной городъ; послѣднее названіе осталось за нимъ и донынѣ; новый поясъ домовъ, тоже огороженный. Въ 1591—1592 гг. онъ былъ обведенъ деревянными стѣнами; стѣны эти сгорѣли въ Смутные годы и были замѣнены въ 1637—1640 гг. землянымъ валомъ. На мѣстѣ этого вала нынѣ пролегаютъ бульвары: Зубовъ, Смоленскій, Новинскій, Кудринская, Садовая, Земляной валъ.

5) Пятая стадія: слободы и подгородныя деревни: Прѣсня, Божедомка, Мѣщанская, Басманная, село Преображенское, Семеновское и др.

3. **Крестьянскій характеръ посадовъ.** Промышленная и торговая дѣятельность жителей посада еще не создавала ему облика непремѣнно промышленнаго и торговаго поселенія. Жизнь посадскихъ людей еще долгое время оставалась слитой съ сельскою жизнью. Многіе посады составились изъ крестьянъ, которые, осѣвшись у городскихъ стѣнъ и заведя на новомъ мѣстѣ промыслы и торговлю, еще продолжали держаться за свою деревенскую землю, не бросали ее, дѣлались полупосадскими и полукрестьянами. Поэтому въ посадскомъ населеніи, по крайней мѣрѣ вначалѣ, слѣдуетъ отличать торговыхъ отъ пашенныхъ. Для пашенныхъ торговля была побочнымъ дѣломъ, а торговый человѣкъ не рѣдко кромѣ лавки имѣлъ еще свои пашни и покосы на городской землѣ. Къ тому же иные посады возникали не при городахъ, а при селахъ, на крестьянской землѣ, — тѣ еще болѣе носили характеръ посада-деревни. Вотъ почему рѣзкой грани между посадскимъ и сельскимъ населеніемъ провести вначалѣ довольно трудно, тѣмъ болѣе что и посадская и крестьянская общины, обѣ, были одинаково тяглыми. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича прикрѣпило и ту и другую; одну къ ея землѣ, къ пашнѣ и покосу; другую — къ ея посаду, къ лавкамъ и дворамъ.

4. **Два класса торговыхъ людей.**

а) Гости — самые богатые среди купцовъ; по нынѣшнему, это купцы 1-ой гильдіи. За нанесенное имъ безчестье виновный уплачивалъ 50 (тогдашнихъ) рублей.

б) Остальные купцы; они дѣлились на сотни: гостинную, суконную и черную; по нынѣшнему, это купцы 2-й и 3-ей гильдій. За безчестье имъ платилось отъ 5 до 20 рублей, смотря по сотнѣ: гостинной всѣхъ больше, черной всѣхъ меньше.

NB. Особымъ положеніемъ пользовалась фамилія Строгановыхъ. Это были крупные промышленники и землевладѣльцы, колонизаторы Пермскаго края. Почетный титулъ — именитые люди — и право именоваться въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и бумагахъ не только по имени, но и по отчеству (т. наз. право на вичъ) выдѣляли ихъ среди другихъ посадскихъ людей. За нанесенное имъ безчестье виновный уплачивалъ 100 (тогдашнихъ) рублей.

5. **Повинности.** Подобно крестьянамъ, посадскіе люди уплачивали подати въ государственную казну: т. наз. стрѣлецкую подать — на содержаніе стрѣльцовъ, постоянной пѣхоты, заведенной Иваномъ Грознымъ; они вносили полоняничныя деньги — на выкупъ плѣнныхъ; подлежали экстреннымъ де-

нежнымъ или хлѣбнымъ сборамъ. Ихъ лавки и промыслы тоже были обложены сборомъ въ пользу казны.

Кромѣ того на «гостей» было возложено завѣдываніе сборомъ таможенныхъ и питейныхъ пошлинъ, оцѣнка сибирскихъ мѣховъ въ царской казнѣ — для нихъ это было обязанностью, настоящею правительственною службою. Обыкновенно правительство опредѣляло цифру дохода со сборовъ за данный годъ, и всякій недоборъ или недочетъ взыскивался съ «гостей»

VIII. Сословія и ихъ закрѣпощеніе.

1. Сословія сложились въ Московскомъ государствѣ путемъ закрѣпощенія. XVII-й вѣкъ въ русской исторіи характеризуется образованіемъ сословій и ихъ закрѣпощеніемъ. Борьба съ внѣшними врагами потребовала отъ государства напряженія всѣхъ силъ, и потому населеніе страны было призвано на службу государству. Каждый разрядъ лицъ выполнялъ ее соотвѣтственно своему характеру и положенію. На служилыхъ людей возложена была военная служба, на тяглыхъ — тягло (подати), при чемъ переходъ изъ одного разряда въ другой былъ запрещенъ, иначе государству было бы не по силамъ опредѣлить и заранѣе знать, въ какой мѣрѣ оно можетъ расчитывать на выполненіе населеніемъ возложенныхъ на него повинностей; къ тому же, при свободѣ перехода, самыя повинности могли смѣшаться, легче было уклониться отъ ихъ отбыванія. Вслѣдствіе этого всѣ три разряда населенія были прикрѣплены къ своему мѣсту: служилый человѣкъ къ своему помѣстью, посадскій къ своему посаду и лавкѣ, крестьяне къ своей землѣ. Служилый человѣкъ не могъ отказаться отъ своего помѣстья, не могъ купить посадской земли, обзавестись лавкой, заняться промыслами; точно также и посадскому человѣку запрещалось владѣть помѣстьями, покидать свое ремесло или торговлю и браться за другое занятіе. Землевладѣлецъ, будь это помѣщикъ, вотчинникъ или монастырь, не могъ держать у себя закладниковъ, а тяглецъ закладываться. Вообще никто не имѣлъ права уклоняться отъ своего тягла и службы; всѣ разряды населенія стали подневольными работниками, слугами государства, и каждому былъ предназначенъ свой опредѣленный кругъ обязанностей. Каждый такой разрядъ или классъ людей образовалъ изъ себя замкнутый кругъ, и входъ въ него или выходъ былъ недоступенъ постороннимъ. Такъ возникли и сложились сословія.

Какъ видимъ, сословія эти характеризуются возложенными на нихъ обязанностями, и хотя у каждаго сословія были также и свои права, но не ими опредѣлялось сословное

положеніе. Обязанности и прикрѣпленіе къ своей службѣ — вотъ отличительная черта русскаго общества XVII в.

2. Сословія въ Зап. Европѣ. Совсѣмъ иначе сложились сословія въ Зап. Европѣ. Если крестьянство тамъ тоже было несвободнымъ, то посадскіе люди (городскія коммуны) сравнительно скоро добились самоуправленія и достигли значительной независимости, служилое же сословіе изначала существовало, какъ классъ людей свободныхъ и независимыхъ. Государства въ Зап. Европѣ выросли изъ завоеванія, что̀ породило феодализмъ. Феодалы владѣли своими землями не въ силу пожалованія или милости короля-сюзерена, а въ силу завоеванія, что̀ давало имъ право пользоваться плодами своей побѣды. Поэтому позднѣйшее дворянство новой Европы, выросшее изъ средневѣковыхъ феодаловъ, обладало извѣстными правами, съ которыми королевская власть должна была считаться. Этими правами, а не обязанностями и характеризуется дворянскій классъ въ Зап. Европѣ въ XVI—XVII ст.

3. Княжата и феодализмъ при Иванѣ Грозномъ. Былъ моментъ, когда нѣчто подобное феодальному классу готово было сложиться и въ Московскомъ государствѣ, — именно когда, съ уничтоженіемъ удѣловъ, бывшіе удѣльные князья, лишившись правъ государя, сохранили въ бывшихъ своихъ владѣніяхъ власть, очень близкую къ власти феодаловъ: право суда и наказанія, сборъ подати, управленіе областью. Противъ этихъ-то правъ, по духу очень близкихъ къ западноевропейскимъ, и повелъ энергичную борьбу Иванъ Грозный. Насильственно переводя княжатъ съ прадѣдовскихъ удѣловъ на новыя, совершенно имъ чуждыя земли, онъ старался этою мѣрою порвать ту духовную связь, какая у нихъ сохранялась на старыхъ мѣстахъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Цѣли своей Грозный достигъ, и потому тѣмъ легче было для его преемниковъ въ XVII ст. превратить всѣ слои служилаго сословія въ покорныхъ слугъ своего государя.

XI. Внѣшняя политика.

При первыхъ Романовыхъ отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ опредѣлялись тремя главными задачами, которыя ей предстояло разрѣшить и выполнить. Задачи эти не были чѣмъ-либо ясно сознаннымъ, не были цѣлью, поставленною намѣренно; пока никто еще ихъ тогда даже не формулировалъ, — онѣ сложились исторически, безъ участія чьей-либо индивидуальной воли; ихъ создала вся обстановка жизни, весь предыдущій ходъ событій. Выясняться начали онѣ еще въ

XVI ст., а совсѣмъ обозначились въ XVII-мъ, и съ тѣхъ поръ властно вели страну въ указанномъ жизнью направленіи.

Одна задача была — возсоединить Зарубежную Русь съ Русью Московскою, во имя племенного и религіознаго родства; другая — продвинуться къ Балтійскому морю, ради свободнаго общенія съ европейскими народами; третья — отодвинуть свои границы до береговъ Чернаго и Азовскаго моря, въ цѣляхъ лучшей обороны, а также, чтобы открыть свободный доступъ народной волнѣ, искавшей новыхъ земель для приложенія своего труда.

Въ Польшѣ мы преслѣдовали цѣли національныя; къ берегамъ Балтійскаго моря насъ влекли интересы культурные; на Черноморскомъ Югѣ, гдѣ мы искали естественныхъ границъ, предстояло рѣшить вопросъ территоріальный.

1. Польскій (національный) вопросъ.

а) **Въ XVI вѣкѣ.** Еще Иванъ III предъявилъ притязанія на русско-литовскія земли, какъ на свою «отчину», и тѣмъ намѣтилъ будущую политику возсоединенія Югозападной Руси съ Московскимъ государствомъ. Люблинская унія 1569 г., сливъ Литовскую Русь съ Польшею, превратила вопросъ литовскій въ польскій и положила начало открытому соперничеству и борьбѣ двухъ славянскихъ народовъ, польскаго и русскаго. На первыхъ порахъ счастье стояло на сторонѣ Польши. Военные таланты Стефана Баторія и внутренняя разруха, созданная собственными руками — опричниной съ ея казнями и гоненіями — свели на нѣтъ первые успѣхи Ивана Грознаго, вынудили его отказаться отъ своихъ завоеваній (Полоцкъ) и отойти за старую границу.

Успѣхъ окрылилъ Баторія. Совмѣстно съ іезуитомъ Поссевиномъ онъ уже вырабатывалъ грандіозный планъ завоеванія всей Московіи; смерть Грознаго, ничтожная фигура худоумнаго Ѳедора, жалкой куклы на московскомъ престолѣ, неизбѣжное впереди прекращеніе династіи создавали условія чрезвычайно благопріятныя для осуществленія этого плана. Развивая его дальше, польскій король уже мечталъ соединенными усиліями поляковъ и русскихъ нанести рѣшительный ударъ Османской имперіи, разгромить турокъ и, навсегда изгнавъ ихъ изъ Европы, исторгнуть христіанскіе народы изъ-подъ пяты ненавистныхъ мусульманъ. Смерть Баторія (1586) разстроила его замыслы, при выполненіи которыхъ на долю Россіи предназначалась одна служебная роль.

Не даромъ однако въ выработкѣ этого плана дѣятельное участіе принималъ Антоній Поссевинъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ членовъ Іезуитскаго ордена. Вторая поло-

вина XVI в. извѣстна въ исторіи подъ именемъ «католической реакціи». Проповѣдь Лютера, Цвингли и Кальвина въ первой половинѣ этого вѣка отторгла отъ Римской церкви цѣлыя области и народы; тяжелыя потери заставили католиковъ очнуться и отдать себѣ отчетъ въ недостаткахъ и порокахъ, закравшихся въ церковь; лучшія силы въ католическомъ мірѣ загорѣлись пламеннымъ, благороднымъ желаніемъ посильно исправить зло, приложивъ всѣ усилія къ тому, чтобы вернуть въ лоно Римской церкви уклонившихся отъ ея ученія. При этомъ имѣлись въ виду не только новые «еретики» (протестанты), но и старые «схизматики», какъ обыкновенно называли на Западѣ исповѣдующихъ православную вѣру. Тридентскій соборъ (1545—1563) приложилъ старанія къ тому, чтобы очистить католическую церковь отъ искаженій, озаботился возстановить среди духовенства чистоту нравовъ, строгую дисциплину, поднялъ авторитетъ папы, а Игнатій Лойола, сжигаемый пламенной вѣрою, создалъ духовное братство съ желѣзной, чисто военной дисциплиной, съ тѣмъ, чтобы духовнымъ оружіемъ, путемъ убѣжденія — воспитаніемъ, школою, проповѣдью и въ сочиненіяхъ — защищать церковь и папу, оспаривая все, что противно духу католической церкви.

И въ то время, какъ Стефанъ Баторій, вооруженный мечемъ, мечталъ превратить Московское государство въ польскую провинцію, Поссевинъ мечталъ, съ крестомъ въ рукахъ, сдѣлать изъ Русской земли покорную и вѣрную дщерь Римской церкви. Мечтамъ ни того ни другого не суждено было сбыться; но чего не удалось католической церкви въ Московской Руси, того она достигла въ Русской Польшѣ: Брестская унія 1596 г. ввела значительную часть западнорусскаго населенія въ духовное общеніе съ Римомъ и открыла широкія двери католической пропагандѣ въ ущербъ православію. Съ тѣхъ поръ непріязненныя отношенія между Польшей и Россіей значительно осложнились: распря національная неразрывно сплелась съ распрей религіозной.

б) **Въ Смутное время.** Смутные годы открыли полякамъ новыя возможности. Сигизмундъ III завоевалъ Смоленскъ; часть русскихъ признала въ королевичѣ Владиславѣ царя московскаго; польскія войска, съ согласія самихъ же русскихъ, заняли Москву, сидѣли господами въ самомъ Кремлѣ — казалось, планы Баторія близки къ осуществленію; но воодушевленный патріотизмъ Минина и Пожарскаго спасъ Россію и уберегъ ее отъ позорной опасности потерять свою политическую независимость.

в) **При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ.** Новой династіи Романовыхъ выпала нелегкая задача ликвидировать тягостное наслѣдіе Смутной поры. Ликвидація эта стоила Россіи двухъ

войнъ, но удовлетворительныхъ результатовъ все же не дала. Первая война (1613-1618) кончилась въ Деулинѣ временнымъ перемиріемъ на $14^1/_2$ лѣтъ. Спора она не рѣшила: Сѣверская и Смоленская области продолжали оставаться въ рукахъ поляковъ, королевичъ Владиславъ по прежнему величалъ себя царемъ московскимъ, поляки по прежнему отказывались признать законнымъ новый государственный порядокъ, установившійся въ странѣ, — и все-таки перемирію приходилось искренно радоваться: Россіи, истерзанной, израненной въ Смутные годы, необходимъ былъ отдыхъ; она была еще слишкомъ слаба и не въ силахъ долго сопротивляться. Вѣдь королевичъ Владиславъ съ казацкимъ гетманомъ Сагайдачнымъ стоялъ подъ стѣнами самой Москвы! вѣдь они уже бились у Арбатскихъ воротъ и чуть не ворвались въ самый городъ! Что сталось бы, если бы поляки вновь засѣли въ Кремлѣ, заставивъ молодого царя покинуть престолъ, а, можетъ быть, даже и плѣнивъ его? Какая бы новая Смута охватила тогда Русскую землю?!...

Но обѣ стороны, подписывая договоръ въ Деулинѣ, хорошо понимали, что онѣ подписываютъ, дѣйствительно, только перемиріе, что это только временная передышка. Всего три года спустя Москвѣ представится соблазнительный случай возобновить борьбу съ поляками въ союзѣ съ султаномъ, крымскимъ ханомъ и королемъ шведскимъ, и она готова серьезно задуматься, не использовать ли въ самомъ дѣлѣ его, и только сознаніе собственнаго безсилія заставитъ на этотъ разъ русское правительство благоразумно сдержаться и повременить.

Дожидаться было не долго. Въ 1632 г. умираетъ Сигизмундъ III, польскій престолъ становится вакантнымъ, въ Польшѣ наступаетъ междуцарствіе. Правительство Михаила Ѳедоровича спѣшитъ на этотъ разъ не упустить случай — онъ кажется ему благопріятнымъ: оно знаетъ, что выборы новаго короля всегда создаютъ въ Польшѣ смутные дни и расшатываютъ государственный организмъ. Русская армія движется на Смоленскъ, осаждаетъ его, крѣпость едва уже держится, но, увы! стойкій и умѣлый въ оборонѣ, когда надо выдержать осаду (защита Пскова, осажденнаго Стефаномъ Баторіемъ, 1581—1582 г.; защита Троицкой Лавры, осажденной поляками, 1608—1610 г.), русскій воинъ и военачальникъ, тотъ и другой, оба еще малоопытны въ наступательной войнѣ. Кампанія, начатая успѣшно, завершается позорнымъ концомъ. Вся артиллерія, весь военный обозъ сданы непріятелю, и, вдобавокъ, русскія войска, длинной вереницей, отрядъ за отрядомъ, проходятъ передъ побѣдоносными поляками и униженно склоняютъ передъ торжествующимъ королемъ свои знамена.

Миръ въ Поляновкѣ (1634) возстановилъ нормальныя отношенія съ Польшей; ликвидація была закончена, но цѣною

полнаго отказа отъ Смоленской и Сѣверской областей, признанія ихъ навсегда потерянными для себя. Смоленскъ, утраченный еще когда Сѣверовосточная Русь не вполнѣ объединилась (1495), возвращенный Василіемъ III (1514), — этотъ исконный русскій городъ, столь близко расположенный отъ границы московскихъ владѣній; городъ, который умѣли удержать въ своихъ рукахъ и царь Грозный, и его слабоумный сынъ, и Борисъ Годуновъ, даже легкомысленный Лжедимитрій, — теперь опять и навсегда въ рукахъ поляковъ! Тамъ теперь не только будетъ властвовать польскій мечъ, но и латинскій кржыжъ! Ликвидація Смутной поры снова отбросила насъ отъ Зарубежной Руси, «отчина» Ивана III по прежнему оставалась далекимъ, недосягаемымъ идеаломъ.

г) **При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.** Могло ли долго продолжаться такое положеніе дѣлъ? Какъ ни болитъ еще все государственное тѣло, какъ ни осторожно московское правительство и какъ ни желаетъ оно избѣжать новыхъ столкновеній, но ходъ событій сильнѣе отдѣльной воли. Въ 1642 г., обсуждая на земскомъ соборѣ вопросъ, брать или не брать Азовъ, захваченный донскими казаками, т. е. рѣшаться или нѣтъ на войну съ турками, постановили отъ Азова отказаться, въ силу всеобщаго убѣжденія, что война окажется не по силамъ; но черезъ 11 лѣтъ, на другомъ земскомъ соборѣ, вопросъ, идти ли на встрѣчу предложеній Богдана Хмельницкаго и присоединять ли Малороссію, рѣшенъ былъ утвердительно. Между тѣмъ Россія за эти 11 лѣтъ окрѣпла не на много, и предстоящая война не представлялась менѣе тяжелой; но теперь дѣло шло о единоплеменныхъ братьяхъ, о единовѣрцахъ и отступать было нельзя. Къ счастью, на этотъ разъ богъ войны оказался на сторонѣ русскихъ, а не поляковъ.

Война изъ-за Малороссіи велась съ перерывами 13 лѣтъ (1654—1667) и закончилась Андрусовскимъ перемиріемъ. Перемиріе обыкновенно заключаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не могутъ окончательно договориться, въ надеждѣ современемъ или найти новую почву для соглашенія, или получить возможность принудить противника силою принять свои условія. Андрусовскій договоръ былъ вторымъ перемиріемъ, которое Россія заключала съ поляками послѣ Смутной поры, но какъ мало походило оно на первое! Въ Деулинѣ спорныя земли остались въ рукахъ поляковъ, въ Андрусовѣ — удержавшія руки были русскія; при томъ въ спорномъ владѣніи за нами остались не только области Смоленская и Сѣверская, потерянныя царемъ Михаиломъ, но и вся лѣвобережная Малороссія, да на правомъ берегу Днѣпра городъ Кіевъ, цѣнный стратегическій ключъ къ обладанію всей западною правобережной Украйной, и вдвойнѣ дорогой, какъ символъ единенія русской на-

родности, какъ колыбель Русской земли. И, подобно тому, какъ Деулино служило для поляковъ лишь этапомъ къ Поляновкѣ и полному закрѣпленію земель, добытыхъ силою оружія, такъ и русскихъ людей Андрусовское перемиріе (заключенное на $13^1/_2$ лѣтъ и потомъ продолженное) привело черезъ 19 лѣтъ къ Московскому договору 1686 года, превратившему временный миръ въ вѣчный.

д) **При царевнѣ Софьѣ.** Договоръ 1686 г. знаменателенъ не только тѣмъ, что закрѣпилъ условія Андрусовскаго перемирія: статьи 1667 г. онъ дополнилъ еще новымъ, очень важнымъ пунктомъ. Подписывая миръ, царевна Софья и кн. В. В. Голицынъ добились отъ поляковъ обязательства не допускать со стороны католиковъ и уніатовъ притѣсненій православнаго населенія въ Рѣчи Посполитой и вообще предоставить ему полную свободу въ исповѣданіи своей вѣры, причемъ верховнымъ главою православнаго духовенства въ Польшѣ признавался, какъ и раньше, кіевскій митрополитъ. Но теперь, съ переходомъ Кіева въ русскія руки, митрополитъ становился политическимъ орудіемъ русскаго правительства, что̀ открывало послѣднему возможность неоднократно вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши.

Этотъ пунктъ договора наносилъ тяжкій ударъ политической самостоятельности Польши, открывъ собою новый, послѣдній періодъ польской исторіи — періодъ политическаго упадка. Не даромъ король Янъ Собѣсскій, принося клятву въ соблюденіи Московскаго договора, говорятъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Времена Стефана Баторія прошли безвозвратно. Сто лѣтъ, отдѣлявшія миръ 1686 г. отъ перемирія въ Запольскомъ Ямѣ (1582), прошли для Россіи не безслѣдно. Правда, завѣтъ Ивана III еще далекъ отъ выполненія: «отчина» московскихъ государей полностью все еще не собрана, но на этомъ пути сдѣлано уже много — слѣдующему вѣку предоставлена будетъ честь и слава пройти его весь почти до конца.

2. Балтійскій (культурный) вопросъ.

Продвигаясь къ Балтійскому морю, Россія встрѣтила на своемъ пути сопротивленіе главнымъ образомъ со стороны Швеціи; но, такъ какъ на этомъ морѣ она искала однѣхъ только гаваней, свободнаго выхода, то отношенія къ этому противнику сложились у нея иначе, чѣмъ къ Польшѣ: споръ шелъ только о территоріи, о политическомъ преобладаніи, на духовныя же цѣнности соперника ни та ни другая сторона не посягали: ни Швеція не думала о завоеваніи Россіи, ни Россіи не нужна была самая Швеція. Поэтому въ ихъ столкновеніяхъ больше спокойствія и терпимости, нѣтъ ѣдкаго чувства злобы и обиды,

какая выросла у поляковъ и русскихъ, на почвѣ религіозной распри и отстаиванія національной самобытности, породивъ обидныя клички: «ляхъ» для однихъ, «москаль» для другихъ.

а) **При Иванѣ Грозномъ.** Начало шведско-русской распри за финское побережье относится еще ко временамъ Ивана Грознаго. Первый свой ударъ царь удачно направилъ на Нарву (1558); послѣ нея онъ взялъ Дерптъ; русскія войска доходили до Ревеля; по началу можно было надѣяться, что мечта царя Ивана вступить въ непосредственныя торговыя сношенія съ Средней и Западной Европой, минуя посредниковъ, близка къ осуществленію; но, воюя съ Швеціей, Россія вела также войну и съ Польшей; война на два фронта оказалась ей не по силамъ и дорого обошлась, не принеся желанныхъ результатовъ. По перемирію, заключенному въ Плюсѣ на 3 года (1583) и позже продолженному до 1589 г., пришлось не только отказаться отъ Нарвы съ Дерптомъ, но отдать шведамъ еще часть своихъ собственныхъ земель: города Иванъ-Городъ (Ругодивъ), Ямъ и Копорье, лежавшіе у побережья Финскаго залива (въ полосѣ отъ устьевъ Наровы до устьевъ Невы). Такимъ образомъ жертвы, принесенныя за 25 лѣтъ войны (1558—1583), оказались напрасны: Россія не только не укрѣпилась на знакомомъ ей еще со временъ Рюрика морѣ, но потеряла и то, чѣмъ владѣла тамъ раньше.

б) **При царѣ Ѳедорѣ.** Борисъ Годуновъ однако съумѣлъ исправить ошибки царя Грознаго. По истеченіи перемирія въ 1589 г., онъ возобновилъ войну. Стефана Баторія уже не было въ живыхъ, и можно было расчитывать, что со стороны Польши опасаться пока нечего. Война продолжалась 4 года и велась удачно (1589—1593). Успѣху помогло и то, что въ 1592 г. шведскій король Іоаннъ III умеръ, и на престолъ вступилъ сынъ его Сигизмундъ, бывшій уже (съ 1587 г.) королемъ польскимъ. Въ Швеціи, еще со временъ Густава Вазы (1527), прочно утвердилось ученіе Лютера, между тѣмъ Сигизмундъ былъ преданъ, почти до фанатизма, католической вѣрѣ. Это родило въ странѣ большой разладъ, который пагубно отразился на ходѣ войны; шведы не могли осилить русскихъ и заключили сперва (1593) двухлѣтнее перемиріе, а потомъ (1595) вѣчный миръ въ Тявзинѣ (около Нарвы). По этому миру Швеція не только возвращала Россіи ея три города, Ямъ, Иванъ-Городъ и Копорье, но и отдавала еще часть Финляндіи: города Корелу (Кексгольмъ) и Колу въ сѣверной Лапландіи.

в) **Въ Смутное время.** Въ Смутные годы все это было снова потеряно. Шведы, приведенные Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ на помощь царю Василію (1609), изъ союзниковъ превратились въ враговъ, едва увидали, что королевичъ Вла-

диславъ признанъ московскимъ царемъ и русскіе обязались, по договору съ Сигизмундомъ III, дѣйствовать совмѣстно съ Польшею противъ Швеціи. Города на финскомъ побережьи были забраны снова; шведы утвердились въ самомъ Новгородѣ и заставили тамъ провозгласить царемъ Карла Филиппа, младшаго брата Густава Адольфа, который вскорѣ послѣ того наслѣдовалъ на шведскомъ престолѣ своему отцу Карлу IX (1611, ноябрь).

г) **При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ.** Таково было наслѣдіе, доставшееся новой династіи Романовыхъ. Военныя дѣйствія продолжались съ перевѣсомъ на сторонѣ шведовъ; лишь мужественная оборона Пскова, какъ и во времена Баторія, задержала непріятеля. Столбовскій вѣчный миръ положилъ конецъ распрѣ (1617). Россія теряла свои пріобрѣтенія, доставшіяся ей по Тявзинскому миру, и снова была отброшена отъ Балтійскаго моря. Какую огромную цѣну придавали шведы Столбовскому договору, можно судить по той радости и гордости, съ какою Густавъ Адольфъ обратился къ шведскому сейму: «Теперьбезъ нашего позволенія, на Балтійскомъ морѣ не появится ни одна русская лодка; озеро Ладога, озеро Пейпусъ, болота въ 30 миль шириною, надежныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ русскихъ. Не такъ то легко будетъ имъ теперь перескочить черезъ этотъ ручеекъ!».

д) **При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.** И Россія втеченіе всего XVII ст. перескочить его, дѣйствительно, не могла. Однако потребность сдѣлать скачекъ была настоятельна; отрѣзанность отъ Зап. Европы и зависимость отъ ближайшихъ сосѣдей такъ пагубно отражались на всемъ ходѣ государственной жизни, что достаточно было случайному стеченію обстоятельствъ, чтобы вызвать на новую попытку. Толчокъ былъ данъ вмѣшательствомъ шведовъ въ войну Россіи съ поляками изъ-за Малороссіи (1656). Начало военныхъ дѣйствій было удачно; русскія войска взяли Динабургъ, Кокенгаузенъ, Ніеншанцъ, подошли къ самой Ригѣ и осадили ее; но тутъ дала себя знать старая ошибка, допущенная еще сто лѣтъ назадъ при Иванѣ Грозномъ: война велась одновременно на два фронта. Оправдалась поговорка: «погнаться за двумя зайцами, ни одного не поймать». Чтобъ не обезсиливать себя на польскомъ фронтѣ, царь Алексѣй увидалъ себя вынужденнымъ заключить съ шведами перемиріе (въ Валіесарѣ, близъ Нарвы, 1658 г.). Этимъ перемиріемъ война фактически прекратилась; чрезъ три года, въ 1661 г., въ Кардиссѣ (около Ревеля) заключенъ былъ вѣчный миръ — Россія вошла въ прежнія свои границы.

Начать войну по своей инициативѣ и кончить ее ничѣмъ значило проявить свое безсиліе. Война 1656—1661 г. имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а какъ выраженіе насущной потребно-

сти перескочить знаменитый «ручеекъ». Одолѣть его досталось на долю слѣдующаго поколѣнія, въ царствованіе Петра Великаго.

3. Черноморскій вопросъ.

а) **Наслѣдіе кіевскаго періода.** Корней Черноморскаго вопроса слѣдуетъ искать въ глубокой сѣдой старинѣ. Наше продвиженіе къ Черному и Азовскому морю въ XVI—XVII вв., въ сущности, продолженіе той же борьбы со Степью, какая велась еще въ Кіевскій періодъ русской исторіи, когда князь Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, первымъ же дѣломъ началъ ставить города, укрѣплять южную границу, а за нимъ такія же города-укрѣпленія по Деснѣ, Вострѣ, по Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ строилъ Владиміръ Св.; когда другой Владиміръ, Мономахъ, совершалъ свои знаменитые походы въ половецкія степи, а неудачливый Игорь, князь Сѣверскій, томился въ плѣну. Половцевъ смѣнили татары, а съ паденіемъ монгольскаго ига южная степь нашла свое олицетвореніе въ Крымскомъ ханствѣ.

б) **Крымъ и Турція.** Крымское ханство возникло еще въ 1446 г., отдѣлившись отъ Золотой Орды. Въ 1475 г. оно признало надъ собой верховную власть турецкаго султана и съ тѣхъ поръ отношенія Москвы къ Крыму, прямо или косвенно, всегда связаны съ отношеніями къ Турціи, которая смотрѣла на земли, выросшія изъ Золотой Орды, какъ на входящія въ сферу ея вліянія, и потому не оставалась безучастною къ ихъ судьбѣ. На завоеваніе Казани и Астрахани турки отвѣтили (неудачнымъ) походомъ подъ Астрахань (1569), и если не вмѣшивались въ степную борьбу Крыма съ Москвою, зато зорко слѣдили и обороняли подступы къ морю (Азовъ, Керчь, низовья Днѣпра).

в) **Засѣчныя линіи.** Собственно войнъ, такихъ, какъ съ Швеціей или съ Польшей, Россія съ Крымомъ не вела: она держала себя съ нимъ постоянно на военномъ положеніи. Разъ только, въ 1559 г., русскій отрядъ, подъ начальствомъ Данилы Адашева, совершилъ нападеніе на самый Крымъ; обыкновенно же Москва оборонялась и заботилась главнымъ образомъ о томъ чтобы, предупредить внезапное нападеніе, возможно дольше задержать непріятеля на границѣ, чтобы дать время русскимъ силамъ собраться и выступить противъ него. Съ этою цѣлью на южной окраинѣ усиленно воздвигаются т. наз. засѣчныя линіи: рядъ засѣкъ и укрѣпленій, которыя постепенно выдвигаются все дальше и дальше въ степь.

Долгое время охранною линіею служила, какъ ее называли, береговая линія, шедшая по изломамъ теченія р. Оки (города Серпуховъ, Рязань, Касимовъ, Муромъ, Нижній-Новгородъ). «Береговою» стала она потому, что рѣка Ока

представлялась **берегомъ**, краемъ безконечнаго степного моря: здѣсь кончалась заселенная полоса земли, а тамъ дальше къ югу начинался совершенно иной міръ, открытая степная пустыня, Божья земля, никому не принадлежавшая и гдѣ, слѣдовательно, каждый могъ считать себя хозяиномъ и господиномъ.

За этой Береговой линіей, позже, выдвинута была другая, Передовая (города Алатырь, Ряжскъ, Тула, Орелъ, Новгородъ-Сѣверскъ). Планомѣрно и систематически укрѣплять южную границу и продвигать ее далѣе въ степь начали съ 1571 г. и черезъ 100 лѣтъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, засѣчная линія съ 55—54° продвинулась до 50°, т. е. верстъ на 600 вглубь, опоясанная цѣпью новыхъ городовъ: Сумы, Ахтырка, Харьковъ, Изюмъ.

Засѣчныя линіи сдѣлали свое дѣло: вторженія татаръ стали значительно рѣже. Еще Девлетъ-Гирей могъ напасть на Москву и сжечь ее (1571); по его слѣдамъ пошелъ Казы-Гирей, тоже дошедшій до самой Москвы (1591), но онъ уже не смогъ причинить ей особенно большого вреда, а въ XVII ст. русская столица и совсѣмъ освободилась отъ татарскихъ незванныхъ гостей.

г) **Черноморскій вопросъ становится вопросомъ турецкимъ.** Чѣмъ дальше продвигались мы въ степь, тѣмъ становилось яснѣе, что только пройдя всю ее и дойдя до морского берега, можно будетъ остановиться совсѣмъ и сдѣлать окончательный привалъ. Однако до моря путь оставался еще далекій; къ тому же море, несомнѣнно, грозило вовлечь въ войну съ турками, такъ что, когда донскіе казаки взяли было Азовъ (1637) и, зная, что одними своими силами тамъ имъ не удержаться, предложили его московскому правительству, то, какъ ни заманчива была мысль овладѣть подходомъ къ морю, осуществить ее не посмѣли — Турецкая имперія въ ту пору была еще очень сильной державой, и на то, чтобъ удержать Азовъ, лежащій далеко отъ коренныхъ областей (разстояніе его отъ Москвы 1200 верстъ), было мало надежды.

Дѣйствительно, первое же серьезное столкновеніе съ Османской имперіей кончилось не въ нашу пользу: когда Малороссія и Дорошенко втянули Россію въ войну съ турками (осада и взятіе ими Чигирина), пришлось отказаться въ ихъ пользу отъ Западной Украйны и навязать себѣ непосредственное съ ними сосѣдство (20-тилѣтнее перемиріе, заключенное въ Бахчисараѣ въ 1681 г.).

Такимъ образомъ конецъ настоящаго періода засталъ Россію, въ разрѣшеніи Черноморской задачи, на полдорогѣ. Прочный успѣхъ ждалъ ее лишь во второй половинѣ XVIII ст., въ царствованіе Екатерины II.

4. Направленіе русской политики.

а) **Международный характеръ войнъ.** Во внѣшней политикѣ Россіи втеченіе XVI и XVII вв. полезно отмѣтить одну особенность (позже, въ XVIII и XIX ст., она выступитъ еще ярче и нагляднѣй): ни одной войны не вела она съ своимъ противникомъ безъ того, чтобы въ нее не вмѣшался третій, посторонній. Это впрочемъ судьба не ея одной: современная ей Европа находилась въ такомъ же положеніи; и тамъ поединокъ между двумя почти всегда превращался въ состязаніе между нѣсколькими — доказательство, что прежней изолированной жизни наступилъ конецъ, что настала пора тѣсныхъ международныхъ сношеній и что, потому, всякая рѣзкая перемѣна въ судьбѣ одного государства не могла не затронуть интересовъ другого. Стоитъ двумъ государствамъ начать распрю, третье уже зорко слѣдитъ за нимъ, и, пользуясь тѣмъ, что сосѣди заняты собою, старается устроить свои дѣла, захватываетъ, что ему надо, или же принимаетъ непосредственное участіе въ борьбѣ, оказывая поддержку одному изъ соперниковъ, если находитъ, что усиленіе другого грозитъ ему самому опасностью.

Дѣйствительно, итальянскіе походы французскихъ королей въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. не замедлили породить лигу заинтересованныхъ державъ, которыя общими усиліями, заставили французовъ отказаться отъ Италіи; 30-лѣтняя война, изъ внутренней германской, превратилась въ общеевропейскую, а каждая война Людовика XIV съ Испаніей или Германіей становилась борьбою противъ цѣлой коалиціи.

То же и на Востокѣ Европы. Иванъ Грозный началъ войну съ Ливоніей, и будь она локализована, цѣли своей — утвердиться на Балтійскомъ морѣ — онъ бы достигнулъ; но въ войну вмѣшались Швеція и Польша, стали поперекъ дороги и разстроили его планы. Стоило Василію Шуйскому позвать на помощь себѣ шведовъ противъ Тушинскаго вора и казацкихъ шаекъ, какъ Польша, въ ту пору открытый врагъ и соперникъ Швеціи, увидѣла въ этой помощи, вполнѣ основательно, угрозу себѣ, и на появленіе отряда Делагарди поспѣшила отвѣтить осадою Смоленска. Въ свою очередь соглашеніе русскихъ бояръ съ Сигизмундомъ и обязательство поддерживать его политическіе интересы понудили Швецію изъ союзника Россіи превратиться въ врага. Точно также и въ царствованіе Алексѣя Мих. успѣхи, достигнутые въ борьбѣ съ поляками изъ-за Малороссіи, встревожили шведовъ и привели къ вооруженному столкновенію съ ними. И такъ какъ воевать заразъ съ двумя было не подъ силу, то московское правительство заключило Кардисскій миръ, чтобы имѣть возможность сосредоточить всѣ силы на польскомъ фронтѣ.

б) **Ордынъ-Нащокинъ и царь Алексѣй.** Почему не наоборотъ? Можетъ быть, выгоднѣе было помириться не съ Швеціей, а съ Польшей и добиваться прочнаго положенія на Финскомъ заливѣ? Такъ было и думалъ Ордынъ-Нащокинъ, начальникъ Посольскаго приказа, ближайшій совѣтникъ и сотрудникъ въ ту пору царя Алексѣя. Но самъ царь не раздѣлялъ его взглядовъ.

Горячій сторонникъ сближенія съ Западомъ, Ордынъ-Нащокинъ особенно настойчиво добивался свободнаго доступа къ морю; въ этомъ отношеніи онъ непосредственный предшественникъ Петра В., и такъ же, какъ тотъ, «мечталъ» прорубить окно въ Европу». Въ этихъ видахъ онъ, дѣйствительно, готовъ былъ поступиться даже Малороссіей и вернуть ее полякамъ, лишь бы заключить съ ними тѣсный союзъ и тѣмъ обезпечить Россіи рѣшительную побѣду надъ Швеціей.

Иначе смотрѣлъ на дѣло царь Алексѣй. Онъ находилъ, что Малороссія намъ дороже, необходимѣе, и настоялъ на заключеніи Кардисскаго мира. И онъ былъ правъ. Прежде всего для массы народной борьба за Малороссію была понятнѣе, ближе къ сердцу: тамъ жили свои родные братья, терпѣвшіе за православную вѣру, и потому война съ поляками пользовалась въ обществѣ большею популярностью. Отнимая у Польши Малороссію, въ извѣстной степени ей какъ бы отплачивали за зло, причиненное въ Смутные годы, а зло это чувствовалось всѣми еще живо и болѣзненно. Между тѣмъ пользу и необходимость моря сознавали немногіе, большинство готово было видѣть въ завоеваніи его скорѣе зло, чѣмъ благо: сближеніе съ Западомъ многихъ пугало — какъ бы не пошатнулись устои и завѣты родной старины!

Кромѣ того причины русско-польскаго разлада были настолько жгучія, что надѣяться на прочный миръ съ поляками, прежде чѣмъ имъ не будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ, было трудно. Наконецъ, царемъ руководило еще одно соображеніе, чисто военнаго характера. Ни Кіевъ, ни Смоленскъ, т. е. ни среднее, ни верхнее теченіе Днѣпра еще не были въ нашихъ рукахъ; царь Алексѣй опасался начинать серьезное дѣло въ такой обстановкѣ: финское побережье лежало далеко, и рискованно было «рубить окно», имѣя въ тылу сосѣда, который навѣрное не умедлилъ бы использовать первое же наше тамъ затрудненіе и свести съ нами счеты. Одно дѣло завоевать Нарву или занять устья Невы, другое — удержать ихъ. Безъ опоры въ тылу мы рисковали очутиться въ такомъ же положеніи, отъ какого еще недавно предусмотрительно избавили себя, отказавшись (1642) отъ предложеннаго намъ Азова. Иное дѣло послѣ Андрусовскаго и особенно Московскаго договора 1686 г.: твердая позиція, занятая на Днѣпрѣ, дозволила гораздо свободнѣе развернуть свои силы въ шведскомъ направленіи и самую

Польшу использовать въ своихъ интересахъ — это и не замедлитъ сдѣлать Петръ В. черезъ какихъ-нибудь 14 лѣтъ (1700).

X. Войско.

1. Ростъ военныхъ силъ. Продолжительныя войны, необходимость постоянно готовиться къ нимъ, держать себя на чеку и неустанная забота объ охраненіи южныхъ границъ легли тяжелымъ бременемъ на страну, потребовавъ отъ нея громаднаго напряженія силъ. За 50 лѣтъ (1631—1681) численность арміи увеличилась въ 5 разъ, съ 33 тыс. человѣкъ до 164 тыс., не считая 50 тыс. малорусскихъ казаковъ.

2. Военные округа. Въ то же время существенно измѣнилась самая обстановка военныхъ дѣйствій. Благодаря военнымъ успѣхамъ, границы государства значительно раздвинулись, и сосредоточивать военныя силы попрежнему на близкомъ разстояніи отъ столицы, посылая ихъ отсюда ежегодно на дальнія разстоянія, стало невыгодно; на окраинахъ пришлось держать постоянно значительное число служилыхъ людей, и управлять всѣми ими изъ Москвы было теперь тоже неудобно. Это побудило московское правительство создать вмѣсто одного военнаго центра, московскаго, нѣсколько. Такъ возникли новые военные округа, или, какъ ихъ тогда называли, разряды. Каждый изъ разрядовъ вѣдалъ извѣстнымъ числомъ полковъ, которые формировались изъ жителей городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ данному округу. Всего къ 1681 году существовало 9 разрядовъ. Они развились постепенно изъ прежняго Московскаго, бывшаго раньше единственнымъ на все государство. Сперва выдѣлились два округа при Михаилѣ Ѳед. — Рязанскій и Украинскій; потомъ пять при царѣ Алексѣѣ — Новгородскій, Сѣверскій (для Путивля, Мценска и Курска), Бѣлгородскій, Тамбовскій и Казанскій; наконецъ, два при царѣ Ѳедорѣ — Владимірскій (для Ярославля и Костромы) и Смоленскій. Московскій же округъ сохранился на старомъ основаніи, съуженный до предѣловъ одного Московскаго уѣзда. Онъ завѣдывалъ московскими дворянами.

3. Войска иноземнаго строя. Одновременно приложено было много старанія къ тому, чтобы поднять качественный уровень войска. Вызванные изъ-за границы иноземные офицеры-инструкторы обучали войско новому иноземному строю; подъ ихъ руководствомъ возникли полки рейтарскіе (конница), солдатскіе (пѣхота) и драгунскіе (смѣшанные, коннопѣшіе). Эти полки такъ и стали называться полками иноземнаго строя, въ отличіе отъ прежнихъ, старой выучки (стрѣльцы, пушкари и др.).

Отличаясь по строю, эти войска отличались отъ старыхъ также и по способу ихъ комплектованія: въ рейтарскіе полки брали одного рекрута съ 100 дворовъ, набирая ихъ не только съ даточныхъ помѣщичьихъ и монастырскихъ, но изъ охочихъ людей (добровольцевъ); въ полки солдатскіе — одного рекрута ставили каждые 20 дворовъ, тоже изъ даточныхъ и охочихъ. Новымъ полкамъ платили жалованіе и выдавали оружіе. Такой порядокъ явился переходомъ къ будущей системѣ рекрутскихъ наборовъ въ томъ видѣ, какъ она позже (при Петрѣ В.) возникла и продержалась въ Россіи вплоть до введенія въ ней всеобщей воинской повинности (1874).

4. Постоянные офицерскіе кадры. Новую армію пока еще нельзя было назвать регулярною: она еще не стала постоянною, какою сдѣлается при Петрѣ В.: кончалась война, и полки, стараго и новаго строя, безразлично, распускались попрежнему по домамъ. Однако все же и въ мирное время, осенями, послѣ уборки хлѣбовъ, ихъ теперь собирали въ опредѣленные пункты и обучали военному дѣлу. Командный же составъ, офицеры, числился на службѣ и безъ войны, и съ этою цѣлью устраивался на жительство въ городахъ, поближе къ расположенію своихъ полковъ. Наличность постоянныхъ офицерскихъ кадровъ значительно облегчала, въ случаѣ похода, переходъ войска съ мирнаго положенія на военное.

5. Иноземцы на русской службѣ. Военныя нужды не позволили ограничиться однѣми домашними силами. Со времени Второй польской войны (1632—1634) въ Россіи появились иноземные полки, отдѣльными отрядами или въ полномъ составѣ нанятые за границей и, подъ начальствомъ иноземныхъ же офицеровъ, призванные на русскую службу. Московское правительство стало выписывать оттуда также огнестрѣльное оружіе, артиллерійскіе снаряды, покупать въ Швеціи желѣзо для отливки изъ него пушекъ; искать желѣзную руду у себя дома, заводить собственные оружейные заводы (въ Тулѣ).

6. Расходы. На все это требовались деньги. Расходы по содержанію войска увеличились за 50 лѣтъ (1631—1681) съ 3 милліоновъ на наши деньги до 10 милліоновъ, а это составляло въ ту пору половину государственнаго бюджета.

XI. Финансовыя мѣры.

1. Уклоненіе отъ тягла. Военныя нужды требовали большихъ расходовъ — изъ какихъ же источниковъ будетъ черпать правительство средства для ихъ покрытія? Самый правильный и разумный путь былъ — поднять производительныя силы страны, содѣйствовать развитію земледѣлія и промышленности,

найти рынокъ для сбыта товаровъ. Но это былъ путь долгій.

Разбѣжавшееся въ Смутные годы крестьянство еще не вездѣ и не сразу послѣ Разрухи вернулось на свои мѣста; множество дворовъ опустѣло; пахатные участки лежали заброшенными, ихъ хозяева — кто перебитъ, кто томился въ плѣну или пропадалъ безъ вѣсти. Въ свою очередь крестьяне, вернувшіеся изъ бѣговъ на свои земли, съумѣли эгоистически использовать это отсутствіе хозяевъ въ ущербъ государству: собственные участки, записанные въ сошное письмо и, слѣдовательно, подлежавшіе правительственному контролю, они стали обрабатывать далеко не полностью, лишь ничтожную часть ихъ, а потому и тягла платили значительно меньше, — только за эту распахиваемую часть; зато всѣ силы клали на обработку сосѣднихъ безхозяйныхъ участковъ, податями не обложенныхъ. Ухитрялись они также распахивать земли при усадьбахъ и огородахъ, въ тягло тоже не внесенныя; наконецъ, забрасывали собственныя земли и нанимались къ монастырямъ и къ крупнымъ богатымъ землевладѣльцамъ.

2. Закладничество. Тяглые люди нашли еще одинъ способъ уклоняться отъ тягла — закладничество. Продавая или отдавая въ залогъ свой дворъ служилому человѣку или, еще чаще, монастырю, тяглецъ выходилъ изъ общины, сбрасывалъ съ себя ту долю повинностей, какая лежала на немъ, какъ на членѣ крестьянской общины, и тѣмъ самымъ вынуждалъ платить за себя тѣхъ, кто въ общинѣ оставался. Понятно, какъ страдала отъ этого община: чѣмъ меньше оставалось въ ней тяглецовъ, тѣмъ большій окладъ приходился на каждаго оставшагося. При тяжелыхъ налогахъ вообще, закладничество неизбѣжно усиливало бѣгство изъ общины, разоряло ее; недоимки, и безъ того всегда большія, увеличивались еще больше, въ конечномъ результатѣ страдало и само государство.

3. Положеніе торговли и промышленности. Смута тяжело отразилась и на этихъ отрасляхъ дѣятельности. Торговлей и ремеслами занимались въ ту пору мало и неохотно. Торговецъ и промышленникъ подвергались произволу воеводъ, вообще всякихъ сильныхъ людей; правосудія имъ было трудно найти; принадлежа къ наиболѣе зажиточному классу, они тяжелѣе другихъ облагались налогами, обязательными взносами; дурныя дороги затрудняли сообщеніе; вдобавокъ проѣздъ по нимъ былъ далеко не безопасенъ: разбойники ходили открыто толпами по дорогамъ и грабили проѣзжающихъ, такъ что правительству приходилось высылать противъ нихъ вооруженные отряды.

При царѣ Михаилѣ завели желѣзодѣлательные заводы (Виніусъ и Марселисъ въ Тулѣ, на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ);

во второй половинѣ XVII ст. появились фабрики полотняныя, шелковыя, суконныя; поташный, стеклянный заводъ, но главнымъ образомъ для нуждъ одного царскаго двора; началась разработка природныхъ богатствъ въ нѣдрахъ земли (добыча желѣзной, мѣдной руды); въ Астраханскомъ краѣ положено начало виноделію; однако, какъ ни разумно все это было, подобныя мѣры не могли удовлетворить и сотой доли потребностей государственной казны.

Даровали иностранцамъ право безпошлинной торговли, и на первое время результаты оказались довольно благопріятные: въ странѣ появилось много серебряной монеты, зато вся польза отъ торговли шла въ чужой карманъ: конкуренція иностранныхъ купцовъ, поставленныхъ въ лучшія условія, загубила русскую торговлю, такъ что вскорѣ (1649) пришлось возстановить старый порядокъ: попрежнему облагать ввозные товары пошлиною.

4. Источники доходовъ. Такимъ образомъ, чтобы удовлетворить неотложнымъ нуждамъ, у правительства оставалось лишь одно средство: не дожидаясь улучшенія народнаго благосостоянія, черпать непосредственно изъ народнаго кармана, облагая населеніе всякаго рода налогами, податями, оброками и даже прибѣгая къ принудительнымъ займамъ. Но такъ какъ Россія была страной исключительно земледѣльческою, то и главная подать, на которой строилось все финансовое хозяйство государства, была земельною. Подать эта сперва носила названіе посошной, позже — подворной.

5. Посошная подать. Размѣръ подати съ тяглаго населенія (крестьянъ, сидѣвшихъ на самой землѣ, и посадскихъ, владѣвшихъ пахатной землею) опредѣлялся т. наз. сошнымъ письмомъ. Нормою оклада (т. е. податною единицею) еще со временъ Ивана IV считалась соха, опредѣленное количество обработанной и, значитъ, приносящей доходъ земли. Обыкновенно размѣръ «сохи» былъ въ 400 десятинъ (или 800 четвертей) «доброй» земли въ одномъ полѣ, или въ 1200 дес. (2400 четв.) въ трехъ поляхъ. Если земля была качествомъ ниже, то единицею служила «соха» въ 500 дес. (1000 четв.) «средней» земли, а если она была «худая», то цифра десятинъ повышалась до 600 (1200 ч.) въ одномъ полѣ.

Эти цифры относятся къ помѣщичьимъ и вотчиннымъ землямъ. Размѣръ монастырской сохи былъ нѣсколько выше: въ 600, 700 и 800 дес. доброй, средней и худой земли; соха на черныхъ (казенныхъ) земляхъ была въ 500, 600 и 700 дес. Это значитъ, что помѣщичій и вотчинный крестьянинъ платилъ всѣхъ больше (такъ какъ окладъ подати вездѣ былъ одинаковый); легче всего приходилось тѣмъ, кто сидѣлъ на монастырскихъ земляхъ.

Главный предметъ государственныхъ расходовъ были нужды военныя, и доходъ съ земельной подати шелъ главнымъ образомъ на удовлетвореніе ихъ. Часть сбора, шедшая на военнныя надобности, носила названіе стрѣлецкой подати, со временъ еще Ивана Грознаго, когда впервые заведено было постоянное стрѣлецкое войско. Стрѣлецкая подать первоначально взималась натурою, хлѣбомъ, что̀ сопряжено было съ другою повинностью, тяжелою для населенія — подводною (хлѣбъ надлежало свозить съ крестьянскихъ пашенъ въ центральные склады), а въ неурожайные годы грозило чуть ли не голодомъ населенію. Позже, переведенная на деньги, подать эта составила 80% всѣхъ податей. Насколько она была тяжела, можно судить потому, что недоимки числились главнымъ образомъ на ней. Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ, указывающихъ размѣръ стрѣлецкой подати въ разное время:

1615 г.	— 150 рублей.	1637 г.	— 240 рублей.
1620 г.	— 90 »	1654—1660 г.	— 228 »
1635 г.	— 120 »	1663—1671 г.	— 822 рубля.

Цѣны показаны въ рубляхъ того времени; по курсу, стоявшему до войны 1914 г., приведенныя цифры слѣдуетъ повысить въ 12—15 разъ.

Чтобы провѣрить платежныя силы населенія и выяснить размѣръ дохода, на какой можно было расчитывать отъ посошнаго налога, въ 1620-хъ годахъ произведена была опись недвижимаго имущества у городского и сельскаго населенія, и на основаніи ея составлены т. наз. писцовыя книги. Книги эти содержали описаніе жилья, хозяйства, всякаго рода имущественнаго владѣнія, что̀ позволяло правительству составить довольно отчетливое представленіе о хозяйственномъ положеніи страны и матеріальныхъ ея средствахъ, и не только тяглаго, но и не тяглаго населенія.

Въ городахъ (т. е. въ укрѣпленныхъ мѣстахъ) описывались укрѣпленія, казенныя постройки, военные запасы, дворы; въ посадахъ (городъ въ современномъ значеніи слова) — дворы, лавки, пожни, угодья, — что̀ въ какомъ приходѣ, въ какой улицѣ или слободѣ; по волостямъ — описывались черныя (государственныя) земли, монастырскія и церковныя, вотчинныя, помѣщичьи; села, деревни, починки, пустоши; въ каждомъ поселеніи — дворы владѣльческіе, крестьянскіе; указывался размѣръ земли вспаханной, перелога, поросшей лѣсомъ; количество собираемаго сѣна и лѣса.

6. Задворные люди. Постепенно въ XVII ст. выросло явленіе, обратившее на себя серьезное вниманіе правительства, такъ какъ оно нарушало государственные интересы и грозило новыми недоимками, отъ которыхъ и безъ того сильно терпѣла

казна. «Смутное время пронеслось по странѣ ураганомъ, который вымелъ массы крестьянства изъ центральныхъ областей государства. Почувствовалась острая нужда въ рабочихъ земледѣльческихъ рукахъ, которая заставила землевладѣльцевъ обратиться къ старинному испытанному средству, искать новыхъ рукъ для сельской работы въ холопствѣ. Они начали сажать своихъ дворовыхъ людей на пашню, давать имъ ссуду, обзаводить ихъ дворами, хозяйствомъ и земельными надѣлами. Такъ, среди холопства возникъ сельскій классъ, получившій названіе задворныхъ людей, потому что они селились особыми избами, «за дворомъ» землевладѣльца. Численность этого несвободнаго сельскаго класса замѣтно растетъ въ продолженіи XVII ст.» (Ключевскій). На положеніи холоповъ, задворные люди не несли земельнаго тягла, и, значитъ, пахотная земля, съ которой государство расчитывало имѣть доходъ, ускользала отъ него. Правительство однако не замедлило положить конецъ такому положенію дѣла, когда убѣдилось, что размѣры задворной пашни приняли угрожающіе размѣры. Въ 1678 г. задворные люди были записаны въ тягло и уравнены, въ несеніи этой повинности, съ крестьянами.

7. Подворная подать. Возникновеніе класса задворныхъ людей, въ частности; разнообразные способы, къ какимъ прибѣгало крестьянство, чтобы уклониться отъ земельнаго тягла, вообще, — свидѣтельствовали, что система посошной подати уже перестала удовлетворять своему назначенію, вслѣдствіе чего правительство замѣнило ее податью подворной, т. е. въ уплатѣ тягла стало руководиться не количествомъ запаханной земли, а числомъ крестьянскихъ дворовъ, на какой бы землѣ эти дворы ни стояли, чѣмъ бы жившій въ нихъ земледѣлецъ ни занимался, и, подобно тому, какъ раньше, для выясненія пахатныхъ «сохъ», оно составляло писцовыя книги, такъ и теперь оно произвело подворную перепись и результаты ея внесло въ переписныя книги, обративъ, при составленіи ихъ, главное вниманіе уже не на земли, угодья и промыслы, а на личный составъ двора и семейное или возрастное положеніе лицъ, тамъ живущихъ.[1])

Разныя цѣли, поставленныя писцовымъ и переписнымъ книгамъ, обусловили и разницу въ ихъ содержаніи. «Въ

[1]) Переписныя книги составлялись въ 1646 и 1676 гг.; подворная подать введена была только послѣ 1676 г. Правительство постаралось избѣгнуть рѣзкаго скачка отъ одной системы обложенія къ другой, столь непохожей на прежнюю. Переходнымъ звеномъ отъ земельной подати къ подворной послужила т. наз. живущая четверть, — податная единица, которая образовывалась изъ небольшаго числа дворовъ, обыкновенно изъ десяти. Значитъ, подвергалось обложенію еще не каждое отдѣльное хозяйство, а пока только незначительная сумма такихъ хозяйствъ.

писцовыхъ книгахъ перечисляется тяглое и нетяглое населеніе; въ переписныхъ — одно тяглое. Въ писцовыхъ книгахъ дворы не только перечислены, но и измѣрены; въ переписныхъ — они только сосчитаны. Въ писцовыхъ книгахъ означено количество огородовъ, промышленныхъ заведеній, сѣнокосовъ и пожень, принадлежавшихъ описываемому поселенію, деревнѣ, селу или посаду; въ переписныхъ такихъ свѣдѣній не встрѣчается. Наконецъ, въ писцовыхъ книгахъ гораздо больше мелкихъ подробностей, освѣщающихъ ту или другую сторону городской и сельской жизни, чѣмъ въ переписныхъ книгахъ» (Лаппо-Данилевскій).

8. Другія категоріи доходовъ. Сюда можно отнести:

а) Таможенные налоги.

б) Полоняничныя деньги — на выкупъ плѣнныхъ у турокъ и татаръ.

в) Ямскія деньги — на содержаніе почтовой гоньбы.

г) Питейная монополія. Приготовленіе и продажа водки, пива и меду составляли привилегію государства; частныя лица и общества (крестьянская община) могли варить для себя хмельное питье только въ видѣ исключенія: по случаю большихъ праздниковъ или свадьбы. Точно также продажа хлѣба заграницу составляла другую привилегію казны.

д) Оброки. Принадлежащія казнѣ торговыя мѣста, лавки, харчевни, бани, кузницы, мельницы, рыбныя ловли, сѣнные покосы, соляныя варницы, бортные ухожаи (пчеловодство), звѣриные и бобровые гоны правительство сдавало въ наемъ за извѣстную плату.

9. Временные чрезвычайные сборы.

а) Принудительные займы — особенно въ первые годы по воцареніи Михаила Ѳедоровича, когда государственная казна была совершенно пуста, сборовъ еще никакихъ не поступало или очень неправильно, нужда же въ деньгахъ была крайняя. Занимали у Троицкаго монастыря, у именитыхъ людей Строгановыхъ, самыхъ богатыхъ людей того времени. Такъ въ 1614 г. Строгановы дали 3000 (тогдашнихъ) рублей; въ 1616 г. — 16000 руб. и вторично 40000 руб., въ счетъ будущихъ съ нихъ податей и пошлинъ. Въ 1655 г. въ началѣ войны съ поляками, заняли деньги у Тихвинскаго монастыря.

б) Пятая деньга, т. е. 20% съ доходовъ. Этому крайне тяжелому, тоже принудительному, и притомъ безвозвратному налогу подвергались главнымъ образомъ торговые и посадскіе люди; не исключались однако и другіе классы населенія. Отъ налога свободны были лишь тѣ, кто несъ военную повинность. «Пятая деньга» собиралась въ 1614, 1615, 1633, 1634, 1662,

1663 гг. На долю Строгановыхъ въ 1615 г. пришлось 13800 руб.

в) Десятая, пятнадцатая, двадцатая деньга — подобный же сборъ въ 1654, 1668, 1671, 1673, 1678, 1680 гг.

г) Рублевый сборъ со двора. Имъ обложены были торговые люди въ 1653 г.

д) Сборы, носившіе характеръ добровольнаго вспоможенія государству со стороны населенія, — «кто что можетъ». Таковы были сборы въ началѣ и въ концѣ Второй польской войны, въ 1632 и 1634 гг.

е) Денежные сборы, налагавшіеся въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ неодинаковыхъ размѣрахъ на всѣ классы населенія, не на одни податные — въ 1637, 1639, 1662, 1670, 1678, 1679 гг.

10—12. Въ поискахъ денегъ правительство, въ царствованіе Алексѣя Мих., внесло три узаконенія, оказавшіяся крайне неудачными: налогъ на соль, на табакъ и принудительный курсъ мѣдныхъ денегъ. Хотя они продержались не долго и скоро были отмѣнены, все же зла причинить успѣли не мало.

10. Повышеніе налога на соль. Рыночная цѣна соли въ 1646 г. стояла 13 (тогдашнихъ) коп. за пудъ. Въ этомъ году прежнюю пошлину сразу повысили на 20 коп., т. е. въ полтора раза выше стоимости самой соли, что повсемѣстно пагубно отразилось на количествѣ ея потребленія населеніемъ. Особенно пострадалъ рыболовный промыселъ. «Тысячи пудовъ дешевой рыбы, которою питалось простонародье въ постное время, сгнили на берегахъ Волги, потому что рыбопромышленники не были въ состояніи посолить ее; дорогой соли продано было значительно меньше прежняго, и казна понесла большіе убытки» (Ключевскій). Вредъ нанесенъ былъ и населенію и государству. Пошлину отмѣнили черезъ два года, въ 1648 г.

11. Пошлина на табакъ. «Та же финансовая нужда заставила набожное правительство поступиться церковно-народнымъ предубѣжденіемъ: объявлена была казенной монополіей продажа табаку, «богоненавистнаго и богомерзкаго зелья», за употребленіе и торговлю которымъ указъ 1634 г. грозилъ смертной казнью. Казна продавала табакъ чуть не на вѣсъ золота, по 50—60 коп. золотникъ на наши деньги. Послѣ мятежа 1648 г. отмѣнили и табачную монополію, возстановивъ законъ 1634 г. Не зная, что дѣлать, правительство прямо дурило въ своихъ распоряженіяхъ» (Ключевскій).

12. Принудительный курсъ мѣдныхъ денегъ. Недостатокъ наличной серебряной монеты, которая одна только до тѣхъ поръ и была въ обращеніи, побудилъ правительство начеканить въ 1656 г. мѣдной монеты, такой же формы и вѣса, какъ

и серебряная. Первоначально она шла наравнѣ съ серебряной, такъ какъ казна сама принимала ее по той же цѣнѣ. Въ наше время мѣдная монета чеканится для удобства денежнаго расчета при уплатѣ мелкихъ суммъ; значеніе ея исключительно размѣнное; но тогдашнія мѣдныя деньги имѣли значеніе векселя, по которому государственная казна обязывалась платить по предъявленіи. Тогдашнія мѣдныя деньги можно сравнить съ нынѣшними кредитными бумажными билетами, которые тоже, сами по себѣ, никакой цѣнностью не обладаютъ, — разница лишь въ ихъ назначеніи: кредитный билетъ служитъ не для размѣна, а для замѣны тяжеловѣснаго серебра и золота, которое постоянно держать при себѣ или пересылать въ крупныхъ суммахъ было бы затруднительно и неудобно. Однако каждый вексель пользуется кредитомъ, пока существуетъ довѣріе къ платежнымъ силамъ того, кто его выдалъ; поэтому не слѣдуетъ выпускать векселей свыше этой платежной способности, иначе вексель упадетъ въ цѣнѣ. Правило это не было соблюдено при выпускѣ мѣдной монеты: ее стали чеканить въ усиленномъ количествѣ; вдобавокъ появилось много фальшивой; лица, завѣдывавшія чеканкой, злоупотребили довѣріемъ, скупали мѣдь и橋 начеканивали много денегъ лично для себя (что имъ было выгодно, такъ какъ цѣна мѣди стояла значительно ниже цѣны серебра); къ тому же правительство само стало оказывать предпочтеніе серебряной монетѣ и нѣкоторыя подати требовало въ серебрѣ. Вслѣдствіе этого довѣріе къ мѣднымъ деньгамъ было подорвано, ихъ не стали принимать, серебро стали припрятывать, и цѣнность мѣдныхъ знаковъ стала быстро падать, что не замедлило отразиться на дороговизнѣ жизни. Цѣны на товаръ возрасли въ 6, даже 14 разъ противъ прежняго. Недовольство народное вылилось въ открытомъ бунтѣ (1662), и мѣдныя деньги пришлось совершенно изъять изъ обращенія. Зло было прекращено, но поздно: всѣмъ классамъ населенія нанесенъ былъ громадный ущербъ, тѣмъ болѣе, что мѣдная монета принималась обратно въ казну не по прежней стоимости, а копѣйка за рубль.

13. Недоимки. Совокупность всѣхъ этихъ податей, налоговъ и сборовъ тяжело ложилась на населеніе, задерживала ростъ его экономическаго благосостоянія, можно сказать, прямо зорила его, создавая недовольство и питая въ немъ настойчивую мысль, какъ бы уклониться отъ непосильной тяготы. Въ результатѣ получались недоимки: повышались подати — увеличивался и недоборъ. Мы видѣли (см. выше п. 5), какъ стрѣлецкая подать въ три года (1660—1663) съ 228 р. поднялась до 822 руб. Въ Устюжской чети это отразилось такимъ образомъ: въ 1664 г. недоборъ съ назначеннаго ей оклада составлялъ всего только 3%, а въ 1670 г. онъ выросъ уже въ 30%.

Правительство поспѣшило уменьшить самый окладъ, но хозяйственныя силы населенія оказались уже настолько надорванными, что въ слѣдующемъ, 1671, году, даже по уменьшенному окладу, недоборъ не только не понизился, но поднялся еще болѣе: въ казну поступила одна только половина (47%) слѣдуемыхъ денегъ.

XII. Народныя волненія въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

1. Податное бремя. Рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ тяглое населеніе, сельское и посадское, къ половинѣ XVII ст. оказалось окончательно прикрѣпленнымъ къ своей землѣ и посаду; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно выросли размѣры тягла и, становясь все отяготительнѣе, совершенно превысили, во вторую половину вѣка, платежныя силы тяглыхъ людей. Между тѣмъ бѣдность государственной казны вынуждала правительство изощряться всѣми мѣрами, чтобы наполнить ее. Особенно сильно стала чувствоваться нужда въ деньгахъ съ началомъ польской войны изъ-за Малороссіи.

Подати налагались самыя разнообразныя. «Постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкупъ плѣнныхъ; стрѣлецкія деньги; ямскія деньги; деньги на кормъ воеводамъ; въ подмогу подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги — за позволеніе зимою въ прорубяхъ воду черпать, платье мыть и скотъ поить» (Соловьевъ). Но кромѣ постоянныхъ податей были еще единовременные сборы, т. наз. пятыя, десятыя деньги, и прибѣгали къ нимъ такъ часто, что они мало чѣмъ отличались отъ постоянныхъ. Высчитано, что за 27 лѣтъ (1654—1681) къ экстреннымъ сборамъ прибѣгали 22 раза, другими словами, населеніе, сверхъ обычныхъ податей, облагалось чуть не ежегодно еще сверхсмѣтными налогами.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія были большія недоимки, народное недовольство и постоянно возраставшее уклоненіе отъ несенія непосильнаго бремени. Развилось бѣгство съ земли и съ посада. Бѣжали въ Сибирь, въ польскія земли; развилось закладничество; посады пустѣли; повсюду возникали слободы, населенныя людьми, покинувшими свои земли и посады. Заложившись за монастырскихъ властей и бояръ, слобожане занимались промыслами, вели торговлю, но податей не платили, являясь опасными конкурентами посадскимъ людямъ. Недоимки отъ этого увеличивались еще

болѣе: платить оставшимся становилось еще тяжелѣе, такъ какъ размѣръ тягла оставался прежній и раскладывать его приходилось на меньшее число душъ.

Правительство принимало мѣры, объявило даже смертную казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, за укрывательство бѣглыхъ (1658), но бѣга не прекращались; мірскія общины, въ своихъ челобитныхъ къ царю, продолжали жаловаться: «Бѣгутъ! дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правежѣ!» Бѣглецовъ приказывали ловить, но гдѣ же было поймать ихъ ? Лѣсу и степи было всюду довольно, чтобы укрыться. Самая строгость наказанія, какимъ грозило правительство, свидѣтельствовало о его безсиліи. Къ тому же монастырскіе и служилые землевладѣльцы, люди сильные и вліятельные, въ личныхъ интересахъ поддерживали закладничество, и только въ царствованіе Алексѣя Мих. законъ положилъ ему предѣлъ (1648); но и послѣ того онъ еще долго оставался мертвою буквой: крупнымъ землевладѣльцамъ было выгодно сохранить у себя цѣнную рабочую силу.

2. Неправосудіе. Тягота податная увеличивалась еще другимъ зломъ—притѣсненіями со стороны сильныхъ, несправедливостью приказныхъ людей. Взяточничество, беззастѣнчивое выжиманіе денегъ у населенія, судебная волокита, всегда дорого стоющая, и, вдобавокъ, «кривой» судъ были страшнымъ зломъ того времени.

Въ рукахъ воеводъ и ихъ подчиненныхъ въ ту пору сосредоточивалась вся жизнь подвѣдомственнаго имъ уѣзда: управленіе, судъ, финансы. Воеводы и чины его канцеляріи («воеводской избы») наблюдали за порядкомъ и благочиніемъ; вѣдали сборы денежные и натурой; отвѣчали передъ правительствомъ за оборону города и за сосредоточенные въ немъ хлѣбные и военные запасы; преслѣдовали и наказывали корчемство, игру въ зернь, продажу табаку; ловили преступниковъ; подвергали пыткѣ и казни воровъ и разбойниковъ; принимали мѣры противъ пожаровъ, — вообще находились въ постоянномъ соприкосновеніи съ населеніемъ подчиненнаго имъ города и уѣзда, и потому имѣли множество самыхъ разнообразныхъ случаевъ использовать во зло довѣріе правительства и дать волю своему корыстолюбію и произволу. Повсемѣстно раздавались жалобы на то, что людей наказываютъ безо всякой вины, держатъ по тюрьмамъ, мучатъ на правежахъ, окладываютъ произвольнымъ налогомъ. Терпѣли не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя области: такъ, ногайскіе калмыки, по признанію самого правительства, отложились отъ Россіи и цѣлыми улусами откочевали въ крымскія степи изъ-за воеводскаго «насилія и гоненія» (1634).

Воеводы смотрѣли на свою должность какъ на доходъ, и когда имъ приходилось отправлять судъ, они открыто продавали свой приговоръ тому, кто больше давалъ. Въ отдаленныхъ областяхъ откуда правдѣ трудно было добраться до столицы, они нерѣдко забирали себѣ чужое жалованье, заставляя расписываться въ его полученіи, въ случаѣ же отказа подвергали побоямъ. Развилось ябедничество. Стакнувшись съ воеводой, ябедникъ подавалъ ему на кого-нибудь жалобу, стращалъ ею отвѣтчика и, получивъ съ него отступного, прекращалъ дѣло, а деньгами дѣлился съ судьею.

3. Бунты въ первые годы царствованія. Недовольство такими порядками накапливалось, росло и въ царствованіе Алексѣя Мих. проявилось, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ бунтовъ и открытыхъ возстаній. Первые бунты носили мѣстный характеръ и, какъ ни ярки были эти вспышки, далѣе одного города они не шли, быстро, неожиданно вспыхивая, такъ же быстро и угасали; не то было съ послѣднимъ бунтомъ, возстаніемъ Стеньки Разина: онъ охватилъ широкую полосу на юговостокѣ государства: Донъ, нижнее и среднее Поволжье, и длился около двухъ лѣтъ. Послѣдствія его были самыя печальныя; бунтъ Разина подорвалъ экономическія силы страны еще больше, но по крайней мѣрѣ заставилъ правительство серьезнѣе задуматься о мѣрахъ къ поднятію производительныхъ силъ населенія и къ улучшенію правосудія.

а) 1648. Бунтъ въ Москвѣ. Онъ былъ вызванъ злоупотребленіями высшихъ правительственныхъ лицъ. Лица эти были: царскій дядька-воспитатель бояринъ Б. И. Морозовъ, царскій тесть бояринъ И. Д. Милославскій, судья Земскаго приказа окольничій Л. Плещеевъ, начальникъ Пушкарскаго приказа окольничій П. Траханіотовъ и думный дьякъ Чистой. Съ трудомъ удалось царю спасти Морозова; Милославскій съумѣлъ остаться въ тѣни, не заподозрѣнный; зато съ тѣмъ большею силою обрушился гнѣвъ народный на остальныхъ трехъ: Траханіотова казнили всенародно; Плещеева толпа растерзала раньше, чѣмъ его довели до мѣста казни; Чистого убили въ его домѣ. Нѣсколько дней Москва переживала дни настоящаго террора: было надъ кѣмъ излить народу свою злобу; ненавистныхъ людей разыскивали по городу, убивали, грабили ихъ имущество, жгли ихъ дома, — всѣхъ, кого считали виновными въ народномъ бѣдствіи. По выраженію современника, въ ту пору «зашатался весь міръ». Правительство поспѣшило примириться съ народомъ и задобрить его: стрѣльцовъ угощали виномъ и медомъ; Милославскій нѣсколько дней подрядъ кормилъ у себя обѣдами московскія торговыя сотни; обѣщано было пониженіе цѣны на соль, уничтоженіе монополій; мѣста

убитыхъ немедленно замѣнили людьми, пользовавшимися въ народѣ доброю славой.

б) 1648—1649. Московскій бунтъ отразился въ другихъ городахъ: въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ, Козловѣ. «Гиль» (мятежъ) завелся и здѣсь, вызванный тоже насиліями и взяточничествомъ мѣстныхъ приказныхъ людей. Волненія, какъ и въ Москвѣ, выразились въ убійствѣ и грабежахъ; для усмиренія пришлось посылать стрѣльцовъ.

в) 1650. Народный мятежъ въ Псковѣ и Новгородѣ, вызванный злоупотребленіями и искусственнымъ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Волненія продолжались нѣсколько мѣсяцевъ и усмирять ихъ пришлось тоже силою.

4. „Денежный бунтъ“ (1662). Онъ вызванъ былъ паденіемъ стоимости мѣдныхъ денегъ (см. выше, «Финансовыя мѣры», VI, 12). Правительству и царской семьѣ вторично пришлось переживать тяжелыя минуты; но на этотъ разъ поплатились и бунтовщики. Царь былъ у обѣдни, въ Коломенскомъ, когда толпа народа съ шумомъ и крикомъ прибѣжала изъ Москвы, ища боярина Милославскаго, главнаго, по ея мнѣнію, «денежнаго вора», и окольничаго Ѳ. М. Ртищева, обвиняя его въ томъ, что онъ первый подалъ несчастную мысль выпустить мѣдныя деньги. Государь догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ тому и другому спрятаться въ комнатахъ царицы и царевенъ, а самъ остался въ церкви дослушивать обѣдню; царица же, царевичи и царевны сидѣли, запершись въ хоромахъ ни живы ни мертвы отъ страха. Мятежники не дали однако царю дослушать обѣдню, заставили выйти на паперть, обступили его тутъ вплотную и не пускали, держа за платье и за пуговицы. Алексѣй поклялся разслѣдовать дѣло и, для большей скрѣпы, билъ по рукамъ съ однимъ изъ толпы.

Толпа отхлынула, но вскорѣ явилась новая, какъ разъ къ тому времени, когда государь, по окончаніи обѣдни, садился на лошадь, чтобъ ѣхать въ Кремлевскій дворецъ. На этотъ разъ мятежники вели себя иначе: съ угрозами, «сердито и невѣжливо» требовали нелюбимыхъ бояръ; но вызванные спѣшно стрѣльцы уже подошли и толпа была разогнана.

«И какъ ихъ почали бить и сѣчь и ловить, а имъ было противитися не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого, почали бѣгать и топитися въ Москву рѣку, и потопилося ихъ въ рѣкѣ болши 100 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человѣкъ, а иные разбѣжались. И того жъ дни около того села (Коломенскаго) повѣсили со 150 чел., а досталнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ палцы, а иныхъ бивъ кнутьемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки,

розжегши желѣзо накрасно, а поставлено на томъ желѣзѣ «буки», т. е. бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ; и чиня имъ наказанія, розослали всѣхъ въ далніе городы, въ Казань, и въ Астрахань, и на Терки, и въ Сибирь, на вѣчное житье; а инымъ пущимъ воромъ того жъ дни, въ ночи, учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, посадя въ болшіе суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ. А тѣ всѣ, которые казнены и потоплены и розосланы, не всѣ были воры, а прямыхъ воровъ болши не было что съ 200 человѣкъ; и тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрѣть, что они будучи у царя въ своемъ дѣлѣ учинятъ, а ворамъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, и отъ того всѣ погинули, виноватой и правой. А были въ томъ смятеніи люди торговые, и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе и гулящіе и боярскіе люди. А гости и добрые торговые люди къ тѣмъ воромъ не присталъ ни одинъ человѣкъ, еще на тѣхъ воровъ и помогали, и отъ царя имъ было похваленіе» (Котошихинъ).

5. Бунтъ Стеньки Разина (1670—1671). На юговосточной окраинѣ, главнымъ образомъ на Дону, сошлось много бѣглыхъ, — крестьянъ, холоповъ, посадскихъ. На Дону они чувствовали себя спокойно, такъ какъ Донъ, по старымъ завѣтамъ, не выдавалъ никого, будь это даже преступникъ, и съ такими порядками считалось само Московское правительство. Послѣ Андрусовскаго перемирія, когда Западная Украйна снова отошла къ полякамъ, оттуда тоже много выбѣжало народа. Все это были люди бездомовные, лишенные средствъ, настоящая казацкая голытьба, которой ничего не оставалось иного, какъ собираться въ разбойничьи шайки и насиліемъ добывать себѣ «зипуновъ», тѣмъ болѣе что бѣжавшіе привели съ собой свои семьи, ихъ надо было кормить, а хлѣба на Дону не сѣяли, и отъ скопленія народа начался голодъ. Донъ заволновался; не хватало только человѣка, который съумѣлъ бы сплотить нестройную массу и увлечь ее за собой заманчивою перспективой легкой добычи.

Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ донского казака Стеньки (Степана Тимоѳеевича) Разина. Но куда было идти? Дорогу къ Азовскому и Черному морю заслоняли татары и турки; легче было пробраться на Волгу, а оттуда на Каспійское море. Подвергнувъ безпощадному опустошенію персидское побережье (отъ Дербента до Решта), Разинская ватага съ богатой добычей вернулась на Волгу и щедрыми подарками астраханскимъ властямъ проложила себѣ свободный путь къ дому, обратно на Донъ. Въ Астрахани разинцы очутились скорѣе на положеніи дорогихъ гостей, чѣмъ ослушниковъ-грабителей. Самъ Разинъ щедро сыпалъ золотомъ и серебромъ, одаривалъ неимущихъ и легко завоевалъ расположеніе астраханской черни;

казаки, щеголяя въ шелковыхъ и бархатныхъ кафтанахъ, въ шапкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, распродавали за безцѣнокъ дорогія персидскія ткани, золотыя узорочья и многимъ дали случай нажиться въ нѣсколько дней.

Слава о Разинѣ, о его удачномъ набѣгѣ на Персію быстро разнеслась, и со всѣхъ сторонъ потянулась къ нему голытьба; скоро онъ увидалъ себя во главѣ дружины почти въ 3000 чел. «Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣться, искали у него пріюта и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ силу и счастье. Стенька не отличался отъ прочихъ братьевъ казаковъ ни пышностью, ни роскошью; жилъ онъ, какъ и всѣ другіе, въ земляной избѣ; одѣвался, хотя богато, но не лучше другихъ; все, что собралъ въ Персидской землѣ, раздавалъ неимущимъ» (Костомаровъ).

Вторично повелъ Разинъ свою вольницу уже не на Персію, а на русскія земли, и не для одного только грабежа. Какъ нѣкогда Болотниковъ велъ свои шайки съ цѣлью перевернуть существующій строй, такъ и Разинъ воодушевилъ свою голытьбу, призывая ее выводить «измѣну», истреблять воеводъ, дворянъ, приказныхъ людей, вообще всѣхъ, кто только имѣлъ видъ начальства и людей состоятельныхъ; манилъ захватомъ чужого имущества и свободой, замѣною царскихъ порядковъ казацкимъ всеобщимъ равенствомъ. Разинъ умѣлъ увлечь толпу, наэлектризовать ее и сталъ ея героемъ. «Это былъ человѣкъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предпріимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпринятомъ разъ намѣреніи, то мрачный, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впослѣдствіи хулившій имя Христа и святыхъ Его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его душѣ, дѣйствительно, была какая-то страшная, таинственная тьма. Жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь — все, что связываетъ личныя побужденія человѣка, все попирала его не-

устрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ вольницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго» (Костомаровъ).

Весною 1670 г. Разинъ двинулся на Волгу, захватилъ Царицынъ и Астрахань, ознаменовавъ тамъ свое пребываніе неслыханными жестокостями; потомъ поднялся вверхъ по рѣкѣ, овладѣлъ Саратовымъ и Самарой. Къ нему пристали казаки съ Яика; на его зовъ поднялись инородцы (мордва, чуваши, черемисы) и значительно пополнили его дружину. Съ Волги возстаніе перекинулось вглубь страны, въ Пензенскій, Тамбовскій и Нижегородскій край, вспыхнуло къ сѣверу отъ Волги, въ Галицкомъ уѣздѣ, вездѣ поднимая крестьянъ и посадскихъ. Повсюду разинцы ознаменовывали свой путь пожарами, убійствами, насиліемъ.

Но ничего прочнаго въ этомъ успѣхѣ не было и быть не могло. Первый же серьезный неуспѣхъ подъ Симбирскомъ сразу подкосилъ все дѣло Разина; личность его потеряла прежнее обаяніе; все пошло вразбродъ, и правительству удалось потомъ, хотя и съ большими усиліями, подавить опасное движеніе. Разинъ сложилъ на плахѣ свою буйную голову (1671).

Но память о Разинѣ не умерла; на Волгѣ она жива и понынѣ: много холмовъ надъ рѣкой, урочищъ, лѣсныхъ ущелій, связаны съ его именемъ; то это «столъ Стеньки Разина», то его «шапка», «тюрьма» или «бугоръ». Разинъ выросъ въ народнаго героя. Народъ сложилъ про него пѣсни; насилія казаковъ онъ забылъ, но помнитъ, какъ они, «добры-молодцы», «погуляли, поцарствовали, попили, поѣли». Народная пѣсня вспоминаетъ Разина не укоромъ, а сочувствіемъ, сожалѣніемъ.

Какъ бывало мнѣ добру-молодцу, да времячко:
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужъ я билъ, разбивалъ суда-корабли,
Я татарскіе, персидскіе, армянскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки.
Какъ бывало, легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ,
А нонѣча мнѣ, добру-молодцу, время нѣтъ!
Сижу я, добрый-молодецъ, во пойманьѣ,
Я во той ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра-молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ сковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Та же народная мысль заставляетъ Стеньку, въ темницѣ, въ ожиданіи послѣднихъ страшныхъ мученій, сложить пѣсню,

въ которой онъ, какъ бы въ знаменіе своей славы, завѣщаетъ похоронить себя на распутьи трехъ дорогъ земли Русской:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ московской, астраханской, славной кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ по прозванію.

Въ народной фантазіи Разинъ не перестаетъ жить; онъ не умеръ, а сидитъ въ горѣ; но настанетъ день, и онъ снова выйдетъ на свѣтъ Божій. Сто лѣтъ спустя, онъ, дѣйствительно, вышелъ и появился подъ именемъ Пугачева.

Народный ореолъ, окружившій имя Стеньки Разина, свидѣтельствовалъ о тяжкой болѣзни, поразившей въ XVII в. государственный организмъ Россіи, о глубокомъ разладѣ между высшими и низшими классами общества, богатыми и бѣдными, сильными и слабыми. Насилія и жестокости разинскихъ шаекъ были отвѣтомъ на несправедливость и произволъ правящихъ лицъ, на отсутствіе правосудія, на тяжелый матеріальный гнетъ; и чѣмъ свѣтлѣе рисовался въ памяти народной образъ казацкаго атамана, тѣмъ очевиднѣе выступала необходимость устранить, возможно скорѣе, причины, превратившія этого разбойника-анархиста въ «удалого молодца», въ «батюшку», въ симпатичнаго защитника интересовъ народныхъ.

XIII. Управленіе.

1. Боярская Дума. Въ составъ Боярской Думы входили: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Иногда въ засѣданіяхъ принималъ участіе и Освященный соборъ, т. е. духовныя власти. Большинство членовъ Думы были люди родовитыхъ фамилій; они назначались туда всегда по усмотрѣнію государя, и потому ихъ было тамъ когда больше, когда меньше, и не всегда данная именитая семья имѣла своего представителя въ Думѣ.

Б. Дума была высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, сотрудницей государя, какъ бы соучастницей верховной власти въ управленіи государствомъ, что выражалось въ обычной формулѣ: «царь указалъ и бояре приговорили». Въ однихъ случаяхъ царь совѣщался съ Думою, въ другихъ (особенно когда не присутствовалъ на засѣданіяхъ) предоставлялъ ей самой

постановлять рѣшеніе. Дума управляла, судила и законодательствовала. Она вѣдала внѣшнюю политику, военное дѣло; къ ней восходили дѣла изъ приказовъ и отъ воеводъ; она контролировала ихъ дѣйствія, разъясняла смыслъ законовъ, служила высшею судебною инстанціею; вѣдала преступленія по должности, творила судъ по дѣламъ мѣстническимъ и обсуждала иногда дѣла, касавшіяся церкви. Постановленія ея получали силу закона и становились руководствомъ на будущее время.

По отдѣльнымъ вопросамъ Дума выдѣляла изъ своей среды комиссіи, чаще всего для обсужденія отвѣтовъ, какіе надлежало дать иностраннымъ посламъ на предстоящихъ съ ними засѣданіяхъ; комиссія 1681 г. была собрана для обсужденія военной реформы и пришла къ заключенію о необходимости уничтоженія мѣстничества. Въ царствованіе Өедора Алек. образовалось постояное отдѣленіе Думы по дѣламъ судебнымъ, подъ именемъ Расправной палаты.

2. **Приказы.** Въ XVII ст. получили полное развитіе приказы, какъ органы государственнаго управленія. Приказы — это правительственныя учрежденія, вѣдавшія какое-нибудь дѣло; они напоминаютъ наши современныя министерства, но во многомъ и отличаются отъ нихъ. Министерства обыкновенно вѣдаютъ дѣла однородныя по своему содержанію, и притомъ на пространствѣ всего государства (военное министерство, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и т. п.); отдѣльныя отрасли этого дѣла распредѣляются въ данномъ министерствѣ по его департаментамъ, отдѣленіямъ (департаментъ водныхъ сообщеній, шоссейныхъ дорогъ, желѣзнодорожный; отдѣленія, вѣдающія школы низшія, среднія, высшія, техническія и проч.), которые всѣ работаютъ и находятся подъ главнымъ руководствомъ и отвѣтственностью лица, стоящаго во главѣ министерства. Къ тому же въ наше время дѣла административныя, судебныя и финансовыя строго разграничены одно отъ другого и не вѣдаются совмѣстно въ одномъ и томъ же учрежденіи однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Не то приказы. Они выростали постепенно, по мѣрѣ того, какъ чувствовалась въ нихъ надобность; при учрежденіи ихъ не задавались никакою системою, а потому одни изъ нихъ сложились въ цѣлыя министерства, другіе же напоминаютъ простой департаментъ или даже еще болѣе скромное административное подраздѣленіе. Поэтому и число приказовъ (свыше 40) значительно больше, чѣмъ обыкновенно бываетъ министерствъ. Существовали приказы большіе, важные по своему значенію: районъ ихъ дѣйствія простирался на все государство; были и совсѣмъ мелкіе, съ очень тѣснымъ кругомъ дѣйствія, — зачастую таковые подчинялись какому-нибудь другому приказу,

болѣе значительному; наконецъ, были и такіе приказы, что совмѣщали въ себѣ управленіе нѣсколькими дѣлами, мало или совсѣмъ несходными одно съ другимъ. Кромѣ того управленіе почти никогда не отдѣлялось отъ суда, и по многимъ дѣламъ виновный судился въ томъ же самомъ вѣдомствѣ, гдѣ служилъ. Все это не позволяетъ съ надлежащей точностью распредѣлить приказы по группамъ: признаки одной группы обыкновенно найдутся и въ другой.

А) Приказы областные (1—9). Они завѣдывали отдѣльными областями, сосредоточивая въ себѣ управленіе, судъ и финансы (сборъ податей), а приказы пограничныхъ областей вѣдали кромѣ того еще и военное дѣло. Нѣкоторые изъ приказовъ носили старинное названіе четей (четвертей). Таковы были:

Чети: Владимірская, Устюжская, Галицкая, Новгородская, Костромская; приказы: Смоленскаго княжества, Казанскаго дворца, Сибирскій и (со времени присоединенія Малороссіи) Малороссійскій.

Б) Приказы финансовые (10—11). Они управляли финансами государства и вѣдали еще судъ надъ тѣми лицами, съ которыхъ собирались доходы.

10. Приказъ Большой Казны — вѣдалъ торговыхъ людей и денежный сборъ (своего рода министерство финансовъ).

11. Большой Приходъ — собиралъ доходы, торговыя и таможенныя пошлины (государственное казначейство).

В) Приказы военные (12—18).

12. Разрядный приказъ, или просто Разрядъ — вѣдалъ служебныя назначенія, награды, наказанія, мѣстническіе счеты, строеніе крѣпостей (военное министерство). Однако одна изъ важнѣйшихъ отраслей военнаго дѣла, надѣленіе помѣстьями, было выдѣлено въ особый приказъ, Помѣстный.

13. Помѣстный приказъ — вѣдалъ помѣстья, раздачу ихъ служилымъ людямъ; также вотчины и судебныя дѣла, возникавшія въ случаѣ уклоненія или неправильнаго исполненія своихъ обязанностей служилыми людьми.

14. Стрѣлецкій — вѣдалъ полки стрѣлецкіе.

15. Рейтарскій — конные полки иноземнаго строя.

16. Пушкарскій — артиллерію.

17. Оружейный — склады оружія, военную амуницію.

18. Иноземскій — иноземцевъ, находящихся на русской службѣ.

Г) Приказы дворцовые (19—22).

19. Приказъ Большого Дворца — вѣдалъ приходы и расходы по содержанію царскаго двора. Ему подчинены были мелкіе приказы хозяйственнаго характера: Житенный дворъ

(заготовленіе хлѣбныхъ запасовъ), Хлѣбный дворъ (выпечка хлѣба), Кормовой дворъ (приготовленіе кушаній), Сытенный приказъ (заготовленіе напитковъ).

«Въ Московскомъ государствѣ частное хозяйство государя имѣло гораздо болѣе общественнаго значенія, чѣмъ оно имѣетъ теперь. Всякаго рода кушанья и напитки приготовлялись тогда не для потребностей только государя и его семьи, но и для служилыхъ людей. Многіе люди получали кушанье со стола государя, и это считалось большою честью, которою очень дорожили. Это называлось подачею. Такая «подача» посылалась и иностраннымъ посламъ, и служилымъ большимъ людямъ, изъ которыхъ одни получали столъ отъ государя постоянно, другіе разъ въ мѣсяцъ, а большинство изрѣдка, въ большіе праздники. Велись особыя книги, въ которыхъ записывалось, что кому идетъ. Служилые люди обращали большое вниманіе на то, чтобы назначенное въ «подачу» непремѣнно было имъ доставлено. Недоставленіе подавало поводъ къ жалобамъ, суду и слѣдствію. Ежедневно изъ государева дворца шло въ подачу сто ведеръ вина и до 500 ведеръ пива и меду; въ праздники эта цифра увеличивалась разъ въ пять. Тотъ же приказъ (Большого Дворца) долженъ былъ имѣть на готовѣ деньги для раздачи бѣднымъ. Московскіе государи любили путешествовать по монастырямъ и посѣщать тюрьмы; за ними носили мѣшки съ мѣдными деньгами, они сами раздавали милостыню» (Сергѣевичъ).

20. Казенный Дворъ — вѣдалъ царскую казну: деньги, мѣха, закупку матерій, изготовленіе золотой и всякой иной посуды, какъ для царскаго обихода, такъ и для подарковъ.

21. Царская Мастерская Палата — вѣдала заготовку платья.

22. Конюшенный приказъ — завѣдывалъ конюшнями, вообще выѣздомъ царскимъ.

Д) Приказы Судебные (23—26).

23—24. Московскій и Владимірскій судный — вѣдали преимущественно дѣла гражданскія.

25. Разбойный — дѣла уголовныя, главнымъ образомъ, разбой и кражу.

26. Холопій — дѣла о холопахъ.

Е) Самостоятельной группою являлся Посольскій приказъ, вѣдавшій сношенія съ иноземными государствами. Ему подчинены были также: приказъ Полоняничный, Малороссійскій и чети Новгородская, Владимірская и Галицкая.

3. Воеводы. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳед. воеводское управленіе введено было почти повсемѣстно, смѣнивъ прежнихъ намѣстниковъ и выборныхъ управителей (губныхъ

старостъ). Къ половинѣ XVII ст. Русское государство образовало сѣть уѣздовъ (по нынѣшнему губерній; счетомъ свыше полутораста); въ каждомъ уѣздѣ управлялъ особый воевода; главные подчинялись непосредственно центральнымъ органамъ, воеводы же мелкихъ уѣздовъ зависѣли отъ главныхъ. Такимъ образомъ правительство централизовало (стянуло въ свои руки) управленіе всѣмъ государствомъ; воеводамъ подчинены стали всѣ дѣла: полицейскія (управленіе), военныя, финансовыя, судебныя, причемъ ихъ управленіе и контроль простирались на всѣ классы общества (служилые, посадскіе, крестьянство).

Этотъ новый порядокъ управленія, пришедшій на смѣну земскому, автономному, созданному въ царствованіе Грознаго, непосредственно связалъ центральное правительство съ областями; воевода являлся своего рода телеграфною проволокой, по которой изъ центра передавались приказанія для исполненія на периферію, а изъ периферіи, по этой же проволокѣ, стекались къ центру всѣ донесенія, позволявшія ему быть постоянно въ курсѣ дѣла и посылать соотвѣтственныя распоряженія. Дѣла стали переходить въ руки бюрократіи, центральной (въ столицѣ) и областной; прежнее участіе Земли перестало быть необходимымъ. Вотъ почему расцвѣтъ воеводскаго управленія (въ царствованіе Алексѣя Мих.) совпалъ съ упадкомъ земскихъ соборовъ.

XIV. Церковная реформа патріарха Никона.

1. Кіевляне. Уже съ конца царствованія Михаила Ѳед. начинаетъ проникать въ Москву вліяніе кіевской образованности; болѣе оживленныя сношенія съ Кіевскою Русью значительно ослабили прежнее подозрительное отношеніе къ книгамъ южно-русской печати и облегчили имъ доступъ въ Московскую Русь; вслѣдъ за ними пробираются въ Москву и сами ученые кіевскіе.

2. Греки. Начинаетъ мѣняться и прежній довольно распространенный, взглядъ на грековъ якобы отступниковъ отъ церковной старины. Старое мнѣніе, будто первоначальная полнота и неповрежденность церковнаго чина и обряда сохранилась только въ Русской церкви, перестаетъ быть господствующимъ; если и не повсюду, то по крайней мѣрѣ въ передовомъ, высшемъ и болѣе образованномъ кругу стало, наоборотъ, укореняться убѣжденіе, что греки не только въ вѣроученіи, но и въ обрядахъ, вообще во всемъ, держатъ православную вѣру ненарушимо, и что потому Русской церкви слѣдуетъ въ дѣлахъ церковныхъ неуклонно держаться единенія съ церковью Греческою.

3. Московскій кружокъ ревнителей благочестія. Этотъ новый взглядъ на грековъ нашелъ себѣ выраженіе и практическое приложеніе въ небольшомъ, но вліятельномъ кружкѣ ревнителей благочестія, возникшемъ, съ воцареніемъ Алексѣя Мих., при московскомъ дворѣ. Душею кружка былъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, царскій духовникъ, поклонникъ кіевскихъ ученыхъ и убѣжденный грекофилъ, человѣкъ выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, ревности къ благочестію, и притомъ пользовавшійся большимъ вліяніемъ на царя, своего духовнаго сына. Членами кружка были: одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, сестра его Анна Михайловна; царскій воспитатель бояринъ Морозовъ и архимандритъ Новоспасскаго монастыря Никонъ, будущій патріархъ. Единомышленнымъ съ ними былъ и молодой царь, вообще относившійся къ дѣламъ, касающимся церкви, всегда, и въ молодости, и въ зрѣлые годы, съ живымъ сочувствіемъ и интересомъ.

Кружокъ намѣтилъ себѣ такую программу:

1) подвергнуть пересмотру текстъ церковно-богослужебныхъ книгъ и исправить закравшіяся тамъ ошибки;

2) исправить обряды и церковный чинъ богослуженія согласно обрядамъ и чину, установленнымъ въ Греческой церкви;

3) создать новую школу, пригласивъ въ нее учителей изъ Кіевской Руси, съ цѣлью поднять образованность духовенства, среди котораго было много хорошихъ начетчиковъ, людей, основательно, часто даже наизусть, знающихъ содержаніе книги, то, что въ ней написано, но мало людей, правильно понимающихъ смыслъ написаннаго и духъ церковнаго ученія.

4. Провинціальные ревнители. По указанію Вонифатьева, въ разныхъ городахъ поставлены были протопопами священники, выдающіеся своею благочестивою жизнью, начитанностью и ревностію въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей: въ Нижнемъ-Новгородѣ — Іоаннъ Нероновъ, вскорѣ однако переведенный въ Москву; въ Юрьевцѣ Повольскомъ — Аввакумъ; въ Костромѣ — Даніилъ; въ Муромѣ — Логгинъ. Призванные воспитывать въ благочестіи свою паству, наставлять и обличать ея недостатки, бороться съ народными пороками, они, дѣйствительно, проявили много ревности и заботы о подъемѣ нравственно-религіозной жизни духовенства и всего народа. Ихъ энергичная борьба съ общественной неправдой и пороками нерѣдко накликала на нихъ неудовольствіе и преслѣдованіе, какъ со стороны подчиненнаго имъ низшаго духовенства, такъ и со стороны паствы; протопопъ Аввакумъ, за рѣзкія обличенія свои, подвергся даже побоямъ и долженъ

былъ бѣжать; подобно Аввакуму, изгнанъ былъ и Даніилъ изъ Костромы.

Между этими провинціальными ревнителями благочестія и членами московскаго кружка было то общее, что и тѣ и другіе одинаково признавали недочеты жизни, упадокъ нравственности въ народѣ, зазорное поведеніе монашествующихъ, небрежное отправленіе духовенствомъ церковныхъ службъ, недостаточное радѣніе его о народѣ, который погрязъ въ порокахъ, слѣдовалъ обычаямъ, противнымъ христіанскому ученію и крайне нуждался въ добромъ примѣрѣ и наставленіи. Что же касается до богослужебныхъ книгъ, церковнаго чина и обрядовъ, то названные выше провинціальные ревнители благочестія, подобно громадному большинству тогдашняго духовенства, придерживались старыхъ взглядовъ: рѣшительно не допускали мысли, чтобы русскія церковныя книги были настолько испорчены, что нуждались въ исправленіи и въ новомъ переводѣ, особенно по новопечатнымъ греческимъ книгамъ; мнѣніе грековъ авторитетнымъ не признавали; кіевскихъ ученыхъ, какъ жившихъ въ католической Польшѣ, въ постоянномъ общеніи съ уніатами, считали несвободными отъ «латинской прелести», и вообще всѣ обряды Русской церкви считали правильными, какъ установившіеся съ давнихъ временъ и къ тому же освященные постановленіями Стоглаваго собора.

Эти люди были представителями старой Руси, чуждые новыхъ московскихъ вѣяній; воспитанные на Псалтири, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ толстыхъ московскихъ сборникахъ, они совершенно не знали и даже не хотѣли знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кромѣ той, что имъ завѣщали старые московскіе книжники. Люди традицій и обычаевъ, крайне неподатливые на всякую новизну, они держали себя враждебно ко всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣкового отжившаго обычая. Но при всей узости своихъ взглядовъ, эти люди готовы были даже мученичествомъ запечатлѣть свои вѣрованія и убѣжденія. Сильные характеромъ, стойкіе, готовые всѣмъ жертвовать и все претерпѣть, они уже однимъ этимъ должны были производить, особенно на простую массу, сильное впечатлѣніе и придать своимъ вѣрованіямъ характеръ истинности и святости.

На этой, исключительно обрядовой, почвѣ Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ и Даніилъ уже въ скоромъ времени рѣзко разошлись съ кружкомъ Стефана Вонифатьева и повели съ нимъ борьбу, столь же пламенную и ожесточенную, какую только-что передъ этимъ вели съ своею паствою.

5. Приступъ къ реформѣ. Начало церковнымъ преобразованіямъ положено было еще до занятія Никономъ патріаршей

каѳедры. Въ 1649 году изъ Кіева были вызваны книжные переводчики Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ; потомъ выписали изъ Греціи учителей для предполагавшейся школы, послали на Востокъ старца Арсенія Суханова для непосредственнаго ознакомленія съ порядкомъ греческаго богослуженія и описанія его; наконецъ, введеніемъ въ церковную службу т. наз. единогласія и нарѣчнаго пѣнія (см. ниже, пар. 8) сдѣланъ былъ первый приступъ къ самой реформѣ. Однако, пока живъ былъ патріархъ Іосифъ, несочувствовавшій вводимымъ новшествамъ, кружку приходилось сдерживать себя, и только поставивъ Никона во главѣ Русской церкви (1652), возможно стало приступить къ перемѣнамъ на болѣе широкихъ началахъ.

6. Какъ произведена была церковная реформа (1653—1667). Ставъ патріархомъ, Никонъ предписалъ, въ началѣ 1653 г.:

1) при чтеніи великопостной молитвы Ефрема Сирина («Господи, Владыко живота моего»), земныхъ поклоновъ класть всего только четыре, а въ поясъ двѣнадцать, взамѣнъ прежнихъ, исключительно земныхъ;

2) совершать крестное знаменіе не двумя перстами, а тремя.

Получивъ это предписаніе, Іоаннъ Нероновъ, бывшій въ ту пору протопопомъ Казанскаго (въ Москвѣ) собора, призвалъ Аввакума и другихъ обсудить дѣло. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Вѣдь еще на Стоглавомъ соборѣ было постановлено: «да будетъ проклятъ тотъ, кто крестится не двумя перстами»! «Видимъ» — писалъ впослѣдствіи Аввакумъ — что зима хочетъ быть: сердце озябло и ноги задрожали».

На рѣзкую критику своихъ дѣйствій Никонъ отвѣтилъ суровыми мѣрами: Неронова лишили скуфьи, Логгина и Даніила растригли, и всѣхъ троихъ сослали; сосланъ былъ и Аввакумъ, но отъ растриженія его спасло заступничество царя Алексѣя. Однако сильное противодѣйствіе, оказанное его новшествамъ, показало Никону, что въ дальнѣйшихъ своихъ мѣропріятіяхъ ему необходимо опереться на высшій авторитетъ церковнаго собора. Созванный въ 1654 г., соборъ постановилъ, сообразуясь съ видами Никона, заново пересмотрѣть церковныя книги и исправить ихъ, согласно древнимъ харатейнымъ русскимъ и греческимъ книгамъ. Щекотливый вопросъ о двоеперстіи не возбуждался; Никонъ ограничился разсмотрѣніемъ второстепенныхъ и менѣе жгучихъ: о томъ, когда на литургіи держать царскія двери открытыми; въ которомъ часу начинать самую литургію; кто имѣетъ право читать и пѣть

на амвонѣ, и т. п. Соборъ прошелъ бы совсѣмъ гладко, не настаивай епископъ коломенскій Павелъ на сохраненіи прежняго числа земныхъ поклоновъ при чтеніи великопостной молитвы Ефрема Сирина. Ничто не могло поколебать Павла; онъ упорно стоялъ на своемъ и вызвалъ крайнее раздраженіе въ Никонѣ, по натурѣ своей, человѣкѣ властномъ и не сдержанномъ. Патріархъ лишилъ епископа его каѳедры, «снялъ съ него мантію, предалъ тяжкому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе, вслѣдствіе чего Павелъ сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный, звѣрями ли похищенъ или въ рѣку упалъ и утонулъ» (митр. Макарій).

Тогда же воздвигъ Никонъ гоненіе на иконы франкскаго письма, т. е. писанныя по западнымъ, латинскимъ образцамъ. Въ надруганіе надъ ними и въ поученіе народу, онъ велѣлъ соскабливать съ досокъ лики святыхъ и въ такомъ видѣ носить ихъ по улицамъ, на показъ. Наконецъ, въ недѣлю Православія (1655), въ Успенскомъ соборѣ, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи патріарховъ антіохійскаго и сербскаго, объявлено было запрещеніе, подъ страхомъ отлученія, писать и держать у себя такія иконы. Для вящшаго вразумленія, Никонъ бралъ эти образа въ руки, показывалъ ихъ молящимся и съ силою бросалъ, одинъ за другимъ, на полъ, разбивая ихъ на куски о желѣзныя плиты, и только снисходя къ просьбѣ царя, ограничился приказаніемъ зарыть разломанные куски, а не сжечь, какъ первоначально хотѣлъ было. Грубое выступленіе Никона противъ иконъ возмутило благочестивыхъ людей, давъ новое орудіе противъ него. Патріарха стали называть иконоборцемъ, даже хотѣли убить его. Въ бѣдствіяхъ моровой язвы, которая въ ту пору уносила много жертвъ въ городѣ Москвѣ и вызвала панику въ народѣ, видѣли перстъ Божій и наказаніе за Никоновы новшества.

Тогда же патріархъ антіохійскій Макарій произнесъ анаѳему на двуперстіе, а новый соборъ русскихъ іерарховъ (1656) подтвердилъ ее.

Такимъ образомъ реформы Никона свелись къ простому обряду и буквѣ. Самое исправленіе книгъ, правильно задуманное и вполнѣ необходимое, ничѣмъ не расширило религіознаго сознанія русскаго человѣка, оставивъ его на прежнемъ уровнѣ духовнаго просвѣщенія. Обрядъ заслонилъ передъ Никономъ гораздо болѣе важное — нравственно-религіозную и церковную жизнь тогдашняго общества, въ частности духовенства: эта жизнь нуждалась въ реформѣ больше, чѣмъ простой обрядъ. Для вѣры и благочестія было рѣшительно все равно, крестятся ли люди двумя перстами или тремя, двоятъ или троятъ аллилуію, отправляютъ ли церковную службу по новоисправленнымъ или по старымъ до-никоновскимъ книгамъ:

замѣна одного обряда другимъ еще не избавляла отъ нестроенія въ жизни церковной. И дѣйствительно, Русская церковь и послѣ реформы осталась съ прежними несовершенствами, а русское общество — съ прежними пороками и недостатками, какъ и раньше, столь же далекое отъ истиннаго пониманія духа и смысла христіанскаго ученія.

Впослѣдствіи новый соборъ русскихъ іерарховъ (1666) призналъ преобразованія Никона правильными, однако никакого проклятія и прямого осужденія ни на старопечатныя книги, ни на двуперстіе или сугубую аллилуію, ни на другіе обряды, которыхъ продолжали держаться противники нововведеній, не наложилъ. Подвергшись опалѣ, Никонъ потерялъ прежнее вліяніе на дѣла, и соборъ счелъ возможнымъ игнорировать прежнее постановленіе о проклятіи за двуперстіе, такъ что стало возможнымъ надѣяться, что терпимость, проявленная къ инакомыслящимъ, сгладитъ или сдѣлаетъ менѣе чувствительною пропасть, вырытую въ періодъ патріаршества Никона. Къ сожалѣнію, послѣдовавшій затѣмъ соборъ 1667 г. углубилъ ее еще сильнѣе и довелъ дѣло до полнаго, окончательнаго разрыва.

На соборѣ 1667 г. видное участіе принимали греческіе іерархи съ двумя восточными патріархами во главѣ. Имъ принадлежало тамъ первое мѣсто и первый голосъ. Греки воспользовались благопріятнымъ случаемъ возстановить авторитетъ своей церкви, поколебленный въ глазахъ русскихъ еще со временъ Флорентійской уніи, и показать, что подозрѣнія и нареканія на нее неосновательны. Подъ ихъ давленіемъ соборъ разрѣшилъ отъ клятвы Стоглаваго собора троеперстниковъ и троившихъ аллилуію, — клятвы, якобы наложенной «неразсудно, простотою и невѣжествомъ», и въ свою очередь, наложилъ анаѳему на двуперстіе и сугубую аллилуію. Такимъ образомъ старообрядцы были поставлены на одну доску съ еретиками и тѣмъ положено начало печальному явленію въ русской жизни — расколу.

7. Личность патр. Никона. Никонъ лишенъ былъ правильнаго систематическаго образованія и, какъ большинство его современниковъ, не умѣлъ отдѣлить, въ дѣлахъ вѣры, существенное отъ несущественнаго, вѣру и ученіе церкви отъ церковнаго обряда и установленнаго чина. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ противниковъ; какъ тѣ, такъ и онъ былъ въ сущности типичный старый московскій начетчикъ, подчасъ очень односторонній и узкій въ дѣлѣ пониманія вѣры и благочестія. Первоначально онъ самъ держался старыхъ обычаевъ, но позже, подъ вліяніемъ кружка ревнителей и знакомства съ кіевскими учеными и наѣзжавшими въ Москву гре-

ками, измѣнилъ прежній взглядъ, сдѣлался поклонникомъ всего греческаго и съ свойственной ему энергіей, страстностью и увлеченіемъ сталъ проводить въ жизнь новыя воззрѣнія. Глубоко религіозный, съ душею, жаждущей дѣятельности, онъ сливалъ въ своемъ представленіи обрядъ съ вѣрою и всякое измѣненіе формы, въ какую она отлилась, понималъ, какъ искаженіе вѣры, нечестивое и преступное.

Вотъ почему, чѣмъ ближе другъ къ другу стояли Никонъ и сторонники старыхъ обрядовъ въ ложномъ пониманіи и смѣшеніи этихъ обрядовъ съ сущностью православной вѣры, тѣмъ рѣзче разошлись они, тѣмъ непримиримѣе стало ихъ взаимное ожесточеніе. И Никонъ, и старообрядцы одинаково горѣли чистою, пламенной вѣрою, но, лишенные истиннаго просвѣщенія, они не съумѣли подняться надъ формой и породили, при пагубномъ участіи грековъ, тотъ разладъ, который до сей поры раздѣляетъ нашу церковь, создавъ изъ одной двѣ церкви, — одну, господствующую, принявшую реформы Никона, другую, старообрядческую, отказавшуюся отъ нихъ, а между тѣмъ и та и другая одинаково православныя, одинаково правильно исповѣдуютъ вѣру Христову, согласно ученію и постановленію 7 вселенскихъ соборовъ.

Помимо всего, духовная распря приняла особенно острый характеръ вслѣдствіе личныхъ недостатковъ Никона. Это былъ человѣкъ крутого нрава, властный, деспотъ въ душѣ, горячка, не умѣвшій владѣть собою. Облеченный громадною властью, онъ не сносилъ сопротивленія и не зналъ мѣры въ наказаніи. Его вѣра въ свой авторитетъ была такъ велика, что ему казалось, достаточно одного его слова, чтобы заставить всѣхъ повиноваться, а это самомнѣніе мѣшало ему замѣчать, какъ сильно оскорблялъ онъ многихъ своими требованіями, какъ грубо задѣвалъ въ человѣкѣ самыя деликатныя его чувства. Никона ненавидѣли, и въ значительной степени эта ненависть причиною того, что многія изъ его мѣръ, сами по себѣ вполнѣ справедливыя и разумныя, заранѣе встрѣчали къ себѣ враждебное отношеніе, единственно потому что исходили отъ него. Вводя свою реформу насильственно, Никонъ забывалъ, что въ дѣлахъ вѣры побѣду одерживаетъ не насиліе, а убѣжденіе, и что гоненіе лишь усиливаетъ сопротивленіе, превращаетъ гонимыхъ въ жертву, придаетъ имъ ореолъ мученичества и лишь увеличиваетъ число ихъ сторонниковъ.

8. Единогласіе. Церковный уставъ, введенный въ Русскую церковь, былъ позаимствованъ изъ восточныхъ, самыхъ строгихъ, монастырей; тамъ онъ примѣнялся только въ монастыряхъ, у насъ же его ввели, кромѣ того, въ приходскихъ церквахъ. Согласно этому уставу, необходимо было вычитать и пропѣть

безъ всякихъ пропусковъ все, что въ немъ полагалось. Церковная служба поэтому была очень длинная, утомительная, и, во вниманіе къ немощи мірскихъ людей, ради снисхожденія къ ихъ житейскимъ заботамъ, стали совершать ее разомъ, нѣсколькими голосами: стали употреблять многогласіе, т. е. единовременно пѣть положенное по уставу въ нѣсколько голосовъ сразу: «одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ, и даже стараясь перекричать». Уставъ при этомъ, дѣйствительно соблюдался полностью, въ немъ ничего не пропускалось, но такая служба, вмѣсто назиданія, пріучала къ механическому, безсмысленному отправленію. «Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне непристойно, что̀ чуть ли не сдѣлалось общимъ правиломъ, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба, ради многогласія, совершалась съ особою скоростью. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, дозволяя въ храмѣ читать единовременно голосовъ въ шесть и больше» (Каптеревъ). Введенное Никономъ единогласіе удлинило церковную службу, зато сдѣлало ее благопристойнѣе и осмысленнѣе.

Церковное пѣніе было т. наз. хомовое, или раздѣльноречное: каждый слогъ намѣренно растягивался и между слогами вставлялось, съ тою же цѣлью, по два слога: хомо, что̀ сильно искажало форму слова, затрудняя его пониманіе. Напримѣръ, слово благослови пѣлось: бла-хомо-гохомо-слохомо-ви. Вмѣсто раздѣльнорѣчнаго пѣнія Никонъ ввелъ нарѣчное, — то, что теперь въ обиходѣ въ нашихъ церквахъ, — болѣе красивое и натуральное.

9. Двуперстіе и троеперстіе. Перстосложеніе, по ученію православной господствующей церкви должно быть двоякое:

1) Троеперстное — вѣрующій осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя св. Троицы, слагая для этого три первыхъ пальца правой руки, и пригнувъ два послѣднихъ къ ладони.

2) Двуперстное, или именословное — священнослужитель благославляетъ вѣрующихъ во имя Іисуса Христа, въ знакъ признанія въ немъ двухъ естествъ, божественнаго и человѣческаго. Для этого пальцы правой руки складываются такъ, чтобы изобразить собою первыя и послѣднія буквы имени: ІС.ХС, т. е. Іисус Христос. Указательный палецъ простертъ — внѣшнимъ своимъ видомъ напоминаетъ букву І; средній, подлѣ указательнаго, наклоненъ — букву С; боль-

шой палецъ приложенъ къ безымянному, пересѣкая его — букву Х; мизинецъ, подлѣ нихъ, согбенъ — тоже изображаетъ букву С.

Перстосложеніе по ученію православной старообрядческой церкви: въ обоихъ случаяхъ, и для наложенія крестнаго знамени на самого себя, и для благословенія вѣрующихъ іереемъ, допускается одно только двуперстіе.

Первоначально, вплоть до IX вѣка, христіане знаменовались одним ъ перстомъ. Это была пора, когда новой христіанской вѣрѣ приходилось отстаивать себя въ борьбѣ съ язычествомъ, т. е. съ многобожіемъ, и потому, налагая на себя единоперстіе, христіанинъ выражалъ этимъ внѣшнимъ знакомъ свою вѣру въ единаго Бога-Творца, свою готовность исполнить первую и главную заповѣдь Божію: «да не будутъ тебѣ бози иніе, развѣ Мене».

Между тѣмъ, съ вѣками, на Востокѣ возникла и получила большое распространеніе ересь монофизитовъ. Она учила, что въ Іисусѣ Христѣ оба естества, божественное и человѣческое, слиты нераздѣльно, и человѣческое поглощено началомъ божественнымъ; иными словами, признавая Христа-Бога, монофизиты отрицали реальное существованіе Христа-Человѣка: послѣдняго, по ихъ мнѣнію, можно различать отъ Христа-Бога только мысленно. Отсюда отрицаніе возможности для Іисуса Христа всѣхъ тѣхъ чисто человѣческихъ, физическихъ страданій, о которыхъ намъ повѣствуетъ Евангеліе.

Видоизмѣненіемъ монофизитской ереси была ересь монофелитовъ. Дѣлая уступку православному воззрѣнію о двухъ естествахъ, она утверждала, что въ Христѣ, при двухъ естествахъ, одна только воля, а не двѣ, божественная и человѣческая.

Первая ересь была осуждена на 4-мъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ (451), вторая — на шестомъ, въ Константинополѣ (681). Соборъ 451 г. призналъ, что Іисусъ Христосъ, по воплощеніи Своемъ на землѣ, пребывалъ въ двухъ природахъ, несліянныхъ и нераздѣльныхъ; а соборъ 681 г. — что въ Іисусѣ Христѣ слѣдуетъ исповѣдывать двѣ воли, человѣческую и божественную, причемъ воля человѣческая находится въ полномъ согласіи съ волею божественною, и хотя подчинена ей, но ею не уничтожается.

Обѣ ереси однако упорно держались на Востокѣ и, не смотря на упорную борьбу съ ними, до сихъ поръ еще насчитываютъ тамъ своихъ послѣдователей (монофизиты: яковиты въ Сиріи; армяно-грегоріане; копты въ Абиссиніи; монофелиты: марониты въ Сиріи).

Для православныхъ обѣ эти ереси, при всемъ ихъ отличіи, одинаково означали неправильное и недопустимое признаніе въ Іисусѣ Христѣ одного только начала. При такой обста-

новкѣ, единоперстіе могло дать поводъ къ ложному толкованію, и потому, въ цѣляхъ рѣзче отграничиться и отдѣлиться отъ еретиковъ, православные стали знаменоваться не однимъ, а двумя перстами, заявляя этимъ: въ Христѣ мы исповѣдуемъ не одно естество, а два, не одну волю, а двѣ. Двуперстіе держалось въ Греческой церкви съ IX по XII ст., и такъ какъ Россія приняла христіанство въ концѣ X в., то и въ ней принято было то же знаменованіе двумя перстами.

Но на Востокѣ возникла и держалась еще Несторіева ересь (3-ій вселенскій соборъ въ Ефесѣ, 431 г.). Несторій училъ, что въ Іисусѣ Христѣ два естества соединены лишь внѣшнимъ образомъ, что Христосъ родился человѣкомъ и только носилъ въ себѣ божество, и что потому онъ не равенъ первой и третьей Ипостаси св. Троицы, и Мать Его есть «Христородица», а не «Богородица». Несторіане, какъ и православные, знаменовались тоже двуперстіемъ; и вотъ, подобно тому, какъ раньше православная церковь, чтобы отдѣлить себя отъ монофизитовъ и монофелитовъ, замѣнила единоперстіе двуперстіемъ, такъ и теперь, чтобы не смѣшивать себя съ послѣдователями Несторія, вмѣсто двуперстія приняла троеперстное знаменованіе, заявляя этимъ, что она вѣритъ не въ двѣ Ипостаси (Бога-Отца и Бога-Духа), а въ три, равныхъ и единосущныхъ (Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа). Троеперстіе съ теченіемъ времени окончательно утвердилось въ Греціи, вытѣснивъ двуперстіе, и въ XVII ст., ко времени патріарха Никона, было тамъ во всеобщемъ употребленіи.

Стоглавый соборъ и вслѣдъ за нимъ старообрядцы были неправы, полагая, что троеперстіе есть знаменованіе еретическое, достойное анаѳематствованія; но не правъ былъ и Никонъ, вводя троеперстіе насильственно и въ двуперстіи видя что-то преступное и неправильное. Зато Никонъ былъ правъ, желая согласовать русскій обрядъ съ греческимъ, такъ какъ и Русская церковь, и Греческая только побѣги одной церкви — Православной; но не правъ былъ соборъ 1667 г., предавая проклятію тѣхъ, кто не слѣдовалъ троеперстію.

10. Сугубая и трегубая Аллилуія. Въ старину въ Греческой церкви аллилуію трегубили, но не исключалась и аллилуія сугубая; послѣдняя особенно была въ употребленіи въ Малой Азіи. Когда, съ завоеваніемъ Константинополя крестоносцами (1204), политическій центръ Византійской имперіи перенесенъ былъ туда, сугубая аллилуія вошла въ обиходъ и въ средѣ высшаго руководящаго духовенства, что придало ей извѣстный авторитетъ. Изъ Малой Азіи она перешла къ южнымъ славянамъ, а отъ нихъ (въ половинѣ XV в.) въ Московскую Русь. Однако въ Европейской части Византійской имперіи

по прежнему держалась трегубая аллилуія; съ теченіемъ времени она вытѣснила сугубую и изъ малоазіатскихъ провинцій, такъ что старый порядокъ (троеніе) былъ возстановленъ въ Византіи повсюду.

Между тѣмъ въ Россіи сугубая аллилуія пустила корни настолько прочные, что Стоглавый соборъ (1551) призналъ троеніе формою совершенно недопустимою, «латинствомъ и жидовствомъ», и когда Никонъ вздумалъ ввести греческій порядокъ славословія Божія, въ этомъ увидѣли новшество и еретичество. Дѣло въ томъ, что «аллилуія» есть слово еврейское, означаетъ: «слава Тебѣ, Боже», и потому — указывали старообрядцы — если троить («Аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже»), то выйдетъ, что мы повторяемъ одну и ту же мысль четыре раза, что̀ излишне, такъ какъ самое славословіе нами возглашается въ честь и похвалу св. Троицы, трехъ Ипостасей ея.

11. Крестъ. Въ древности крестъ, какъ эмблема мученической смерти Іисуса Христа, изображался различно: 4-хъ, 6-ти, 8-ми и даже 3-хконечнымъ (въ видѣ латинской буквы T), смотря по тому, выступали или нѣтъ за края вертикальнаго столба поперечныя дощечки: верхняя, съ инициалами: І. Н. Ц. І. (Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій), и нижняя, служившая подпоркою для ногъ. Въ Россіи къ половинѣ XVII ст. установилась форма 8-миконечная (не исключался крестъ и о 6 концахъ); на Западѣ, наоборотъ, — форма 4-хконечнаго креста. Отсюда, подъ вліяніемъ европейской иконографіи, какъ дань духу времени, 4-хконечный крестъ вошелъ въ употребленіе и въ Русской церкви, однако вскорѣ былъ признанъ опаснымъ новшествомъ, подвергся гоненію и анаѳемѣ; и когда Никонъ постановилъ вырѣзать, за литургіей, на просфорахъ, 4-хконечный крестъ, то старообрядцы увидѣли въ этомъ лишнее доказательство уклоненія патріарха отъ истиннаго православія.

12. Главнѣйшія обрядовыя отличія старообрядческой церкви отъ преобразованной согласно постановленіямъ Собора 1667 г.

1. Крестное знаменіе при осѣненіи самого себя крестомъ: двуперстное вм. троеперстія.

2. Аллилуія. Сугубая вм. трегубой.

3. Крестъ. Исключительно 8-миконечный; соборъ же 1667 г. допускаетъ три формы безразлично: 4-хъ, 6-ти и 8-миконечную.

4. Число просфоръ на проскомидіи. Семь вм. пяти.

5. Крестный ходъ. Посолонь, вм. хожденія противъ солнца. NB. Соборъ 1667 г. допустилъ однако и посолонь, но исклю-

чительно при бракосочетаніи (когда жениха и невѣсту обводятъ вокругъ налоя).

6. Поклоны при чтеніи великопостной молитвы Ефрема Сирина. Исключительно земные вм. введенныхъ Никономъ 4 земныхъ и 12 поясныхъ.

7. Иконы. Допускаются исключительно стараго образца, т. е. писанные до временъ Никона, или же, если позднѣйшія, то по старымъ образцамъ.

8. Бритье бороды. Старообрядцы придерживаются постановленія Стоглаваго собора, который призналъ бритье бороды латинскою ересью, запретилъ поэтому отпѣвать брадобріііцевъ по смерти, творить по нимъ сорокоустъ, приносить по нимъ въ церковь свѣчи и просфоры.

9. «И огнемъ». Еще задолго до патр. Никона, книжный справщикъ, архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій поплатился за то, что (правильно) выкинулъ изъ водосвятной молитвы слова «и огнемъ»: «Освяти воду сію Духомъ Твоимъ и огнемъ». Ему поставили въ вину желаніе «вывести огонь изъ міра» (1618). На этой вставкѣ, вошедшей во всѣ требники, держался обычай, при освященіи воды, погружать въ нее зажженныя свѣчи. Указанная вставка была признана неправильною и вычеркнута, но самый обычай опусканія зажженыхъ свѣчей держался еще нѣкоторое время, пока соборъ 1667 г. не отмѣнилъ его окончательно.

Отличія въ чтеніи текста богослужебныхъ книгъ.

10. Молитва Господня. «Отче нашъ... и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ... и невоведи насъ во искушеніе».

Вмѣсто: «якоже и мы . . . . и не введи насъ во искушеніе».

11. Символъ вѣры. «Вѣрую во единаго Бога... И во единаго Господа Ісуса Христа, ...рожденна, а несотворенна. . и нашего ради спасенія сошедшаго со небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Марія Дѣвы... Распята же за ны... и воскресша во третій день по писаніихъ. Его же царствію нѣсть конца... И въ Духа Святаго истиннаго и животворящаго».

Вмѣсто: «Іисуса Христа... рожденна, несотворенна... сшедшаго съ небесъ... Маріи Дѣвы... Распятаго за ны... и воскресшаго въ... по писаніямъ... Его же царствію не будетъ конца... И въ Духа Святаго животворящаго».

12. Молитва Дѣвѣ Маріи. «Богородица, Дѣво, радуйся обрадованная Марія... яко родила еси Христа Спаса».

Вмѣсто: «Богородица, Дѣво, радуйся, благодатная Марія... яко Спаса родила еси».

13. Ісусъ (по Стоглаву) — Іисусъ (соборъ 1667 г.).

14. Псаломъ «Да воскреснетъ Богъ». «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его» вм. «да расточатся врази его».

15. Пасхальная молитва. «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ смертію на смерть наступивъ и гробнымъ животъ даровавъ» вм. «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ».

16. На ектеніи: «день весь совершенъ, святъ, миренъ, безгрѣшенъ испросивше себѣ и другъ другу и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ»; и еще: «единеніе вѣры и причастіе Св. Духа испросивше себѣ и другъ другу и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ», вмѣсто: «сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ» (въ обоихъ случаяхъ).

Можно указать на два нововведенія патр. Никона, не удержавшіяся и соборомъ 1667 г. отмѣненныя:

1. Молитва Іисусова. Старую форму: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ» Никонъ замѣнилъ было другою: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ».

2. Освященіе воды на праздникъ Крещенія Господня (6 января) совершалось дважды: наканунѣ, въ навечеріи, въ церкви, и потомъ въ самый день праздника, на рѣкѣ; Никонъ же постановилъ освящать ее только одинъ разъ, наканунѣ, и притомъ на рѣкѣ.

XV. Что создало абсолютную власть московскихъ государей въ XVII в.

1. Идея власти (Иванъ Грозный). Ко второй половинѣ XVI в. абсолютная власть, если еще не въ дѣйствительности, то въ идеѣ уже вполнѣ сложилась, и эта идея только ждала благопріятныхъ условій, чтобы вылиться въ реальныя формы. Гордый сознаніемъ своей независимости, Иванъ Грозный высокомѣрно указывалъ Стефану Баторію, что онъ царь «по Божіему изволенію, а не по многомятежному человѣчества хотѣнію», т. е. что власть свою получилъ онъ отъ Бога, а не по волѣ или капризу людей, какъ это было съ польскимъ королемъ, и что, слѣдовательно, самъ Богъ повелѣваетъ подданнымъ царя повиноваться ему, своему ставленнику и намѣстнику. — Высокомѣрно смотрѣлъ Грозный и на Густава Вазу, положившаго въ Швеціи начало новой династіи: русскій царь считалъ для себя унизительнымъ непосредственныя сношенія съ нимъ или, позже, съ его преемникомъ-сыномъ (Ерикомъ): достаточно опредѣлить для этого своего слугу, новгородскаго намѣстника; человѣкъ еще недавно «торговавшій животиною» не имѣлъ

права требовать бо̀льшаго: подобное требованіе равнялось бы безумству и отстояло бы отъ здраваго смысла столь же далеко, какъ отстоитъ «небо отъ земли». — Тотъ же горделивый взглядъ на свое высокое положеніе слышится и въ словахъ Ивана, обращенныхъ къ Елизаветѣ, королевѣ англійской: мы думали, ты самостоятельно правишь своимъ государствомъ, между тѣмъ, оказывается, правятъ имъ твои подданные, не ты; и благо бы, правили одни люди благородные, а то, вмѣстѣ съ ними, и простые купцы («мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, но мужики торговые»).

2. Идея временно поколеблена. Смутные годы грозили расшатать идею независимой власти русскаго государя: цари сразу очутились на положеніи «Стефана Баторія»: ихъ пришлось избирать какъ разъ «по многомятежному человѣчества хотѣнію» (1598, 1610, 1613); хуже того: царей насильственно низводили съ престола, самымъ «многомятежнымъ» образомъ (1605, 1606, 1610); при возведеніи на тронъ, предъявляли имъ условія (1606, 1610; можетъ быть, и въ 1613 г.); ихъ дѣйствія подвергались открытой критикѣ, не останавливавшейся даже предъ прямымъ оскорбленіемъ: брань, раздававшаяся по адресу Бориса Годунова («лукавый хитролисъ»; «рабо-царь»), Лжедимитрія I («воръ», «растрига»), Василія Шуйскаго («клятвопреступникъ», «пьяница»), конечно, не могли ужиться съ мыслью о божественномъ происхожденіи царской власти.

И тѣмъ не менѣе идея пережила острый кризисъ, не только не погибла, но пустила даже новые ростки и углубила прежніе корни.

3. Потребность въ сильной власти. Сильной власти требовала сама жизнь. Развалъ, созданный Лихолѣтьемъ, настолько расшаталъ государственный организмъ Россіи, что, только повинуясь единой, независимой волѣ, возможно было справиться съ предстоящей задачей — возстановить нарушенный порядокъ и вернуть страну къ прежнимъ нормальнымъ условіямъ жизни. Не такъ ли въ бурю на морѣ, — если корабль не тонетъ, то главнымъ образомъ потому, что команда безпрекословно исполняетъ приказанія своего командира?

Потребность въ такой власти чувствовалась на протяженіи всего XVII ст., потому что едва успѣли, въ царствованіе Михаила Ѳед. наладить порядокъ, какъ онъ снова заколебался (бунты 1648, 1650, 1662 гг.), а возстаніе Стеньки Разина дало всѣ основанія опасаться, какъ бы не пришлось вторично переживать Смутные годы, едва не погубившіе Русскую землю въ началѣ этого вѣка.

4. Поддержка, оказанная Земскими соборами. Цѣнную поддержку верховной власти оказали Земскіе соборы, собиравшіеся въ XVII в.: дѣйствуя съ нею рука объ руку, они, своимъ авторитетомъ, воспитывали русское общество въ уваженіи и преклоненіи передъ властью государя, дѣлая это тѣмъ охотнѣе еще и потому, что интересы ихъ и верховной власти въ значительной мѣрѣ были тожественны: по составу, соборы являлись представителями, преимущественно, среднихъ классовъ: служилыхъ людей; отъ правительства они ждали себѣ вотчинъ и помѣстій, запрещенія крестьянскихъ переходовъ, что̀ было на руку и самому правительству, желавшему, чтобы государственныя земли, по возможности, не пустовали, но принимали активное участіе въ несеніи военной службы.

5. Внѣшнія условія, благопріятствовавшія развитію абсолютной власти.

а) **Худородные люди.** Ивану Грозному еще приходилось считаться съ княжатами, теперь же мѣсто титулованныхъ и родовитыхъ бояръ заняли преимущественно люди худородные, безъ прошлаго, безъ традицій, освященныхъ временемъ; прежніе бояре могли ссылаться на традиціи, какъ на своего рода неписанное право, новые же, худородные люди всѣмъ были обязаны милости государя и, даже на самыхъ высокихъ постахъ, всегда чувствовали полную зависимость свою отъ него.

б) **Рознь классовъ** Съ другой стороны рознь классовъ, рѣзко обозначившаяся въ Смутное время, не заглохла и теперь. Населеніе Московской Руси XVII в. дѣлилось на двѣ основныхъ группы: служилыхъ и тяглыхъ; первая группа кормилась на счетъ другой; вторая кормила первую. Повинность кормленія была тяжелая, и тяглецъ старался уклониться отъ нея (бѣга на окраины государства; закладничество), переложить, при случаѣ, часть своего тягла на своего же собрата, а то и прямо поживиться на его счетъ: посадскіе люди закидывали правительство жалобами на то̀, что крестьяне устраивались на посадскихъ земляхъ слободами, конкуррировали въ промыслахъ и торговлѣ, не участвуя однако въ общемъ несеніи повинностей.

Была еще третья группа — духовенство. Оно стояло особнякомъ, и его интересы не совпадали ни съ первой ни со второй группой. Хотя и въ болѣе слабой степени, оно тоже должно было кормить служилый классъ; но льготныя условія, на какихъ оно владѣло своими обширными землями, ставили духовенство въ привилегированное положеніе: оно въ свою очередь кормилось на счетъ тяглаго класса. Не даромъ жалобы крестьянскихъ общинъ на закладничество, а посадскихъ людей — на усиленный ростъ слободъ направлены были главнымъ обра-

зомъ противъ монастырскихъ земель, куда охотно стекались и закладники, и слобожане, благодаря выгоднымъ условіямъ, какія тѣ могли предложить имъ.

Рознь интересовъ мѣшала этимъ тремъ группамъ дѣйствовать совмѣстно и солидарно, какъ дѣйствовали онѣ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ рѣзкаго антагонизма между сословіями никогда не существовало, и гдѣ потому сословія добились, сравнительно легко, участія въ управленіи государствомъ.

в) **Патріаршество.** Учрежденіе патріаршества не сдѣлало церковь самостоятельнѣе; она и теперь, какъ раньше, осталась орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти. Владѣя обширными землями, церковь видѣла въ царѣ источникъ своего богатства, а это ставило ее въ зависимое положеніе, до извѣстной степени связывало ея дѣйствія. Если титулъ «великаго государя», присвоенный, въ царствованіе Михаила Ѳед., патр. Филарету, и усилилъ авторитетъ главы Русской церкви, то самъ патріархъ — отецъ молодого царя, новичка на престолѣ — использовалъ этотъ авторитетъ скорѣе въ интересахъ фамильныхъ, чѣмъ въ интересахъ самой церкви.

Попытка Никона поставить власть патріарха независимо и даже выше власти царской не имѣла подъ собою почвы, и скорѣе послужила ей на пользу; своимъ неуспѣхомъ она лишь подняла особу государя на новую высоту: съ удаленімъ Никона въ Воскресенскій монастырь, наступилъ болѣзненный для церкви періодъ междупатріаршества (1658—1667); управленіе церковью фактически перешло въ руки царя Алексѣя, что̀ пріучало видѣть въ немъ не только государя-самодержца, но и безапелляціоннаго повелителя также и въ церковной жизни, такъ что позже Петру Великому оставалось сдѣлать всего одинъ шагъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ патріаршеству и окончательно поработить Русскую церковь.

6. Система управленія. Централизація власти, возможность непосредственно изъ центра слѣдить за жизнью страны и руководить ею, проникая во всѣ классы населенія, однимъ уже этимъ ставила волю государя источникомъ и началомъ всякой дѣятельности. Государь правилъ страною посредствомъ Боярской думы, приказовъ и воеводъ — всѣ эти три органа были лишь послушными орудіями въ его рукахъ. Боярская дума въ XVII ст. существенно отличалась отъ думы XVI в. Раньше тамъ сидѣли люди, положеніемъ своимъ обязанные прошлому, которое сложилось для нихъ независимо отъ воли государя — теперь въ Думу попадали лишь тѣ, на кого государю угодно было излить свою милость; сама Дума была, по существу, исключительно органомъ совѣщательнымъ: законодательствовала она лишь по порученію, въ тѣхъ случаяхъ, когда

государь передавалъ ей это право. Въ приказахъ сидѣли приказные дѣльцы, дьяки, вѣдавшіе канцеляріей и ея дѣлопроизводствомъ; обязанные своей служебной карьерою той же милости государя, они еще болѣе, чѣмъ члены Боярской думы, проводили въ жизнь лишь то, что предписывалось имъ свыше. Такой же характеръ исполнителей чужой воли носили и воеводы. Такимъ образомъ и строй управленія, скрѣпляя создавшееся положеніе въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ развитію абсолютной власти.

7. **Результаты.** Въ результатѣ создалось положеніе, которое современникъ (Котошихинъ) опредѣлялъ такими словами: «И съ кѣмъ похочетъ (государь) учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или и иные всякіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людми спрашивается о томъ мало, въ его волѣ, что хочетъ, то учинити можетъ; однако кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ».

XVI. Памятники духовной культуры. 1613—1682.

Полемическія сочиненія, вызванныя церковной уніей въ Русской Польшѣ (продолженіе. Прежнія, за 1577 - 1612 гг., см. въ предыдущемъ отдѣлѣ).

1. 1617. Левъ Кревза. «Оборона церковной уніи», противъ православнаго ученія.

2. 1618. Кириллъ Транквилліонъ. «Зерцало богословія», первый въ югозападной литературѣ опытъ систематическаго изложенія догмы православнаго ученія.

3. 1621. Захарій Копыстенскій. «Палинодія, или оборона каѳолической всходной церкви», въ опроверженіе книги Кревзы «Оборона церковной уніи».

4. 1621. Мелетій Смотрицкій. Верификація, или оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, унижающихъ русскій народъ», въ защиту православія.

5. 1621. Митр. Рутскій (уніатъ). «Сугубая вина», въ опроверженіе «Верификаціи».

6. 1621. Мел. Смотрицкій. «Оборона Верификаціи».

7. 1627. Мел. Смотрицкій. «Замѣчанія о шести (догматическихъ) различіяхъ между церковью Восточной и Западной». Въ этомъ сочиненіи Смотрицкій уже придерживается взглядовъ не Греческой, а Латинской церкви.

8. 1628. Мел. Смотрицкій. «Апологія путешествія на Востокъ».

9. 1628. Мел. Смотрицкій. «Протестація противъ Кіевскаго собора 1628 г.», полемика съ соборомъ, осудившимъ его «Апологію».

10. 1629. Андрей Мужиловскій. «Антидотумъ (противоядіе) народу русскому противъ Апологіи Смотрицкаго».

11. 1629. Мел. Смотрицкій. «Экзегесисъ, или Росправа между Апологіей и Антидотумомъ», полемика съ Мужиловскимъ.

12. 1629. Мел. Смотрицкій. «Паренесисъ (увѣщаніе) къ Святодуховскому братству и всему русскому народу», совѣтъ принять унію.

13. 1642. Кассіанъ Саковичъ. «Перспектива, или изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской дезунитской церкви».

14. 1644. Петръ Могила. «Лиѳосъ, или камень, брошенный на сокрушеніе лживо-темной Перспективы». Полемизируя съ Саковичемъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полную апологетику православной Западно-русской церкви.

15. 1645. Петръ Могила. «Православное исповѣданіе вѣры», сокращенное изданіе (т. наз. «Малый Катехизисъ»), защита православной вѣры.

16. 1648. «Книга о вѣрѣ», сборникъ западно-русскихъ сочиненій противъ латинянъ и уніатовъ.

17. 1655. Лазарь Барановичъ. «Новая мѣра старой вѣры», полемика противъ ученія Латинской церкви о главенствѣ папы и о сошествіи Св. Духа (filioque).

Сочиненія полемическаго содержанія по вопросамъ вѣры, написанныя въ Московской Руси (18—19: инославныя ученія; 20—23: расколъ старообрядчества).

18. 1642. Иванъ Насѣдка. «Изложеніе на лютеры», сборникъ статей, направленныхъ противъ протестантскаго ученія.

19. 1644. «Кириллова книга», противъ протестантовъ и католиковъ.

20. 1650. Арсеній Сухановъ. «Пренія съ греками о вѣрѣ». Авторъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ тѣхъ обрядовъ, съ которыми нѣсколько лѣтъ спустя патр. Никонъ поведетъ энергичную борьбу (сугубая аллилуія, двуперстіе и др.).

21. 1666. Симеонъ Полоцкій. «Жезлъ правленія», полемика со старообрядцами.

22. 1682. Патр. Іоакимъ. «Увѣтъ духовный», тоже.

23. «Житіе протопопа Аввакума», написанное имъ самимъ (ум. 1681); одна изъ наиболѣе яркихъ страницъ въ исторіи русскаго раскола, тѣхъ болѣзненныхъ отношеній и

взаимнаго ожесточенія, какое сложилось между старообрядцами и сторонниками церковной реформы патр. Никона.

Сочиненія духовнаго содержанія.

24. 1660. Іоанникій Галятовскій. «Ключъ разуменія», сборникъ поученій.

25. 1666. Лазарь Барановичъ. «Мечъ духовный», сборникъ поученій.

26. 1674. Л. Барановичъ. «Трубы словесъ проповѣдныхъ», тоже сборникъ поученій.

27. Симеонъ Полоцкій. «Вѣнецъ вѣры», первый опытъ, въ московской литературѣ, догматическаго изложенія православной вѣры. Патр. Іоакимъ называлъ эту книгу «вѣнцомъ изъ западнаго тернія», находя въ ней толкованія примѣнительно къ ученію Латинской церкви (о времени пресуществленія Св. Даровъ). Ученіе христіанское изложено въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; среди нихъ много самыхъ странныхъ и изощренныхъ, въ духѣ той схоластики, какой придерживались западные богословы того времени: зачѣмъ Христосъ родился именно въ декабрѣ? въ какой часъ дня совершилось благовѣщеніе и рожденіе Христово? могъ ли Христосъ говорить съ самаго появленія Своего на свѣтъ? зачѣмъ Спасителя пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями? воскреснутъ ли мертвые, при второмъ пришествіи Іисуса Христа, съ волосами и ногтями, которыхъ у людей могло накопиться много, такъ какъ при жизни они ихъ обрѣзывали? Страшный судъ будетъ происходить въ Іосафатовой долинѣ, около Іерусалима, и такъ какъ тамъ не хватитъ мѣста на всѣхъ, то какъ размѣстятся остальные (отвѣтъ: остальные будутъ стоять на воздухѣ, ярусами, одни надъ другими)?

28. 1681. Сим. Полоцкій, «Обѣдъ душевный», сборникъ проповѣдей.

29. 1683. Сим. Полоцкій. «Вечеря душевная», другой сборникъ проповѣдей.

Сочиненія свѣтскаго содержанія (30—34: о Смутномъ времени; составлены въ царствованіе Михаила Ѳед.).

30. «Иное сказаніе о самозванцахъ», неизвѣстнаго автора.

31. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ. «Временникъ».

32. Князь Катыревъ-Ростовскій. «Повѣсть отъ прежнихъ лѣтъ».

33. «Книга, глаголемая Новый Лѣтописецъ», неизвѣстнаго автора.

34. Авраамій Палицынъ, «Сказаніе» объ осадѣ Троицкаго монастыря поляками и казаками.

35. Сочиненія Юрія Крижанича.

36. 1667. Гр. Котошихинъ. «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих.».

37. 1674. Иннокентій Гизель. «Кіевскій Синопсисъ», первый учебникъ по русской исторіи.

38. Сильвестръ Медвѣдевъ. «Оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ», первое библіографическое описаніе русской книжной литературы.

Беллетристика (сказки, повѣсти, драматическія произведенія, стихотворенія).

39. «Сказка о Шемякиномъ судѣ».

40. «Сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ».

41. «Сказка о Бовѣ-Королевичѣ».

42. «Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ».

43. «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобеевѣ».

44. «Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи».

45. «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ».

46. Сим. Полоцкій. «Комедія о Навуходоносорѣ царѣ».

47. Сим. Полоцкій. «Комедія притчи о Блудномъ сынѣ».

48. Сим. Полоцкій. «Вертоградъ Многоцвѣтный», сборникъ стихотвореній. («виршъ»).

Иллюстрированныя изданія свѣтскаго содержанія.

49. «Царскій Титулярникъ»; извѣстенъ еще подъ двумя другими названіями: «Корень Россійскихъ государей» и «Большая государственная книга 1672 г.»: раскрашенные портреты русскихъ государей, начиная отъ Рюрика до Алексѣя Мих. включительно, русскихъ патріарховъ (Іовъ-Питиримъ) и современныхъ царю Алексѣю государей европейскихъ; работа русскихъ мастеровъ, 1672 г. (Спб. Эрмитажъ); текстъ изданъ, съ портретами. Спб. 1903.

50. «Книга объ избраніи и вѣнчаніи на престолъ царя Михаила Ѳедоровича», съ раскрашенными рисунками, 1672—1673 гг. (Москва. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ). Напеч.: М. 1856.

51. Лицевое житіе преп. Зосимы и Савватія, чудотв. соловецкихъ, 1623 г.; миніатюры превосходной работы (Казань. Духовн. Академія).

52. Лицевое житіе царевича Димитрія, второй половины XVII в. «Особенно любопытны костюмы, латы, шлемъ, роброны полекъ и т. д.» (Лихачевъ) (Москва. Собраніе К. Т. Солдатенкова).

53. Евангеліе Сійскаго Антоніева монастыря, «рѣдчайшій образецъ иллюстрированнаго недѣльнаго (апракосъ) евангелія»; число миніатюръ свыше 2130, — «цифра небывалая въ исторіи византійско-русскихъ лицевыхъ кодексовъ. Трудно указать другой памятникъ, который бы давалъ столь полное и наглядное понятіе о состояніи русской живописи того времени. Въ миніатюрахъ этого кодекса нашли свое гармоническое сочетаніе воспитанная въ русскихъ художникахъ западною школою идея красоты и уваженіе къ іератическому характеру православной иконописи. Старинное рабское преклоненіе предъ установленными схемами уже уступило мѣсто свободному къ нимъ отношенію: связь съ стариною не была еще совсѣмъ порвана, но старина не мѣшала уже нѣкоторому простору религіозно-художественной мысли. Миніатюристы не копировали свои картины съ западныхъ образцовъ, но сочиняли ихъ сами» (Покровскій); второй половины XVII в.; работа московская; въ Сійскій м—рь поступило въ 1692 г.

54. Евангеліе 1678 г., съ 1200 миніатюрами. «По обилію миніатюръ оно занимаетъ первое мѣсто послѣ Сійскаго евангелія. Стиль миніатюръ западный, живописный» (Покровскій); работа, по всей вѣроятности, мастера И. Максимова, ученика Симона Ушакова; по заказу государя (Спб. Петропавловскій соборъ).

NB. Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ (1626—1686), одинъ изъ лучшихъ иконописцевъ времени Алексѣя Мих. Онъ первый сдѣлалъ попытку сблизить нашу иконопись съ живописью. Воспитавшись на образцахъ старой иконописной школы царскихъ мастеровъ, онъ не ушелъ отъ вліянія западныхъ художниковъ: его рисунокъ отличается правильностью; въ фигурахъ его святыхъ много жизни (выразительныя лица; широко раскрытые глаза); свой матеріалъ онъ черпалъ изъ гравюръ, иллюстрированныхъ изданій или прямо бралъ его въ природѣ. Лучшія произведенія Ушакова — его иконы въ Грузинской церкви, въ Москвѣ.

Церкви. Со второй половины XVII ст. существенно мѣняется типъ церковныхъ построекъ: народная шатровая форма изгоняется, ей мѣсто только въ колокольняхъ и крыльцахъ; взамѣнъ стали строиться ярусныя церкви, какъ въ старину, пятиглавыя; фасадныя стѣны пестро изукрашены цвѣтными кирпичами и изразцами; окна обводятся витыми колонками; вообще внѣшняя декорація смѣнила прежнюю простоту и суровое величіе гладкихъ стѣнъ; общее впечатлѣніе чего-то игрушечнаго и несерьезнаго.

55. Троицкій монастырь въ Муромѣ, 1648 г., очень декоративный и нарядный.

56. Церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ, въ Москвѣ, 1649—1652 г.; тоже очень декоративная; но шатровая форма еще не тронута.

57. Церковь Воскресенія Господня на Дебрѣ, въ Костромѣ, 1652 г.; яркій образецъ расцвѣта новой церковной архитектуры: 5-тиглавая; галлерея съ трехъ сторонъ; наружныя стѣны разрисованы въ шашку, вазами, кувшинами, квадратиками, треугольниками, свѣтлыми въ перемежку съ темными; окна обведены тонкими колонками на подобіе жгутовъ; общее впечатлѣніе праздничное, нарядное, пестрое.

58. Церковь Грузинской Б. М., въ Москвѣ, 1653 г.; типичный образецъ московскаго барокко.

59. «Новый Іерусалимъ», соборъ въ с. Воскресенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Москвы, построенъ патр. Никономъ, по образцу храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, 1658—1666; 1676—1685 гг.

60. Троицкая церковь въ Останкинѣ, подъ Москвою, 1668 г., того же типа.

61. Ц. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ (предмѣстье Ярославля), 1671—1687 г. На ярославскихъ церквахъ вообще лежитъ обликъ благороднаго, радостнаго, задушевнаго; Толчковская церковь одна изъ самыхъ красивыхъ и выдержанныхъ въ художественномъ отношеніи.

62. Ц. Спаса на Сѣняхъ въ Ростовѣ, 1675 г., «жемчужина Ростовскаго кремля», одна изъ лучшихъ русскихъ церквей второй половины XVII в.; внутри храма стѣны покрыты фресками; гармонія красокъ достигла художественнаго совершенства. «Картина общаго не можетъ быть передана словами, и нужно видѣть храмъ, чтобы оцѣнить его красоты, мѣняющіяся въ зависимости отъ освѣщенія, придающаго особые оттѣнки мистическому обаянію» этой церкви (Горностаевъ).

63. Воскресенскій соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, второй половины XVII ст.; своеобразныя галлереи, росписныя крыльца и переходы; замѣчателенъ по утонченному пониманію красоты и пропорціональности частей. «Одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ русской архитектуры» этого времени (А. Бенуа).

64. Религіозная живопись ярославскихъ церквей: фрески въ Ильинской церкви, 1680—1681 г. (сама церковь построена въ 1647—1650 г.) и Толчковской (см. выше), 1694—1695 г. — сказочное богатство фигуръ, разнообразіе яркихъ, сильныхъ красокъ, колоссальные размѣры самыхъ фресокъ, щедрость, съ какою художникъ хотѣлъ росписать все: стѣны, паперти, крыльца, ихъ своды, двери, столбы, скамьи. Фрески эти — первокласный памятникъ русскаго искусства XVII в.

«Русская стѣнная живопись поднялась на такую высоту, до которой она уже никогда позже не доходила. По огромности декоративныхъ замысловъ и ихъ блестящему рѣшенію, роспись этихъ храмовъ можно сравнивать съ совершеннѣйшими итальянскими фресками ранняго возрожденія» (Грабарь).

65. Коломенскій дворецъ царскій, въ с. Коломенскомъ, подъ Москвою, 1667—1681 гг. Это цѣлый деревянный городокъ: отдѣльные хоромы, соединенные сѣнями и переходами; апоѳеозъ русскаго деревяннаго зодчества. Симеонъ Полоцкій воспѣлъ его въ своихъ виршахъ и величалъ «восьмымъ дивомъ міра», а современные намъ писатели — «сказкой былой Руси», «дивнымъ сномъ былого». За ветхостью дворецъ былъ разобранъ въ 1768 г. Существуетъ гравюра Гильфердинга, исполненная раньше 1768 г., и панорама дворца, рисованная Кваренги, уже послѣ его разрушенія, по снятымъ передъ разборкою планамъ (Спб. Эрмитажъ). Модель дворца, по сохранившимся рисункамъ и описаніямъ, болѣе сажени въ длину, въ Оружейной Палатѣ (Москва).

Б. ЭПОХА РЕФОРМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. 1682—1725.

I. Общій обзоръ царствованія Петра Великаго.

Петръ Великій вступилъ на престолъ 10-ти лѣтъ, а умеръ сравнительно рано, на 53-мъ году. Это придало особый отпечатокъ началу его царствованія: первые годы онъ царствуетъ лишь по имени: страною управляютъ другіе. Съ другой стороны преждевременная смерть помѣшала Петру завершить свою работу: она захватила его если не въ полномъ расцвѣтѣ силъ, то все же въ самомъ разгарѣ кипучей дѣятельности, какъ разъ въ ту пору, когда мѣропріятія царя начали, наконецъ, пріобрѣтать желательную устойчивость и взаимосогласованность, когда жизненный опытъ открывалъ возможность замѣтить и устранить допущенныя ошибки и завершить надлежащимъ образомъ постройку начатаго зданія, — иными словами, преобразовательная дѣятельность Петра пресѣклась, не будучи доведена до конца.

Въ царствованіи Петра (1682—1725) можно прослѣдить слѣдующіе шесть періодовъ:

1) 1682—1689. Правленіе царевны Софьи. Періодъ дѣтскихъ лѣтъ, когда Петръ не только въ силу своего возраста,

но и въ силу сложившейся при царскомъ дворѣ политической обстановки (соперничество Милославскихъ съ Нарышкиными и устраненіе послѣднихъ отъ власти) стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ управленія. Въ эти годы слагался характеръ Петра, закладывались основы его будущаго міросозерцанія. Обстановка воспитательная — самая нездоровая (майскіе дни 1682 г.; отношенія къ правительницѣ; событія 1689 г., завершившіяся низложеніемъ царевны Софьи); обстановка образовательная — лишена системы и сведена къ случайному, наглядному обученію (военныя потѣхи; уроки Тиммермана). Зато въ политическомъ отношеніи семилѣтнее правленіе царевны Вѣчнымъ миромъ съ Польшею оставило Петру цѣнное наслѣдіе: обезпеченный тылъ въ предстоящей войнѣ съ Карломъ XII и вліятельный голосъ въ дѣлахъ польскихъ по вопросамъ, касавшимся положенія православнаго населенія Рѣчи Посполитой.

2) 1689—1695. Юношескіе годы, когда Петръ весь жилъ въ мірѣ своихъ «потѣхъ», сознательно не желая вмѣшиваться въ дѣла управленія, предоставивъ ихъ роднѣ и близкимъ своей матери. Передъ Петромъ въ ту пору открывается новый міръ — Европа, которую онъ пока еще видитъ чрезъ узенькое окошко Нѣмецкой Слободы. Дѣтское увлеченіе военнымъ и морскимъ дѣломъ находитъ себѣ широкое удовлетвореніе. Семеновскіе и Кожуховскій походы, заведеніе Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, постройка флотиліи на Переяславскомъ озерѣ, двѣ поѣздки въ Архангельскъ и на Бѣлое море становятся для Петра здоровою школою, пройдя которую, онъ станетъ уже не «потѣшнымъ», а настоящимъ заправскимъ солдатомъ и морякомъ.

3) 1695—1700. Подготовительный періодъ къ будущей серьезной дѣятельности. Подобно молодому орлу, Петръ расправляетъ крылья и пробуетъ свои силы, хорошо еще не зная, куда именно направитъ онъ свой путь. Во всякомъ случаѣ «потѣхамъ» насталъ конецъ; незамѣтно для самого себя Петръ подходитъ къ настоящей государственной работѣ: Азовскіе походы, сооруженіе Воронежскаго флота вскрываютъ передъ нимъ все значеніе Черноморскаго вопроса, завѣщаннаго предками. Неудачная попытка разрѣшить этотъ вопросъ въ союзѣ съ европейскими державами (Великое посольство въ Европу) выводитъ Петра на новый путь: предки завѣщали еще другое великое дѣло: борьбу съ западными сосѣдями за восточное побережье Балтійскаго моря — къ этой борьбѣ онъ и готовится, вернувшись изъ-за границы.

4) 1700—1709. Великая Сѣверная война въ первой ея половинѣ до Полтавской битвы включительно. Періодъ тяжелыхъ неудачъ и громаднаго напряженія силъ. Геній Петра развертывается здѣсь во всемъ его блескѣ. Онъ

съ честью выдержалъ испытанія войны и на поляхъ Полтавы оправдалъ себя передъ современниками и потомствомъ. Но девять лѣтъ упорной борьбы ясно показали Петру тѣсную зависимость успѣховъ на полѣ брани отъ нормальныхъ условій жизни государственнаго организма, отъ того, насколько правильно функціонируютъ органы правительственнаго управленія. Весь ушедшій въ борьбу съ врагомъ, Петръ успѣваетъ за это время только приступить къ своимъ «реформамъ», лишь положить имъ начало (учрежденіе губерній, 1708 г.)

5) 1709—1721. Великая Сѣверная война во второй ея половинѣ. Главная опасность — быть раздавленнымъ и пасть подъ ударами Карла XII — устранена; но самая работа отъ этого не стала менѣе напряженной: надо обезпечить за собою плоды Полтавской побѣды, — пріобрѣтенія 1710 года (Выборгъ, Рига, Кексгольмъ, Перновъ, Аренсбургъ, Ревель), изъ-за которыхъ собственно и самая война велась; а для этого предстояло не допустить сосѣдей до вмѣшательства въ русско-шведскія дѣла (или посильно парализовать ихъ вмѣшательство), добить окончательно шведовъ на сушѣ и на морѣ и, одновременно, вызвать къ жизни силы страны, надлежаще организовать ихъ, безъ чего и самую войну нельзя было бы довести до благополучнаго конца.

6) 1721—1725. Созданіе и организація этихъ силъ, начавшіяся въ предыдущій періодъ въ широкихъ размѣрахъ (Сенатъ, коллегіи, подушная подать, Синодъ и проч.), продолжаются и по заключеніи Ништадтскаго мира, но смерть прерываетъ работу Петра на полдорогѣ.

II. Какъ выросъ Петръ В. Этапы его духовнаго развитія. 1672—1700.

А. Накопленіе знаній.

1. Комнатныя забавы военнаго характера (игрушечные ружья, лучки, знамена, барабаны; робятки-сверстники).

2. Обученіе грамотѣ: первая книжка; «потѣшные» листы-куншты (1679. Зотовъ).

3. Занятія ручными ремеслами (съ 1683 г.).

4. Военныя потѣхи на открытомъ воздухѣ. Стрѣльба изъ пушекъ на Воробьевыхъ горахъ (1683, 30 мая. Зоммеръ).

5. Потѣшные конюха. Сергѣй Бухвостовъ, «первый русскій солдатъ» (1683).

6. Зоммеръ тѣшитъ Петра въ селѣ Преображенскомъ стрѣльбою изъ пушекъ (1684, іюнь).

7. Постройка потѣшной крѣпости Пресбургъ (съ конца 1684 г.).

8. Петръ начинаетъ готовить и пускать фейерверки (съ 1687 г.).

9. Астролябія, привезенная кн. Яков. Ѳед. Долгорукимъ. Уроки Тиммермана по ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи (1688).

10. Находка англійскаго ботика («дѣдушка русскаго флота»); катанье по р. Яузѣ (1688. Брантъ).

11. Переносъ ботика на Просяной прудъ.

12. Первыя поѣздки на Переяславское озеро (1688, 1689).

13. Военныя потѣхи подъ Александровской слободой, по низложеніи царевны Софьи (1689, сентябрь).

14. Знакомство съ Нѣмецкою слободой (Лефортъ, Гордонъ).

15. Семеновскіе походы (1690, 1691).

16. Постройка яхты и прогулка въ ней по р. Москвѣ. Постройка кораблей на Переяславскомъ озерѣ.

17. Образованіе Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

18. Спускъ перваго корабля на Переяславскомъ оз. и большіе маневры озерной флотиліи (1692).

19. Поѣздки въ Архангельскъ и на Бѣлое море (1693, 1694).

20. Кожуховскіе маневры (1694).

21. Первый Азовскій походъ (1695).

22. Постройка судовъ въ селѣ Преображенскомъ и въ Воронежѣ (1695—1696).

23. Второй походъ; взятіе Азова (1696).

24. Поѣздка за границу. Обученіе теоріи огнестрѣльнаго искусства, въ Кенигсбергѣ; Петръ въ Саардамѣ и на Остиндской верфи въ Амстердамѣ; работы въ Дептфортѣ; на маневрахъ англійскаго флота (1697—1698).

25. Поѣздка за границу. Петръ посѣщаетъ арсеналы, заводы, бумажныя мельницы; осматриваетъ естественно-историческія коллекціи, собранія древностей, анатомическій музей (Рюйша); занимается изготовленіемъ компасовъ; дѣлаетъ наблюденія въ обсерваторіи; знакомится съ микроскопомъ, съ китоловнымъ промысломъ; учится гравированію и часовому мастерству; ведетъ съ англійскими богословами бесѣды на религіозныя темы.

26. Петръ въ Воронежѣ на работахъ по сооруженію флота (1699, весною).

27. Поѣздка на Азовское море: укрѣпленіе Азова; постройка Таганрогской гавани; со своимъ флотомъ подъ стѣнами турецкой крѣпости Керчь (1699, августъ).

28. Заведеніе регулярной арміи.

Б. Политическое воспитаніе.

1. «Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками» (Соловьевъ). (1676—1682).

2. Указъ царя Ѳедора повелѣвавшій лицамъ, имѣющимъ пріѣздъ ко Двору, а также всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ, носить, вмѣсто длинныхъ охабней и однорядокъ, кафтаны съ короткими полами, въ прежнемъ же одѣяніи не смѣть появляться не только во дворцѣ, но и въ Кремлѣ (1681).

3. Майскіе дни стрѣлецкаго бунта. Петръ на Красномъ крыльцѣ; изъ его рукъ бунтовщики вырываютъ и бросаютъ на копья боярина Матвѣева; на его глазахъ стрѣльцы, ворвавшись въ церковь, хватаютъ дядю Ивана Нарышкина и тащутъ на смерть, а обезумѣвшая отъ горя мать — сестра Ивана — тщетно старается спасти брата (1682).

4. Семилѣтнее правленіе царевны Софьи (1682—1689). «Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ» (Соловьевъ).

5. Волненія въ Москвѣ, вызванныя раскольниками (1682).

6. Вынужденный отъѣздъ въ Троицкій монастырь (Хованскій и волненія стрѣльцовъ) (1682).

7. Вѣчный миръ съ Польшею (1686, 26 апрѣля).

8. Царевна Софья претендуетъ на равное положеніе съ братьями-царями: принимаетъ титулъ «самодержицы», начинаетъ участвовать во всѣхъ царскихъ выходахъ (1686); даетъ публичныя аудіенціи иностраннымъ посламъ; жалуетъ къ рукѣ; день ея именинъ справляется, какъ оффиціальный праздникъ; ея изображеніе выгравировывается на медаляхъ (1687—1689).

9. Намѣреніе Софьи вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ (1687, августъ).

10. Петру начинаютъ дѣлать доклады по дѣламъ государственнымъ (1687).

11. Петръ начинаетъ принимать участіе въ засѣданіяхъ Боярской думы (съ 1688 г.).

12. Опасенія возможности стрѣлецкаго бунта (1688, 7 сентября). Съ этого дня, по требованію Петра, ему посылаютъ въ его потѣшные полки, солдатъ изъ иноземнаго полка Гордона.

13. Полный разрывъ съ Софьей. Столкновеніе по случаю участія ея въ крестномъ ходѣ въ день празднованія Казанской Б. М. (1689, 8 іюля).

14. Отказъ Петра пожаловать къ рукѣ кн. В. В. Голицына, вернувшагося изъ Крымскаго похода (1689, 27 іюля).

15. Переполохъ, вызванный извѣстіемъ о намѣреніи стрѣльцовъ убить Петра. Испугъ и бѣгство, ночью, въ Троицкій монастырь (1689, на 8 августа). Прискакавъ туда, физически измученный, нравственно потрясенный пережитыми волненіями, царь бросается на кровать настоятеля и, разразившись рыданіями, умоляетъ игумена оказать ему помощь и защиту.

16. Судъ надъ Шакловитымъ и кн. Голицынымъ; низложеніе царевны Софьи (1689, сентябрь).

17. Патріархъ Іоакимъ грозитъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ, кто бреетъ бороду и кто имѣетъ общеніе съ брадобрійцами.

18. По требованію патр. Іоакима, иноземные офицеры не были допущены во дворецъ, къ парадному обѣду, по случаю, рожденія царевича Алексѣя (1690, 28 февраля).

19. Патр. Іоакимъ (ум. 17 марта 1690 г.) въ завѣщаніи своемъ проявилъ большую нетерпимость къ иновѣрцамъ и увѣщевалъ государей не допускать православныхъ христіанъ дружить съ ними, не назначать еретиковъ на высшія (командныя) мѣста въ войскѣ и не разрѣшать постройку иновѣрныхъ храмовъ, а тѣ, что уже построены, закрыть и разнести.

20. Неудачная попытка Петра, по смерти Іоакима, посадить на его мѣсто своего кандидата, псковскаго митрополита Маркелла (1690).

21. Кромѣ платья старомосковскаго покроя, Петръ сталъ носить также платье иноземнаго образца (съ 1690 г.).

22. Дружба съ Лефортомъ.

23. Жалобы зарубежной православной Руси на притѣсненія поляковъ (1690).

24. Во второмъ Семеновскомъ походѣ Петръ участвуетъ въ званіи ротмистра (1691).

25. Сношенія съ амстердамскимъ бургомистромъ Николаемъ Витсеномъ. Совѣты Витсена касательно торговли Россіи съ Китаемъ и съ Персіей (1691).

26. Посылка Избранда Идеса въ Китай съ торговыми цѣлями (1692).

27. Петръ носитъ званіе сержанта въ Преображенскомъ полку (1693).

28. Общеніе съ Нѣмецкой слободою, населеніе которой составляли преимущественно протестанты, а среди нихъ голландцы, до извѣстной степени опредѣлило политическія симпатіи Петра (въ ущербъ католической Франціи).

29. Поѣздки въ Архангельскъ укрѣпили голландскія симпатіи Петра.

30. Во вторую поѣздку въ Архангельскъ (1694) Петръ носилъ званіе шкипера.

31. Всепьянѣйшая компанія (Всешутѣйшій соборъ).

32. Посланіе патр. Адріана противъ брадобритія.

33. Кожуховскими маневрами кончаются потѣхи; походомъ подъ Азовъ начинается государственная дѣятельность Петра.

34. Неуспѣхъ перваго Азовскаго похода (1695). «Неудача страшная: первое дѣло молодого царя не было благословено успѣхомъ! Это видно не кораблики строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ нѣмцами пировать! Но тутъ-то, благодаря этой неудачѣ, и произошло явленіе великаго человѣка: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобъ загладить неудачу, упрочить успѣхъ второго похода. Съ неудачи азовской начинается царствованіе Петра Великаго» (Соловьевъ).

35. Смерть брата Ивана; Петръ — единодержавный государь (1696, 29 янв.).

36. Въ первомъ Азовскомъ походѣ Петръ носилъ званіе бомбардира (1695), во второмъ походѣ — капитана (1696).

37. Скрытое недовольство поляковъ успѣхами Россіи подъ Азовомъ (Азовъ сдался Петру 19 іюля 1696 г.).

38. Недовольство въ народѣ поведеніемъ царя. «Тетради», поданные ему монахомъ Авраміемъ, съ обличеніемъ: «въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ: на кого было надѣялися и ждали, какъ великій государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее; но возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное» (1696—1697).

39. Несовершенство военно-техническихъ знаній, давшее себя знать во время Азовскихъ походовъ, указало на настоятельную необходимость восполнить эти знанія при помощи Зап. Европы.

40. Азовъ безъ Керчи — лишь половина исполненнаго дѣла; чтобы довести начатую работу до конца, необходимо продолжать войну съ турками, а чтобы обезпечить ея успѣхъ, надо оживить антитурецкую коалицію и увеличить ее новыми союзниками, — такъ сложились политическія задачи, возложенныя на Великое посольство, отправленное Петромъ къ европейскимъ дворамъ.

41. Заговоръ Соковнина, Пушкина и Цыклера. Расправа съ заговорщиками. Чувство мести; надруганіе надъ трупомъ И. М. Милославскаго (1697).

42. Петръ вошелъ въ составъ Великаго посольства подъ именемъ «десятника Петра Михайлова».

43. Печать для писемъ, взятая Петромъ съ собою въ заграничную поѣздку, имѣла надпись: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

44. Непріязненное чувство къ шведамъ, вынесенное изъ посѣщенія Риги (1697).

45. Соглашеніе съ курфирстомъ Бранденбургскимъ, направленное противъ Швеціи.

46. Борьба съ французскимъ вліяніемъ въ Польшѣ. Поддержка кандидатуры саксонскаго курфирста Августа на польскій престолъ (Августъ II выбранъ 17/27 іюня 1697 г.).

47. Въ Амстердамѣ Петръ вырѣзываетъ гравюру, эмблематически изображающую торжество христіанской религіи надъ мусульманскою: ангелъ съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полумѣсяцъ и турецкіе бунчуки.

48. Неуспѣхъ Вел. посольства и разочарованіе Петра. Голландія и Англія отказываютъ въ своемъ содѣйствіи; торговые интересы этихъ двухъ странъ требуютъ скорѣе добрыхъ, чѣмъ враждебныхъ отношеній къ Турціи; къ тому же вся Зап. Европа готовится къ предстоящей войнѣ за Испанское наслѣдство, и ей не до того, чтобы «попирать полумѣсяцъ и турецкіе бунчуки». Австрія торопится заключить миръ съ турками; Польша слѣдуетъ ея примѣру, что окончательно вынуждаетъ Россію сводить свои счеты съ султаномъ одинъ на одинъ. Такимъ образомъ первое выступленіе Петра на дипломатическомъ поприщѣ кончилось полною неудачей и проваломъ его политическихъ комбинацій.

49. Рѣшеніе Черноморскаго вопроса приходится отложить въ долгій ящикъ; свиданіе въ Равѣ съ Августомъ II и дружба съ нимъ открываютъ новыя перспективы: Балтійское море. Такъ подошелъ Петръ къ великому своему дѣлу — къ борьбѣ съ шведами за Финское побережье.

50. Гоненіе на бороду и платье московскаго покроя (1698).

51. Розыскъ и казни стрѣльцовъ (1698—1699). Терроръ въ Москвѣ. Безчеловѣчныя казни и участіе въ нихъ самого Петра; месть стрѣльцамъ за прошлое (1682, 1689, 1697).

52. Дипломатическая подготовка къ войнѣ со шведами (переговоры съ Даніей и съ королемъ польскимъ; посылка Украинцева въ Константинополь для заключенія мира съ турками).

53. Волненія среди стрѣльцовъ, расквартированныхъ въ Азовѣ (1699, мартъ).

54. Заключеніе договора съ Даніей о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи (1699, 24 августа).

55. Заключеніе договора съ Августомъ II о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи (1699, 11 ноября).

56. Петръ подтвердилъ вѣчный миръ съ Швеціей, заключенный Россіею въ Кардисѣ въ 1661 г., и обязался соблюдать его (1699, 20 ноября).

57. Петръ подтвердилъ своею подписью договоръ, заключенный съ Даніею 24 августа 1699 г. (1699, 23 ноября).

58. Книгописецъ Григорій Талицкій сталъ распространять свои «тетради», доказывая въ нихъ, что настало послѣднее время и пришелъ антихристъ въ лицѣ Петра (1700, іюнь).

Примѣч. Должности и званія, которыя Петръ носилъ за это время (1691—1698): ротмистръ, сержантъ, шкиперъ, бомбардиръ, капитанъ, десятникъ. См. выше №№ 24, 27, 30, 36, 42.

III. Общій характеръ преобразовательной дѣятельности Петра В.

Реформы Петра В. не результатъ предварительнаго, строго обдуманнаго плана; онѣ обязаны не кабинетной теоріи, которая обыкновенно заботится согласовать между собою отдѣльныя части такого плана, — петровскія реформы выросли изъ самой жизни, постепенно, чаще всего изъ неотложныхъ потребностей данной минуты; не все въ нихъ оказывалось устойчивымъ, а потому одно измѣнялось, другое пополнялось, по мѣрѣ того какъ жизнь и опытъ указывали неполноту или несовершенство принятаго рѣшенія. Поэтому въ преобразованіяхъ Петра есть и недодѣланное, и противорѣчивое.

Иначе и быть не могло. Реформы выросли прежде и болѣе всего изъ потребностей военныхъ; воевалъ же Петръ въ теченіе почти всего своего царствованія[1]), а потому не имѣлъ времени спокойно обсуждать и вводить свои преобразованія; многое, особенно вначалѣ, дѣлалось на спѣхъ. Сѣверная война тянулась 21 годъ (1700—1721), а считая подготовительный періодъ (1698—1700), то и всѣ 23; самую войну осложнили крайне тягостные для государства бунты: Астраханскій (1705), Башкирскій (1707—1709), Булавинскій на Дону (1708), измѣна Мазепы (1708). Едва закончилась война со шведами, предпринятъ былъ Персидскій походъ (1722—1723).

Сѣверная война настолько поглощала вниманіе Петра, что въ первые, наиболѣе напряженные годы ея собственно о реформахъ, т. е о коренныхъ измѣненіяхъ существовавшихъ порядковъ, трудно было и думать, хотя потребность въ нихъ ощущалась уже и тогда. Въ первый періодъ войны предпринята была всего одна реформа: учрежденіе губерній, передѣлка

[1]) Если считать (еще до начала преобразованій) войну съ Турціей, которая досталась Петру по наслѣдству, то „съ осени 1689 г., когда кончилось правленіе царевны Софьи, изъ 35 лѣтъ его царствованія только одинъ 1724-й годъ прошелъ вполнѣ мирно, да изъ другихъ лѣтъ можно набрать не болѣе 13 мирныхъ мѣсяцевъ" (Ключевскій).

заново областного управленія (1708, 18 декабря), — одна, потому что учрежденіе Бурмистрской палаты, создавшее новыя условія жизни и дѣятельности городского, промышленно-торговаго класса (1699, 30 янв.), относится еще къ до-военному періоду. Всѣ остальныя распоряженія Петра за это время (1698—1709) ограничивались мѣрами частнаго характера, каковы, напримѣръ: указъ объ орленой (гербовой) бумагѣ (1699), назначеніе на вакантный патріаршій престолъ (послѣ смерти патр. Адріана) Стефана Яворскаго въ званіи его «блюстителя и администратора», съ возстановленіемъ Монастырскаго приказа (1700) — мѣра временная; запрещеніе подавать государю прошенія помимо государственныхъ учрежденій (1700), указъ о составленіи новаго Уложенія, оставшійся мертвою буквою (1700), отмѣна должности губныхъ старостъ съ замѣною ихъ мѣстнымъ дворянствомъ въ качествѣ совѣтниковъ мѣстнаго воеводы (1702), вызовъ иностранцевъ изъ-за границы (1702) и т. д.

И только послѣ Полтавской побѣды, когда силы врага были надломлены и государству болѣе уже не грозила опасность въ той степени, въ какой оно испытывало ее съ первыхъ же дней войны, преобразовательная дѣятельность Петра становится болѣе интенсивной и пріобрѣтаетъ, въ послѣдніе 8—10 лѣтъ его царствованія, нѣкоторую систематичность и подобіе общаго плана.

Логическій путь, пройденный реформами Петра, поскольку о таковомъ можетъ идти рѣчь, былъ слѣдующій:

1) Война требуетъ войска — это породило первую заботу правительства: объ арміи; ее надо создать, одѣть и прокормить, пополнять ея постоянную и притомъ значительную убыль; надо обзавестись артиллеріей, военнымъ снаряженіемъ (порохомъ, бомбами и т. п.), возвести, тамъ гдѣ это необходимо, крѣпости, провести дороги — реформа военная.

2) Содержаніе войска требуетъ денегъ; ихъ надо найти, и притомъ сейчасъ, не медля; займовъ дѣлать не у кого, приходится еще самимъ денежно помогать союзникамъ; денегъ можно достать только въ самомъ государствѣ, у населенія, облагая его налогами, податями, экстренными сборами, продавая монополіи — реформа финансовая.

3) Чтобы обезпечить арміи постоянный приливъ свѣжихъ силъ, гарантировать правительству возможность располагать необходимыми военными кадрами, приходится внести существенныя измѣненія въ старой системѣ несенія военной повинности и распредѣлить тяготы этой повинности между общественными классами населенія на иныхъ началахъ — реформа сословная.

4) Въ свою очередь, чтобы обезпечить постоянное и правильное поступленіе въ государственную казну возлагаемыхъ

на населеніе податей и налоговъ, необходимо создать соотвѣтственные органы — реформа управленія. Отвѣчая на нужды финансовыя, реформа управленія должна въ то же время удовлетворить и нуждамъ спеціально военнымъ; поэтому преобразованія административныя стояли въ тѣсной связи съ преобразованіями сословными.

5) Допустимо ли однако ограничиваться, въ заботахъ о пополненіи государственной казны, однимъ только взиманіемъ податей и налоговъ, только черпать изъ народнаго капитала, не пополняя, въ свою очередь, также и его? Убыль необходимо возмѣстить новыми поступленіями, а они возможны лишь при условіи производительной дѣятельности; въ результатѣ — мѣры экономическаго и коммерческаго характера (земледѣліе, скотоводство, промышленность добывающая и обрабатывающая; торговля).

6) Военное дѣло, управленіе, экономическое благосостояніе страны требовали знанія, опытныхъ людей, соотвѣтствующей обстановки для ихъ развитія — все это вызвало мѣры просвѣтительнаго характера.

7) Привлекая всѣ классы населенія къ общей работѣ на пользу государства, Петръ не могъ оставить въ сторонѣ духовенства и церкви, что̀ привело къ реформѣ церковной.

IV. Военныя преобразованія Петра В.

А. Военное устройство до Петра В.

1. Помѣстная система. Отличительныя черты ея сравнительно съ порядками, позже заведенными Петромъ. Въ основу устройства войскъ въ Московскомъ государствѣ была положена т. наз. помѣстная система; основной ея принципъ заключался въ томъ, что государству служитъ земля, обязанная поставлять людей и покрывать расходы на военныя потребности. Въ этомъ ея коренное отличіе отъ системы, усвоенной Петромъ В., при которомъ служба отправлялась не землею, а человѣкомъ, лицомъ.

Въ старое время помѣщикъ или вотчинникъ (т. е. владѣвшій помѣстьемъ или вотчиной) поставлялъ государству то или иное количество ратныхъ людей совершенно независимо отъ того, сколько народу (крестьянъ-земледѣльцевъ) жило на его землѣ, но примѣнительно къ размѣру обрабатываемыхъ пашенъ и къ величинѣ угодій, бывшихъ въ его пользованіи; нѣсколько позже «земля» была замѣнена дворомъ (отдѣльнымъ хозяйствомъ), причемъ и въ этомъ случаѣ ратные люди набирались по расчету съ извѣстнаго числа такихъ «дворовъ», но тоже независимо отъ того, какъ велика была семья (или семьи), владѣв-

шая этимъ дворомъ, и изъ кого она состояла. Петръ же установилъ иной расчетъ: служитъ лицо, независимо отъ размѣра принадлежащей ему земли или двора, и даже безразлично вообще, владѣетъ ли онъ или нѣтъ землею или дворомъ, и самъ кто онъ такой: свободный или холопъ, тяглый или не тяглый. Выше указывалось, какъ постоянное уклоненіе отъ военной повинности побудило правительство еще въ половинѣ XVII в. прежнее мѣрило раскладки — соху — замѣнить дворомъ; практика однако убѣдила въ несовершенствѣ и этой системы: значительное число военнобязанныхъ по прежнему ускользало отъ правительственнаго контроля. Тогда Петръ сдѣлалъ новый, еще болѣе рѣшительный шагъ — обложилъ не соху и не дворъ, а живую душу, лицо.

При помѣстной системѣ земля, отдававшаяся помѣщику (помѣстье), разсматривалась, какъ предварительная уплата государствомъ за его службу и, въ особенности, какъ источникъ для полученія средствъ необходимыхъ для отправленія военной службы (чтобы имѣть возможность выйти въ полѣ «конно, людно и оружно»). Такимъ образомъ расходы на военныя нужды главною тяжестью ложились на землю; участіе въ нихъ самого государства первоначально было незначительно. Впрочемъ долго такой порядокъ удержаться не могъ, и правительство вынуждено было взять на себя часть издержекъ въ видѣ жалованья, которое оно выплачивало ратнымъ людямъ за время военныхъ дѣйствій. При Петрѣ В., когда призвано на службу было «лицо», государству тѣмъ болѣе пришлось принять на себя заботы по его обмундированію, размѣщенію, содержанію, и не только на время войны, но и послѣ нея, такъ какъ армія теперь превратилась въ постоянную и не распускалась даже и въ мирное время.

2. Даточные люди. Нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ помѣстной системы явилась служба даточныхъ людей. Помѣстная система создала особый классъ служилыхъ людей: это были помѣщики и вотчинники; но въ Московскомъ государствѣ земля была не исключительно только помѣщичья или вотчинная: были еще земли церковныя и монастырскія, черныя (т. е. казенныя, государственныя), дворцовыя. Крестьяне, жившіе на этихъ земляхъ, тоже поставляли ратныхъ людей, — даточныхъ. Даточныхъ же поставляли посадскіе люди и приказные: послѣдніе, состоя на гражданской службѣ и не имѣя возможности непосредственно участвовать въ несеніи военной повинности, обязаны были выставлять замѣстителей.

3. Русская военная сила. Составъ ея.

АА. Помѣстныя войска.

1) Дворянская конница:

а) московскіе дворяне (гвардія);

б) жильцы (служили частью при царскомъ Дворѣ, частью въ полкахъ, расположенныхъ внѣ Москвы);

в) городовые дворяне (областныя войска).

Бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе служили въ дворянской конницѣ, обыкновенно занимая командныя мѣста (классъ офицеровъ). Вся конница, и высшіе и низшіе чины (т. е. также и простой ратный человѣкъ), получала денежное жалованіе.

Вооруженіе было разнообразное: стальной шлемъ, кольчужный желѣзный доспѣхъ разныхъ видовъ; стальные наколѣнники; сабля, копье; пистоли и пищали (раньше, въ XVII ст., вмѣсто огнестрѣльнаго оружія: саадакъ съ лукомъ и колчанъ со стрѣлами). Иные совсѣмъ не имѣли доспѣха, были вооружены плохо.

2) Татарская конница: новокрещенные мурзы, татарскіе князья съ помѣстнымъ окладомъ и жалованьемъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ дворянская конница.

3) Городовое войско. Его назначеніе — охрана городовъ, вообще укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ составъ его входили: стрѣльцы, городовые казаки (пѣшіе и конные), пушкари и разные другіе служилые люди. Преимущественно это было пѣхотное войско; большая часть его набиралась изъ охочихъ людей и надѣлялась землею. Стрѣльцы были расположены: одни полки по областнымъ городамъ, другіе — въ Москвѣ. Городовые казаки несли охранную службу на западной (польской) границѣ. Призванные къ жизни по мысли правительства и дѣйствуя по его предписаніямъ, они какимъ-либо самостоятельнымъ положеніемъ не пользовались и въ этомъ отношеніи не имѣли ничего общаго съ другими казаками (донскими, яицкими, малороссійскими). Правительство надѣляло ихъ дворами, пахатной землей, освобождало отъ оброковъ и податей, а во время службы выдавало жалованье.

Служба городовыхъ войскъ была трехъ родовъ:

а) гарнизонная — охрана крѣпостей, острожковъ. Гарнизонъ долженъ былъ выдерживать осаду, а потому этотъ родъ службы носилъ также названіе осадной;

б) сторожевая — на южныхъ окраинахъ государства: охрана сторожевыхъ заставъ и засѣчныхъ линій;

в) полевая — преимущественно развѣдочная.

ББ. **Казаки.**

1) Донскіе казаки. Основаніе имъ положили бѣглые крестьяне и холопы, преступники, разнаго рода «гулящій» людъ, — вообще тѣ, кто тяготился государственнымъ тягломъ, притѣсненіями помѣщиковъ, несправедливостью приказныхъ властей, или кто хотѣлъ избѣжать наказанія, которому долженъ былъ подвергнуться. Потомки первыхъ засельниковъ края по-

полнялись и впослѣдствіи такими же элементами; особенно много стеклось ихъ сюда въ Смутное время. Дорожа казаками, какъ военною силою, всегда готовою броситься на крымскихъ татаръ, правительство сквозь пальцы смотрѣло на ихъ прошлое, мирилось съ нимъ и признавало за казаками право принимать къ себѣ всякаго безъ отдачи. Широкое самоуправленіе ставило Донскихъ казаковъ на положеніе свободной республики, независимой отъ Москвы: они сами выбирали своихъ атамановъ, судились своимъ судомъ, и если когда оказывали Москвѣ военную помощь, то исключительно по доброй волѣ, а не по принужденію. Приказывать московское правительство на Дону не могло; оно входило съ казаками въ соглашеніе, поддерживая доброе къ себѣ отношеніе денежнымъ жалованіемъ и присылкою хлѣбнаго зерна, въ которомъ населеніе Дона, какъ не засѣвавшее своихъ полей, постоянно нуждалось. Бунтъ Стеньки Разина показалъ однако всю опасность такого независимаго положенія, и при Θедорѣ Алексѣевичѣ правительство добилось того, что Донскіе казаки стали, подобно остальному населенію Россіи, приносить русскому царю присягу на вѣрность. Бунтарскій духъ донской вольницы этимъ однако искорененъ не былъ; причины, питавшія его, не исчезли, и новый бунтъ Булавина (1708) вскорѣ доказалъ это.

2) Малороссійскіе (запорожскіе) казаки. Со времени Богдана Хмельницкаго (1654) признавая надъ собою власть русскаго царя, они пользовались, подобно Донскимъ казакамъ, самоуправленіемъ, выбирали сами своего гетмана, но политическая связь ихъ съ Московскимъ государствомъ была сильнѣе и крѣпче, чѣмъ тѣхъ: малороссійскіе казаки обязаны были выставлять по требованію московскаго правительства, военные отряды и подлежали, въ своихъ дѣйствіяхъ, его контролю.

3) Яицкіе казаки (также калмыки). Возникновеніе Яицкаго казачества (конецъ XVI в.) обязано инціативѣ правительственной: они несли пограничную службу, защищая окраины государства отъ татаръ и башкиръ. Они принимали участіе въ осадѣ и взятіи Азова (1696).

ВВ. Войска иноземнаго строя.

Такъ назывались войска, обученныя иноземными инструкторами по иноземному образцу и руководимые иноземными же офицерами. Впервые они появились въ Россіи въ царствованіе Бориса Годунова, а въ царствованіе Михаила Θедоровича, во время Второй польской войны, при осадѣ Смоленска, такихъ войскъ было 5 полковъ (4 пѣхотныхъ, 1 конный), въ составѣ 9500 чел. (русскихъ солдатъ 6500, иноземнхъ — 3000). Къ концу XVII в. ихъ насчитывалось уже 63 полка (89000 чел.). Система набора этихъ войскъ не имѣла ничего общаго

съ помѣстною: составъ ихъ былъ случайный, неподдающійся опредѣленному учету. Сюда входили: а) охочіе люди, преимущественно «гулящіе»; б) дворяне и дѣти боярскіе, большею частью, изъ безпомѣстныхъ; в) служилые люди, назначаемые туда въ видѣ наказанія. Войска иноземнаго строя получали отъ правительства жалованье, казенное оружіе и единовременное пособіе.

4. Недостатки военной организаціи.

1) Подготовка боевая неудовлетворительная.

2) Дисциплина плохая.

3) Вооруженіе разнородное.

4) Мобилизація медленная.

5) Сильное въ оборонительной войнѣ, русское войско было мало пригодно для наступательныхъ дѣйствій.

6) Устройство тыла (запасы провіанта и амуницій; подвозъ ихъ и распредѣленіе) допускали большія злоупотребленія и дѣлали шаткими предварительные расчеты.

Современникъ, русскій человѣкъ (Посошковъ), такими словами характеризуетъ русское войско XVII вѣка: «У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили — ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣе. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ боя, и они съ ними, будто также съ боя ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!».

Б. Войско при Петрѣ В.

1. Основныя начала его устройства. При Петрѣ армія стала регулярною и постоянною. Основу ея составляла пѣхота (въ Московскій же періодъ главное значеніе принадлежало конницѣ). Всѣ три рода оружія — пѣхота, кавалерія, артиллерія — проходили предварительно военную школу по иноземному образцу, что совершенно сгладило прежнюю разницу между частями московскаго строя, высту-

павшими на войну безъ надлежащей подготовки, и строя иноземнаго. Продолжительность Великой Сѣверной войны привела къ тому, что такая регулярная и по новому обученная армія превратилась въ постоянную. Для управленія ею возникли особыя должности и вѣдомства, спеціально по каждой отрасли дѣла: 1) генералитетъ — по нынѣшнему генеральный штабъ: въ немъ сосредоточивалось общее руководство военными дѣлами; 2) генералъ-провіантмейстеръ — вѣдалъ провіантское дѣло (заготовительные склады; обозная часть; тылъ арміи); 3) генералъ-комиссаръ — высшій военный судъ; 4) генералъ-фельдцейхмейстеръ — инженерную и саперную часть, артиллерію. Впослѣдствіи во главѣ всего военнаго дѣла поставлена была военная коллегія.

2. Ростъ арміи. Петръ засталъ армію въ большомъ разстройствѣ: изъ 89 тысячъ солдатъ, обученныхъ по иноземному строю (1681), къ 1695 году, ко времени перваго Азовскаго похода, оставалось всего лишь 14 тыс., остальные же 75 тыс. мало по малу растаяли. Дѣло въ томъ, что дворянство очень тяготилось иноземнымъ строемъ: ученье, частые сборы, строгая дисциплина дѣлали ее, дѣйствительно, тяжелою, а потому, оказавъ дѣятельную поддержку матери Петра въ борьбѣ съ царевной Софьей и ея стрѣльцами, дворянство стало добиваться возвращенія къ старому русскому болѣе легкому строю, чего и добилось, такъ какъ «съ паденіемъ царевны всплыли на верхъ всѣ эти Нарышкины, Стрѣшневы, Лопухины, цѣплявшіеся за неумную царицу, которымъ было не до благоустройства государственной обороны» (Ключевскій).

Готовясь къ войнѣ со шведами, Петръ началъ съ комплектованія новоприборныхъ полковъ (1698). Къ полкамъ Преображенскому и Семеновскому, уже обученнымъ на новый ладъ, прибавлены были новые, набранные главнымъ образомъ изъ охочихъ людей. Сюда шелъ всякій сбродъ, «вольница», вольноотпущенные крестьяне и холопы: изъ холоповъ царь разрѣшилъ принимать даже и такихъ, которые явились безъ согласія своихъ господъ, противъ ихъ воли. Такимъ образомъ къ началу Сѣверной войны составилось три генеральства (Автамона Головина, Адама Вейде и кн. Аникиты Репнина), десять полковъ въ каждомъ генеральствѣ, по 1000 чел. на полкъ. Качество этихъ новоприборныхъ полковъ было очень не высокое, что и обнаружилось при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ непріятелемъ (Нарвское пораженіе 19 ноября 1700 г.).

Съ 1705 г. армія начинаетъ пополняться періодическими, обыкновенно изъ года въ годъ, рекрутскими наборами; сначала брали по одному рекруту съ 20 тяглыхъ дворовъ, въ послѣдующіе годы — съ значительно бо̀льшаго числа. Война уносила много жертвъ убитыми, плѣнными, умершими отъ ранъ и, осо-

бенно, отъ болѣзней; убыль приходилось постоянно возмѣщать новыми наборами; какъ ни таяла армія, все же она постоянно росла: съ 52 т. въ 1703 до 113 т. въ 1708 г., а въ концѣ царствованія Петра В. достигла цифры 200 тысячъ (всѣхъ родовъ оружія), не считая 100 т. нерегулярнаго войска (казаковъ, татарской и башкирской конницы и др.).

3. Пѣхота. Основной единицею былъ полкъ. Онъ состоялъ изъ 2 батальоновъ[1]); въ каждомъ батальонѣ — 4 роты; въ каждой ротѣ 4 плутонга (взвода). Полкомъ командовалъ полковникъ, имѣя помощникомъ подполковника; батальономъ — майоръ; ротою — капитанъ; плутонгомъ — капралъ. Помощники капитана: капитанъ-поручикъ (штабсъ-капитанъ), поручикъ и прапорщикъ; послѣдній несъ обязанности знаменоносца. Въ основныхъ чертахъ организація петровскихъ полковъ сохранилась неизмѣнною вплоть до настоящаго времени, что уже одно свидѣтельствуетъ о положительныхъ ея сторонахъ. Въ каждомъ полку было по одной гренадерской ротѣ. Гренадеры вооружены были ручными бомбами для бросанія въ непріятеля.

4. Обмундированіе пѣхоты: поколѣнный кафтанъ изъ зеленаго сукна, съ мѣдными пуговицами и красными обшлагами; обувь: чулки и башмаки съ мѣдной пряжкой, въ походѣ замѣнявшіяся высокими сапогами; на головѣ — низкая треуголка (у гренадеровъ: кожаная каска); волосы носили длинные; въ парадные дни ихъ пудрили мукой.

5. Вооруженіе: ружье съ кремневымъ замкомъ; на ружье насаженъ былъ багинетъ (трехгранный штыкъ). Ружье называлось фузеей, а вооруженные имъ — фузелерами.

6. Дисциплина. Суровая: наказанія мучительныя; шпицрутены (гнали сквозь строй и били); отрѣзаніе ушей, носа; каторга. Подъ страхомъ наказанія требовалось безусловное исполненіе отданнаго приказанія. Въ арміи, ставшей постоянною, и служба стала постоянною, пожизненною; отставка давалась однимъ только больнымъ и увѣчнымъ. Петръ личнымъ примѣромъ старался воспитать своихъ солдатъ и офицеровъ въ необходимости отдать себя всецѣло на служеніе государству; однако примѣръ и угрозы наказанія дѣйствовали плохо. Военная служба легла тяжелымъ бременемъ на населеніе, и уклоненія отъ нея были обычнымъ явленіемъ. Можно считать, что десятая часть набраннаго войска всегда была въ бѣгахъ. Былъ случай, когда отъ 23000 драгунъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ осталось всего лишь 8000 чел. Служба, права и обязанности военныхъ опредѣлялись Воинскимъ уставомъ (1716).

[1]) Въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, какъ исключеніе, было по 4 батальона.

7. Флотъ. Утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря потребовало созданія также и морскихъ силъ. Къ концу царствованія Петра В. (1724) флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей, 787 галеръ и другихъ болѣе мелкихъ судовъ.

V. Управленіе.

А. Губерніи.

Областное дѣленіе въ Московской Руси сложилось исторически: присоединялась область — создавался новый «уѣздъ»; общихъ правилъ и выработанной системы управленія не существовало; отношенія между органами областными и центральными съ надлежащей точностью опредѣлены не были; власть отдѣльныхъ воеводъ была неодинаковая, смотря по тому, въ какой городъ посылали ихъ править, въ большой, значительный или въ маленькій, захудалый, и въ зависимости также отъ того, лично сами посылаемые пользовались ли при Дворѣ и въ правительственныхъ кругахъ вѣсомъ и вліяніемъ, или нѣтъ. Наказы воеводамъ давались въ общихъ чертахъ, безъ точнаго указанія предѣловъ ихъ власти и обязанностей; почти всѣ они оканчивались словами: «дѣлать по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ». Вотъ почему въ дѣйствіяхъ воеводъ, зачастую выступало личное усмотрѣніе, мало согласованное съ распоряженіями высшихъ правительственныхъ органовъ.

Шведская война, съ ея небывалымъ еще напряженіемъ и неотложными нуждами, дѣлала особенно чувствительными такіе недостатки областного управленія, и Петръ нашелъ выходъ въ созданіи губерній. Форма для нихъ была уже готова: въ тѣхъ девяти военныхъ округахъ или «разрядахъ», которые существовали со времени царя Ѳедора Алексѣевича (см. «Образованіе абсолютной монархіи», пар. X: Войско), вѣдая расположенные въ нихъ полки и производя расходы по содержанію военныхъ силъ. Въ 1708 г. Россія была раздѣлена на 8 губерній: Ингерманландскую (позже: Петербургскую), Смоленскую, Московскую, Архангелогородскую, Казанскую, Сибирскую, Кіевскую и Азовскую (въ 1711 г. изъ Азовской выдѣлена девятая губернія, Воронежская). Во главѣ ихъ поставлены губернаторы, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ все управленіе губерніей, судъ, военное дѣло (поставку рекрутовъ), финансы (сборъ податей) и руководствовавшіеся въ своихъ дѣйствіяхъ наказами общими для всѣхъ. Значительная часть дѣлъ московскихъ приказовъ перешла къ губернаторамъ, что̀ поставило ихъ въ возможность вести дѣла съ большею быстро-

тою, т. е. удовлетворить одной изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей тогдашняго военнаго времени.

Реформа губернская однако на этомъ не остановилась: можно сказать, измѣненія слѣдовали за измѣненіями на протяженіи всего остального царствованія Петра В. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ помощь губернаторамъ учреждены были двѣ должности: ландрата и ландрихтера, которые выбирались изъ мѣстнаго дворянства самими же дворянами (1713). Ландраты образовали ландратскіе совѣты при губернаторѣ; послѣдній долженъ былъ, на засѣданіяхъ, держать себя, по выраженію указа, «не яко властитель, а яко президентъ». Къ сожалѣнію, въ качествѣ независимыхъ совѣтниковъ ландраты удержались не долго: будучи назначены завѣдывать долями (на доли, въ цѣляхъ рекрутскихъ и финансовыхъ, раздѣлена была каждая губернія), они черезъ это оказались въ непосредственномъ подчиненіи губернатору. Ландрихтеры вѣдали судъ на мѣстахъ и кромѣ того руководили межеваніемъ, замѣщали губернатора въ его отсутствіе и исполняли разныя другія порученія.

Размѣры губерній оказались слишкомъ велики, а потому число ихъ было увеличено (Нижегородская, Астраханская, Ревельская, Рижская; въ послѣднюю вошла прежняя Смоленская); сами губерніи подѣлены на провинціи, а провинціи на уѣзды (1719). Но самое главное въ реформѣ областной послѣднихъ лѣтъ — это робкая попытка отдѣлить судъ и финансы отъ управленія. Сборъ подушной подати возложенъ былъ на выборныхъ земскихъ комиссаровъ, а судебныя дѣла переданы вновь образованнымъ надворнымъ (одинъ на всю губернію) и нижнимъ судамъ. Но во всемъ этомъ было мало системы и послѣдовательности; хотѣли отдѣлить судъ отъ администраціи, а между тѣмъ предсѣдателемъ надворнаго суда поставили губернатора, въ провинціальный судъ — воеводу. Вообще Петру удалось лишь намѣтить механизмъ областнаго управленія; дать ему стройное цѣлое выпало на долю имп. Екатерины II.

Б. Центральныя учрежденія.

1. **Сенатъ.** Боярская дума XVII в. никогда не отличалась самостоятельнымъ положеніемъ; лишенная инціативы, она была учрежденіемъ, состоящимъ при царѣ, дѣйствующимъ по его указаніямъ и при его непосредственномъ участіи. Слабыя стороны такой системы тогда же (1681) заставили выдѣлить изъ состава Думы особую комиссію, т. наз. Расправную или Золотую Палату, нѣчто вродѣ отдѣленія думы Боярской, для завѣдыванія текущими дѣлами и въ отсутствіи государя. Это стало особенно необходимымъ при постоянныхъ

разъѣздахъ Петра. Съ первыхъ же лѣтъ Сѣверной войны появляется Ближняя канцелярія; она вѣдала преимущественно дѣла финансовыя, но кругъ ея вѣдомства не былъ опредѣленъ точно, притомъ же и составъ ея былъ непостоянный. Отправляясь въ Прутскій походъ, Петръ превратилъ эту канцелярію въ Сенатъ (1711), расширивъ его компетенцію, придавъ ему характеръ высшаго административнаго и судебнаго органа. Сенатъ учреждался только на время отсутствія царя, но въ дѣйствительности сталъ учрежденіемъ постояннымъ. За 1714—1722 гг., періодъ наиболѣе разбросанной внѣшней дѣятельности Петра, Сенату предоставлены были даже законодательныя права: государь дѣлился съ нимъ самою высшею своею прерогативою — указы Сената, заключавшіе общія для всего государства постановленія, печатались и продавались наравнѣ съ указами именными. Съ окончаніемъ войны, когда Петръ могъ больше удѣлять времени на внутреннія дѣла, такой порядокъ былъ отмѣненъ.

2. **Фискалы.** Медленность въ отправленіи служебныхъ обязанностей, а, главное, нарушеніе своего служебнаго долга (казнокрадство, взяточничество, неправосудіе) навели Петра на мысль бороться съ этимъ зломъ не только явнымъ путемъ, но и тайнымъ. При Сенатѣ была учреждена должность оберъ-фискала (1711), въ помощь ему были назначены фискалы въ коллегіяхъ и по городамъ (1718), въ цѣляхъ надзора за управленіемъ. Указъ 5 марта 1711 г. такъ опредѣлялъ обязанности оберъ-фискала: «долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и проповѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать».

По закону, фискалъ за свои дѣйствія не подлежалъ никакой отвѣтственности: никто не могъ жаловаться на него, даже въ случаѣ явной его ошибки или доноса. Петръ руководился при этомъ самымъ прекраснымъ побужденіемъ: создать фискалу увѣренность, что онъ можетъ безъ боязни раскрывать правду и изобличать зло; но царь упустилъ изъ вниманія одно — фискалы набирались изъ того же самого общества, пороки котораго они должны были обличать! Насколько мало оправдали они оказанное имъ довѣріе, можно судить по тому, что самъ оберъ-фискалъ Нестеровъ былъ казненъ за злоупотребленія. Неудивительно, если новая должность встрѣтила всеобщее неудовольствіе, и самое слово «фискалъ» получило значеніе доносчика, презрѣннаго человѣка.

3. **Генералъ-прокуроръ.** Гораздо удачнѣе оказалась другая мѣра: созданіе должности генералъ-прокурора (1722).

Въ то время какъ оберъ-фискалъ, по своему положенію, оставался въ сущности простымъ зрителемъ и самъ ни предупредить, ни остановить нарушеніе закона не могъ, — генералъ-прокурору, наоборотъ, предоставлена была активная роль: онъ стоялъ во главѣ сенатской канцеляріи; черезъ его руки проходили всѣ бумаги, входящія и выходящія; онъ созывалъ Сенатъ на засѣданія, слѣдилъ за внѣшнимъ ихъ порядкомъ, руководилъ дѣятельностью сенаторовъ и контролировалъ ее, направляя ее въ духѣ предначертаній государя. Ни въ чемъ независимый отъ Сената, генералъ-прокуроръ являлся посредникомъ между нимъ и государемъ, настоящимъ «окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ», какъ опредѣлилъ его Петръ въ своемъ указѣ. Въ его распоряженіи находился цѣлый штатъ помощниковъ: оберъ-прокуроръ — ближайшій сотрудникъ; прокуроры — при коллегіяхъ и въ надворныхъ судахъ.

4. **Коллегіи.** Передача значительнаго числа дѣлъ изъ вѣдѣнія приказовъ, центральныхъ органовъ управленія, въ губерніи, органы областные, неизбѣжно повело къ захирѣнію приказовъ; многіе изъ нихъ совершенно перестали существовать. Но такой порядокъ создалъ новыя неудобства: дѣла, которыя нельзя было разрѣшить на мѣстѣ, стали теперь стекаться въ Сенатъ; послѣдній оказался заваленъ ими и не поспѣвалъ разсмотрѣть всего своевременно. Необходимо было снова найти посредствующее звено между областью и центромъ (губерніей и Сенатомъ) — это было достигнуто созданіемъ коллегій (1718). Отъ прежнихъ приказовъ коллегіи отличались большею опредѣленностью и большею однородностью подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ: каждая коллегія вѣдала какую-нибудь одну, особую отрасль, всегда общегосударственнаго, не мѣстнаго, значенія; поэтому и самое число ихъ было значительно меньше числа приказовъ.

Коллегіи были слѣдующія: 1) Чужестранныхъ дѣлъ (замѣнила прежній Посольскій приказъ); 2) Военная; 3) Адмиралтейская (морское вѣдомство); 4) Юстицъ-Коллегія; 5) Камеръ-Коллегія (вѣдала доходы государственные); 6) Штатсъ-Контора (расходы); 7) Бергъ-Коллегія (горнозаводское дѣло); 8) Мануфактуръ-Коллегія (фабричная промышленность); 9) Коммерцъ-Коллегія (торговля); 10) Вотчинная (бывшій Помѣстный приказъ); 11) Ревизіонъ-Коллегія (финансовый контроль). Впрочемъ послѣдняя коллегія вскорѣ была слита съ Сенатомъ, такъ какъ (откровенно сознавался Петръ) «сіе не разсмотря тогда учинено было».

Въ составъ каждой коллегіи входили: 1 президентъ, 1 вице-президентъ, 4 совѣтника, 5 ассессоровъ, 2 секретаря. Дѣла

рѣшались большинствомъ голосовъ. Коллегіи были устроены по шведскому образцу, при содѣйствіи барона Любераса, знатока шведскихъ учрежденій. Лейбницъ, съ которымъ Петръ тоже совѣтовался прежде чѣмъ завести ихъ, сравнивалъ коллегіи съ часовымъ механизмомъ, гдѣ всѣ колесики работаютъ совмѣстно и согласованно, помогая одно другому. Однако обращаться, какъ слѣдуетъ, съ механизмомъ коллегій для русскихъ людей было дѣломъ еще новымъ, и безъ участія иностранцевъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, обойтись было невозможно. Все же, привлекая чужія силы, Петръ передалъ имъ одну только технику дѣла, самое же руководство сохранилъ за русскими: президентами вездѣ были назначены природные русскіе[1]), зато вице-президентами — дѣльцы-иностранцы. Кораблéмъ управляетъ всегда капитанъ; онъ указываетъ, куда идти, но дѣло лоцмана изыскать пути и способъ достичь поставленной цѣли. Характерно, что въ коллегіи Чужестранныхъ дѣлъ, — въ вѣдомствѣ, гдѣ ложное пониманіе интересовъ государственныхъ особенно могло сказаться печальными послѣдствіями, даже и вице-президентомъ былъ русскій (Шафировъ).

VI. Сословныя реформы.

Положеніе общественныхъ классовъ: служилыхъ людей, посадскихъ и крестьянскаго населенія измѣнилось при Петрѣ В. не столько вслѣдствіе преобразованій, сколько отъ перемѣны тѣхъ условій, въ какихъ стала протекать ихъ дѣятельность. Способъ комплектованія арміи и требованія, предъявлявшіяся къ поступившимъ въ нее, сдѣлали ее безсословною: въ рядахъ арміи на одинаковомъ положеніи очутились и дворяне московскіе, и ихъ крѣпостные крестьяне, зачастую даже холопы — тѣ и другіе дѣлались рядовыми солдатами, что совершенно сглаживало между ними общественную разницу. Зато внѣ арміи разница, уже существовавшая между помѣщикомъ и его крестьяниномъ, стала, благодаря введенію подушной подати, еще чувствительнѣе: прежній владѣлецъ землею превратился въ господина и владѣльца человѣческой душею.

А. Дворянство.

1. **Пожизненность службы.** Военная служба при Петрѣ, какъ и раньше, осталась для служилаго класса обязательною и пожизненною; но раньше, съ окончаніемъ войны, служилый человѣкъ обыкновенно возвращался въ свое помѣ-

[1]) За исключеніемъ Бергъ-Коллегіи, гдѣ президентомъ былъ Яковъ Брюсъ, да и тотъ родился и прожилъ всю жизнь въ Россіи.

стье или вотчину, теперь же Сѣверная война затянулась на 21 годъ и все время держала его подъ ружьемъ; не освободилъ и Ништадтскій миръ, такъ какъ армія превратилась въ постоянную. Право на отставку давала лишь полная непригодность къ службѣ: дряхлость, тяжелыя раны, увѣчье, да и то государство не оставляло инвалида совершенно въ покоѣ, стараясь и теперь, насколько возможно, использовать его (служба въ гарнизонѣ; храненіе казенныхъ складовъ; на должности ландрата).

2. **Дворянскій классъ (шляхетство).** Высшіе слои служилыхъ людей — московскіе дворяне и тѣ изъ городовыхъ, которые пользовались правомъ на «отечество» (ихъ писали въ спискахъ не только по имени, но и по отчеству) — сохранили и при Петрѣ свое привилегированное положеніе: ими пополнялись гвардейскіе полки; изъ нихъ набирались офицеры, вообще командный и правительственный классъ (какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ).

До 15 лѣтъ дворяне жили на положеніи недорослей, съ обязательствомъ пройти (начиная съ 10 лѣтъ) подготовительную школу (чтеніе и письмо; цыфирь, т. е. первыя правила ариѳметики; начала геометріи); недорослямъ велись списки и время отъ времени дѣлались смотры для провѣрки. Къ 15-ти годамъ недоросль обязанъ былъ закончить свое ученіе и явиться на дѣйствительную службу; недоучка лишался права вступить въ бракъ. Всѣ начинали службу съ рядового солдата; никому не допускалось исключенія: напримѣръ, въ драгунскомъ полку князя Меншикова было 300 солдатъ — всѣ изъ княжескихъ фамилій.

Съ 1712 г. терминъ служилые люди замѣняется новымъ: шляхетство; впрочемъ уже въ 1722 г. встрѣчается и другое выраженіе: дворянство, для обозначенія высшаго сословія въ государствѣ; но общеупотребительнымъ въ современномъ нашемъ смыслѣ оно стало лишь съ 1762 г., со времени жалованной грамоты имп. Петра III.

3. **Гражданская служба.** Раньше гражданская служба слита была съ военною: служилый человѣкъ никогда не былъ чиновникомъ, а только воиномъ, занимаясь «гражданскими» дѣлами лишь между прочимъ. Теперь гражданская служба выдѣлилась въ самостоятельную; но еще долгое время, и при Петрѣ, и послѣ него, на нее смотрѣли съ пренебреженіемъ, считая, что только военная служба дѣлаетъ человѣка «благороднымъ», эта же — удѣлъ «приказнаго» люда, «крапивнаго сѣмени». Многіе однако охотно поступали на гражданскую службу, лишь бы избавиться отъ военной, болѣе тяжелой, и правительство, въ виду неотложныхъ военныхъ нуждъ, предупреждая уклоненія, строго слѣдило за тѣмъ, чтобы въ гражданскія должности изъ дворянства шло не болѣе третьей

части наличнаго состава. О сравнительной цѣнности той и другой службы можно судить по тому, что первый офицерскій чинъ (14-й классъ) уже давалъ право на потомственное дворянство; въ гражданской же службѣ для этого надо было дослужиться до чина коллежскаго ассессора, что̀ по рангу соотвѣтствовало чину капитана (8-й классъ).

4. **Табель о рангахъ.** Еще съ отмѣною мѣстничества (1682) личной заслугѣ и служебной годности дано было предпочтеніе передъ породой и знатностью происхожденія. Мѣстничество однако еще жило въ понятіяхъ общества, и на практикѣ съ нимъ продолжали считаться. Но если прежде оно противорѣчило интересамъ государства, то теперь, сверхъ всего, оно рѣзко разошлось съ новымъ взглядомъ, который Петръ усиленно прививалъ своимъ подданнымъ, а именно: право на первое мѣсто и почетъ принадлежитъ тѣмъ, кто исполняетъ первѣйшую свою обязанность — ревностно служитъ государству. Рѣшительный ударъ мѣстничеству нанесенъ былъ Табелью о рангахъ (1722, 24 января). Она̀ создала 14 классовъ, — 14 различныхъ чиновъ въ военно-морской, гражданской и придворной службѣ, новую лѣстницу восхожденія по заслугамъ. Съ этихъ поръ грань между служащимъ и не-служащимъ опредѣлилась еще рѣзче: знатность стала добываться выслугой, а не породой. Не-дворянинъ, дослужившись до офицерскаго чина и, слѣдовательно, ставшій потомственнымъ дворяниномъ, становился выше служилаго человѣка, не получившаго званія офицера. Новый порядокъ имѣлъ ту хорошую сторону, что, сдѣлавъ выслугу доступною каждому, обновлялъ дворянскій классъ постоянно свѣжими силами и не допускалъ его замкнуться въ обособленную касту.

5. **Законъ о майоратѣ.** Дворянство претерпѣло при Петрѣ измѣненія не только какъ сословіе служилое, но также и какъ классъ землевладѣльческій. При немъ окончательно сгладилась прежняя разница между вотчиной и помѣстьемъ: и та и это одинаково стали собственностью землевладѣльца, стали одинаково нести государственную повинность. Еще въ 1684 г. вышло постановленіе: сынъ обязательно наслѣдуетъ помѣстье своего отца; по другому закону помѣщикъ получилъ право передавать землю даже въ чужія руки. Правительству стало безразлично, кто владѣетъ землею, лишь бы продолжала справляться по ней государственная служба; такъ что, даже умирая безъ сыновей, помѣщикъ могъ передать все или часть помѣстья: женѣ въ видѣ наслѣдства, дочери — въ видѣ приданаго. Указъ 23 марта 1714 г. о единонаслѣдіи, обыкновенно извѣстный подъ неправильнымъ названіемъ закона о майоратѣ, еще болѣе придалъ помѣстью характеръ личной собственности, а владѣніе вотчиною связалъ съ обяза-

тельствами по отношенію къ государству. Въ силу этого указа земля не могла дробиться, а цѣликомъ переходила по наслѣдству къ одному изъ сыновей (хотя бы и младшему, не обязательно старшему): этимъ путемъ Петръ надѣялся предохранить крестьянъ отъ разоренія (у мелкопомѣстныхъ имъ жилось труднѣе), создать крупный землевладѣльческій классъ и косвенно привлечь къ общей работѣ членовъ семьи, оставшихся безземельными, побудивъ ихъ искать заработка и не оставаться «праздными».

Указъ о единонаслѣдіи однако оказался въ полномъ противорѣчіи съ традиціями и понятіями тогдашняго общества; дворянство встрѣтило его враждебно; въ жизнь онъ не вошелъ и черезъ 17 лѣтъ, въ царствованіе имп. Анны Іоанновны, былъ отмѣненъ.

6. **Дворянство — землевладѣльческій классъ.** Цѣлымъ рядомъ мѣръ — созданіемъ выборныхъ должностей — Петръ старался создать изъ дворянства мѣстный землевладѣльческій классъ и придать ему сословно-корпоративный характеръ. При воеводахъ появились выборные совѣты изъ мѣстныхъ дворянъ (1702); позже, съ учрежденіемъ губерній, ландраты, тоже на положеніи совѣтниковъ, при губернаторахъ (1713); ландрихтеры — мѣстные судьи (1719), земскіе комиссары — для сбора подушной подати и завѣдыванія переписью крестьянъ, своего рода земская полиція (1719).

Однако поставленная русскому дворянству цѣль не была достигнута: корпораціею оно не стало; у дворянства не хватало на то надлежащей сплоченности и, главное, независимости. Духъ корпоративности питается сознаніемъ общности классовыхъ интересовъ; онъ долженъ опираться на право, а не на милость. То и другое отсутствовало въ русской жизни. Въ Зап. Европѣ дворянство, церковь, ремесленные цехи были, дѣйствительно, корпоративно сплочены; у каждаго сословія имѣлись свои общіе интересы, которые они отвоевали себѣ путемъ долгой борьбы, и потому западно-европейскіе дворяне, проживая въ своихъ замкахъ, дѣйствительно, были мѣстными людьми, которымъ отнюдь не безразличными являлись мѣстныя нужды ихъ сословія. Въ Россіи, наоборотъ, мѣстничество, съ его боязнью, какъ бы одинъ не «заѣхалъ» другого, подрывало въ корнѣ возможность дѣйствовать сплоченно. Служилый человѣкъ въ Московскомъ государствѣ служилъ; его положеніе опредѣлялось обязанностями, отнюдь не правами. Постоянная указка свыше мѣшала ему выработать чувство самостоятельности и независимости, и онъ былъ проникнутъ не столько сознаніемъ своего гражданскаго долга, сколько желаніемъ, по возможности, избѣжать его. Уклониться отъ повинности — это общая мысль людей XVII в., одинаково и слу-

жилыхъ, и тяглецовъ, такъ что, когда явился запросъ на общественныхъ дѣятелей, онъ не нашелъ себѣ отклика: помѣщики старались послать на выборы вмѣсто себя своихъ приказчиковъ.

Въ Англіи дворянство вело упорную борьбу съ королями, чтобы вырвать у нихъ право на самоуправленіе — у насъ роли совершенно перемѣнились, и самоуправленіе насильно навязывалось обществу. Тамъ оно было привилегіей — здѣсь чуть не наказаніемъ.

7. **Герольдмейстеръ.** Военная повинность, осложненная школой, смотрами, тяжело легла на дворянскій классъ; уклоненія отъ нея были постоянныя. Русскаго человѣка тянуло изъ казармы и лагеря на деревенскій просторъ, къ роднымъ полямъ, и онъ дѣлалъ все возможное, лишь бы увильнуть отъ ненавистной службы: бѣжалъ въ монастыри, постригаясь тамъ въ монахи; записывался въ купцы, поступалъ даже въ дворовые къ своему же брату-помѣщику. Но царь не остановится и передъ иноческимъ клобукомъ: гнѣвной рукою сорветъ его съ головы бѣглеца и насильно потащитъ на общую земскую работу. Штрафы, кнутъ, батоги не разбирали ни офицера ни простого рядового. По указу 1714 г., того, кто оказывался въ «нѣтѣхъ» (т. е. не явился на призывъ), лишали имѣнія въ пользу доносчика, хотя бы послѣдній былъ его собственный холопъ; а по другому указу (1722), наказаніе было еще суровѣе: шельмованіе съ лишеніемъ гражданскихъ правъ: имя преступника на листѣ бумаги вѣшалось на висѣлицу, при барабанномъ боѣ, во всеобщее свѣдѣніе, и самъ виновный объявлялся внѣ закона.

Для общаго надзора за правильнымъ отправленіемъ дворянствомъ своихъ обязанностей была учреждена должность герольдмейстера (1722). На его обязанности лежало составленіе дворянскихъ списковъ, провѣрка наличнаго состава недорослей (т. наз. «смотры»), распредѣленіе ихъ по школамъ, надзоръ за обученіемъ и распредѣленіе по полкамъ.

8. **Положеніе дворянства среди другихъ сословій.** Московскіе дворяне и дворяне городскіе съ «отечествомъ», пользуясь преимуществомъ возведенія въ офицерскіе чины, вообще занятія высшихъ должностей, тѣмъ самымъ стали въ привилегированное положеніе по отношенію къ другимъ классамъ; но источникъ ихъ привилегій былъ совершенно иной, чѣмъ прежній: при выборѣ людей на должности, Петръ отдавалъ предпочтеніе дворянству лишь потому, что въ его средѣ, болѣе культурной, легче находилъ людей, отвѣчавшихъ его требованіямъ; но онъ охотно бралъ ихъ отовсюду, никогда не обращая вниманіе на происхожденіе (Меншиковъ, Шафировъ, Ягужинскій). Привилегія вытекала не изъ сословія, а изъ

чина, такъ какъ только черезъ чинъ дворянинъ становился особой и выдвигался впередъ. Не даромъ неслужащій дворянинъ уступалъ первое мѣсто офицеру: разница между дворяниномъ и не-дворяниномъ опредѣлялась степенью заслугъ того и другого. Чрезъ всю реформу Петра красною нитью проходитъ одна мысль: права пропорціональны службѣ и заслугамъ. Къ сожалѣнію, мысль эта была вскорѣ забыта, и уже въ ближайшія послѣ Петра царствованія обязанности съ дворянства будутъ сняты, но связанныя съ ними права сохранены.

Б. Крестьяне.

1. Крестьяне и холопы. По Уложенію 1649 г., крестьянинъ лишенъ былъ права сходить съ земли, но во всемъ остальномъ онъ оставался совершенно свободнымъ: законъ признавалъ за нимъ право на собственность, право заниматься торговлею, заключать займы, распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію и т. п. Какъ и раньше, Уложеніе сохранило рѣзкую грань между крестьяниномъ и холопомъ, который на положеніи раба, былъ собственностью своего хозяина. Крестьянинъ сидѣлъ на землѣ и не могъ быть переведенъ во дворъ, гдѣ жили холопы на положеніи слугъ, и продать крестьянина можно было только съ землею, вѣрнѣе говоря, не продать, а лишь передать право на его земельный трудъ.

Однако дѣйствительная жизнь сложилась совсѣмъ не такъ, какъ ее устанавливалъ законъ. Постепенно и незамѣтно, безъ какихъ-либо спеціальныхъ указовъ, зависимость крестьянина по землѣ превратилась въ личную. Правительство, озабоченное главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы крестьянинъ не выходилъ изъ крестьянства, оставался плательщикомъ, сквозь пальцы смотрѣло на то, какъ помѣщикъ, противно закону, дробилъ крестьянскія земли, отрывалъ самихъ крестьянъ отъ земли, продавалъ ихъ въ чужія руки или переводилъ къ себѣ во дворъ на положеніе прислуги («дворни»). Будучи одновременно и хозяиномъ и судьею, помѣщикъ приговаривалъ крестьянина къ наказанію и самъ же являлся исполнителемъ своихъ постановленій: сажалъ, по своему усмотрѣнію, въ тюрьму, въ кандалы. Его право наказанія не было ничѣмъ ограничено, и бывали случаи, когда даже убійство сходило помѣщику съ рукъ. Вообще къ концу XVII в. зависимость крестьянина отъ помѣщика достигла такихъ размѣровъ, что мало чѣмъ отличала его отъ холопа. Разница была скорѣе номинальная (de jure), чѣмъ реальная (de facto).

Между тѣмъ одновременно съ тѣмъ, какъ крестьянинъ опускался до положенія холопа, холопъ поднимался до

положенія крестьянина: не платя за холопа государственныхъ податей, помѣщикъ старался перевести его со двора на землю, превратить въ земледѣльца-крестьянина; казна отъ этого терпѣла, и правительство приняло свои мѣры: въ 1695 г. оно обложило такихъ холоповъ податями. Такимъ образомъ холопъ, продолжая оставаться рабомъ, частною собственностью, поднимался до положенія личности и гражданина, участвуя совмѣстно съ другими въ общемъ служеніи государству. 10 лѣтъ спустя былъ сдѣланъ новый шагъ въ этомъ направленіи: холопы были призваны къ отбыванію рекрутской повинности (1705). Съ той поры разница между холопомъ и крестьяниномъ свелась къ одному названію.

2. Подушная подать. Полное сліяніе крестьянъ съ холопами и, одновременно, окончательное закрѣпощеніе тѣхъ и другихъ за помѣщикомъ было достигнуто введеніемъ подушной подати (1718—1722). За время Шведской войны армія количественно выросла; кормить ее на счетъ завоевываемыхъ областей (или вообще тѣхъ, гдѣ временно она находилась), какъ это въ значительной мѣрѣ практиковалось раньше, становилось невозможнымъ, и чѣмъ ближе война подходила къ концу, тѣмъ настоятельнѣе выступала необходимость озаботиться расквартированіемъ и содержаніемъ войскъ, а такъ какъ средствъ на это въ казнѣ не имѣлось, то вся тяжесть расходовъ была возложена на тяглое населеніе, непосредственно натурой (постойная повинность) и деньгами.

Произведена была перепись податного населенія («первая ревизія»), составлены «сказки», вычисленъ расходъ по содержанію арміи и разложенъ по душамъ. Переписи подлежали: крестьяне всѣхъ категорій (помѣщичьи, вотчинные, черносошные на государственныхъ земляхъ, дворцовые, монастырскіе), холопы и т. наз. «гулящіе» люди, до сихъ поръ неплатившіе никакихъ податей и повинностей, жившіе за чужимъ «хребтомъ» («захребетники», «подсусѣдники») или просто бродившіе съ мѣста на мѣсто. Подъ страхомъ наказанія (ссылка на галеры) «гулящіе» обязаны были записаться въ ревизскія сказки и превратиться въ солдатъ и въ крѣпостныхъ.

Содержаніе каждаго пѣхотинца высчитано было въ 28 руб. съ копѣйками (255 руб. нынѣшнихъ), коннаго солдата — въ 40 руб. (тоже съ копѣйками: 360 руб. нынѣш.); перепись же населенія, вслѣдствіе несовершенства способовъ исчисленія, а, главное, утайки числа душъ[1]), выяснила наличный составъ податныхъ не сразу и дала цифры, колебавшіяся отъ 5 до 6 мил-

[1]) Такъ, въ 6 губерніяхъ, значитъ, только въ извѣстной части государства, утайка опредѣлилась въ 450 тыс. человѣкъ., что составляло шестую часть всего населенія.

ліоновъ, вслѣдствіе чего и размѣръ подушной подати подвергался колебаніямъ: сперва 95 коп. съ души (1721), потомъ 80 (1722) и 74 к. (1724). Тотчасъ по смерти Петра В. онъ былъ пониженъ до 70 коп.

Отвѣтственность за исправный взносъ податей возложенъ былъ на помѣщика: правительство требовало денегъ съ него, а не съ крестьянъ. Эта мѣра оказала громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу крестьянства: она поставила плательщика въ полную зависимость отъ помѣщика и привела къ тому, что послѣдній сдѣлался безконтрольнымъ хозяиномъ и настоящимъ владыкою надъ своими крестьянами.

3. **Государственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ.** Прикрѣпленіе крестьянъ при Петрѣ, какъ сурово оно ни проводилось въ жизнь, какимъ тяжелымъ гнетомъ ни легло на населеніе, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ положеніемъ, какое сложилось для нихъ со второй половины XVIII в. и продолжалось вплоть до уничтоженія крѣпостного права (1861). Прикрѣпляя крестьянъ, Петръ совсѣмъ не имѣлъ въ виду превращать ихъ въ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, въ рабовъ: въ податномъ классѣ онъ видѣлъ такой же служилый классъ, какимъ были и другія сословія: дворянское, городское; прикрѣпленіе совершалось во имя соображеній государственныхъ, отнюдь не частныхъ, не классовыхъ: крѣпостное состояніе было лишь формою служенія государству. Крѣпостной человѣкъ служилъ своему помѣщику съ тѣмъ, чтобы дать ему самому возможность отправлять свою службу, такъ что, перестанетъ служить помѣщикъ, должны быть освобождены отъ обязанностей къ нему и крестьяне. Этотъ взглядъ глубоко вкоренился въ сознаніе народное, и когда впослѣдствіи помѣщики-дворяне стали, дѣйствительно, освобождаться отъ военной повинности, то крестьяне съ полнымъ основаніемъ требовали, чтобы освободили и ихъ, — не отъ рекрутчины, а отъ крѣпостничества.

B. Городское сословіе.

1. **Реформа 1699 г.** Посадскіе люди издавна жаловались на притѣсненія воеводъ и приказныхъ людей и, какъ слѣдствіе такихъ притѣсненій, на свое разореніе. Такъ какъ это сказывалось недоборами въ государственной казнѣ, то въ 1699 г. посадскіе люди были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ, а для раскладки и сбора доходовъ, для суда надъ преступниками, вообще для завѣдыванія дѣлами торгово-промышленнаго класса, учреждены были Бурмистрская Палата въ Москвѣ (позже она называлась Ратушей) и Земскія избы въ другихъ городахъ.

2. **Реформа 1721 г.** Особенно положительныхъ результатовъ реформа 1699 г. не дала: одного самоуправленія было

еще не достаточно, чтобы вызвать посадскихъ людей къ самостоятельной дѣятельности и — что особенно было важно въ глазахъ Петра — поднять промышленность, развить торговые обороты. Петръ «понялъ, что необходимо расширить и углубить самые источники государственнаго дохода, а не просто изловчаться только въ усиліяхъ ихъ исчерпать; но для этого надобно было посредствомъ заимствованныхъ зондовъ добраться до болѣе глубокихъ и обильныхъ жилъ, которыми эти источники могли бы питаться. Такіе зонды для своихъ городовъ онъ и нашелъ или ему указали въ магистратахъ, которые такъ хорошо управляли городами на Западѣ. Проникшись мыслью, что только благоустроенный народъ можетъ давать казнѣ вѣрный и хорошій доходъ, Петръ возложилъ на магистраты сверхъ прежнихъ обязанностей по казеннымъ сборамъ еще важныя экономическія и образовательныя заботы о размноженіи мануфактуръ, о распространеніи грамотности, объ общественномъ призрѣніи» (Ключевскій).

По регламенту 1721 г., города въ Россіи были раздѣлены, по количеству населенія, на 5 разрядовъ, населеніе городовъ на три класса: первой гильдіи (банкиры, крупные торговцы, доктора, шкиперы), второй гильдіи (мелкіе торговцы, харчевники, ремесленники) и на т. наз. подлыхъ (т. е. низшихъ) людей. Въ городахъ учреждались магистраты съ выборными бургомистрами, въ Петербургѣ — Главный магистратъ. Магистратъ вѣдалъ судъ, гражданскія и уголовныя дѣла, городскую полицію, городское хозяйство, принималъ на себя заботу о развитіи «купечества и мануфактуры» (фабрики, заводы, разнаго рода ремесла). Развитіе промышленности и торговли — главная задача, возложенная на магистратъ. Послѣдній есть орудіе, органъ правительства; выборные члены магистрата — его чиновники. Мы видимъ, что и въ реформѣ городской красною нитью проходитъ та же мысль, какая легла въ основу реформъ дворянства и крестьянскаго класса: служеніе государству.

Расчетъ Петра однако не оправдался; «разсѣянную храмину паки собрать» ему не удалось: магистратскіе бургомистры поднять промышленность и развить торговлю въ той степени, какъ это возлагалось на нихъ, не съумѣли.

VII. Финансы.

1. Подати и налоги. Шведская война вызвала необычайное напряженіе экономическихъ силъ страны. Правительству требовались большія деньги, и ему приходилось постоянно изощряться въ добываніи средствъ на покрытіе расходовъ. Мѣры, принятыя съ этою цѣлью, были:

а) Выпускъ низкопробной монеты (перечеканка изъ монеты полноцѣнной съ сохраненіемъ прежней ея номинальной стоимости), — мѣра обоюдоострая и опасная: казенная касса, конечно, выигрывала, зато самая цѣнность денегъ падала, а съ ихъ паденіемъ поднимались цѣны на товары, т. е. жизнь вообще становилась дороже.

б) Налоги разнаго рода: главнымъ образомъ промысловый: на мельницы, рыбныя ловли, постоялые дворы, торговыя бани; также за право носить бороду, выдѣлывать дубовые гробы. Нѣкоторые изъ этихъ налоговъ были очень высоки. Право носить бороду обходилось: простымъ людямъ въ 30 (тогдашнихъ) руб.; служилымъ и посадскимъ — въ 60, а купеческому сословію въ 100 руб. съ человѣка.

в) Монополіи: на табакъ, на соль, сало, деготь, ленъ, пеньку, рыбій жиръ, смолу, поташъ.

г) Пошлины: за гербовую («орленую») бумагу.

д) Подушная подать. Она принесла государству всего болѣе доходу (въ 1724 г. болѣе половины государственнаго бюджета), зато и легла на населеніе всего тяжелѣе. Съ землевладѣльческихъ крестьянъ она бралась въ размѣрѣ 74 (80) коп. съ души (см. выше); крестьяне же черносошные и дворцовые, какъ не платящіе оброка, обложены были добавочнымъ налогомъ въ 40 коп.; посадскій человѣкъ вносилъ 1 руб. 20 коп.; раскольники платили вдвое.

2. **Доходы. Военный расходъ.** Государственные доходы (въ круглыхъ цифрахъ) составляли: за годы 1701, 1710, 1723 и 1725 — $1^1/_2$, 3, 8 и 10 милліоновъ (тогдашнихъ) рублей. Значительная часть ихъ, четыре пятыхъ (почти $80^0/_0$), шла на военныя надобности.

3. **Монета.** Московское государство почти не знало монетъ собственной чеканки. Чеканились однѣ серебряныя копѣйки, очень неумѣло, неправильной формы; обыкновенно же въ обращеніи была монета иностранная — талеры, ефимки, червонцы. Пуская ихъ въ оборотъ, правительство ограничивалось простымъ наложеніемъ на нихъ штемпеля съ изображеніемъ: на ефимкахъ — царствующаго государя (на лицевой сторонѣ) и двуглаваго орла и года выпуска (на оборотѣ), а на талерѣ — Георгія Побѣдоносца и года выпуска. Въ первомъ случаѣ получался «ефимокъ рублевый», цѣною въ 100 коп., во второмъ — «ефимокъ съ признакомъ», цѣною въ 64 коп. Для полученія болѣе мелкой единицы, талеръ рубился на 4 части съ наложеніемъ на нихъ тоже изображенія Георгія Побѣдоносца, что̀ давало «полуполтинники» или «четвертины» стоимостью въ 25 коп. Вообще же монеты въ обращеніи было такъ мало, и особенно монеты размѣнной, что зачастую серебряныя

копѣйки разрубались на части, а въ иныхъ городахъ въ оборотъ пускались даже кожаныя деньги, — пережитокъ очень дальней поры. Попытка чеканить собственную мѣдную монету оказалась неудачною и привела къ Денежному бунту (см. выше). Всѣ расчеты велись на алтыны и деньги: въ алтынѣ было 3 копѣйки, а въ копѣйкѣ двѣ деньги. За монетную единицу принимался рубль, равный 33 алтынамъ и 2 деньгамъ; но самый рубль не чеканился, а служилъ только для счета.

Петръ началъ чеканить свою, русскую монету — золотую, серебряную и мѣдную. Монета изъ благородныхъ металловъ шла на уплату жалованья войску и на платежи заграничные, мѣдная же — исключительно для обращенія внутри государства.

Монета золотая. Червонцы: простой, въ 2 рубля, и двойной, въ 4 рубля.

Монета серебряная. Двухрублевикъ, рубль, полтина, полуполтинникъ, гривенникъ, пятакъ, алтынъ, копѣйка.

Монета мѣдная. Пятакъ, грошъ (2 коп.), копѣйка, деньга (полкопѣйки), полушка (четверть копѣйки), полполушка.

VIII. Мѣры экономическія.

1. Меркантильная система. Тягость налоговъ и сопряженныя съ ними недоимки ставили на очередь вопросъ о поднятіи экономическаго благосостоянія страны. Россія кормилась до тѣхъ поръ почти исключительно однимъ земледѣліемъ — теперь слѣдовало создать промышленность: добывающую — использовать природныя богатства, и обрабатывающую — устроить фабрики и заводы. Въ ту пору въ Европѣ господствовала т. наз. меркантильная система: возможно больше вывозить изъ страны своихъ товаровъ; возможно меньше ввозить ихъ изъ-за границы; стараться удовлетворить свои потребности продуктами домашняго производства, чтобы задержать отливъ денегъ за границу; больше продавать и меньше покупать — вотъ главныя основанія этой системы. Естественнымъ слѣдствіемъ ея были: высокія пошлины на привозные товары и покровительство отечественной промышленности. Руководство всѣмъ дѣломъ сосредоточивалось въ рукахъ правительства: оно поощряло, помогало, контролировало, а если оказывалось нужнымъ, то и наказывало.

Петра, въ его заграничную поѣздку 1697—1698 г., поразило матеріальное благосостояніе Зап. Европы, богатство ея промышленныхъ городовъ, обиліе всякаго рода фабрикъ и заводовъ, оживленныя торговыя сношенія, гавани, полныя приходящихъ и уходящихъ судовъ. Картина эта сильно запала

въ душу молодого царя; онъ тогда же проникся сознаніемъ той пользы, какую могла бы Россія извлечь изъ развитія промышленности и правильно поставленной торговли, а Шведская война, наглядно выяснивъ пустоту государственной казны и бѣдность платежныхъ силъ населенія, еще болѣе укрѣпила его въ этой мысли.

2. **Промышленность обработывающая.** Много энергіи приложилъ Петръ, чтобы поднять русскую промышленность. Какъ въ другихъ областяхъ жизни, онъ видѣлъ въ этой работѣ государственную повинность, и потому считалъ себя въ правѣ возложить ее на населеніе и требовать неуклоннаго ея выполненія, какъ бы сама работа ни была тяжела, какъ бы ни старались избавиться отъ нея. «Народъ нашъ яко дѣти», говорилъ онъ по этому поводу: лишь бы не учиться, за азбуку не примутся, если ихъ не заставить къ тому силою; сперва досадуютъ, а потомъ, какъ выучатся, сами же благодарятъ.

Мѣрами для созданія промышленности служили: безпроцентныя ссуды; разсрочка платежей; безпошлинный или по пониженному тарифу ввозъ необходимаго матеріала изъ-за границы; привилегіи, а первое время даже дарованіе монополій; высокая пошлина на ввозные товары для устраненія конкуренціи; строгое преслѣдованіе контрабанды; учрежденіе консульствъ въ чужихъ странахъ для защиты торговыхъ интересовъ русскихъ купцовъ.

Въ области добывающей промышленности большое развитіе получило горное дѣло: развѣдки производились на Уралѣ, въ Олонецкомъ краѣ, въ Сибири. Добыча руды на частныхъ земляхъ дозволена была каждому, и помимо владѣльца, «дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось».

Подъ конецъ царствованія Петра въ Россіи существовало до 240 фабрикъ и заводовъ; фабрики: суконныя, полотняныя, бумажныя, шелковыя, ковровыя, волосяныя; заводы: пушечные, оружейные, пороховые, мѣдные, желѣзные, чугунно-плавильные.

3. **Лѣсоводство.** Петра называютъ «первымъ лѣсоводомъ въ Россіи», такъ какъ онъ положилъ начало правильному веденію лѣсного хозяйства. Лѣса были признаны государственною собственностью, даже и тѣ, что росли на частновладѣльческой землѣ; сорта лѣса, цѣнные по качеству (дубъ, кленъ, сосна крупныхъ размѣровъ), росшіе у сплавныхъ рѣкъ, образовали заповѣдныя рощи — ихъ никто не могъ рубить, кромѣ государства. Особенно охранялся лѣсъ корабельный: порубка его наказывалась смертною казнью, и, для бо́льшаго назиданія и устрашенія, на граняхъ такихъ заповѣдныхъ участковъ разставлены были висѣлицы.

4. Земледѣліе было передано въ вѣдѣніе Камеръ-коллегіи. Въ мѣстностяхъ, лишенныхъ водяныхъ путей и гдѣ, слѣдовательно, вывозъ хлѣбнаго зерна былъ болѣе или менѣе затруднителенъ, вводилось обязательно винокуреніе; тамъ же, гдѣ, наоборотъ, имѣлись сплавныя рѣки, выкурка вина была строго запрещена.

5. Пути сообщенія. Обратилъ Петръ вниманіе также на пути сообщенія. Франція и Голландія служили ему въ томъ примѣромъ. Проводя дороги, улучшая почтовыя сообщенія, онъ особенно заботился о соединеніи бассейна рѣки Волги съ Финскимъ заливомъ (каналы Ладожскій, Вышневолоцкій).

6. Регламентація. Все промышленное дѣло было строго регламентировано. Петръ не ограничивался общими указаніями: правительственная опека вторгалась зачастую въ самыя мелочныя подробности. Полотно, шедшее за границу, предписано было выдѣлывать обязательно шириною въ $1^{1}/_{2}$ аршина, ни шире, ни у̀же; пеньку — продавать, предварительно оборвавъ у нея концы или коренья; торговля скобами и гвоздями вовсе была запрещена. Петръ требовалъ, чтобы юфть выдѣлывали не на дегтѣ, а на ворвани; чтобы хлѣбъ жали малыми косами съ граблями, отнюдь не серпами; запретилъ дѣлать на рѣчныхъ товарныхъ судахъ окошечки, которыя обыкновенно устраивались низко, у борта, въ предупрежденіе, какъ бы въ непогоду суда не залило водою; предписывалъ держать и разводить овецъ согласно выработанной имъ инструкціи.

7. Торговля. Такой же регламентаціи подверглась и торговля. Товары за границу запрещено было возить чрезъ Архангельскъ — велѣно направлять ихъ на Петербургъ. Петръ настойчиво добивался, чтобы русскіе купцы составляли торговыя компаніи, предоставлялъ имъ разныя льготы, но цѣли своей не достигъ.

8. Посессіонные крестьяне. Въ цѣляхъ привлечь къ промышленности возможно большій кругъ лицъ, Петръ распространилъ на заводчиковъ и фабрикантовъ изъ купеческаго сословія привилегію, дотолѣ бывшую исключительно дворянскою: право владѣть населенными землями, т. е. имѣть своихъ крѣпостныхъ, съ тѣмъ впрочемъ ограниченіемъ, чтобы «тѣ деревни всегда были при тѣхъ заводахъ неотлучно», иначе говоря, чтобы безъ земли и безъ завода крестьянъ продать было нельзя. Эта мѣра совершенно аналогична помѣстной системѣ въ Московскомъ государствѣ: какъ тамъ давалось помѣстье во имя военной службы, такъ и здѣсь положеніе заводчика-душевладѣльца опредѣлялось службою промышленною; и какъ тамъ было признано, что службу свою помѣщикъ можетъ отправлять, лишь обладая рабочими руками, — такою же рабочею

силою законодатель обезпечивалъ и заводчика. Такой порядокъ оказался особенно необходимымъ на Уралѣ, въ краю малонаселенномъ, къ тому же инородческомъ, гдѣ недостатокъ въ русскихъ рабочихъ рукахъ чувствовался особенно сильно. Такъ возникли посессіонные крестьяне (1721).

IX. Школа.

1. **Навигацкая школа.** Война со шведами съ самаго же начала ея вызвала потребность въ новой школѣ, дала почувствовать недостатокъ въ опытныхъ, знающихъ людяхъ со спеціальною подготовкою. Хотя въ Москвѣ и существовала, съ 1681 г., Славяно-Греко-Латинская школа, но она основана была въ цѣляхъ духовно-религіознаго просвѣщенія, въ частности, для борьбы съ расколомъ и ересями, въ защиту ученія господствующей православной церкви, и потому новымъ требованіямъ удовлетворить не могла, что̀ и побудило Петра, въ первый же годъ войны, основать (1701, 14 апрѣля) чисто техническую «Школу математическихъ и навигацкихъ наукъ», или, какъ ее обыкновенно называли, Навигацкую школу. Въ этой школѣ преподавались: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, навигація, морская астрономія, геодезія, корабельная архитектура, начала фортификаціи и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Навигаціонная школа явилась первымъ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи.

Для подготовки къ проходимому тамъ курсу, при школѣ были открыты два начальныхъ класса: «русская» и «цифирная» школы: первая для обученія чтенію и письму, вторая — счету и началамъ ариѳметики. Во главѣ всего дѣла стоялъ профессоръ Эбердинскаго (въ Шотландіи) университета, Фарварсонъ; изъ русскихъ Леонтій Магницкій преподавалъ ариѳметику по учебнику, составленному имъ самимъ. Его «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная», изданная въ 1703 г. еще славянскимъ шрифтомъ, «по своему не всегда ясному изложенію, чудовищной техникѣ и большому объему, должна была, для большинства учениковъ, представлять весьма тяжелый трудъ»; однако «ариѳметика Магницкаго должна быть дорога для каждаго русскаго потому, что она находилась въ числѣ немногихъ книгъ, возбудившихъ любознательность Ломоносова, и еще потому, что это было первое русское математическое сочиненіе, въ которомъ, по словамъ самого автора, «разумъ весь собралъ и чинъ, природно русской, а не нѣмчинъ» (Веселовскій).

Навигацкая школа одно изъ наиболѣе удачныхъ твореній Петра въ области школьнаго образованія. Изъ нея вышли

первые русскіе моряки, гидрографы, геодезисты, инженеры, артиллеристы. Въ 1715 г. высшіе классы были переведены въ Петербургъ, образовавъ тамъ Морскую Академію, низшіе же остались по прежнему въ Москвѣ.

2. **Другія школы.**

а) Хирургическая школа при военномъ госпиталѣ въ Москвѣ (1707). Будучи, какъ и Навигацкая школа, спеціальною, она давала медицинское образованіе и состояла въ вѣдѣніи доктора Бидлоо.

б) Дѣлаетъ Петръ попытку создать также и низшую школу съ начальнымъ образованіемъ. Таковы цифирныя школы (1714, 28 февраля), съ обученіемъ ариѳметикѣ и началамъ геометріи. Къ концу царствованія число такихъ школъ достигало 50, но многія изъ нихъ существовали только на бумагѣ и позже постепенно совсѣмъ закрылись: дворянство ихъ избѣгало, а торговый классъ прямо исходатайствовалъ дозволеніе вовсе не посылать туда своихъ дѣтей, ссылаясь на ущербъ торговымъ дѣламъ (чтобъ не отвлекать дѣтей отъ ихъ прямого дѣла). Процентъ уклоняющихся отъ посѣщенія цифирныхъ школъ былъ всегда значительный. Жизненнѣе оказались начальныя школы при архіерейскихъ домахъ, находившіяся въ вѣдѣніи духовенства (1721). Онѣ удержались и послѣ смерти Петра.

в) Особо стоитъ школа, заведенная въ Москвѣ нѣмецкимъ пасторомъ Глюкомъ (1705). Въ ней преподавали географію, реторику, математику, естественныя науки, языки; знакомили съ началами юриспруденціи; обучали танцамъ, верховой ѣздѣ, фехтованію, игрѣ въ мячъ. Такимъ образомъ это была школа съ общеобразовательнымъ курсомъ; но Глюкъ вскорѣ умеръ, и школа его заглохла.

3. **Значеніе Петровской школы.** Вообще Петровская школа прочныхъ результатовъ не дала, и школьное образованіе сдѣлало серьезные успѣхи не раньше, какъ въ царствованіе имп. Екатерины II; но и то, что она принесла съ собою, было не маловажно: она впервые перестала быть исключительно церковно-духовною; при всей утилитарности поставленной ей цѣли, она впервые стала выпускать людей, пріучавшихся самостоятельно разбираться въ своихъ свѣдѣніяхъ, самостоятельно мыслить; выработывала въ нихъ сметку, привычку къ умственной работѣ, и притомъ къ работѣ напряженной, отвѣтственной. Знаніе, выносимое изъ Петровской школы, по качеству, было пока еще не высокой пробы; зато цѣнно было то, что вмѣсто прежняго, болѣе или менѣе раболѣпнаго, усвоенія знаній, она внесла извѣстный духъ критики и самодѣятельности.

Наконецъ, школа Петровская не мало содѣйствовала выработкѣ характера въ русскомъ человѣкѣ, оборотливости въ житейскихъ дѣлахъ: суровыя требованія побуждали держать себя постоянно на чеку, «шевелить мозгами», питали чувство отвѣтственности, и прежняго слѣпого исполнителя чужихъ приказаній превращали въ сознательнаго работника. Старой косности положенъ былъ предѣлъ; дана возможность широкому культурному общенію съ Зап. Европой; и хотя русскій человѣкъ надолго еще останется на положеніи ея ученика, но первый сдвигъ уже былъ сдѣланъ, такъ что ближайшее поколѣніе могло выдвинуть Ломоносова, этого, по духу, истиннаго ученика Петра В. и, послѣ него, величайшаго человѣка въ Россіи XVIII вѣка.

X. Церковныя преобразованія Петра В.

1. **Факторы, вліявшіе на проведеніе реформы.** На преобразовательную дѣятельность Петра В. въ области церковной вліяли главнымъ образомъ три фактора: 1) то положеніе, въ какомъ засталъ Петръ Русскую церковь и какое сложилось еще до него; 2) тѣ требованія, какія онъ, какъ государь, предъявлялъ вообще къ Русской церкви, и 3) тотъ личный элементъ, какой внесъ въ это дѣло Петръ, какъ человѣкъ (его характеръ и вкусы). Первое подготовило ту почву и обстановку, въ какой проводились въ жизнь мѣропріятія царя; второе стояло въ тѣсной связи съ общимъ направленіемъ всей государственной политики Петра; послѣднимъ — обусловилась окраска, тотъ своеобразный отпечатокъ, какой былъ наложенъ на церковную реформу, принявшую характеръ грубаго насилія и неуваженія къ старинѣ.

2. **Положеніе Русской церкви ко времени Петра.** Русскіе цари давно уже стали полными хозяевами въ Русской церкви. Послѣ того какъ московскимъ князьямъ удалось перенести митрополію въ свой стольный городъ Москву и особенно когда митрополиты, ранѣе обыкновенно изъ грековъ, стали выбираться изъ природныхъ русскихъ, положеніе Русской церкви подверглось большимъ измѣненіямъ. Прежде подчиненная одному только духовному главѣ, константинопольскому патріарху, теперь она стала зависѣть отъ свѣтскаго владыки: митрополиты избирались по указанію великаго князя, ставились въ Москвѣ, не испрашивая на то предварительнаго согласія константинопольскаго патріарха. Избранные изъ подданныхъ великаго князя, и притомъ изъ лицъ ему желательныхъ, имъ же указанныхъ, митрополиты и въ этомъ санѣ попрежнему оставались тѣми же подданными и, въ дѣйствительности,

превращались въ покорныхъ его слугъ и исполнителей его велѣній. Недовольный митрополитомъ, князь имѣлъ полную возможность, безъ особыхъ затрудненій, замѣнить его другимъ, болѣе угоднымъ: стоило только созвать соборъ іерарховъ: тоже подданные князя и тоже поставленные подъ его воздѣйствіемъ, члены собора не могли прекословить ему и всегда готовы были исполнить его волю и желаніе.

Насколько зависимо было положеніе русскихъ митрополитовъ въ XVI в., можно судить по слѣдующему:

а) Митр. Варлаамъ, неугодный вел. князю Василію III (не соглашался на разводъ съ Соломоніей), низложенъ и замѣненъ Даніиломъ (1522), который раболѣпно выполнилъ возложенную на него задачу: насильственно постригъ Соломонію и потомъ самъ обвѣнчалъ Василія III съ Еленою Глинскою (1526).

б) Митр. Даніилъ низложенъ боярами Шуйскими (1539).

в) Ими же низложенъ и митр. Іоасафъ (1542).

г) Гермогенъ казанскій, преемникъ митр. Макарія, еще только нареченный во митрополита, былъ изгнанъ изъ митрополичьяго дома, едва Иванъ Грозный узналъ, что онъ настаиваетъ на уничтоженіи опричнины (1565).

д) Митр. Филиппъ низложенъ и задушенъ Малютою Скуратовымъ (1569).

е) Преемники Филиппа, Кириллъ и Антоній, — «потаковщики», какъ ихъ презрительно обзывалъ кн. Курбскій — оставались безгласными свидѣтелями злодѣяній царя Ивана, не выполняли одной изъ главнѣйшихъ обязанностей своего сана: печаловаться за обиженныхъ и осужденныхъ, разрѣшили ему вступить въ четвертый бракъ и смолчали, когда царь не исполнилъ наложенной на него эпитимьи, бывшей условіемъ разрѣшенія. Грозный послѣ того вступалъ въ бракъ еще три раза, совершенно игнорируя предписанія церкви.

ж) Митр. Діонисій низложенъ Борисомъ Годуновымъ (1587).

Не измѣнилось положеніе духовной власти и послѣ учрежденія патріаршества. Патріаршество повысило Русскую церковь въ санѣ, поставило ее наравнѣ съ автокефальными церквами на Православномъ Востокѣ, но самого положенія ея по отношенію свѣтской власти не измѣнило ни въ чемъ: патріаршество было дѣломъ исключительно свѣтской власти, которая видѣла въ немъ средство придать болѣе блеска самой себѣ, усилить значеніе недавно принятаго царскаго титула и подчеркнуть еще разъ политическую независимость и высокое положеніе Русскаго государства.

Патріархи остались такими же зависимыми, какъ ихъ предшественники митрополиты. Авторитетъ патр. Филарета

вытекалъ изъ условій исключительныхъ и временныхъ: царь Михаилъ по собственной волѣ раздѣлилъ съ нимъ свои государственныя права и въ силу лишь сыновняго чувства послушно слѣдовалъ его указаніямъ. И если позже царь Алексѣй поставилъ высоко патр. Никона, титуловалъ его «великимъ государемъ», то и это было результатомъ личной дружбы и довѣрія. Остыли дружескія чувства, пропало довѣріе, — и тотъ же Алексѣй не замедлилъ предать своего «собиннаго» друга церковному суду и лишить его сана.

За этими двумя исключеніями, всѣ остальные патріархи оставались простыми орудіями въ рукахъ царской власти. Первый изъ патріарховъ, Іовъ, ставленникъ Бориса Годунова, былъ, по смерти послѣдняго, съ безчестіемъ низложенъ и подвергся публичному позору; никто изъ архіереевъ не вступился за Іова, но всѣ безпрекословно исполнили приказъ Лжедимитрія: избрать на его мѣсто грека Игнатія, на котораго новый царь имѣлъ свои виды.

Въ Греческой церкви въ ту пору отъ католиковъ, при переходѣ ихъ въ православіе, требовалось одно миропомазаніе, безъ перекрещиванія, каковое считала безусловно необходимымъ церковь Русская. Игнатій былъ поэтому нуженъ Лжедимитрію, чтобы дать ему возможность осуществить свое намѣреніе — вступить въ бракъ съ Мариною Мнишекъ, которая перекрещиваться на отрѣзъ отказалась. И дѣйствительно, она была только миропомазана. Но если Игнатій допустилъ это по убѣжденію въ правильности такого поступка и душею не кривилъ, то русскіе іерархи, участвовавшіе въ совершеніи брачнаго обряда, дѣйствовали противъ совѣсти, въ угоду свѣтской власти.

Вообще патріархи избирались, на протяженіи всего XVII в., по указанію царей, и церковный соборъ только исполнялъ данное ему предписаніе. То же можно сказать и о выборѣ любого епархіальнаго архіерея.

Сами соборы церковные обыкновенно собирались, въ XVI и XVII ст., по особому повелѣнію государя и безъ его согласія состояться не могли. Обыкновенно царь самъ открывалъ ихъ, самъ опредѣлялъ составъ и количество участвующихъ лицъ, лично присутствовалъ на засѣданіяхъ и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Самыя постановленія соборовъ получали силу закона лишь послѣ того, какъ одобрены были царемъ и скрѣплены его подписью.

Бывали случаи, когда члены собора, изъ угожденія царю, дѣлали постановленія противъ совѣсти и убѣжденій. На Стоглавомъ соборѣ (1551), засѣдавшемъ подъ предсѣдательствомъ молодого царя Ивана IV, было торжественно постановлено не допускать четвертаго брака, «понеже свинское есть житіе»;

но 20 лѣтъ спустя (1572), на новомъ соборѣ іерархи, страха ради, нарушили прежнее постановленіе и разрѣшили тому же Ивану вступленіе въ четвертый бракъ. На введеніе въ церковное пѣніе единогласія царь Алексѣй настоялъ вопреки мнѣнію собора, заставивъ его измѣнить прежнее свое постановленіе о сохраненіи многогласія.

Вообще церковные соборы XVI и XVII вв. являлись простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при царѣ, органомъ его власти по дѣламъ церковнымъ, — не болѣе. Обогащая церковь щедрыми вкладами, надѣливъ ее крупными земельными угодьями[1]), государственная власть, взамѣнъ, требовала отъ нея полнаго послушанія и ревностнаго служенія. При такихъ условіяхъ русскіе іерархи превратились въ простое орудіе свѣтской власти и, лишенные какой либо инцiативы, проводили въ жизнь только то, что имъ предписывала государственная власть.

Однако такое поведеніе свѣтской власти отнюдь не было съ ея стороны узурпаціей, вторженіемъ въ «чужую» область: оно опиралось на убѣжденіи, что царямъ самъ Господь поручилъ заботиться и имѣть попеченіе, кромѣ государственныхъ дѣлъ, также и о церковныхъ, и что потому охраненіе восточной православной вѣры составляетъ ихъ «первую и величайшую должность». Царь Алексѣй Мих. шелъ еще дальше и готовъ былъ видѣть въ себѣ намѣстника Божія: отъ Царя Небеснаго онъ отличалъ себя лишь тѣмъ, что, въ противоположность Небесному Царю, былъ человѣкомъ смертнымъ[2]). Отсюда вытекало право, даже обязанность царя «контролировать всю церковно-религіозную жизнь народа, имѣть надъ нею свой постоянный верховный надзоръ, руководить и заправлять всѣми дѣйствіями высшихъ церковныхъ властей, строго наблюдая, чтобы церковная дѣятельность послѣднихъ всегда была согласована съ божественнымъ закономъ» (Каптеревъ).

Глубоко религіозные, московскіе цари всей душею были преданы интересамъ церкви, искренно желали ей блага, ревниво охраняли церковный уставъ, наблюдая за строгимъ его соблюденіемъ. Начитанные въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, близко знакомые съ литературой поучительной, неукоснительно посѣщая церковныя службы, они принимали близко къ сердцу всѣ вопросы, волновавшіе церковь, и дѣятельно содѣйствовали ихъ благополучному разрѣшенію. Знатоки и горячіе любители всего церковнаго, они интересовались малѣйшими

---

[1]) Къ началу XVIII ст. въ рукахъ духовенства насчитывалось 118000 крестьянскихъ дворовъ.

[2]) Онъ пишетъ боярину Шереметеву: ,,вѣдомо тебѣ самому, какъ великій Царь и вѣчный изволилъ быть у насъ, великаго государя и тлѣннаго царя, тебѣ Василью Борисовичу, въ боярехъ не туне".

подробностями церковной жизни и обязательно вмѣшивались въ ея ходъ и событія.

«Вопросы о хожденіи посолонь, о сугубой и трегубой аллилуіи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи или многогласіи въ церковномъ пѣніи, о сложеніи тѣхъ или другихъ перстовъ для крестнаго знаменія — все это для московскихъ государей были настолько живые, близко затрогивающіе ихъ вопросы, что они интересовались ими никакъ не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ нихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе, такъ что иногда очень трудно бываетъ провести точную грань: гдѣ былъ царь и гдѣ былъ архіерей; гдѣ было дѣло государственное, и гдѣ церковное» (Каптеревъ).

Вотъ почему остро и болѣзненно несамостоятельность церкви пока еще не чувствовалась. Иначе пошло дѣло, когда государствомъ сталъ править Петръ Великій.

3. **Взглядъ Петра на церковь.** Церковь, по взгляду Петра, должна была, подобно всякому учрежденію, служить на пользу государства, и потому стать органомъ правительственной власти. Утилитарныя соображенія, лежавшія въ основѣ всѣхъ мѣропріятій Петра, сказались и на пониманіи имъ самой религіи. Петръ былъ, несомнѣнно, вѣрующій человѣкъ, но его вѣра была дѣломъ скорѣе разсудка, чѣмъ потребностью душевной; самъ соблюдая всѣ предписанія православной церкви, онъ требовалъ того же и отъ другихъ, но по соображеніямъ чисто практическимъ: религія необходима, ибо она есть основа народной нравственности; безъ нея государство становится слабымъ и не можетъ выполнить своего назначенія. Вѣрить необходимо, такъ какъ вѣра есть порука въ личной добропорядочности и въ неуклонномъ исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей. А вотъ, какому Богу поклоняется человѣкъ; какъ онъ вѣруетъ — это вопросъ второстепенный: лишь бы только вѣровалъ, лишь бы самого Бога имѣлъ въ своемъ сердцѣ. Исповѣдуй, какую хочешь вѣру, но только исповѣдуй. Отсюда терпимость Петра къ иновѣрцамъ, дозволеніе протестантамъ и католикамъ строить свои кирки и костелы. Раскольниковъ при немъ преслѣдовали не за вѣру, какъ раньше, а за ихъ преступленія противъ государства, за упорное сопротивленіе мѣрамъ правительственнымъ, какъ преслѣдовали за то же и православныхъ, принявшихъ реформу Никона.

Въ силу такого взгляда на религію, Петръ требовалъ отъ духовенства, чтобы оно прививало народу нравственное чувство, поучало его, подавало добрый примѣръ собственнымъ поведеніемъ. Въ духовенствѣ онъ видѣлъ особый классъ такихъ же

государственныхъ чиновниковъ, какими были и остальные классы населенія: дворянство служило въ военной и гражданской службѣ; крестьяне поставляли боевой матеріалъ на войну и питали государственную казну; ту же обязанность несли и посадскіе; въ свою очередь духовенство должно было воспитывать добрыхъ гражданъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ гражданскихъ обязанностей.

4. **Разрывъ съ духовенствомъ.** Но найдетъ ли Петръ въ духовенствѣ покорныхъ исполнителей своей воли? Станетъ ли оно воспитывать русскій народъ въ духѣ его требованій? Въ понятіе о гражданскихъ обязанностяхъ Петръ вкладывалъ содержаніе во многомъ несходное съ формулировкою прежняго времени. Еще отецъ и старшій братъ Петра нѣкоторыми своими мѣрами создавали почву для расхожденія съ духовенствомъ (Монастырскій приказъ; короткополые кафтаны при дворѣ; недостаточно энергичныя мѣры противъ куренія табаку); но тамъ это были отдѣльныя, случайныя явленія; теперь же чуть не всѣ «новшества», вводимыя Петромъ, были такого рода, что вызывали глухое броженіе, вскорѣ перешедшее въ открытое неодобреніе.

Было еще одно обстоятельство, особенно отдалившее Петра отъ духовенства и сильно содѣйствовавшее тому, чтобы видѣть въ немъ непокорныхъ слугъ и явныхъ враговъ государства. Съ самаго ранняго возраста привыкъ Петръ бояться и ненавидѣть стрѣльцовъ. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ вступаетъ на престолъ, обагренный во дни стрѣлецкаго бунта кровью его дядьки Матвѣева и дяди Ивана Нарышкина; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ вынужденъ со всѣмъ царскимъ домомъ, укрываться отъ тѣхъ же стрѣльцовъ, поднятыхъ кн. Хованскимъ; стрѣльцы угрожаютъ ему жизнью и въ памятную августовскую ночь, когда, полуобезумѣвъ отъ страха, онъ скачетъ изъ Преображенскаго подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ Троицкаго монастыря (1689); стрѣльцы же составляютъ заговоръ на его жизнь наканунѣ поѣздки за границу, а потомъ, пользуясь его отсутствіемъ, поднимаютъ открытый бунтъ, грозившій ему сверженіемъ съ престола (1698).

И почти каждый разъ въ замыслахъ стрѣлецкихъ чувствуется рука и участіе духовенства: въ дѣлѣ Шакловитаго замѣшаннымъ оказался Сильвестръ Медвѣдевъ; въ бунтѣ 1698 г. стрѣлецкіе попы «служили молебны, несли передъ собою иконы и чаши святой воды, какъ будто отправляясь на дѣло угодное Богу. Низшее духовенство, особенно черное, втайнѣ сносилось съ стрѣльцами. Изъ монастырей разсылались подметныя возмутительныя письма. Не было такого заговора, котораго тайныя сокровенныя нити не сходились бы въ какомъ-нибудь

монастырѣ. Расчитывая на народное суевѣріе, поддѣлывали мнимо-чудотворные образа, распускали слухи о видѣніяхъ и чудесахъ, будто бы предрѣкавшихъ бѣдствія, и этимъ волновали народъ. Понятна послѣ этого недовѣрчивость Петра В. къ чудотворнымъ образамъ, мощамъ и пр., и его ожесточеніе противъ суевѣрій» (Самаринъ). Монахи стали кричать про Петра, что онъ «антихристъ», «жидовинъ изъ колѣна Данова», приписывали ему всѣ несчастія, и непріязненное чувство къ нимъ окрѣпло у Петра еще болѣе. Вообще возстанія и заговоры противъ него носили характеръ религіозный; заговорщики постоянно указывали, что они дѣйствуютъ во имя интересовъ церкви, и Петръ постепенно привыкъ видѣть въ церкви не помощницу, не сотрудницу, а силу враждебную для него и опасную для государства.

Послѣ этого Петру не оставалось ничего иного, какъ обезвредить такого врага и поставить его въ условія, которыя превратили бы его въ покорное орудіе его государевой воли и предначертаній. И онъ принялся за дѣло съ той энергіей и рѣшимостью, какія были ему присущи.

5. **Мѣры Петра (1700—1721).** 16 октября 1700 г. умеръ патр. Адріанъ. Преемника ему Петръ не назначилъ, а, не уничтожая пока самаго сана, поставилъ (1700, 16 декабря), рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго «экзархомъ, администраторомъ и намѣстникомъ патріаршаго престола». Всего полгода назадъ скромный настоятель одного изъ кіевскихъ монастырей, случайно попавшій въ Москву и выдвинувшійся, благодаря талантливой рѣчи на похоронахъ боярина Шеина, Яворскій, въ глазахъ московскаго духовенства, былъ выскочкой, человѣкомъ чужимъ, къ тому же сомнительнаго православія: учебные годы онъ провелъ въ польской іезуитской школѣ, принялъ тамъ латинскую вѣру и, лишь вернувшись въ Малороссію, снова сталъ православнымъ. Довѣріемъ въ духовномъ мірѣ Яворскій поэтому не пользовался, зато съ тѣмъ бо̀льшимъ довѣріемъ отнесся къ нему царь: онъ могъ расчитывать на него, какъ на покорнаго исполнителя его предписаній.

Назначеніе Яворскаго служило первымъ шагомъ къ отмѣнѣ патріаршества. Уже теперь перемѣна шла далѣе одного простого названія: дѣла наиболѣе важныя митрополитъ долженъ былъ обсуждать совмѣстно съ другими епископами, съ т. наз. освященнымъ соборомъ — это былъ прообразъ будущаго Синода; у него отнятъ былъ судъ и оставлены исключительно духовныя дѣла (расколъ; ереси).

Мѣсяцъ спустя, 24 января 1701 г., послѣдовала новая, столь же рѣшительная мѣра: возстановленъ прежній Монастырскій приказъ (онъ существовалъ съ 1649 по 1677 г.), и во главѣ его

поставлено свѣтское лицо, бояринъ Мусинъ-Пушкинъ. Всѣ церковныя имущества: вотчины съ населеніемъ въ 118000 крестьянскихъ дворовъ, оброчныя статьи, церковные вклады, управленіе ими и доходы съ нихъ — все, чѣмъ до сихъ поръ безконтрольно распоряжался патріархъ, было передано названному приказу; духовенству же опредѣлены оклады, притомъ очень скромные. Скоро началось и прямое отчужденіе церковныхъ земель, въ видѣ продажи или пожалованія отдѣльнымъ лицамъ.

6. **Монашество.** Рядъ суровыхъ мѣръ былъ принятъ въ отношеніи монашествующихъ. Совершенно уничтожить монашество Петръ не могъ и терпѣлъ его нехотя, ограничивая и тѣсня, какъ только могъ. Убѣдившись, что подметныя письма возмутительнаго содержанія распространялись главнымъ образомъ изъ монастырей, онъ запретилъ держать по кельямъ чернила и бумагу, назначивъ для нихъ мѣсто въ общей трапезѣ, чтобы ничего не писалось тайкомъ. Тогда же у монастырей отобраны были ихъ вотчины и угодья, и монахи посажены на опредѣленный окладъ: «не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія» — пояснялъ царь — «понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи, не токмо нищихъ не питаше отъ трудовъ своихъ, но сами чуждыя труды поядаша, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша, и вотчинъ же ради, свары, и смертныя убивства, и неправыя обиды многи твориша» (указъ 30 декабря 1701 г.).

Въ послѣдніе годы царствованія, въ связи съ учрежденіемъ Синода, мѣры касательно монашества приведены въ извѣстную систему и согласованность. Новые монастыри дозволялось строить только съ особаго разрѣшенія; малые — сводились вмѣстѣ; многіе упразднились сами собою по недостатку средствъ. Постриженіе дозволялось: мужчинамъ не раньше 30 лѣтъ, а женщинамъ не раньше 40, да и то послѣ трехлѣтняго предварительнаго испытанія. Переходъ изъ одного монастыря въ другой запрещенъ. Непостриженные выселены за предѣлы монастырскихъ стѣнъ. Запрещено жить скитами. Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ было затруднено, особенно для монахинь: монастырскія ворота держались на запорѣ; у воротъ стоялъ караулъ; мірянамъ дозволялось входить въ монастырь только во время богослуженія, въ другое же время — лишь съ особаго разрѣшенія игуменьи.

Видя въ монахахъ преимущественно тунеядцевъ (многіе своимъ поведеніемъ давали достаточно къ тому основаній),

Петръ старался занять ихъ полезными ремеслами, размѣщалъ по монастырямъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, заставлялъ воспитывать сиротъ. Одно время запретилъ было совсѣмъ постригать кого бы ни было. Вниманіемъ и заботою царя пользовался единственно одинъ Александровскій монастырь, основанный имъ самимъ въ Петербургѣ, но и это по соображеніямъ политическимъ: перенесенныя сюда мощи Александра Невскаго должны были дать освященіе новой столицѣ и оправдать ея возникновеніе на болотистыхъ берегахъ р. Невы, на отдаленной окраинѣ государства.

7. **Роль Сената.** Окончательное рѣшеніе совсѣмъ отмѣнить патріаршество сложилось у Петра, вѣроятно, подъ вліяніемъ дѣла несчастнаго царевича Алексѣя, гдѣ замѣшано было много духовныхъ лицъ (1718); но и раньше еще вліятельная роль свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ стала обозначаться вполнѣ опредѣленно. Съ учрежденіемъ Сената (1711), послѣднему былъ переданъ верховный надзоръ и руководство церковью; отъ него стало зависѣть назначеніе архіереевъ, игуменовъ; Сенатъ принималъ мѣры противъ раскола, судилъ духовныхъ лицъ. Участіе блюстителя патріаршаго престола въ этихъ дѣлахъ не исключалось; но насколько въ дѣйствительности ничтожно было вліяніе Яворскаго, можно судить по тому, что однажды сенаторы не постѣснились, не взирая ни на санъ, ни на положеніе, выгнать его изъ залы засѣданій. Хотя Сенатъ дѣйствовалъ обыкновенно именемъ государя, но въ дѣйствительности положеніе церкви и ея служителей зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія простыхъ свѣтскихъ лицъ.

Вскорѣ Стефанъ Яворскій совсѣмъ отошелъ на задній планъ: его заслонилъ новый любимецъ Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, обратившій на себя вниманіе государя хвалебной рѣчью, которою онъ привѣтствовалъ царя въ проѣздъ его черезъ Кіевъ послѣ Полтавской побѣды. Человѣкъ умный и талантливый, съ большимъ образованіемъ, ловкій и дальновидный; съ покладистой совѣстью и не особенно разборчивый въ средствахъ, когда надо было расчистить себѣ дорогу, Ѳеофанъ скоро былъ возведенъ въ санъ псковскаго архіепископа и, по порученію царя, изготовилъ Духовный Регламентъ, въ силу котораго патріаршество совсѣмъ отмѣнялось, а взамѣнъ его учреждался Святѣйшій Правительствующій Синодъ (1721, 25 января).

8. **Синодъ.** Синодъ былъ коллегіальнымъ учрежденіемъ — первоначально онъ такъ и назывался: Духовная коллегія; въ составъ его входили представители всѣхъ классовъ духовенства: архіереи, настоятели монастырей, протопопы отъ епархій, всего девять человѣкъ: 1 президентъ, 1 вицепрези-

дентъ, 3 совѣтника и 4 ассессора, совсѣмъ какъ въ коллегіяхъ, вѣдавшихъ свѣтскія дѣла. Такимъ образомъ по самому построенію своему (по внѣшнему облику) Синодъ напоминалъ чисто мірское учрежденіе, — особенность, еще сильнѣе подчеркнутая учрежденіемъ при Синодѣ должности оберъ-прокурора (1722, 11 мая), который, подобно оберъ-прокурору сенатскому, пользовался тоже правомъ останавливать незаконныя рѣшенія и доносить о нихъ государю.

Мірскимъ учрежденіемъ сталъ Синодъ не только по внѣшности, но и по существу. Учреждая Духовную коллегію, Петръ видѣлъ въ ней постоянный помѣстный соборъ, который замѣнитъ временные, сдѣлаетъ ихъ ненужными и упразднитъ совершенно. Между тѣмъ замѣнить прежніе соборы, созывавшіеся въ XVI или XVII вв., Духовной коллегіи было не подъ силу, такъ какъ соборнаго въ ней ничего не было. На соборахъ, канонически собранныхъ, принимаютъ участіе всѣ епископы; это ихъ право по сану и въ то же время обязанность; ихъ никто не выбираетъ, — тогда какъ Синодъ состоялъ изъ небольшого числа лицъ разнаго состава, назначаемыхъ и смѣняемыхъ мірскою властью по своему усмотрѣнію, какъ и въ любомъ другомъ правительственномъ учрежденіи, наприм., въ Мануфактуръ- или въ Адмиралтействъ-коллегіи.

Несовершенства Русской церкви, какими засталъ ихъ Петръ, бросались сами въ глаза: духовенство въ большей своей части отличалось невѣжествомъ и примѣромъ добраго поведенія своей паствѣ служить не могло. Обрядъ зачастую смѣшивался съ догматомъ; даже самъ патріархъ въ бритьѣ бороды видѣлъ искаженіе образа Божія. Достаточно было бѣгло читать, чтобы стать священникомъ; а если кто умѣлъ еще и писать, то отъ того уже и не требовали ничего бо́льшаго. Священники нерѣдко давали молитву «въ шапку», для доставленія на домъ тѣмъ, кто почему либо не могъ или не хотѣлъ быть самъ въ церкви; они участвовали въ кулачныхъ бояхъ, шлялись по кабакамъ и, напившись, шумѣли не только на улицѣ, но и въ церкви. Бывали случаи, когда пьяные священники били своихъ духовныхъ отцовъ, давали ложныя показанія. Духовенство дралось въ церкви во время богослуженія; даже въ придворномъ Архангельскомъ соборѣ дьяконы кидали воскомъ въ священниковъ, мало стѣсняясь присутствіемъ царской фамиліи. Монастыри служили пріютомъ для всякаго сброда; не послушаніе и не воздержаніе царили тамъ, а пьянство, полное безначаліе и отвратительный разгулъ. Жажда наживы освобождала отъ всякихъ правилъ и уставовъ; иные не гнушались даже воровствомъ, принимали участіе въ разбояхъ; вѣнчали безъ «памятей», брали взятки. Дисциплина отсутствовала: монахи не слушались своихъ настоятелей, священники — своихъ

протопоповъ. Церковное достоянiе растрачивалось безъ пользы для церкви; оно или уплывало отъ безпорядочнаго управленiя, или шло на многочисленную родню монастырскихъ начальниковъ, на роскошный столъ, напитки и парадные выѣзды настоятелей.

Въ то же время сама церковь, какъ учрежденiе, подвергалась ожесточеннымъ нападкамъ и оскорбленiямъ: раскольники сѣяли въ народѣ смуту, съ презрѣнiемъ отзывались объ иконахъ новаго письма; православныхъ священниковъ, принявшихъ реформу патр. Никона, называли «предтечами антихриста», отрицали дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ на просфорахъ не стариннаго образца, и громко кричали, что «Никоновская» церковь служитъ не Богу, а дьяволу.

Такимъ образомъ смута и неурядица въ Русской церкви были громадныя, и понятно желанiе Петра положить имъ конецъ. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ области религiи нельзя дѣйствовать приказанiемъ, что область вѣры имѣетъ свои границы, перешагнуть которыя не дано никакой власти. Желая поднять церковь изъ состоянiя того упадка, въ какомъ она находилась, онъ ронялъ ее еще болѣе. На положенiи полновластнаго хозяина, Петръ требовалъ отъ членовъ Синода, при ихъ назначенiи, торжественной клятвы признавать его, государя, за «крайняго судiю», т. е. за главу церкви; предавалъ анаѳемѣ (церковному проклятiю) неугодныхъ ему лицъ; требовалъ отъ священниковъ, чтобы они доносили Тайной канцелярiи и Преображенскому приказу, если что узнаютъ на духу у исповѣдывающихся о дѣянiяхъ противныхъ государственному порядку, другими словами, заставлялъ ихъ нарушать законъ, установленный самою церковью, которая предписываетъ духовнику строго хранить тайну, довѣренную ему на исповѣди, и никому о ней не сообщать.

Такимъ образомъ прежняго «пастыря» Петръ превращалъ въ органъ полицейской власти. Епископы, при объѣздѣ епархiй, должны были шпiонить, тайно выпытывать у причетниковъ и пономарей о жизни священниковъ и дьяконовъ, и доносить о томъ Духовной коллегiи; выспрашивать о поведенiи монастырскомъ у священниковъ и мiрянъ. По правиламъ православной церкви епископы подлежали единственно одному суду соборному; но Регламентъ, пренебрегая этимъ, дѣлалъ ихъ подсудными Синоду.

Въ конечномъ выводѣ: Синодъ полновластно распоряжался судьбою духовенства, а самъ былъ послушнымъ орудiемъ въ рукахъ мiрской власти.

Петръ В. достигъ своей цѣли: Духовная коллегiя стала органомъ правительства, а члены Синода превратились въ чиновниковъ; но самъ Синодъ уже не пользовался тѣмъ обаянiемъ, ка-

кое еще окружало прежнихъ патріарховъ; его рѣшенія не имѣли авторитета, лишены были той нравственной силы, которая есть удѣлъ независимаго, свободно выраженнаго мнѣнія. Прежніе патріархи имѣли еще возможность взывать къ голосу совѣсти, могли убѣждать — теперь голосъ Синода звучалъ приказаніемъ, имѣлъ силу одного внѣшняго воздѣйствія; и если вліяніе Русской церкви на общественную жизнь было сильно подорвано религіозными распрями еще раньше, въ XVII в., то теперь, своими мѣрами, Петръ окончательно добилъ и парализовалъ его.

9. **Кощунственныя потѣхи Петра В.** Сравнивая время царя Алексѣя Мих. съ временемъ Петра В., видимъ, что и тогда и теперь голосъ русскаго самодержца одинаково властно раздавался въ дѣлахъ Русской церкви; но въ XVII ст. царь и церковь жили согласною жизнью, шли по одному пути, взаимно уважая и поддерживая другъ друга; если когда и возникалъ между ними раздоръ, то какъ явленіе временное, не нарушавшее взаимнаго сознанія пользы и необходимости совмѣстной работы, — теперь же взаимное довѣріе, это первое условіе совмѣстной плодотворной работы, отсутствовало совершенно. Петръ видѣлъ въ церкви враждебную силу и принималъ всѣ мѣры, чтобы обезвредить ее; но пріемы, къ которымъ онъ прибѣгалъ, носили зачастую характеръ прямого оскорбленія, и для многихъ сдѣлали ненавистною самую реформу.

Общеніе съ иновѣрцами Нѣмецкой слободы, дружба съ кальвинистомъ Лефортомъ, яростныя нападки на церковь, раздававшіяся въ русской средѣ, сказались на Петрѣ еще въ раннiе годы легкомысленнымъ глумленіемъ надъ тѣмъ, что особенно было дорого и свято для каждаго вѣрующаго русскаго человѣка — надъ обрядами православной церкви. Глумленіе это временами доходило до прямого кощунства.

Начало кощунственнымъ потѣхамъ положено было учрежденіемъ «Всепьянѣйшей компаніи», или «Всешутѣйшаго собора». Во главѣ Компаніи стоялъ потѣшный патріархъ; его сотоварищи носили званіе митрополитовъ, архіереевъ, дьяконовъ; Петръ тоже возведенъ былъ въ «санъ» дьякона. Придумано было и соотвѣтствующее одѣяніе: патріархъ носилъ на головѣ жестяную митру съ изображеніемъ Бахуса верхомъ на бочкѣ; его платье было обшито игральными картами; глиняная фляга съ колокольчиками изображала панагію, а евангеліемъ служилъ ящикъ въ формѣ книги, внутри которой умѣщалось нѣсколько склянокъ съ водкою. Пародія на патріарха не ограничивалась однимъ этимъ. Въ Вербное воскресенье въ потѣшномъ городѣ Пресбургѣ послѣ обѣда отправлялась церемонія «шествія на осляти». Патріарха садили на верблюда и вели въ садъ,

что̀ разбитъ былъ у рѣки Москвы, къ погребу, гдѣ хранились фряжскія вина. Слѣдовало обильное возліяніе, и только окончивъ попойку, разъѣзжались по домамъ. Поставленіе въ патріаршій и архіерейскій санъ совершалось въ томъ же Пресбургѣ въ формѣ крайняго глумленія и неприличія.

Такъ велъ себя Петръ въ молодые годы, едва выйдя изъ юношескаго возраста; такимъ же остался онъ и въ зрѣлую пору жизни. На потѣшной свадьбѣ шута Шанскаго бывшій учитель Петра, Зотовъ, носившій тогда званіе потѣшнаго патріарха, участвуетъ въ свадебномъ поѣздѣ, одѣтый въ костюмъ патріарха (1702).

Позже царь женилъ самого Зотова, въ возрастѣ 70 лѣтъ, и торжественно справлялъ его свадьбу. «Молодыхъ» вѣнчалъ 90-лѣтній старецъ-священникъ; свадебная процессія ѣхала въ шутовскихъ нарядахъ, подъ дикій грохотъ мѣдныхъ тарелокъ, свистковъ и трещотокъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, на потѣху толпы, которую царь приказалъ поить пивомъ и виномъ и которая привѣтствовала новобрачныхъ пьяными криками: «патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!» (1715).

Еще бо̀льшимъ глумленіемъ явились выборы, послѣ смерти Зотова, преемника ему (Бутурлина): это была сплошная пародія на церковный чинъ избранія патріарха: Бахусъ, несомый монахами, напоминалъ образъ, предшествуемый патріарху на выходѣ; рѣчь князя-кесаря напоминала рѣчь, которую московскіе цари обыкновенно произносили при избраніи патріарховъ; возгласы, своей формою, ясно показывали, на что они намекаютъ[1]), и т. п. (1718).

«Въ этихъ святотатственныхъ оргіяхъ выражается недальновидная односторонность Петра. Онъ думалъ, что можно безнаказанно отрывать отъ церкви ея внѣшнюю сторону и выставлять ее на позоръ и поруганіе, не подрывая нисколько религіознаго начала, которое онъ самъ признавалъ за основу всякаго благоденствія. Опытъ показалъ противное. Народное чувство не мирилось съ реформою, оскорблявшею православіе» (Самаринъ).

Сатира Петра была о двухъ концахъ; онъ допустилъ ту же ошибку, какъ позже Вольтеръ. Послѣдній, бичуя пороки церковныхъ людей, наряду съ законнымъ и благороднымъ негодованіемъ противъ существующаго зла, въ которомъ повинны были лишь одни люди, внесъ большую дозу тлетворнаго яда, причинивъ самъ много зла ни въ чемъ неповинной церкви, пріучивъ легкомысленно относиться къ ней, воспитывая въ не-

[1]) „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобой“ — намекъ на слова: „Благодать Св. Духа да будетъ съ тобою“.

уваженіи къ самой идеѣ религіи. Точно также и Петръ, глумясь надъ патріаршимъ саномъ, не замѣчалъ, какой непоправимый ударъ наноситъ онъ Русской церкви, какъ оскорбляетъ самую религію своего народа и какія затрудненія создаетъ своей собственной дѣятельности.

XI. Дѣло Петра Великаго.

1. Что предстояло сдѣлать.

а) Тяжелыя, упорныя войны съ Польшей и Швеціей въ XVII в; неудачныя попытки пробиться къ Балтійскому морю; неполнота успѣховъ, достигнутыхъ въ борьбѣ съ поляками; полная необезпеченность южной границы отъ крымскихъ татаръ, осложненная новою бѣдою — непосредственнымъ столкновеніемъ съ турками (Чигиринскіе походы), явившимся какъ слѣдствіе неудачнаго рѣшенія Малороссійскаго вопроса, — давно уже указывали на необходимость военной реформы. Сѣверная война окончательно уяснила, что Россія не можетъ существовать безъ постоянной регулярной арміи, устроенной по западно-европейскому образцу.

б) Финансовыя затрудненія; Денежный бунтъ 1662 г.; налоги, ложившіеся тяжелымъ бременемъ на населеніе; постоянные недоборы, свидѣтельствовавшіе объ истощеніи платежныхъ силъ населенія и о его обнищаніи; непригодность системы подворнаго обложенія, смѣнившаго прежнюю посошную подать — указывали на необходимость искать новыхъ способовъ обложенія и особенно озаботиться о поднятіи экономическаго благосостоянія страны. Такимъ образомъ еще въ XVII ст. жизнь предрѣшила подушную подать и усиленное заведеніе фабрикъ и заводовъ, къ чему Петръ В. прилагалъ столько заботы и старанія.

в) Нестроенія внутренней жизни; бунты и народныя возстанія; разбои; притѣсненія, какимъ подвергался народъ со стороны приказнаго, чиновничьяго люда; медленность въ веденіи дѣлъ — указывали на недостатки управленія.

г) Движеніе, вызванное реформою патр. Никона, свидѣтельствовало о болѣзненномъ состояніи Русской церкви, о недостаткахъ просвѣщенія — и призывъ ученыхъ людей изъ Кіева, исправленіе богослужебныхъ книгъ, культурныя заимствованія съ Запада, въ свою очередь, свидѣтельствовали, что русское общество еще въ XVII ст. почувствовало необходимость духовнаго оздоровленія.

Такимъ образомъ дѣло, которое исполнилъ Петръ, не было создано имъ; программу онъ получилъ уже готовою; самые пути ея исполненія были тоже указаны предшествующимъ поколѣ-

ніемъ; но люди XVII в. еще не прониклись сознаніемъ, что реформа настоятельно необходима, что откладывать ее невозможно; да и самую программу они скорѣе только чувствовали, чѣмъ ясно сознавали; притомъ никто до Петра не думалъ проводить ее съ тою энергіей, съ какою взялся за это дѣло Царь-Преобразователь. Люди еще стояли на распутьѣ, въ нерѣшительности; большинство еще сомнѣвалось: дѣйствительно ли нужна реформа, и если да, то какимъ способомъ разрѣшить ее. Но явился Петръ и взмахомъ меча разрубилъ Гордіевъ узелъ.

2. **Необходимость и неотложность реформы.** Еще въ XVI ст., т. е. съ той поры, какъ для Россіи и для Зап. Европы, одновременно, кончились Средніе Вѣка отчужденія и началась пора взаимнаго общенія, Россія, волей-неволей, стала втягиваться въ круговоротъ международной жизни. Она не могла допустить, чтобы Зап. Европа эксплуатировала ея природныя богатства, устанавливала по произволу цѣны на товары; чтобы ближайшіе сосѣди окончательно оттерли ее отъ моря и держали въ политической зависимости милліоны ея единоплеменниковъ. Грозный, Борисъ Годуновъ, первые Романовы старались поднять Россію на надлежащую высоту; но недочеты оставались большими, и все яснѣе становилось, что, если Россія не хочетъ, на будущее время, остаться въ подчиненіи, превратиться въ азіатскую державу, то ей во что бы то ни стало необходимо пробить дорогу къ свободному общенію съ болѣе ея культурнымъ Западомъ. Горькій опытъ XVI и XVII ст. долженъ былъ особенно укрѣпить въ такомъ убѣжденіи. Оттиснутая отъ Балтійскаго моря, Россія не въ состояніи была бы впослѣдствіи, при имп. Елизаветѣ, задержать опасные для нея успѣхи Фридриха II, а при Екатеринѣ II привести къ благополучному окончанію Черноморскій вопросъ.

3. **Знаніе. Его свѣтскій характеръ.** Основной недочетъ былъ въ знаніи, — но въ какомъ? До сихъ поръ оно сводилось главнымъ образомъ къ начитанности въ церковныхъ книгахъ, къ усвоенію богословскихъ тонкостей; школа XVII в. держала ученика въ области религіозныхъ вопросовъ, поучая его обязанностямъ къ Богу; но, чтобы создать хорошее войско, научить пользоваться богатствами, сокрытыми въ нѣдрахъ земныхъ; чтобы поднять экономическое благосостояніе населенія, создать хорошее управленіе, уяснить пути, какими практичнѣе и вѣрнѣе достигнуть всего этого — необходимо было знаніе иного рода: прежде всего слѣдовало запастись техническими свѣдѣніями, болѣе близкимъ знакомствомъ съ природою и ея законами; не забывая объ обязанностяхъ къ Богу, слѣдовало также выяснить свои обязанности къ обществу, къ государству

(юридическія знанія; Пуффендорфъ; «Правда воли монаршей»). Потребность въ такомъ новомъ знаніи Россія смутно сознавала еще въ XVII ст., но она боялась признаться себѣ въ томъ открыто; косность духа, неповоротливость ума, привычка держаться старины пугали ее, и, не рѣшаясь сама на рѣшительный шагъ, она робко ждала появленія смѣльчака, который бы громогласно, на всю Русь, призналъ необходимость новаго знанія и неизбѣжныхъ съ нимъ перемѣнъ. Такой смѣльчакъ и явился въ лицѣ Петра В.

Такимъ образомъ знаніе, внесенное Петромъ, можно опредѣлить, какъ свѣтское, въ отличіе отъ прежняго, духовнаго. Это свѣтское знаніе и было тѣмъ «окномъ въ Европу», которое прорубилъ русскій царь. «Окно» раздвинуло прежніе горизонты, дало русскимъ людямъ возможность почувствовать себя частью Европы, гражданами всего міра и принять активное участіе въ общей духовной жизни народовъ.

4. **Идея личности.** Родовой бытъ, опредѣлявшій общественныя отношенія въ древней Руси; не-юридическій складъ мышленія — одна изъ характерныхъ особенностей русскаго человѣка (и вообще славянина). Наклонность «жить по старинѣ», «какъ Богъ на душу положитъ»; привычка руководиться болѣе обычаемъ и традиціей, чѣмъ точными юридическими постановленіями (законами); и кромѣ того иноземное иго татарское съ его безправіемъ и произволомъ — все это было причиною того, что въ до-Петровскій періодъ русской исторіи начало личности въ жизни совсѣмъ не проявлялось, и самая личность какъ бы вовсе не существовала. Были люди, но не было человѣка; были отдѣльныя группы, но каждая группа мыслилась чѣмъ-то въ родѣ монолита, а не тѣмъ составнымъ цѣлымъ, какимъ была она въ дѣйствительности. Личность еще не доросла до самосознанія, и мѣриломъ своихъ дѣйствій, правъ и обязанностей служило ей не собственное Я, не собственный разумъ и воля, а та среда (родъ, община, государство), въ которой она жила и дѣйствовала, затерянная и несознанная.

Русская личность стала выдѣляться изъ общей массы лишь съ Петра Великаго; лишь при немъ она была поставлена въ надлежащія условія для своего развитія и самоопредѣленія. Призывая всѣхъ на общую службу, выдвигая на верхъ людей, исключительно по ихъ личнымъ заслугамъ, Петръ нанесъ рѣшительный ударъ мѣстничеству и чрезъ это освободилъ личность изъ духовнаго плѣна, въ какомъ она находилась. Введеніе подушной подати создавало отдѣльную, самостоятельную душу, отдѣльнаго, самостоятельнаго человѣка. «Петръ призналъ права личности, предписывая, чтобы браки совершались съ согласія дѣтей, безъ произвола ро-

дителей; право личности было признано и въ крѣпостномъ, ибо помѣщикъ долженъ былъ присягать, что не принуждаетъ своихъ крестьянъ къ невольному браку. Наконецъ, получила признаніе личность женщины, вслѣдствіе освобожденія ея изъ терема» (Соловьевъ).

Послѣдствія этого были громадны. Хоръ, составленный изъ многихъ голосовъ, можетъ пѣть очень согласно; но каждый отдѣльный голосъ затеривается въ хорѣ, теряетъ тамъ свой обликъ, и только солисту дано проявить свои индивидуальныя силы и особенности, внести свое въ музыку. Реформы Петра дали возможность зарождаться такимъ солистамъ, вносить свое новое въ музыку народной жизни, обогащать и разнообразить ея содержаніе. Уже ближайшее поколѣніе дало Россіи величайшаго, послѣ Петра, человѣка XVIII в. — Ломоносова. Первый русскій ученый, онъ создалъ новый русскій языкъ, указалъ народной мысли, для своего выраженія, новыя литературныя формы, болѣе простыя и гибкія, а потому и болѣе сильныя, выразительныя, и тѣмъ подготовилъ появленіе въ слѣдующемъ, XIX, вѣкѣ другой гордости и славы Русской земли — великаго Пушкина.

5. **Идея государства.** При Петрѣ В. служба государю впервые была отдѣлена отъ службы государству, впервые была поставлена грань между интересами государя-человѣка и государства-коллективной единицы. Въ эпоху московскихъ «князей-собирателей» государства, какъ мы знаемъ, еще не было: существовала большая вотчина, которая, на положеніи частной собственности, принадлежала князьямъ и, какъ таковая, передавалась по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, причемъ каждый членъ семьи имѣлъ свою долю въ общемъ владѣніи. Идея вотчины не заглохла и позже: народившееся въ XVI в. новое государство еще не въ силахъ подавить ее, и царь Грозный, даже онъ, еще считаетъ необходимымъ надѣлить особымъ удѣломъ (Угличемъ) младшаго сына Димитрія. Надо было прекратиться династіи Рюриковичей, пережить Смутные годы, чтобы вотчина, дробимая на части и раздаваемая по рукамъ, окончательно исчезла въ области государственной жизни. Однако собственностью, хотя бы и не частною, а государственною, Русская земля не перестала быть при новой династіи, въ XVII в. И царь Алексѣй, и Ѳедоръ Алексѣевичъ, самодержавные правители Земли, въ то же время и ея полновластные хозяева. Этотъ взглядъ потерпѣлъ коренное измѣненіе лишь съ Петра В.

Ни на пядь не поступаясь своею властью, зачастую даже проявляя ее въ формахъ самаго крайняго деспотизма, Петръ впервые, всѣмъ характеромъ и всей совокупностью своихъ дѣйствій, ярко подчеркнулъ мысль, что онъ не владѣетъ, а пра-

витъ государствомъ на его благо. Право управлять Россіею вручено ему Богомъ и потому неоспоримо, и онъ, Петръ, сполна используетъ его, но всегда во имя интересовъ государства, хотя бы они шли вразрѣзъ съ его личными интересами. Не государь, а государство есть высшая цѣль нашихъ дѣйствій, благо не отдѣльнаго человѣка, а общества. Во имя этого блага должны служить всѣ: и дворяне, и горожане, и крестьяне — всѣ классы и сословія, безъ исключенія. Царь первый подаетъ тому примѣръ: на поляхъ Полтавскихъ онъ напомнитъ, что «жизнь ему не дорога, жила бы Россія въ блаженствѣ и славѣ»; позже онъ не отступится даже передъ тѣмъ, чтобы принести въ жертву государству родного сына, лишь только убѣдится, что дальнѣйшее существованіе его будетъ во вредъ Россіи — въ этомъ онъ видѣлъ свой гражданскій долгъ государя. Высокою идеею — служеніемъ государству — оправдывались громадныя жертвы, къ какимъ призывалъ царь свой народъ; суровыя мѣры, передъ которыми онъ не останавливался въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей.

Высокая идея далеко не всѣмъ была по плечу; многіе открыто противодѣйствовали ей, какъ и вообще многимъ начинаніямъ Петра: «какъ монархъ на гору аще самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліонъ тянетъ; то какъ дѣло его споро будетъ?» (Посошковъ). Даже среди ближайшихъ сотрудниковъ царя мало кто усвоилъ и раздѣлялъ его мысль, что передъ интересами государства должны отступить личныя соображенія и выгоды; послѣ же смерти Петра старый взглядъ, притомъ въ наихудшемъ его выраженіи, сталъ снова брать верхъ; однако самая идея не заглохла и принесла свои плоды: русская мысль, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей XVIII и XIX в., постоянно работала въ направленіи, которое было указано великимъ императоромъ.

6. **Правительственная регламентація.** На реформу Петра сильный отпечатокъ наложила эпоха, въ которую жилъ Царь-Преобразователь: господствовавшіе въ ту пору взгляды на государственную власть, на отношенія между подданными и государемъ. Согласно этимъ понятіямъ, государь былъ все: въ его рукахъ сосредоточивалась вся полнота власти, отъ его воли и усмотрѣнія зависѣла жизнь и судьба его подданныхъ. Такія понятія были тогда всеобщими. Вѣкъ Петра Великаго былъ также вѣкомъ Людовика XIV, Великаго Курфирста бранденбургскаго, Карла XI шведскаго, испанскихъ Карловъ и Филипповъ, и если въ Россіи абсолютная власть, сильная уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вылилась при его младшемъ сынѣ въ особенно яркія и выпуклыя формы, граничившія подчасъ съ деспотизмомъ, то и въ Зап. Европѣ повсюду, за исключеніемъ развѣ Англіи, Голландіи и Польши, вы-

ростала и крѣпла абсолютная монархія. Опираясь на сочувствіе широкихъ слоевъ общества и находя себѣ поддержку въ наиболѣе авторитетныхъ его представителяхъ, — въ духовенствѣ и въ ученыхъ юристахъ — государи Зап. Европы тоже предъявляли права на безконтрольное распоряженіе судьбою подвластныхъ имъ народовъ и отводили населенію лишь скромное мѣсто простыхъ исполнителей ихъ самодержавной воли.

«Государство — это я», сказалъ Людовикъ XIV, и Боссюэтъ, знаменитый проповѣдникъ при его дворѣ (1627—1704), вторилъ королю, заявляя, что королевская власть неограничена въ силу божественнаго своего происхожденія; что «государь есть намѣстникъ Бога на землѣ, Его подобіе», что «все государство содержится въ немъ» и «въ его волѣ отпечатлѣна воля народа». Еще раньше Боссюэта голландскій юристъ и философъ Гуго Гроцій (1583—1645) доказывалъ: верховная власть не подлежитъ контролю; она выше закона; у подданныхъ нѣтъ права на свободу: ихъ различіе отъ рабовъ состоитъ лишь въ томъ, что тѣ подчинены частному лицу, эти же — государю и его волѣ; судить о томъ, что хорошо, что дурно для подданныхъ — исключительное право государя. Подобныя же мысли высказывалъ и Пуффендорфъ, нѣмецкій юристъ (1631—1694): по его ученію, государь безотвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоитъ выше человѣческихъ законовъ и не подчиненъ никакой другой власти; ему принадлежитъ безраздѣльное право руководить духовною жизнію людей, бороться съ отступниками отъ истинной вѣры и заботиться о ея чистотѣ.

Сознаніемъ своего божественнаго права повелѣвать и быть безотвѣтственнымъ вождемъ своего народа проникнуты и всѣ распоряженія Петра. «Его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять» (Уставъ воинскій 1716 г.). Хотя по власти отецъ Петра или старшій братъ его Ѳедоръ были такими же абсолютными, неограниченными государями, но самая идея власти не была ими сознана въ такой степени, какъ Петромъ. Не даромъ Петръ цѣнилъ сочиненія Пуффендорфа, называлъ его «славнымъ историкомъ» и озаботился переводомъ его книгъ на русскій языкъ[1]): Пуффендорфъ давалъ разумное оправданіе его власти, служилъ для нея убѣдительною точкой опоры. И, подобно тому, какъ Людовикъ XIV имѣлъ въ окружавшей средѣ истолкователей и защитниковъ абсолютизма, такъ и у Петра нашелся свой

[1]) „Введеніе въ гісторію европейскую“. Два изданія, 1718 и 1724 гг. Другое сочиненіе Пуффендорфа „De officiis hominis et civis“, тоже переведенное, было издано уже по смерти Петра.

Боссюэтъ въ лицѣ талантливаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа псковскаго («Правда воли монаршей»).

Полный вѣры въ свое право, Петръ властно ведетъ Россію по пути, который онъ избралъ, считая его наиболѣе пригоднымъ, не спрашивая ничьего согласія, не допуская противорѣчій: это его право. Государь — это отецъ, неусыпно пекущійся о своихъ дѣтяхъ; менторъ, наставляющій своихъ учениковъ уму-разуму; командиръ, требующій безусловнаго себѣ повиновенія; полицейскій, слѣдящій за порядкомъ; судья, рѣшающій, кто правъ, кто виноватъ. «Я вамъ отъ Бога приставникъ», говорилъ Петръ про себя. Жизнь подданныхъ должна протекать согласно предписаніямъ свыше. Ихъ отношенія къ государству, къ обществу, даже къ Богу, личные вкусы и желанія, малѣйшій шагъ ихъ — все подлежитъ строгой регламентаціи. Государство такого типа носитъ въ наукѣ названіе полицейскаго (Polizeistaat); такимъ полицейскимъ государствомъ была Россія при Петрѣ В., и въ этомъ ея отличіе отъ Россіи Московскаго періода: раньше русскіе люди жили, руководясь обычаемъ, теперь мѣсто обычая заступилъ указъ: Петръ отнялъ у русскаго народа прежній посохъ, опираясь на который вѣками, старая Москва, хотя и медленно, все же подвигалась впередъ, и замѣнилъ его помочами, на которыхъ самъ повелъ ее теперь (Богословскій). Это водительство проходитъ красною нитью чрезъ всю дѣятельность Петра. Народъ, по его убѣжденію, тѣ же дѣти: ихъ надо принуждать; собственной пользы они не видятъ и поймутъ ее не раньше, какъ данная мѣра принесетъ свои видимые плоды.

И Петръ всю жизнь свою былъ учителемъ и командиромъ. Армія, флотъ, промышленность, торговля, высшее управленіе, школа, наука, внѣшній порядокъ и благочиніе — всего коснулась его энергичная рука. Вполнѣ въ духѣ полицейскаго государства, онъ вмѣшивался во все и, какъ настоящая нянька, руководилъ каждымъ шагомъ своихъ подданныхъ: предписывалъ въ домахъ печи ставить на фундаментѣ, а не прямо на полъ; дымовыя трубы воздвигать такой ширины, чтобы въ нихъ можно было пролѣзть человѣку; потолки дѣлать съ глиною, а не бревенчатые; не ѣздить на лошадяхъ, не взнуздавъ ихъ; надгробные памятники ставить безъ деревянныхъ будокъ. Онъ запрещалъ носить и продавать остроконечные ножи, снимать зимою шапки передъ дворцомъ; заборовъ при домахъ не дѣлать, а ставить тыны, чтобы ворамъ не свободно было перелѣзать; свѣчи передъ иконами ставить въ фонаряхъ, во избѣжаніе пожара. Регламентаціи подверглись: борода, платье, пиры, свадьбы, погребенія. На обѣды и вечера предписывалось приглашать не однихъ мужчинъ, но и женщинъ. Указъ объ устройствѣ ассамблей въ частныхъ домахъ опредѣлялъ не только, въ какое

время онѣ должны созываться, но и въ какомъ порядкѣ разсылаться приглашенія на нихъ, что долженъ дѣлать на ассамблеѣ хозяинъ, какъ вести себя гостямъ. Правительство брало на себя даже заботу о спасеніи души, предписывая подданнымъ посѣщеніе церквей, хожденіе къ исповѣди и причастію и строго карая за неисполненіе.

Такая регламентація и вмѣшательство государства въ частную жизнь не представляли для того времени ничего удивительнаго; этихъ понятій держались тогда повсюду въ Европѣ. Нѣмецкій философъ Вольфъ (1679—1754), принимавшій близкое участіе въ созданіи задуманной Петромъ Академіи Наукъ, проповѣдывалъ въ сущности то же самое, что на практикѣ старался насадить Петръ В.: заработная ли плата, цѣна ли товаровъ, архитектура зданій, развлеченія театральныя, школьное образованіе — все подлежитъ, утверждалъ онъ, вѣдѣнію государства; государство слѣдитъ за добрыми нравами гражданъ, за неукоснительнымъ посѣщеніемъ церкви, преслѣдуетъ атеистовъ и деистовъ — это не только его право, но и прямая обязанность.

7. **Какъ проведена была реформа.** На проведеніе ея значительное вліяніе оказала личность Преобразователя. Если регламентація народной жизни, доходившая до мелочей, была тяжела уже сама по себѣ, то еще тяжелѣе становилась она вслѣдствіе пріемовъ, какими сопровождалась. Энергія Петра, неостанавливавшаяся ни передъ чѣмъ, оправдывалась необходимостью и неотложностью реформы. «Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбѣжно» (Кавелинъ). Однако все же насиліе зачастую принимало самыя грубыя и отталкивающія формы, которыхъ и можно было, и слѣдовало избѣжать. Съ желѣзною волею, сильнымъ характеромъ и свѣтлымъ умомъ Петръ совмѣщалъ недостатки современнаго ему общества, — грубаго, жестокаго, невоспитаннаго. Пылкій, далеко не всегда осмотрительный, зачастую дѣйствовавшій необдуманно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, онъ бывалъ безчеловѣченъ и безъ нужды жестокъ, и потому не въ малой степени отвѣтственъ за то, что его работа, хотя и всецѣло направленная на одно только благо народное, вызывала упорное противодѣйствіе и навлекла на него столько проклятій. Изъ современниковъ далеко не всѣ умѣли, за этой ненужной жестокостью, разглядѣть горячую любовь царя къ Россіи и простить ему его зло за тотъ гигантскій, самоотверженный трудъ, какой онъ вложилъ въ свое дѣло, руководясь желаніемъ, одной мыслью — благомъ и пользою своей страны.

XII. Петръ В., какъ человѣкъ и государь.

1. Жажда знанія. Одною изъ особенностей ума и характера Петра В. была его ненасытная жажда знанія. Онъ все хочетъ схватить, все обнять. На свѣтѣ существуетъ не мало людей любознательныхъ, живо всѣмъ интересующихся, отзывчивыхъ; но рѣдко кто изъ нихъ, по тогдашнему выраженію, «въ версту» Петру. Масштабъ его желаній такой же гигантскій, какъ и ростъ его самого: безъ двухъ вершковъ сажень. Энциклопедизмъ царя прямо поразителенъ, и если въ иныхъ областяхъ знанія онъ остался простымъ диллетантомъ, зато другія онъ усвоилъ основательно и всесторонне.

До тонкости изучивъ технику военнаго дѣла, Петръ не хуже записного богослова толкуетъ посланія апостола Павла и можетъ приводить ихъ на память; не довольствуясь посланіями, онъ усвоилъ въ подробностяхъ Евангеліе и Дѣянія апостоловъ. Въ Кенигсбергѣ онъ съ успѣхомъ держитъ экзаменъ по курсу артиллеріи, а въ Польшѣ удивляетъ своими познаніями по географіи, рисованію и черченію. Спеціалистъ по постройкѣ кораблей, онъ и на полѣ брани, по отзыву военныхъ историковъ, оказался далеко не дюжиннымъ стратегомъ и полководцемъ.

Дѣло однако не въ томъ, всегда ли оказывался Петръ спеціалистомъ въ той области, гдѣ работалъ и искалъ отвѣта на запросы своего неспокойнаго, вѣчно тревожнаго ума, а въ томъ, что не было, кажется, области, куда не заглянулъ бы онъ, которую прошелъ бы мимо. Полководецъ и корабельный мастеръ, богословъ и артиллеристъ, онъ самостоятельно вырабатываетъ многія законодательныя мѣры по управленію, торговлѣ, промышленности; намѣчаетъ, какія книги изъ области правовѣдѣнія и общественныхъ наукъ перевести съ иностранныхъ языковъ на русскій; редактируетъ первую русскую газету, принимаетъ непосредственное участіе въ составленіи «Гисторіи Свейской войны»; знаетъ 14 ремеслъ и то прокатываетъ полосу желѣза, то вытачиваетъ деревянное паникадило, то вырѣзываетъ гравюру, то берется за топоръ. Онъ и обѣдню поетъ на клиросѣ, и зубы вырываетъ, съ увлеченіемъ сидитъ за приготовленіемъ фейерверковъ, слушаетъ лекціи по анатоміи.

Дѣло не въ томъ, основательно ли или поверхностно зналъ онъ каждое дѣло, за которое брался, а въ той отзывчивости душевной, въ томъ непотухающемъ огнѣ, который, продолжая горѣть 52 года въ его груди, даже и въ послѣднія минуты жизни, казалось, не хотѣлъ покинуть его. И если что увлекало, покоряло сердца, вызывало восхищеніе и преклоненіе передъ Петромъ, то именно этотъ священный огонь, эта благородная жажда знанія, которая такъ рѣзко выдѣляла царя изъ окружающей его среды.

2. Пытливость ума. «Духовной жаждою томимъ», Петръ однако не довольствовался тѣмъ, что всей грудью припалъ къ источнику живой воды и жадно вбиралъ въ себя его живительную влагу — онъ хотѣлъ допытаться, что это за источникъ? что это за вода? Онъ не только бралъ знаніе, но и хотѣлъ понять его, сдѣлать себѣ яснымъ. Ничего на вѣру, но все переработавъ или, по крайней мѣрѣ, ко всему отнесясь самостоятельно, продуманно. Этотъ духъ пытливаго ума, эта вѣчно работающая мысль кладетъ на личность Петра новый отпечатокъ замѣчательной жизненности, отъ нея вѣетъ поистинѣ чѣмъ-то бодрымъ, свѣжимъ и заразительнымъ.

3. Неустанный труженикъ. Подобный энциклопедизмъ и умственная пытливость немыслимы безъ извѣстной затраты труда. Вотъ почему чрезъ всю жизнь Петра красной нитью проходитъ трудъ, — упорный, постоянный, не знавшій ни устали, ни расчета, — трудъ до самозабвенія, до излишества, ставшій въ нѣкоторомъ родѣ основой всего его духовнаго существованія. Петръ работалъ, что называется, не покладая рукъ, всю жизнь. «Сынишка твой въ работѣ пребывающій», — такъ назоветъ онъ себя въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ писемъ, — въ письмѣ къ матери съ Переяславскаго озера, гдѣ у него кипитъ работа надъ постройкою кораблей (1689), — и эта фраза, точно камертонъ, разъ навсегда опредѣлитъ ту ноту, которая будетъ звучать на всемъ пространствѣ его жизненнаго поприща, господствуя и заглушая всѣ остальныя. «На тронѣ вѣчный былъ работникъ» — картинно и мѣтко опредѣлилъ его великій Пушкинъ. Русскій царь съ гордостью показывалъ на свои грубыя мозолистыя руки: «видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству», говоритъ онъ Неплюеву. Записныя книжки Петра, испещренныя замѣтками; корректуры правленныхъ имъ изданій; наброски и планы, гдѣ въ первоначальной формѣ отражалась блеснувшая мысль; проекты уставовъ и законодательныхъ актовъ; его чертежи, схемы, выкладки — вообще та работа, которую мы, примѣнительно къ современнымъ терминамъ зовемъ работою въ комиссіяхъ, въ засѣданіяхъ или въ тиши кабинета, — все это длинной вереницею проходитъ въ жизни Петра и составляетъ ея содержаніе.

4. Работоспособность. Работоспособность Петра прямо небывалая; напряженіе умственной энергіи — одно изъ самыхъ рѣдкостныхъ. Поглощенный приготовленіями къ Прутскому походу, онъ въ одинъ день составилъ и написалъ 32 собственноручныхъ указа въ Сенатъ по разнообразнымъ предметамъ государственнаго управленія. Работая, онъ весь уходилъ въ свое дѣло. По словамъ современника, онъ въ одинъ часъ дѣ-

лалъ то, что другой не сдѣлалъ бы и въ четыре. Наше время не знаетъ ничего подобнаго, и ужъ если съ кѣмъ сравнивать Петра, то съ Наполеономъ I, который, по собственному свидѣтельству, работалъ и за обѣдомъ, и въ театрѣ, и даже ночью, пробуждаясь отъ сна, — короче говоря: всегда и повсюду.

5. Энергія. Это былъ человѣкъ громадной воли, необычной энергіи; его не могли сломить никакія препятствія — ни пораженіе подъ Нарвой, ни измѣнаМазепы, ни открытый бунтъ въ Астрахани или на Дону. Казалось, неудачи или затрудненія лишь придавали ему новыя силы. Петра не смутили ни глухая борьба, какую вели съ нимъ «бородачи», ни проклятія, сыпавшіяся со стороны противниковъ реформы, ни заговоры на жизнь. Петръ никогда не падалъ духомъ, и вырвать у него вѣру въ правоту своего дѣла не могли ни казакъ Булавинъ, ни изувѣръ Левинъ съ его изступленнымъ выкрикомъ: «антихристъ, антихристъ сидитъ на престолѣ!», ни даже тяжелая драма, какую ему пришлось пережить, найдя въ родномъ сынѣ противоборника и врага самымъ завѣтнымъ его мыслямъ и чаяніямъ.

6. Общественные навыки. Эта ненасытная жажда знанія, духъ пытливаго ума, постоянное пребываніе въ трудѣ, при рѣдкой работоспособности и неизсякаемой энергіи, готовой ломить всѣ препятствія, питались главнымъ образомъ сознаніемъ духовнаго родства съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Петръ. Русскій царь мыслилъ себя неотъемлемою частью русскаго народа, плотью отъ его плоти. Въ Петрѣ ярко выдѣляется та особенность, которую нѣкогда Аристотель опредѣлилъ словами *Ζῶον πολιτικόν*, — существо съ общественными инстинктами: заботливая мысль о благѣ Россіи и грядущихъ поколѣній подсказана ему не только его положеніемъ государя, отвѣтственнаго за судьбы своего народа, но и сознаніемъ тѣхъ общественныхъ узъ, какія связываютъ его съ окружающимъ міромъ.

7. Царь-гражданинъ. Изъ этого чувства общественности выросло въ Петрѣ и другое чувство — сознаніе своихъ гражданскихъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи Петръ былъ первымъ русскимъ царемъ-гражданиномъ. Оттѣнокъ гражданственности наложилъ на Петра, въ его положеніи самодержавнаго владыки необъятной имперіи, отпечатокъ возвышеннаго и благороднаго, дѣйствовалъ воспитательно, служилъ образцомъ какъ для современниковъ, такъ и для потомства. Петръ собственнымъ примѣромъ поучалъ, въ чемъ состоятъ обязанности гражданина. И если теперь мы сознаемъ себя гражданами, призванными къ совмѣстному труду; если видимъ въ себѣ извѣстное цѣлое, такую коллективную единицу, у которой и могутъ, и должны быть общіе интересы, общія заботы

и работа — то этимъ въ значительной степени мы обязаны Петру.

8. **Обязанности государя.** Однимъ изъ наиболѣе яркихъ свойствъ и особенностей Петра В. было его сознаніе своихъ обязанностей, какъ государя передъ страною, править которою онъ былъ призванъ. Государство, благо народное — вотъ его культъ, тотъ алтарь, на который безъ малѣйшаго колебанія приноситъ онъ въ жертву свою энергію и умъ, свои силы, помыслы и мечты. Идея служенія государству не была чужда и Московской Руси, но только Петръ впервые ярко подчеркнулъ ее, отдѣлилъ государя отъ государства, рѣзко обособилъ интересы государственные отъ частныхъ, «партикулярныхъ», и провозгласилъ неотъемлемое первенство первыхъ надъ вторыми. Съ первыхъ же шаговъ своей государственной дѣятельности цѣлью ея онъ ставитъ благо государства и работаетъ подъ этимъ знаменемъ въ теченіе всей своей жизни. «Все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ — суть преступленія», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ. Въ манифестѣ 1702 г. о вызовѣ иностранцевъ онъ исходитъ изъ «попеченія о всеобщемъ благѣ» своихъ подданныхъ; по взятіи Нарвы, онъ обращается съ такими словами къ 14-лѣтнему сыну Алексѣю: «ты долженъ любить все, что служитъ къ благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага»; празднуя Ништадтскій миръ, пользуется случаемъ заявить, что цѣлью его было «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». Ведется ли война со шведами, заводится ли флотъ, приступаютъ ли къ преобразованіямъ административнымъ; посылаютъ ли русскихъ учиться за границу; вводятъ ли подушную подать; составляется ли проектъ учрежденія Академіи Наукъ — весь этотъ трудъ, вся эта подчасъ непосильная тягота, возлагаемая на плечи русскаго народа, — все это во имя государства, блага народнаго.

На общую пользу должны работать всѣ, и государь во главѣ всѣхъ. Предвосхищая выраженіе прусскаго короля Фридриха II («государь есть первый слуга своего государства»), Петръ всѣ свои силы посвятилъ на служеніе Россіи. Не личный интересъ, не себялюбивое Я стоитъ у него на первомъ планѣ: вся его сознательная жизнь, начиная съ перваго Азовскаго похода и вплоть до спасенія погибающихъ на Лахтѣ, отдана государству; и ему невольно вѣришь, когда, готовясь къ Полтавскому бою, онъ говоритъ своимъ солдатамъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы Россія въ блаженствѣ и славѣ».

Въ этомъ отношеніи Петръ далеко опередилъ своего современника Людовика XIV. Культъ монархической власти

привелъ во Франціи къ идолопоклонству: личность короля заслонила собою государство. «Не было болѣе рѣчи о благѣ государства, объ интересѣ государства, о чести государства — рѣчь шла о благѣ короля, объ интересѣ короля, о чести короля» (Записки Сенъ-Симона); забыто было завѣщаніе кардинала Ришелье, хотя и сторонника абсолютной власти, но видѣвшаго въ ней лишь средство, отнюдь не цѣль само по себѣ («tout pour le peuple, rien par le peuple»).

Русскій царь избѣгъ этой ошибки. Передъ нами выступаетъ Петръ, какъ слуга государства, какъ усерднѣйшій выразитель интересовъ общественныхъ. Мысль, что не только личность отдѣльныхъ гражданъ, но и личность самого государя должны стушеваться передъ идеею общественной пользы, проходитъ красною нитью чрезъ всѣ его дѣйствія и распоряженія.

9. Идея законности. Петръ не только призывалъ служить государству, благу общественному, — онъ указывалъ также и пути, какими, по его мнѣнію, слѣдуетъ достигать этого блага. Особенно выдвинулъ онъ идею законности. Всю жизнь неустанно борется онъ съ произволомъ; во всѣхъ своихъ поступкахъ стоитъ на почвѣ закона, имъ однимъ руководится, его одинъ исполняетъ. Къ закону онъ старается вселить уваженіе, равносильное религіозному чувству, воспитать своихъ подданныхъ въ духѣ безпрекословнаго повиновенія ему и только ему одному. Учреждая Сенатъ, онъ хотѣлъ создать изъ него хранилище закона, высшій правительственный органъ законной власти. «Всякъ будетъ послушенъ ему, какъ мнѣ самому», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ.

Если въ Пруссіи Фридрихъ Великій подчинился рѣшенію суда и уступилъ своему подданному въ спорѣ изъ-за пресловутой мельницы въ Санъ-Суси, то и у насъ въ Россіи Петръ не затормозилъ той челобитной, гдѣ одинъ посадскій человѣкъ жаловался на государя: царь сдѣлалъ все, чтобы обезпечить обиженному возможность получить по суду то, чего тотъ искалъ на отвѣтчикѣ-государѣ. Самъ будучи открытой душею, не выносившей лжи, Петръ и отъ окружающихъ требовалъ той же справедливости и искренности. Онъ охотно выслушиваетъ жестокую правду князя Долгорукаго и такими словами характеризуетъ послѣдняго: «князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ: онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо».

10. Человѣческое въ Петрѣ-государѣ. Вотъ почему въ Петрѣ такъ много человѣческаго. Онъ не только государь, но и человѣкъ, самый обыкновенный смертный, что Петръ особенно любилъ подчеркнуть и поставить на видъ: какъ у человѣка, его силы имѣютъ предѣлы; какъ человѣкъ, онъ можетъ легко ошибаться. «Возможно ль одному человѣку — говоритъ

онъ — за такъ многими дѣлами усмотрѣть?» «Сіе не осмотря учинено», откровенно сознается онъ по поводу одного неудачнаго своего распоряженія. «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую» — таковъ девизъ выбираетъ онъ себѣ, ѣдучи въ первый разъ за границу. Какъ человѣкъ, никогда не возмнитъ онъ о себѣ высоко; никогда, въ противоположность своему современнику на французскомъ престолѣ, не провозгласитъ себя единственнымъ источникомъ всего живущаго, «королемъ-солнцемъ»; никогда не скажетъ, какъ тотъ: «il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle, et pendant que je parle»[1]).

11. Широта взгляда. Просвѣщеніе. Человѣкъ громаднаго ума, Петръ проявилъ въ государственныхъ вопросахъ ту широту взгляда, благодаря которой работа даннаго царствованія обыкновенно переживаетъ ея творца, оставляя по себѣ глубокій слѣдъ въ потомствѣ. «Благо Россіи» Петръ видѣлъ не въ одномъ внѣшнемъ могуществѣ ея, но и въ развитіи ея духовныхъ силъ. Историческія условія сложились для Россіи крайне неблагопріятно: въ дальнемъ углу Европы, въ вѣчной близости отъ Азіатскаго востока, надолго отторгнутая, двухъ-съ половиною-вѣковымъ гнетомъ монгольскимъ, отъ культурнаго міра, Россія неизбѣжно «отстала» отъ своихъ западныхъ сосѣдей и политически, и экономически, и духовно. Петру это ясно, и онъ сознаетъ, что для того, чтобы не стать жалкой колоніей Европы, безсильнымъ объектомъ предпріимчивыхъ эксплуататоровъ-промышленниковъ и торговцевъ, Россіи необходимо возможно скорѣе подняться до того же уровня, на какомъ стоитъ Западъ, усвоить его техническія и образовательныя средства.

Вотъ почему въ его программѣ стояла не только школа, но и просвѣщеніе. Учреждая школы: Навигаціонную, цифирныя и при архіерейскихъ домахъ; широко практикуя посылку недорослей изъ дворянъ и приказныхъ за границу и вызывая изъ Европы техниковъ разнаго рода, Петръ одновременно заводитъ и газету (1703), хлопочетъ объ устройствѣ театра, сносится съ Лейбницемъ, бесѣдуетъ съ англійскими бого-

---

[1]) „Петръ обладалъ необыкновеннымъ нравственнымъ величіемъ: это величіе выражалось въ томъ, что онъ не побоялся сойти съ трона и стать въ ряды солдатъ, учениковъ и работниковъ, когда созналъ, что необходимо ввести въ свой народъ силу, до тѣхъ поръ мало извѣстную и въ почетѣ не находившуюся, — силу умственнаго развитія, искусства и личной заслуги. Необыкновенно нравственное величіе Петра выражалось въ способности уважать нравственное величіе въ другихъ и сдерживаться имъ; какъ бы ни былъ онъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться предъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду“ (Соловьевъ).

словами, съ французскими учеными, основываетъ Академію Наукъ (1724, 28 января), поручаетъ составить карты Азовскаго и Каспійскаго морей, посылаетъ нѣмца Мессершмидта въ Сибирь для изученія ея географіи, природы и населенія (1720); тяжко больной, за три недѣли до смерти, онъ составляетъ инструкцію капитану Берингу, отправляетъ его въ далекое плаваніе съ цѣлью выясненія вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой, — вообще кладетъ начало тѣмъ научнымъ экспедиціямъ, которыя въ теченіе XVIII в. внесли богатый запасъ новыхъ факторовъ изъ области естествознанія и этнографіи Сибири. Петръ знаетъ, что колыбелью всѣхъ наукъ была Древняя Греція, что знанія перешли потомъ въ Италію, а изъ Италіи во Францію, въ Англію и Германію, и полонъ свѣтлой надежды, что настанетъ время, когда наука утвердится и въ Россіи, «и мы пристыдимъ другія образованныя страны и вознесемъ русское имя на высшую степень славы».

Никогда еще въ Россіи, до Петра В., задачи государственной дѣятельности не ставились такъ широко, съ такимъ размахомъ и настойчивостью. Правда, это не была выработанная программа, но она стала ею для послѣдующихъ поколѣній, и въ этомъ отношеніи Петръ В. настоящій учитель своего народа. Не даромъ современники, подъ впечатлѣніемъ благодарнаго чувства, отзывались о немъ: «на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ» (Неплюевъ).

12. Excelsior! Въ старой Московской Руси колесо жизни поворачивалось крайне медленно, даже черезчуръ тихо; тамъ болѣе смотрѣли назадъ, тревожно относясь къ мысли хоть чуточку быстрѣе пустить паровозъ, тащившій по дорогѣ громоздкій поѣздъ-Россію. Девизомъ Московской Руси были слова: «Будьте осторожны; заботьтесь, какъ бы не потерять изъ вчерашняго то хорошее, что въ немъ есть». На знамени Петра начертано было совсѣмъ иное: «Впередъ! не бойтесь перемѣнъ, старайтесь о томъ, чтобы завтрашній день былъ лучшимъ, чѣмъ день настоящій». Правда, въ реформахъ своихъ онъ пользовался старымъ матеріаломъ: его Сенатъ, губерніи, коллегіи не такъ уже далеки отъ прежнихъ приказовъ и боярскихъ думъ; но въ нихъ есть несомнѣнно одно существенное отличіе: въ нихъ вѣетъ духомъ новаго, слышится вліяніе бодрой, свѣжей мысли.

Смѣлость, съ какою русскій царь посмотрѣлъ отжившему прямо въ глаза, — его призывъ къ новой жизни, — неутомимая подвижность и дѣятельность, — постоянная готовность совершенствоваться, идти впередъ, — этотъ огонь, горѣвшій въ его глазахъ, — убѣжденіе и вѣра въ то, что тамъ, въ этомъ еще неизвѣданномъ будущемъ, мы найдемъ небывалый источникъ счастья, — все это явилось могучей воспитательной струею,

которая освѣжила умы русскихъ людей, встряхнула ихъ отъ прежней неподвижности, вдохнула имъ бодрость, вѣру въ себя и жажду новой жизни.

Петръ весь былъ жизнь: про него нельзя сказать, чтобы онъ когда-нибудь остановился въ своемъ развитіи. Онъ всегда совершенствовался, и его горизонты, пониманіе государственныхъ нуждъ всегда росло, умственно мужало. Это совершенствованіе, эту жажду духовнаго роста онъ хотѣлъ вдохнуть и въ ту Россію, которой такъ беззавѣтно отдалъ свои силы.

XIII. Оцѣнка Петра В. Судъ исторіи.

1. **Противорѣчіе въ отзывахъ.** Дѣятельность Петра В. и ея результаты долгое время оцѣнивались на разный ладъ: одни видѣли въ нихъ громадное благо, другіе, наоборотъ, громадное зло для Россіи; но и для тѣхъ и для другихъ это былъ рѣзкій разрывъ съ прошлымъ, настоящій революціонный переворотъ. Поклонники Петра уподобляли его божеству (Ломоносовъ), а противники видѣли въ немъ антихриста (раскольники); по мнѣнію однихъ, русскій народъ «принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки» (Никитенко), другіе же обвиняли Петра въ томъ, что онъ создалъ раздвоеніе между высшими и низшими слоями народонаселенія, «переломилъ» весь строй русской жизни, и утверждали, что «у него не было предшественниковъ въ древней Руси» (К. Аксаковъ). Тѣ и другіе сходились въ одномъ: фигура Петра «застила собою всю древнюю русскую исторію» (Погодинъ).

Въ наше время, благодаря болѣе обстоятельному изученію XVII вѣка, установился иной взглядъ на Петра: какъ ни громаденъ былъ вызванный имъ сдвигъ русской жизни, какъ ни ярокъ, индивидуаленъ отпечатокъ, наложенный на русскую жизнь личностью Петра, все же пути, которыми шелъ Преобразователь, и самыя цѣли были, въ главныхъ линіяхъ, намѣчены еще въ прежнія царствованія. Словъ Погодина теперь мы не повторимъ: Петръ болѣе не «заститъ» старую Московскую Русь; онъ самъ весь вышелъ изъ нея; но онъ оставилъ Московскую Русь позади и насъ увелъ отъ нея далеко-далеко. Съ Петра В. возвратъ къ ней сталъ уже невозможенъ.

2. **Соловьевъ.** «Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа»; дѣятельность Петра была приготовлена всею предшествовавшею исторіею, необходимо вытекала изъ нея. «Во второй половинѣ XVII вѣка русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣкового движенія на Востокъ, онъ началъ поворачивать на Западъ», что неизбѣжно вызвало страшный переворотъ, болѣзненный переломъ въ жизни народной: сближеніе съ народами циви-

лизованными означало поступленіе къ нимъ въ школу и подражаніе. Самое сближеніе было дѣломъ народнымъ, и Петръ явился вождемъ въ этомъ дѣлѣ. Свой геній онъ выразилъ въ томъ, что ясно созналъ свое положеніе и свою обязанность: вывести, посредствомъ цивилизаціи, слабую, бѣдную, почти неизвѣстную міру Россію изъ той отчужденности и невѣжества, въ какомъ она находилась до сей поры. Приходится изумляться предъ нравственными и физическими силами Преобразователя. «Родившись съ умомъ необыкновенно возбужденнымъ, чуткимъ ко всему, Петръ изощрилъ эту чуткость до высшей степени, съ малолѣтства прислушиваясь и приглядываясь самъ ко всему». Его никто не направлялъ, никто не ограничивалъ; возбужденіе ему давало общество, уже стоявшее на поворотѣ и колебавшееся между двумя направленіями.

Реформы проведены были круто. Хотя «бури очищаютъ воздухъ, но опустошенія, которыя онѣ по себѣ оставляютъ, показываютъ, что это очищеніе куплено дорогою цѣною.» Сильныя болѣзни требуютъ и сильныхъ лѣкарствъ, до-Петровская же Россія болѣзней накопила въ себѣ много; но «сильныя средства обыкновенно оставляютъ по себѣ и неблагопріятныя для организма послѣдствія. Эпоха преобразованія не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія».

3. **Кавелинъ.** «Петръ Великій, съ головы до ногъ, великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, смѣтливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ — неразборчивость въ средствахъ, для достиженія практическихъ цѣлей; безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры, — и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу великорусса? Но въ какихъ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Несмотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человѣкъ! Разъ почуявши свое дѣло, свое призваніе, — а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ, — Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труженикъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ устали и только передъ смертью догадался, «коль слабое твореніе есть человѣкъ». Невозможнаго для него не было; все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ, а хотѣлъ онъ, ни больше ни меньше, какъ пересоздать московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ евро-

пейской общественностью, нравами и формами, — и расчитывалъ выполненіе плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ насладиться плодами своего «насажденія».

Съ этой стороны Петръ В. есть полнѣйшій представитель своей эпохи и ея преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой велось дѣло, страстность, если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы».

4. **Ключевскій.** «Реформа, совершенная Петромъ Великимъ, не имѣла своей прямой цѣлью перестраивать ни политическаго, ни общественнаго, ни нравственнаго порядка, установившагося въ этомъ государствѣ, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычныя ей западно-европейскія основы, ввести въ нее новыя заимствованныя начала, ограничивалась стремленіемъ вооружить Русское государство и народъ готовыми западно-европейскими средствами, умственными и матеріальными, и тѣмъ поставить государство въ уровень съ завоеваннымъ имъ положеніемъ въ Европѣ, поднять трудъ народа до уровня проявленныхъ имъ силъ. Но все это приходилось дѣлать среди упорной и опасной внѣшней войны, спѣшно и принудительно, и при этомъ бороться съ народной апатіей и косностью, воспитанной хищнымъ приказнымъ чиновничествомъ и грубымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ, бороться съ предразсудками и страхами, внушенными невѣжественнымъ духовенствомъ. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства, постепенно превратилась въ упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плѣсень русской жизни, взволновала всѣ классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характеръ и пріемы насильственнаго переворота, своего рода революціи».

«Противорѣчія, въ какія Петръ поставилъ свое дѣло, ошибки и колебанія, подчасъ смѣнявшіяся малообдуманной рѣшимостью, слабость гражданскаго чувства, безчеловѣчныя жестокости, отъ которыхъ онъ не умѣлъ воздержаться, и рядомъ съ этимъ беззавѣтная любовь къ отечеству, непоколебимая преданность своему дѣлу, широкій и свѣтлый взглядъ на свои задачи, смѣлые планы, задуманные съ творческой чуткостью и проведенные съ безпримѣрной энергіей, наконецъ, успѣхи, достигнутые неимовѣрными жертвами народа и великими усиліями Преобразователя — столь разнородныя черты трудно укладываются въ цѣльный образъ. Реформа Петра была борьбой деспотизма съ народомъ, съ его косностью. Онъ надѣялся

грозою власти вызвать самодѣятельность въ порабощенномъ обществѣ и черезъ рабовладѣльческое дворянство водворить въ Россіи европейскую науку, народное просвѣщеніе, какъ необходимое условіе общественной самодѣятельности, хотѣлъ, чтобы рабъ, оставаясь рабомъ, дѣйствовалъ сознательно и свободно. Вѣра въ чудодѣйственную силу образованія, которой проникнутъ былъ Петръ, его благоговѣйный культъ науки насильственно зажегъ въ рабьихъ умахъ искру просвѣщенія, постепенно разгоравшуюся въ осмысленное стремленіе къ правдѣ, т. е. къ свободѣ. Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва».

XIV. Памятники духовной культуры. 1682—1725.

А. Литература, вызванная Хлѣбопоклонною ересью (NN 1—8).

По католическому ученію, таинство пресуществленія, т. е. превращеніе, во время литургіи, хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, совершается при произнесеніи священникомъ словъ Спасителя: «Пріимите, ядите... пійте отъ нея вси»; православная же церковь относитъ пресуществленіе къ тому моменту, когда священникъ призываетъ на хлѣбъ и вино Духа Святаго словами: «И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, преложивъ духомъ Твоимъ святымъ», — а такъ какъ при литургіи это есть моментъ позднѣйшій, то, по ученію православному, хлѣбъ, при произнесеніи словъ «пріимите, ядите» остается еще простымъ хлѣбомъ, отсюда и названіе самой ереси Хлѣбопоклонною.

1. Сильвестръ Медвѣдевъ, «Хлѣбъ животный»: латинское толкованіе о пресуществленіи св. Даровъ.

2. Инокъ Евѳимій, «Посланіе на подвергъ латинскаго мудрованія»: полемическое, противъ «Хлѣба Животнаго».

3. Сил. Медвѣдевъ, «Манна хлѣба животнаго», 1687 г.: возраженіе на предыдущее сочиненіе.

4. Братья Лихуды, «Акосъ, или врачеваніе», 1688 г.: противъ «Манны».

5. Сил. Медвѣдевъ, «Извѣстіе истинное», 1688 г.: отвѣтъ на «Акосъ».

6. Инокъ Евѳимій, «Показаніе истины»: продолженіе полемики.

7. Инокъ Евѳимій, «Остенъ», 1690 г.: разсказана исторія спора.

8. Братья Лихуды, «Мечецъ духовный»: всестороннее опроверженіе католичества вообще; въ защиту Восточной церкви.

Б. Другія литературныя произведенія (NN 9—24).

9. «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная», Леонтія Магницкаго. Москва. 1703: первый печатный учебникъ на русскомъ языкѣ (еще славянскимъ шрифтомъ).

10. «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ»: первая русская печатная газета. Первый номеръ вышелъ 2 января 1703 г.

11. «Геометрія славенскі землемѣріе». М. 1708: первенецъ книгъ гражданской печати въ Россіи (переводъ съ нѣмецкаго). Текстъ исправлялся Петромъ В.; экземпляръ съ этими собственноручными поправками въ Московской Синодальной Типографіи.

12. «Пріклады како пішутся комплементы разные на немецкомъ языкѣ». М. 1708: вторая книга въ Россіи, напечатанная гражданскимъ шрифтомъ (пер. съ нѣмецкаго).

13. «Географія, или краткое земнаго круга описаніе». М. 1710: первая печатная географія въ Россіи (пер. съ голландскаго).

14. Труды св. Димитрія Ростовскаго.

15. «Юности честное зерцало, или показаніе къ жітеіскому обхожденію». Спб. 1717: своего рода школа свѣтскихъ приличій: наставленія молодымъ людямъ, какъ вести себя въ обществѣ и дома.

16. «Разсужденіе какіе законные прічіны его ц. в. Петръ Первый къ начатію воіны противъ короля Карла 12 Шведскаго 1700 году имѣлъ». Спб. 1717. Написано П. Шафировымъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ самого Петра В.

17. «Введеніе въ гісторію европеискую», Самуила Пуффендорфа. Спб. 1718: первое, изданное въ Россіи, руководство по всеобщей исторіи.

18. «Правда воли монаршей», Ѳеофана Прокоповича. Спб. 1722.

19. «О скудости и богатствѣ народномъ», Посошкова.

20—24. Первыя русскія записки (мемуары): Желябужскаго, Матвѣева, Толстого, Шереметева, Неплюева.

Примѣч. Всѣхъ книгъ гражданской печати, притомъ на разныхъ языкахъ, вышло:

342	изд.	за	1708—1724	г.:	сред.	чис.	по	20	кн.	въ годъ.
175	»	»	1725—1740	»:	»	»	»	11	»	»
612	»	»	1741—1761	»:	»	»	»	30	»	»

Въ Россіи въ 1911 г. напечатано было свыше 30000 книгъ.

В. Церкви (NN 25—33).

25. Соборъ въ Введенскомъ монастырѣ, въ Сольвычегодскѣ, Строгановской постройки, въ стилѣ барокко; очень декоративный, 1689—1693 г.

26. Церковь Знаменія пресв. Богородицы, въ с. Дубровицахъ, Подольскаго у.; барокко, подъ вліяніемъ украинской архитектуры; замѣчательна по пышности и богатству своихъ декорацій. Снаружи храмъ украшенъ скульптурными фигурами святыхъ и скульптурными же изображеніями сценъ изъ евангельскихъ сказаній (съ пояснительными при нихъ надписями на латинскомъ яз.), — явленіе, дотолѣ небывалое въ русскомъ православномъ храмѣ. «Не знаешь, чему больше удивляться — фантазіи ли строителей или той изумительной технической выработанности, которая дѣлаетъ храмъ похожимъ на ювелирное издѣліе, вырѣзанное изъ слоновой кости въ бронзовой оправѣ». Это новшество, шедшее въ разрѣзъ съ традиціями православной церкви и русскаго православнаго искусства, духовно, сродни такимъ затѣямъ Петра В., какъ Всешутѣйшій соборъ съ его «князь-папою» и «патріархомъ всего Кокуя» во главѣ: и Дубровицкій храмъ, и Всешутѣйшій соборъ одинаково свидѣтельствуютъ, насколько пошатнулся въ Россіи авторитетъ русскихъ патріарховъ, вынужденныхъ молчаливо сносить такія забавы и новшества (Горностаевъ).

27. Церковь Покрова Богородицы въ Филяхъ, подъ Москвою; построена Львомъ Кир. Нарышкинымъ въ 1693 г.; лучшій образецъ московскаго барокко, — «легкая кружевная сказка, задуманная и выполненная съ такимъ несравненнымъ совершенствомъ, что соперничать съ ней можетъ только Покровъ на Нерли, да церкви и звонницы Новгорода и Пскова. Здѣсь все безподобно, сверху до низу: и планъ ея, и эта увлекательная затѣя съ размашистыми лѣстницами, ведущими на широкія площадки, изъ которыхъ вырастаетъ самый храмъ, и весь его тонко прочувствованный изящный, стройный силуэтъ, и кружевные пояса, вѣнчающіе стѣны, — во всемъ чувствуется рука великаго поэта и зодчаго-чародѣя» (Грабарь).

27. Фрески въ ярославской церкви Іоанна Богослова въ Толчковѣ, 1694—1695 г. (о самой церкви см. выше «Памятники Дух. культуры» 1613—1682 г.), подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскаго искусства: сюжеты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; событія изъ церковной исторіи; поучительныя сцены изъ Патериковъ и Цвѣтниковъ. «Въ цѣломъ мірѣ едва ли возможно найти другую, столь обширную по объему и замыслу стѣнопись, какъ это произведеніе русскихъ иконописцевъ. Требовалась большая опытность и доля таланта для того, чтобы перевести отвлеченныя темы на образный языкъ искусства и сообщить имъ достойныя формы» (Покровскій).

29. Церковь Успенія на Покровкѣ, въ Москвѣ, 1696—1699 г.; московскій барокко, того же типа, что и церковь въ Путинкахъ: та же пышность и яркая красота, то же обиліе пестроты и скульптурныхъ украшеній, но уже подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, какого въ Путинковской церкви еще не замѣтно.

30. Церковь Рождества Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ общежитіи: «Строгановская церковь» (построена на средства Строганова), работа иностраннаго мастера, 1719 г.; сочетаніе исконныхъ московскихъ формъ съ западнымъ барокко. «Особенно богато украшены окна, наличники которыхъ усыпаны чудесною каменной рѣзью, подобную которой съ трудомъ можно встрѣтить и на московскихъ церквахъ. Капители, карнизы — все заполнено этой удивительной рѣзьбою. Стѣны украшены разводами, дополняющими вычурный обликъ церкви». Мастера не оставили безъ вниманія ни одного уголка въ ней (Бѣловъ).

См. еще:

31. Петропавловская церковь въ Ярославлѣ, 1691 г.

32. Соборъ Пресвятой Богородицы въ с. Гордѣевкѣ, Балахнинскаго у., подъ Нижнимъ-Новгородомъ, 1694—1697 г.

33. Церковь Живоначальной Троицы въ с. Троицкомъ-Лыковѣ, подъ Москвою, ок. 1708 г.

Всѣ эти три церкви въ стилѣ барокко.

Г. Зданія, построенныя Петромъ В. (NN 34—35).

34. «Домикъ Петра В.», 2 комнаты, сѣни и кухня, 9 саж. длиною, 3 саж. шириною; поставленъ одновременно съ основаніемъ Петербурга (1703), у р. Невы (на Петербургской сторонѣ, близъ Троицкаго моста): одна комната служила столовою и спальнею, другая — рабочимъ кабинетомъ. При Екатеринѣ II Домикъ покрытъ, для сохранности, каменнымъ футляромъ; нынѣ въ одной изъ комнатъ устроена часовня.

35. Лѣтній дворецъ, въ Лѣтнемъ саду, на углу Фонтанки и Невы, 1711—1714 гг.

Д. Вещи, связанныя съ именемъ Петра В. (NN 36—57).

36. Знакъ роста Петра В. (2 арш. 14 верш.) (хранится въ «Кабинетѣ Петра В».

37. Два дѣтскихъ возка Петра В., т. наз. потѣшные, лѣтній и зимній; служили для катанья въ комнатахъ (Москва. Оружейная Палата).

38. Ботикъ — «Дѣдушка русскаго флота» (Спб. Петропавловская крѣпость).

39. Учебныя тетради Петра В. по ариѳметикѣ, астрономіи и артиллеріи, 1688 г. (Спб. Государств. Архивъ).

40. Двойной тронъ для братьевъ-царей, Іоанна и Петра; деревянный, обложенъ серебромъ и позолоченъ, съ завѣсою свади. За этой завѣсою, съ лѣвой стороны стѣнки, есть отверстіе, вродѣ слухового окна, за которымъ, вѣроятно, сидѣлъ дядька Петра, чтобы подсказывать ему, что надо дѣлать во время церемоніи (Оруж. Палата).

41. Золотая медаль, жалованная царевною Софьей кн. В. В. Голицыну въ 1689 г., за Крымскій походъ (Оруж. Палата).

42. Погребецъ, деревянный, въ видѣ книги, съ корешкомъ и золотымъ обрѣзомъ, съ изображеніемъ Бахуса верхомъ на бочкѣ; на внутренней сторонѣ крыши рисунокъ, изображающій компанію кутилъ; внутренность погребца съ перегородками для флягъ подъ вино. Одна изъ принадлежностей Петровскаго Всешутѣйшаго собора (Оруж. Палата).

43. Полковничій мундиръ Преображенскаго полка, темнозеленаго сукна; Петръ одѣтъ былъ въ немъ въ день Полтавскаго боя (Кабинетъ Петра В.).

44. Пуховая шляпа, покрытая зеленымъ сукномъ, простреленная въ день Полтавскаго боя, когда она была на Петрѣ (Кабинетъ).

45. Шпага, которую Петръ носилъ въ день Полтавскаго боя (Кабинетъ).

46. Модели военныхъ кораблей времени Петра В. (Спб. Морской Музей).

47. Хрустальный кубокъ въ видѣ стакана, сдѣланный на заводѣ въ Мекленбургѣ, въ присутствіи Петра В. Царь «бросилъ въ кубокъ, еще не остывшій, на память червонецъ, который тамъ закрѣпился на днѣ. Въ настоящее время монета эта отлипла и лежитъ просто въ кубкѣ, слегка уже разбитомъ» (Грутовскій) (Оруж. Палата).

48. Паникадило изъ слоновой кости, въ 27 свѣчъ, выточенное самимъ Петромъ (Кабинетъ).

49. Дубинка Петра В. (Оруж. Палата).

50. Кровать Петра В. (Оруж. Палата).

51. Сапоги Петра В., собственноручно имъ сдѣланные (Оруж. Палата).

52. Маска, снятая съ Петра В. въ 1719 г. (Эрмитажъ).

53. Восковой, окрашенный, бюстъ Петра В., съ настоящими волосами царя; работа Растрелли старшаго; сдѣланъ по маскѣ 1719 г. (см. предыдущій N) (Эрмитажъ).

54. Гипсовая голова, снятая съ живого Петра. Лицо очень своеобразно, имѣетъ мало общаго съ извѣстными намъ портретами Петра; ближе всего подходитъ къ портретамъ Каравака и Таннауера; есть также отдаленное сходство съ портретомъ Неллера, рисованнымъ въ Англіи въ 1698 г. Но между Таннау-

еромъ и Неллеромъ около 20 лѣтъ разницы; лицо Петра за это время обрюзгло, сдѣлалось мрачнымъ и прямо ужасающимъ своей грозностію. Можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе должна была производить эта страшная голова, поставленная на гигантскомъ тѣлѣ. При этомъ еще вѣчно-бѣгающіе глаза и страшныя конвульсіи, превращавшія это лицо въ чудовищно-фантастическій образъ» (А. Бенуа) (Эрмитажъ).

55. Бронзовый бюстъ Петра В., 1724 г., работа Растрелли-старшаго. Полонъ духовной мощи, непреклонной воли; повелительный взоръ, напряженная мысль роднятъ этотъ бюстъ съ Моисеемъ Микель-Анджело. Это поистинѣ грозный царь, могущій вызвать трепетъ, и въ то же время величавый, благородный (Зимній Дворецъ).

56. Восковая фигура Петра В. въ полномъ одѣяніи: камзолъ изъ голубого гродетура, вышитый серебромъ, — то самое платье, которое было на Петрѣ въ день коронованія императрицы Екатерины (1724); черный парикъ изъ собственныхъ волосъ Петра В.; работа Растрелли-старшаго. При нажимѣ на восковую фигуру, она вставала; уже въ 1732 г., когда фигура поступила въ Кунсткамеру Академіи Наукъ, пружина больше не дѣйствовала (Кабинетъ).

---

57. Реймское Евангеліе, апракосъ; писано въ Чехіи, частью кириллицей, частью глаголицей; XIV вѣка (не полное). Изъ Чехіи, чрезъ Константинополь (гдѣ пролежало около вѣка), привезено на Тридентскій соборъ (1546), оттуда попало въ Реймсъ. Оправленное въ богатый переплетъ, съ вложенными въ него частицами св. мощей, и обложенное драгоцѣнными камнями, Евангеліе съ тѣхъ поръ служило для присяги на немъ французскихъ королей, при ихъ коронованіи. Никто во Франціи не могъ прочесть текста, ни объяснить его происхожденія, пока Петръ В., въ 1717 г., увидѣвъ его, не опредѣлилъ, на какомъ языкѣ и какими буквами оно писано.

Эпоха пятая. 1725–1855.

РОССІЯ — ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА.

А. ВРЕМЯ ДВОРЦОВЫХЪ ПЕРЕВОРОТОВЪ. 1725—1741.

I. Екатерина I. Петръ II.

1. **Воцареніе Екатерины I.** Петръ В. умеръ 28 января 1725 г. За три года до смерти онъ издалъ законъ, предоставлявшій царствующему государю право назначать себѣ преемника по своему усмотрѣнію (1722, 5 февр.); для самого императора законъ этотъ остался мертвою буквою, такъ какъ заблаговременно своей воли выразить онъ не успѣлъ, а въ предсмертныя минуты уже не былъ въ силахъ владѣть языкомъ, и на поднесенной доскѣ могъ написать только: «отдайте все...» Преемниками Петра могли быть: или внукъ его, сынъ царевича Алексѣя (род. 12 окт. 1715 г.), или дочери отъ второго брака съ Екатериной, или же сама Екатерина, которую незадолго передъ тѣмъ (1724, 7 мая) государь короновалъ императорскою короною, что̀ позже дало Екатерининской партіи основаніе объяснять этотъ торжественный актъ намѣреніемъ Петра именно Екатерину назначить своею преемницею. За малолѣтняго Петра было нравственное право, кровныя узы родства съ царствующимъ домомъ; противъ Екатерины — говорило все ея темное, сомнительное прошлое. Зато на ея сторонѣ была военная сила и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Ея сторонники, Меншиковъ, Толстой и Бутурлинъ, передъ самой кончиною императора ввели гвардейскихъ офицеровъ во дворецъ, окружили его солдатами и, провозгласивъ Екатерину императрицею, заставили сенаторовъ и весь генералитетъ тоже присягнуть новой государынѣ.

Дворцовые перевороты, опиравшіеся на военную силу, бывали и раньше (1606, 1682, 1689), но теперь они станутъ явленіемъ постояннымъ и красной нитью пройдутъ чрезъ всю исторію Россіи XVIII в., особенно за первую ея половину.

2. **Верховный Тайный Совѣтъ.** Появленіе у власти лица съ сомнительными на нее правами и исключительное положеніе, какое занялъ Меншиковъ, фактически заслонившій Екатерину и распоряжавшійся всѣмъ отъ ея имени, побудили тогдашнихъ сановниковъ, не только изъ среды недовольныхъ восшествіемъ на престолъ Екатерины, но и тѣхъ, кто самъ поддерживалъ ее, изыскать средства оградить себя отъ произвола временщика. Это привело къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта (1726, 8 февр.). Въ Совѣтѣ сходились всѣ нити государственнаго управленія: внѣшняя политика, законодательство, надзоръ за дѣйствіями судебныхъ и административныхъ учрежденій, назначеніе новыхъ налоговъ, пожалованіе имѣніями и чинами и даже право помилованія. Поставленный выше Сената, Совѣтъ явился высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, состоящимъ при государѣ.

Формально В. Т. Совѣтъ не ограничивалъ власть императрицы: во всемъ онъ дѣйствовалъ ея именемъ, а не собственной властью; при томъ же Екатерина по прежнему могла, и помимо Совѣта, жаловать имѣнія, раздавать чины; но обѣщаніе не принимать никакихъ «партикулярныхъ доношеній» помимо его, и повелѣніе исполнять только указы, подписанные императрицею совмѣстно съ Совѣтомъ, конечно, связывали свободу ея дѣйствій, заставляя считаться съ мнѣніемъ этого новаго органа правительственной власти.

Такъ сдѣланъ былъ первый шагъ на пути ограниченія самодержавной власти въ Россіи. Сложившаяся вѣками и оправдавшая себя созданіемъ сильной монархіи и введеніемъ страны въ орбиту общеевропейской культурной жизни, нашедшая свое олицетвореніе въ великомъ государѣ, который, при всѣхъ своихъ крайностяхъ, пользовался ею всегда на благо народное, — эта самодержавная власть досталась теперь слабымъ, ничтожнымъ людямъ, готовымъ, ради личныхъ интересовъ, забыть о великихъ завѣтахъ, оставленныхъ имъ въ наслѣдіе; въ рукахъ этихъ людей самодержавіе сказывалось преимущественно отрицательными сторонами и потому неизбѣжно должно было вызвать противодѣйствіе.

Составъ В. Т. Совѣта былъ малочисленный, первоначально всего изъ шести человѣкъ, что придало ему характеръ олигархіи. Въ него вошли Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, Петръ Толстой, Остерманъ, оказавшій большія услуги при заключеніи Ништадтскаго мира[1]) — все ближайшіе сотрудники Петра, и кн. Д. М. Голицынъ. Первые пятеро были люди новые, выдвинулись службою, одинъ только

[1]) Благодаря его настойчивости, Выборгъ удалось выговорить у шведовъ и сохранить его за Россіей.

Голицынъ вышелъ изъ родовитаго боярства и корнями своими принадлежалъ старой Московской Руси. Его назначенiе было уступкою Екатерининской партiи, вынужденной считаться съ оппозицiонными кругами.

3. **Замыслы Меншикова.** Закономъ 5 февраля 1722 г. о престолонаслѣдiи Петръ В. пошелъ вразрѣзъ съ установившимися понятiями, такъ какъ еще со временъ московскихъ князей прямыми наслѣдниками царствующаго государя считались родные сыновья или ближайшiе послѣ нихъ родственники въ мужскомъ колѣнѣ, и потому обходить ихъ было бы дѣломъ несправедливымъ. Хотя въ защиту новаго постановленiя Ѳеофанъ Прокоповичъ, по приказанiю императора, тогда же составилъ особый трактатъ, «Правду воли монаршей», но въ сознанiи общества правда была не на сторонѣ законодательнаго акта. Многiе крѣпко держались мнѣнiя, что молодой царевичъ Петръ Алексѣевичъ устраненъ незаконно, а Екатерина захватила власть не по праву. Меншиковъ, самый умный изъ временщиковъ, первымъ сообразилъ это; онъ понялъ непрочность своего положенiя и всю опасность, какая ожидаетъ его въ случаѣ смерти Екатерины; человѣкъ находчивый и рѣшительный, онъ постарался заблаговременно принять мѣры, тѣмъ болѣе что здоровье императрицы стало внушать серьезныя опасенiя. Меншиковъ уговорилъ Екатерину составить завѣщанiе, назначивъ Петра своимъ наслѣдникомъ и одновременно связавъ его словомъ жениться на старшей дочери временщика, Марiи. Положенiе государева тестя, дѣйствительно, позволило бы Меншикову спокойно смотрѣть на будущее, тѣмъ болѣе что несовершеннолѣтiе государя дѣлало его фактически правителемъ государства.

Екатерина, всю жизнь привыкшая исполнять чужую волю, покорно поддалась настоянiямъ Меншикова, которому въ прошломъ столь многимъ была обязана. «Ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленiю, пока не принимаютъ правленiя. При Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницею; у нея доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманiе и сочувствiе къ происходящему около нея движенiю; она была посвящена во всѣ тайны, тайны личныхъ отношенiй окружающихъ людей. Ея положенiе, страхъ за будущее держали ея умственныя и нравственныя силы въ постоянномъ и сильномъ напряженiи. Но вьющееся растенiе достигало высоты, благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ — и слабое растенiе разостлалось по землѣ. Екатерина сохранила знанiе лицъ и отношенiй между ними, сохранила привычку пробираться

между этими отношеніями; но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ и ихъ подробностямъ, ни способности начинанія и направленія. Въ этомъ отношеніи мѣсто Петра В. оставалось празднымъ» (Соловьевъ).

Интриги Меншикова всполошили остальныхъ членовъ Екатерининской партіи; они не безъ основанія опасались, что предстоящее возвышеніе его отдастъ ихъ совсѣмъ въ руки всесильнаго временщика. Противъ него составился заговоръ; Девіеръ, Толстой, Бутурлинъ, Скорняковъ-Писаревъ, Ушаковъ и герцогъ Голштинскій, зять императрицы, старались убѣдить ее назначить послѣ себя одну изъ своихъ дочерей, Анну или Елизавету, и взять обратно обѣщаніе сочетать бракомъ Петра съ дочерью Меншикова; но послѣдній съумѣлъ разбить ихъ планы. Надъ Девіеромъ наряженъ былъ судъ по обвиненію въ непристойныхъ словахъ и оскорбительныхъ для государыни дѣйствіяхъ; слѣдственная комиссія съумѣла привлечь къ дѣлу также другихъ соперниковъ Меншикова, и въ самый день своей кончины (1727, 6 мая) Екатерина подписала приговоръ, по которому Девіеръ, Скорняковъ и Толстой лишались чиновъ и имѣнія, биты кнутомъ и сосланы: первые два въ Тобольскъ, а Толстой (съ сыномъ) въ Соловецкій монастырь; Бутурлина сослали въ деревню, а Ушаковъ перемѣщенъ изъ гвардіи въ армію.

4. **Временщики въ царствованіе Петра II.** Торжество Меншикова продолжалось недолго, всего 4 мѣсяца. За это время онъ успѣлъ получить званіе генералиссимуса русскихъ войскъ, удалить герцога Голштинскаго съ женою изъ Россіи въ Голштинію, обручить свою дочь съ императоромъ и возстановить всѣхъ противъ себя самовластіемъ, высокомѣріемъ и заносчивостью. Противъ него составился новый заговоръ, на этотъ разъ вполнѣ удавшійся. Душею заговора былъ хитрый Остерманъ и князья Долгорукіе. 9 сентября 1727 г. Меншиковъ, лишенный чиновъ и орденовъ, былъ сосланъ съ семьею на жительство въ городъ Раненбургъ (нынѣ Рязанской губ.), откуда вскорѣ его перевели на низовья р. Оби, въ дальній и холодный Березовъ, — тамъ онъ и закончилъ свои дни (1729).

Отъ паденія Меншикова страна выиграла однако не много, скорѣе даже проиграла. Меншиковъ все же правилъ государствомъ въ духѣ предначертаній Великаго Петра; а теперь, съ возвышеніемъ Долгорукихъ, съ возвращеніемъ изъ заточенія бабки молодого государя, царицы Евдокіи (первой жены Петра В.), съ переѣздомъ Двора обратно изъ Петербурга въ Москву, снова ожили старыя симпатіи къ старинѣ, и дѣлу Петра В., безъ того уже попавшему въ слабыя, неумѣлыя руки, грозила опасность претерпѣть въ самой основѣ своей большое искаже-

ніе. Фаворитомъ императора-ребенка сталъ молодой, на 7 лѣтъ старше его, князь Иванъ Долгорукій (род. 1708 г.), а чрезъ него большое вліяніе на дѣла получилъ отецъ Ивана, кн. Алексѣй Григорьевичъ. Фамилія Долгорукихъ была родовитая и многочисленная и, подобно Меншикову, преслѣдуя прежде всего свои личные интересы, также спѣшила удовлетворить своему честолюбію, обручивъ съ императоромъ княжну Екатерину, сестру любимца Ивана. Но преждевременная смерть Петра (1730, 19 янв.) разрушила всѣ ихъ надежды и расчеты.

II. Анна. Іоаннъ VI.

1. **«Кондиціи» Верховниковъ и проекты шляхетства.** Законъ 5 февраля 1722 г. о престолонаслѣдіи и по смерти Петра II остался безъ примѣненія: наслѣдникъ не былъ указанъ, и власть пока фактически перешла къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ: къ Верховному Тайному Совѣту, Сенату и Синоду. Въ Совѣтъ изъ прежнихъ членовъ въ ту пору входили: канцлеръ Головкинъ, вицеканцлеръ Остерманъ да кн. Д. М. Голицынъ; остальные пятеро, новые, были: другой Голицынъ и четверо Долгорукихъ, всего 8 человѣкъ. Въ особомъ засѣданіи его, по предложенію Д. М. Голицына, корона была предложена вдовствующей герцогинѣ курляндской, Аннѣ Іоанновнѣ, племянницѣ Петра В., но на извѣстныхъ условіяхъ: «надобно намъ себѣ полегчить», пояснилъ Голицынъ. Аннѣ были предложены т. наз. кондиціи, обязывавшія ее, по 8 пунктамъ, всегда составлявшимъ исключительную прерогативу верховной власти, принимать свои рѣшенія не иначе, какъ с ъ с о г л а с і я В. Т. Совѣта, а именно:

1) объявленіе войны;

2) заключеніе мира;

3) обложеніе населенія податями;

4) возведеніе въ чины выше полковничьяго, при чемъ гвардія и вообще войско отдавалось подъ верховное начальство В. Т. Совѣта;

5) лишеніе шляхетства (дворянъ) жизни, имѣній и чести только по суду;

6) раздача вотчинъ и деревень въ пожалованіе;

7) производство въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ;

8) употребленіе государственныхъ доходовъ въ расходъ.

Кромѣ того Аннѣ ставилось въ обязанность не выходить замужъ, не назначать ни при себѣ ни по себѣ наслѣдника и сохранить В. Т. Совѣтъ въ составѣ его постоянныхъ 8 человѣкъ. «А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду Россійской короны».

По плану Голицына, кондиціи должны были служить основою для выработки будущей конституціи: рядомъ съ В. Т. Совѣтомъ, назначавшимъ на всѣ должности, вѣдавшимъ финансы, важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ (войну, миръ, договоры), стоялъ Сенатъ, какъ высшая судебная инстанція, и двѣ палаты выборныхъ представителей: одна отъ низшаго шляхетства, другая отъ городского населенія (торговаго и ремесленнаго класса). Но планъ этотъ остался неразработанъ, не всѣ даже знали о немъ; кондиціи же, въ томъ видѣ, какъ вышли изъ Совѣта, носили, несомнѣнно, олигархическій характеръ, ограничивая самодержавную власть волею небольшой кучки лицъ.

Общественное мнѣніе отнеслось къ замысламъ Верховниковъ несочувственно: перспектива получить, вмѣсто одного государя, цѣлыхъ восемь (по числу членовъ В. Т. Совѣта) никому не улыбалась. Кондиціи были отправлены въ Митаву, гдѣ проживала Анна Іоанновна; въ Москву же какъ разъ въ ту пору наѣхало много провинціальнаго дворянства на предполагавшуюся свадьбу неожиданно скончавшагося императора съ княжной Екатериной Долгорукой; въ городѣ началось оживленное обсужденіе и критика посланныхъ условій; люди разбились на группы, и каждая группа вырабатывала свой собственный проектъ взамѣнъ проекта совѣтскаго.

Сразу опредѣлились два теченія: одно въ пользу сохраненія прежняго самодержавія, другое, количественно болѣе сильное, подобно В. Т. Совѣту, также желало «полегчить себѣ», и если въ чемъ расходилось съ нимъ, то главнымъ образомъ въ вопросѣ о соучастіи въ правленіи: въ широкихъ слояхъ шляхетства преобладала мысль, что къ управленію государствомъ слѣдуетъ призвать все дворянское сословіе, а не однихъ только Верховниковъ, случайныхъ членовъ Совѣта.

Проекты, выработанные дворянствомъ, въ общихъ чертахъ, сводились къ слѣдующему: предоставленіе ему исключительнаго права на занятіе высшихъ, и притомъ выборныхъ, должностей; участіе въ законодательствѣ, а главное, разныя льготы по службѣ и землевладѣнію: замѣна безсрочной военной службы 20-лѣтнею; право поступленія на службу прямо въ офицерскомъ чинѣ, отмѣна закона о майоратѣ; уменьшеніе крестьянскихъ податей, что̀ было также въ интересахъ дворянства, владѣвшаго этими крестьянами.

Во всѣхъ этихъ проектахъ однако не доставало единодушія; всѣ они, вмѣстѣ взятые, подкапывались подъ кондиціи Верховниковъ, но не создавали твердой почвы и для себя. Этимъ съумѣли воспользоваться сторонники самодержавія и прежде всѣхъ сама Анна Іоанновна: по пріѣздѣ въ Москву, она открыто нарушила данное слово; опираясь на гвардейскихъ

офицеровъ, категорически заявившихъ, что не допустятъ никакихъ ограниченій, она разорвала подписанныя ею въ Митавѣ условія и стала царствовать самодержавно. Верховники жестоко поплатились за свои замыслы; желанія же шляхетства въ значительной степени были удовлетворены: оно добилось большихъ себѣ льготъ, но уже не въ силу права, а какъ милость, дарованную монархомъ.

Такимъ образомъ и вторая, хотя на этотъ разъ болѣе серьезная, попытка ограничить самодержавную власть въ Россіи, оказалась неудачною; да въ тогдашнихъ условіяхъ она и не могла имѣть успѣха: самодержавіе всѣмъ своимъ недавнимъ прошлымъ блестяще оправдывало свое существованіе, а противорѣчивые интересы въ руководящихъ классахъ, разрозненность и отсутствіе надлежащей организованности въ дѣйствіяхъ аристократическихъ круговъ и дворянскаго сословія наглядно говорили, что конституціонная идея, занесенная въ Россію изъ сосѣдней Швеціи, еще не достаточно выросла и окрѣпла, чтобы восторжествовать надъ старыми навыками и старымъ порядкомъ.

2. **Вліяніе шляхетскихъ проектовъ на законодательную дѣятельность имп. Анны.** Обязанная шляхетству своимъ самодержавіемъ, Анна должна была пойти на встрѣчу его пожеланіямъ. Послѣднія нашли свое выраженіе въ нижеслѣдующихъ 4 узаконеніяхъ:

1) В. Т. Совѣтъ былъ «устраненъ», Сенату возвращено прежнее его положеніе первенствующаго правительственнаго учрежденія, и число его членовъ доведено до 21 (1730, 4 марта).

2) Отмѣненъ законъ о майоратѣ (1731, 17 марта). Шляхетство очень тяготилось этимъ закономъ: родительское чувство не мирилось съ мыслью отдать все имѣніе одному сыну, обдѣливъ остальныхъ, и родители всячески изощрялись, какъ бы обойти его: продавали свои деревни въ чужой родъ и полученныя деньги дѣлили поровну между дѣтьми; писали «въ духовномъ завѣщаніи на себѣ чей-нибудь долгъ, завѣщавъ наслѣднику подъ клятвою заплатить его меньшимъ дѣтямъ. Нѣкоторые исполняли волю отца и уплачивали долги, продавая для того свои деревни; другіе же оспаривали завѣщанія. А иногда между членами семьи случались кровавыя драки: не только братья и ближніе родственники другъ друга, но и дѣти отцовъ своихъ побивали до смерти. Кромѣ того, «пункты» (такъ называли законъ 1714 г., такъ какъ онъ былъ раздѣленъ на пункты) вызвали значительное хозяйственное разстройство имѣній: хлѣбъ, лошадей и скотъ считали за движимое и отдавали кадетамъ. И такимъ образомъ наслѣдникъ получалъ имѣніе безъ инвентаря, а кадеты инвентарь безъ имѣнія»(Романовичъ-Славатинскій). Теперь, согласно новому закону, дворянство получало

полную свободу распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями; нѣсколько ограничены права его были только на имѣнія родовыя.

3) Основанъ Сухопутный Шляхетскій корпусъ, — первая военная, для молодыхъ дворянъ, школа въ Россіи (1731, 29 іюля). Окончившіе въ немъ курсъ ученія получали право поступать на дѣйствительную службу прямо въ чинѣ офицера, будучи такимъ образомъ избавлены отъ предварительнаго прохожденія ея на положеніи простого солдата, какъ это было установлено Петромъ В.

4) Наконецъ, ограничена была 25-ю годами и сама военная служба, прежде безсрочная (1736, 31 декабря); въ большой семьѣ одинъ изъ братьевъ совсѣмъ освобождался отъ службы. Дворянство не замедлило широко использовать дарованную льготу. Тотчасъ по окончаніи Турецкой войны (1739), болѣе половины офицеровъ подало въ отставку. Такъ какъ дворяне чаще всего записывались въ полки еще въ дѣтскомъ возрастѣ, мальчиками 10-12 лѣтъ, то теперь многіе, еще бодрые и сильные, начали тоже хлопотать объ отставкѣ; иные, безъ гроша денегъ, предпочитали собственными руками пахать землю, лишь бы не служить. Бѣгство изъ арміи приняло такіе громадные размѣры, что дѣйствіе новаго закона пришлось временно пріостановить; онъ былъ возстановленъ въ полной силѣ нѣсколько лѣтъ спустя, въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Льгота дворянству по военной службѣ косвенно отразилась на положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Правительство, если не задерживало шляхетскій классъ подъ ружьемъ, то вынужденно: онъ нуженъ былъ ему также и въ деревнѣ. Война со Швеціей и тяжелые налоги въ царствованіе Петра В. сильно подорвали народныя силы: въ 1724 году недоимки въ податяхъ превышали 2 мил. (тогдашнихъ) рублей, а къ 1732 году возрасли до 15. Теперь выходъ шляхетства изъ арміи и возвращеніе его въ деревню открывали новые пути. Комиссары, собиравшіе подати, какъ несправившіеся съ своей задачей, были замѣнены; помѣщиками, которые стали теперь непосредственно отвѣчать за недоимки своихъ крестьянъ. Это неизбѣжно вело къ расширенію власти помѣщиковъ и дало имъ возможность свободнѣе распоряжаться крестьянскимъ трудомъ. Такъ параллельно освобожденію дворянскаго класса росла зависимость и подчиненіе класса крестьянскаго.

3. **Бироновщина.** Императрица Анна вступила на престолъ, живя раньше въ Митавѣ на положеніи вдовствующей герцогини курляндской. Не безъ смѣтки и не безъ энергіи, что она доказала своимъ поведеніемъ въ первые дни по воцареніи, ловко проведя Верховниковъ и съумѣвъ до поры до вре-

мени скрыть свои карты, она была совсѣмъ не подготовлена къ управленію большимъ государствомъ, особенно въ такую трудную минуту, какую переживала тогда Россія, еще не оправившаяся отъ страшнаго напряженія, въ какомъ держалъ ее Петръ В. въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ своего царствованія. Малообразованная и тщеславная, суевѣрная, набожная, съ наклонностью къ самодурству, она любила роскошь, находила удовольствіе въ грубыхъ забавахъ (Ледяной домъ; свадьба шута Педрилло на козѣ), щедро награждала своихъ «дѣвокъ» (фрейлинъ) пощечинами и жила, вѣчно окруженная юродивыми, шутами и приживалками, которыя промышляли ей то дѣвочку-персіанку, то диковиннаго скворца, умѣвшаго пѣть особеннымъ образомъ. Охотница пострѣлять изъ оконъ дворца по птицамъ и звѣрямъ, она совсѣмъ не интересовалась государственными дѣлами и всецѣло предоставила ихъ своему любимцу Бирону, котораго вывезла съ собой изъ Митавы.

Курляндецъ родомъ, Эрнстъ Іоганъ Биронъ (род. 1690 г., на 3 года раньше имп. Анны) обладалъ красивой наружностью, отличными манерами и привѣтливымъ обращеніемъ; большой дѣлецъ, онъ хорошо зналъ канцелярскую часть. Крайне честолюбивый, онъ вопросъ о карьерѣ сдѣлалъ вопросомъ жизни. Мстительный, «безъ понятія о чести, безъ сознанія долга, онъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни съ своекорыстіемъ мелкаго эгоиста. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца и съ большимъ запасомъ энергіи и настойчивости; впослѣдствіи изъ безсердечія развилась въ немъ жестокость. Гордое курляндское рыцарство относилось къ Бирону свысока, оскорбляя его самолюбіе, и изъ этого съ нимъ обращенія онъ вынесъ къ родовитой аристократіи презрѣніе, которое со временемъ еще болѣе усилилось въ отношеніи къ русскимъ родословнымъ людямъ. Какъ нѣмецъ, онъ вообще смотрѣлъ на русскихъ съ пренебреженіемъ, что и выказалъ вполнѣ, получивъ въ руки ту обширную власть, которая была ему не подъ силу» (Корсаковъ).

Обстановка, при какой Анна Іоанновна вступила на престолъ, вызывала въ ней недовѣріе къ русскимъ; съ учрежденіемъ двухъ новыхъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго, набранныхъ наполовину изъ иноземцевъ (курляндцы и нѣмцы прибалтійскихъ областей, доставшихся Россіи по Ништадтскому миру) и подъ командой иноземныхъ же офицеровъ, она почувствовала себя спокойнѣе. За Бирономъ ко Двору потянулись другіе нѣмцы, столь же безучастные къ судьбамъ Россіи и думавшіе лишь о собственной выгодѣ. Особенно дурную память о себѣ оставили два брата Левенвольде, одинъ оберъ-шталмейстеръ, другой — оберъ-гофмаршалъ. Сенатъ, вначалѣ возстановленный было въ прежнихъ правахъ, вскорѣ снова потерялъ ихъ съ учрежденіемъ Кабинета министровъ,

коллегіи изъ трехъ лицъ (канцлеръ Головкинъ, Остерманъ и кн. Черкасскій), которыми негласно распоряжался тотъ же Биронъ.

При Дворѣ царила несмѣтная роскошь; правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ, а силы населенія были совершенно истощены налогами; вдобавокъ пошли неурожаи, голодъ, повальныя болѣзни, пожары; и какъ разъ въ это время Доимочная канцелярія, учрежденная для сбора недоимокъ, жестоко выколачивала послѣднія средства изъ населенія. Доставалось не однимъ крестьянамъ: за недоимку отвѣчали помѣщики и мѣстныя власти. «Устроена была доимочная облава на народъ: снаряжались вымогательныя экспедиціи; неисправныхъ областныхъ правителей ковали въ цѣпи, помѣщиковъ и старостъ въ тюрьмахъ морили голодомъ до смерти, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все, что попадалось подъ руку. Повторялись татарскія нашествія, только изъ отечественной столицы. Стонъ и вопль пошелъ по странѣ» (Ключевскій).

Старые гвардейскіе полки, вообще весь классъ дворянскій, интеллигенція того времени, съ затаеннымъ чувствомъ обиды смотрѣли на предпочтеніе, оказываемое при Дворѣ и по службѣ людямъ нѣмецкаго происхожденія, на заносчивость и высокомѣріе, съ какимъ тѣ держали себя. Внѣшнею политикою заправляли люди, непонимавшіе завѣтовъ Петра В. Поддерживая кандидатуру саксонскаго курфирста (Августа III) на польскій престолъ, хотя и въ соотвѣтствіи съ видами Россіи (1733), мы руководились указаніями Австріи; побѣдоносная война съ Турціей, удавшійся походъ на Крымъ — мечта стольких поколѣній! — завоеваніе Азова, Очакова, Хотина, Яссъ, блестящая побѣда при Ставучанахъ дали результаты самые ничтожные. Близорукая и продажная дипломатія свела тяжелыя жертвы, принесенныя государствомъ, на нѣтъ: по Бѣлградскому миру (1739) за нами оставили одинъ только Азовъ (потерянный въ 1711 г.), да и то съ обязательствомъ снести его укрѣпленія; гнѣздо крымскихъ разбойниковъ и низовья Днѣпра по прежнему оставались за гранью русскихъ владѣній: Россія по прежнему не могла держать въ Черномъ морѣ даже торговаго флота, не говоря про военный.

Анна никогда не могла простить Верховникамъ ихъ конституціонной затѣи: она видѣла въ нихъ личныхъ враговъ. Чувство мести говорило въ ней сильнѣе голоса справедливости. «Я знаю, что буду жертвою неудачи этого дѣла», сказалъ кн. Д. М. Голицынъ послѣ того, какъ гвардія провозгласила Анну самодержицею, и онъ не ошибся: нѣсколько лѣтъ его оставляли въ покоѣ, но въ 1737 г. впутали въ тяжебное дѣло его родственниковъ, обвинили въ кощунствѣ и оскорбительныхъ от-

зывахъ о государынѣ и заточили, 74-хлѣтняго старика, въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ въ слѣдующемъ году и умеръ.

Еще горестнѣе была судьба Долгорукихъ: сперва ихъ разослали по дальнимъ мѣстамъ, кого въ Березовъ и Пустозерскъ, кого въ Соловки и Оренбургъ, отняли у нихъ все, нарочно держали въ черномъ тѣлѣ, чтобы рѣзче дать почувствовать переходъ отъ недавней роскоши и довольства; заставляли, для вящшаго униженія, ѣсть деревянными ложками, пить изъ оловянныхъ стакановъ и, недовольствуясь этимъ, позже, въ 1738 г., воспользовались низкимъ доносомъ людей, злобившихся на нихъ изъ-за личныхъ счетовъ, обвинили въ «вредительныхъ и злыхъ словахъ къ поношенію чести ея императорскаго величества». Послѣ жестокихъ пытокъ и истязаній, судъ приговорилъ четверыхъ Долгорукихъ, въ томъ числѣ Ивана Алексѣевича, бывшаго фаворита Петра II, и верховника Василія Лукича, къ смертной казни; остальныхъ заслали въ Камчатку, не дозволяя никуда выходить, кромѣ церкви.

Анна особенно злобилась на Василія Лукича Долгорукаго. Заслуженный дипломатъ Петровской школы, бывшій неоднократно посломъ въ Польшѣ, Даніи, Франціи и Швеціи, онъ возилъ въ Митаву кондиціи В. Т. Совѣта, вытолкалъ тамъ изъ кабинета Бирона, не желая въ присутствіи «курляндскаго канальи» разговаривать съ императрицей по дѣлу, ради котораго пріѣхалъ; привезъ Анну въ Москву и, поселившись во дворцѣ подлѣ ея покоевъ, стерегъ ее тамъ, «какъ драконъ», не допуская къ ней никого, до принесенія войсками и народомъ присяги. Анна припомнила Долгорукому все это и заставила расплатиться головою.

На фонѣ «суетнаго и опаснаго вѣка», какъ опредѣляли современники годы Аннинскаго царствованія, ярко свѣтитъ благородный обликъ Натальи Борисовны Долгорукой, жены фаворита Ивана. Дочь Б. П. Шереметева, она была невѣстой въ ту пору, когда ея жениха постигла опала. Какъ ни уговаривали ее родные, она самоотверженно рѣшилась раздѣлить участь своего суженаго, обвѣнчалась съ нимъ и отправилась вмѣстѣ въ ссылку, явивъ собою рѣдкій образецъ нравственной чистоты и мужества въ страданіяхъ. Это Пушкинская Татьяна XVIII вѣка, прабабка будущихъ женъ декабристовъ.

4. Переворотъ 1740 года. Вдумчивый и осторожный въ своемъ сужденіи историкъ дѣлаетъ суровый приговоръ царствованію имп. Анны: «это царствованіе — одна изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи, и наиболѣе темное пятно на ней — сама императрица» (Ключевскій). Со смертью Петра идея, которую великій императоръ неустанно проводилъ въ жизнь: государь въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ руководиться

мыслью о благѣ народномъ, — вообще стала глохнуть, въ десятилѣтнее же правленіе имп. Анны она совсѣмъ оказалась въ загонѣ; надо всѣмъ преобладали интересы семейные и личные. Бездѣтная Анна Іоанновна должна была подумать о преемникѣ; она желала передать власть ближайшимъ родственникамъ, но изъ таковыхъ была одна только племянница Анна Леопольдовна (род. 1718 г.), дочь сестры Екатерины мекленбургской, умершей въ 1733 г. Императрица выдала ее замужъ за Антона-Ульриха, герцога брауншвейгскаго (1739, 3 іюля), и сына ихъ Іоанна (род. 12 августа 1740 г.) объявила (1740, 5 окт.) наслѣдникомъ престола. Это было передъ самою смертью императрицы. Въ виду ея надо было подумать о регентствѣ. Безвольная, не будучи въ силахъ отказать своему любимцу, Анна назначила Бирона регентомъ, отдавъ такимъ образомъ на много лѣтъ, до совершеннолѣтія Іоанна, судьбы имперіи въ руки иноземца. Была минута, когда она заколебалась; но русскіе вельможи, изъ раболѣпства и ради личной безопасности, къ стыду своему, поддержали домогательство честолюбиваго временщика. Бумагу о регентствѣ Анна подписала наканунѣ своей смерти (1740, 17 окт.).

Узнавъ объ этомъ, общество заволновалось «подъ невыносимымъ гнетомъ стыда, оскорбленнаго народнаго чувства. Тяжелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ-иноземецъ; но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ, и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту! Бывали въ Россіи позорныя времена; обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли Преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ семью русскихъ царей; но другіе, и лучшіе люди, смѣялись этимъ баснямъ. А теперь вьявь, безъ прикрытія иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіею и будетъ управлять семнадцать лѣтъ! По какому праву? потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Какими глазами православный русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безнравственному и бездар-

ному иноземцу какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было нельзя. Русскіе понимали, что герцогъ курляндскій унизилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вѣчнымъ стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негодованіи и горѣ они жаловались и на несправедливость, оказанную цесаревнѣ Елизаветѣ; говорили, что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иноземецъ, то болѣе правъ на него имѣлъ отецъ императора, принцъ брауншвейгскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ государева малолѣтства, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ голштинскій, который по лѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Іоаннъ Антоновичъ. Толковали, что Биронъ, неравнодушный къ цесаревнѣ Елизаветѣ, женится на ней и такимъ образомъ пріобрѣтетъ право на престолъ русскій. Роптали, слыша, какъ въ церквахъ послѣ императора, его матери и цесаревны Елизаветы, поминали иновѣрнаго герцога курляндскаго» (Соловьевъ).

Такое настроеніе умовъ не позволило Бирону долго держаться у власти. Паденіе регента было, кромѣ того, ускорено неладами его съ отцомъ и матерью новаго императора. Всего чрезъ 3 недѣли по смерти имп. Анны, въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 г., фельдмаршалъ Минихъ, во главѣ отряда Преображенскихъ солдатъ, арестовалъ его и передалъ правленіе Аннѣ Леопольдовнѣ. Въ третій разъ послѣ Петра гвардія рѣшала судьбу имперіи.

5. Переворотъ 1741 г. Устраненіе Бирона существенныхъ перемѣнъ не внесло: одинъ нѣмецъ смѣнился другимъ; пожалуй, даже хуже стало: Биронъ все же обладалъ извѣстнымъ опытомъ, могъ разбираться въ государственныхъ вопросахъ, освоился съ техникой дѣла; Анна же Леопольдовна, лѣнивая, безхарактерная и необразованная, лишена была и этого. Она вѣчно ссорилась съ своимъ мужемъ, проводила время за картами; саксонскій министръ Линаръ занялъ при дворѣ такое же мѣсто, какъ раньше Биронъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Недовольство русскихъ росло; все чаще и чаще вспоминали время Петра В.; суровое, тяжелое, подчасъ непосильное, оно, по крайней мѣрѣ, могло оправдать себя высокими, благородными цѣлями, къ какимъ вело страну. Младшая дочь великаго императора, Елизавета, явилась тѣмъ знаменемъ, вокругъ котораго сгруппировались недовольные; оставалось только сдѣлать рѣшительный шагъ, и въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. Елизавета, во главѣ Преображенскихъ гренадеръ, самолично арестовала правительницу и малютку-императора и вступила на прародительскій престолъ, при всеобщей радости и надеждахъ на лучшія времена. Въ четвертый разъ русская гвардія рѣшала во-

просы первостепенной государственной важности; на протяженіи всего какихъ-нибудь 16 лѣтъ три императрицы обязаны были ей своею короною, судьба четырехъ женщинъ зависѣла отъ ея расположенія и поддержки.

III. Памятники духовной культуры. 1725–1741.

1. Князь А. Д. Кантемиръ и его сатиры.

2. В. К. Тредьяковскій. Его стихотворенія и сочиненія по русскому языку и словесности.

---

3. Лубочная картина «Какъ мыши кота погребаютъ»: сатира на Петра В., получившая широкое распространеніе и выдержавшая безчисленное количество изданій; «чисто русское, вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа» (Ровинскій). Въ наивной и грубой формѣ картина эта заклеймила все, что претило народному уму въ реформахъ Петра: съ безпощадной ироніей набросилась она на брадобритіе, куреніе табаку, введеніе музыки въ погребальный обрядъ; досталось и Всешутѣйшему собору, и богопротивной одноколкѣ, на которой въ свое время такъ любилъ разъѣзжать покойный «котъ»; затронула народная сатира и насильственное плетеніе лаптей, клейменіе рекрутовъ-новобранцевъ; больно задѣла она и котову вдову, «чухонку-адмиральшу Маланью». «Погребеніе» наглядно свидѣтельствуетъ, что народная масса прекрасно понимала, насколько наплывъ иноземцевъ, вторженіе новыхъ порядковъ коренным образомъ мѣняли весь старый укладъ жизни, не только его формы, но и содержаніе, и что безобразныя выходки Всешутѣйшаго собора шли гораздо дальше простой забавы пьяной компаніи.

4. Открытіе Академіи Наукъ (1726, 29 дек.).

5. Капитанъ Берингъ, датчанинъ, на русской службѣ съ съ 1704 г., посланный Петромъ В. (инструкція, данная ему 23 дек. 1724 г.) выяснить вопросъ о соединеніи Азіи съ Америкой, открылъ въ 1728 г. проливъ, названный его именемъ. Берингъ приплылъ къ проливу съ юга, но не прошелъ его весь. Въ его время не знали, что первымъ изъ русскихъ, дѣйствительно, проѣхавшимъ черезъ **весь** проливъ (съ С. на Ю.), былъ якутскій казакъ Семенъ Дежневъ: отправившись съ товарищами изъ Нижнеколымска за сборомъ ясака въ простыхъ кочахъ, со стороны Ледовитаго океана, онъ эще въ 1648 г. обогнулъ Чукотскій носъ и присталъ къ берегу въ устьѣ р. Анадыри (со стороны Тихаго океана).

Б. ВРЕМЯ ПРОСВѢЩЕННАГО АБСОЛЮТИЗМА. 1741—1796.

I. Характеристика Елизаветинскаго царствованія.

На 20-тилѣтнемъ царствованіи имп. Елизаветы лежитъ свой отпечатокъ, которымъ оно обязано въ значительной степени самой императрицѣ. По существу большой разницы съ предыдущимъ царствованіемъ не было: какъ при имп. Аннѣ, то же отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, достойныхъ стать преемниками Петра В.; тотъ же фаворитизмъ при Дворѣ; тѣ же интриги и борьба за власть и вліяніе; подобно своей двоюродной сестрѣ, Елизавета тоже мало понимала въ дѣлахъ государственныхъ, а занималась ими, пожалуй, еще менѣе. Лѣнивая и безпечная, она недѣлями и мѣсяцами оставляла доложенныя ей бумаги безъ подписи и рѣшенія; такъ же, какъ тогда, при Дворѣ царствовала дорого стоющая роскошь; балы чередовались съ маскарадами, музыкальные вечера съ итальянскими спектаклями и поѣздками за городъ. Легкомысленная и тщеславная, очень хорошенькая собою и ревнивая къ другимъ женщинамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда опасалась найти въ нихъ соперницъ, Елизавета любила наряжаться и оставила послѣ себя гардеробъ въ 15000 платьевъ и сундуки полные шелковыхъ чулокъ.

При всемъ томъ двѣ особенности характеризуютъ время Елизаветы: русское содержаніе и окраска во французскомъ духѣ, наложенная на это содержаніе.

1. Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ Анною въ Митавѣ (1717—1730), въ обстановкѣ нѣмецкой, сдѣлали ее, чистокровную русскую, наполовину нѣмкою; смотря на все глазами своего любимца Бирона, сама отъ природы грубоватая, Анна занесла и въ Петербургъ вкусы и пріемы, напоминавшіе дворы мелкихъ германскихъ княжествъ и герцогствъ. Про Анну Леопольдовну и говорить нечего: та была наполовину нѣмкою по самому рожденію, а саксонское общество графа Линара сдѣлать ее русскою, конечно, не могло.

Не то Елизавета. Ея балы и куртаги, маскарады и вечеринки носили болѣе утонченный, болѣе изящный характеръ. Сама изящная и съ природнымъ вкусомъ, она инстинктивно поняла, что̀ можетъ ей, женщинѣ, дать французская мода, царившая при тогдашнихъ европейскихъ дворахъ. Къ тому же тутъ сказалось и нѣкоторое чувство благодарности: восшествію ея на престолъ не мало содѣйствовали французскій посолъ Шетарди и докторъ Лестокъ, родомъ тоже французъ. Елиза-

вета всѣмъ существомъ своимъ ненавидѣла Фридриха II, короля прусскаго, за его «безбожіе», за ѣдкія эпиграммы и колкія насмѣшки, которыя тотъ въ изобиліи расточалъ по ея адресу, — и это тоже служило для нея основаніемъ отдавать предпочтеніе не нѣмецкому. Французскимъ языкомъ Елизавета владѣла въ совершенствѣ, много лучше, чѣмъ нѣмецкимъ. Въ Европѣ преобладающій тонъ всему давала Франція: въ литературѣ, въ театрѣ, въ одеждѣ; и даже въ постройкахъ, въ разбивкѣ садовъ и парковъ, въ меблировкѣ комнатъ господствовалъ т. наз. «стиль Louis XV».

Не ушла отъ вліянія французской образованности и Россія. Архитекторъ Растрелли-сынъ украшаетъ Петербургъ и Петергофъ своими постройками въ духѣ барокко: воздвигаетъ легкій, радостный Петергофскій дворецъ, строитъ на углу Невскаго и Мойки домъ графовъ Строгановыхъ съ прихотливымъ рисункомъ и украшеніями, и даже на величественный, грузный Зимній дворецъ умѣетъ наложить печать свободы и движенія. Сумароковъ въ это время пишетъ свои трагедіи, вдохновляемый Расиномъ и Корнелемъ; Ив. Ив. Шуваловъ переписывается съ Вольтеромъ и заказываетъ себѣ во Франціи посуду, комнатную обстановку и платье, выписываетъ оттуда всѣ литературныя новости. Вольтеръ, Руссо, Монтескье и Энциклопедисты уже заложили на Западѣ прочный фундаментъ для просвѣщеннаго абсолютизма, — отголоски его начинаютъ сказываться и въ русской жизни: въ заботахъ правительства объ образованіи, просвѣщеніи, въ смягченіи нравовъ (Московскій университетъ, гимназія, Академія Художествъ; театръ; Ломоносовъ; отмѣна смертной казни).

2. При всемъ томъ, сколько ни наряжалась Елизавета въ платья французскаго покроя, съ какимъ увлеченіемъ и мастерствомъ ни отплясывала французскій менуэтъ, она всегда оставалась, съ головы до ногъ, чисто русскою женщиною. Отъ всей ея фигуры, нѣсколько дородной и съ плавными движеніями, особенно въ зрѣлые годы (на престолъ она вступила 32 лѣтъ), отъ всѣхъ ея вкусовъ, привычекъ, обычаевъ вѣетъ московской стариной, которая крѣпко жила въ ней, не смотря на европейскую внѣшность.

По старинному набожная, охотно ходившая на богомолье пѣшкомъ изъ Москвы къ Троице-Сергію — для нея это было, и моленье, и развлеченье; — ревностная постница во дни поста, она была большой любительницей псовой охоты въ отъѣзжемъ полѣ на зайцевъ; ее забавляла травля волковъ, соколиная охота; въ молодые годы, еще простой цесаревной, она охотно водила хороводы съ деревенскими дѣвушками, просиживала съ ними вечера на посидѣлкахъ; любила не одинъ менуэтъ, но также и русскія пляски, русскія пѣсни; по старинному весе-

лилась на масляной, катаясь съ ледяныхъ горъ, разъѣзжая въ саняхъ; одѣвалась въ русскій сарафанъ и крестила въ Александровской слободѣ, гдѣ почасту гостила, ребятъ у мѣстныхъ жителей. Правда, ставши императрицею, Елизавета посидѣлокъ больше не устраивала и хороводовъ не вела, но въ душѣ осталась такою же, какъ и раньше.

Притомъ Елизавета всегда помнила, что она дочь Петра, и, подобно своему отцу, благо родины ставила выше личныхъ интересовъ. Когда ей, въ правленіе Анны Леопольдовны, предложили было содѣйствіе въ достиженіи престола на условіи территоріальныхъ уступокъ въ пользу Швеціи, она съ негодованіемъ отвергла предложеніе: «лучше никогда не царствовать, чѣмъ купить корону такой цѣною», было ея отвѣтомъ. Дочь Петра, она не чуждалась иноземцевъ, но окружали ее и на первомъ мѣстѣ были обыкновенно русскіе люди. Таковы ея фавориты: Шубинъ, Бутурлинъ, Ал. Разумовскій, Ив. Ив. Шуваловъ; наиболѣе видные государственные дѣятели ея царствованія: А. П. Бестужевъ-Рюминъ, графъ М. И. Воронцовъ, П. И. Шуваловъ, С. Ѳ. Апраксинъ. И если интригъ отъ этого при Дворѣ не убавилось, все же въ нихъ не было ничего оскорбительнаго для національнаго самолюбія, какъ въ эпоху Бироновскаго самовластія, и русское дѣло велось, хоть не всегда умѣло, но чаще всего заботливо и съ достоинствомъ. Сановники не забывали себя, не брезгали денежными подачками («пенсіей») отъ иностранныхъ правительствъ — порокъ общій всей тогдашней Европѣ — но интересы Россіи все же не стояли у нихъ на заднемъ планѣ. Эти русскіе люди при Дворѣ, въ правительствѣ, въ военномъ командованіи, въ начинавшей возникать литературѣ явились школой, воспитавшей то поколѣніе, съ которымъ позже придется работать имп. Екатеринѣ II и въ которомъ она найдетъ себѣ дѣльныхъ, разумныхъ помощниковъ и сотрудниковъ.

II. Правительственная дѣятельность въ царствованіе имп. Елизаветы.

1. Смягченіе нравовъ. При имп. Аннѣ Іоанновнѣ еще сажали на колъ, теперь смертная казнь фактически упразднялась (1744, 7 мая); чтобы приговоръ суда привести въ исполненіе, требовался особый указъ Сената, который обыкновенно имъ не давался. Самая казнь замѣнена отсѣченіемъ руки, а позже кнутомъ и рваніемъ ноздрей (1753); женщины освобождались и отъ этого (1757). Раньше вмѣстѣ съ преступниками обязательно ссылались ихъ жены и дѣти; теперь послѣднимъ было предоставлено на выборъ, слѣдовать ли въ ссылку за мужемъ и отцемъ или нѣтъ.

2. Мѣры экономическія.

а) Отмѣна внутреннихъ таможенъ. Внутреннія таможни сильно стѣсняли торговлю: будучи переложены на товаръ, пошлина, въ дѣйствительности, уплачивалась покупателемъ, т. е. населеніемъ. Взамѣнъ этого повысили пошлину на товары привозные, изъ-за границы, и на тѣ изъ товаровъ отечественнаго производства, которые вывозились изъ Россіи: въ первомъ случаѣ пошлина оплачивалась казною и болѣе состоятельнымъ классомъ покупателей; во второмъ — иностраннымъ покупателемъ, и, значитъ, въ обоихъ случаяхъ интересы громаднаго большинства русскаго населенія отъ такого повышенія не страдали.

б) Учрежденіе дворянскаго банка: онъ выдавалъ помѣщикамъ, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имуществъ, ссуды на улучшеніе ихъ хозяйства.

в) Упраздненіе Доимочной канцеляріи.

3. Мѣры образовательнаго характера.

а) Учрежденіе въ Москвѣ университета — перваго въ Россіи (1755).

б) Положено основаніе Академіи Художествъ (1757).

в) Основаніе перваго русскаго театра (1756).

г) Основаніе первой гимназіи для дворянъ и разночинцевъ, въ Казани (1758).

4. Мѣры сословныя. Привилегированное положеніе дворянскаго сословія, созданное мѣрами имп. Анны Іоанновны, опредѣлилось еще рѣзче въ царствованіе Елизаветы Петровны. Участники переворота, возведшіе ее на престолъ 360 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ гренадерской роты Преображенскаго полка, образовали особую почетную «лейбъ-компанію», возведены были въ потомственные дворяне, надѣлены помѣстьями и получили право внести въ свои фамильные гербы надпись: «за вѣрность и ревность». Пріостановленный было указъ 31 декабря 1736 г. снова вошелъ въ силу. Не довольствуясь этимъ, дворянство явно добивалось полнаго освобожденія отъ обязательной службы, и указъ 13 мая 1754 г. пошелъ на встрѣчу этимъ желаніямъ: недоросли изъ дворянъ, раньше за неявку на службу посылавшіеся въ солдаты или въ матросы, теперь освобождались отъ такого наказанія, такъ какъ многіе — поясняло правительство — живутъ далеко отъ столичныхъ городовъ, по глухимъ угламъ, и по бѣдности явиться имъ было бы трудно.

Но параллельно тому, какъ освобождался дворянскій классъ, росла зависимость и подчиненіе класса крестьянскаго.

Подушная подать еще со временъ Петра В. составляла главный источникъ государственныхъ доходовъ; но, непосиль-

ная для населенія, она собиралась съ громадными недоимками; населеніе старалось всѣми силами уклониться отъ нея, десятки и сотни тысячъ народа бѣжало на Донъ, въ Пріуральскія степи, въ Сибирь, скрывалось въ башкирскихъ лѣсахъ, переходило за границу, въ сосѣднюю Польшу. Съ 1719 по 1727 г. въ бѣгахъ числилось до 200 тыс.; съ 1727 до 1736 г. эта цифра возросла вдвое.

Однако населеніе страдало не отъ одной подати, но и отъ способа ея взиманія: ее собирали земскіе комиссары, объѣзжая помѣстья и крестьянскія волости въ сопровожденіи военныхъ командъ. Своими насиліями и вымогательствами команды эти оказывались тягостнѣе самого налога, тѣмъ болѣе что содержать ихъ приходилось тому же населенію. Тогда правительство отмѣнило должность земскихъ комиссаровъ и обязанность сбора, съ отвѣтственностью за него, возложило на помѣщиковъ (1731). Эта мѣра неизбѣжно поставила крѣпостныхъ людей еще въ бо̀льшую зависимость отъ помѣщика. Съ этихъ поръ крѣпостное право, въ наиболѣе худшей его формѣ, начинаетъ все болѣе и болѣе входить въ жизнь.

Помѣщики становятся полными господами надъ своими крестьянами; различіе между крѣпостнымъ и холопомъ сглаживается совершенно; единственное еще оставшееся у крестьянина преимущество передъ холопомъ сводилось къ тому, что помѣщикъ не могъ выставить его за себя на правежъ, какъ это онъ имѣлъ право сдѣлать съ тѣмъ. Еще въ царствованіе имп. Анны дворянинъ негодный къ службѣ получилъ право выставить за себя рекрутомъ своего крестьянина и перенести слѣдуемое ему наказаніе на своего слугу: такъ, за скорую ѣзду въ Петербургѣ «били нещадно кошками» не его, приказавшаго быстро ѣхать, а кучера, исполнившаго приказаніе своего барина. Помѣщики съ этихъ поръ вымѣниваютъ крестьянъ на вещи, точно какой товаръ, продаютъ ихъ безъ земли и поштучно, отдѣльно отъ семьи; женятъ и выдаютъ замужъ по усмотрѣнію; ссылаютъ на поселеніе въ Сибирь за простой проступокъ (1760), даже ссылаютъ въ каторжную работу (1765).

Крестьяне потеряли право выдавать векселя, выступать на судѣ поручителями; они не смѣли жаловаться на своихъ господъ, т. е. все болѣе и болѣе становились безправными и превращались въ *собственность*, становились *вещью* другого человѣка. Насколько къ концу царствованія Елизаветы они, дѣйствительно, превратились въ собственность и вещь, можно судить по сенатскому указу 29 января 1762 г.: дозволяя помѣщикамъ переводить своихъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто безъ соблюденія, ранѣе необходимыхъ, формальностей, Сенатъ пояснилъ, что онъ это дѣлаетъ въ цѣляхъ «изобрѣсти легчайшій способъ *къ удовольствію всѣхъ помѣщиковъ*».

III. Петръ III.

20 лѣтъ спокойнаго и благодушнаго царствованія Елизаветы не дали желанной устойчивости императорскому трону: послѣ смерти императрицы (1761, 25 декабря) корона досталась ея племяннику Петру III, который не умѣлъ удержать за собой престола и всего черезъ 6 мѣсяцевъ былъ насильно низложенъ и вынужденъ передать власть своей женѣ, имп. Екатеринѣ II. Такой исходъ былъ неизбѣженъ: имп. Петръ III, по всему своему воспитанію и убѣжденіямъ, былъ неспособенъ управлять Русскимъ государствомъ.

1. До воцаренія. «Проклятая страна» — такъ отзывался Петръ о Россіи прежде, чѣмъ еще началъ править ею. Онъ родился въ Голштиніи голштинскимъ принцемъ, въ лютеранской вѣрѣ. Его мать, Анна Петровна, старшая дочь Петра В., не прожила и двухъ мѣсяцевъ послѣ его рожденія; отца онъ потерялъ 11-ти лѣтъ. Готовясь занять шведскій престолъ (его бабка по отцу была родной сестрою Карла XII), Петръ съ раннихъ лѣтъ началъ учиться шведскому языку, лютеранскому катехизису, словомъ воспитывался въ обстановкѣ не только чуждой всему русскому, но, въ тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, прямо враждебной ему.

И вотъ на 15-мъ году въ его жизни неожиданно совершается настоящій переворотъ, — происходитъ событіе, совершенно выбившее его изъ прежней колеи и опредѣлившее всю дальнѣйшую судьбу: онъ — наслѣдникъ русскаго престола; чуждую ему Россію онъ долженъ считать теперь второй своей родиной, долженъ отречься отъ своей лютеранской вѣры и, вмѣсто шведскаго языка, учиться русскому, въ корнѣ передѣлать свое политическое міросозерцаніе: признавать хорошее въ томъ, на что раньше привыкъ смотрѣть въ черные очки, отказаться отъ прежнихъ симпатій, замѣнивъ ихъ новыми, діаметрально противоположными.

Разумѣется, это было большимъ насиліемъ надъ душею мальчика; при толковомъ воспитаніи и при достаточномъ запасѣ ума, Петръ, вѣроятно, съумѣлъ бы освоиться съ новымъ положеніемъ и вникнуть въ тѣ обязанности, какія оно налагало на него; но, къ сожалѣнію, толковаго воспитанія ему не дали люди, а въ умѣ отказала ему природа. Невѣжественный и невоспитанный, съ умомъ, остановившимся въ своемъ развитіи, вѣчно «взрослый ребенокъ», Петръ и въ Россіи остался тѣмъ же голштинцемъ, какимъ былъ у себя на родинѣ. «Отъ такого человѣка нельзя было требовать, чтобъ онъ понялъ свое положеніе, понялъ, что наслѣдникъ русскаго престола долженъ быть прежде всего русскимъ человѣкомъ, приладиться къ народу и странѣ, гдѣ ему суждено царствовать. Чтобъ найтись въ

новой сферѣ болѣе широкой, опредѣлить свой образъ дѣйствій согласно съ новымъ положеніемъ, болѣе высшимъ, дорости до этого положенія, требовалась большая сила, большая способность къ развитію, какой именно не было у Петра. Онъ сросся съ узенькою обстановкой мелкаго нѣмецкаго владѣльца, она пришлась ему по природѣ, и тяжело, тоскливо было ему въ другой, болѣе широкой сферѣ, куда перенесла его судьба. Здѣсь дѣло идетъ не о любви къ родинѣ, къ своему, но о косности, мелкости природы, которыя не позволяютъ отрѣшиться отъ извѣстныхъ привычекъ и взглядовъ. Та же косность и мелкость природы, которыя не позволили сыну Петра Великаго, царевичу Алексѣю, сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ Россійской имперіи, царевичемъ новой Россіи, заставляли его упираться противъ новой дѣятельности и оставаться русскимъ царевичемъ XVII вѣка, — та же косность и мелкость природы заставила внука Петра Великаго остаться голштинскимъ герцогомъ на императорскомъ престолѣ, со всѣми привычками и взглядами мелкаго германскаго князька, со страстью экзерцировать свою маленькую гвардію и въ ея кругу упитываться симпатіями и антипатіями, совершенно чуждыми настоящему его положенію» (Соловьевъ).

Вотъ почему Россія навсегда осталась для Петра страной чужою. Онъ не скрывалъ своего огорченія тѣмъ, что, ставъ наслѣдникомъ русскаго престола, навсегда потерялъ шведскій. Какая-нибудь модель города Киля была ему милѣе всего Русскаго государства: она переносила въ родную обстановку: онъ родился въ этомъ городѣ, тамъ сложились и окрѣпли первыя его впечатлѣнія, тамъ все было ему свое. Любя военное дѣло, онъ впослѣдствіи (1755) выписалъ въ Петербургъ цѣлый отрядъ голштинцевъ и все время проводилъ съ ними, хотя появленіе иноземныхъ солдатъ въ Русской землѣ и вызвало смущеніе въ обществѣ, раздраженіе въ войскахъ. Званіе голштинскаго герцога Петръ цѣнилъ выше званія наслѣдника русскаго престола.

Онъ явно презиралъ все русское; вынужденный перейти въ православіе, не только остался въ душѣ лютераниномъ, но выказывалъ явное пренебреженіе къ обрядамъ православной церкви, высмѣивалъ и оскорблялъ своего духовника, приставленнаго къ нему наставлять его въ правилахъ православной вѣры. Въ Германіи въ ту пору гремѣло имя Фридриха II, прусскаго короля, и Петръ благоговѣлъ передъ нимъ. Фридрихъ сталъ его идоломъ. Успѣхи союзниковъ въ 7-лѣтней войнѣ приводили его въ отчаяніе. Въ то время, какъ Россія напрягала всѣ свои силы, чтобы сломить опаснаго сосѣда, Петръ праздновалъ побѣды прусскаго короля надъ русскимъ войскомъ и громогласно восхвалялъ ихъ, поддерживалъ тайныя сношенія съ Фридрихомъ. Онъ не думалъ измѣнять Россіи — до этого онъ не

спустился — но поступалъ такъ изъ слѣпого преклоненія передъ личностью короля, потому что былъ «взрослымъ ребенкомъ», лишеннымъ надлежащаго такта и пониманія своего положенія. Удивительно ли, если еще до воцаренія его, русскіе были убѣждены, что Петръ предастъ русскіе интересы, окажись это нужнымъ, интересамъ голштинскимъ. Сама тетка, имп. Елизавета, призвавшая его въ Россію, признавала полную непригодность Петра управлять Русскимъ государствомъ и въ минуты раздраженія называла его «уродомъ» и «проклятымъ».

2. По воцареніи. Таковъ былъ Петръ, когда умерла имп. Елизавета, очистивъ ему путь къ престолу. Перемѣна въ положеніи не измѣнила его; наоборотъ, ставъ самодержавнымъ государемъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, никѣмъ не сдерживаемый, далекій отъ пониманія новыхъ своихъ обязанностей, онъ далъ волю дурнымъ инстинктамъ и обнаружилъ полное свое ничтожество человѣка и государя.

1) Поведеніе Петра. Въ самый день смерти императрицы, въ тотъ же вечеръ, онъ ужиналъ въ шумной и веселой компаніи; на молебнѣ по случаю восшествія своего на престолъ, проявилъ неумѣстную радость, кривлялся, говорилъ вздорныя рѣчи. Тѣло Елизаветы стояло во дворцѣ не погребеннымъ цѣлый мѣсяцъ, и Петръ, бывая у гроба, вмѣсто благоговѣйнаго молчанія и молитвы, позволялъ себѣ шутки съ фрейлинами, занимался передразниваніемъ священниковъ; въ день похоронъ, на пути изъ дворца въ Петропавловскую крѣпость, идя вслѣдъ за траурной колесницей, забавлялся, точно невоспитанный ребенокъ: онъ былъ одѣтъ въ длинную епанчу, концы которой за нимъ несли камергеры; и вотъ Петръ нарочно отстанетъ шаговъ на 30 отъ колесницы, а потомъ побѣжитъ догонять ее; епанча выскользнетъ изъ рукъ, и ее раздуетъ вѣтромъ. Эту забаву онъ продѣлывалъ во время печальнаго шествія нѣсколько разъ.

Еще въ Голштиніи, мальчикомъ, Петръ пріучился къ вину, и теперь устраивалъ почти ежедневно попойки въ обстановкѣ случайныхъ людей, подчасъ разбалтывая имъ государственныя тайны. «Случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе. Не успѣютъ, бывало, сѣсть за столъ, какъ загремятъ рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ, какъ маленькіе ребяточки, и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу (говоритъ непосредственный свидѣтель сцены), дошло до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки; ну всѣ

прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей и кричать: «ну! ну! братцы, кто удалѣе, кто сшибетъ съ ногъ кого первый!». А посему судите, каково же намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга наземь валяющихъ?» (Записки Болотова).

Съ имп. Екатериной Петръ давно жилъ не въ ладахъ, и теперь пересталъ соблюдать, по отношенію ея, даже внѣшнее приличіе: за обѣдомъ, въ присутствіи всѣхъ, оскорблялъ ее самыми обидными словами, не понимая, что, оскорбляя жену, онъ унижалъ самого себя, и что, не оказывая должнаго вниманія ея высокому званію, принижалъ въ глазахъ подданныхъ свое собственное, подавая имъ, первый, примѣръ относиться къ нему безъ должнаго уваженія.

2) Отношеніе къ православію. Отношеніе Петра къ православному духовенству и къ обрядамъ Русской церкви оскорбляло чувства религіозныхъ людей. Въ церкви, во время богослуженія, онъ громко смѣялся; уходилъ при чтеніи колѣнопреклоненной молитвы и возвращался лишь по ея окончаніи; въ Великомъ посту не постился, не говѣлъ и не пріобщался, не былъ на Пасхальной заутренѣ, т. е. отказывался исполнять то, что русскіе люди привыкли вмѣнять въ священный долгъ своимъ государямъ. Сильный ропотъ вызвало его распоряженіе о закрытіи домовыхъ церквей. Въ его предписаніи (не исполненномъ) сбрить священникамъ бороды, одѣть ихъ въ пасторскіе сюртуки, вынести изъ церквей образа, оставить тамъ однѣ иконы Спасителя и Богородицы видѣли дѣйствія не православно вѣрующаго, а протестанта. При такихъ условіяхъ указъ, объявлявшій церковныя земельныя имущества государственной собственностью, съ назначеніемъ на содержаніе причта, церквей и монастырей опредѣленнаго жалованья по штатамъ, вызвалъ особенно сильное волненіе и негодованіе среди духовенства.

3) Отношеніе къ арміи. При восшествіи на престолъ, Петръ распустилъ елизаветинскую лейбъ-компанію, обозвалъ гвардейцевъ янычарами, окружилъ себя голштинцами, сталъ передѣлывать русское войско на нѣмецкій ладъ, обучать его прусскому строю, а одноцвѣтные зеленые мундиры, окуренные порохомъ славныхъ побѣдъ русскаго оружія при Лѣсной, при Полтавѣ, Ставучанахъ и подъ Кунерсдорфомъ, — этотъ драгоцѣнный памятникъ заботъ Петра В. о русскомъ воинствѣ, замѣнилъ узкимъ и тѣснымъ мундиромъ по образцу вражеской прусской арміи. Русская гвардія роптала, видя въ этомъ униженіе себѣ.

4) Отношеніе къ Фридриху II. Возмутительно было поведеніе Петра по отношенію къ Фридриху II. Россія вела въ ту пору съ прусскимъ королемъ войну и, благодаря своимъ недавнимъ побѣдамъ, имѣла всѣ шансы окончить ее на выгодныхъ условіяхъ, обезопасивъ себя на будущее время отъ «скоропостижнаго» короля, какъ называла Фридриха имп. Елизавета. Между тѣмъ, едва вступивъ на престолъ, Петръ отдалъ приказаніе пріостановить военныя дѣйствія, вернулъ прусскому королю безъ всякаго вознагражденія всѣ завоеванія, отдалъ Кольбергъ, Померанію и даже Восточную Пруссію, уже принявшую русское подданство. Не довольствуясь сказаннымъ, Петръ заключилъ съ прусскимъ королемъ оборонительный союзъ, по существу направленный противъ тѣхъ, кто еще вчера былъ его союзникомъ. Съ чувствомъ глубокаго оскорбленія русскіе спрашивали себя: какой же тогда смыслъ былъ приносить всѣ эти жертвы: 300 тысячъ людей и 30 милліоновъ деньгами?

А между тѣмъ заключеніе такого позорнаго мира было отпраздновано, точно радостное событіе, трехдневными фейерверками, иллюминаціями и пирами. На этихъ празднествахъ «государь, опорожнивъ, можетъ быть, во время стола излишнюю рюмку вина и въ энтузіазмѣ своемъ къ королю прусскому дошелъ до такого забытія самого себя, что публично, при всемъ великомъ множествѣ придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ, и при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, сталъ предъ портретомъ короля прусскаго на колѣни и, воздавая оному непомѣрное почтеніе, называлъ его своимъ государемъ, — происшествіе, покрывшее всѣхъ присутствовавшихъ при томъ стыдомъ неизъяснимымъ и сдѣлавшееся столь громкимъ, что молва о томъ на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела въ сердцахъ всѣхъ россіянъ и во всемъ народѣ крайне непріятныя впечатлѣнія» (Записки Болотова).

Раболѣпно преклоняясь передъ Фридрихомъ, Петръ гордился званіемъ прусскаго генерала, не снималъ съ себя прусскаго мундира, всюду являлся въ пожалованной ему королемъ лентѣ Чернаго Орла, носилъ при себѣ въ перстнѣ портретъ Фридриха, а другой повѣсилъ у себя надъ кроватью, и открыто заявлялъ, что для него «воля Фридриха — воля Божья». Прусскій посланникъ Гольцъ явился главнымъ его совѣтчикомъ. Вдобавокъ, Петръ сталъ готовиться къ войнѣ съ Даніей, желая отнять у нея русскими силами нѣмецкую провинцію Шлезвигъ для своей Голштиніи.

«Сдѣланное Петромъ III глубоко оскорбляло русскихъ людей, потому что шло наперекоръ всеобщему убѣжденію, отзывалось насмѣшкою надъ кровью, пролитою въ борьбѣ, надъ тяжелыми жертвованіями народа для дѣла народнаго, праваго

и необходимаго; миръ, заключенный съ Пруссiею, никому не представлялся миромъ честнымъ; но, что всего было оскорбительнѣе, видѣли ясно, что русскiе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ; что Россiя подпадала подъ чужое влiянiе, чужое иго, чего не было и въ печальное время за 20 лѣтъ тому назадъ, ибо и тогда люди, стоявшiе на верху, люди не русскаго происхожденiя, Остерманъ, Минихъ, Биронъ, были русскiе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскiй камергеръ Гольцъ. Прожили 20 лѣтъ въ утѣшительномъ сознанiи народной силы, въ сознанiи самостоятельности и величiя Россiи, имѣвшей могущественное, рѣшительное влiянiе на европейскiя дѣла, а теперь до какого позора дожили! Иностранный посланникъ направляетъ русскою политикою, чего не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ, но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно, какъ добровольное. И хотя бы такою страшно дорогою цѣною купленъ былъ миръ! Но одна война кончалась для того, чтобъ начать другую, — какую, зачѣмъ? затѣмъ, что русскiй государь не могъ рѣшиться быть только русскимъ государемъ!» (Соловьевъ).

5) **Неизбѣжность переворота.** Злѣйшiй врагъ не могъ бы посовѣтовать Петру натворить того, что надѣлалъ онъ за 6 мѣсяцевъ своего царствованiя. Возмущенiе и негодованiе, охватившiя всѣ слои петербургскаго общества, не могли не вызвать активнаго протеста, не привести къ открытому возстанiю. Чувство оскорбленнаго патрiотизма, боль при видѣ поруганнаго нацiональнаго достоинства заговорили сильнѣе чувства долга и присяги, данной своему государю. Даже мѣры, встрѣченныя всеобщимъ одобренiемъ (см. ниже), не въ состоянiи были ослабить неудовольствiя и потребности перемѣны. «Человѣку въ здравомъ умѣ и твердой памяти невозможно даже понять то самодурное ослѣпленiе, въ которомъ жилъ голштинскiй герцогъ, ставъ русскимъ императоромъ. Тупой, упрямый, невоздержный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренно былъ убѣжденъ, что весь мiръ существуетъ единственно для удовлетворенiя его желанiй, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать какъ самодуръ, и до послѣдней минуты былъ ослѣпленъ своею властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался» (Бильбасовъ).

28 iюня 1762 г. жена Петра III, имп. Екатерина стала во главѣ войскъ и низложила неудобнаго императора.

Въ пятый разъ послѣ смерти Петра В. судьбу трона вершали гвардейскiе солдаты и офицеры; въ третiй разъ верховная власть становилась игралищемъ въ рукахъ бунтовщиковъ, — людей, нарушавшихъ свою присягу. Но особенность переворота

1762 г. заключалась въ томъ, что лицо, павшее его жертвою, сдѣлало съ своей стороны все возможное, чтобы оправдать такой переворотъ и вызвать своимъ паденіемъ всеобщую радость и облегченіе. Причины были однородны съ тѣми, что привели къ переворотамъ 1740 и 1741 гг., но на этотъ разъ онѣ усугублялись тѣмъ, что свалить съ престола предстояло не простого регента, а царствующаго государя, котораго обыкновенно величали государемъ «благочестивѣйшимъ». Никогда еще поведеніе государя такъ не оскорбляло національнаго чувства его подданныхъ, какъ въ этотъ разъ. Даже Лжедимитрій I не возстановлялъ общественнаго мнѣнія въ такой степени, какъ Петръ III: при всемъ потаканіи полякамъ и іезуитамъ, Лжедимитрій оставался русскимъ человѣкомъ, Петръ же всѣмъ своимъ существомъ являлся полною антитезою, яркой противоположностью всему, что напоминало и носило русское имя. Своимъ успѣхомъ Екатерина II обязана прежде всего своему мужу: Петръ III собственными руками выкопалъ себѣ яму, — умная Екатерина лишь умѣло использовала благопріятно сложившіяся обстоятельства: негодованіе, вызванное во всѣхъ классахъ общества неразумнымъ поведеніемъ Петра, — въ арміи, въ дворянахъ, среди духовенства и въ простомъ народѣ.

3. Правительственная дѣятельность. Въ короткое царствованіе Петра III приняты были слѣдующія законодательныя мѣры: 1) разрѣшеніе раскольникамъ, бѣжавшимъ за границу, вернуться обратно въ Россію, съ правомъ свободнаго исповѣданія своего ученія и обрядовъ (1762, 29 января); 2) отобраны у церкви ея земельныя имущества и переданы государству (16 февраля); 3) изданъ манифестъ о вольности дворянской (18 февраля); 4) уничтожена Тайная канцелярія (21 февраля).

1) Манифестъ о вольности дворянской совершенно освобождая дворянъ отъ обязанности служить и разрѣшая свободный выѣздъ за границу, завершалъ мѣропріятія предыдущихъ царствованій (Анны и Елизаветы). Вмѣстѣ съ тѣмъ это было полное отступленіе отъ программы Петра Великаго. До сихъ поръ оставалось по крайней мѣрѣ формальное основаніе оправдывать прикрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками — во имя общаго служенія государству; теперь же, въ глазахъ крестьянъ, оно стало исключительно дворянской привилегіей и потому превращалось въ несправедливость. Послѣдняя почувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отяготительныя формы приняло крѣпостное состояніе за послѣдніе полвѣка. Крестьяне ждали, что свободу получатъ и они; но свободы они не получали, наоборотъ, петля рабства затягивалась все сильнѣе. Недовольство перешло въ волненіе, и послѣдующее царствованіе имп. Екатерины ознаменовалось рядомъ крестьян-

скихъ бунтовъ; народное движеніе приняло особенно опасный характеръ, когда во главѣ его сталъ Пугачевъ.

2) **Секуляризація церковныхъ имуществъ** назрѣвала давно, еще со временъ Ивана III; но каждый разъ духовенство энергично возставало противъ передачи своихъ владѣній въ свѣтскія руки; объ его противодѣйствіе разбились попытки всѣхъ прежнихъ государей: Ивана Грознаго, царя Алексѣя Михайловича, его сына Петра Великаго. Во всякомъ случаѣ не Петру III, голштинцу и протестанту, было осуществить эту мѣру, какъ ни своевременна была она; своевременность же ея доказала черезъ два года Екатерина II, съумѣвшая, хотя и не безъ затрудненій (митр. Арсеній Мацѣевичъ), провести ее въ жизнь (1764).

3) **Тайная канцелярія,** наслѣдіе бывшаго Преображенскаго приказа, оставила тяжелую по себѣ память страшнымъ «слово и дѣло»: достаточно было произнести эти три слова, чтобы человѣкъ былъ схваченъ, подвергнутъ мучительной пыткѣ и искалѣченъ. Существованіе Тайной канцеляріи открывало широкій просторъ разнымъ кляузамъ, доносамъ, несправедливымъ оговорамъ, порождало шпіонство, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, нравственно порабощало. Просвѣщенный вѣкъ, требовавшій уваженія къ личности человѣка, сказался въ отмѣнѣ этого ненавистнаго учрежденія.

4) Тѣ же гуманныя вѣянія эпохи просвѣщеннаго абсолютизма сказались и въ мѣрахъ по отношенію къ **раскольникамъ.**

IV. Екатерина II.

1. Екатерина и просвѣщенный абсолютизмъ. Имп. Екатерина II вступила на престолъ въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ: ей было 33 года (род. 21 апрѣля 1729 г.), природа одарила ее здоровымъ, дѣятельнымъ организмомъ и недюжиннымъ умомъ, а сама она старательно обогатила его разностороннимъ образованіемъ. Она выросла въ эпоху т. наз. «просвѣщеннаго абсолютизма» и служила, въ жизни и на тронѣ, яркимъ его отраженіемъ, подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ[1]). Просвѣщенный абсолютизмъ главнѣйшею обязанностью государей провозглашалъ заботу о благѣ народномъ (выраженіе Фридриха II: «государь есть первый слуга своего государства») и справедливость въ примѣненіи ко всѣмъ классамъ населенія, не къ однимъ только привилеги-

[1]) Фридрихъ II прусскій, имп. Іосифъ II, братъ его Леопольдъ (герцогъ тосканскій, позже имп. Леопольдъ II), Густавъ III шведскій, Станиславъ Понятовскій, король польскій; министры: Помбаль (Португалія), Аранда (Испанія), Тануччи (Неаполь), Струэнзе (Данія).

рованнымъ. Просвѣщеніе, способное освободить человѣческій умъ отъ устарѣлыхъ предразсудковъ и темнаго суевѣрія; широкая вѣротерпимость и уваженіе къ чужому мнѣнію; ограниченіе власти духовенства; правосудіе, проникнутое чувствомъ гуманности; забота о ближнемъ, какъ человѣкѣ; духъ благотворительности; не одно только образованіе ума, но также и воспитаніе сердца — вотъ что проповѣдывалъ новый вѣкъ и что въ совершенствѣ усвоила Екатерина.

Она воспиталась на литературѣ, отражавшей эти взгляды. Особенно много дали ей сочиненія Бэйля, Монтескье и Вольтера. Многотомный Словарь Бэйля (Dictionnaire historique et critique, 1696) подвергъ пересмотру всѣ основы современной жизни, разрушалъ старыя вѣрованія, громилъ предразсудки, колебалъ ходячія воззрѣнія на мораль, философію и политику, замѣняя ихъ плодотворнымъ сомнѣніемъ; проповѣдывалъ невѣріе, прикрывая его широкой терпимостью. «Духъ Законовъ» Монтескье (L'esprit des lois, 1748) доказывалъ права человѣка на свободное развитіе и возставалъ противъ рабства. Книга эта, по признанію самой Екатерины, стала ея «молитвенникомъ». Въ Вольтеровскомъ «Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ» (Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, 1756). Екатерина «съ восторгомъ читала нападки на католическую церковь»,а изъ старыхъ книгъ, «Анналы» Тацита внушали ей «отвращеніе къ деспотизму вѣрнымъ изображеніемъ практики деспотическихъ правленій» (Бильбасовъ). Позже, уже императрицей, Екатерина познакомится съ сочиненіемъ Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» (Dei delitti e delle pene, 1764) и, подобно книгѣ Монтескье, используетъ его для своего «Наказа». Хорошо знакома была она и съ книгою Блэкстона, признаннаго авторитета въ вопросахъ юридическихъ и государственныхъ: «Commentaries on the Laws of England», 1765—1768[1]).

Еще задолго до переворота, Екатерина, въ мысляхъ, представляла себя правительницей Русскаго государства. Отъ этого времени сохранились ея «Замѣтки» по самымъ серьезнымъ вопросамъ общественной и государственной жизни (законодательство; судъ; права гражданскія; война; званія и привилегіи; смертность дѣтей въ деревняхъ; фабричная промышленность). Вотъ нѣкоторыя изъ ея мыслей.

1) «Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея составляетъ мою собственную».

2) «Желаю, чтобы во мнѣ были увѣрены, что я хочу только справедливаго, и что когда вынуждена наказать кого-нибудь, то потому, что онъ нарушилъ законъ, долгъ своему отечеству».

---

[1]) По ея мысли книга переведена была на русскій языкъ: „Истолкованіе английскихъ законовъ г. Блакстона". 3 тома. М. 1780—1782.

3) Кто не уважаетъ чужихъ заслугъ, значитъ, не имѣетъ ихъ самъ; а кто не умѣетъ открывать ихъ въ людяхъ, тотъ не достоинъ и не способенъ царствовать.

4) «Свобода — душа всего на свѣтѣ; безъ тебя все мертво. Хочу не рабовъ, а повиновенія законамъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми».

5) Власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славимъ, а достичь этого не трудно: надо только поставить въ основу своихъ дѣйствій благо народное и справедливость, которыя не отдѣлимы одно отъ другого.

6) Рабство лишаетъ человѣка самого необходимаго въ дѣятельности — побужденія къ труду: оно убиваетъ промышленность, художества, науки, честь и матеріальное благосостояніе.

7) «Больше всего остерегайтесь издавать законъ и потомъ отмѣнять его: этимъ вы явите свою слабость и несправедливость и лишитесь довѣрія народнаго».

2. Екатерина въ первое время по воцареніи. Въ первое время по воцареніи положеніе Екатерины было очень шаткое и затруднительное. Въ 1741 г. имп. Елизавета вступала на престолъ, какъ дочь Петра Великаго, какъ русская — въ этомъ заключалось ея право согнать нѣмку Анну Леопольдовну съ сыномъ; Екатерина же сама была чистокровною нѣмкою, больше даже, чѣмъ низвергнутый ею Петръ III, не говоря о томъ, что въ глазахъ большинства ихъ малолѣтній сынъ, цесаревичъ Павелъ, имѣлъ гораздо болѣе правъ на корону, чѣмъ его мать.

Эту послѣднюю мысль поддерживалъ Никита Ив. Панинъ еще при жизни имп. Елизаветы; теперь онъ проектировалъ учредить Государственный Совѣтъ съ явною цѣлью ограничить самодержавіе императрицы. Нѣкоторые изъ гвардейцевъ принимали участіе въ переворотѣ 28 іюня въ увѣренности, что Петръ III умеръ и что ихъ ведутъ не низлагать его, а присягать новой императрицѣ; узнавъ правду, они заволновались, въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ дошло до открытаго возмущенія, для возстановленія порядка пришлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Неудовольствіе въ военныхъ кругахъ этимъ не прекратилось (дѣло офицеровъ Гурьева и Хрущова). Вспомнили о несчастномъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ: онъ всю жизнь провелъ въ заточеніи и теперь томился въ Шлиссельбургской крѣпости. Подпоручикъ Мировичъ задумалъ было освободить его; попытка не удалась и стоила жизни узнику и ему самому (1764).

3. Положеніе русскаго самодержавія при воцареніи Екатерины. Екатерина пожинала плоды, посѣянные не ею од-

ной: въ теченіи 37 лѣтъ верховная власть захватывалась и переходила незаконно изъ рукъ въ руки; 37 лѣтъ русское общество пріучалось подчиняться не закону, а силѣ и произволу, быть свидѣтелями полнаго неуваженія къ носителямъ верховной власти: кому вчера еще оказывались самые раболѣпные знаки почтенія, того сегодня подвергали униженію, обращались съ нимъ, какъ съ злодѣемъ и наихудшимъ врагомъ. Каждое новое царствованіе спѣшило прежде всего дискредитировать дѣйствія предыдущаго. При Петрѣ II преслѣдуютъ тѣхъ, кто главенствовалъ въ царствованіе Екатерины I; при Аннѣ Іоанновнѣ Верховники, бывшіе первыми лицами въ государствѣ, заброшены въ дальнюю ссылку, возведены на эшафотъ; будущій императоръ Петръ III при ней не имѣетъ другого наименованія, какъ «голштинскій чертушка». Не успѣли Бирона сослать въ Пелымъ, какъ возвращаютъ назадъ, и Минихъ, причина его паденія, занимаетъ мѣсто своего соперника. Сосланные при Елизаветѣ немедленно получаютъ свободу при Петрѣ III. Первымъ дѣломъ имп. Анны было распустить Верховный Тайный Совѣтъ, замѣнивъ его Кабинетомъ министровъ; но стоило Елизаветѣ взойти на престолъ, и Кабинетъ распущенъ; позже она замѣнила его Конференціей министровъ, — и роспускъ Конференціи, въ свою очередь, былъ однимъ изъ первыхъ распоряженій ея преемника. Елизавета не только низложила Іоанна Антоновича, но старательно вытравливала всѣ слѣды его царствованія: приказано было отбирать монеты съ его изображеніемъ, казенныя печати, указы, манифесты, изданные отъ его имени; самое имя Іоанна запрещено упоминать въ оффиціальной перепискѣ.

Подобныя мѣры, свидѣтельствовавшія, насколько непрочно чувствовали себя лица, достигшія трона, роняли самую идею власти. Прежніе самодержцы благоговѣйно чтили память своихъ предшественниковъ, старались вселить въ народѣ убѣжденіе, что они продолжаютъ ихъ дѣло; благодаря этому, самодержавіе крѣпло въ сознаніи народномъ, и тронъ былъ, дѣйствительно, окруженъ вѣрно-подданными, служившими своему государю «не за страхъ, а за совѣсть». Имп. Екатеринѣ предстояла не легкая задача снова укрѣпить расшатавшееся самодержавіе, отнять у него характеръ произвола, оправдать его существованіе и вернуть то обаяніе нравственной силы, которымъ раньше оно пользовалось въ глазахъ русскаго народа.

4. Состояніе Россіи при воцареніи Екатерины. Захвативъ власть, Екатеринѣ предстояло оправдать свой захватъ, показать, что съ ея воцареніемъ дѣла пошли лучше и очередныя нужды государства получили свое разрѣшеніе. А между тѣмъ положеніе Россіи дѣлало эту задачу особенно за-

труднительною. Вотъ въ какомъ состоянiи, по собственному свидѣтельству императрицы, застала она Россiю при вступленiи на престолъ:

Повсюду жалобы на лихоимство, взятки и вымогательство. Правосудiе продавалось съ торгу; закономъ руководились лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно сильному. Правительствующiй Сенатъ заваленъ дѣлами, безъ разбора, мелкими и важными, и потому много дѣлъ, по существу, неотложныхъ, подолгу лежали безъ движенiя. Сенатскiе указы въ губернiяхъ исполнялись настолько плохо, что вошло въ пословицу говорить: «ждутъ третьяго указа». Никто хорошенько не зналъ, сколько надлежало поступать доходовъ въ государственную казну: дѣйствительные доходы опредѣлялись въ 16 миллiоновъ, на самомъ же дѣлѣ населенiе выплачивало 28 милл., — остальные 12 не доходили по назначенiю, расходясь по чужимъ карманамъ. Монополiи убили торговлю; денежный кредитъ за границей отсутствовалъ: имп. Елизавета тщетно пыталась заключить иностранный заемъ на скромную сумму въ 2 милл. рублей — ихъ никто не рѣшился довѣрить ей. Вдобавокъ, духовенство роптало на отобранiе земель, а монастырскiе и заводскiе крестьяне бунтовали, такъ что пришлось высылать противъ нихъ военные отряды и усмирять пушками.

5. „Наказъ" Екатерины. Екатерина однако не потерялась. Она задумала грандiозный планъ — привести законодательство въ лучшiй порядокъ, придавъ государственному строю надлежащую согласованность и органическую цѣльность. Въ этихъ видахъ она собрала въ Москвѣ (1767) депутатовъ со всѣхъ частей имперiи, представителей всѣхъ сословiй и классовъ населенiя, поручивъ имъ выработку «Новаго Уложенiя», а въ руководство составила особый «Наказъ».

Наказъ Екатерины одинъ изъ наиболѣе яркихъ памятниковъ просвѣщеннаго деспотизма XVIII вѣка.

1) Самодержавiе положено въ основу государственнаго строя, — но самодержавiе въ духѣ Петра В., а не его преемниковъ: «льстецы обыкновенно утверждаютъ, будто народы для государей сотворены, мы же (говорила Екатерина) думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа. Боже сохрани, чтобы послѣ окончанiя сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ, чѣмъ народъ русскiй».

2) Гражданская свобода — второй краеугольный камень государственнаго зданiя: ничего не слѣдуетъ запрещать законами кромѣ того, что можетъ принести вредъ отдѣльной личности или всему обществу; исключительно только одинъ законъ долженъ опредѣлять наше поведенiе.

3) Вѣротерпимость въ Русской имперіи необходима уже по одному тому, что русскіе подданные люди разныхъ вѣроисповѣданій. Гоненія религіозныя только раздражаютъ, терпимость же смягчаетъ сердца, устраняетъ опасные споры, «противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ».

4) Въ духѣ просвѣщеннаго вѣка опредѣляетъ Наказъ преступленіе: это болѣзнь, которую, какъ таковую, слѣдуетъ лѣчить мѣрами кроткими, а не вгонять ее внутрь организма. «Гораздо лучше предупредить преступленіе, нежели наказывать» — слова эти русскій человѣкъ впервые услыхалъ съ высоты престола.

5) Взглядъ на наказаніе отразилъ на себѣ не только просвѣщенный вѣкъ вообще, но, въ частности, и Елизаветинское царствованіе, отмѣнившее смертную казнь. Не бойтесь не быть жестокими, говоритъ Екатерина: «испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій — увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказанія. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая бо̀льшая часть наказанія будетъ безчестіе, въ преступленіи наказанія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало то же наказаніе на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности».

6) Тотъ же гуманный взглядъ сказывается и по поводу пытки. Екатерина горячо возстаетъ противъ нея, доказывая всю жестокость, несправедливость и безполезность, какъ средства для выясненія истины. Пытка противна здравому смыслу и притомъ безчеловѣчна: если преступленіе еще не доказано, то несправедливо мучить невиннаго, такъ какъ законъ признаетъ невинными тѣхъ, чье преступленіе не доказано. Пытая, рискуешь осудить невиннаго со слабымъ тѣлосложеніемъ и оправдать беззаконника съ тѣлосложеніемъ крѣпкимъ.

7) Прежде чѣмъ опубликовать свой Наказъ, Екатерина отдала его на судъ, сперва близкихъ ей людей, а потомъ и болѣе широкаго круга лицъ, и они болѣе половины написаннаго императрицею передѣлали или выбросили совсѣмъ. Наказъ многихъ испугалъ; въ немъ видѣли рѣзкое уклоненіе отъ старыхъ порядковъ и вкоренившихся понятій. Одни не соглашались на отмѣну пытки, другіе на освобожденіе крестьянъ. Вотъ почему параграфы Наказа «О рабствѣ», въ противность остальнымъ, выставляютъ не требованія, а лишь пожеланія, и отличаются недоговоренностью. Императрица глухо гово-

ритъ о необходимости избѣгать случаевъ обращать людей въ неволю; осторожно предостерегаетъ противъ жестокаго съ ними обращенія. Желаніе же свое освободить крѣпостныхъ отъ личной зависимости, учредить сельскій судъ для крестьянъ, поднять ихъ матеріальное благосостояніе настолько, чтобы дать возможность купить свою свободу, опредѣлить размѣръ самого выкупа — все это Екатерина должна была замолчать въ своемъ Наказѣ и взамѣнъ того признать, что «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе дѣлать великаго числа освобожденныхъ».Не могла она провести и другой своей мысли: необходимости выяснить причины крестьянскихъ бунтовъ, для предупрежденія ихъ на будущее время.

6. Вліяніе общественныхъ взглядовъ на правительственную дѣятельность Екатерины. Подобнаго рода уступчивость въ самодержавной государынѣ насъ не должна удивлять. Трезвый и практическій умъ, — Екатерина умѣла отказаться отъ своихъ наиболѣе задушевныхъ мыслей, когда видѣла, что наткнется на серьезное противодѣйствіе. Въ этомъ и сила и слабость всего ея царствованія. Она старалась привить подданнымъ свои мысли, но не вводила ихъ насильно. «Думаютъ, что я во всемъ самодержавно поступаю (объясняла она по одному случаю), между тѣмъ успѣхъ моего царствованія въ томъ, что, прежде чѣмъ осуществить какую-нибудь мѣру, я долго и внимательно прислушиваюсь къ мнѣніямъ тѣхъ, кого коснется мое распоряженіе, и уже примѣнительно къ этимъ мнѣніямъ дѣлаю рѣшительный шагъ». Дѣйствительно, главнѣйшіе памятники ея законодательной дѣятельности: Учрежденіе о губерніяхъ, Жалованныя грамоты дворянству и городамъ, далеко не во всемъ удовлетворяли ее самоё, но они отвѣчали желаніямъ большинства и потому оказались наиболѣе жизненными и устойчивыми, почти безъ перемѣнъ доживъ до реформъ имп. Александра II.

7. Комиссія объ Уложеніи. 1767. Много полезныхъ указаній дала императрицѣ собранная ею въ Москвѣ Комиссія о сочиненіи Новаго Уложенія. Главной задачи своей она не исполнила: Уложенія не составила, но она «подала мнѣ (говорила Екатерина) свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещися должно».

Въ Комиссіи сошлись представители отъ дворянъ, горожанъ и государственныхъ крестьянъ; депутаты отъ правительственныхъ учрежденій, казаки, пахатные солдаты, инородцы, всего 564 человѣка. Не представлены были только крѣпостные крестьяне и духовенство, какъ сословіе (но были депутаты отъ Синода). Всѣ депутаты пріѣхали съ наказами отъ своихъ выборщиковъ; они-то и дали императрицѣ возможность

составить ясное представленіе о томъ, какъ живетъ Россія и чего она хочетъ.

Чрезъ всѣ депутатскіе наказы основной чертою проходитъ эгоистическая забота о самихъ себѣ. Въ то время какъ Наказъ императрицы проникнутъ мыслью объ общемъ благѣ, сложился подъ вліяніемъ просвѣщенныхъ идей европейской философіи, наказы депутатовъ исходятъ исключительно изъ узко-сословныхъ, классовыхъ интересовъ. Каждое сословіе хлопочетъ о томъ, чтобы выдѣлить себя изъ другого, выговорить побольше привилегій въ свою пользу. Интересовъ Россіи, государства въ его цѣломъ, какъ бы не существовало.

Дворянство требовало себѣ исключительнаго права владѣть крѣпостными; вѣдать самимъ свои мѣстныя дѣла; въ этихъ цѣляхъ сплотиться въ корпорацію, въ дворянское общество, съ выборными предводителями, судьями и опекунами надъ малолѣтними; вѣдать, тоже на выборныхъ началахъ, мѣстнымъ судомъ, мѣстной полиціей, безо всякаго вмѣшательства областныхъ правительственныхъ органовъ. Наказы настаиваютъ на предоставленіи дворянамъ права свободной выкурки вина, на устраненіи конкуренціи городского сословія въ оптовой заграничной торговлѣ, въ фабричномъ дѣлѣ, на учрежденіи сословныхъ училищъ для дворянъ. Кромѣ того наказы полны жалобами на утѣсненія слабыхъ сильными, бѣдныхъ богатыми, на лицепріятіе судей, на судебную волокиту, на постоянные побѣги крестьянъ, противъ которыхъ они предлагаютъ принять суровыя мѣры. Пытку дворянство желаетъ отмѣнить, но исключительно только для одного своего сословія; полную же отмѣну ея считаетъ опасною для спокойствія государства, находя, что кроткое законодательство, смягченіе наказаній, гуманные пріемы судопроизводства неизбѣжно приведутъ къ разложенію общества, къ порчѣ нравовъ.

Въ свою очередь купечество отстаивало свои сословные интересы, протестуя противъ участія дворянъ въ фабричной промышленности и требуя себѣ исключительнаго права производить торговлю, не допуская къ ней ни дворянъ, ни крестьянъ. Здѣсь та же забота расширить свои привилегіи за счетъ другихъ сословій: просьба отмѣнить подушную подать, рекрутскую повинность, тѣлесныя наказанія, освободить отъ службы при казенныхъ сборахъ.

Крестьяне также хлопочатъ о себѣ: о правѣ заниматься не однимъ земледѣліемъ, но и торговлей, спорныя дѣла на небольшія суммы рѣшать своимъ сословнымъ судомъ.

8. Губернская реформа 1775 г. «Учрежденіемъ объ управленіи губерній» Россія раздѣлена была, вмѣсто прежнихъ 20, на 50 губерній, а каждая изъ нихъ на уѣзды, примѣрно по

10 на каждую. Согласно ученію Монтескье, администрація, судъ и финансы были выдѣлены въ особыя вѣдомства и для каждаго вѣдомства созданы особые органы, какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ, поставленные подъ общій надзоръ генералъ-губернатора, вѣдавшаго всею губерніею на положеніи государева намѣстника.

1) Администрація. Въ губерніи: губернское правленіе — совѣщательный органъ при генералъ-губернаторѣ; въ уѣздѣ: нижній земскій судъ (капитанъ-исправникъ и 2 засѣдателя, по выбору уѣзднаго дворянства). Исправнику подчиненъ уѣздъ, городъ — городничему. При губернскомъ правленіи состоялъ прокуроръ, а при земскомъ судѣ уѣздный стряпчій, оба, подобно прокурорамъ Петровскаго времени, для наблюденія за неуклоннымъ исполненіемъ закона.

2) Судъ.

а) Высшая инстанція: двѣ палаты: гражданская и уголовныхъ дѣлъ.

б) Средняя инстанція, сословная, въ губерніи: верхній земскій судъ для дворянства; губернскій магистратъ для купечества и мѣщанъ; верхняя расправа для крестьянъ.

в) Низшая инстанція, тоже сословная, въ уѣздѣ и съ такимъ же распредѣленіемъ: уѣздный судъ, городовой магистратъ и нижняя расправа.

При палатахъ и верхнемъ судѣ тоже состояли прокуроры и съ тѣмъ же назначеніемъ, какъ въ учрежденіяхъ административныхъ.

3) Финансы. Казенная палата съ губернскимъ казначеемъ вѣдала: сборъ казенныхъ доходовъ, производство расходовъ, казенныя монополіи, оброчныя статьи, казенныя имущества въ губерніи. Въ ея вѣдѣніи находились уѣздныя казначейства.

4) Приказъ общественнаго призрѣнія вѣдалъ народное просвѣщеніе, медицинскую часть и заведенія общественнаго призрѣнія (богадѣльни, дома умалишенныхъ, пріюты).

5) Совѣстный судъ изъ выборныхъ отъ дворянства, городского купечества и свободныхъ сельскихъ обывателей: для разбора мелкихъ дѣлъ, преимущественно какъ третейскій судъ. Подобно приказу общественнаго призрѣнія, онъ носилъ характеръ благотворительный. Его главною задачею было стараться приводить стороны къ миролюбивому соглашенію.

Такимъ образомъ совокупность губернскихъ учрежденій представляетъ собою три слоя:

1) Верхній, безсословный, изъ коронныхъ чиновниковъ (по назначенію отъ правительства):

Губернское правленіе;

Судебныя палаты;
Казенная палата.

2) Среднiй, сословный, выборный, но съ предсѣдателемъ по назначенiю отъ правительства, — въ губернiи:

Суды сословные;
Приказъ общественнаго призрѣнiя;
Совѣстный судъ.

3) Нижнiй, сословный, выборный, не исключая и предсѣдателя, — въ уѣздахъ:

Нижнiй земскiй судъ;
Уѣздный судъ (дворянскiй);
Городовой магистратъ (купеческiй);
Нижняя расправа (крестьянская).

9. Жалованная грамота дворянству 1785 г. Имп. Екатерина видѣла въ дворянствѣ опору престола, сходясь въ этомъ отношенiи съ Монтескье, который придавалъ особенное значенiе аристократiи въ государствѣ монархическомъ. Она въ широкихъ размѣрахъ удовлетворила желанiя, заявленныя дворянами въ депутатскихъ наказахъ 1767 г., тѣмъ болѣе что чувствовала себя обязанною этому сословiю за ту дѣятельную поддержку, какую нашла въ немъ въ своей борьбѣ съ Петромъ III. Грамотою 1785 г. постановлялось:

1) Дворянство составляетъ особую привилегированную корпорацiю, съ правомъ самому опредѣлять свой составъ, допускать въ свою среду или отказывать въ прiемѣ. Съ этою цѣлью заводятся особыя дворянскiя книги, и дворяниномъ считается лишь тотъ, кто занесенъ въ нихъ.

2) Дворянство есть званiе потомственное и наслѣдственное.

3) Лишить этого званiя можно лишь по суду, причемъ самое постановленiе суда должно быть конфирмовано государемъ.

4) Дворянинъ не платитъ никакихъ податей; онъ избавленъ отъ тѣлесныхъ наказанiй; имѣетъ право служить или не служить, смотря по желанiю.

5) Ему предоставлено исключительное право владѣть населенными землями.

6) Онъ пользуется правомъ заводить у себя въ деревняхъ фабрики и заводы.

7) Родовое дворянство всегда было недовольно петровскою Табелью о рангахъ, которая давала право на выслугу дворянства всякаго званiя людямъ. Родовитый дворянинъ обижался тѣмъ, что чины давались не по рожденiю, а по старшинству службы, и что вслѣдствiе того онъ могъ очутиться на одинаковомъ уровнѣ съ «подлорожденнымъ». Екатерина и здѣсь пошла на встрѣчу дворянскимъ желанiямъ, затруднивъ

не-дворянамъ пріобрѣтеніе дворянства, отдавая предпочтеніе, при производствѣ въ оберъ-офицерскій чинъ, дворянамъ. Впрочемъ основное положеніе Петра Великаго осталось не тронутымъ: служба по прежнему открывала дверь къ повышенію всякому. Екатерина пошла даже дальше: 8-й классъ давалъ только личное дворянство, она же постановила: личное дворянство въ трехъ поколѣніяхъ (отецъ, сынъ, внукъ) даетъ поколѣніямъ нисходящимъ права потомственнаго дворянина.

8) Дворянству, какъ сословію, предоставлено было важное право, чрезъ особыхъ депутатовъ, обращаться къ государю съ представленіями о своихъ нуждахъ и приносить жалобы непосредственно на его имя.

9) Учреждена дворянская опека надъ дворянскими вдовами и сиротами.

10. Жалованная грамота городамъ 1785 г. — Наименѣе удачная изъ законодательныхъ мѣръ имп. Екатерины. Въ противоположность организаціи дворянскаго сословія, въ основу городского устройства положено начало безсословное, противъ чего такъ возставали всѣ навыки тогдашняго общества. Прежній городъ былъ собраніемъ тяглыхъ посадскихъ людей; теперь подъ горожанами понимались вообще всѣ тѣ, кто жилъ тамъ: не одни купцы и ремесленники, но и дворяне, имѣвшіе тамъ свои дома, люди свободныхъ профессій. Городское населеніе дѣлилось на 6 разрядовъ: 1) владѣльцы недвижимой городской собственности; 2) купцы; 3) ремесленники; 4) именитые граждане; 5) иностранные купцы; 6) всѣ остальные. Они выбирали изъ своей среды Общую городскую думу, а та — Шестигласную думу, изъ 6 человѣкъ, по одному отъ каждаго разряда. Однако дворяне считали ниже своего достоинства сидѣть совмѣстно съ купцами и «мужиками»; чиновники тоже старались уклониться отъ участія въ думѣ, и Общая дума фактически нигдѣ не была введена, а Шестигласная, вмѣсто того, чтобы стать органомъ мѣстнаго самоуправленія, выродилась въ послушное орудіе мѣстной правительственной власти.

Такъ какъ дворяне жили преимущественно въ своихъ помѣстьяхъ, а въ города пріѣзжали лишь на выборы или на службу, то собственно въ городскомъ населеніи образовалось двѣ группы: высшая, купцы, свободные отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ рекрутчины и отъ податей; и низшая, мѣщане, сохранившіе тяглый характеръ; по повинностямъ, какія они несли, это были тѣ же крестьяне, только городскіе, не сельскіе.

11. Крѣпостное право при Екатеринѣ II. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II зна-

чительно ухудшилось по сравненію съ прежнимъ. Женщина высоко образованная, поклонница просвѣтительныхъ идей своего времени, Екатерина считала несправедливымъ лишать крестьянъ свободы; но она опасалась, какъ бы съ освобожденіемъ не пошатнулась ея власть. Вступивъ на престолъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, нуждаясь въ поддержкѣ дворянства, своей «опоры», какъ она называла его, императрица не рѣшалась идти открыто противъ желаній дворянскаго сословія, а оно между тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ, не допускало и мысли объ измѣненіи сложившихся отношеній. Отсюда непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ Екатерины. На словахъ, въ Наказѣ, она сторонница освобожденія, на практикѣ же разрѣшаетъ помѣщикамъ ссылать своихъ людей безъ суда, «по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливаго наказанія» (указъ 1765 г.), и въ разгаръ работъ Комиссіи Уложенія требуетъ отъ крестьянъ безпрекословнаго повиновенія своимъ господамъ, грозя, за всякую беззаконную жалобу на нихъ, кнутомъ и вѣчною каторгой (указъ 1767 г.).

Это противорѣчіе слова съ дѣломъ свидѣтельствовало о безсиліи императрицы бороться со зломъ, — настолько зло успѣло пустить глубокіе корни, войти въ нравы и жизнь. Все же Екатерина недостаточно съ нимъ боролась, а нѣкоторыми мѣрами даже усилила его. Таковъ законъ о малороссійскихъ крестьянахъ и практиковавшаяся въ широкихъ размѣрахъ раздача населенныхъ земель въ частныя руки.

Въ Малороссіи крестьяне, до временъ Екатерины, еще сохраняли право свободнаго перехода и выбирали землю по взаимному соглашенію съ помѣщикомъ; но закономъ 1783 г. право это было у нихъ отнято, и они были прикрѣплены къ землѣ тамъ, гдѣ ихъ застало новое распоряженіе.

Лица, содѣйствовавшія императрицѣ низложить Петра III, были щедро награждены ею: за первые 10 лѣтъ, кромѣ чиновъ и орденовъ, имъ было роздано до 70 тыс. душъ; такимъ образомъ крестьяне изъ государственныхъ, свободныхъ и лишь крѣпкихъ землѣ, превращались въ крѣпостныхъ рабовъ, въ господскую собственность. Награды населенными землями фаворитамъ, государственнымъ дѣятелямъ, оказавшимъ заслуги на военномъ поприщѣ или въ гражданской службѣ, приняли особенно сильные размѣры въ послѣднія 20 лѣтъ. Насчитываютъ, что за все свое царствованіе Екатерина роздала государственныхъ крестьянъ до 1 милліона душъ.

Навыки оказались сильнѣе закона, и отдѣльныя мѣры для облегченія положенія крестьянъ, сами по себѣ слабыя и мало дѣйствительныя, не достигали цѣли. Продажа людей стала практиковаться еще со временъ Петра В.; онъ только не дозволялъ продавать людей иначе, какъ семьями, запретивъ продажу

ихъ въ одиночку (1721); но законъ этотъ, на практикѣ, остался мертвою буквой. Указъ 1760 г. даже узаконилъ продажу дѣтей отдѣльно отъ родителей, не дозволивъ только разлучать мужа и жену.

Съ годами утвердилось неузаконенное право переводить крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое; «на вывозъ» продавались иногда цѣлыя деревни, особенно когда имѣлось въ виду отправить ихъ въ мѣстности малонаселенныя (въ Оренбургскій край, на Уральскіе заводы). Помѣщики торговали своими людьми для поставки ихъ въ рекруты. Разорившійся помѣщикъ, вынужденный продавать съ молотка свое имѣніе, продавалъ съ аукціона и крѣпостныхъ. Крѣпостныхъ людей вымѣнивали на породистыхъ собакъ, проигрывали въ карты, продавали на ярмаркахъ, точно какую скотину; объявленія о ихъ продажѣ печатались въ газетахъ на ряду съ объявленіями о продажѣ домашней мебели, подержаной коляски, выѣзженной лошади.

Законъ запрещалъ помѣщику злоупотреблять своею властью, но точно не указывалъ, какимъ наказаніямъ онъ долженъ подлежать за свои злоупотребленія. При продажности судей, это открывало широкій просторъ для помѣщичьяго произвола. Нужно было особое скопленіе изувѣрствъ, неслыханныя жестокости и десятки неповинныхъ жертвъ, чтобы преступленіе дошло до суда и потерпѣло наказаніе (дѣло «людоѣдки» Салтычихи; отъ ея истязаній умерло свыше 50 человѣкъ въ ея имѣніи), громадное же число преступленій этого рода обыкновенно сходило безнаказанно съ рукъ. Даже образованные помѣщики (Болотовъ, авторъ «Записокъ»; поэтъ Державинъ, «пѣвецъ Фелицы») смотрѣли на сѣченье крѣпостныхъ, сажанье на цѣпь, какъ на мѣры вполнѣ допустимыя: «подобно тому, какъ Богъ наказываетъ насъ для нашего исправленія, такъ и помѣщики имѣютъ право налагать на непослушныхъ рабовъ кандалы, морить ихъ голодомъ — ради ихъ собственнаго блага». Такъ говорили помѣщики, принадлежавшіе къ культурной средѣ; большинство же ихъ были люди темные, безъ воспитанія, и ихъ обращеніе съ крѣпостными выражалось въ формахъ еще болѣе грубыхъ.

12. Пугачевщина.

1) Кѣмъ она питалась. Два класса людей, дворяне-помѣщики и крестьяне-крѣпостные жили бокъ о бокъ, въ постоянномъ соприкосновеніи и постоянномъ духовномъ отчужденіи другъ отъ друга. Одни прывыкли смотрѣть на сложившіяся отношенія, какъ на нормальныя и нравственно допустимыя; другіе — видѣли въ нихъ насиліе и величайшую несправедливость. Недовольны были, одинаково, крестьяне помѣщичьи

и крестьяне посессіонные (приписанные къ фабрикамъ и заводамъ), сидѣвшіе на оброкѣ и на положеніи хозяйской дворни. У всѣхъ была тайная мысль — избавиться отъ крѣпостной зависимости при первой возможности. Освобожденіе отъ службы дворянъ по манифесту Петра III дало крестьянству основаніе надѣяться, что вслѣдъ за ними получатъ свободу и они; надежда ихъ обманула, и недовольство усилилось. Въ разныхъ мѣстахъ начались волненія, и при воцареніи Екатерины бунтовавшихъ насчитывали десятками тысячъ. Военныя команды усмиряли бунты, но они вспыхивали снова. При томъ недовольны были не одни крестьяне: волновались инородцы, особенно башкиры, притѣсняемые мѣстными властями, насильственнымъ введеніемъ среди нихъ православія; недовольны были раскольники, яицкіе (уральскіе) казаки.

Какъ во времена Болотникова, Разина и Булавина, достаточно было появиться человѣку, который съумѣлъ бы объединить эти разнородные элементы подъ однимъ знаменемъ, чтобы недовольство приняло характеръ бурнаго, разрушительнаго протеста. Такой человѣкъ явился въ лицѣ Емельяна Пугачева, донского казака. На его знамени было написано: свобода отъ податей, отъ помѣщиковъ, отъ воеводскихъ притѣсненій, и всякаго рода льготы, смотря по тому, кто о какихъ мечталъ. Въ сущности это былъ призывъ къ анархіи, такой же, какъ и во времена Болотникова и Разина, но потому-то онъ и привлекъ къ себѣ народную массу, извѣрившуюся въ справедливость дѣйствующихъ порядковъ. Сверхъ того къ Пугачеву примкнулъ элементъ чисто преступный: ссыльные и каторжники, бѣжавшіе съ пути въ Сибирь, — это придало движенію характеръ еще болѣе анархическій.

2) Что обѣщалъ Пугачевъ. Манифесты Пугачева, обращенные къ кочевымъ инородцамъ Оренбургскаго края, предоставляли имъ въ полное и безраздѣльное ихъ пользованіе «земли, воды, лѣса и луга»; обѣщали надѣлять порохомъ и свинцомъ, необходимымъ для охоты на дикаго звѣря; манили возвратомъ земель, взятыхъ подъ рудники и заводы, прощеніемъ прежнихъ преступленій. Уральскихъ казаковъ Пугачевъ тоже надѣлилъ «рѣкою Яикомъ», рыбными ловлями, земельными угодьями, сѣнными покосами «безданно и безпошлинно»; обѣщалъ возстановить старую вѣру и старыя вольности. Въ Пріуральскомъ краѣ числилось до 200 тыс. посессіонныхъ крестьянъ; заводчики сильно нуждались въ рабочихъ рукахъ и покупали крѣпостныхъ; какъ ни запрещались такія покупки, прекратить ихъ не было возможности. Тѣ же причины, что вызвали въ XVI и XVII вв. прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ: рѣдкое населеніе, разбросанное на громадномъ пространствѣ; дешевизна земли и дороговизна рабочихъ рукъ;

неразвитость экономическая — оказывали свое вліяніе и въ XVIII в., только къ нимъ прибавилась еще одна: фабричная промышленность, нуждавшаяся въ крѣпостныхъ работникахъ; и, подобно тому какъ раньше прикрѣпляли крестьянъ къ землѣ, такъ теперь ихъ прикрѣпляютъ къ фабрикамъ и заводамъ. Фабрикантъ, хотя и не дворянинъ, тоже пользовался правомъ подвергать своихъ рабочихъ тѣлесному наказанію; волненія существовали здѣсь тоже съ давнихъ поръ, и призывъ Пугачева «уничтожить всѣ ненавистные заводы» встрѣтилъ среди посессіонныхъ крестьянъ полное сочувствіе.

Какъ было не подняться помѣщичьимъ крестьянамъ, если они, готовые удовольствоваться самымъ малымъ, узнавали, что ихъ жалуютъ «древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою»; превращаютъ въ «вѣчныхъ казаковъ», свободныхъ отъ рекрутчины и податей; что земельныя, лѣсныя и сѣнокосныя угодья, рыбныя ловли, соляныя озера предоставляются въ ихъ пользованіе, безъ покупки и безъ оброку?

3) Бунтъ. Пугачевъ появился на Уралѣ, назвавшись императоромъ Петромъ III; сначала схваченный и приговоренный къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Пелымъ, онъ успѣлъ бѣжать (весною 1773 г.) и осенью, создавъ «императорскій» дворъ, поднялъ все Зауралье, осадилъ Оренбургъ, захватилъ Самару (1773, декабрь). Оренбургъ удалось освободить (1774, мартъ), но броженіе перебросилось на правый берегъ Волги; мятежники взяли и сожгли Казань; выпустили изъ тюремъ колодниковъ; отъ Казани до Москвы всюду поднялись крестьяне, цѣлыми деревнями приставали къ мятежникамъ, избивая помѣщиковъ и ихъ семьи. Неспокойно стало въ самой Москвѣ. Пугачевъ уже собирался идти на нее. Пожаръ принималъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры и охватилъ чуть не всю восточную половину Европейской Россіи, всюду ознаменовывая себя необычайными жестокостями. Долго накипавшая злоба крестьянъ нашла себѣ выходъ. Пугачевъ призывалъ къ полному истребленію дворянъ: «руби столбы, заборы повалятся», и столбы рубились безъ пощады; въ одномъ городѣ Саранскѣ было повѣшено сбѣжавшихся туда изъ уѣзда 300 дворянъ-помѣщиковъ.

«Новое общественное зданіе должно было покоиться на совершенно иныхъ устояхъ; въ немъ всѣ должны были быть равны, господамъ въ немъ не было мѣста. Ихъ слѣдовало истребить, не только тѣхъ, которые дурно обращались со своими крестьянами, но всѣхъ безъ разбора: ихъ не всегда даже и спрашивали, желаютъ ли они признать новый порядокъ и присягнуть Пугачеву. Что при убійствѣ дворянъ имѣлось въ виду именно истребленіе этого сословія, видно изъ значительнаго

количества убитыхъ дѣтей, которыя, разумѣется, не могли еще ни провиниться въ притѣсненіи крестьянъ, ни отказаться отъ признанія власти новаго государя» (Семевскій).

Положеніе правительства было очень затруднительно. Справиться съ мятежомъ было не легко еще и потому, что въ ту пору Россія вела войну съ Турціей и почти всѣ войска находились на южномъ фронтѣ. Въ эти критическія минуты имп. Екатерина назначила, для борьбы съ Пугачевымъ, Петра Ив. Панина, снабдивъ его самыми широкими полномочіями. Выборъ оказался удачнымъ. Подъ Царицынымъ мятежникамъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ (1774, августъ), и мятежъ сталъ утихать. 14 сентября Пугачева схватили, а 10 января 1775 г., въ Москвѣ, онъ сложилъ свою голову на плахѣ.

Пугачевщина была усмирена; и если жестоко было возмущеніе, то жестока была и расправа. Всѣ, кто убивалъ чиновниковъ и помѣщиковъ или кто выдавалъ ихъ, были казнены; иныхъ колесовали или вѣшали за ребро; сообщниковъ жестоко сѣкли плетьми; въ селеніяхъ, гдѣ коноводы успѣвали скрыться, вѣшали по жребію третьяго, а остальныхъ взрослыхъ пороли плетьми; кнутомъ сѣкли даже шестидесятилѣтнихъ стариковъ, и притомъ еще отрѣзывали часть уха.

Это были мѣры правительственныя; но «крѣпостныхъ, виновныхъ въ возстаніи, наказывали и по желанію господъ; помѣщики, не жившіе въ деревняхъ, писали даже довѣренности, уполномачивая знакомыхъ ходатайствовать, чтобы ихъ провинившихся крестьянъ наказывали кнутомъ и плетьми, рѣзали имъ уши, а наиболѣе преступныхъ казнили смертію. У народа осталась въ памяти барская расправа послѣ Пугачевщины, и онъ олицетворилъ ее въ разсказѣ о томъ, какъ помѣщикъ вѣшалъ двороваго: веревка три раза обрывалась, и баринъ все-таки не помиловалъ своего крѣпостного» (Семевскій).

13. Внѣшняя политика Россіи въ XVIII в.

1) Общія указанія. Ништадтскій миръ благополучно разрѣшилъ одну изъ трехъ главнѣйшихъ задачъ во внѣшней политикѣ Россіи — обезпечилъ ей господство на Балтійскомъ морѣ; на очереди оставались двѣ остальныхъ: польская и черноморская. Но, окончательно войдя въ семью европейскихъ народовъ, Россія вынуждена была рѣшать эти задачи въ обстановкѣ уже иной: въ прямой зависимости отъ общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ, а положеніе это въ XVIII в. опредѣлялось: а) соперничествомъ Франціи: на сушѣ — съ Германіей, на морѣ — съ Англіей; и б) соперничествомъ Пруссіи съ Австріей за гегемонію въ предѣлахъ Германской имперіи. Обойти эти два фактора въ своей политической жизни Россія

не могла, и отъ искусства ея государственныхъ дѣятелей, отъ ихъ пониманія здравыхъ національныхъ интересовъ зависѣло, будетъ ли указанная обстановка использована къ выгодѣ страны или, наоборотъ, она затормозитъ, исказитъ русское дѣло.

2) Польская война 1733—1734 гг. Вѣчный миръ съ поляками (1686), а потомъ совмѣстная борьба съ Августомъ II противъ Карла XII открыли широкій доступъ русскому вліянію въ Польшѣ (избраніе Августа II королемъ польскимъ, 1697; изгнаніе изъ Польши его соперника, короля Станислава Лещинскаго, послѣ Полтавской побѣды); здѣсь Россія столкнулась съ вліяніемъ французскимъ, что неизбѣжно привело ее къ сближенію съ Австріей, тѣмъ болѣе что и у Австріи и у Россіи былъ общій врагъ — турки, всегда находившіе себѣ поддержку во французской дипломатіи. Вотъ почему попытка Петра В. сблизиться съ Франціей (поѣздка его въ Парижъ, 1717; проектъ выдачи дочери Елизаветы, будущей императрицы, за Людовика XV) кончилась ничѣмъ. Послѣ смерти Петра сближеніе съ Австріей получило болѣе осязательную форму: 6 августа 1726 г. съ нею заключенъ былъ формальный союзъ. Въ 1733 г. Австрія и Россія совмѣстно посадили на польскій престолъ, по смерти Августа II, сына его, курфирста саксонскаго (Августа III), преодолѣвъ и на этотъ разъ французскія домогательства: старый претендентъ на польскую корону, Лещинскій, явился было въ Польшу, но былъ осажденъ въ Данцигѣ русскими войсками и вынужденъ бѣжать, послѣ чего сдался и Данцигъ (Миниху).

3) Курляндскій вопросъ. Вообще вліяніе Россіи въ Польшѣ послѣ смерти Петра В. не ослабѣвало; направленіе, данное имъ русской политикѣ въ Польскомъ вопросѣ, было настолько воспринято и окрѣпло въ сознаніи русскихъ людей, что отъ него не уклонялись даже въ тѣхъ случаяхъ, когда руководящимъ стимуломъ являлись соображенія не государственныя, а чисто личныя: Меншиковъ, разстроившій бракъ Морица Саксонскаго съ вдовствующей герцогиней курляндской Анной Іоанновной (1727), такъ какъ самъ домогался стать герцогомъ, дѣйствовалъ согласно русскимъ интересамъ, потому что для Россіи было выгоднѣе не допускать въ Курляндіи посторонняго вліянія. Точно также и въ 1737 г. Россіи, посадившей силою штыковъ въ Митавѣ курляндскимъ герцогомъ Бирона, честолюбиваго временщика, было выгоднѣе имѣть тамъ своего ставленника, къ тому же русскаго подданнаго, чѣмъ кого иного. Съ этой поры русскія войска постоянно находились въ Курляндіи, постепенно подготовляя ея присоединеніе къ имперіи. Не даромъ Екатерина II, ставъ императрицей, нашла полезнѣе, съ помощью тоже русской военной силы, вторично

передать власть надъ герцогствомъ Бирону, чѣмъ допустить саксонскаго или голштинскаго принца.

4) Турецкая война 1736—1739 гг. Царствованіе Анны Іоанновны, во внѣшней политикѣ, началось съ неудачъ: съ возвращенія Персіи (1732) провинцій, завоеванныхъ у нея Петромъ Великимъ въ 1723 г. (Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ, съ городами Дербентомъ и Баку). «Какъ ни оправдывали эту отдачу тѣмъ, что эти области вмѣсто пользы причиняютъ страшный вредъ, служа кладбищемъ для русскаго войска, однако все было очень непріятно начинать царствованіе уступками пріобрѣтеній великаго дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніями со стороны Турціи», вернуть уступленное Петромъ по Прутскому договору и смыть нанесенное тогда безчестіе (Соловьевъ). Предлогъ найти было не трудно: съ Турціей давно не ладили изъ-за Персіи, изъ-за Крыма, кабардинцевъ и калмыковъ; съ своей стороны Турція недовольна была усиленіемъ русскаго вліянія въ Польшѣ.

Война велась совмѣстно съ Австріей и ознаменовалась рядомъ блестящихъ успѣховъ: русскія войска проникли вглубь Крыма, сожгли Бахчисарай, столицу хана, взяли крѣпости Кинбурнъ, Азовъ, Очаковъ; побѣда при Ставучанахъ открыла ворота крѣпости Хотинъ и дорогу въ Яссы. Но насколько доблестно дѣйствовали войска (ими командовали Ласси и Минихъ, два генерала, прошедшіе школу Петра В.; они отличились передъ этимъ еще въ Польскую войну), настолько дипломатія, шедшая въ хвостѣ австрійской политики, не съумѣла использовать наши побѣды: Бѣлградскій миръ далъ Россіи выгоды ничтожныя, нисколько не окупившія понесенныхъ ею жертвъ (въ этой войнѣ погибло 100 тыс. человѣкъ, и стоила она много денегъ): намъ достался одинъ Азовъ, да и то со снесенными стѣнами, при обязательствѣ не возобновлять ихъ, а отъ Чернаго моря мы по прежнему оставались отрѣзанными и не обезпечены отъ татарскихъ вторженій со стороны Крыма.

Повторилась та же исторія, что въ 1698 г.: Австрія, наша союзница, заключила съ турками сепаратный миръ и, противно договору, оставила Россію одну доканчивать борьбу; и какъ тогда Петръ В. вынужденъ былъ удовольствоваться однимъ Азовомъ, отказаться отъ Керчи, такъ и на этотъ разъ Черное море оставалось закрытымъ для русскихъ торговыхъ судовъ, а опорные пункты Кинбурнъ и Очаковъ попрежнему оставались въ турецкихъ рукахъ. Россія и теперь еще была далека отъ рѣшенія Черноморскаго вопроса: южныя степи съ тучнымъ черноземомъ попрежнему служили раздольемъ всякаго рода птицѣ и звѣрю, лихимъ наѣздникамъ — казакамъ и татарамъ — растили одинъ ковыль и тщетно ждали къ себѣ пахаря съ мирной сохой.

5) Шведская война 1741—1743 гг. Въ Швеціи задумали воспользоваться смертью имп. Анны и дворцовыми переворотами, чтобы вернуть потерянное при Карлѣ XII, но въ начатой войнѣ шведы показали только свою слабость и были вынуждены, по миру въ Або, уступить Россіи еще нѣкоторую часть юговосточной Финляндіи до р. Кюмени.

6) Роль Россіи въ войнѣ за Австрійское наслѣдство. 1740—1748 гг. Воцареніе имп. Елизаветы совпало съ воцареніемъ въ Германіи императрицы Маріи-Терезіи и началомъ агрессивной политики Фридриха II, дѣйствовавшаго при поддержкѣ Франціи. Прусскій король захватилъ у Австріи Силезію и по миру въ Бреславлѣ (1742) удержалъ ее за собою. Россіи предстояло рѣшить, чьей стороны держаться ей. При Дворѣ были сторонники, одинаково вліятельные, и той и другой партіи. Перевѣсило мнѣніе не Лестока, домашнаго врача имп. Елизаветы, а канцлера графа Алексѣя Петр. Бестужева-Рюмина, который, подобно своему предшественнику Остерману, завѣдывавшему иностранными дѣлами при Аннѣ, стоялъ за союзъ съ Австріей. Бестужевъ видѣлъ въ этомъ продолженіе «системы Петра Великаго»: усиленіе Пруссіи, державы сосѣдней, опасно для Россіи. Неожиданное вторженіе Фридриха въ Богемію (1744) и особенно нападеніе его на Саксонію (1745) положили конецъ колебаніямъ: Россія придвинула свои войска къ прусской границѣ (въ Курляндію) и тѣмъ понудила Фридриха поспѣшить заключеніемъ въ Дрезденѣ мира съ Австріей и Саксоніей (1745), удовольствовавшись подтвержденіемъ условій Бреславльскаго договора.

7) Семилѣтняя война 1756—1763 гг. Дрезденскій миръ, закончившій «войну за Австрійское наслѣдство», если не далъ Фридриху всего, чего онъ домогался, все же явился несомнѣнною побѣдою Пруссіи надъ Австріей. Франція, поддерживавшая прусскаго короля въ расчетѣ ослабить и расчленить Германію, увидѣла свою ошибку. «Какъ послѣ Великой Сѣверной войны европейскія государства съ удивленіемъ увидали среди себя новаго могущественнаго сочлена, внезапно выросшаго — Россію, такъ послѣ войны за Австрійское наслѣдство они увидали среди себя другое новое могущество, Пруссію, предъ которою должны были посторониться. Франція жестоко обманулась въ своихъ надеждахъ: вмѣсто окончательнаго размельченія и ослабленія Германіи, здѣсь явилось государство, которое оказалось гораздо могущественнѣе Австріи, которое одно вышло съ выгодою изъ войны и употребило Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, для своего усиленія» (Соловьевъ). При такихъ условіяхъ Австрія переставала быть опасною для Франціи, и вѣковой враждѣ естественно было смѣниться сближеніемъ въ виду общей опасности, которая могла грозить имъ.

Австріи тяжело было примириться съ потерею Силезіи и она ухватилась за возможность въ союзѣ съ прежней соперницей вернуть утраченное.

Такъ опредѣлилась группировка трехъ державъ къ половинѣ XVIII в.: Австрія и Франція считали необходимымъ задержать развитіе прусскихъ силъ и ослабить ихъ. Это привело къ Семилѣтней войнѣ, которая втянула въ себя и другія державы. Пруссію поддерживала Англія, соперница Франціи на моряхъ: естественной союзницею Австріи была Саксонія; Россіи не было никакихъ основаній отказываться отъ прежней политики; наоборотъ: грозная сила, выроставшая у ея западныхъ границъ, побуждала Россію не только держать себя на сторонѣ Австріи, но и принять самое дѣятельное участіе въ войнѣ.

Война обошлась Россіи не дешево, но въ общемъ велась благополучно: побѣды при Гроссъ-Егерсдорфѣ, Кунерсдорфѣ; занятіе Берлина (временное), взятіе важной крѣпости Кольбергъ и въ особенности завоеваніе Восточной Пруссіи, приведеніе ея въ русское подданство съ введеніемъ тамъ русскаго управленія, какъ области, вошедшей въ составъ имперіи — все это давало основаніе расчитывать, что «скоропостижный» король будетъ, дѣйствительно, сдержанъ въ своихъ замыслахъ. Послѣ Кунерсдорфскаго пораженія Фридрихъ, въ самомъ дѣлѣ, считалъ себя уже погибшимъ и единственный выходъ для себя видѣлъ въ самоубійствѣ; но неожиданное чудо спасло его: смерть имп. Елизаветы. Новый русскій императоръ, Петръ III, не только возвратилъ Фридриху всѣ завоеванія, но отозвалъ свои войска отъ союзниковъ и даже собирался подать ему активную противъ нихъ помощь. Однимъ взмахомъ пера русское дѣло было погублено. Низложеніе Петра его не поправило: Екатеринѣ было не до возобновленія военныхъ дѣйствій; всѣ ея заботы первое время по воцареніи сосредоточились на томъ, какъ бы укрѣпиться на занятомъ престолѣ. Война кончилась для Фридриха благополучно: онъ удержалъ за собою Силезію, и Пруссія стала великою державою.

8) Отношенія къ Пруссіи и Польшѣ въ 1762—1768 гг. Миръ былъ нуженъ Екатеринѣ не только вслѣдствіе ея неустойчиваго положенія: она желала заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа и тѣмъ оправдать въ глазахъ его захватъ престола; кромѣ того она чувствовала, что наступаетъ пора приняться за рѣшеніе Польскаго вопроса: за длинный періодъ русскаго вліянія въ Польшѣ (1686—1762) плодъ успѣлъ созрѣть, наступила пора сорвать его, и потому Екатерина старалась развязать себѣ руки. Обстоятельства складывались особенно къ тому благопріятно: диссиденты, польскіе не-католики (т. е. православные и протестанты), давно

уже терпѣли притѣсненія въ своей вѣрѣ. Какъ разъ въ самый день переворота, 28 іюня, изъ Бѣлоруссіи пришли, отъ мѣстнаго епископа Георгія Кониcскаго, слезныя моленія о защитѣ. Вызванный въ Москву на коронацію (1762, 22 сент.), Кониcскій въ яркихъ краскахъ нарисовалъ Екатеринѣ бѣдственное положеніе польскихъ православныхъ, разсказалъ, какъ поляки вынуждаютъ ихъ принимать унію, не позволяютъ строить новыхъ церквей, починивать старыхъ. Императрица рѣшила тогда же использовать эти жалобы. Польскому королю Августу III жить оставалось не долго (онъ ум. 25 сентября 1763 г.), и она уже черезъ мѣсяцъ по воцареніи (2 августа) предупреждаетъ Станислава Понятовскаго, прежняго своего любимца, что будетъ добиваться для него короны.

Разгромить Пруссію все равно было уже невозможно: Петръ III своимъ поведеніемъ испортилъ дѣло; но Фридрихъ все же вышелъ изъ войны, хотя и съ честью, но усталый и обезсиленный; въ настоящемъ его положеніи онъ казался Екатеринѣ неопаснымъ, а полезнымъ ей онъ быть могъ. Къ тому же прусскій король самъ искалъ дружбы и поддержки у русской императрицы. 31 марта 1764 г., годъ спустя послѣ заключенія Губертсбургскаго мира (1763, 15 февр.), Россія подписала союзный договоръ на 8 лѣтъ. Обѣ стороны обязались дѣйствовать въ Польскомъ вопросѣ совмѣстно и проводить русскаго кандидата на польскій престолъ.

Дѣйствительно, королемъ былъ избранъ Станиславъ-Августъ Понятовскій (Августъ IV), племянникъ князей Чарторыскихъ, главарей русской партіи въ Польшѣ (1764, 7 сент.). Обыкновенно, до сихъ поръ, Россія дѣйствовала въ польскихъ дѣлахъ рука объ руку съ Австріей; теперь она отъ нея отдѣлилась. Екатерина не безъ основанія разочла, что лучше имѣть на польскомъ престолѣ *своего* короля, чѣмъ кого-либо изъ саксонскихъ курфирстовъ, руководившихся всегда болѣе австрійскими, чѣмъ русскими интересами.

Россія не замедлила предъявить полякамъ требованіе: уравнять диссидентовъ въ правахъ съ католиками; требованіе это встрѣтило упорное сопротивленіе, и даже Чарторыскіе отказались поддерживать его. Но Екатерина двинула въ Польшу войска и силою сломила сопротивленіе, навязавъ полякамъ договоръ (1768), по которому она обязывалась охранять новый порядокъ, а поляки обязывались не измѣнять его безъ ея согласія.

Договоръ не внесъ успокоенія, но породилъ гражданскую войну (Барская конфедерація) и вызвалъ дальнѣйшее вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла.

9) *Первая Турецкая война и первый раздѣлъ Польши.* 1768—1774 гг. Вмѣшательство Россіи въ польскія

дѣла вызвало вмѣшательство Турціи: торжество русской политики въ Польшѣ грозило ей опасностью: Россія получала возможность съ бо̀льшимъ успѣхомъ добиваться своей завѣтной цѣли — открыть доступъ къ черноземнымъ южнымъ степямъ и продвинуться вплотную къ Черному морю. Поддерживаемая въ этихъ опасеніяхъ Франціею, Турція объявила Россіи войну (1768), но вела ее неудачно. Побѣды Румянцова (военные таланты свои Румянцовъ развилъ еще въ Семилѣтней войнѣ) при Ларгѣ и Кагулѣ (1770, 7 и 21 іюля), разгромъ турецкаго флота Спиридовымъ и Грейгомъ въ Архипелагѣ, куда была послана изъ Кронштадта русская флотилія подъ общимъ командованіемъ Алексѣя Орлова (битва у береговъ о. Хіоса и сожженіе турецкихъ судовъ въ Чесменской бухтѣ, 1770, 24 и 26 іюня); занятіе Крыма кн. Долгорукимъ (1771) нанесли туркамъ непоправимый ударъ. Пугачевскій бунтъ нѣсколько задержалъ успѣхи русскихъ войскъ, и Кучукъ-Кайнарджійскій миръ (1774, 10 іюля) еще не привелъ Россію къ конечной цѣли, но все же значительно приблизилъ:

а) Россія пріобрѣтала Керчь и Еникале, лежавшія на обоихъ берегахъ Керченскаго пролива, что̀ открывало ей выходъ къ Черному морю; б) торговыя суда получали право свободнаго выхода изъ Чернаго моря въ Средиземное; в) Турція признавала независимость Крымскаго ханства и земель, населенныхъ буджакскими (югъ Бессарабіи) и кубанскими татарами, что̀ давало имп. Екатеринѣ юридическое право вступать съ ними въ непосредственныя соглашенія, помимо Турціи, и постепенно подготовить присоединеніе ихъ къ Русской имперіи.

Зато ей пришлось отказаться отъ мысли пріобрѣсти островъ въ Архипелагѣ и сдѣлать Молдавію и Валахію такими же независимыми, какъ и Крымъ.

Не одинъ Пугачевскій бунтъ остановилъ Россію на полдорогѣ. Ея успѣхи встревожили Австрію, и безъ того недовольную переходомъ Россіи въ прусскій лагерь. Марія-Терезія заключила съ турецкимъ султаномъ оборонительный союзъ (1771, 6 іюня) и грозила осложненіями; на Фридриха расчитывать было нечего: срокъ 8-лѣтняго договора съ нимъ истекалъ, прусскій король прекрасно использовалъ это время, оправился послѣ тяжелыхъ испытаній Семилѣтней войны и теперь могъ подать свой рѣшающій голосъ. Примиряя обѣ стороны, онъ предложилъ Россіи вознаградить себя не на счетъ Турціи, а на счетъ Польши, при чемъ, для равновѣсія, Пруссія и Австрія брали себѣ тоже польскія области. Такъ состоялся первый раздѣлъ Польши (1772, 25 іюля; польскій сеймъ утвердилъ договоръ трехъ державъ 18 сентября 1773 г.).

По этому раздѣлу Россіи досталась Бѣлоруссія (Люцинъ, Динабургъ, Полоцкъ, Витебскъ, Орша, Могилевъ, Мстиславль

и Вѣтка, центръ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ прежнее время изъ Россіи); Пруссія пріобрѣтала Западную Пруссію (нижнее теченіе р. Вислы, но пока еще безъ Торна и Данцига); Австрія — теченіе верхней Вислы (Краковъ, Сандомиръ), Червонную Русь и часть Подоліи.

Петръ Великій рѣшалъ Балтійскій вопросъ самостоятельно, безъ участія (обыкновенно равносильнаго помѣхѣ) другихъ державъ, но при прямомъ ихъ содѣйствіи (Польша, Данія); Екатерина оказалась въ иномъ положеніи: на пути къ Черному морю она наткнулась на Австрію, а раздѣлъ Польши былъ ей навязанъ: съ поляками она предпочла бы имѣть дѣло независимо отъ участниковъ въ дѣлежѣ. Екатерина пожинала горькіе плоды неразумной политики Петра III и, также, собственныхъ ошибокъ: разрывъ съ Австріей повредилъ ей на Черномъ морѣ, а поддержка, оказанная Фридриху II, позволила ему оправиться и создать изъ Пруссіи государство еще болѣе мощное, чѣмъ какимъ оно вышло изъ войны за Австрійское наслѣдство. По раздѣлу Польши наиболѣе цѣнныя пріобрѣтенія сдѣлалъ именно Фридрихъ: нижнее теченіе Вислы, клиномъ врѣзавшееся въ его владѣнія, соединило теперь Восточную Пруссію (Кенигсбергъ, Тильзитъ, Мемель) съ коренными землями Бранденбургскаго дома (Берлинъ, Франкфуртъ на О.); между тѣмъ Бѣлоруссія составляла ничтожную часть Русской Польши, присоединеніе ея далеко еще не разрѣшало національнаго вопроса, въ свое время поставленнаго Иваномъ III и Алексѣемъ Мих., а необходимость считаться впредь съ сильною Пруссіею становилась еще неизбѣжнѣе.

Для русскаго дѣла состоявшійся раздѣлъ Польши былъ пагубенъ еще и потому, что значительная часть земель отошедшихъ къ Австріи, была такимъ же, какъ и пріобрѣтенная Бѣлоруссія, старымъ «наслѣдіемъ Владиміра Св.», съ русскимъ населеніемъ; такимъ образомъ возвращеніе русскихъ областей отъ Польши съ самаго же начала было искажено: возсоединеніе съ Россіей единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ превращалось въ новое раздѣленіе и снова отодвигало на долгій срокъ окончательное рѣшеніе вопроса. Одна рука разрушала то, что созидала другая.

10) Союзъ съ Австріей. Греческій проектъ и присоединеніе Крыма. 1781—1787 гг. Остановленная Австріей въ своемъ движеніи къ Черному морю, Екатерина рѣшила войти съ ней въ соглашеніе, что означало новую оріентацію во внѣшней политикѣ: разрывъ съ Пруссіей. Въ 1780 г. истекъ срокъ договора съ Фридрихомъ II[1]); Екатерина его не

[1]) Заключенный въ 1764 г. на 8 лѣтъ, онъ былъ потомъ возобновленъ снова.

возобновила, замѣнивъ договоромъ съ имп. Іосифомъ II, обязавшись взаимно помогать въ борьбѣ съ Турціей (1781). Русская императрица лелѣяла грандіозные планы (т. наз. Греческій проектъ): занятіе Константинополя, Архипелага, Мореи; она мечтала возстановить Греческую имперію, посадивъ туда императоромъ второго своего внука, вел. князя Константина. Іосифъ однако не особенно сочувствовалъ этимъ планамъ, намѣреваясь, при будущемъ раздѣлѣ Турціи, самъ наложить руки на Архипелагъ и Морею.

Первымъ этапомъ въ осуществленіи Греческаго проекта явилось присоединеніе Крыма (1783, 8 апр.), — въ ходѣ событій русской исторіи фактъ первостепенной важности: наконецъ-то, послѣ вѣковыхъ усилій, начало которымъ терялось во временахъ Олега, Святослава и Владиміра Святого, Россія становилась твердой ногою на морѣ, еще въ старину носившемъ названіе Русскаго. Лѣтомъ 1787 г. императрица посѣтила завоеванный край, осмотрѣла въ Севастопольской бухтѣ новый флотъ, заведенный стараніями Потемкина, и посѣтила, властною государынею, Бахчисарай, то гнѣздо крымскихъ разбойниковъ, гдѣ раньше русскихъ людей видѣли или униженно кланяющимися, или жалкими плѣнниками, томящимися въ цѣпяхъ. Визитъ Екатерины имѣлъ тотъ же смыслъ, что и торжественный въѣздъ, 235 лѣтъ назадъ, царя Ивана въ покоренную Казань. Постройка городовъ въ отошедшихъ степяхъ Новой Россіи (Екатеринославъ, Херсонъ), призывъ колонистовъ, русскихъ и иностранцевъ, должны были заложить прочный фундаментъ русскаго господства въ новыхъ владѣніяхъ.

11) Вторая турецкая война. Война съ Швеціей. Паденіе Польши. 1787—1795 гг. Значеніе этихъ событій было слишкомъ краснорѣчиво, чтобы Турція могла спокойно отнестись къ нимъ. Поѣздку императрицы въ Крымъ и торопливость, съ какою сооружался черноморскій флотъ, въ Константинополѣ поняли, какъ вызовъ, и султанъ не замедлилъ объявить Россіи войну (1787, августъ). Русскія войска и на этотъ разъ одержали рядъ блестящихъ успѣховъ: Потемкинъ взялъ приступомъ крѣпость Очаковъ (1788, 6 дек.), Суворовъ разбилъ турокъ при Фокшанахъ (1789, 21 іюля) и Рымникѣ (1789, 11 сент.), взялъ крѣпость Измаилъ (1790, 11 дек.); но, какъ и раньше, политическія отношенія къ другимъ державамъ не позволили использовать этихъ побѣдъ въ тѣхъ размѣрахъ, на какіе можно было надѣяться. Пока Россія и Австрія (по договору 1781 г. тоже принявшая участіе въ войнѣ) были заняты на югѣ, Фридрихъ Вильгельмъ II, преемникъ Фридриха II, велъ дипломатическую войну въ Польшѣ, въ расчетѣ увеличить свои владѣнія на ея счетъ.

Раздѣлъ 1772 г., показавъ до какой степени политическаго паденія дошла Польша, вызвалъ среди поляковъ патріотическое движеніе и благородный порывъ въ цѣляхъ оздоровить больную націю. Требовались коренныя реформы, и сторонники ихъ, подъ вліяніемъ разыгравшейся въ ту пору французской революціи (1789), провели въ польскомъ сеймѣ новый законъ, т. наз. Конституцію 3 мая 1791 г., совершенно измѣнявшую государственный строй Польши: престолъ переставалъ быть избирательнымъ, но становился наслѣдственнымъ и переходилъ, по смерти Станислава Понятовскаго, къ курфурсту саксонскому и къ его нисходящимъ; liberum veto, — старинное право каждаго шляхтича срывать сеймъ, отмѣнялось: сеймовыя рѣшенія постановлялись большинствомъ голосовъ; конфедераціи объявлялись дѣяніемъ незаконнымъ; шляхта теряла прежнія сословныя привилегіи, и доступъ къ шляхетскому званію становился открытымъ для средняго, торговаго и промышленнаго класса. Эта важная реформа могла вдохнуть въ государственный организмъ Польши новыя силы; но возрожденіе Польши не входило въ расчеты Екатерины; къ тому же новый заковъ, противно договорамъ, состоялся безъ предварительнаго на то согласія Россіи, а поддержка, хотя и не явная, оказанная польскимъ патріотамъ прусскимъ королемъ, побуждала императрицу отнестись къ реформѣ тѣмъ болѣе отрицательно.

Въ то же время шведскій король Густавъ III, подобно Фридриху Вильгельму, задумалъ тоже, на свой ладъ, использовать затрудненія Екатерины и объявилъ ей войну (1788). Съ большимъ напряженіемъ удалось императрицѣ закончить ее Верельскимъ миромъ (1790, 3 авг.), съ сохраненіемъ прежнихъ границъ. Польскія дѣла заставляли торопить окончаніемъ Турецкой войны. Миръ въ Яссахъ (29 дек. 1791 г. ст. ст.; 9 января 1792 г. нов ст.) большихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Россіи не далъ: всего одинъ Очаковъ съ округой; но вмѣстѣ съ Крымомъ это создавало прочную базу на югѣ и окончательно утверждало насъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Греческій проектъ остался проектомъ, но Черноморскій вопросъ благополучно доведенъ былъ до конца.

Развязавшись съ Швеціей и Турціей, Россія могла дѣйствовать свободнѣе въ Польшѣ. Русскія войска заняли Варшаву и заставили перенести сеймъ въ Гродно; Пруссія обманула ожиданія поляковъ и, вмѣсто помощи, сговорилась съ Россіей насчетъ новаго дѣлежа (1793, 23 янв.). Россія получила Волынь, Подолію и часть Литвы (Минскую область); Пруссія: Данцигъ и земли Великой Польши (провинцію Познань); Австрія выговорила себѣ, вмѣсто утраченной Бельгіи, Баварію (1793, 25 сент.). Польша и Россія обязывались взаимною

помощью въ случаѣ нападенія на нихъ третьей державы, причемъ главное начальство надъ польскою арміей (число которой не могло превышать 15000 чел.) принадлежало тому, кто выставитъ большее количество войска; Россіи предоставлялось право вводить, по своему усмотрѣнію, войска въ предѣлы польскія; безъ вѣдома Россіи Польша не могла ни заключать союзовъ, ни измѣнять ничего въ своемъ государственномъ строѣ.

Это было начало конца. Сильное волненіе охватило польскихъ патріотовъ. Въ мартѣ 1794 г. въ Краковѣ вспыхнуло возстаніе; во главѣ его сталъ Костюшко; въ Варшавѣ перерѣзали до 2000 человѣкъ русскаго войска, захвативъ ихъ врасплохъ; но пораженіе, нанесенное полякамъ подъ Мацѣевицами, и взятіе штурмомъ Праги, предмѣстья Варшавы, сломили сопротивленіе. Состоялся третій, послѣдній раздѣлъ Польши. Россія получила остальную часть Литвы (области Виленскую и Гродненскую) и Курляндію; остальное разобрали Пруссія и Австрія (1795). Польша исчезла съ карты Европы. Поляки просили Екатерину сохранить хотя бы имя страны и титулъ, какой носили ихъ государи, но императрица отказалась удовлетворить эту просьбу, отвѣтивъ: «я не могу титуловаться польской королевою, такъ какъ не взяла ни одной пяди Польской земли — одно только свое, исконное русское».

Успѣхи Россіи были громадны: завѣтъ, оставленный предками грядущимъ поколѣніямъ, былъ выполненъ, однако не полностію: «Зарубежная Русь», «отчина Владиміра Святого» еще не вся вошла въ составъ Русскаго государства: за предѣлами русской государственной границы оставалась въ чужихъ рукахъ обширная область — Галиція.

14. Просвѣтительная дѣятельность въ царствованіе Екатерины.

Своею личностью, обращеніемъ съ людьми и тѣмъ, какъ она понимала обязанности государя, императрица Екатерина придала своему царствованію особый отпечатокъ, который лучше всего опредѣляется словами просвѣтительный и гуманный. Воспитанная на идеяхъ западно-европейской литературы, духовно одаренная, съ умомъ, обогащеннымъ разносторонними свѣдѣніями, настоящая представительница просвѣщеннаго абсолютизма, она навсегда покончила съ той порой, когда возможны были грубыя пирушки петровскихъ ассамблей и, тѣмъ болѣе, циничный разгулъ Всешутѣйшаго собора, — дубинка, гулявшая по чужимъ спинамъ, тривіальныя выходки шутовъ въ спальнѣ императрицы Анны и царскія пощечины, раздаваемыя придворнымъ. Уже дворъ имп. Елизаветыноситъ болѣе благовоспитанный обликъ; Екатерина пошла еще дальше: полная духовныхъ интересовъ, возвышеннаго образа мыслей,

она, сообразно болѣе утонченному вкусу, устраивала и свою обстановку, выбирала людей, съ которыми хотѣла поддерживать сношеніе и вести свои бесѣды. Школа, литература, наука, искусство, общественныя отношенія сдѣлали большіе успѣхи въ ея царствованіе, какъ въ силу личнаго ея воздѣйствія, такъ и благодаря частной инициативѣ, впервые получившей при ней возможность проявить себя въ жизни.

А. Школа.

1. Сама женщина, Екатерина первая озаботилась объ образованіи русской женщины. Помощникомъ ей въ этомъ дѣлѣ былъ И. И. Бецкій, воспитанный за границей, много путешествовавшій и проникнутый стремленіями о благѣ ближняго. Бецкій, въ духѣ времени, выходилъ изъ убѣжденія, что школа должна не только учить, но и воспитывать, насаждать въ юныхъ сердцахъ добродѣтель, создать «новую породу людей», свободную отъ старыхъ предразсудковъ и суевѣрій, а для этого изолировать молодую душу отъ семьи и общества, гдѣ она можетъ встрѣтить больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ примѣровъ. Соотвѣтственно этому взгляду было основано (1764, 28 іюня) «Общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ» (съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ для дочерей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ), извѣстное въ общежитіи подъ именемъ Смольнаго института (раньше здѣсь была деревня Смольная, на мѣстѣ дехтярнаго завода — отсюда и ея названіе, перенесенное на институтъ).

2. Указъ 7 сентября 1782 г. основалъ особую «Комиссію о народныхъ училищахъ». Въ короткое время она создала цѣлую сѣть народныхъ училищъ: нижнихъ, среднихъ и высшихъ, съ двухъ-трехъ- и 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, и нѣсколько учительскихъ семинарій для подготовки преподавателей. Прежніе учителя были простые самоучки-начетчики, ремесленники своего дѣла — учительскія семинаріи стали впервые готовить учителей педагоговъ.

3. Въ 25 губерніяхъ были учреждены «Главныя народныя училища» (при Александрѣ I превращенныя въ гимназіи).

4. «Уставъ народнымъ училищамъ» (1786, 5 авг.) положилъ основы всеобщаго народнаго образованія и явился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины II.

5. Открыты спеціальныя школы: Горное училище (въ Екатеринбургѣ), медицинскія школы, земледѣльческая; кромѣ того: училище для купеческихъ дѣтей (въ Москвѣ), а для духовныхъ 7 семинарій и до 25 низшихъ духовныхъ училищъ.

6. Посылка молодыхъ людей въ заграничные университеты, въ Германію, Англію, Францію и Швецію, велась въ царство-

ваніе Екатерины II въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде.

Б. Наука.

1. Учреждена Россійская Академія, по примѣру Французской, для ученой разработки русскаго языка и составленія его словаря (позже, въ 1841 г., вошла въ составъ Академіи Наукъ, какъ ея Второе отдѣленіе).

2. Посылка ученыхъ экспедицій для изученія Оренбургскаго и Астраханскаго края (труды Палласа, Лепехина, Георги, Рычкова, Гмелина и др.).

3. Ученая разработка русской исторіи (исторія Россіи Щербатова, сдѣлавшая возможнымъ, въ слѣдующемъ поколѣніи, трудъ Карамзина; историческія сочиненія Болтина; сборники Голикова и Новикова).

4. Ученое Дружеское Общество и Общество любителей учености при Московскомъ университетѣ.

В. Литература.

1. Имп. Екатерина сама принимала дѣятельное участіе въ русской литературѣ, какъ писательница: ея сочиненія по вопросамъ воспитанія; ея комедіи, журнальныя статьи; «Записки касательно Россійской имперіи», доведенныя до 1276 г.; занятія по составленію сравнительнаго словаря языковъ.

2. Подъемъ литературной дѣятельности создалъ такихъ выдающихся писателей, какъ Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Костровъ, Петровъ, Херасковъ, Хемницеръ, Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины выступилъ, какъ журналистъ, Крыловъ, будущій баснописецъ.

3. Литература обличительная: Сатирическіе журналы («Трутень», «Живописецъ», «Всякая Всячина», «Адская Почта»); «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», Радищева; «Ябеда», комедія Капниста (1798).

4. Литература духовная была тоже представлена выдающимися писателями и проповѣдниками; таковы: нижегородскій архіепископъ Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, ученый богословъ, учившійся въ Геттингенскомъ университетѣ; проповѣдники: митр. Гавріилъ (петербургскій), митр. Платонъ (московскій), св. Тихонъ Задонскій.

Г. Искусство.

1. Академія Художествъ, преобразованная въ 1764 г.

2. Русскіе таланты въ живописи (Левицкій, Лосенко, Боровиковскій), въ скульптурѣ (Шубинъ), гравюрѣ (Чемесовъ). Въ архитектурѣ преобладаютъ пока иностранцы (Кваренги, Ринальди); однако Потемкинскій дворецъ (нынѣ Государственная Дума) построенъ русскими силами: Старовъ.

Д. Дѣятельность на пользу общественную.

1. Воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ для безпризорныхъ дѣтей.

2. Прививка оспы, примѣръ чему подала сама императрица, — дѣло дотолѣ небывалое и пугавшее по своей необычайности: привить себѣ ядъ и не умереть!

3. Дѣятельность просвѣтительнаго и филантропическаго характера: масонство (Новиковъ, Шварцъ, Елагинъ, Лопухинъ).

15. Національный характеръ царствованія Екатерины.

Одна изъ особенностей царствованія Екатерины — его національный характеръ. Екатерина никогда не забывала, что именно помогло ей сдѣлаться государыней: общественное недовольство нѣмецкою политикою Петра III, его неуваженіемъ къ Россіи, ко всему русскому. И она, природная нѣмка, отдаетъ себя на служеніе этому русскому. Свидѣтельствомъ тому не только ея управленіе, внѣшняя и внутренняя политика, войны и законодательная дѣятельность, проникнутыя сознательной заботою о благѣ русскаго народа, — Екатерина не упускаетъ случая старательно подчеркнуть и въ мелочахъ свой русскій образъ мыслей: щеголяетъ русскою рѣчью, знакомится съ народнымъ бытомъ и народной литературой, интересуется русскими сказками, былинами, пѣснями и пословицами; содѣйствуетъ ихъ собиранію, заботится объ ихъ изданіи; читаетъ церковно-славянскія книги, пишетъ житіе Сергія Радонежскаго, изучаетъ лѣтописи и составляетъ русскую исторію, подчеркивая въ ней свѣтлыя стороны и поучительныя дѣянія.

Вотъ почему Екатерина имѣла основаніе сказать про себя, обращаясь къ русскому народу:

Но всюду — дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи —
Я помнила лишь выгоды Россіи —
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые, —
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!

(Апухтинъ)

V. Памятники духовной культуры. 1741—1796.

1. Литература (ея представители): М. В. Ломоносовъ — А. П. Сумароковъ — Д. И. Фонвизинъ — Г. Р. Державинъ — Екатерина II — Н. И. Новиковъ — А. Н. Радищевъ.

2. Записки (мемуары) Н. Б. Долгорукой, майора Данилова, Болотова, кн. Дашковой, Порошина, Штелина, Державина, Храповицкаго, имп. Екатерины II.

3. «Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія»; издавались академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1755—1761 гг. при Академіи Наукъ; первый учено-литературный журналъ въ Россіи.

4. «Трудолюбивая Пчела» — первый русскій журналъ, издававшійся по иниціативѣ и на средства частнаго лица (А. П. Сумарокова); выходилъ въ 1759 г.

5. В. Н. Татищевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». М. 1768—1774.

6. Кн. М. М. Щербатовъ, «Исторія Россіи». Спб. 1770—1792.

7. «Атласъ Россійской имперіи». Спб. 1745, начатый составленіемъ еще при Петрѣ В.: 20 картъ большого формата. Ко времени появленія этого атласа ни одно государство въ Европѣ, за исключеніемъ одной Франціи и Италіи, не имѣло сколько-нибудь порядочнаго атласа; на старинныхъ картахъ Германіи самое положеніе ея, вплоть до половины XVIII в., обозначалось ошибочно: на цѣлый градусъ далѣе къ Востоку, чѣмъ это было въ дѣйствительности. «Въ русскомъ же атласѣ 1745 г. нѣтъ почти ни одной карты, которая не была бы основана на нѣсколькихъ астрономически опредѣленныхъ пунктахъ или, по крайней мѣрѣ отчасти, на болѣе или менѣе вѣрныхъ геодезическихъ операціяхъ» (Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время»).

8. «Елизаветинская» Библія. Спб. 1752, на славянскомъ яз., задуманная еще по мысли Петра В. (указъ 14 ноября 1712 г.); текстъ свѣренъ и исправленъ по греческому тексту 70 толковниковъ.

---

9. Ѳ. Г. Волковъ. Имъ построенъ въ Ярославлѣ первый въ Россіи театръ для драматическихъ представленій.

10. Указъ 30 августа 1756 г. объ учрежденіи въ Петербургѣ перваго постояннаго театра.

11. Основанъ Московскій университетъ (1755, 12 января) — первый въ Россіи (основанный при Академіи Наукъ былъ скорѣе номинальнымъ: зачастую въ немъ совсѣмъ не было слушателей, а то и сами профессора ничего не читали).

12. Первая, на самостоятельномъ положеніи, гимназія въ Казани (1758) (болѣе раннія: при Академіи Наукъ (1725—1805) и при Московскомъ университетѣ (1755—1812)).

13. Указъ 10 ноября 1757 г. объ учрежденіи Академіи Художествъ (первыя 6 лѣтъ она находилась въ Москвѣ, при университетѣ; позже, какъ самостоятельное учрежденіе, переведена въ Петербургъ.

14. Учрежденіе Россійской Академіи (1783).

---

15. Въ 1783 г. въ Петербургѣ заведена первая книжная лавка (Глазунова); раньше книги (русскія и иностранныя) продавались исключительно въ складѣ Академіи Наукъ.

---

16. Д. Г. Левицкій (1735—1822), знаменитый русскій портретистъ.

17. А. П. Лосенко (1737—1773); портретистъ; писалъ также на историческіе сюжеты; многіе научились живописи подъ его руководствомъ.

18. Е. П. Чемесовъ (1737—1765), звѣзда первой величины среди русскихъ граверовъ.

19. Ѳ. И. Шубинъ (1740—1805), скульпторъ; родился на родинѣ Ломоносова, въ Куростровской волости, Архангельской губ.; отецъ его былъ тоже рыбакъ. «Поэтъ изящнаго реализма. Подобно тому, какъ Левицкій въ живописи, Шубинъ въ скульптурѣ достоинъ стать на ряду съ величайшими мастерами-иностранцами его эпохи» (бар. Н. Врангель). Одинъ на полотнѣ, другой въ мраморѣ (бюсты) воплотили почти всѣхъ главныхъ дѣятелей эпохи Екатерины Великой, включая ее самоё.

20. В. Л. Боровиковскій (1757—1825), портретистъ.

---

21. Петръ Великій на конѣ, памятникъ на площади Инженернаго замка, въ Петербургѣ, работа Растрелли-отца (1743).

22. Петръ Великій на конѣ, памятникъ на Сенатской площади, въ Петербургѣ, работы Фальконета; голову лѣпила женская рука Маріи Колло (1783). На цоколѣ: «Petro Primo Catharina Secunda MDCCLXXXII» — «Петру Перьвому Екатерина Вторая лѣта 1782».

Гигантъ на бронзовомъ конѣ . . .
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

(Пушкинъ, «Мѣдный всадникъ».)

Растрелли-сынъ. Пять построекъ въ стилѣ барокко:

23. Андреевскій соборъ въ Кіевѣ, 1747—1767, въ одинъ куполъ съ 4 тонкими стрѣльчатыми башенками; воздушный и легкій.

24. Дворецъ въ Петергофѣ — начатъ строеніемъ еще при Петрѣ В. въ 1709 г.; съ 1716 г. постройкою руководилъ французскій архитекторъ Леблонъ (Leblond, 1679—1719); при имп. Елизаветѣ дворецъ совершенно перестроенъ Растрелли-сы-

номъ (1747), оставлена лишь центральная часть, работы Леблона, и съ этихъ поръ, со своимъ садомъ и фонтанами, дворецъ получилъ одинаковое назначеніе и принялъ тотъ же характеръ, что Версаль подъ Парижемъ, Потсдамъ подъ Берлиномъ, Шенбруннъ подъ Вѣной, Аранхуэсъ въ окрестностяхъ Мадрида или дворецъ Казерта около Неаполя: здѣсь жили земные боги, отгородившись отъ обыденной дѣйствительности — удѣла простыхъ смертныхъ. Посреди бассейновъ «бьетъ высокой и полной серебряной струею неустанный Самсонъ — символъ торжества Россіи надъ сѣверными державами» (А. Бенуа).

25. Соборъ Смольнаго монастыря въ Петербургѣ, 1748—1755. «Это не только лучшая жемчужина въ творчествѣ Растрелли, это и наиболѣе русское изъ его произведеній. Нельзя не почувствовать, что здѣсь «русскимъ духомъ пахнетъ», что человѣкъ, въ головѣ котораго родилась эта архитектурная сказка, бывалъ и въ Ростовѣ, и у Троицы Сергія, и русскіе городки-лубки, монастыри-сказки произвели на него глубокое впечатлѣніе. Самой видной и главной части композиціи — колокольни, ему построить не удалось, такъ какъ это колоссальное сооруженіе было признано слишкомъ дорого стоющимъ» (Грабарь).

26. Домъ гр. Строгановыхъ, на Невскомъ Проспектѣ, въ Петербургѣ, 1750—1754.

27. Зимній Дворецъ въ Петербургѣ, 1754—1762.

Постройки въ царствованіе Екатерины II, въ стилѣ т. наз. «московскаго классицизма»:

28. Эрмитажъ въ Петербургѣ.

29. Академія Художествъ въ Петербургѣ.

30. Академія Наукъ въ Петербургѣ.

31. Таврическій Дворецъ (Государственная Дума) въ Петербургѣ.

32. Домъ Пашкова въ Москвѣ (нынѣ: Румянцовскій Музей).

33. Голицынская Больница въ Москвѣ.

34. Архангельское, подмосковное имѣніе кн. Голицына (нынѣ кн. Юсуповыхъ). Дворецъ и паркъ изъ числа немногихъ хорошо сохранившихся большихъ барскихъ имѣній.

35. Ляличи, дворецъ екатерининскаго фаворита графа Завадовскаго (Суражскій у., Черниговской губ.); постройка архитектора Кваренги; нынѣ въ полномъ разрушеніи.

36. Дворецъ бывшаго гетмана Кирилла Григор. Разумовскаго въ Батуринѣ; въ большомъ запустѣніи.

В. ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО ПРЕОБЛАДАНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ. 1796—1855.

I. Характеристика періода.

1. Своимъ царствованіемъ, обаяніемъ самой личности, Екатерина заставила во многомъ забыть о безсистемномъ правленіи, наступившемъ въ Россіи послѣ Петра В. Государство значительно расширило свои предѣлы, осуществило давнюю завѣтную мечту пробиться къ Черному морю, вернуло отъ поляковъ потерянныя русскія земли, населенныя братьями-единовѣрцами; въ законодательной дѣятельности чувствовалась извѣстная планомѣрность, разумная согласованность; ясно было, что страною управляютъ не случайные люди, эгоистически думающіе прежде всего о себѣ, а, дѣйствительно, «первые слуги государства», ревнивые къ его пользѣ и славѣ. Все это подняло самодержавную власть въ Россіи на небывалую еще высоту и придало ей моральныя силы и оправданіе.

2. Зато вслѣдъ за смертью императрицы, въ теченіе трехъ послѣдующихъ царствованій (1796—1855), государство снова стало управляться безъ опредѣленнаго плана и руководящей программы, но въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и настроеній, въ иныхъ случаяхъ даже просто болѣзненнаго желанія во что бы то ни стало уничтожить созданное предшественникомъ. Самодержавная власть осталась по прежнему сильною, но, не будучи направляема исключительно на осуществленіе очередныхъ потребностей, подсказанныхъ жизнью, она превратилась въ опасное орудіе измѣнчивыхъ желаній, а то и просто неспокойнаго чувства, злобы или непріязни.

3. Между тѣмъ эти царствованія, Павла I, Александра I и Николая I, совпали со временемъ наибольшаго политическаго могущества Россіи. Отсутствіе ясной программы, постоянныя колебанія въ ней, противорѣчія привели къ тому, что средства, накопленныя вѣками и доставшіяся верховной власти, получили ложное направленіе, зачастую растрачивались безъ пользы, такъ что результаты далеко не оправдали понесенныхъ жертвъ.

Особенно подвергалась колебаніямъ внѣшняя политика: Павелъ I вообще отступилъ отъ программы Екатерины II, но и самъ въ теченіе короткаго періода управленія Россіей дважды мѣнялъ свои отношенія къ западно-европейскимъ державамъ; Александръ I то противникъ, то союзникъ Наполеона, то снова во главѣ враждебной ему коалиціи; Николай I началъ свое царствованіе вооруженной помощью грекамъ, въ чемъ его предшественникъ упорно отказывалъ имъ.

Та же неустойчивость и во внутренней политикѣ: Павелъ кореннымъ образомъ передѣлываетъ (вѣрнѣе: искажаетъ) созданное Екатериною; Александръ, при вступленіи на престолъ, обѣщается слѣдовать по стопамъ своей бабки, другими словами, направить бѣгъ государственнаго корабля по иному пути, чѣмъ тотъ, по какому его велъ, сейчасъ передъ этимъ, отецъ; но «либеральный періодъ» — первая половина царствованія Александра — вскорѣ смѣняется «реакціей», отказомъ отъ прежнихъ взглядовъ. Больше устойчивости въ правительственной дѣятельности Николая; но его 30-тилѣтнее царствованіе было продолженіемъ той «реакціи», что̀ началась при Александрѣ, и, какъ таковая, тоже сводило на нѣтъ созданное въ первые годы XIX вѣка.

4. Другою особенностью этого шестидесятилѣтія (1796—1855) — его ненаціональный характеръ, въ полномъ противорѣчіи съ Екатерининскимъ царствованіемъ.

Всѣ три государя искренно желали блага странѣ, которою они управляли, всего болѣе, всѣхъ продуманнѣе — Николай I; но они не знали Россіи, не соприкасались съ нею непосредственно и знакомились съ жизнью и положеніемъ русскаго народа черезъ призму донесеній бюрократическихъ органовъ. Имп. Павелъ, будучи наслѣдникомъ, жилъ въ удаленіи отъ дѣлъ; Александръ I вступилъ на престолъ, едва выйдя изъ юношескаго возраста; воспитаніе Лагарпа ознакомило его не съ Россіей, а съ «обязанностями человѣка» вообще, и позже Европа съ ея интересами Александру была всегда ближе и понятнѣе своей родины. Въ свою очередь Николай I вступилъ на престолъ совершенно неожиданно для себя, тоже неподготовленный, обстоятельства же, при какихъ досталась ему власть, — исключительныя и случайныя — пагубно отразились на всей его правительственной программѣ.

За эти 60 лѣтъ у Россіи постепенно выросли и назрѣли новыя національныя задачи: а) освобожденіе крестьянъ; б) просвѣщеніе народной массы; в) освобожденіе балканскихъ славянъ; г) если не завоеваніе, то свободное пользованіе проливами, ведущими изъ Чернаго моря въ Средиземное (Босфоръ и Дарданеллы). Но задачи эти рѣшались въ зависимости отъ соображеній, имѣвшихъ мало общаго съ интересомъ народнымъ. Французская революція и Наполеоновскія войны, заново передѣлавъ политическую карту Европы, низвели съ трона государей «Божіею милостію» и замѣнили ихъ государями «волею народа». Паденіе Наполеона послужило знакомъ ко всеобщей реакціи, къ борьбѣ за возстановленіе законныхъ престоловъ и попраннаго права.

Павелъ I и оба его сыновья, Александръ и Николай, выросли подъ впечатлѣніями этихъ событій и стали убѣжденными

сторонниками легитимизма, т. е. государственнаго строя, освященнаго церковью, временемъ и традиціями. Въ заботѣ о томъ, какъ бы «ядъ революціи» не проникъ въ Россію, они напрягали всѣ усилія истребить его въ Зап. Европѣ. Отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ въ періодъ 1796—1855 гг. строились главнымъ образомъ на принципѣ защиты стараго порядка и борьбы съ новымъ. Имп. Павелъ посылалъ Суворова въ Италію «спасать царей» отъ гидры французской революціи; Александръ I «спасалъ» Европу отъ Наполеона, Николай I тоже «спасалъ» турецкаго султана отъ непокорнаго вассала, Мегеметь-Али египетскаго, австрійскаго императора отъ взбунтовавшихся венгровъ.

Такая политика отразилась прежде всего на отношеніяхъ къ грекамъ и балканскимъ славянамъ: ихъ попытки освободиться отъ турецкаго ига были сочтены за «возстаніе противъ законной власти»; не только была покинута мысль Екатерины II о Греческомъ проектѣ, но и утеряно сознаніе важности имѣть Проливы въ своихъ рукахъ. Тѣми же соображеніями руководилась и внутренняя политика этихъ государей: малѣйшее указаніе на несправедливость крѣпостного права и необходимость его уничтоженія, если шло отъ лица общества, а не отъ правительства, признавалось «нарушеніемъ порядка и подкапываніемъ подъ основы государственнаго строя». Въ результатѣ спасти европейскіе троны Россіи не удалось, самое же спасаніе привело ее къ Севастопольской катастрофѣ. Катастрофа эта положила конецъ «политическому преобладанію Россіи въ Европѣ» и открыла новый, послѣдній передъ нашимъ временемъ, періодъ русской исторіи — «Разрушеніе стараго порядка».

II. Имп. Павелъ I.

А. До воцаренія.

1. Павелъ I (род. 20 сент. 1754 г.) выросъ подъ тяжелыми впечатлѣніями событій 1762 г., стоившихъ его отцу короны и жизни: ненормальныя отношенія къ матери постоянно угнетали его сознаніе и превратились, подъ конецъ жизни имп. Екатерины, въ открытую непріязнь и взаимное озлобленіе. Павелъ долгіе годы прожилъ въ убѣжденіи, что Ропшинская драма (1762, 6 іюля) произошла съ вѣдома матери, и только вступивъ на престолъ, разобравъ бумаги покойной государыни, онъ нашелъ несомнѣнныя доказательства ея неповинности въ этомъ зломъ дѣлѣ. Въ матери онъ видѣлъ похитительницу престола, находя, что государемъ послѣ смерти Петра III слѣдовало быть ему, Павлу, а не ей. Разладъ усиливался еще и тѣмъ, что Екатерина держала его вдали отъ дѣлъ. Воспитатель Павла, Никита Ив. Панинъ, не раздѣлявшій многихъ взглядовъ Екате-

рины, не вселилъ своему воспитаннику чувствъ уваженія къ Екатеринѣ-государынѣ, скорѣе осуждалъ, чѣмъ защищалъ передъ Павломъ ея правительственныя мѣры. Павелъ считалъ ненужнымъ и безцѣльнымъ пріобрѣтеніе Крыма, не одобрялъ раздѣловъ Польши, и въ то время, какъ Екатерина состояла въ союзѣ съ Австріей, онъ велъ тайную переписку съ прусскимъ королемъ. У Павла рано проявилась наклонность къ военному дѣлу, но, какъ и у отца, свелась къ мелочамъ, къ внѣшней показной сторонѣ: онъ придавалъ излишнее значеніе внѣшнему виду солдатъ: насколько они хорошо вымуштрованы, ходятъ ровно въ ногу, требуя, чтобы каждый солдатъ своимъ внѣшнимъ видомъ и движеніями во всемъ походилъ на другого солдата. Подобно отцу, онъ хотѣлъ подражать Фридриху II, и въ своихъ гатчинскихъ батальонахъ завелъ обмундировку на прусскій образецъ: узкій, тѣсный мундиръ; высокіе сапоги и треуголки; длинныя перчатки, напудренныя букли и такія же напудренныя косы. Павелъ страдалъ парадоманіей, выше всего ставилъ внѣшнюю дисциплину, неукоснительное исполненіе приказаній, не замѣчая, какъ средство превращалось у него въ цѣль.

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка жизни развила въ немъ болѣзненную подозрительность; онъ сдѣлался мнительнымъ; повсюду чудились ему недоброжелатели, заговоры на его жизнь, отрава. Съ раннихъ лѣтъ Павелъ отличался странностями, свидѣтельствовавшими о его не вполнѣ нормальныхъ умственныхъ способностяхъ. Вспышки бурнаго гнѣва чередовались съ подавленностью душевной. Павелъ бывалъ подверженъ галлюцинаціямъ; временами на него нападала безпричинная тоска. Мистикъ, рыцарь-романтикъ, грубый, жестокій солдатъ — всѣ эти противорѣчивыя черты страннымъ образомъ уживались въ одномъ человѣкѣ.

Правда, жизнь далеко не во всемъ была къ нему справедлива: его родительское чувство было горько задѣто, когда имп. Екатерина, едва родился у него первенецъ Александръ, перенесла ребенка въ свои комнаты, сама слѣдила за его воспитаніемъ, отстранивъ отца и мать. Такъ же поступила императрица и со вторымъ своимъ внукомъ, Константиномъ. Павелъ сильно оскорбленъ былъ въ своей гордости и достоинствѣ тѣмъ, что его, наслѣдника престола, держали въ сторонѣ отъ дѣлъ и совѣтовались не съ нимъ, а съ Потемкинымъ, который долгіе годы былъ правой рукою Екатерины, ея ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ въ управленіи государствомъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, держалъ себя заносчиво. Павелъ возненавидѣлъ Потемкина, тѣмъ болѣе что въ иныхъ случаяхъ бывалъ вынужденъ къ нему же обращаться за содѣйствіемъ или поддержкою, и перенесъ свою ненависть на все, сдѣланное и достигнутое матерью въ сотрудничествѣ съ этимъ «кривымъ»

(Потемкинъ былъ кривъ на одинъ глазъ). Позже, другой любимецъ Екатерины, Платонъ Зубовъ, надменно держалъ себя съ Павломъ, и наслѣдникъ престола вынужденъ былъ молча сносить его оскорбленія.

Разошелся Павелъ съ Екатериной и въ оцѣнкѣ французской революціи. Онъ считалъ необходимымъ, рука объ руку съ Австріей и Пруссіей, принять активное участіе въ борьбѣ съ революціонною Франціей, пустить въ ходъ «пушки»; Екатерина же не послала противъ французовъ ни одного солдата, доказывая Павлу, что «пушками нельзя бороться съ идеями». Несдержанный, дѣйствующій обыкновенно подъ первымъ впечатлѣніемъ, Павелъ, будучи за границей (въ 1782—1783 гг.), открыто порицалъ дѣйствія матери въ бесѣдахъ съ Леопольдомъ Тосканскимъ и Маріей-Антуанетой, съ презрѣніемъ отзывался о ея ближайшихъ сотрудникахъ и грозилъ, ставши государемъ, всѣхъ ихъ «высѣчь, разжаловать и выгнать».

Постоянная зависимость озлобила Павла и лишила равновѣсія. Прежде чѣмъ онъ сталъ государемъ, его уже начали бояться. Люди наиболѣе преданные ему съ ужасомъ и сожалѣніемъ смотрѣли на его поступки: «можно думать, великій князь нарочно изыскиваетъ всевозможные способы, какъ бы внушить къ себѣ ненависть. Онъ забралъ себѣ въ голову, что его презираютъ, стараются проявить свое неуваженіе, и онъ придирается ко всему, наказываетъ безъ разбора. Малѣйшее противорѣчіе заставляетъ его горячиться. Ежедневно слышишь о его жестокости и мелочности, которыя всякаго иного заставили бы покраснѣть» (Ф. В. Ростопчинъ). У Екатерины возникла серьезная мысль лишить Павла престола, объявивъ своимъ преемникомъ внука Александра, и, кажется, только неожиданная смерть помѣшала ей привести въ исполненіе это намѣреніе.

Б. По воцареніи.

1. Гоненіе на порядки Екатерининскаго царствованія. Съ воцареніемъ Павла (1796, 6 ноября) для Россіи, по выраженію современника (А. С. Шишкова), «насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе». На престолъ вступилъ желчный, раздражительный до бѣшенства человѣкъ, воспитавшійся въ убѣжденіи, что его самовластіе безпредѣльно, что подданными слѣдуетъ управлять желѣзнымъ прутомъ, при помощи суровой, а если понадобится, то и жестокой дисциплины, заранѣе готовый встрѣтить неодобреніе своимъ предписаніямъ и съ мелочной подозрительностью придававшій значеніе всякому ничтожному случаю. Павелъ былъ полонъ благихъ намѣреній, но осуществлялъ ихъ безъ надлежащей системы и устойчивости; его законодательная дѣятельность чаще всего зависѣла отъ настроенія духа и потому была не всегда строго обдумана. «Павелъ не

питалъ ненависти къ памяти матери, но онъ ненавидѣлъ порядки, установившіеся въ ея царствованіе, и все, что напоминало ему о нихъ. Этимъ объясняется порывистость въ его распоряженіяхъ: онъ ломалъ то, что попадалось ему на глаза, большое или малое, въ пылу борьбы съ остатками прошлаго, не отдавая себѣ отчета въ размѣрахъ зла, сопровождавшаго эту ломку. Между тѣмъ около государя не было развитыхъ общественныхъ элементовъ, на которые онъ могъ бы опереться въ своей дѣятельности; отсюда возникло стремленіе Павла Петровича въ цѣломъ рядѣ его распоряженій создать новое орудіе правительственной власти — чиновничество, которое должно было стоять внѣ круга сословныхъ интересовъ и быть точнымъ исполнителемъ воли монарха» (Шумигорскій).

Началось систематическое преслѣдованіе и искаженіе мѣропріятій предыдущаго царствованія. Внѣшняя политика приняла діаметрально противоположное направленіе; отмѣнены были мѣры, принятыя Екатериной въ присоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ; у дворянства и купечества отняты дарованныя имъ права и преимущества; основанный Екатериною орденъ св. Владиміра за гражданскія заслуги (1782) былъ исключенъ изъ списковъ; Павелъ собирался непремѣнно сдѣлать то же и съ военнымъ орденомъ св. Георгія (основанъ въ 1769 г.) — едва уговорили его не дѣлать этого. Задавшись мыслью «вышибить Потемкинскій духъ» въ войскахъ и въ управленіи, Павелъ переименовалъ городъ Севастополь, съ именемъ котораго связывалась память о дѣятельности Потемкина, въ Ахтіаръ, а построенный имъ Екатеринославъ — въ Новороссійскъ; велѣлъ уничтожить мраморный памятникъ, воздвигнутый Потемкину въ соборной церкви города Херсона, а склепъ, въ которомъ временно стоялъ его гробъ, зарыть въ особую яму, засыпать и сравнять съ землею. По примѣру государя, его приближенные (Аракчеевъ) презрительно называли знамена Екатеринославскаго полка «Екатерининскими юбками» только потому, что полкъ былъ основанъ Потемкинымъ и считалъ въ свое время его своимъ шефомъ.

2. Военное дѣло. Въ арміи завелись новые порядки, вызвавшіе всеобщій ропотъ: узкій, тѣсный мундиръ, короткіе штаны и суконные штиблеты, стягивавшіе ногу, смѣнили прежній простой и удобный кафтанъ, свободные шаровары; новое одѣяніе стѣсняло движеніе и было прямо мучительно, когда приходилось продѣлывать военныя упражненія. Особенно тягостенъ былъ головной уборъ. Голову стригали подъ гребенку, обливали ее квасомъ или растопленнымъ саломъ и прикрѣпляли: къ вискамъ — букли, къ затылку — туго закрученную косу, осыпавъ, то и другое, мукою. Самостоятельно одѣться по формѣ ни солдатъ, ни офицеръ не имѣли возмож-

ности; понадобились особые полковые парикмахеры и напрасная затрата времени.

При томъ Павелъ завелъ ежедневные разводы (вахтъ-парады) съ ученьемъ — отъ нихъ приходилось особенно тяжело: малѣйшая неисправность вызывала гнѣвъ и строгое наказаніе несоразмѣрное съ проступкомъ. Отъ маршировки и ученья новымъ пріемамъ не освобожденъ былъ никто, не исключая и самыхъ высшихъ чиновъ въ арміи.

«Увлекаясь этими военными упражненіями, императоръ забывалъ свое достоинство самодержца и лично училъ войска, превращаясь въ самаго зауряднаго экзерцирмейстера. Особенно важное значеніе въ глазахъ императора имѣлъ вахтъ-парадъ, который превратился въ какой-то торжественный обрядъ и былъ настоящимъ театромъ, на которомъ русскій государь разыгрывалъ роль мелкаго и деспотическаго педанта. По разсказамъ современниковъ, при тогдашнихъ военныхъ пріемахъ, странный церемоніальный шагъ, дѣйствія флигельмановъ, выскакивавшихъ изъ рядовъ, чтобы телеграфировать ружьями самые вычурные знаки, балансированіе офицеровъ съ эспантонами, — все это казалось офицерамъ неумѣстнымъ, устарѣвшимъ и смѣшнымъ; но все это требовалось Павломъ, какъ необходимое и священное условіе военнаго ремесла. Особенное значеніе въ глазахъ его имѣло дѣйствіе эспантономъ, и важная минута была для офицеровъ та, въ которую, проходя мимо императора, они салютовали ему эспантономъ, припрыгивая и покачиваясь на тихомъ шагу. Иные за ловкость тутъ же награждались или начинали блестящую карьеру; другіе своею неловкостью и упущеніемъ раздражали императора, навлекали на себя съ его стороны и грубыя слова, и самыя несоотвѣтственныя наказанія. Случалось, что Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ, которые должны были сохранять серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ неукротимой воли» (Шумигорскій).

3. Этикетъ. Гнѣвъ. Выходки Павла. При Дворѣ заведенъ былъ строгій этикетъ: передъ императоромъ всѣ преклоняли колѣно, цѣловали ему руку; въ его присутствіи всѣ стояли, не смѣя разговаривать. На улицѣ всѣ, ѣхавшіе въ экипажахъ, при встрѣчѣ съ государемъ, должны были выходить, не смотря на погоду, хотя бы въ грязь, и кланяться. Павелъ хотѣлъ регламентировать даже частную жизнь: запретилъ

носить круглыя шляпы, фраки и жилеты, короткіе сапоги съ отворотами, башмаки съ лентами, не обвертывать шею въ нѣсколько оборотовъ платкомъ.

Одною изъ главныхъ заботъ Павла было воцарить законность; онъ жестоко каралъ малѣйшее отступленіе отъ нея; между тѣмъ самъ онъ своимъ поведеніемъ замѣнялъ законъ произволомъ: все зависѣло отъ настроенія, хорошаго или дурного, а послѣднее находило на него чаще всего: достаточно было ничтожнаго отступленія отъ установленной формы, неловкаго движенія, неумышленнаго слова, чтобы вызвать гнѣвъ государя. «Не проходило дня, въ который фельдъегеря не провозили бы кого-нибудь въ ссылку въ Сибирь, въ заточеніе въ крѣпость, въ каторжную, въ крѣпостную работу» (Записки А. М. Тургенева). Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Часто, за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеровъ, прямо съ парада, отсылали въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что, идя на караулъ, офицеры обыкновенно старались запастись деньгами, чтобъ не остаться безъ копѣйки на случай внезапной высылки. «Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе этого, оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, а другіе переходили въ гражданскую» (Записки Саблукова). При Екатеринѣ дворянство, на привилегированномъ положеніи, было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія — теперь не рѣдки бывали случаи, когда дворянина засѣкали кнутомъ до смерти, рвали ему ноздри, отрѣзывали языкъ и уши. Если во времена Петра В. подобнаго рода наказанія считались явленіемъ нормальнымъ, то теперь, для поколѣнія, воспитаннаго на гуманныхъ идеяхъ Екатерининскаго вѣка, они пріобрѣтали особую жестокость и получили характеръ настоящаго злоупотребленія властью.

Царская милость потеряла свою цѣнность, такъ какъ сегодня человѣка осыпали наградами, а черезъ короткое время его отрѣшали отъ должности, съ позоромъ ссылали въ деревню. Аракчеевъ дважды испыталъ на себѣ гнѣвъ и благоволеніе Павла. Престарѣлый Суворовъ, побѣдитель турокъ и поляковъ, гордость и слава русской арміи, былъ въ грубой формѣ уволенъ въ отставку и обреченъ на бездѣйствіе въ своемъ селѣ Кончанскомъ. Не было мѣры и въ наградахъ: Кутайсовъ, плѣнный турокъ, изъ простыхъ камердинеровъ пожалованъ былъ въ графы, орденомъ Андрея Первозваннаго съ брильянтами и получилъ придворный чинъ егермейстера.

Гнѣвъ иногда доводилъ имп. Павла до умопомраченія. Онъ объявилъ строжайшій выговоръ умершему генералу (Врангелю); запретилъ ввозъ въ Россію «всякаго рода книгъ, на ка-

комъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, равномѣрно и музыку»; свое представленіе о самодержавной власти простеръ до того, что призналъ себя, и вообще русскихъ государей, «главою церкви»; разгнѣванный извѣстіемъ (ложнымъ), будто адмиралъ Чичаговъ хочетъ перейти на службу къ англичанамъ, Павелъ, не провѣривъ, какъ дѣло обстояло въ дѣйствительности, приказываетъ, въ своемъ присутствіи, снять съ Чичагова мундиръ, вывести въ одномъ бѣльѣ черезъ залы, полныя народа, и увезти подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость — а между тѣмъ часъ передъ тѣмъ онъ оказывалъ ему на вахтъ-парадѣ самое милостивое вниманіе!

4. Отзывы современниковъ. «Петербургскіе жители были въ совершенномъ ужасѣ; все трепетало, и никто не зналъ, какъ окончится день. Имп. Павелъ наводилъ на всѣхъ паническій страхъ; все подчинено было строгимъ произвольнымъ формамъ и стѣсненію» (Записки Мирковича).

Вотъ что писалъ цесаревичъ Александръ, будущій императоръ, Лагарпу (1797, 27 сентября): «Вступивъ на престолъ, мой отецъ хотѣлъ все передѣлать. Его первые шаги были блестящи, но послѣдующіе не соотвѣтствовали имъ. Все было сразу перевернуто вверхъ дномъ, такъ что безпорядокъ, и безъ того очень сильный, увеличился еще болѣе. У военныхъ почти все время уходитъ на одни парады. Въ остальномъ всякое отсутствіе какого либо плана. Сегодня приказываютъ одно, а черезъ мѣсяцъ это уже отмѣняютъ. Никакихъ доводовъ и представленій не терпятъ, развѣ ужъ если когда зло совершилось и стало очевиднымъ. Короче говоря, благо государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами; на лицо одна только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, какихъ мы натворили; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. При выборѣ людей на должности руководятся фаворомъ; достоинства здѣсь не при чемъ. Вообще положеніе, въ какомъ находится моя бѣдная родина, не поддается описанію».

Самодержавная власть, причинившая, въ рукахъ Павла, столько зла Россіи, оказалась пагубною и для него самого: подобно отцу, имп. Павелъ поплатился жизнью за свои дѣйствія: при Дворѣ и въ рядахъ гвардейскихъ офицеровъ составился заговоръ съ цѣлью низложенія Павла; но сопротивленіе, которое онъ при этомъ оказалъ, стоило ему жизни, и въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. императорскую корону наслѣдовалъ старшій сынъ Павла, 23-хлѣтній Александръ I.

III. Правительственная дѣятельность имп. Павла I.

Правительственная дѣятельность имп. Павла представляетъ собою смѣшеніе добраго съ дурнымъ. Павелъ вступилъ на престолъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ исправить недостатки предыдущаго царствованія, которое далеко не во всемъ было идеальнымъ. Груды неоконченныхъ дѣлъ (свыше 11000) лежали въ Сенатѣ; повсюду царило лихоимство; содержаніе Двора и награды, которыя покойная императрица щедрой рукою раздавала своимъ приближеннымъ, поглощали громадныя суммы; усмиреніе Пугачевскаго бунта не успокоило крестьянъ: они продолжали волноваться; продолжительныя войны тяжело легли на населеніе; частые рекрутскіе наборы сопровождались всякаго рода злоупотребленіями, а между тѣмъ въ арміи числилось много совершенно неспособныхъ къ службѣ (дѣтей или дряхлыхъ стариковъ), которые однако получали жалованье, чины и награды.

Павелъ энергично принялся за исцѣленіе зла, но въ свою правительственную дѣятельность онъ внесъ ту же мелочность, ту же несогласованность и противорѣчія, какъ и въ своей частной жизни. Онъ искренно старался улучшить положеніе крестьянства, ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, и въ то же время никогда еще раздача населенныхъ земель не производилась въ такихъ размѣрахъ, какъ въ его царствованіе. Екатерина раздарила въ теченіе 34 лѣтъ около милліона государственныхъ крестьянъ, а Павелъ только за 4 съ небольшимъ года роздалъ ихъ свыше полумилліона; въ присутственныхъ мѣстахъ чиновники должны были начинать свой служебный день спозаранку, еще при огнѣ, и самъ государь давалъ имъ примѣръ напряженной работы: каждый часъ долженъ былъ быть использованъ въ интересахъ службы; но сколько времени уходило въ гвардейскихъ полкахъ на одѣванье и прическу! солдатъ поднимали еще съ ночи, и они выходили на ученье, не выспавшись, заранѣе утомленные.

Хорошія стороны Павлова правленія сказывались преимущественно въ провинціи, дурныя — въ Петербургѣ, тамъ, гдѣ государь могъ все непосредственно наблюдать, во все вмѣшиваться, и гдѣ поэтому царилъ «ежедневный ужасъ».

1. Въ дворянахъ Павелъ видѣлъ «тунеядцевъ», уклоняющихся отъ священнѣйшей своей обязанности — служенія государству. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ распорядился, чтобы гвардейскіе офицеры, находившіеся въ отпуску, явились въ свои части, а кто только числился и въ дѣйствительности не служилъ, тѣхъ совсѣмъ исключилъ изъ службы. Самую службу въ войскахъ дворяне теперь начинали, какъ, бывало, при Петрѣ

В., съ рядового, впрочемъ съ производствомъ въ унтеръ-офицеры уже черезъ 3 мѣсяца (для не-дворянъ срокъ выслуги былъ значительно дольше: не менѣе 4 лѣтъ).

2. Права, дарованныя дворянству Жалованной грамотою 1785 г., въ существенной своей части были отмѣнены: запрещена коллективная подача прошеній губернаторамъ, Сенату и на имя государя; выборы дворянства оставлены только уѣздные, но не губернскіе; выборныя должности стали замѣщться чиновниками по назначенію отъ правительства; дворянинъ, лишенный своего званія за уголовное преступленіе, могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію. Вообще Павелъ отказывался считать дворянство за корпорацію, обладающую п р а в а м и — своимъ положеніемъ они пользовались лишь по м и л о с т и государя. «Въ Россіи» — любилъ повторять Павелъ выраженіе французскихъ королей — «дворянинъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, да и то лишь пока я оказываю ему эту честь»[1]).

3. Та же судьба постигла и Жалованную грамоту городамъ: города лишались и того слабаго самоуправленія, какое имъ даровала Екатерина; управленіе городскими дѣлами передано органамъ правительственнымъ; городской классъ населенія опять сталъ подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ.

4. Улучшено матеріальное положеніе бѣлаго духовенства. Въ цѣляхъ поднять авторитетъ пастыря въ глазахъ его паствы, духовенство было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній. Зато дѣти духовныхъ лицъ, не готовившіяся къ духовному званію, какъ жившія «праздно», записывались въ военную службу — распоряженіе, вызвавшее большое неудовольствіе въ духовной средѣ.

5. Государственные крестьяне получили самоуправленіе и надѣлъ по 15 десятинъ земли на душу. Накопившіяся недоимки были сложены; хлѣбная подать, отяготительная для населенія, замѣнена опредѣленнымъ денежнымъ сборомъ.

6. Сдѣлана серьезная попытка улучшить положеніе крѣпостныхъ людей: ограничено число дней обязательной работы крестьянъ на помѣщика тремя въ недѣлю: остальные дни крестьянинъ могъ работать на себя. Помѣщики, жестоко обращавшіеся съ крѣпостными, подвергались наказаніямъ. Запрещена продажа крестьянъ безъ земли съ молотка. Хотя злоупотребленій распоряженія эти не уменьшили, все же они положили начало новымъ отношеніямъ между «господами» и «барскими людьми»; идя по этому пути, Россія, 65 лѣтъ спустя (1861), пришла къ полному освобожденію личности крестьянина.

---

[1]) Il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je parle.

7. Еще при Екатеринѣ началось сближеніе старообрядцевъ-раскольниковъ съ православною церковью. Священники стараго постриженія у нихъ давно уже перемерли, посвящать новыхъ было некому; Бѣлокриницкая епархія, съ раскольничьимъ архіереемъ, находилась въ предѣлахъ Австріи, сношенія съ нею были затруднительны, украдкой отъ правительства — многихъ это вынудило пойти на соглашеніе и образовать т. наз. единовѣрческую церковь: единовѣрцы сохраняли за собою право совершать богослуженіе и таинства по старымъ книгамъ, до-никоновской печати, держаться своихъ обрядовъ, но іерархически они подчинялись православной церкви и приняли священниковъ, поставленныхъ православными епископами. Такое соглашеніе при Павлѣ облечено было въ форму закона, въ «пункты о единовѣріи» (1800, 27 окт.).

8. Опытъ показалъ всю непрактичность и непримѣнимость закона Петра В. о престолонаслѣдіи — назначеніе преемника по усмотрѣнію царствующаго государя. «Учрежденіе объ императорской фамиліи» (1797, 5 апрѣля) устанавливало порядокъ наслѣдованія отъ отца къ старшему сыну, а въ случаѣ бездѣтности или наличности однѣхъ дочерей, къ старшему его брату. Такимъ образомъ особенности новаго закона состояли: а) въ устраненіи отъ престола лицъ женскаго пола, чѣмъ положенъ былъ конецъ царству женщинъ, — по мнѣнію Павла, одной изъ коренныхъ причинъ недочетовъ государственнаго управленія въ XVIII в.; и б) въ приданіи престолу большей устойчивости: законно оспаривать императорскую корону и обладаніе ею ставить въ зависимость отъ воли случайныхъ людей, какъ въ иныхъ случаяхъ это бывало раньше (1727, 1730), теперь уже стало невозможнымъ.

9. Улучшено содержаніе солдатъ; введена строгая отчетность въ расходованіи полковыхъ суммъ; отмѣненъ рекрутскій наборъ, объявленный незадолго до смерти Екатерины.

10. Петровскія коллегіи имп. Екатерина стала мало по малу закрывать, оставивъ только три: военную, морскую и иностранныхъ дѣлъ — Павелъ возстановилъ почти всѣ ихъ.

11. Число губерній при Екатеринѣ выросло до 51, и правительство въ своихъ мѣрахъ выходило изъ общаго плана постепеннаго увеличенія ихъ числа — Павелъ, наоборотъ, уменьшилъ ихъ до 43.

12. Рѣка Волга соединена съ р. Невой и Балтійскимъ моремъ (Водная Маріинская система).

13. Закрыты вольныя (частныя) типографіи, имѣвшія, по закону (Екатерининскому) право существовать безъ разрѣшенія правительства.

14. Введена цензура книгъ, печатаемыхъ въ Россіи и

за границей (позже вышло распоряженіе о совершенномъ запрещеніи ввоза заграничныхъ изданій. См. выше).

15. Въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Екатерина видѣла русскія земли и, естественно, желала дать русскому населенію возможность пользоваться своимъ роднымъ языкомъ — Павелъ ввелъ въ сношеніяхъ съ присоединенными областями снова польскій языкъ и, вмѣсто общаго всей имперіи губернскаго управленія, возстановилъ Литовскій статутъ.

16. Противникъ польскихъ раздѣловъ, Павелъ отпустилъ на свободу польскихъ плѣнныхъ, обласкалъ Костюшку, вызвалъ изъ Гродно низложеннаго короля Станислава Понятовскаго, пожаловалъ ему въ Петербургѣ, для жительства, Мраморный дворецъ, демонстративно подчеркивая этими мѣрами свое неодобреніе политикѣ матери.

17. Присоединивъ Курляндію, Екатерина поставила ее, равно и земли, завоеванныя у Швеціи Петромъ В., подъ дѣйствіе общихъ законовъ имперіи, подготовляя такимъ путемъ постепенное сліяніе ихъ съ Россіей — Павелъ же возстановилъ тамъ старинные уставы, съ ихъ мѣстными особенностями, снова обособилъ эти области, подкосивъ въ самомъ зародышѣ объединительную работу Екатерины II, «вслѣдствіе чего въ законодательствѣ нашемъ установилось особое понятіе объ Остзейскомъ краѣ, какъ о мѣстности совершенно отличной отъ прочихъ частей имперіи» (Градовскій).

18. **Внѣшняя политика.** Внѣшняя политика имп. Павла не имѣла никакой устойчивости и была лишена положительной программы. Современникъ французской революціи, онъ хотѣлъ возстановить «потрясенные троны и оскверненные алтари» и въ основу своихъ отношеній къ европейскимъ державамъ положилъ защиту не реальныхъ интересовъ Россіи, а отвлеченнаго принципа легитимности, — законности обладанія верховною властью. Принявъ подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ (1797, 4 янв.), а позже, съ занятіемъ острова Мальты французами, и званіе великаго магистра ордена (1798, 2 ноября); пріютивъ у себя въ Россіи многочисленныхъ французскихъ эмигрантовъ (принца Кондэ съ его корпусомъ въ 7000 человѣкъ; Людовика XVIII, претендента на французскую корону, котораго принялъ, какъ короля, и содержалъ его и его дворъ въ Митавѣ на счетъ русской казны), Павелъ, первоначально намѣревавшійся жить со всѣми въ мирѣ, объявилъ войну Франціи и, въ союзѣ съ Австріей и Англіей, отправилъ русскіе отряды въ Италію и Голландію, флотъ въ Средиземное море.

Суворовъ, знаменитый прежними побѣдами надъ турками и поляками, проявилъ свои военные таланты и на этотъ разъ,

разбивъ французскія войска въ верхней Италіи, подъ Нови и Треббіи; русскій солдатъ покрылъ себя новою славою въ памятномъ переходѣ черезъ Сен-Готардское ущелье (Чортовъ мостъ) и по обледенѣлымъ обрывамъ восточной Швейцаріи; но война не принесла Россіи ничего кромѣ разочарованій и ненужныхъ жертвъ. Союзники своекорыстно использовали русскую помощь, а потомъ, переставъ въ ней нуждаться, оставили русскую армію на произволъ судьбы. Одни, въ чужой странѣ, русскіе солдаты голодали, зябли и терпѣли всякаго рода лишенія. Вдобавокъ, австрійцы оскорбили русское знамя въ Анконѣ, а англичане, отнявъ Мальту у французовъ, отказывались отдать ее Павлу, который, по званію гроссмейстера ордена, предъявлялъ на островъ свои права. Тогда, въ негодованіи на союзниковъ, Павелъ съ тою же стремительностью, съ какою оказалъ помощь, повернулся къ нимъ спиной и, забывъ о «развратной» и «мятежной» Франціи, пошелъ на встрѣчу первому консулу республики, Наполеону Бонапарту, желавшему вступить въ соглашеніе съ Россіей. Павелъ выпроводилъ изъ Митавы Людовика XVIII и всѣхъ французскихъ эмигрантовъ, вступилъ въ коалицію противъ Англіи (1800, 4 янв.) и началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ нею, — прежде всего къ походу на Индію.

Объ этомъ походѣ, совмѣстно съ русскими войсками, для окончательнаго пораженія англичанъ, мечталъ и Бонапартъ, но Павелъ вознамѣрился рѣшить трудную задачу самостоятельно, при посредствѣ однихъ донскихъ казаковъ. Ослѣпленный безграничною властью и увѣренный, что ему все доступно, онъ легкомысленно взялся за осуществленіе своей мысли; но «экспедиція была задумана сразу, безъ предварительныхъ сношеній съ азіатскими владѣтелями, безъ собранія необходимыхъ свѣдѣній о средствахъ тѣхъ странъ, чрезъ которыя должны были слѣдовать казаки, безъ заготовленія продовольствія, обоза, лазаретовъ и даже безъ маршрутовъ» (Шильдеръ). Казаки выступили въ походъ на явную гибель, но смерть Павла во-время вернула ихъ съ дороги.

IV. Первые годы царствованія имп. Александра I.

1. Первыя распоряженія.

Александръ I началъ свое царствованіе съ отмѣны цѣлаго ряда законовъ и распоряженій своего отца. Иного нельзя было и ждать: вступая на престолъ съ обѣщаніемъ править «по законамъ и по сердцу» своей бабки, онъ тѣмъ самымъ молчаливо заявлялъ, что сойдетъ съ пути, по которому вели Россію въ послѣдніе четыре года. Дѣйствія имп. Павла тяжелѣе всего

задѣли дворянство, вообще культурные слои русскаго общества; изъ ихъ среды вышли заговорщики: гвардейскіе офицеры и государственные сановники, потому и Александру пришлось съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности отмѣнять то, что было для нихъ наиболѣе нетерпимо, какъ для сословія и образованнаго класса вообще. Предстояло успокоить общественное мнѣніе, показавъ, что времена произвола и жестокостей прошли безвозвратно. Дѣйствительно, почти каждый изъ указовъ, изданныхъ Александромъ въ первые мѣсяцы своего царствованія, уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе или стѣсненіе, свидѣтельствовалъ о желаніи исправить вредъ, нанесенный за эти 4 года.

Главнѣйшія изъ распоряженій:

1) Въ первый же день (12 марта) освобождены всѣ, заключенные въ Петропавловской крѣпости. Вообще же съ 12 по 21 марта простили и вернули изъ заточенія и ссылки разосланныхъ въ Сибирь, по разнымъ крѣпостямъ и монастырямъ, 482 человѣка.

2) На другой день (13 марта) возвращены гражданскія права всѣмъ, кто утратилъ ихъ въ прежнее царствованіе по суду или безъ суда. Число лицъ, возстановленныхъ въ своихъ правахъ и возвратившихся на службу, простиралось до 12000 человѣкъ.

3) Предписано полицейскимъ чиновникамъ не выходить изъ границъ своей должности и никому не причинять «никакихъ обидъ и притѣсненій».

4) Разрѣшенъ свободный выѣздъ изъ Россіи за границу и пріѣздъ оттуда.

5) Разрѣшенъ привозъ изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ.

6) Распечатаны частныя типографіи, закрытыя указомъ 5 іюня 1800 г.

7) Возстановлены въ прежней силѣ жалованныя имп. Екатериною грамоты дворянству и городамъ, 1785 г.

8) Уничтожена Тайная экспедиція.

9) Уничтожена пытка и выражено пожеланіе, чтобы «самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

10) Сенату предложено представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

11) Учреждена Комиссія о составленіи законовъ, для продолженія дѣла, предпринятаго еще Екатериною II (Комиссія объ Уложеніи 1767 г.). Указъ (1801, 5 іюня) особенно старательно подчеркивалъ мысль, что источникъ народнаго блага въ одномъ только законѣ, что всѣ должны руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ только имъ однимъ и что произволу не

должно быть болѣе мѣста. «На землѣ» — пояснялъ Александръ — «нѣтъ справедливой власти, если она не вытекаетъ изъ закона, и моя обязанность, больше чѣмъ кого другого, слѣдить за тѣмъ, чтобъ его не нарушали. Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ?»

12) Наконецъ, въ день своего рожденія (1801, 12 дек.) Александръ возстановилъ, «во всей ихъ силѣ и пространствѣ», статуты орденовъ св. Георгія и св. Владиміра.

2. Негласный Комитетъ.

Съ 24 іюня 1801 г. началъ дѣйствовать Негласный комитетъ. Совмѣстно съ тремя наиболѣе интимными своими друзьями, молодымъ гр. Павломъ Ал. Строгановымъ, Н. Н. Новосильцовымъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, — тріумвиратомъ, какъ называли ихъ въ обществѣ, и еще съ гр. В. П. Кочубеемъ, Александръ, по иниціативѣ Строганова, занялся обсужденіемъ вопросовъ первостепенной государственной важности: о томъ, какъ преобразовать дѣйствующую систему управленія, которую они признавали «безобразною». Въ интимномъ кружкѣ, который за либеральныя идеи, высказывавшіяся въ немъ, имп. Александръ въ шутку называлъ «Комитетомъ общественнаго спасенія»[1]), особенно много и горячо толковали объ освобожденіи крестьянъ, о народномъ просвѣщеніи и конституціи, въ цѣляхъ «обуздать деспотическое правительство».

Впервые еще въ русской исторіи самъ самодержавный монархъ заговаривалъ о пользѣ для страны конституціоннаго образа правленія. «Конституція (по опредѣленію гр. Строганова) есть законное признаніе правъ народа и тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ можетъ осуществлять эти свои права. Для укрѣпленія дѣйствительности этихъ правъ необходимо имѣть обезпеченіе, что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Гдѣ нѣтъ такого обезпеченія, которое воздерживало бы правительство отъ мѣръ, противныхъ интересамъ народа, тамъ нѣтъ и конституціи. Такимъ образомъ въ понятіи о конституціи три части: установленіе правъ, пользованіе ими и обезпеченіе ихъ».

Негласный комитетъ дѣятельно собирался въ теченіе перваго года; но съ мая 1802 г. въ его занятіяхъ произошелъ перерывъ въ полтора года; потомъ онъ созывался еще нѣсколько разъ и фактически пересталъ существовать съ конца 1803 г. (послѣднее засѣданіе 9 ноября). Практическіе результаты его дѣятельности были ниже той программы, какую онъ ставилъ себѣ, все же цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ возникъ

---

[1]) Намекая на существовавшій во время Французской революціи Comité de salut public, управлявшій страною на началахъ террора и безпощадной борьбы со своими политическими противниками.

подъ непосредственнымъ вліяніемъ Негласнаго комитета. Таковы: учрежденіе министерствъ, реформа Сената, учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ и мѣры просвѣтительнаго характера.

3. Права Сената.

Указомъ 8 сентября 1802 г. расширены права Сената. Онъ признанъ «верховнымъ мѣстомъ имперіи»; выше его, по власти, одинъ только государь. Сенату даровано право входить къ государю съ представленіями объ указахъ, если онъ находилъ ихъ противорѣчащими съ существующими узаконеніями или почему либо считалъ исполненіе ихъ неудобнымъ и вреднымъ. Министры обязаны были, каждый по своему вѣдомству, представлять Сенату ежегодные отчеты о своей дѣятельности, а Сенатъ пересылалъ ихъ государю со своимъ заключеніемъ.

4. Министерства.

Другимъ указомъ того же 8 сентября 1802 г. учреждено 8 министерствъ: 1) военное, 2) морское, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи, 8) народнаго просвѣщенія; позже (1802, 15 окт.) добавлено еще девятое министерство: удѣловъ. Министерства замѣнили петровскія коллегіи, которыя или образовали самостоятельныя (вышепоименованныя) министерства, или же вошли въ нихъ, какъ ихъ отдѣленія и департаменты. Для лучшаго объединенія дѣйствій учрежденъ Комитетъ министровъ, въ которомъ дѣла, выходящія за предѣлы вѣдѣнія одного министерства, обсуждались тамъ совмѣстно всѣми министрами. Большою новинкою было постановленіе, чтобы подпись государя на указахъ контросигнировалась соотвѣтственнымъ министромъ, т. е. скрѣплялась его подписью. Это была первая попытка ввести отвѣтственность власти за свои дѣйствія.

5. Мѣры касательно крѣпостныхъ крестьянъ.

Сознаніе необходимости покончить съ тяжелымъ, безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ людей стало достояніемъ лучшей части русскаго общества въ началѣ XIX столѣтія. Еще въ концѣ прошлаго вѣка раздался въ ихъ пользу благородный голосъ Радищева («Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»); однако не только самое освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости, но одна мысль о немъ пугала самые просвѣщенные умы. Крѣпостное право слишкомъ въѣлось въ жизнь; съ его существованіемъ тѣсно связано было матеріальное благосостояніе вліятельнаго дворянскаго класса, такъ что робкіе приступы къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса (покупка земель не-дворянами; покупка крестьянъ на условіяхъ, которыя, дѣлая ихъ крѣпкими землѣ, не ставили бы однако въ

полную крѣпостную зависимость; запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли; выкупъ дворовыхъ на счетъ казны и т. п.) всполошили помѣщиковъ. Даже разрѣшеніе государственнымъ (значитъ, не крѣпостнымъ) крестьянамъ пріобрѣтать во владѣніе ненаселенныя земли считалось опаснымъ нововведеніемъ.

Лично имп. Александръ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ въ награду, что̀ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ практиковалось въ два предыдущихъ царствованія; это было хорошо, но положенія тѣхъ, кто уже былъ крѣпостнымъ, ни въ чемъ не облегчало. Практически все свелось къ указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ (1803, 20 февр.): помѣщикамъ предоставлялось право освобождать своихъ крѣпостныхъ и надѣлять ихъ землею, путемъ выкупа или вообще взаимнаго соглашенія; а крестьянамъ, освободившимся отъ крѣпостной зависимости, обезпечивалось положеніе людей свободныхъ и владѣніе тѣми участками земли, которые они пріобрѣтали отъ помѣщика. Это была полумѣра, такъ какъ все зависѣло отъ согласія помѣщика, отъ его гуманности и, еще болѣе, отъ денежныхъ средствъ, какими могъ располагать самъ крѣпостной.

6. Заботы о народномъ просвѣщеніи.

Министерство Завадовскаго (1802—1810) составило блестящую эпоху въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи; школа, литература и, что еще важнѣе, уваженіе къ духовному просвѣщенію сдѣлали большіе успѣхи за эти 8 лѣтъ; литература не только выросла количественно, но и перестала быть достояніемъ лишь избраннаго, небольшаго круга лицъ, какъ раньше.

1) Преобразованы существовавшіе университеты: Московскій и Виленскій.

2) Основаны новые: Дерптскій (1802), Харьковскій (1804), Казанскій (1804); учрежденъ Педагогическій институтъ (1804), позже (1819) преобразованный въ университетъ.

3) Россія раздѣлена на 6 учебныхъ округовъ.

4) Благодаря подбору хорошихъ преподавателей, университеты стали не только обучать, но и служить воспитательною школою общественною. Въ студенческихъ кругахъ того времени «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому» («Семейная Хроника» С. Т. Аксакова).

5) Основано много гимназій, уѣздныхъ училищъ и спеціальныхъ заведеній.

6) Правительство покровительствовало открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ; улучшило матеріальное положеніе Академіи Наукъ, Россійской Академіи, Академіи Художествъ. За литературныя заслуги стали награждать чинами, орденами,

пенсіями. Карамзинъ получилъ званіе «исторіографа» и пенсію, давшую ему возможность спокойно работать надъ своей «Исторіей Государства Россійскаго». Правительство оказывало денежныя пособія для изданія полезныхъ трудовъ.

7) Русскіе моряки совершили первое свое кругосвѣтное плаваніе (корабли «Надежда» и «Нева», подъ командою Крузенштерна и Лисянскаго).

8) Примѣру правительства слѣдовали частныя лица; на ихъ пожертвованія возникли: Демидовскій лицей въ Ярославлѣ (1805), Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (нынѣ: Нѣжинскій институтъ, 1805 г.; впрочемъ фактически открытіе состоялось лишь въ 1820 г.).

Просвѣтительная дѣятельность продолжалась и послѣ Завадовскаго: открытъ Александровскій Лицей (1811, 19 окт.) — въ немъ учился Пушкинъ; гр. Н. П. Румянцовъ явился русскимъ меценатомъ, снаряжая на свой счетъ научныя экспедиціи, содѣйствуя розысканію старины, издавая ученые труды по русской археологіи, литературѣ и исторіи; его обширная библіотека легла въ основаніе Румянцовскаго Музея въ Москвѣ.

7. Личность имп. Александра I.

Правительственная дѣятельность Александра I, въ первые годы царствованія, носила освободительный, либеральный характеръ, пугая однихъ, какъ отраженіе революціонныхъ идей, занесенныхъ изъ Франціи, другихъ, наоборотъ, по этой самой причинѣ, радуя и окрыляя надеждами. Французская революція въ ту пору уже начала входить въ свое русло; кончилось царство террора и разрушенія; Директорію смѣнило консульство Наполеона Бонапарта, — начинался ея творческій періодъ, но сама созидательная работа была проникнута тѣмъ же отрицательнымъ отношеніемъ къ старому режиму и строилась на прежнихъ революціонныхъ основаніяхъ. Вотъ почему одни, преимущественно старшее поколѣніе, дѣятели и современники Екатерининскаго царствованія, пугливо смотрѣли на реформаторскую дѣятельность Негласнаго комитета, другіе — привѣтствовали ее.

Насколько эти реформы шли отъ самого имп. Александра? насколько убѣжденно и сознательно проводилъ онъ ихъ въ жизнь?

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что имп. Александръ I, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всѣ онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко

съ большими усиліями. Имп. Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, и въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторомъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ» (Вел. князь Николай Михаиловичъ).

Нѣкоторыя изъ распоряженій были вынуждены силою обстоятельствъ его вступленія на престолъ. Такъ напримѣръ, Жалованную грамоту дворянству онъ возстановилъ, по его собственному признанію, противъ своей воли, раздѣляя въ этомъ отношеніи взглядъ отца, бывшаго противникомъ привилегированности дворянскаго сословія. Александръ обѣщался царствовать «по законамъ и по сердцу» своей бабки, — между тѣмъ самъ онъ, тоже какъ и отецъ, многое осуждалъ въ ея дѣятельности и даже не любилъ, когда при немъ вспоминали о царствованіи Екатерины.

Въ Александрѣ уживалось много противорѣчій; этому онъ обязанъ прежде всего неправильному воспитанію, той ненормальной обстановкѣ, въ какой провелъ свои молодые годы. Дѣти вообще очень чутки къ жизненной правдѣ, а Александру уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ пришлось стоять между двухъ противоположныхъ теченій. Воспитаніе внука Екатерина взяла на себя; у нея была своя программа, которую однако не раздѣляли родители. Екатерина приставила къ Александру воспитателемъ швейцарца Лагарпа, честнѣйшую личность, идеалиста-проповѣдника гуманности и свободы. Республиканецъ по убѣжденіямъ, Лагарпъ прививалъ своему ученику взгляды мало совмѣстныя съ его будущимъ положеніемъ императора самодержавной, сословной, крѣпостнической и бюрократически управляемой Россіи. Александръ узналъ отъ него, что республика есть единственно справедливая форма правленія, что всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на свободу, что деспотизмъ отвратителенъ.

Но рядомъ съ Лагарпомъ при Александрѣ состоялъ еще генералъ Протасовъ, человѣкъ тоже безупречно честный, но крѣпостникъ по взглядамъ, напитанный сословными предразсудками. Прямая противоположность гражданину Швейцарской республики, Протасовъ сочувствовалъ гатчинскимъ порядкамъ и подкапывался подъ работу Лагарпа и самой Екатерины. А кромѣ того Павелъ передалъ сыну свою страсть къ мелочамъ и техникѣ военнаго дѣла; гатчинскіе парады, со всѣми ихъ странными, а подчасъ и шутовскими выходками, очень нравились мальчику; Александръ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе и позже, юношей, уже въ царствованіе Павла, и на всю жизнь остался гатчинцемъ, страдая, какъ и отецъ, парадоманіей, съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и онъ, отдаваясь вахтъ-парадамъ и муштровкѣ солдатъ.

Природа надѣлила Александра нѣжнымъ, впечатлительнымъ сердцемъ, мягкимъ характеромъ. Это не была сильная натура, но одаренная чуткимъ и тонкимъ умомъ, даромъ схватывать чужую мысль и легко разбираться въ ней. Александръ рано научился печальному искусству лавировать между двумя дворами, Большимъ и Малымъ, оказывать всѣ знаки почтенія бабкѣ и трепетать передъ упрямымъ деспотомъ-отцомъ, котораго онъ, не смотря на все, любилъ и почиталъ, по сыновнему чувству. Въ такой обстановкѣ выработался умъ гибкій, ловкій, но не искренній; покладистый, но безъ надлежащей энергіи и опредѣленныхъ убѣжденій. Въ Гатчинскомъ дворцѣ Александръ держалъ себя по-гатчински, а въ Зимнемъ или Царскосельскомъ тщательно обходилъ молчаніемъ все, что тамъ вызвало бы неудовольствіе и упрекъ. Сама жизнь толкала Александра на скользкій путь притворства и двуличія. Отецъ не могъ спокойно говорить о Французской революціи, видѣлъ въ ней однихъ только «якобинцевъ» и «тлетворную заразу», а бабка разъясняла своему внуку, какъ и почему эта революція возникла, коментировала ему новую французскую конституцію! Въ душѣ Екатерина сочувствовала многому изъ того, что происходило въ то время во Франціи, — конечно, не ея ужасамъ и извращеніямъ, а тѣмъ здоровымъ началамъ свободы и справедливости, которыхъ не въ состояніи были заглушить ни эти ужасы, ни извращенія. Она только не считала удобнымъ открыто въ этомъ признаваться и поучала Александра, можно сказать, тайкомъ, требуя, чтобы онъ молчалъ съ другими о своихъ бесѣдахъ съ нею на эту тему. Съ какими, должно быть, удивленными глазами въ первую минуту выслушивалъ бѣдный мальчикъ это требованіе! То, что называли ему хорошимъ, что онъ пріучался цѣнить, какъ достойное, надо было скрывать отъ посторонняго взора! Почему?. . .

Безъ сомнѣнія, тяжелую душевную драму пережилъ Александръ, узнавъ о намѣреніи имп. Екатерины передать престолъ ему, лишивъ Павла короны. Вынужденный обѣщаться исполнить волю императрицы, онъ однако не скрылъ отъ Павла замысловъ его матери. Благородное чувство сыновняго долга не позволило ему совершить противъ отца преступленіе, которое въ душѣ, можетъ быть, онъ не иначе называлъ, какъ позорнымъ и гнуснымъ; но сколько душевной борьбы перенесъ онъ при этомъ, сколько ѣдкой горечи осталось у него въ глубинѣ смятенной души!

Двойственность положенія сдѣлала и самого Александра двойственнымъ: онъ на всю жизнь остался двуличнымъ, съ ранняго возраста научившись говорить не то, что думалъ, и, когда нужно, хвалить то, что въ душѣ порицалъ или презиралъ, улыбаться, когда хотѣлось плакать или негодовать. Наполеонъ

по справедливости называлъ его «византійцемъ» (c'etait un grec du Bas-Empire). Люди, близко знавшіе русскаго государя, утверждали, что онъ «умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, утаивая собственные ощущенія и помыслы».

Въ Александрѣ уживались одновременно и гатчинецъ въ духѣ имп. Павла, и либералъ-конституціоналистъ въ духѣ Лагарпа. Сочетаніе столь противорѣчивыхъ чертъ оказывалось возможнымъ, потому что гатчинство срослось съ Александромъ, стало его второю натурой, либеральныя же идеи только задѣли душу и, рисуя красивые образы, всегда оставались для него одними словами, воплотить которыя въ жизнь у него никогда не было серьезнаго желанія. Александръ любилъ свободу, «какъ забаву ума» (Записки Вигеля), въ дѣйствительной же жизни онъ ревниво оберегалъ прерогативы своей власти, оставался такимъ же самодержцемъ, какъ его отецъ или бабка. «Говорить и толковать о либерализмѣ Александръ очень любилъ, но, когда дѣло доходило до конфликта, немедленно проявлялось желаніе настоять на своемъ, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть» (Вел. князь Николай Михаиловичъ).

Прекрасная фраза увлекала его, и чѣмъ туманнѣе была она, тѣмъ легче воспринималъ онъ ее. Александръ любилъ носиться съ такими словами, какъ «гуманность», «свобода», «справедливость», но именно только носиться. Онъ увлекался наружными формами свободы, — для него это было своего рода красивое зрѣлище; ему нравились пылкія изъявленія въ либеральномъ духѣ, но онъ довольствовался одной только оболочкой, призракомъ свободнаго правительства, «домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская, чтобы слова превратились въ дѣйствительность, и охотно даровалъ бы свободу хоть цѣлому міру, но при условіи, чтобы міръ добровольно подчинился и исполнялъ его волю» (Записки кн. Чарторыскаго). Не даромъ, во время доклада одного изъ министровъ (Державина), онъ способенъ былъ сказать ему: «ты всегда хочешь меня учить; я самодержавный государь, и такъ хочу!»; не даромъ также, когда Сенатъ, по силѣ предоставленнаго ему права, вошелъ съ докладомъ о пересмотрѣ одного узаконенія, находя его несправедливымъ, и не счелъ возможнымъ отступиться отъ своего мнѣнія, Александръ вознегодовалъ и пригрозилъ: «я имъ дамъ себя знать!». Что либеральныя идеи, дѣйствительно, только скользнули по Александру, но не овладѣли имъ всецѣло, доказательствомъ можетъ служить также та роль и то значеніе, какимъ пользовался въ теченіе почти всего царствованія Александра знаменитый Аракчеевъ.

8. **Александръ I и Аракчеевъ.**

Аракчеевъ выдвинулся еще при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, когда тотъ устраивалъ свои гатчинскія войска (1792). Строгій къ самому себѣ и столь же требовательный къ подчиненнымъ, онъ явился желаннымъ помощникомъ Павлу и заслужилъ полное его довѣріе. Въ первые же дни по вступленіи на престолъ, Павелъ свелъ Аракчеева съ сыномъ и, соединивъ ихъ руки, сказалъ: «будьте навсегда друзьями и помогайте мнѣ». При строгостяхъ тогдашней службы, при вспыльчивости и измѣнчивомъ настроеніи имп. Павла, Аракчеевъ имѣлъ не мало случаевъ оберегать Александра и выручать его изъ затрудненій. Александръ питалъ къ нему чувство признательности, вскорѣ перешедшее въ привязанность. Въ своихъ письмахъ онъ часто называлъ себя «вѣрнымъ другомъ» его. Но фанатическое тиранство, съ какимъ Аракчеевъ требовалъ отъ подчиненныхъ точнаго исполненія своихъ предписаній; его грубости и жестокое обхожденіе; ненависть къ нему въ военныхъ кругахъ — не позволили Александру, при восшествіи на престолъ, удержать его на службѣ. Аракчеевъ былъ уволенъ въ отставку; однако не надолго. Чрезъ два года Александръ чувствовалъ себя много независимѣе и снова призвалъ Аракчеева, поставивъ его, какъ и раньше, во главѣ артиллерійскаго вѣдомства.

У Аракчеева были свои достоинства: «время главнаго командованія Аракчеевымъ русскою артиллеріею составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ ея исторіи. При немъ совершились важныя преобразованія, благодаря которымъ наша артиллерія стяжала себѣ въ послѣдовавшихъ войнахъ заслуженныя похвалы всей Европы. Дѣятельность неутомимаго инспектора почти не оставила пробѣловъ и не упустила ничего, что могло бы въ то время послужить на пользу артиллеріи». Въ 1808 г., съ назначеніемъ на должность военнаго министра, предъ Аракчеевымъ открылось болѣе широкое поприще дѣятельности; къ сожалѣнію, онъ придалъ ей ненавистный характеръ, который современники и потомство справедливо заклеймили знаменательнымъ словомъ аракчеевщина.

V. Реформа государственныхъ учрежденій по плану Сперанскаго.

Напряженная борьба съ Наполеономъ въ 1805—1807 гг. отвлекла вниманіе имп. Александра отъ внутреннихъ дѣлъ; но послѣ Тильзитскаго мира онъ снова сталъ отдавать имъ больше времени и вниманія. Въ лицѣ М. М. Сперанскаго, извѣстнаго ему еще съ первыхъ лѣтъ царствованія, Александръ нашелъ способнаго сотрудника, съумѣвшаго воплотить въ стройныя формы его либеральныя мысли и не всегда самому ему ясныя

идеи о новомъ государственномъ устройствѣ Россіи. Послѣ года работы, къ началу октября 1809 г., Сперанскій приготовилъ и представилъ государю «Планъ всеобщаго государственнаго образованія», замѣчательный по своей стройности и логической связи между отдѣльными частями.

На этомъ Планѣ отразились господствовавшія идеи времени, близкія къ тому, что обыкновенно принято называть «принципами 1789 г.»:

1) Источникъ власти есть государство, страна.

2) Законнымъ можетъ быть лишь то правленіе, которое выражаетъ собою волю народа.

3) Перестанетъ правительство исполнять условія, на какихъ оно призвано къ власти — потеряютъ законность и его дѣйствія.

4) Чтобъ оградить страну отъ произвола, положить границы абсолютной власти, необходимо, чтобы она и ея органы — правительственныя учрежденія — руководились въ своихъ дѣйствіяхъ основными законами, незыблемыми постановленіями, точно опредѣляющими желанія и нужды народныя.

5) Какъ выводъ изъ сказаннаго, Основные Законы должны быть дѣломъ и созданіемъ самой націи.

6) Нельзя никого наказывать безъ суда.

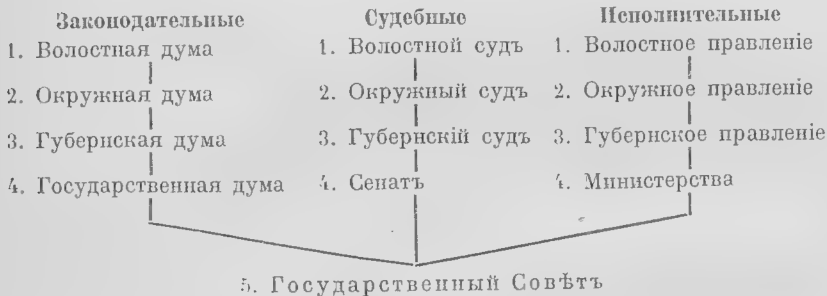
Выходя изъ положенія, высказаннаго еще Монтескье, что «три силы двигаютъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, сила исполнительная и сила судебная», Сперанскій весь свой Планъ строитъ на строгомъ обособленіи органовъ законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ; подъ этою обособленностью понимается: а) точное разграниченіе предметовъ вѣдомства и б) независимость дѣйствій каждаго органа; при чемъ законодательные органы работаютъ не иначе, какъ совмѣстно съ державною властью: послѣдняя охраняетъ судъ и свободу его дѣйствій; исполнительная власть принадлежитъ правительству въ лицѣ министровъ, отвѣтственныхъ передъ законодательною за свои дѣйствія.

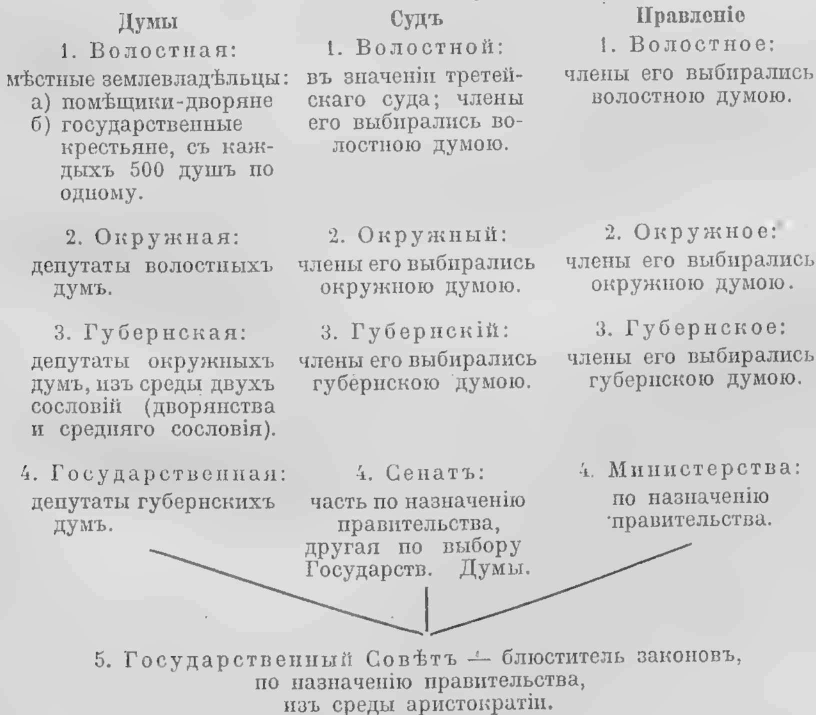
Кто же будетъ привлеченъ къ государственной работѣ и какъ будетъ она распредѣлена между представителями разныхъ классовъ населенія? Сперанскій насчитываетъ три свободныхъ сословія въ Русской имперіи: дворянство, среднее сословіе и рабочій классъ (духовенство онъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ); первые два пользуются гражданскими и политическими правами, а третье, рабочій классъ (крестьяне), одними только гражданскими.

Надѣляя дворянство и среднее сословіе политическими правами, Сперанскій не считалъ однако возможнымъ предоставить имъ — въ массѣ, цѣлому сословію — заботу и честь блюсти законы имперіи: для этого требовалось обладать

просвѣщеніемъ выше обычнаго уровня. Съ этою цѣлью Сперанскій создаетъ высшій классъ — аристократію, на подобіе англійской. Ее дастъ помѣстное дворянство, потомки тѣхъ, кто нѣкогда, по его мнѣнію, владѣлъ народомъ «самодержавно» и зависѣлъ отъ великихъ князей больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

На такихъ основаніяхъ была построена нижеслѣдующая схема государственныхъ учрежденій:

Волостная дума созывается каждые три года; выбравъ членовъ волостного суда и правленія, и депутатовъ въ окружную думу, она расходится, и во главѣ волости становится волостное правленіе, до новаго созыва думы. Аналогично устройство и думъ окружной и губернской.

Характеромъ дѣятельности Государственная Дума во многомъ напоминаетъ палаты депутатовъ, существующія въ наше время въ конституціонныхъ монархіяхъ:

1) Государственная Дума собирается ежегодно въ извѣстный срокъ безъ особаго созыва, и засѣданія ея длятся въ зависимости отъ количества текущихъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію.

2) Законъ, отвергнутый большинствомъ Думы, не подлежитъ утвержденію.

3) Законъ, принятый Думою, представляется на утвержденіе императору.

4) Ни одинъ законъ нельзя обнародовать безъ участія Думы.

5) Установленіе новыхъ налоговъ, какого бы рода они ни были, подлежатъ предварительному обсужденію въ Думѣ.

6) Законодательная инціатива принадлежитъ исключительно верховной власти: проекты закона, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, вносятся въ Государственную Думу. Въ трехъ случаяхъ сама Дума можетъ входить съ представленіями къ государю; если дѣло идетъ: а) о нуждахъ государства; б) объ уклоненіи отъ отвѣтственности; в) о дѣйствіяхъ, нарушающихъ Основные Законы имперіи.

7) Министры представляютъ свои отчеты Государственной Думѣ; Дума имѣетъ право контролировать ихъ дѣйствія, требовать отчета и входить по поводу ихъ дѣйствій съ представленіями къ государю.

Планъ Сперанскаго, по своему построенію, отличался большими достоинствами; но онъ выходилъ изъ теоретическихъ основаній и не считался съ наличными условіями жизни, и потому не получилъ примѣненія, оставшись однимъ проектомъ. Осуществлены были только нѣкоторыя, и притомъ не самыя важныя части его Плана: открытъ Государственный Совѣтъ (1810, 1 янв.); согласно указаніямъ восьмилѣтняго опыта (1802—1810), точнѣе опредѣленъ порядокъ управленія, степень и предѣлы власти министровъ, ихъ отношенія къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ и юридическая отвѣтственность за свои дѣйствія (манифестъ 25 іюня 1811 г. объ «Общемъ учрежденіи министерствъ»); но и Совѣтъ, и Министерства были лишь малымъ обломкомъ общей системы преобразованій, то же, что составляло самую душу Плана и что выводило русскую самодержавную монархію на новый путь консти-

туціоннаго правленія, то осталось не выполненнымъ. Главнѣйшія причины этому:

1) Энергичное противодѣйствіе вліятельныхъ сторонниковъ стараго порядка.

2) Реформа требовала извѣстнаго времени для ея осуществленія, между тѣмъ вскорѣ все вниманіе правительства было отвлечено начавшеюся борьбою съ Наполеономъ.

3) Паденіе Сперанскаго, который былъ душею всего дѣла.

4) Симпатіи Александра къ конституціонному образу правленія несомнѣнны; но онѣ рѣдко шли далѣе словъ и пылкихъ разговоровъ; онъ воспитался на либеральныхъ идеяхъ, но въ жизни, на практикѣ, руководился началами самодержавными.

5) Конституціонный образъ правленія не могъ имѣть мѣста въ странѣ, гдѣ еще существовало рабство (крѣпостные). Сперанскій сознавалъ это и предлагалъ освободить крестьянъ въ два пріема: а) сперва вернуть крестьянамъ личную свободу, оставивъ ихъ крѣпкими одной только землѣ и опредѣливъ размѣръ ихъ повинностей въ пользу землевладѣльца; б) а потомъ возстановить право перехода отъ одного помѣщика къ другому. Такимъ образомъ, согласно Плана Сперанскаго, освобожденіе шло обратнымъ путемъ, чѣмъ какимъ шло закрѣпощеніе: тогда крестьянинъ прикрѣплялся сперва къ землѣ, а уже потомъ къ лицу — теперь онъ освобождался сперва отъ лица, а потомъ и отъ земли, при чемъ надѣлъ освобождавшихся крестьянъ землею въ программу Сперанскаго не входилъ. Но и эта часть проекта осталась не выполненною: вообще положеніе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра I ни въ чемъ не измѣнилось послѣ изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

VI. Внѣшняя политика имп. Александра I.

1. Имп. Александръ и первый консулъ. Внѣшняя политика имп. Александра I въ первые годы, до Тильзита, лишена опредѣленнаго плана: «все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы» (Вел. князь Николай Михаиловичъ). Сперва Александръ рѣшилъ было, насколько возможно, не вмѣшиваться въ чужеземныя дѣла, не заключать никакихъ договоровъ, которые могли бы связать свободу его дѣйствій; но въ Европѣ дѣла осложнялись; воцареніе Александра совпало съ моментомъ, когда на политическомъ горизонтѣ загорѣлась новая звѣзда; Французская революція, выйдя изъ первоначальнаго русла, грозила разлиться

опустошительнымъ потокомъ по всей Европѣ. Наполеонъ сталъ пожизненнымъ консуломъ (1802); его завоевательные планы грозили дальнѣйшимъ измѣненіемъ политической карты; своей заносчивостью и властнымъ обращеніемъ онъ постоянно напоминалъ Европѣ, что вышелъ изъ революціи и пришелъ не поддерживать, а, наоборотъ, разрушать старый порядокъ. Россія, весь государственный строй которой былъ основанъ на самодержавіи, не могла не безпокоиться за себя. Недовольство дѣйствіями Наполеона особенно усилилось послѣ казни герцога Ангіенскаго (1804, 21 марта): во всей монархической Европѣ она породила взрывъ негодованія; при Петербургскомъ дворѣ по убитомъ демонстративно отслужена была панихида, и отношенія между Россіей и Франціей обострились еще сильнѣе, особенно когда, въ отвѣтъ на протестъ русскаго правительства по поводу этой казни, ему ѣдко замѣтили, что Франція не позволяла себѣ требовать отчета въ смерти имп. Павла и наказанія тѣхъ, кто былъ въ ней виновенъ: замѣчаніе это Александръ по справедливости понялъ, какъ обидный намекъ на потворство и соучастіе въ преступленіи 11 марта, и никогда не могъ простить Наполеону нанесеннаго ему оскорбленія. Вдобавокъ, Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ (1804, 2 дек.) — нанесъ новый ударъ принципу легитимизма. Идея «спасать троны», колеблемые рукою дерзкаго корсиканца, увлекла Александра, какъ въ свое время увлекался ею и Павелъ, и въ 1805 г. Россія объявила Наполеону войну, вступивъ въ коалицію съ Австріей, Англіей и Швеціей.

Избѣжать столкновенія съ Наполеономъ вообще было трудно: Наполеонъ напоминалъ собою бурный потокъ, вышедшій изъ береговъ; само благоразуміе подсказывало необходимость заблаговременно задержать разливъ, пока его воды еще не успѣли докатиться до Русской земли и произвести въ ней такія же опустошенія, какія онъ уже успѣлъ причинить въ другихъ государствахъ. Но одно дѣло воздвигать плотину противъ такого потока, руководясь опредѣленными, реальными интересами своей родины, и другое — браться за оружіе во имя отвлеченнаго принципа и благороднаго желанія оказать помощь ближнему ради торжества справедливости и права.

2. Пулавы и клятва въ Потсдамѣ. Война для Россіи началась въ ту пору, когда его союзникъ, императоръ германскій, уже потерялъ лучшую часть своей арміи и отступалъ вглубь Австріи передъ побѣдоносными войсками Наполеона. По дорогѣ къ своей арміи, Александръ остановился на двѣ недѣли въ Пулавахъ (въ австрійской Польшѣ, на р. Вислѣ; нынѣ: Новая Александрія), въ имѣніи родителей своего друга юношескихъ лѣтъ, князя Адама Чарторыскаго, завѣдывавшаго въ то время иностранными дѣлами Рос-

сіи. Пребываніе на территоріи бывшаго Польскаго королевства, чарующее обращеніе съ окружающими, разговоры о польскомъ искусствѣ, поэзіи, исторіи, бесѣды на политическія темы, о минувшемъ величіи польскаго народа, объ испытанныхъ имъ несчастіяхъ и правахъ на существованіе въ будущемъ, — все это вскружило головы поляковъ и дало имъ кажущееся основаніе считать Александра готовымъ осуществить ихъ завѣтную мечту — возстановить Польшу, провозгласивъ себя польскимъ королемъ и силою заставивъ Пруссію отказаться отъ своихъ польскихъ провинцій (Австрію предполагалось вознаградить Силезіей и Баваріей). Вся Польша готова была подняться противъ Пруссіи и увеличить ряды русской арміи, которую ждали, какъ избавительницу. Варшава волновалась и готовилась къ торжественной встрѣчѣ императора, и рыночныя торговки открыто говорили прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ: «ваше царство недолговѣчно; русскіе придутъ, и мы васъ выгонимъ» (Шильдеръ).

Между тѣмъ Александръ, вмѣсто войны съ Пруссіей, поѣхалъ изъ Пулавъ прямо въ Берлинъ и здѣсь (въ Потсдамѣ), у гроба Фридриха II, прикоснувшись къ нему губами, протянулъ королю Фридриху Вильгельму III и королевѣ руку, поклявшись имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ. Что подвинуло его на эту клятву, навсегда его связавшую, никѣмъ и ничѣмъ не вызванную? Быть можетъ, это было извѣстнаго рода преклоненіе передъ Фридриховой Пруссіей, передавшееся ему по наслѣдству отъ отца и дѣда; можетъ быть, вліяніе королевы Луизы, въ присутствіи которой ему нравилось разыгрывать роль платоническаго рыцаря: королева еще въ 1802 г. произвела на него сильное впечатлѣніе въ Мемелѣ, когда Александръ впервые познакомился съ королевской четой, сдѣлавъ имъ визитъ.

Пользы для Россіи клятва не принесла никакой; пользу извлекъ одинъ Фридрихъ Вильгельмъ, который уже тогда велъ двойную игру съ Наполеономъ и Александромъ, угождая то одному, то другому, смотря по обстоятельствамъ. Вредъ же былъ несомнѣнный: рѣзкій переходъ отъ радужныхъ надеждъ къ разочарованію оттолкнулъ поляковъ отъ Россіи; всѣ свои упованія они возложили теперь на Наполеона и позже открыто стали на его сторону, когда Александру пришлось сойтись съ нимъ въ рѣшительной схваткѣ (1812).

3. Аустерлицъ. На поляхъ Аустерлица русскую армію ждало небывалое пораженіе (1805, 2 дек). Верховное командованіе принадлежало Кутузову, но фактически распоряжались другіе, неопытная молодежь, окружавшая государя, съ княземъ Долгоруковымъ во главѣ; самъ же Кутузовъ не имѣлъ власти и

не пользовался уваженіемъ. Свыше 20000 русскаго войска пало на полѣ сраженія; разгромъ былъ полный, а смятеніе такъ велико, что многіе изъ свиты государя потеряли его изъ виду, разъѣхались въ разныя стороны и не сразу нашли его. Страшно потрясенный несчастіемъ, физически и морально разбитый, Александръ оказался не въ силахъ ѣхать далѣе, слѣзъ съ лошади, безпомощно опустился на землю, закрылъ платкомъ лицо и залился слезами. Онъ начиналъ войну полный свѣтлыхъ надеждъ, увѣренный въ несокрушимость своихъ войскъ — вѣдь это были полки, еще недавно бравшіе съ Суворовымъ Измаилъ, варшавскую Прагу, совершившіе достославный переходъ черезъ Альпы! — и вдругъ... Позже, много лѣтъ спустя, вспоминая о несчастномъ Аустерлицкомъ днѣ, Александръ говорилъ: «я былъ тогда молодъ и неопытенъ; Кутузовъ указывалъ мнѣ, что намъ надо дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало проявить больше настойчивости въ своихъ мнѣніяхъ».

4. Послѣ Аустерлица. Австрія спѣшно заключила съ Наполеономъ миръ въ Пресбургѣ (1805, 26 декабря); Германская имперія перестала существовать; Францъ II замѣнилъ прежній свой титулъ германскаго императора новымъ, назвавшись императоромъ австрійскимъ; западная половина Германіи образовала Рейнскій союзъ, гдѣ Наполеонъ свободно распоряжался, какъ у себя дома. Политика Александра продолжала оставаться чуждой яснаго пониманія интересовъ Россіи. Уступая настояніямъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Чарторыскаго, который убѣждалъ государя не довѣрять Пруссіи и не подчиняться ея внушеніямъ, чтобы не навлечь на себя бѣды, Александръ вошелъ въ переговоры съ Наполеономъ, но одновременно отдалъ въ распоряженіе прусскаго короля свои военныя силы, на случай если бы онѣ понадобились ему, и обязался секретной конвенціею (1806, 24 іюля ст. с.) безкорыстно поддерживать независимость и цѣлость прусскихъ владѣній, заранѣе отказываясь отъ возможныхъ пріобрѣтеній.

Сближеніе съ Пруссіей вызвало уходъ Чарторыскаго, замѣну его барономъ Будбергомъ (1806, 17 іюня) и отказъ ратификовать заключенный (1806, 8/20 іюля) миръ съ Франціей. Прусскій же король, не отказываясь отъ русской помощи, тоже велъ переговоры съ Наполеономъ и одновременно заключилъ договоръ съ обѣими сторонами. Создалось положеніе, «которому нѣтъ примѣра въ исторіи дипломатическихъ сношеній государствъ: въ одно и то же время Пруссія состояла въ союзѣ съ Франціей противъ Россіи и съ Россіей противъ Франціи» (Шильдеръ). Эта двойная игра однако не спасла Фридриха Вильгельма: въ однодневномъ сраженіи при Іенѣ и Ауэрштедтѣ (1806, 14 окт.) Пруссія была разгромлена; французскія войска заняли почти всю территорію государства, и королев-

ской семьѣ осталось единственное убѣжище на восточной окраинѣ, въ пограничномъ городѣ Мемелѣ.

Въ эти критическіе для Пруссіи дни и сказалось значеніе клятвы, данной Александромъ за годъ передъ тѣмъ въ Потсдамѣ. Александръ торжественно подтвердилъ ее королю: «связанный съ вами» — писалъ онъ ему — «двойными узами союза и нѣжной дружбы, я готовъ доказать свою преданность и вѣрность данному слову, какихъ бы жертвъ и усилій мнѣ это ни стоило». Все еще не вѣря въ военные таланты Наполеона и не сознавая неподготовленности русскихъ войскъ, въ особенности, русскихъ генераловъ, къ неравной борьбѣ съ геніальнымъ полководцемъ на чужой территоріи, ослѣпленный Александръ снова ринулся въ борьбу съ Наполеономъ за чуждые интересы, но на этотъ разъ въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ: одинъ на одинъ, такъ какъ Фридрихъ Вильгельмъ былъ совершенно обезсиленъ недавними пораженіями.

Кровопролитный бой при Прейсишъ-Эйлау (1807, 27 января ст. с.), стоившій намъ 26000 убитыхъ и по справедливости названный Наполеономъ «не сраженіемъ, а рѣзней», еще не рѣшилъ исхода войны; зато пораженіе подъ Фридландомъ (1807, 2 іюня) по результатамъ походило на Аустерлицкое: продолжать послѣ него войну стало немыслимымъ. У самой русской границы стояли вражескія, побѣдоносныя войска, втрое болѣе сильныя; одинъ шагъ впередъ — и они могли очутиться на польской землѣ, гдѣ уже тлѣлъ огонь возмущенія. Въ случаѣ продолженія войны, что могли мы противопоставить Наполеону? Остатки большой арміи, упавшей духомъ; полное разстройство средствъ и источниковъ для ихъ пополненія, а главное, отсутствіе всякой надежды на успѣхъ и совершенную безполезность дальнѣйшихъ жертвъ. Потеря въ солдатахъ и офицерахъ была ужасающая; лучшіе генералы были ранены или больны; на денежную помощь Англіи расчитывать было нечего. Александру не оставалось ничего иного, какъ подписать миръ, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

5. **Тильзитскій миръ.** Условія мира, заключеннаго въ Тильзитѣ (1807, 25 іюня ст. с.):

1) Наполеонъ намѣревался совершенно покончить съ существованіемъ Пруссіи, какъ самостоятельнаго государства, но Александръ, приступая къ мирнымъ переговорамъ, твердо рѣшилъ отстаивать владѣнія своего союзника, и Наполеонъ, «изъ вниманія» къ русскому государю, оставилъ Фридриху Вильгельму (сравнительно небольшую) часть ихъ: Бранденбургъ, Померанію и Восточную Пруссію; земли же къ западу отъ Эльбы вошли въ составъ Рейнскаго союза, а изъ областей, доставшихся Пруссіи по польскимъ раздѣламъ, Наполеонъ создалъ особое Варшавское герцогство.

2) Наполеонъ предлагалъ Александру подѣлить между собою эти польскія земли, по теченію р. Вислы, какъ пограничной линіи; но Александръ отказался, сочтя неделикатнымъ увеличивать свои владѣнія за счетъ своего союзника; однако послѣдовательно этого взгляда онъ не выдержалъ: Бѣлостокская область все же была отторгнута отъ Пруссіи и присоединена къ Россіи.

3) Франція и Россія обязались имѣть общихъ враговъ.

4) Россія должна была примкнуть къ Континентальной системѣ, смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы прекратить всякія торговыя сношенія съ Англіей и взять ее изморомъ: Англія была сильна торговлей и своими колоніями; страна преимущественно промышленная, она нуждалась въ привозныхъ продуктахъ потребленія, и жизнь ея могла быть совершенно парализована, еслибы прекратился ихъ подвозъ.

5) Наполеонъ обязывался не мѣшать Россіи въ завоеваніи Финляндіи, если бы Александръ началъ съ этою цѣлью войну съ Швеціей.

6) При заключеніи Тильзитскаго мира Россія вела войну съ Турціей (съ 18/30 декабря 1806 г.). Споръ шелъ главнымъ образомъ изъ-за Молдавіи и Валахіи. Наполеонъ бралъ на себя посредничество, чтобы примирить воюющія стороны, въ случаѣ же отказа Турціи принять таковое, Россіи предоставлялось право завоевать и удержать за собою обѣ названныхъ области. Наполеонъ вообще манилъ Александра возможностью раздвинуть свои границы за счетъ Турціи за Дунай, до Балканъ, — но не далѣе: Румелію и Константинополь онъ не отдавалъ, считая послѣдній ключомъ къ обладанію всѣмъ міромъ (Constantinople — c'est l'empire du monde).

Миръ съ Наполеономъ и свиданіе съ нимъ въ Тильзитѣ нанесли тяжелый ударъ самолюбію Александра. Еще вчера онъ отказывалъ этому человѣку въ титулѣ «императора» и «величества», не признавалъ за государя; еще вчера онъ былъ для него «Бонапартъ», самый простой смертный, къ тому же похититель чужой власти, незаконно надѣвшій на себя корону и дерзко осмѣливавшійся требовать себѣ мѣста въ семьѣ помазанниковъ Божіихъ; а сегодня съ нимъ приходилось брататься, принимать его льстивыя похвалы, самому отвѣчать такими же, пить за обѣдомъ за его здоровье, наряжаться въ пожалованный имъ орденъ Почетнаго Легіона и, въ душѣ, сознавать себя побѣжденнымъ, уступить ему, при всемъ наружномъ равенствѣ, первое мѣсто . . . «Подумать только, что я провелъ эти дни съ Бонапартомъ!», писалъ Александръ изъ Тильзита своей матери, имп. Маріи Өедоровнѣ (Moi, passer mes journées avec Bonaparte!). «Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ

переварить этого свиданія; чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ» (Вел. кн. Николай Михаиловичъ).

6. **Послѣ Тильзита.** Въ Россіи Тильзитскій миръ былъ непопуляренъ. Великое герцогство Варшавское въ рукахъ Наполеона грозило стать опаснымъ орудіемъ. Континентальная система разоряла страну: уронила торговлю, вызвала денежный кризисъ и удорожила стоимость жизни. Память о блестящихъ побѣдахъ въ предыдущія царствованія была еще свѣжа, и патріотическое чувство никакъ не могло примириться съ мыслью о томъ, что позоръ Аустерлица и Фридланда остался не смытымъ и не отмщеннымъ, рѣзкій же поворотъ въ политикѣ, дружба и союзъ съ «дерзкимъ корсиканцемъ» принимались, какъ униженіе національнаго достоинства, тѣмъ болѣе что униженіе Россіи коснулось и самого государя лично. Дипломатическіе представители Наполеона въ Петербургѣ вели себя дерзко и грубо, а Александръ изъ политическихъ соображеній считалъ необходимымъ дѣлать видъ, что не замѣчаетъ ихъ дерзостей. Посланникъ Коленкуръ постоянно совался впередъ и позволялъ себѣ, при объѣздѣ войска, не только выдѣляться изъ свиты государя, но и ѣхать впереди его на полголовы лошади. На одномъ раутѣ, во время ужина, тотъ же Коленкуръ захватилъ себѣ приборъ, предназначавшійся совсѣмъ не ему, и тѣмъ вынудилъ Александра остаться безъ мѣста. И Александръ снесъ эту дерзость, отвѣтивъ на нее чарующей улыбкой, ни однимъ мускуломъ не давъ понять, что̀ онъ чувствуетъ въ эту минуту, оскорбляемый слугой того человѣка, который и самъ, въ его глазахъ, былъ не болѣе, какъ счастливый проходимецъ.

Хуже всего то, что Тильзитскій миръ вырылъ пропасть между государемъ и подданными. Еще во время военныхъ дѣйствій армія открыто роптала: «стоитъ ли сражаться изъ-за того, что нашъ императоръ лично дружитъ съ прусскимъ королемъ?»; теперь, когда увидали, что миръ не принесъ Россіи ничего, кромѣ униженія, лишилъ ее самостоятельности во внѣшнихъ дѣлахъ, недовольство перешло въ негодованіе.

Александръ надѣялся примирить съ собою общественное мнѣніе завоеваніемъ Молдавіи и Валахіи, но Наполеонъ требовалъ теперь, взамѣнъ, уступокъ на счетъ Пруссіи. Таковыя не противорѣчили бы интересамъ Россіи, но Александра связывала потсдамская клятва, тотъ несчастный «романтизмъ», которымъ онъ руководился во внѣшней своей политикѣ. Можно было надѣяться, что по крайней мѣрѣ война со Швеціею сблизитъ страну съ ея государемъ: вѣдь завоеваніемъ Финляндіи увѣнчалось бы великое дѣло Петра! однако всѣ громко осуждали

эту войну, какъ беззаконное нападеніе на слабаго сосѣда; успѣхи нашихъ войскъ считались безславіемъ, въ Александрѣ видѣли исполнителя чужой воли, — воли ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ. Еще непріязненнѣе принято было извѣстіе о поѣздкѣ имп. Александра въ Эрфуртъ и тѣхъ утонченныхъ изъявленіяхъ дружескихъ чувствъ къ Наполеону, какія расточалъ тамъ русскій императоръ.

Но Тильзитскій миръ имѣлъ и хорошую сторону: онъ далъ Александру передышку и время приготовиться къ новой борьбѣ. Еще подписывая мирныя условія въ Тильзитѣ, онъ уже думалъ о ней. Горечь униженія была слишкомъ чувствительна, чтобы Александръ могъ легко примириться съ нею. Обмѣнъ учтивостями между вчерашними соперниками, временами переходившій въ открытую лесть, позволялъ ему скрывать то, что было пока еще несвоевременно выставлять наружу. Александръ еще съ дѣтства научился носить маску и теперь наглядно доказалъ это приличномъ свиданіи въ Эрфуртѣ (1808, 15 сент. — 2 окт.), гдѣ оба императора изощрялись въ искусствѣ провести одинъ другого, заявляя передъ лицомъ свѣта свои дружескія чувства.

7. Ближайшіе поводы къ разрыву съ Наполеономъ. 1) Въ Эрфуртѣ заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго Наполеонъ обязывался признать за Россіей Молдавію и Валахію, а Россія — дѣйствовать съ Франціей за одно, если Австрія объявитъ послѣдней войну. Между тѣмъ, когда Австрія, дѣйствительно, начала новую войну съ Наполеономъ (1809), то русскія войска, хотя и вступили на территорію Австріи, но избѣгали встрѣчаться съ противникомъ, дѣйствовали вяло и активную помощь Франціи оказали самую ничтожную.

2) Отнявъ у Австріи, по Шенбрунскому миру (1802, 2/14 окт.), въ числѣ другихъ областей, Галицію, Наполеонъ при соединилъ ее къ Вел. Герцогству Варшавскому, т. е. сдѣлалъ новый шагъ на пути возстановленія самостоятельной Польши. Небольшая часть Восточной Галиціи, съ русскимъ населеніемъ (городъ Тарнополь съ округомъ), отошедшая по этому миру къ Россіи, не могла уравновѣсить опасности; къ тому же ничтожность новаго пріобрѣтенія напоминала подачку. «Общее мнѣніе Россіи порицало Александра. Наполеонъ осрамилъ его, давъ ему изъ земель, отнятыхъ у Австріи, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысячъ душъ, какъ, бывало, у насъ цари награждали своихъ клевретовъ» (Записки Греча).

3) Континентальная система наносила громадный уронъ русской торговлѣ, и придерживаться ея стало непосильнымъ для Россіи. Сама Франція внесла въ нее измѣненія, дозволивъ покупку англійскихъ товаровъ, при условіи покупки на такую

же сумму и товаровъ французскихъ. Въ цѣляхъ хотя бы нѣсколько возстановить торговлю, русское правительство разрѣшило привозъ англійскихъ товаровъ подъ нейтральнымъ флагомъ, а чтобы задержать отливъ денегъ за границу, обложило высокими пошлинами предметы роскоши (1810, 18 дек.), отъ чего пострадали главнымъ образомъ интересы французской промышленности.

4) Для большей дѣйствительности Континентальной системы и борьбы съ тайнымъ провозомъ товаровъ морскимъ путемъ, Наполеонъ присоединилъ къ Франціи нѣмецкія земли, лежавшія по берегу Сѣвернаго моря: Ганзеатическіе города и герцогство Ольденбургское. Герцогъ Ольденбургскій былъ женатъ на сестрѣ имп. Александра, Екатеринѣ Павловнѣ; Александръ опротестовалъ захватъ земель своего шурина, но французское правительство не приняло протеста. Это обстоятельство въ значительной степени обострило отношенія Александра къ Наполеону, не столько потому, что Александръ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ родственныхъ чувствахъ, сколько потому, что захватъ Ольденбурга, въ глазахъ его, былъ явнымъ насиліемъ и служилъ новымъ доказательствомъ ненасытнаго честолюбія Наполеона и необходимости вообще оградить «несчастное человѣчество» отъ угрожающаго ему «варварства и тираніи».

8. **Отечественная война 1812 г.** Отечественная война — самая выдающаяся и самая плодотворная пора царствованія Александра I. Въ эту пору Александръ впервые (но единственно только въ этотъ разъ!) почувствовалъ въ себѣ духовное родство съ русскимъ народомъ, дышалъ съ нимъ однимъ воздухомъ, съумѣлъ слиться съ нимъ помыслами и найти въ этомъ духовномъ единеніи необходимыя силы и твердость характера для борьбы съ гигантомъ-завоевателемъ. Не ученикомъ Лагарпа, не во имя отвлеченныхъ принциповъ и личныхъ симпатій или антипатій, а какъ государь и вождь своего народа, выступилъ онъ на борьбу. «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ», говорилъ онъ; «я лучше отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири», чѣмъ заключу съ Наполеономъ безславный миръ. Александръ понялъ, что одной военною силою Наполеона не побѣдить — необходимо, чтобы весь народъ вложилъ въ эту борьбу свою душу, чтобы всѣ дѣйствовали за одно. Въ жертву этого единенія Александръ съумѣлъ принести и личныя чувства. Онъ недолюбливалъ Кутузова, не могъ простить ему Аустерлицкаго пораженія; но голосъ народный назвалъ его — и Кутузовъ былъ поставленъ во главѣ арміи. Сперанскаго открыто обвиняли въ измѣнѣ—

скрѣпя сердце Александръ лишилъ его власти и отправилъ въ ссылку: ничто и никто не долженъ былъ стоять помѣхою на пути къ единенію государя съ націей! Недѣля, проведенная Александромъ въ Москвѣ, передъ началомъ военныхъ дѣйствій; воодушевленіе, съ какимъ его тамъ приняли всѣ классы населенія; готовность жертвовать своимъ достояніемъ на защиту родины напоминали незабвенныя времена Минина и Пожарскаго и оставили глубокое впечатлѣніе въ душѣ Александра. Восторженное настроеніе повышалось въ немъ съ каждымъ днемъ. «Въ эту годину онъ созналъ народную мощь и сплотился съ нею». Онъ самъ впослѣдствіи говорилъ, что съ его глазъ какъ бы спала пелена, и точно Божіе откровеніе снизошло на него, «и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію». Въ эти знаменательные для него московскіе дни были брошены первыя сѣмена мистицизма и «тѣхъ чувствъ, которыя привели потомъ къ Священному Союзу» (Вел. кн. Николай Михаиловичъ). Случайно попавшаяся въ руки Библія стала съ тѣхъ поръ неразлучною его спутницею. «Пожаръ Москвы» — говорилъ императоръ — «освѣтилъ мою душу; тогда я позналъ Бога».

Гроза пронеслась; борьба съ Наполеономъ кончилась побѣдой русскаго оружія, но восторженно-религіозное настроеніе Александръ сохранилъ до конца своей жизни, и чѣмъ больше укрѣплялся онъ въ мысли, что Европа спасена чудеснымъ вмѣшательствомъ Божіимъ, тѣмъ постояннѣй и убѣжденнѣе сталъ онъ искать въ вѣрѣ необходимой себѣ поддержки и руководства въ своей государственной работѣ.

9. Какъ использовалъ Александръ побѣду надъ Наполеономъ. На высотѣ единенія съ своимъ народомъ Александръ долго не удержался. Исторія окончательно еще не рѣшила, что было выгоднѣе для Россіи послѣ изгнанія Наполеона изъ ея предѣловъ: продолжать ли съ нимъ войну и «освобождать» Европу, какъ это сдѣлалъ Александръ, или договориться съ нимъ, не добивать его, чтобы тѣмъ самымъ предупредить дальнѣйшее усиленіе Австріи и Пруссіи? Безспорно одно: «освобожденіе» Европы велось въ интересахъ ея одной, безъ вниманія къ интересамъ Россіи.

Возстановлено было Польское королевство и Александръ принялъ титулъ польскаго короля; но возстановленіе имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ коренныя польскія земли вошли въ составъ его; между тѣмъ часть Прусской Польши (Познань) осталась за Пруссіей (снова повліяла потсдамская клятва); Западная Галиція, тоже съ польскимъ населеніемъ, въ свою очередь, осталась за Австріей. Въ дѣйствительности произошло не возстановленіе, а частичное присоединеніе Польши. Поляки не могли удовольствоваться

такимъ рѣшеніемъ ихъ судьбы, продолжали волноваться и домогаться лучшаго.

Кромѣ того на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ не вспомнилъ о завѣтѣ московскихъ царей: возсоединеніе русскихъ земель подъ однимъ скипетромъ, и упустилъ прекрасный случай вернуть Россіи Восточную Галицію, эту древнюю отчину Владиміра Святого, послѣдній обломокъ «Зарубежной Руси». Галицію отодвинула на задній планъ другая мысль — о Священномъ Союзѣ.

VII. Послѣднее десятилѣтіе царствованія имп. Александра I.

Дѣятельность имп. Александра въ послѣднія 10 лѣтъ его царствованія полна противорѣчій, которыя даже по настоящую пору еще остаются недостаточно объясненными. Какъ и раньше, онъ одновременно и гатчинецъ, и ученикъ Лагарпа: Польшѣ даруетъ конституцію, готовитъ ее для Россіи, а внутреннія дѣла отдаетъ подъ верховный надзоръ своего «друга» Аракчеева, неспособнаго внести въ окружающую его жизнь ничего иного, кромѣ бездушнаго формализма, мертвящей дисциплины, безсердечнаго гнета и духовнаго насилія надъ людьми. Вдобавокъ, противорѣчія эти осложнились новыми чертами въ характерѣ Александра: мистицизмомъ, приподнятымъ чувствомъ религіозности и душевнымъ разладомъ съ самимъ собою.

1. Священный Союзъ и его примѣненіе къ жизни. Александръ желалъ упрочить спокойствіе и благоденствіе народовъ Европы и по возможности скрѣпить государства между собою прочными, незыблемыми узами «любви, правды и мира». Обыкновенные политическіе договоры казались ему для того недостаточными: онъ полагалъ, что общественная безопасность и счастье людей зависятъ отъ того, поскольку они съумѣютъ подняться надъ временными, преходящими интересами и руководиться во взаимныхъ отношеніяхъ евангельскими заповѣдями, опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ не на силу оружія, а на божественный законъ, на страхъ Божій и вѣру въ Провидѣніе. Онъ полагалъ, что только этимъ путемъ будетъ положенъ предѣлъ грубому эгоизму и насилію въ международной жизни. Ему «казалось, что потрясающія событія послѣдняго времени должны убѣдить европейское человѣчество, въ лицѣ его верховныхъ руководителей, въ полной несостоятельности старой политической системы и подготовить умы къ воспріятію и проведенію новой системы, основанной на возвышенныхъ, но въ то же время простыхъ и общепонятныхъ правилахъ евангельской прав-

ственности. Императоръ полагалъ далѣе, что уже одно торжественное провозглашеніе съ высоты престоловъ заповѣдей любви, правды и мира и обѣщаніе монарховъ руководиться отнынѣ во всѣхъ своихъ правительственныхъ и политическихъ дѣяніяхъ этими заповѣдями, установленными Христомъ Спасителемъ, должно произвести великій переворотъ въ политическомъ мірѣ и направить общественную жизнь Европы на новый путь» (Надлеръ).

Такъ возникла идея Священнаго Союза. Имп. Александръ, будучи во Франціи, привлекъ къ участію въ немъ прусскаго короля и австрійскаго императора (1815, 26 сент.). Три государя торжественно обязались смотрѣть на себя, какъ на «единоземцевъ», а на своихъ подданныхъ какъ на братьевъ одной великой семьи, управлять ими, какъ добрые отцы семействъ, заботливо и любовно, и во всемъ взаимно помогать другъ другу. Впослѣдствіи къ союзу примкнули и другіе христіанскіе государи, но проводилъ его въ жизнь одинъ только имп. Александръ.

Однако Священный Союзъ не только не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него русскимъ государемъ, но привелъ къ результатамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ поставленною ему задачею. Основныя начала соглашенія трехъ государей оказались въ полномъ противорѣчіи съ духомъ времени. Союзъ смотрѣлъ на управляемые народы, какъ на дѣтей и малолѣтнихъ, между тѣмъ эти «дѣти» только что стряхнули съ себя опеку и пытались совершенно освободиться отъ пеленокъ, въ которыхъ ихъ держали до тѣхъ поръ. Дѣло въ томъ, что новыя политическія идеи, порожденныя французской революціею и разнесенныя по всей Европѣ Наполеономъ, съ паденіемъ послѣдняго отнюдь не заглохли: каждая нація передѣлывала по своему свой гражданскій правопорядокъ, домогаясь большей свободы.

Особенно тяжело переносилось иго иноземное: австрійцы хозяйничали въ Сѣверной Италіи; на югѣ полуострова, въ Неаполѣ, они поддерживали деспотическое правленіе Бурбоновъ; балканскіе славяне и греки страдали отъ произвола турецкаго; бельгійцы лишь ждали благопріятной минуты, чтобы отдѣлиться отъ Голландіи и образовать независимое государство. Имп. Александръ, либерально настроенный, сознавалъ невозможность вернуть Европу къ прежнимъ до-революціоннымъ порядкамъ и охотно поддерживалъ мысль о конституціонномъ образѣ правленія (см. ниже), но не нашелъ сочувствія въ остальныхъ государяхъ. Фридрихъ Вильгельмъ прусскій, подъ вліяніемъ пораженій 1806 года, далъ было своимъ подданнымъ нѣкоторыя либеральныя учрежденія, но теперь не хотѣлъ и слышать о конституціи, готовый вернуть

обратно даже и то, что было дано раньше; уступки правительствъ Баварскаго и Баденскаго были настолько робки и ничтожны, что скорѣе поселили недовольство, чѣмъ примирили съ собою партію реформъ; король неаполитанскій (Фердинандъ IV) далъ конституцію вынужденно и охотно отмѣнилъ ее теперь, когда этого потребовала Австрія; отмѣнена была конституція и въ Испаніи, на этотъ разъ по иниціативѣ самого короля (Фердинанда VII).

Все это порождало недовольство; въ Европѣ начались волненія, мѣстами перешедшія въ открытое возмущеніе (Испанія, Неаполь, Сѣверная Италія). Эти возстанія шли совершенно вразрѣзъ съ началами, положенными въ основу Священнаго Союза: «дѣти» возставали противъ «отцовъ», что было недопустимо. Александръ предпочелъ бы, чтобы «отцы» добровольно пошли на встрѣчу желаніямъ «дѣтей», но они этого не дѣлали, и Александръ логически, неизбѣжно вступилъ на путь репрессій. Злой геній, австрійскій министръ Меттернихъ, сознательно толкалъ его на этотъ путь, съумѣвъ убѣдить русскаго государя, что всякая уступка либеральному движенію не только противорѣчитъ принципамъ Священнаго Союза, но и грозитъ новыми опасностями европейскому миру, и потому необходимо тушить пожаръ въ самомъ его началѣ, пока онъ не разгорѣлся. Хотя самый актъ Священнаго Союза Меттернихъ и называлъ «пустымъ и трескучимъ» (ce monument vide et sonore), но самъ искусно использовалъ его въ своихъ цѣляхъ. На конгрессахъ въ Троппау (1820, октябрь) и въ Лайбахѣ (1821, январь) рѣшено было силою возстановлять порядокъ въ Неаполѣ (въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій) и съ этою цѣлью послать туда австрійскія войска; узнавъ о революціи въ Піемонтѣ, имп. Александръ отдалъ приказъ русской арміи выступить на помощь австрійцамъ; на новомъ конгрессѣ въ Веронѣ (1822) Россія приняла участіе въ подавленіи испанскаго возстанія.

2. Возстаніе грековъ. Въ совершенно ложномъ положеніи очутился Александръ, когда вспыхнуло возстаніе грековъ противъ вѣковыхъ поработителей-турокъ. Вся Россія горячо желала подать имъ вооруженную помощь: дѣло шло объ единовѣрномъ народѣ, настрадавшемся подъ игомъ мусульманъ — а русскій народъ не забылъ, что значитъ это иго! Насколько глубоко было сочувствіе народное къ возставшимъ, можно судить по тому, что, когда позже Петербургъ сильно потерпѣлъ отъ наводненія, дѣйствительно, еще небывалаго по размѣрамъ (1824, 7 ноября), то въ этомъ несчастьи готовы были видѣть небесную кару за неподаніе помощи единовѣрцамъ.

Къ тому же война съ турками могла привести къ рѣшенію давнишней завѣтной мечты — къ обладанію Проливами: ни-

когда еще политическое положеніе не было столь благопріятнымъ для Россіи, какъ въ ту пору. Но Александръ, хотя въ душѣ и сочувствовалъ грекамъ, не рѣшился однако помочь «бунтовщикамъ», опасаясь подорвать въ основѣ свое любимое дѣтище — Священный Союзъ. Онъ признавался, что «изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ противится войнѣ съ турками»: Меттерниху удалось убѣдить имп. Александра, что греческое возстаніе есть порожденіе революціи и что, потому, поддержка его будетъ пагубна Союзу и началамъ, которыя онъ охраняетъ.

Дѣйствительно, «страхъ передъ революціей и тайными обществами затмилъ въ Александрѣ всѣ благія намѣренія и чувство справедливости», и въ жертву принципамъ Священнаго Союза онъ принесъ самые жизненные и дорогіе интересы Россіи. Онъ разстался съ своимъ министромъ Каподистріа, отстаивавшимъ полную независимость русской политики въ Восточномъ вопросѣ, и согласился обсудить турецкія дѣла совмѣстно съ Австріей (1822). Со времени Екатерины II они вѣдались безъ вмѣшательства иностранныхъ державъ; русскіе государи сносились съ Стамбуломъ непосредственно; теперь же турецкія дѣла перешли на обсужденіе Европы. «Этимъ совершена роковая ошибка, чреватая послѣдствіями, и она всецѣло лежитъ на отвѣтственности Александра Павловича, поддавшагося вліянію князя Меттерниха. Для Россіи потеря Каподистріа была важнѣе проиграннаго сраженія. Самъ Меттернихъ сознавалъ всю важность ухода греческаго патріота и писалъ императору Францу: «русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ» (Вел. князь Николай Михаиловичъ).

Печальные результаты такой политики не замедлили сказаться: «бунтовщики» обратились за содѣйствіемъ къ Англіи; та охотно оказала его и, въ результатѣ, легко, безъ всякой борьбы, вырвала изъ рукъ Россіи вліяніе и авторитетъ, какими та раньше пользовалась среди грековъ.

3. **Національные интересы.** Поведеніе Александра коренилось въ его воспитаніи, безпочвенномъ, основанномъ на отвлеченныхъ требованіяхъ «права и справедливости». Понятіе о національныхъ интересахъ Александру вообще было чуждо: Россію заслоняла передъ нимъ Европа, Вселенная. «Теперь» — утверждалъ онъ на Веронскомъ конгрессѣ — «когда образованный міръ находится въ опасности, не можетъ быть и рѣчи о частныхъ выгодахъ; политикѣ русской, англійской, французской, прусской или австрійской не должно быть болѣе мѣста: теперь должна быть одна только политика — общая для всѣхъ народовъ и государей, и я первый обязанъ показать примѣръ вѣрности началамъ, на которыхъ основывалъ свой Священный Союзъ».

Это отсутствіе чуткости къ національнымъ интересамъ своей страны породило въ Александрѣ намѣреніе возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г., т. е. какою она была до раздѣловъ. Это значило добровольно отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіею за счетъ поляковъ въ царствованіе Екатерины II, свести на смарку многовѣковую работу русскаго народа, начатую еще со временъ Ивана III.

4. Либеральныя идеи. 1) Еще до войны съ Наполеономъ, присоединяя Финляндію, Александръ далъ ей почти независимое существованіе, признавъ завоеванную область «государствомъ, а не губерніей»; особою грамотою (1809, 15 марта) Финляндіи дарована была своя конституція: народное представительство (сеймъ), особое, отличное отъ имперіи, законодательство, судъ, управленіе, и обѣщано сохраненіе коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, какими пользовалось каждое сословіе Финляндіи при шведскомъ правленіи.

2) Въ Парижѣ, въ 1814 г., Александръ «говорилъ языкомъ, напоминавшимъ прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи» (Записки Фарнгагена ф. Эйзенъ).

3) Онъ согласился на возстановленіе Бурбоновъ во Франціи лишь подъ условіемъ установленія тамъ конституціоннаго образа правленія.

4) Тогда же онъ презрительно отозвался объ испанскомъ королѣ Фердинандѣ VII за то, что тотъ, вернувшись въ Испанію, уничтожилъ конституцію 1812 г.

5) Въ Парижѣ, въ салонѣ мадамъ де Сталь, Александръ заявилъ, что уничтожитъ въ Россіи крѣпостничество.

6) Въ Лондонѣ, ознакомившись съ парламентскими порядками Англіи, между прочимъ съ существованіемъ т. наз. «оппозиціи его величества», Александръ заявилъ о своемъ намѣреніи и въ Россіи завести такую же.

7) Наперекоръ союзнымъ державамъ и ближайшимъ своимъ совѣтникамъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ даровалъ Польшѣ конституціонное устройство; бывая въ Польшѣ, носилъ тамъ всегда польскій мундиръ, польскій орденъ Бѣлаго Орла и вообще держалъ себя тамъ не «императоромъ всероссійскимъ», а настоящимъ конституціоннымъ королемъ польскимъ.

8) На Аахенскомъ конгрессѣ (1818) Александръ говорилъ: «правительства должны стать во главѣ общественнаго движенія и проводить либеральныя идеи въ жизнь».

9) Въ 1816—1819 гг., по иниціативѣ имп. Александра, крестьяне Остзейскихъ губерній были освобождены отъ крѣпостной зависимости. Правда, не получивъ при этомъ никакого земельнаго надѣла, они изъ одной бѣды попали въ другую: личная зависимость смѣнилась зависимостью экономи-

ческою; все же юридически они стали равноправными съ своими прежними господами и такими же свободными гражданами, какъ тѣ. «Радуюсь» — говорилъ государь эстляндскимъ дворянамъ — «что вы оправдали мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ». Эти слова въ коренной Россіи были поняты, какъ указаніе на предстоящее освобожденіе крестьянъ и тамъ. Дѣйствительно, Александръ одно время думалъ освободить и русскихъ крестьянъ, но не иначе, какъ съ согласія помѣщиковъ и на такихъ условіяхъ, чтобы въ этомъ освобожденіи тѣ нашли свою собственную выгоду.

10) По порученію Александра, Н. Н. Новосильцевъ составилъ (1819) проектъ русской конституціи («Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи»), въ силу которой русскій государь дѣлилъ свои законодательныя прерогативы съ государственнымъ сеймомъ, который состоялъ изъ двухъ палатъ: высшей — сената, и низшей — палаты земскихъ пословъ. Члены этой послѣдней, подобно сенату, назначались самимъ государемъ, но изъ выборныхъ областными палатами, обсуждавшими законодательные проекты, касающіеся данной области, прежде ихъ представленія на усмотрѣніе государя и государственнаго совѣта.

5. Мистицизмъ и реакція. Начиная съ Отечественной войны, имп. Александръ усвоилъ обыкновеніе ежедневно читать Св. Писаніе, ища въ немъ непосредственныхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія; духовное напряженіе, испытанное за трехлѣтній періодъ борьбы съ Наполеономъ (1812—1815), самое торжество надъ нимъ, укрѣпили государя въ убѣжденіи, что успѣхомъ своимъ онъ обязанъ Божественному Провидѣнію. Знакомство съ экзальтированной баронессой Криднеръ, увѣрявшей себя и другихъ, что ей свыше поручена святая миссія обращать невѣрующихъ на путь истины; бесѣды съ квакерами, сперва въ Лондонѣ (1814), потомъ въ Петербургѣ (1818), куда они пріѣзжали по вызову самого императора; бесѣды съ моравскими братьями, проѣздомъ черезъ Силезію; учрежденіе Библейскаго Общества и оказанная ему поддержка — все это развило въ Александрѣ своеобразный мистическій піетизмъ, незамѣтно приведшій его къ реакціи.

Любимымъ дѣтищемъ Александра стали военныя поселенія, въ рукахъ Аракчеева превратившіеся въ настоящую пытку для поселенцевъ; закрыты были масонскія общества; введена строгая цензура; всюду видѣли и преслѣдовали «вредное направленіе». Попечитель Казанскаго округа Магницкій, желая основать все преподаваніе на благочестіи, вмѣсто образованія и науки

насаждалъ низкопоклонство и неуваженіе къ серьезному знанію. «На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя: на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ наложилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать оффиціальную науку, оффиціальную добродѣтель, оффиціальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ установляетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемѣрія» (Никитенко). Въ духѣ Магницкаго, въ Петербургѣ, дѣйствовалъ другой попечитель — Руничъ. Онъ уничтожилъ самую свободу мысли и слова; сталъ преслѣдовать профессоровъ, доказывая, что они преподаютъ философскія и историческія науки въ духѣ противномъ христіанству и поселяютъ въ университетѣ, въ умахъ студентовъ, «идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія».

6. Тайныя общества. Рѣзкая перемѣна въ направленіи правительства тяжело отозвалась на настроеніи общественномъ. Отечественная война вызвала въ русскомъ обществѣ необыкновенный подъемъ духа и сознаніе своего достоинства; русская армія понимала, что сражается на этотъ разъ за родину, за вѣру, отнюдь не ради «личной дружбы» императора къ прусскому королю, какъ это было въ 1807 году. Война съ Наполеономъ, по низложеніи его, привела къ военной оккупаціи французской территоріи; русскія войска, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ поколѣніемъ людей, выросшихъ подъ вліяніемъ идей Французской революціи. Во Франціи они имѣли случай слѣдить за борьбой политическихъ страстей, читали журналы и газеты, горячо обсуждавшіе политическіе вопросы, лично наблюдали за тѣмъ, какъ люди жили въ обстановкѣ новыхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, выросшихъ изъ революціонныхъ принциповъ «свободы, равенства и братства». Вернувшись въ Россію, русскіе офицеры, особенно младшее поколѣніе, не забыли видѣннаго; среди нихъ пробудился интересъ къ политической жизни, къ писаніямъ французскихъ публицистовъ. Сравненіе домашнихъ порядковъ съ западноевропейскими напрашивалось само собою, и выводы были далеко не въ пользу первыхъ. Отечественная война, патріотическое воодушевленіе, благодаря которому родина была спасена отъ нашествія «двадесяти языкъ»; низложеніе Наполеона и первенствующее значеніе Россіи въ международныхъ дѣлахъ наполняли сердца русскихъ людей чувствомъ законной гордости. Освободивъ Европу отъ гнета и тираніи Наполеона, передовая часть русскаго общества полагала, что русскій народъ завоевалъ право на свободу и для самого себя; между тѣмъ

дѣйствительность говорила совсѣмъ иное: подозрительная опека и произволъ отнюдь не ослабли, скорѣе усилились, и потому вызывали еще болѣе острое чувство горечи и недовольства.

У себя дома русскіе побѣдители нашли «полное неуваженіе къ правамъ личности, насильственное введеніе чудовищныхъ военныхъ поселеній, подвиги Магницкаго, полный расцвѣтъ крѣпостного права. Сверхъ этого, утонченныя требованія, господствовавшія тогда по фронтовой службѣ, довершали среди военныхъ развитіе общаго неудовольствія» (Шильдеръ). Впослѣдствіи одинъ изъ декабристовъ, Александръ Бестужевъ, показывалъ на допросѣ: «Мы были сыны 12-го года; порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью, во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ чувствахъ не было эгоизма. Мы проливали кровь, а насъ заставляютъ опять потѣть отъ барщины! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа! Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали: «какъ хорошо въ чужихъ земляхъ!» Сравненіе со своимъ естественно породило вопросъ: почему же не такъ у насъ?»

Настоящая дѣйствительность была такъ безотрадна, что люди, патріотически настроенные, чуткіе къ общественному интересу, отворачивались отъ нея, не находя въ ней никакой опоры своимъ благороднымъ и великодушнымъ порывамъ. «Въ такихъ положеніяхъ въ особенности развивается та мечтательная любовь къ отечеству, проникнутая поэтическимъ энтузіазмомъ, которая создаетъ самые фантастическіе планы преобразованій и новыхъ устройствъ, и отдается имъ съ увлеченіемъ, совершенно забывая объ ихъ очевидной неисполнимости. Отсутствіе свободной литературы отнимало послѣдній исходъ у этого энтузіазма, и онъ поневолѣ весь обращался въ тайныя общества. Это была въ тѣ времена любимая обычная форма для собранія людей одного настроенія и образа мыслей. Форма эта отчасти давалась возобновившимися при Александрѣ масонскими ложами, отчасти заимствована была вновь изъ нѣмецкаго Тугенбунда, и собственно говоря, вовсе не была такъ страшна, какъ ее представляли впослѣдствіи. Тайна была настолько невелика, что въ общество попадалъ всякій, кто этого хотѣлъ, и существованіе обществъ было не безъизвѣстно правительству: о многихъ изъ ихъ членовъ имп. Александръ зналъ положительно. Это были кружки людей либеральнаго образа мыслей, для которыхъ собранія были единственнымъ возможнымъ средствомъ сближенія и откровенной бесѣды; они не открывались для людей совсѣмъ постороннихъ прежде всего изъ простого опасенія перетолкованій и сплетничества. Первоначальныя цѣли общества были самаго мирнаго свойства» (Пыпинъ): хотѣли поднять образованіе народное, облегчить

положеніе солдата, ввести бóльшую законность и справедливость въ судѣ и въ управленіи, вызвать въ обществѣ большій интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Однако позже, въ самые послѣдніе годы царствованія Александра, съ усиленіемъ правительственной реакціи, эти кружки превратились въ настоящія тайныя общества съ направленіемъ явно враждебнымъ существующему строю.

Въ 1817 г. возникъ «Союзъ Спасенія», въ 1818 г. онъ видоизмѣнилъ свою организацію и принялъ названіе «Союза Благоденствія». Расхожденіе во взглядахъ вызвало его распаденіе на два самостоятельныхъ: «Сѣверный Союзъ» и «Южный Союзъ». Первый стоялъ за конституціонную монархію и всю Россію дѣлилъ на отдѣльныя области («державы»), въ родѣ федеративныхъ штатовъ, съ широкимъ самоуправленіемъ, предоставляя каждой области участіе въ законодательной власти и надзоръ за правильностью судопроизводства («Катехизисъ» и «Конституція» Никиты Муравьева); второй — за республику, единую и недѣлимую («Русская Правда» Пестеля). Нѣсколько позже возникъ еще третій союзъ — «Соединенныхъ Славянъ», поставившихъ себѣ цѣлью образованіе федераціи славянскихъ племенныхъ территорій (Россія, Польша, Чехія, Моравія, Сербія съ Молдавіей и Валахіей, Далмація, Кроація, Венгрія съ Трансильваніей — всего восемь группъ). Отдѣльное существованіе «Славянъ» было непродолжительно: вскорѣ они слились съ «Южнымъ Союзомъ».

Кромѣ коренного преобразованія государственной формы правленія эти тайныя общества намѣрены были домогаться: освобожденія крестьянъ, уничтоженія существующихъ привилегій и равенства гражданъ передъ лицомъ закона; публичнаго и нелицепріятнаго суда; уничтоженія военныхъ поселеній; облегченія военной службы для солдатъ и улучшенія ихъ положенія. Наиболѣе горячія головы не останавливались, для осуществленія намѣченнаго плана, даже передъ цареубійствомъ. Эти тайныя общества состояли преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ, но не мало было въ нихъ служившихъ въ арміи и лицъ не военныхъ.

Имена наиболѣе видныхъ членовъ тайныхъ обществъ, впослѣдствіи замѣшанныхъ въ бунтѣ 14 декабря 1825 г. (съ указаніемъ года ихъ рожденія):

1. Барятинскій, А. П., князь, штабъ-ротмистръ, адъютантъ командующаго 2-й арміей.

2. Басаргинъ, Н. В., поручикъ, адъютантъ при генералѣ Киселевѣ, 1799.

3. Батенковъ, Г. С., подполковникъ, 1799.

4. Бестужевъ, Александръ Александр. (литературный псевдонимъ: Марлинскій), штабсъ-капитанъ гвардіи, 1797.

5. Бестужевъ, Михаилъ Александр., штабсъ-капитанъ, 1800.

6. Бестужевъ, Николай, братъ Михаила, капитанъ-лейтенантъ, 1791.

7. Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ (казненъ).

8. Бурцовъ, И. Г., полковникъ, 1794.

9. Вадковскій, Ѳ. Ѳ., прапорщикъ, 1799.

10. Волконскій, Сергѣй Григ., князь, генералъ-майоръ, бригадный командиръ, 1788.

11. Глинка, Ѳ. Н., писатель, полковникъ, 1786 (вышелъ изъ Общества въ 1821 г.).

13. Давыдовъ, В. Л., отставной полковникъ.

13. Долгорукій, И. А., князь, полковникъ, адъютантъ вел. князя Михаила Павловича (вышелъ изъ Общества въ 1821 г.).

14. Каховскій, Петръ Андр., поручикъ (казненъ).

15. Кюхельбекеръ, Вильгельмъ, коллежскій ассессоръ, поэтъ, товарищъ Пушкина по Лицею, 1797.

16. Лунинъ, Михаилъ, подполковникъ.

17. Муравьевъ, Александръ Михаил., корнетъ, 1802.

18. Муравьевъ, Никита Михаил., братъ Александра, капитанъ, 1796.

19. Муравьевъ, Александръ Никол., полковникъ гвардіи, 1792.

20. Муравьевъ, Артамонъ Захар., полковникъ, 1794.

21. Муравьевъ-Апостолъ, Ипполитъ Иван., прапорщикъ, 1805.

22. Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Иван., братъ Ипполита, подполковникъ, 1796 (казненъ).

23. Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Иван., отставной подполковникъ, 1783.

24. Оболенскій, Е. П., князь, поручикъ, писатель, 1796.

25. Одоевскій, Александръ Иван., поэтъ, корнетъ, 1802.

26. Орловъ, Михаилъ Ѳед., свиты Е. В., генералъ-майоръ, пріятель Пушкина, 1788 (послѣ закрытія въ 1821 г. «Союза Благоденствія», участія въ тайныхъ обществахъ болѣе не принималъ).

27. Пестель, Павелъ Иван., полковникъ, 1793 (казненъ).

28. Поджіо, А. В., отставной подполковникъ гвардіи, 1798.

29. Пущинъ, Иванъ Иван., коллежскій ассессоръ, бывшій лицеистъ, товарищъ Пушкина, 1789.

30. Розенъ, А. Е., баронъ, поручикъ Финляндскаго полка, 1799.

31. Рылѣевъ, Кондратій Ѳедор., подпоручикъ, поэтъ, 1795 (казненъ).

32. Трубецкой, Сергѣй Петр., полковникъ гвардіи, 1790.

33. Тургеневъ, Николай Иван., дѣйств. статскій совѣтникъ, авторъ книги: «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1818), 1789.

34. Фонвизинъ, М. А., отставной генералъ-майоръ, 1788.

35. Юшневскій, А. П., генералъ-интендантъ 2-й арміи.

36. Якубовичъ, А. И., драгунскій капитанъ, 1792.

37. Якушкинъ, И. Д., отставной капитанъ Семеновскаго полка, 1793.

Существованіе политическаго заговора стало извѣстно имп. Александру въ сентябрѣ 1821 г. Выслушавъ донесеніе, государь задумался, долго молчалъ, точно размышлялъ съ самимъ собою, и потомъ сказалъ: «Вѣдь я самъ раздѣлялъ эти иллюзіи и заблужденія съ самаго начала своего царствованія, даже ободрялъ къ тому! Нѣтъ, не мнѣ карать за нихъ!» Государь зналъ имена многихъ заговорщиковъ; ихъ всѣхъ легко было бы своевременно арестовать и предупредить возмущеніе, вспыхнувшее 14 декабря 1825 г. при воцареніи имп. Николая I, но Александръ молчалъ и бездѣйствовалъ. «Какъ будетъ угодно Богу» — вотъ мѣрило, какимъ онъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ за послѣдніе годы. Это особенно ярко сказалось въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

7. Престолонаслѣдіе. У имп. Александра не было дѣтей (двѣ дочери умерли въ самомъ раннемъ возрастѣ), и престолъ, согласно закону 5 апрѣля 1797 г., долженъ былъ перейти къ старшему брату, цесаревичу Константину; но тотъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ событій 11 марта 1801 г., рѣшительно отказался отъ короны, которая вслѣдствіе этого переходила къ слѣдующему брату, Николаю. Имп. Александръ ознакомилъ послѣдняго съ намѣреніемъ Константина еще въ 1819 г. Въ слѣдующемъ году, разведясь съ своею женою, вел. княгинею Анной Θедоровной, Константинъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ полькой Іоанной Грудзинскою (1820, 12 мая), получившей передъ бракомъ отъ государя титулъ княгини Ловичъ, и въ 1822 г. оффиціально заявилъ о своемъ отказѣ отъ престола, на что и получилъ согласіе отъ царствующаго брата. Тогда имп. Александръ особымъ манифестомъ (1823, 16 августа) заявилъ объ отказѣ Константина и о передачѣ его правъ Николаю; но и отказъ цесаревича, и манифестъ государя держались въ строжайшей тайнѣ и въ запечатанномъ пакетѣ переданы Александромъ на храненіе въ Московскій Успенскій соборъ, съ надписью на конвертѣ: «хранить до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть прежде всякаго другого дѣйствія». Кромѣ подлиннаго распоряженія, двѣ копіи съ него, съ такою же надписью, были положены въ Сенатъ и въ Государственный Совѣтъ. Объ актѣ знали только мать государя, императрица Марія Θедоровна, московскій митрополитъ Фи-

ларетъ, Аракчеевъ, кн. А. Н. Голицынъ да принцъ прусскій Вильгельмъ (будущій императоръ германскій Вильгельмъ I).

Тайна была соблюдена даже отъ самихъ братьевъ, т. е. отъ тѣхъ, кто ближе всѣхъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ и болѣе чѣмъ кто иной имѣлъ право быть освѣдомленнымъ, хотя бы для того, чтобы предстоящая смѣна на престолѣ не застала ихъ врасплохъ: Константинъ не зналъ, облеченъ ли въ форму закона его отказъ отъ своихъ правъ и передача ихъ младшему брату, а Николаю, если что и было извѣстно о его назначеніи наслѣдникомъ, то лишь по глухимъ намекамъ матери. Посвященный въ тайну князь Голицынъ указывалъ Александру на опасность оставлять общество въ невѣдѣніи о принятомъ рѣшеніи, убѣждалъ государя, въ предупрежденіе печальныхъ недоразумѣній, обнародовать отреченіе Константина, но тотъ отвѣчалъ ему: «положимся въ этомъ дѣлѣ на Господа Бога; онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ». Тайна, дѣйствительно, была соблюдена до самой смерти императора, но дорого обошлась Россіи: будь она во-время раскрыта, едва ли бы сталъ возможенъ бунтъ 14 декабря.

8. **Разладъ съ самимъ собою.** Отдавшись религіозно-мистическимъ утопіямъ, имп. Александръ не могъ заниматься государственными дѣлами съ прежнимъ увлеченіемъ; онъ усталъ царствовать; бремя правленія его тяготило, и мало по малу онъ «окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку — Аракчееву»; а тотъ, пользуясь нравственнымъ упадкомъ силъ и энергіи государя ставилъ министрами своихъ креатуръ и, можно сказать, самодержавно управлялъ всѣмъ государствомъ. Какъ бы чувствуя свое безсиліе, Александръ безпомощно опускалъ руки. А между тѣмъ онъ не могъ не сознавать, что живетъ въ разладѣ съ обществомъ, — это бередило еще сильнѣе его душевную рану. Онъ сдѣлался меланхоличенъ, недовѣрчивъ, уединялся и все больше и больше углублялся въ чтеніе Библіи. Неутѣшная грусть владѣла его душей. Къ тому же всю жизнь его мучили угрызенія совѣсти: мысль, что онъ косвенный участникъ въ трагическомъ событіи 11 марта 1801 г., не давала ему покоя. Съ разбитымъ сердцемъ принялъ онъ корону послѣ смерти отца и за все свое царствованіе никогда не забывалъ, какъ она досталась ему. Жизнь не дала Александру удовлетворенія; власть, слава, блескъ не увеличили его личнаго счастья, не заглушили трагедіи его души. Русскій Гамлетъ, онъ палъ, израненный, въ непосильной борьбѣ съ самимъ собою; задача управленія оказалась ему не по силамъ, и онъ сошелъ со сцены, уступивъ мѣсто новымъ, свѣжимъ силамъ, обладавшимъ болѣе твердой волей и болѣе ясной, хотя и болѣе односторонней и жестокой программой.

VIII. Имп. Николай I. Обзоръ его царствованія.

1. Самодержавіе. Имп. Николай получилъ воспитаніе во многомъ отличное отъ воспитанія старшаго брата Александра. Были у нихъ и общія черты: любовь къ военному дѣлу, особенно къ внѣшней показной сторонѣ ея; они оба плѣнялись военнымъ искусствомъ какъ искусствомъ, въ особенности Николай. Исключительно военное воспитаніе выработало изъ него хорошаго фронтовика, а служебная дисциплина наложила отпечатокъ и на все міросозерцаніе: онъ требовалъ безусловнаго, безотчетнаго повиновенія приказаніямъ во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни и не выносилъ людей несходныхъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, симпатіяхъ или наклонностяхъ. Въ этомъ отношеніи имп. Александръ былъ гораздо терпимѣе и разностороннѣе младшаго брата: и въ молодости и въ зрѣлые годы ему всегда были близки запросы духовной жизни, и въ то время какъ Николай всегда оставался государемъ, и только государемъ, строгимъ, требовательнымъ, неуклонно шедшимъ по разъ избранному направленію, Александръ, казалось, хотѣлъ оправдать пожеланія, какими поэтъ Державинъ встрѣтилъ его появленіе на свѣтъ, сказавъ:

Будь на тронѣ человѣкъ!

Также одинаково цѣнили оба императора самодержавную власть, цѣпко держались ея, но либеральныя идеи, привитыя ему Лагарпомъ, побуждали Александра дѣйствовать нерѣдко вразрѣзъ съ принципами самодержавія, Николай же по самому воспитанію своему, болѣе ограниченный, никогда не зналъ никакихъ колебаній душевныхъ, не допускалъ компромиссовъ и слѣпо служилъ одной идеѣ — сохраненію существующей формы правленія, установленной Господомъ Богомъ, освященной вѣками и всѣмъ историческимъ прошлымъ. Этотъ принципъ самодержавія Николай «проводилъ неумолимо во всѣ области и отрасли матерьяльной и духовной жизни; онъ мнилъ себя высшимъ опекуномъ мыслей, настроеній и образа дѣйствій своихъ подданныхъ» (Котляревскій). Въ такомъ взглядѣ особенно укрѣпила его трагическая обстановка вступленія на престолъ. Въ день 14 декабря 1825 г. смертельная опасность грозила его жизни, его трону и самодержавной власти; хотя опасность и была устранена, но она на всю жизнь оставила у Николая горькій осадокъ на днѣ души; Николай никогда не могъ забыть этого дня и всѣ 30 лѣтъ своего царствованія неустанно и неумолимо боролся со своимъ врагомъ: съ новыми вѣяніями, порожденными Великой Французской революціей и властно господствовавшими въ ту пору надъ умами Западной Европы.

2. Дворянское сословіе. Четырнадцатое декабря опредѣлило еще въ другомъ отношеніи поведеніе имп. Николая: заговоръ составили представители высшихъ слоевъ дворянскаго сословія, «сливки» тогдашняго общества, люди, принадлежавшіе къ средѣ, которой была доступна непосредственная близость и общеніе съ самимъ государемъ; заговорщики были люди его круга, — и тѣмъ съ большею горечью и обидою почувствовалъ Николай нанесенную ему рану. Настоящій жрецъ самодержавія, онъ сдѣлалъ себѣ изъ него культъ, и удары, наносимые самодержавной власти, принималъ за личную обиду и оскорбленіе. Вотъ почему къ дворянству-сословію онъ на всю жизнь сохранилъ подозрѣніе и недоброжелательство, хотя при случаѣ и не отказывался называть себя «первымъ дворяниномъ въ Россіи», а самихъ дворянъ — «главной опорою престола».

Отношенія верховной власти къ дворянству стали складываться шероховато еще задолго до имп. Николая. Началось съ попытки Верховниковъ и шляхетства ограничить самодержавіе имп. Анны Іоанновны (1730); попытка не удалась, но давно желанной льготы — сокращенія срока военной службы — дворянство все же добилось. Вліятельная и рѣшающая роль гвардіи въ дворцовыхъ переворотахъ 1740, 1741 и 1762 гг. должна была неизбѣжно оказать извѣстнаго рода моральное давленіе на верховную власть, и Жалованныя грамоты дворянству 1762 и 1785 гг.: первая совершенно освободивъ отъ военной службы, другая — создавъ самостоятельную и автономную корпорацію съ широкими привилегіями, были въ значительной степени выраженіемъ этого давленія. Русскіе государи не могли не сознавать, что, при всемъ ихъ самодержавіи, они были нравственно зависимы. Екатерина II, со своимъ тонкимъ умомъ, умѣла скрывать эту зависимость подъ очаровательной улыбкой, во-время идя навстрѣчу требованіямъ дворянскаго и, въ частности, придворнаго класса, умѣя придать своимъ дѣйствіямъ характеръ не вынужденнаго, а добровольнаго рѣшенія; къ тому же ей это облегчалъ складъ ея мыслей, такъ какъ сама она была истою дворянкою и въ душѣ сочувствовала сословнымъ привилегіямъ; зато капризному и деспотическому Павлу I такія корпоративныя права были совсѣмъ не по нраву; вдобавокъ, сюда примѣшались оскорбительныя воспоминанія о роли дворянства въ дѣлѣ низложенія и смерти его отца, — и онъ, не задумавшись, уничтожилъ Жалованную грамоту своей матери.

Тѣ же самые мотивы создали стѣну отчужденія между дворянствомъ и Александромъ I. Помимо того, что, какъ воспитанникъ Лагарпа, Александръ былъ вообще противъ сословныхъ привилегій, онъ былъ, въ послѣдніе годы царствованія

Екатерины II, свидѣтелемъ моральной распущенности, царившей въ придворныхъ кругахъ, и еще съ того времени вынесъ невысокое мнѣніе о нихъ. «Каждый день (говорилъ онъ въ тѣ годы) я страдаю, когда мнѣ приходится являться ко Двору, и кровь портится во мнѣ при видѣ совершаемыхъ на каждомъ шагу низостей, ради полученія внѣшнихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ и мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь самое высокое положеніе». Помимо того, послѣ памятной ночи 11 марта, Александра постоянно бередило сознаніе, что престолъ русскихъ самодержцевъ сталъ игрушкой въ чужихъ рукахъ. Вообще, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, имп. Александръ близко подходилъ къ отцу: онъ возстановилъ дѣйствіе Жалованной грамоты 1785 г. противъ своего убѣжденія, исключительно подъ внѣшнимъ давленіемъ. Не питая къ дворянству, какъ къ классу, никакихъ симпатій, онъ охотно провелъ вмѣстѣ съ семинаристомъ Сперанскимъ двѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы поставить дворянство на уровень общихъ требованій, предъявляемыхъ къ остальнымъ классамъ общества. Эти мѣры были указъ о придворныхъ званіяхъ (1809, 3 апр.) и указъ о чинахъ гражданскихъ (1809, 6 апр.).

Со временъ Екатерины II придворныя званія камеръ-юнкера и камергера, хотя бы полученныя еще въ колыбели, давали право на чинъ пятаго и шестого класса (по Табели о рангахъ). «При такомъ простомъ способѣ достигать высшихъ чиновъ безъ труда и въ праздности, молодые люди знатнѣйшихъ фамилій часто проводили жизнь въ одной свѣтской суетѣ, безъ всякихъ серьезныхъ знаній, а если и рѣшались иногда вступать въ дѣйствительную службу, то, безъ опытности, безъ дѣловой подготовки, съ однимъ поверхностнымъ, въ тогдашнее время большею частью французскимъ воспитаніемъ, нерѣдко занимали, по придворнымъ своимъ чинамъ, сразу высшія мѣста, къ огорченію заслуженныхъ подчиненныхъ» и въ прямой ущербъ самому дѣлу (баронъ Корфъ). Указъ 3 апрѣля положилъ этому конецъ, предписавъ неслужащимъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ обязательно избрать какой-либо родъ дѣйствительной службы, военной или гражданской, а на будущее время считать эти званія простыми отличіями, не дающими права ни на какой чинъ. Согласно же второму указу, производство въ чинъ коллежскаго ассесора (8-й классъ) обусловливалось предъявленіемъ университетскаго диплома, а для полученія чина статскаго совѣтника (5-й кл.), помимо того, требовалось еще предварительное нахожденіе на службѣ въ теченіе 10 лѣтъ, не менѣе.

3. Бюрократія. Не довѣряя дворянскому сословію, опасаясь съ его стороны повторенія попытокъ въ духѣ 14 декабря, Николай, не уничтожая дворянскаго самоуправленія и въ иныхъ случаяхъ даже расширяя его (право выбора предсѣдателей уголовныхъ и гражданскихъ палатъ), старался однако использовать его, какъ орудіе правительственныхъ предначертаній. Приравнявъ службу по выборамъ къ службѣ государственной, вознаграждая ее такими же чинами и орденами, какъ и ту, имп. Николай поставилъ ее въ прямую отъ себя зависимость и низвелъ служащаго дворянина на степень простого чиновника. Уже въ царствованіе Александра I стала пріобрѣтать вѣсъ чиновная бюрократія, — съ воцареніемъ Николая I она окончательно выдвинулась на первое мѣсто. Ставленники правительства, чиновники были послушными, слѣпыми исполнителями его предписаній и никакой самостоятельностью въ дѣлахъ не пользовались. Что же до Жалованной грамоты 1785 г., то, формально не уничтожая ее, имп. Николай, когда это было надо, не останавливался и передъ прямымъ ея нарушеніемъ. Такъ, онъ запретилъ юношамъ моложе 18 лѣтъ ѣздить за границу для усовершенствованія въ наукахъ (1831); ограничилъ срокъ пребыванія тамъ вообще всѣхъ дворянъ (1834), а по отношенію неправославныхъ дворянъ западныхъ губерній пошелъ особенно далеко, возстановивъ обязательную для нихъ службу и смотры, т. е. вернувъ ихъ на положеніе до 1762 года.

4. Разрывъ съ обществомъ. Такимъ образомъ прежнее дворянство было оттѣснено новымъ классомъ — бюрократіей. Но дворянство представляло собою въ ту пору духовныя силы страны, культурные верхи общества. Его устраненіе отъ дѣла имѣло поэтому чрезвычайно пагубныя слѣдствія. Въ чиновничествѣ правительство не нашло надлежащихъ силъ, чтобы справиться съ текущими нуждами государства; одного послушанія и исполнительности было еще не достаточно. Къ тому же недовѣріе къ свободно высказанному мнѣнію, отсутствіе всякой гласности привели къ тому, что и чиновничество, на дѣлѣ, не было ни послушнымъ, ни исполнительнымъ. Въ судахъ, въ управленіи царилъ бездушный формализмъ, грубый эгоизмъ, гнетъ сильнаго надъ слабымъ, явное нарушеніе закона и справедливости. Правительство проводило всюду строгую дисциплину, требовало во всемъ безусловнаго повиновенія, не допуская и мысли, чтобы кто иной, помимо его, имѣлъ право и способность «разсуждать» и «смѣть свое сужденіе имѣть».

Лучшая часть русскаго общества не могла примириться съ такимъ положеніемъ: эпоха Александра I уже пріучила ее къ извѣстной самостоятельности сужденія, къ критикѣ; пробудился интересъ къ дѣламъ общественнымъ и государствен-

нымъ; принимать живое участіе въ судьбахъ своей родины, слѣдить за ростомъ духовной жизни Зап. Европы въ области политики, философіи, искусства, литературы и соціальныхъ отношеній — стало насущной потребностью наиболѣе развитыхъ круговъ. Не находя ей выхода, общество отшатнулось отъ правительства, а правительство платило ему тѣмъ же, видя въ немъ своихъ тайныхъ недоброжелателей. Броженіе умовъ, сказавшееся въ Зап. Европѣ Іюльскою и Февральскою революціями 1830 и 1848 гг., возстанія бельгійцевъ, поляковъ и венгровъ, революціонныя движенія въ Италіи и Германіи вырыли еще болѣе глубокую пропасть, которая особенно ощутительно дала знать о себѣ въ послѣдніе годы царствованія имп. Николая, когда борьба съ внѣшнимъ врагомъ (Крымская война 1853—1856 гг.) потребовала отъ страны необычнаго напряженія и когда, въ рѣшительный моментъ, пришлось воочію убѣдиться, что одного бюрократическаго аппарата далеко недостаточно, чтобы справиться съ бѣдою.

5. Умственныя силы страны. Намѣренія имп. Николая въ общемъ были весьма благія: онъ сознавалъ необходимость коренным образомъ измѣнить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, улучшить судъ, законы, управленіе, поднять финансы, народное образованіе; но орудіе, которымъ онъ могъ пользоваться — чиновничество — не стояло и не могло стоять на высотѣ своего положенія, и потому чего либо существеннаго императору не удалось сдѣлать ничего за всѣ 30 лѣтъ своего управленія государствомъ. Между тѣмъ умственныя силы страны («интеллигенція», какъ ихъ принято называть въ послѣднее время), лишенныя активной дѣятельности, ушли въ себя и, оторванныя отъ жизни, породили тотъ типъ людей, который получилъ въ нашей литературѣ названіе «лишнихъ людей», «гамлетовъ Щигровскаго уѣзда», «рудиныхъ», «обломовыхъ». Единственно свободнымъ поприщемъ для силъ, искавшихъ выхода, оставалась область художественнаго творчества и кабинетной работы, и царствованіе Николая I, дѣйствительно, связано съ цѣлымъ рядомъ блестящихъ именъ, составившихъ гордость и славу нашей литературы, искусства и науки.

Жуковскій, Пушкинъ и Боратынскій, уже сложившіеся въ предыдущее царствованіе, дали при Николаѣ I наиболѣе сильные и выдержанные образцы своего поэтическаго таланта; продолжалъ работать еще и старикъ Крыловъ; исключительно этому 30-тилѣтію принадлежатъ: Лермонтовъ, Гоголь, Полежаевъ, Александръ Одоевскій, Кольцовъ, Шевченко, Сергѣй Аксаковъ. Въ ту же пору впервые выступили съ своими произведеніями и уже успѣли развить и проявить свои дарованія Тургеневъ, Достоевскій, Аполлонъ Майковъ, Фетъ, Полонскій, Некрасовъ, Островскій, Гончаровъ, Григоровичъ, Левъ Толстой.

Въ живописи особенно выдѣлились: Венеціановъ, Брюлловъ, Ѳедотовъ, Ивановъ; въ музыкѣ — Глинка. Въ научной области большіе успѣхи сдѣлала отечественная исторіографія: труды Погодина, Каченовскаго, Полевого, Соловьева и Кавелина значительно двинули впередъ изученіе нашего прошлаго. Тогда же опредѣлились историческіе интересы и Костомарова (главная дѣятельность котораго относится къ царствованію Александра II). Преимущественно къ Николаевской же эпохѣ относится и дѣятельность замѣчательнаго русскаго ученаго, профессора Казанскаго университета, Лобачевскаго (1793—1856): онъ создалъ свою особую геометрію («геометрія Лобачевскаго»), которая заняла въ наукѣ почетное мѣсто на ряду съ геометріей Эвклида, наглядно доказавъ, что Ломоносовъ не ошибался, говоря:

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Политическая мысль не могла однако заглохнуть совершенно, но она ютилась въ кружковыхъ собраніяхъ, избѣгавшихъ гласности, или робко, иносказательно проявляла себя въ письменной рѣчи — въ разсужденіяхъ на философскія темы, въ критикѣ литературныхъ произведеній. Сюда принадлежатъ: братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, Валуевъ (славянофилы), Чаадаевъ, Станкевичъ, Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Грановскій, Валеріанъ Майковъ (западники), кн. Б. Ѳ. Одоевскій, Петрашевскій. Ихъ отношеніе къ современной дѣйствительности было отрицательное, и ихъ умственная работа въ значительной степени подготовила будущую эпоху реформъ въ царствованіе имп. Александра II.

6. Крестьянскій вопросъ. Имп. Николай сочувствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ, старался улучшить ихъ положеніе, но приступить къ коренной реформѣ не рѣшался. Для обсужденія положенія крестьянъ одинъ за другимъ учреждались секретные комитеты (числомъ до девяти: въ 1826, 1835, 1839, 1840, 1844, 1846, 1848, 1849 гг.), въ эти комитеты подавались и въ нихъ обсуждались различные проекты, авторы которыхъ, каждый, предлагалъ свои мѣры (Сперанскій, гр. Кочубей, Киселевъ, гр. Перовскій, кн. Друцкой-Соколинскій и др.), но практическихъ результатовъ комитеты и проекты не дали никакихъ. Институтъ крѣпостного права крѣпко сросся съ бытомъ и понятіями помѣщичьяго класса, и тронуть его еще опасались. Сперанскій предложилъ было даровать личную свободу, сохранивъ крѣпость лишь по землѣ, т. е. вернуться къ положенію, созданному Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г., но и такой умѣренный возвратъ къ старому казался чрезвычайно опаснымъ,

какъ расшатывающіи устои общественнаго строя. Хотѣли во что бы то ни стало избѣжать двухъ золъ (какъ ихъ понимали въ то время): не освобождать крестьянъ безъ земли и не повторять того, что было сдѣлано при Александрѣ I въ Остзейскомъ краѣ, справедливо полагая, что это поставитъ лично свободнаго, но безземельнаго крестьянина въ положеніе батрака-пролетарія; и — въ то же время — не надѣлять крестьянъ землею, чтобы не лишить земель дворянства и не создавать опасной «демократіи». Выходъ нашли въ созданіи т. наз. обязанныхъ крестьянъ (указъ 2 апрѣля 1842 г.). Согласно этому указу, крестьянинъ получалъ личную свободу, земля продолжала оставаться вотчинной собственностью помѣщика, но онъ уступалъ извѣстный участокъ въ пользованіе крестьянину за плату, размѣръ которой зависѣлъ отъ качества и доходности самого участка. Лѣса, оброчныя статьи и богатства въ нѣдрахъ земли оставались при этомъ собственностью помѣщика.

Практическаго значенія законъ 2 апрѣля не имѣлъ никакого. Проведеніе его въ жизнь обусловливалось исключительно добровольнымъ согласіемъ помѣщика. Хотя имп. Николай открыто называлъ крѣпостное право зломъ; признавалъ, что «нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда»; однако, по его мнѣнію, «прикасаться къ этому злу было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ», и всякая мысль о томъ, явилась бы «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Онъ не рѣшался приказывать, предоставляя времени и опыту показать, когда и поскольку возможенъ будетъ переходъ отъ добровольныхъ соглашеній къ обязательнымъ. Землевладѣльческій классъ широко использовалъ такое заявленіе: громадное большинство не желало никакихъ измѣненій въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и легко свело законъ 2 апрѣля къ мертвой буквѣ.

Озаботиться о положеніи крестьянъ побуждали не только чувство справедливости и гуманности, но и соображенія матеріальныя: подневольный трудъ обходился значительно дороже свободнаго, тормозилъ экономическое развитіе страны, обусловилъ ея бѣдность и экономическую отсталость. Именно по этимъ соображеніямъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, самъ въ душѣ крѣпостникъ, признавалъ необходимость полнаго освобожденія крестьянъ (1845). Но среди высшей бюрократіи перевѣсило другое мнѣніе: въ помѣщикѣ, владѣющемъ крестьянами, видѣли орудіе и опору самодержавія и потому признали невозможнымъ стать на точку зрѣнія Перовскаго (1846). 8 ноября 1847 г. крѣпостнымъ дозволили, въ случаѣ продажи имѣній съ публичнаго торга, выкупать

себѣ свободу вмѣстѣ съ землей, но революціонныя движенія 1848 г. въ Зап. Европѣ дали основаніе даже и эту робкую попытку улучшенія крестьянскаго быта признать опасною: указъ вскорѣ былъ отмѣненъ (1849, 19 іюля). Въ такомъ положеніи обстояло дѣло, когда на престолъ вступилъ Александръ II, Царь-Освободитель.

IX. Правительственная дѣятельность имп. Николая I.

1. Негласный Комитетъ 6 декабря 1826 г. Основанный съ цѣлью пересмотра всѣхъ частей государственнаго управленія и для лучшаго ихъ устройства, онъ выработалъ (гр. Кочубей и Сперанскій) проектъ преобразованія центральныхъ и областныхъ учрежденій, отдѣленіе судебной власти отъ административной и занялся судьбою крѣпостного населенія; но Іюльская революція (1830) и возстаніе поляковъ (1831) помѣшали осуществленію намѣченнаго плана и лишили работы Комитета практическаго значенія.

2. Сводъ Законовъ Россійской Имперіи (1833), составленный (спеціально съ этою цѣлью основаннымъ) Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. Величества Канцеляріи, по плану и при дѣятельномъ участіи Сперанскаго. Въ такомъ сводѣ давно уже чувствовалась настоятельная потребность. Со времени изданія Соборнаго Уложенія 1649 г. накопилось множество законовъ и указовъ, совокупность которыхъ представляла массу постановленій уже отжившихъ, не соотвѣтствовавшихъ новымъ условіямъ жизни, нерѣдко противорѣчивыхъ; даже простое ознакомленіе съ ними представляло часто неодолимыя затрудненія, не говоря о простой публикѣ, но даже для спеціалистовъ: указы были разсѣяны во множествѣ отдѣльныхъ изданій, не всегда имѣвшихся подъ рукой даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ и, тѣмъ болѣе, мало доступныхъ частному лицу. Теперь, съ появленіемъ 15-ти томнаго «Свода Законовъ», каждый могъ получить ясное представленіе о томъ, на какихъ основаніяхъ построено и зиждется Русское государство, какими правами обладаетъ и какія обязанности несетъ на себѣ населеніе, гдѣ ему искать суда и расправы, вообще чѣмъ руководиться, устраивая свою жизнь, личную, семейную и общественную.

Всѣ дѣйствующіе законы сведены въ двѣ основныхъ группы: законы государственные и законы гражданскіе. Первые опредѣляли: положеніе верховной власти (основные законы), государственныхъ установленій (правительственныя учрежденія, центральныя и областныя), дѣйствія государствен-

ной власти и ея органовъ; отношеніе къ нимъ населенія. Къ этой же группѣ принадлежали законы о состояніяхъ (сословія), о благочиніи (полиція), объ уголовныхъ преступленіяхъ (нарушенія установленнаго порядка). Другая группа опредѣляла гражданскія права русскихъ подданныхъ и охраненіе этихъ правъ: семейное право (отношенія между членами семьи; завѣщанія, наслѣдованіе), права имущественныя, частный кредитъ (вексельное право, долговыя обязательства), торговлю, промышленность, взысканія по нарушенію принятыхъ на себя обязательствъ и проч.

3. Сводъ Военныхъ Постановленій (1839) — аналогичный предыдущему.

4. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи (1830). Одновременно съ составленіемъ Свода Законовъ, Второе отдѣленіе, подъ наблюденіемъ и по мысли того же Сперанскаго, собрало (однако далеко не всѣ, не смотря на названіе полнаго) законы и указы, изданные со временъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до воцаренія имп. Николая I. Сорокъ пять (45) объемистыхъ томовъ въ большую четверку содержатъ 30.920 актовъ и представляютъ громадной цѣнности матеріалъ не только по исторіи нашего законодательства съ 1649 по 1825 г., но и вообще по исторіи Россіи: внѣшняя политика, управленіе, судъ, финансы, промышленность, торговля, церковь, сословныя отношенія, военное и морское дѣло, народное образованіе, народный бытъ, колонизація, отношенія къ инородцамъ и многое еще другое — обо всемъ этомъ, за указанный періодъ, безъ Полнаго Собранія Законовъ нельзя получить отчетливаго и правильнаго представленія. Продолженіе «Собранія» составили: Второе Полное Собраніе Законовъ (Спб. 1830—1884; 55 томовъ и два тома приложеній) — узаконенія съ 12 декабря 1825 г.; и Третье Полное Собраніе Законовъ — акты со времени вступленія на престолъ имп. Александра III.

5. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (1845). Здѣсь приведены въ систематическій порядокъ дѣйствующіе уголовные законы, — работа аналогичная со Сводомъ Законовъ; на ней, до послѣдняго времени, было построено все дѣйствующее уголовное право имперіи.

6. Отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи. Канцелярія состояла изъ шести (самостоятельныхъ въ своемъ управленіи) отдѣленій (три первыхъ учреждены въ 1826, а четвертая въ 1828 г.). Первое Отдѣленіе вѣдало непосредственныя распоряженія государя и разсматривала прошенія, подаваемыя на его имя. Второе — замѣнило прежнюю Комиссію составленія законовъ и занималось приведеніемъ въ поря-

докъ дѣйствующихъ законовъ. Этимъ отдѣленіемъ приготовлены были Полное Собраніе Законовъ, Сводъ Законовъ и Уложеніе 1845 года. Третье отдѣленіе представляло высшую полицію; кругъ его вѣдомства: секты и расколы; фальшивые монетчики; лица подозрительныя въ политическомъ отношеніи; періодическая печать; кромѣ того оно вѣдало театральную цензуру, дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами. Четвертое отдѣленіе вѣдало учрежденія, находившіяся подъ управленіемъ императрицы (нынѣ: Вѣдомство императрицы Маріи): женскія учебныя заведенія, воспитательные дома, дома трудолюбія, опекунскій совѣтъ. Пятое и шестое отдѣленія (управленіе казенными крестьянами и Закавказскимъ краемъ) учреждены были временно и вскорѣ закрыты.

7. **Министерство государственныхъ имуществъ.** Оно было учреждено (1837) для попечительства о государственныхъ крестьянахъ.

8. **Потомственное и личное дворянство.** Служба со временъ Петра Великаго давала право не только на чинъ, но и на дворянство. Первый оберъ-офицерскій чинъ въ военной службѣ (XIV-й классъ по Табели о рангахъ) и коллежскаго ассессора по гражданской (VIII кл.) давали потомственное (столбовое) дворянство. Лицъ, имѣющихъ чины ниже VIII-го класса, Екатерина II причислила къ личному дворянству (это значило, что дѣти личнаго дворянина не становились дворянами, если сами не выслуживали себѣ дворянства), съ тѣмъ однако, что если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству предоставлялось право просить себѣ дворянства потомственнаго. Раньше такія льготы вызывались желаніемъ привлечь людей на государственную службу; но ко времени имп. Николая I она перестала отпугивать, отъ нея не только не отказывались, но сами добивались ея, и въ цѣляхъ задержать быстрое наростаніе класса выслужившихся дворянъ, требованія для полученія дворянскаго званія были значительно повышены. Требовалось:

для потомственнаго дворянства:
- а) первый штабъ-офицерскій чинъ (VII кл.; майоръ).
- б) гражданскій чинъ V класса (статскій совѣтникъ).

для личнаго дворянства:
- а) первый оберъ-офицерскій чинъ (XIV кл.; прапорщикъ)
- б) гражд. чинъ IX кл. (титулярный совѣтникъ).

9. **Финансовая реформа. Ассигнаціи и кредитные рубли.** Съ 1769 г. въ Россіи введены были ассигнаціи: размѣнные билеты или ассигновки на промѣнный банкъ, взамѣнъ мѣдныхъ денегъ, обороты съ которыми на значительныя суммы представляли большое неудобство. Цѣнность ассигнацій обез-

печивалась особымъ капиталомъ (сперва въ мѣдной, потомъ въ серебряной монетѣ), положеннымъ на храненіе въ банкъ. Вскорѣ однако ассигнаціи получили характеръ бумажныхъ денегъ; выпускъ ихъ въ количествѣ, значительно превышавшемъ наличное обезпеченіе, а также обиліе появившихся въ обращеніи фальшивыхъ, понизили ихъ рыночную цѣнность: въ 1815 г. ассигнаціонный рубль упалъ до 20 коп. серебромъ. Позже, изъятіемъ нѣкотораго числа ассигнацій изъ обращенія (ихъ сожгли), а также путемъ займовъ удалось поднять его стоимость до 28 коп., но не больше. Постоянныя колебанія ассигнацій въ цѣнѣ создали большія затрудненія при расчетахъ, при уплатѣ повинностей, удорожили жизнь — понадобилась коренная реформа денежнаго обращенія, которую и провелъ министръ финансовъ графъ Канкринъ.

За монетную единицу былъ принятъ серебряный рубль, курсъ ассигнацій установленъ постояннымъ, по расчету 3 рубля 50 коп. ассигнаціонныхъ за серебряный рубль (что почти совпадало съ тогдашней стоимостью ассигнацій: 28+28+28+14=98). Нѣсколько позже (1843) ассигнаціи были изъяты совсѣмъ изъ обращенія, вмѣсто ихъ выпущены кредитные билеты, причемъ кредитный рубль приравнивался 3 рублямъ 50 коп. ассигнаціоннымъ, иначе говоря, ему была придана та же цѣнность, что и серебряному или золотому. Этою реформою достигнута надлежащая устойчивость монетной единицы. До Крымской войны кредитный рубль вездѣ, и въ Россіи и заграницей, ходилъ наравнѣ съ металлическимъ рублемъ; но послѣдовавшій затѣмъ быстрый ростъ государственныхъ расходовъ и несоотвѣтствіе количества находившихся въ обращеніи билетовъ съ металлическимъ запасомъ (который обезпечивалъ свободный обмѣнъ кредитокъ на золото или серебро) снова уронилъ ихъ цѣнность, такъ что курсъ кредитныхъ билетовъ со второй половины XIX ст. пріобрѣлъ ту же опасную неустойчивость, какъ нѣкогда и ассигнаціи.

10. Школа и Просвѣщеніе.

А. Правительственныя мѣры о народномъ образованіи складывались въ царствованіе имп. Николая I подъ сильнымъ воздѣйствіемъ политическихъ событій, переживаемыхъ въ ту пору Европою. Напуганный революціоннымъ движеніемъ на Западѣ, имп. Николай опасался, какъ бы вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ не проникли въ Россію идеи свободы и равноправія, способныя расшатать существующій государственный строй. Государь, несомнѣнно, заботился о народномъ образованіи, завелъ не мало новыхъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ; но самое образованіе онъ допускалъ лишь при условіи усвоенія его «въ мѣру» («чтобъ умъ за разумъ не зашелъ»); въ обра-

зованіи видѣлъ не столько цѣль, сколько полезное и необходимое подспорье къ лучшему исполненію служебныхъ обязанностей, вслѣдствіе чего характеръ и самый объемъ его считалъ нужнымъ сообразовать съ той службой, какая, въ будущемъ, могла предстоять учащемуся. Каждому состоянію (сословію) былъ предназначенъ свой кругъ знанія. Хотя закономъ прямо это и не устанавливалось, но въ дѣйствительности гимназіи служили школою преимущественно для дворянъ, уѣздныя училища — для купечества и оберъ-офицерскихъ дѣтей (дѣтей личныхъ, не-потомственныхъ дворянъ); приходскія школы — преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и мелкихъ промышленниковъ. Желаніе оградить юношество отъ революціонныхъ идей побудило правительство взять на себя, кромѣ образованія, также и его воспитаніе, особенно дворянской молодежи. Учреждены были особые «дворянскіе институты», а при гимназіяхъ «благородные пансіоны» (числомъ до 50), гдѣ ученики жили изолированно отъ общества и семьи.

Б. Особенно въ тяжеломъ положеніи очутилась русская школа послѣ Февральской революціи 1848 г. во Франціи и вызваннаго ею броженія умовъ въ остальной Европѣ. Былъ принятъ рядъ суровыхъ мѣръ въ цѣляхъ заградить доступъ въ Россію, и въ частности въ русскія гимназіи и университеты, либеральныхъ идей. Обученіе и поведеніе учащихся подверглось подозрительному надзору, увеличена плата за ученіе, ограниченъ пріемъ учащихся (въ университеты); прекращена посылка за границу молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ. Университеты лишь терпѣли, какъ «неизбѣжное зло», старались направить молодежь преимущественно въ военно-учебныя заведенія, доказывая, что «университетское образованіе не есть необходимость». Философія была совсѣмъ изгнана изъ программы преподаванія («польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ»); на урокахъ географіи предписывалось упоминать объ образѣ правленія въ чужихъ государствахъ «какъ можно короче»; въ исторіи Древняго Рима останавливаться преимущественно на временахъ императоровъ, выставлять величіе этой эпохи и, наоборотъ, затушевывать доблести историческихъ дѣятелей республиканскаго періода.

Сообщать о текущихъ событіяхъ за границей дозволено было одной только правительственной газетѣ («Сѣверная Пчела»). Въ области исторіи нельзя было писать о временахъ междуцарствія (1610—1613), народныхъ волненій (Болотниковъ, Стенька Разинъ, Пугачевъ), о древнихъ нравахъ и обычаяхъ русскаго народа. Послѣ смерти Гоголя (1852), нарисовавшаго въ своемъ «Ревизорѣ» и въ «Мертвыхъ Душахъ» яркую картину отрицательныхъ сторонъ русской жизни, о немъ нельзя было упоминать въ печати, восхваляя, какъ писателя.

В. Учебныя заведенія, основанныя въ царствованіе имп. Николая I.

1) Кіевскій университетъ (1835).

2) Римско-католическая Духовная Академія въ Вильнѣ, позже въ Петербургѣ (1833).

NB. Академія и Кіевскій университетъ должны были замѣнить Виленскій университетъ, закрытый (1832) послѣ Польскаго возстанія.

3) Главный педагогическій институтъ въ Петербургѣ (1828).

4) Училище Правовѣдѣнія въ Петербургѣ (1835).

5) Технологическій институтъ въ Петербургѣ (1828).

6) Строительное Училище (нынѣ Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ) въ Петербургѣ (1842).

7) Межевой Институтъ въ Москвѣ (1844).

8) Николаевская Морская Академія въ Петербургѣ (1827).

9) Николаевская Военная Академія въ Петербургѣ (1830).

10) Одиннадцать кадетскихъ корпусовъ (въ разное время).

11) Дворянскіе институты (Москва, Вильна, Пенза, Нижній-Новгородъ; въ разное время).

X. Внѣшняя политика.

А. Западъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ западно-европейскимъ державамъ имп. Николай всецѣло опирался на начала, положенныя его предшественникомъ въ основу Священнаго Союза: законное происхожденіе власти («легитимизмъ») и охрану существующаго порядка. По всему своему душевному складу, еще болѣе, чѣмъ его братъ, убѣжденный сторонникъ «законной власти», Николай считалъ нравственнымъ долгомъ самодержавнаго государя стоять на стражѣ охранительныхъ началъ, всегда готовый вступить въ открытую борьбу со всѣмъ, что носило на себѣ ненавистный ему отпечатокъ противодѣйствія и расхожденія съ старымъ порядкомъ, и не только у себя дома, въ Россіи, но и повсюду въ Европѣ. Между тѣмъ Николаевское царствованіе какъ разъ совпало, въ Западной Европѣ, съ борьбой новаго поколѣнія, воспитаннаго на Французской революціи и Наполеоновскихъ войнахъ, противъ того самого порядка, который взятъ былъ Николаемъ подъ защиту. Общественная и политическая жизнь на Западѣ стала складываться сообразно требованіямъ демократически настроенныхъ среднихъ классовъ, т. наз. буржуазіи, и потому охранительная политика русскаго царя, явно враждебная имъ, встрѣчала въ либеральныхъ кругахъ Европы открытое порицаніе. Это отчуждало Западъ отъ Россіи; въ послѣдней видѣли оплотъ деспотизма, тѣмъ болѣе

ненавистный, что военная мощь ея являлась постоянной угрозою для новаго порядка.

Когда въ Бельгіи вспыхнуло возстаніе, и населеніе, нарушая постановленія Вѣнскаго конгресса, отторглось отъ Голландіи, провозгласивъ свою политическую независимость (1830), Николай рѣшился немедленно послать туда войска, чтобы силою подавить возстаніе, и только домашнія затрудненія (польское возстаніе) помѣшали ему исполнить свое намѣреніе. Николай никогда не могъ примириться съ мыслью, что, по сверженіи французскаго короля Карла X (Іюльская революція 1830 г.), Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій согласился принять корону «изъ рукъ бунтовщиковъ»; онъ видѣлъ въ этомъ оскорбленіе, нанесенное всѣмъ вообще государямъ, священной идеѣ божественнаго происхожденія верховной власти, и долгое время, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отказывался назвать Людовика-Филиппа «королемъ». Точно также и Наполеону Бонапарту, когда тотъ совершилъ государственный переворотъ и провозгласилъ себя императоромъ (1852, 2 дек.), онъ отказалъ въ названіи «брата», въ обычной формѣ обращенія одной коронованной особы къ другой. Когда венгры, въ 1849 г., поднялись противъ австрійскаго императора и грозили его престолу, Николай двинулъ противъ нихъ войска и подавилъ возстаніе: во имя легитимизма, онъ принесъ народныя силы и средства въ жертву интересамъ, Россіи совершенно чуждымъ, и спасъ державу, въ сущности бывшую всегда нашею соперницею въ восточныхъ дѣлахъ.

Чѣмъ неуклоннѣе отстаивалъ Николай I легитимныя начала тамъ, гдѣ жизненные интересы Россіи нисколько не были затронуты, тѣмъ, конечно, съ большею энергіею взялся онъ за подавленіе польскаго возстанія (1830—1831), и въ данномъ случаѣ правда была безусловно на его сторонѣ: затронуты были честь и самые жизненные интересы Россіи. Николай расходился съ имп. Александромъ во взглядѣ на польскія дѣла и не сочувствовалъ конституціи, которую тотъ даровалъ полякамъ; но, вступивъ на престолъ, онъ не только носилъ титулъ «польскаго короля», но и торжественно короновался въ Варшавѣ польскою короной (1829, май). Но поляки все время мечтали о томъ, чтобы разорвать личную унію съ Россіей. Нація съ богатымъ историческимъ прошлымъ, не могла примириться даже съ той слабой формой зависимости, какая связывала ее теперь съ русскими; ихъ раздѣляла давнишняя вѣковая вражда и память о прежнихъ взаимныхъ обидахъ, тѣмъ болѣе что поведеніе русскихъ властей въ Польшѣ нерѣдко давало справедливое основаніе къ жалобамъ. Іюльская революція во Франціи послужила сигналомъ къ возстанію, но оно было подавлено, самостоятельность Польши уничтожена и поляки

снова, какъ и послѣ Третьяго раздѣла 1795 г., стали простыми подданными русскаго государя.

Лойяльнымъ и неуклоннымъ выполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ и договоровъ, рыцарскимъ поведеніемъ, полнымъ благородства и безкорыстія въ отношеніи союзныхъ и дружественныхъ монарховъ, имп. Николай въ значительной степени напоминаетъ своего отца, имп. Павла; къ сожалѣнію, обязательства, добровольно имъ принятыя, вытекали большею частью не изъ здраваго пониманія реальныхъ интересовъ Россіи, а изъ ложно понятаго легитимизма и боязни революціоннаго призрака, который онъ готовъ былъ видѣть въ любомъ проявленіи независимой мысли и взглядѣ несходномъ съ его собственнымъ. Отношеніе Николая къ Бельгіи и Франціи создало ему всеобщее нерасположеніе; венгерской кампаніей онъ навлекъ на себя ненависть венгровъ, не обезпечивъ однако себѣ и со стороны Австріи никакой благодарности; а подавленіе польскаго возстанія, необходимое и неизбѣжное, надолго связало съ именемъ русскаго государя представленіе, какъ о «мучителѣ и притѣснителѣ народныхъ вольностей». Въ Европѣ Россію не любили и въ то же время боялись; Англія и Франція, стоявшія во главѣ либеральнаго движенія, держали себя явно враждебно и при первой же возможности поспѣшили нанести ей тяжелый ударъ (Крымская война 1853—1856 гг.). Имп. Николай довѣрчиво опирался на Австрію, и, казалось, съ полнымъ основаніемъ: ею управлялъ Меттернихъ, такой же, какъ и онъ, сторонникъ легитимизма и не менѣе его убѣжденный врагъ либеральныхъ новшествъ; однако Австрія дѣйствовала по отношеніи Россіи двоедушно и своимъ поведеніемъ во время Крымской войны наглядно показала, какъ сильно ошибался въ ней Николай I.

Б. Востокъ.

Присоединеніе Крыма и договоры, заключенные имп. Екатериною II съ Турціей (Кучукъ-Кайнарджійскій, 1774 г., и Ясскій, 1791 г.), придвинувъ южную границу къ самому морю, завершили собою Черноморскій вопросъ; вѣковая борьба съ азіатскимъ Востокомъ продолжалась, какъ и въ старое время, но на ряду съ нею выростаетъ другая — съ Востокомъ европейскимъ, такъ же какъ и тотъ, мусульманскимъ, такъ же какъ и тотъ враждебнымъ христіанскому міру. Черноморскій вопросъ съ конца XVIII в., можно сказать, смѣнился двумя самостоятельными, хотя и тѣсно между собой связанными: это отношенія спеціально къ азіатскимъ народамъ и отношенія къ Турецкой имперіи, къ т. наз. «Ближнему Востоку». Отношенія къ Ближнему Востоку сводятся къ т. наз. Восточному вопросу.

а) Азіатскій Востокъ.

1. Персія. Еще при Екатеринѣ II Россія приняла подъ свое покровительство Грузію (1783); позже, при имп. Павлѣ, грузины, по собственному желанію, приняли русское подданство, и вся территорія Грузинскаго царства вошла въ составъ Россійской имперіи на томъ же положеніи, какъ и остальныя области (1801). Этимъ заложенъ былъ прочный фундаментъ русской власти за Кавказомъ, зато присоединеніе Грузіи неизбѣжно вело къ столкновенію съ Персіей: раньше все Закавказье находилось въ сферѣ ея вліянія. Уже имп. Екатерина вела съ персами войну (походы Гудовича и Зубова, 1795 г.); война пріостановилась съ воцареніемъ Павла, но возобновилась при Александрѣ и велась цѣлыхъ 9 лѣтъ (1804—1813). Договоръ въ Гюлистанѣ (1813, 12 окт.) принудилъ Персію уступить намъ, кромѣ Грузіи, еще Имеретію, Гурію, Мингрелію, Абхазію, Дагестанъ, Карабахъ и признать за Россіей право держать на Каспійскомъ морѣ военный флотъ. Однако 12 лѣтъ спустя, пользуясь перемѣной на русскомъ престолѣ, персы возобновили борьбу; новая война, уже при имп. Николаѣ, ознаменовалась рядомъ блестящихъ успѣховъ. Главнокомандующій русскими войсками генералъ Паскевичъ разбилъ персовъ подъ Елизаветполемъ (1826), занялъ Нахичевань, Эривань, Тавризъ, подошелъ къ самой столицѣ Персіи, къ Тегерану (1827), и принудилъ шаха къ миру. По Туркманчайскому договору (1828, 10 февр.) Россія пріобрѣла ханства Нахичеванское и Эриванское и съ тѣхъ поръ стала твердой ногою въ Закавказьѣ.

2. Сѣверный Кавказъ. Утвержденіе въ Закавказскомъ краѣ поставило на очередь другую задачу: обезпечить правильное общеніе съ нимъ сушею, не однимъ моремъ, и такъ какъ на пути стояли полудикіе народцы Сѣвернаго Кавказа, то военныя дѣйствія были направлены въ эту сторону. Война на Кавказѣ велась упорная и кровопролитная, совсѣмъ особенная, не похожая на другія русскія войны: собственно сраженій, когда противники сходятся большими массами, не велось почти вовсе; зато постоянно происходили мелкія схватки и стычки, устраивались засады или нападали въ одиночку; боролись не арміями, а отдѣльными отрядами. На Кавказѣ постоянно приходилось пробиваться то черезъ высокіе горные перевалы, то чрезъ лѣсистыя ущелья, вести борьбу съ природой не меньше, чѣмъ съ самимъ человѣкомъ. Набѣги сопровождались разореніемъ горныхъ ауловъ и казацкихъ станицъ, угономъ скота, захватомъ аманатовъ (заложниковъ) съ той и другой стороны. Подобно тому, какъ въ старину въ Московскомъ государствѣ устраивались противъ татаръ засѣчныя линіи, такъ и теперь вдоль береговъ степныхъ рѣкъ воздвигались станицы, валились лѣса, ставились дозорныя вышки, посылались наблюда-

тельные разъѣзды, предпринимались карательныя экспедиціи. Всякое продвиженіе впередъ добывалось съ бою. Кавказскіе горцы, будучи ревностными мусульманами, фанатически отстаивали свои сакли и родныя горы; ихъ мюриды и имамы неустанно проповѣдывали священную войну противъ ненавистныхъ «гяуровъ». Война велась почти 40 лѣтъ (1825—1864) и доведена до конца лишь въ слѣдующее царствованіе. Характерныя особенности этой войны и обстановка, въ какой она велась, нашли яркое отраженіе въ нашей художественной литературѣ («Герой нашего времени» Лермонтова; «Набѣгъ», «Казаки» и «Рубка лѣса» Толстого).

3. Киргизская Степь и Средняя Азія. Долгое время рѣка Яикъ (Уралъ) служила въ нижнемъ своемъ теченіи крайней границею русскихъ поселеній къ востоку отъ нижней Волги (яицкіе казаки); нѣсколько выше къ сѣверу, проникновеніе русскаго вліянія встрѣчало меньше затрудненій: тамъ жили башкирскія племена, болѣе податливыя, болѣе слабыя силами и, вслѣдствіе гористости своей территоріи, болѣе разрозненныя, менѣе сплоченныя; здѣсь же, за нижнимъ Яикомъ, начинались воинственныя племена киргизскія, къ тому же они жили въ открытыхъ степяхъ, гдѣ бороться съ ними было значительно труднѣе. Хотя въ царствованіе имп. Анны Іоанновны русская граница была продвинута нѣсколько впередъ, и выше по теченію Урала построена крѣпость (нынѣшній городъ Орскъ), но послѣ того всякое новое продвиженіе надолго пріостановилось. Лишь сто лѣтъ спустя имп. Николай сдѣлалъ серьезную попытку пройти всю степь и утвердиться на низовьяхъ р. Аму-Дарьи, въ Хивинскомъ оазисѣ; но Хивинскій походъ графа Перовскаго стоилъ большихъ жертвъ и кончился полною неудачею (1839). Однако онъ послужилъ хорошею школою, научивъ, что надо дѣлать во избѣжаніе, на слѣдующій разъ, допущенныхъ ошибокъ. Въ царствованіе имп. Александра II предпріятіе было возобновлено, въ бо̀льшихъ размѣрахъ и съ лучшими результатами (завоеваны Бухара: 1862, Хива: 1873, и Кокандъ: 1876). Новыя владѣнія обезпечили Россіи господствующее положеніе въ Средней Азіи, и съ этой поры борьба съ Азіатскимъ Востокомъ въ томъ значеніи, съ какимъ она велась еще со временъ Владиміра Святого, Мстислава Удалого, Дмитрія Донского, отошла навсегда въ область исторіи.

б) Ближній Востокъ.

На Ближнемъ, Европейскомъ, Востокѣ (Турція и Балканскіе Славяне) политика имп. Николая богата печальными противорѣчіями, — неизбѣжный результатъ несогласованности національныхъ интересовъ съ принципами Священнаго Союза, которые преемникъ Александра I, подобно тому, тоже положилъ

въ основу своихъ международныхъ отношеній. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ 1774 г., поставившій всѣхъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія, славянъ и не-славянъ одинаково, подъ исключительное покровительство Россіи и тѣмъ самымъ узаконившій ея право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турецкаго государства, ясно указывалъ путь, по какому слѣдовало идти русской политикѣ: помогать балканскимъ славянамъ въ освобожденіи отъ мусульманскаго ига и обезпечить имъ самостоятельное политическое существованіе. Съ другой стороны матеріальные интересы Россіи требовали свободнаго прохода торговыхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы и, главное, возможности, въ случаѣ войны, запереть вражескимъ военнымъ судамъ доступъ чрезъ эти проливы въ Черное море.

Но имп. Николай, желая покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, рѣшительно отказывался признать за ними право подняться противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей, видя въ этомъ дѣйствіе революціонное, противное столь дорогимъ ему требованіямъ легитимизма, и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать распаденію Турціи, этого больного, какъ онъ самъ выражался, человѣка, онъ предпочелъ поддерживать его существованіе. Христіанская «райя», угнетенная и беззащитная, видѣла въ могущественномъ православномъ царѣ естественнаго своего защитника, единственнаго покровителя и заступника, Николай же не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки использовать такое отношеніе, что было бы въ интересахъ одинаково и балканскихъ христіанъ, и самой Россіи. Наоборотъ, изъ опасенія, какъ бы заговоры, направленнные противъ Оттоманской Порты не вызвали всеобщаго революціоннаго пожара на Востокѣ, онъ открыто осуждалъ ихъ и предлагалъ султану, въ случаѣ надобности, помочь ему усмирить возмутившихся подданныхъ и вернуть ихъ къ покорности, а сербовъ и болгаръ заранѣе предупредилъ, чтобы они отнюдь не надѣялись на поддержку Россіи. Когда тѣ прислали въ Петербургъ своихъ довѣренныхъ съ секретными предложеніями, ихъ не только не выслушали, но даже выслали изъ столицы. Такое отношеніе къ движенію и завѣтнымъ надеждамъ Балканскихъ славянъ было на руку европейскимъ державамъ: въ виду отказа русскаго царя помочь своимъ единовѣрцамъ освободиться отъ ненавистнаго турецкаго ига, онѣ (Англія и Франція) не упустили благопріятнаго случая занять на Востокѣ то положеніе, которое Россія уступала имъ добровольно.

Славянская политика имп. Николая объясняется не однимъ только отвращеніемъ, какое вызывала въ немъ революція и все, что носило ея отпечатокъ, но также непониманіемъ, въ чемъ состояли настоящіе національные интересы Россіи, забвеніемъ тѣхъ обязанностей, какія налагало на насъ все наше прошлое.

Сознаніе крѣпкой духовной связи съ православнымъ, славянскимъ міромъ, столь живое и сильное во времена московскія, стало замѣтно глохнуть, начиная съ XVIII в. Привилегированное положеніе дворянства со времени императрицъ Анны, Елизаветы и Екатерины; европеизація высшихъ слоевъ русскаго общества (въ сущности тѣхъ же дворянъ) разобщили эти слои отъ остальныхъ слоевъ, среднихъ и низшихъ, и заглушили національную идею. Хотя правительство и либеральная часть общества жили въ разладѣ между собою, они одинаково отрицательно относились къ нашей московской старинѣ. Исключенія были рѣдки. Бюрократизмъ и консерватизмъ однихъ и европейскій либерализмъ другихъ въ данномъ случаѣ мало чѣмъ различались одинъ отъ другого. На русскомъ престолѣ національная идея еще достаточно сильно чувствуется въ мѣропріятіяхъ Екатерины II, не смотря на ея чисто нѣмецкое происхожденіе; зато преемники императрицы значительно уступаютъ ей въ чуткости къ историческимъ завѣтамъ; они настолько отошли отъ нихъ, что имп. Николай, безъ всякаго внѣшняго принужденія, добровольно предлагалъ Австріи занять западную половину Балканскаго полуострова, спокойно отдавалъ ей земли, населенныя сербами и болгарами, даже Константинополь съ проливами, говоря, что они ему совершенно «не нужны».

Въ началѣ царствованія имп. Николая съ самой Турціей у Россіи произошло столкновеніе. Уже Александръ I готовился вооруженной рукою вступиться за грековъ: жестокости и насилія турокъ, равно и религіозная связь налагали на Россію моральный долгъ придти на помощь единовѣрцамъ; сознаніе этого долга побороло соображенія, опиравшіяся на постановленія Священнаго Союза, и Александръ I уступилъ ему. Съ другой стороны турки постоянно нарушали постановленія Бухарестскаго мира 1812 г. То и другое привело къ войнѣ (1826—1828). Побѣды Дибича («Забалканскаго»): битва при Кулевчи, подъ Шумлою, переходъ за Балканы и взятіе Адріанополя; а также одновременно успѣхи Паскевича въ Малой Азіи: взятіе крѣпостей Карса, Баязета и Эрзерума заставили турокъ просить мира. По договору въ Адріанополѣ (1829, 2/14 сент.) Россія увеличила свои владѣнія сѣвернымъ (Георгіевскимъ) гирломъ Дуная, кавказскимъ берегомъ Чернаго моря, продвинула на югозападѣ свои границы въ Закавказскомъ краѣ (Ахалцыхъ, Ахалкалаки) и обезпечила за Сербіей, Валахіей и Молдавіей автономное управленіе. Тогда же Россія добилась, совмѣстно съ Англіей и Франціей, признанія за греками политической самостоятельности (провозглашеніе Греціи независимымъ государствомъ 3 февраля 1830 г.).

Но, нанося Турціи эти удары, Николай I не отказывалъ ей и въ дѣятельной поддержкѣ. Когда вассалъ султана, еги-

петскій паша Мехметъ-Али возмутился противъ своего сюзерена и своими побѣдами поставилъ его въ критическое положеніе, имп. Николай подалъ туркамъ вооруженную помощь и тѣмъ спасъ Турецкую имперію отъ полнаго разгрома. Правда, спасая султана, онъ заключилъ съ нимъ въ Ункіаръ-Искелесси чрезвычайно выгодный договоръ (1833, 26 іюня): въ обмѣнъ на гарантію неприкосновенности его владѣній, султанъ обязывался закрыть Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ и не открывать ихъ «ни подъ какимъ предлогомъ», самой же Россіи предоставлялъ право проводить свои военные корабли безпрепятственно черезъ оба пролива. При всей однако выгодности такого соглашенія, оно было одной простой бумагою и реальной возможности закрыть, въ случаѣ надобности, тотъ или другой проливъ, еще не давало: все зависѣло, насколько турки сочтутъ для себя возможнымъ и необходимымъ сдержать данное слово. А Николай, до щепетильности честный въ неуклонномъ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, слишкомъ довѣрчиво относился къ обязательствамъ, даннымъ другими. Онъ спокойно оставлялъ проливы въ турецкихъ рукахъ, готовъ былъ даже, какъ мы видѣли выше, передать ихъ въ австрійскія, лишь бы эти руки были дружественныя — такой гарантіи, по его мнѣнію, было достаточно.

Излишняя довѣрчивость и ослѣпленіе, будто правилами Священнаго Союза другіе руководятся въ такой же степени, какъ и онъ самъ, привели къ тому, что, когда великія державы (естественно и понятно, въ своихъ интересахъ) постарались превратить Ункіаръ-Искелессійскій договоръ, — обязательство Турціи исключительно передъ одной только Россіей — въ обязательство международное, то имп. Николай не съумѣлъ и не счелъ необходимымъ оказать этимъ попыткамъ должнаго противодѣйствія. Сперва Меттерниху удалось убѣдить русскаго императора дѣйствовать въ турецкихъ дѣлахъ совмѣстно съ Австріей и въ этомъ смыслѣ обязаться передъ нею (Мюнхенгрецкая конвенція 1833 г.), а позже, когда Мехметъ-Али вторично возсталъ противъ султана (1839), Турція окончательно ушла отъ исключительнаго контроля Россіи, была поставлена подъ опеку уже всѣхъ великихъ державъ Европы, ея существованіе явилось съ той поры вопросомъ общеевропейскимъ, Ункіаръ-Искелессійскій договоръ 1833 г. потерялъ свою силу, проливы стали закрыты не для однихъ англійскихъ или французскихъ судовъ, но также и для русскихъ, и такимъ образомъ привилегированному положенію Россіи на Востокѣ наступилъ конецъ, и русское побережье Чернаго моря по прежнему оставалось въ сферѣ досягаемости непріятельскаго флота и пушекъ (Лондонская конвенція 1841 г.). Невыгоды такого положенія не замедлили сказаться черезъ 13 лѣтъ, когда надъ

Россіей стряслось тяжелое бѣдствіе — неудачная Крымская война.

XI. Памятники духовной культуры. 1796—1855.

Художники-писатели (1—28):

И. И. Дмитріевъ 1760—1837.
Н. М. Карамзинъ 1766—1826.
И. А. Крыловъ 1768—1844.
В. А. Озеровъ 1770—1816.
И. И. Козловъ 1779—1840.
В. А. Жуковскій 1783—1852.
Н. И. Гнѣдичъ 1784—1833.
К. Н. Батюшковъ 1787—1855.
М. Н. Загоскинъ 1789—1852.
С. Т. Аксаковъ 1791—1859.
П. А. Вяземскій, князь 1792—1878.
К. Ѳ. Рылѣевъ 1795—1826.
А. С. Грибоѣдовъ 1795—1829.
А. А. Бестужевъ (псевдонимъ: Марлинскій) 1797—1837.
А. А. Дельвигъ, баронъ 1798—1831.
А. С. Пушкинъ 1799—1837.
Е. А. Боратынскій 1800—1844.
А. И. Одоевскій, князь 1803—1839.
Н. М. Языковъ 1803—1849.
Ѳ. И. Тютчевъ 1803—1873.
Д. В. Веневитиновъ 1805—1827.
А. И. Полежаевъ 1807—1838.
А. В. Кольцовъ 1808—1842.
Н. В. Гоголь 1809—1852.
М. Ю. Лермонтовъ 1814—1841.
Т. Г. Шевченко 1814—1861.
Д. В. Григоровичъ 1822—1899.
И. С. Никитинъ 1824—1861.

NB. Хотя Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Левъ Толстой, Островскій, Ап. Майковъ, Фетъ, Полонскій, Некрасовъ, главными своими произведеніями, и принадлежатъ слѣдующей эпохѣ, но ихъ художественный талантъ сложился и заявилъ себя уже въ эту пору, еще до 1855 года.

Художники-живописцы (29—35):

А. Г. Венеціановъ 1780—1847. Простонародный бытъ: «Пріобщеніе умирающаго»; «Этюдъ крестьянина».

В. А. Тропининъ 1780—1857. Портретистъ (портреты Пушкина, Гоголя, Карамзина).

О. А. Кипренскій 1783—1836. Портретистъ (портретъ Пушкина).

К. П. Брюлловъ 1799—1852. «Послѣдній день Помпеи».

Ѳ. А. Бруни 1800—1875. «Моленіе о чашѣ»; «Мѣдный змій».

А. А. Ивановъ 1806—1858. «Явленіе Христа народу».

П. А. Ѳедотовъ 1815—1852. Сатирическій жанръ: «Чиновникъ по полученіи перваго ордена»; «Разборчивая невѣста» и (особенно) «Сватовство майора».

Художники-архитекторы (36—38):

А. Н. Воронихинъ 1759—1814: Горный Институтъ (1806) и Казанскій соборъ (1811) въ Петербургѣ.

А. Д. Захаровъ 1761—1811: зданіе Адмиралтейства въ Петербургѣ (1810).

К. А. Тонъ 1794—1881: Николаевскій дворецъ въ московскомъ Кремлѣ; Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Художники-скульпторы (39):

Н. С. Пименовъ 1812—1864: статуя «Мальчикъ, играющій въ бабки» (1836); двѣ колоссальныхъ группы въ Исаакіевскомъ соборѣ: «Воскресеніе Христово» (1853) и «Преображеніе» (1854).

Художники-композиторы (40—44):

А. А. Алябьевъ 1787—1851. Романсы («Соловей»).

А. Н. Верстовскій 1799—1862. Опера «Аскольдова Могила» (1835).

А. Е. Варламовъ 1801—1848. Романсы: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ»; «Что отуманилась, зоренька ясная, пала на землю росой»; «Пловцы» (Нелюдимо наше море, день и ночь шумитъ оно); «Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ».

М. И. Глинка 1804—1857. Двѣ оперы: «Жизнь за царя» (1836) и «Русланъ и Людмила» (1842); «Аррагонская хота» (1845); «Камаринская» (1848).

А. С. Даргомыжскій 1813—1869. Двѣ оперы: «Русалка» (1855) и «Каменный гость» (остался недоконченнымъ).

Художники театральной сцены (43—50):

М. С. Щепкинъ 1788—1863, комикъ.

П. С. Мочаловъ 1800—1848, трагикъ.

В. А. Каратыгинъ 1802—1853, трагикъ.

П. А. Каратыгинъ, братъ его 1805—1879, комикъ.
А. Е. Мартыновъ 1816—1860, комикъ.
П. М. Садовскій 1818—1872, комикъ.

51. Русскія суда совершили первое кругосвѣтное путешествіе (подъ начальствомъ капитана Крузенштерна и его помощника, Лисянскаго: Кронштадтъ, мысъ Горнъ, Японія, мысъ Доброй Надежды, Шотландія, Кронштадтъ); путешествіе это обогатило географію и естествознаніе новыми свѣдѣніями о странахъ малоизвѣстныхъ (берега Сѣверной Японіи; Сахалинъ; о-въ Ситха у западныхъ береговъ Сѣверной Америки). 1803—1806.

52. Открытіе Имп. Публичной библіотеки въ Петербургѣ (1814, 2 янв.).

53. Начатъ постройкою (но потомъ пріостановленъ), по плану А. Л. Витберга, храмъ Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, въ Москвѣ, въ память Отечественной войны (1816). Проектъ выросъ изъ религіознаго воодушевленія и общей тогдашнему русскому обществу мысли, что спасеніемъ своимъ отъ «двадесяти языкъ» Россія обязана божественному Провидѣнію, избравшему русскій народъ орудіемъ наказанія и ниспроверженія человѣческой гордыни въ лицѣ Наполеона. Наружныя формы зданія должны были отразить Воплощеніе Христа, Его Преображеніе и Воскресеніе, — отсюда три храма, одинъ надъ другимъ: храмъ тѣла (нижній), храмъ души (средній) и храмъ духа (верхній). Размѣры храма намѣчались грандіозными: высота его въ 95 сажень, т. е. почти въ двѣ трети Эйфелевой башни.

54. Открытіе Румянцовскаго музея въ Петербургѣ (1831). Позже (1861) Музей былъ переведенъ въ Москву.

55. Просвѣтительная дѣятельность канцлера графа Н. П. Румянцова по изданію и изслѣдованію историческихъ документовъ и памятниковъ древней старины (1813—1826). Вслѣдъ за этою частною инициативою, въ послѣдующее царствованіе, имп. Николая I, возникъ, въ тѣхъ же цѣляхъ, рядъ правительственныхъ учрежденій. Таковы были:

56. Археографическая Комиссія для изданія памятниковъ русской старины, въ Петербургѣ. 1834.

57. Одесское Общество исторіи и древностей. 1839.

58—59. Археографическія комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, въ Вильнѣ (1842) и въ Кіевѣ (1843).

60. Археографическое Общество (Спб.). 1845.

61. Географическое Общество (Спб.). 1845.

Эпоха шестая. 1855–1917.

РАЗРУШЕНІЕ СТАРАГО ПОРЯДКА.

А. ЭПОХА ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ ИМП. АЛЕКСАНДРА II. 1855—1881.

I. Вступленіе на престолъ и заключеніе Парижскаго міра.

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ (1855, 19 февраля) въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ, какія только приходилось переживать Россіи. «Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ», говорилъ ему, умирая, Николай I. Дѣйствительно, политическое и военное положеніе Россіи въ эту пору было близко къ катастрофическому. Новому государю досталось тяжелое наслѣдіе — неоконченная война съ союзниками (Турція, Англія, Франція): велась она все время крайне для насъ неудачно, и въ дальнѣйшемъ не было никакой надежды на улучшеніе. Армія едва держалась въ Крыму, обороняя Севастополь. Расположенный на краю имперіи и еще болѣе удаленный отъ нея вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія (грунтовыя дороги съ непролазною грязью — осенью и весной; занесенныя сугробами снѣга — зимою), Севастополь былъ почти совсѣмъ отрѣзанъ отъ остальныхъ областей; подкрѣпленія доходили туда крайне медленно, да, наконецъ истощались и самыя средства для веденія войны: войска таяли, и не только на бастіонахъ крѣпости, на поляхъ сраженій, но еще больше, въ госпиталяхъ и лазаретахъ, по недостатку медицинскаго ухода и неудовлетворительному состоянію санитарной части. Громадная убыль въ войскахъ вынудила правительство прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ — къ призыву ополченія. Нашъ Черноморскій флотъ былъ уничтоженъ и непріятельскія суда безпрепятственно обстрѣливали Севастополь; въ Балтійскомъ морѣ

враги безнаказанно крейсировали въ виду Кронштадта; вооруженіе арміи оказалось много хуже, чѣмъ у противника; денежныя средства совершенно истощены; отсутствіе кредита заграницей вызвало усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ и паденіе курса. Истощенной Россіи, съ ея 85 милліонами населенія и съ едва однимъ милліардомъ годового дохода, приходилось бороться съ союзниками, которые располагали 108 милліонами населенія и тремя милліардами дохода.

Столь же безотраднымъ было и политическое положеніе. Австрія еще въ самомъ началѣ войны вынудила насъ вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи и теперь сама заняла ихъ, придвинула свою армію къ русской границѣ и грозила вторженіемъ; Піемонтскій король уже послалъ въ Крымъ союзникамъ вспомогательный корпусъ. Можно было опасаться того же и со стороны Швеціи, даже Испаніи. Чуть ли не вся Европа сплотилась противъ Россіи и война грозила стать всеобщею.

Въ русскомъ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ горькое чувство обиды вызвало поведеніе австрійскаго императора Франца-Іосифа: обязанный въ 1849 году спасеніемъ своего трона Россіи, онъ теперь не только не подалъ руку помощи, особенно необходимую и цѣнную при сложившихся обстоятельствахъ, но, наоборотъ, угрозою вторженія въ русскіе предѣлы, вынуждалъ насъ торопиться заключеніемъ мира. Такое поведеніе заклеймлено было, какъ самое гнусное предательство, и когда на похороны императора Николая I пріѣхалъ, оффиціальнымъ представителемъ своего государя, австрійскій эрцгерцогъ, то фальшь «крокодиловыхъ слезъ» нашла свое выраженіе въ негодующихъ стихахъ поэта Тютчева:

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству также мѣра есть!
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!
И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
«Прочь, прочь Австрійскаго Іуду
«Отъ гробовой его доски!
«Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
«И весь «апостольскій» ихъ родъ
«Будь заклейменъ однимъ проклятьемъ:
«Искаріотъ, Искаріотъ!»

«Благодарность» Австріи вошла со временъ Крымской войны въ поговорку; но въ то же время она наглядно показала, насколько ошибочно было со стороны имп. Николая строить международныя отношенія на личныхъ симпатіяхъ и довѣріи, забывая, что самая искренняя благодарность всегда будетъ

вынуждена подчиниться соображеніямъ государственной (пускай, даже ложно понятой) пользы.

Мира приходилось добиваться во что бы то ни стало. Въ интимной бесѣдѣ молодой императоръ сознавался, что «дальше воевать мы не можемъ». Паденіе Севастополя (1855, 27 авг.) окончательно довершило ударъ. Народному самолюбію оно нанесло новую тяжелую рану, тѣмъ болѣе чувствительную, чѣмъ дольше привыкла Россія считать себя вершительницей судебъ Европы и первою военной державою. Русскій солдатъ и офицеръ беззавѣтно умирали въ честномъ бою, орошая своею кровью поля сраженій, геройски защищая грудью родную землю, — и всѣ ихъ жертвы оказались напрасными!

Миръ былъ заключенъ въ Парижѣ (1856, 18/30 марта) на тяжелыхъ условіяхъ:

1. Южная часть Бессарабіи, прилегающая къ Дунаю (равно и сѣверное, Георгіевское, гирло рѣки, пріобрѣтенное по Адріанопольскому миру 1828 г.) отходила къ Турціи (Молдавіи).

2. Россія теряла право держать въ Черномъ морѣ военный флотъ, сооружать военно-морскіе арсеналы на берегу. Чтобы нѣсколько пощадить національное самолюбіе Россіи, текстъ договора говорилъ не о запрещеніи, а о нейтрализаціи Чернаго моря, о закрытіи его для военныхъ судовъ вообще всѣхъ націй, но реальнымъ фактомъ было то, что русскіе берега Чернаго моря оставались не защищенными, и въ случаѣ новой войны, та же Турція или ея союзники могли снова громить ихъ, притомъ въ условіяхъ значительно болѣе благопріятныхъ для себя, такъ какъ передъ началомъ Крымской войны у Россіи все же былъ свой военный флотъ, который посильно оказалъ сопротивленіе врагамъ. Лишенная права держать корабли, Россія одновременно обязывалась разрушить доки и всякія иныя морскія сооруженія въ Севастополѣ и въ Николаевѣ.

3. Между Россіей и Турціей была заключена частная конвенція о числѣ мелкихъ военныхъ судовъ, которыя каждая изъ нихъ имѣла право держать въ черноморскихъ водахъ исключительно для сторожевой или пассажирской службы; онѣ не могли измѣнить этой конвенціи безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ мирный договоръ[1]); такимъ образомъ даже и въ такомъ второстепенномъ вопросѣ дѣйствія Россіи подлежали чужому контролю.

4. Сербія, Молдавія и Валахія оставались по прежнему подъ верховнымъ владычествомъ Турціи, причемъ ихъ права и преимущества гарантировались не одной Россіею, какъ раньше, а всѣми великими державами; иначе говоря, Россія поте-

[1]) Кромѣ Турціи и Россіи подписались: Англія, Франція, Австрія, Сардинія (Піемонтъ) и Пруссія.

ряла возможность оказывать самостоятельное давленіе на Турцію въ интересахъ балканскихъ славянъ: въ случаѣ таковаго Оттоманская Порта могла легко укрыться за Англію или Францію: «не хотятъ-де, не позволяютъ!», и для того, чтобы «позволили», предстояло въ будущемъ вступать съ этими державами въ особыя соглашенія, т. е. покупать ихъ согласіе цѣною тѣхъ или иныхъ уступокъ.

5. Россія обязывалась не укрѣплять Аландскихъ острововъ въ Балтійскомъ морѣ.

II. Крестьянская реформа.

1. Раздѣлавшись съ войною, можно было приступить къ преобразованіямъ. Что они были крайне необходимы и неотложны, это было давно уже сознано въ русскомъ обществѣ; необходимость ихъ признавало и правительство. Въ манифестѣ по поводу заключенія мира впервые дано было понять, въ какомъ направленіи и въ какомъ духѣ думаетъ вести Россію новый государь: «При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Крымская война во-очію показала полную непригодность старой системы управленія; предстояло передѣлать весь строй государственной и общественной жизни. Въ чемъ именно видѣли главныя язвы, отъ которыхъ страдала страна, можно судить по словамъ А. С. Хомякова (славянофила), обращеннымъ къ Россіи:

А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймлена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

2. Самымъ жгучимъ вопросомъ былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Общество давно уже прониклось убѣжденіемъ въ необходимости скорѣйшаго освобожденія Россіи отъ этого «клейма домашняго позора», и несчастная война только укрѣпляла въ этомъ убѣжденіи. Русская литература еще съ конца XVIII в. неустанно выставляла на видъ моральный вредъ

крѣпостного права, всю безнравственность этой общественной язвы. См. Радищевъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», 1790; Пнинъ: «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи», 1804; Н. И. Тургеневъ, «Опытъ о теоріи налоговъ», 1818; Пушкинъ: стихотвореніе «Деревня», 1819; сравн. его же: повѣсть «Дубровскій» (1832) и «Мысли на дорогѣ» (1833); Гоголь: «Мертвыя Души», 1842; Шевченко: «Сонъ», «Варнакъ», 1845; графъ Соллогубъ: «Тарантасъ», 1845; Разсказы Даля («Сочиненія казака Луганскаго»), 1846; Некрасовъ, стихотворенія: «Въ дорогѣ», «Родина» (1846), «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго» (1853); Григоровичъ: «Деревня» (1846), «Антонъ Горемыка» (1847); Тургеневъ: «Записки охотника», 1847—1852; Иванъ Аксаковъ: «Бродяга», 1852; Левъ Толстой: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика» (1852); Герценъ: «Краденая собственность», «Русскому дворянству» (1853).

3. Но не одно чувство гуманности и справедливости вопіяло противъ крѣпостного права: оно оказывалось невыгоднымъ также и экономически. Уже при имп. Николаѣ I правительство и не малое число самихъ помѣщиковъ сознали, что, съ увеличеніемъ народонаселенія въ странѣ, съ ростомъ потребностей государства и частныхъ лицъ, необходимо перейти къ интенсивнымъ формамъ хозяйства; старую систему запашекъ замѣнить болѣе сложнымъ сѣвооборотомъ; что надо ввести травосѣяніе, улучшенное хозяйство съ машинами, безъ чего фабричное производство не пойдетъ успѣшно; что крѣпостной трудъ, какъ подневольный, не въ состояніи удовлетворить этимъ требованіямъ; что онъ мало продуктивенъ, обходится дорого и не въ силахъ конкуррировать съ вольнонаемнымъ трудомъ. Помѣщичьи хозяйства падали, помѣщики разорялись, плохая обработка земли вела къ неурожаямъ и задолженности дворянскихъ имѣній, вынужденныхъ въ голодные годы кормить крестьянъ, что ложилось на помѣщиковъ зачастую непосильнымъ бременемъ.

4. Помимо сказаннаго, жизнь убѣждала также и въ опасности владѣть крѣпостными людьми. «Прежнія патріархальныя отношенія, какъ ни мало привлекательны они были, замѣнились, подъ вліяніемъ угнетеннаго положенія хозяйства, еще худшими, нерѣдко для крестьянъ прямо невыносимыми. Злоупотребленія помѣщиковъ и разореніе крестьянъ, не смотря на строгое вмѣшательство правительственной власти, встрѣчались все чаще. Отношенія обострялись. Убійства помѣщиковъ и управляющихъ, поджоги и волненія крестьянъ повторялись все чаще и сильнѣе, не смотря на жестокія усмиренія. Сильная правительственная власть еще удерживала внѣшній порядокъ, но людямъ проницательнымъ не трудно было уже почувство-

вать, какъ этотъ строй становился непроченъ и какимъ потрясеніемъ все это могло разрѣшиться. Кровавая рѣзня помѣщиковъ въ 1846 г. въ сосѣдней съ Россіей Галиціи многимъ показалась страшнымъ предостереженіемъ и для насъ. Особенно сильное впечатлѣніе эти событія произвели на помѣщиковъ западныхъ губерній, гдѣ замѣтно было и среди крестьянъ настроеніе, похожее на настроеніе ихъ галиційскихъ сосѣдей» (Корниловъ).

5. Имп. Александръ, въ главныхъ основаніяхъ, вполнѣ раздѣлялъ взглядъ на крѣпостничество, какъ на одно изъ коренныхъ золъ русской жизни. Правда, не задолго передъ тѣмъ, наслѣдникомъ престола, онъ держался иныхъ мыслей: политическая буря, пронесшаяся надъ Европой въ 1848 году, вызвала и въ немъ сильное отвращеніе къ демократическому движенію; подобно своему отцу, онъ въ ту пору считалъ, что поднимать вопросъ объ освобожденіи крестьянъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ; но неудачи Крымской войны раскрыли ему глаза и убѣдили, что прежняя система управленія, основанная на крѣпостномъ правѣ и стѣсненіи свободы слова и мысли, поведетъ къ еще худшему. Большое впечатлѣніе произвело на него чтеніе Тургеневскихъ «Записокъ охотника»; позже онъ признавался автору, что съ той поры, какъ ознакомился съ его разсказами, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости положить конецъ этому злу и даровать крестьянамъ свободу.

Но если идея освобожденія крестьянъ имѣла ревностныхъ защитниковъ, то не было у нея недостатка и въ горячихъ противникахъ. Такъ называемые крѣпостники, кто по своекорыстію и узкому эгоизму, кто по ошибочному убѣжденію, считали опаснымъ освобожденіе крестьянъ, и государю понадобилось много доброй воли и настойчивости, чтобы довести дѣло до благополучнаго конца. Дѣятельныхъ помощниковъ себѣ онъ нашелъ прежде всего въ родномъ братѣ, вел. князѣ Константинѣ Николаевичѣ («онъ мой первый помощникъ въ крестьянскомъ дѣлѣ», говорилъ про него имп. Александръ) и въ теткѣ, вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ (женѣ вел. князя Михаила Павловича, младшаго брата имп. Николая I), женщинѣ просвѣщеннаго ума и широкаго образованія. Во главѣ всей работы стояли: Я. И. Ростовцевъ, пользовавшійся личнымъ довѣріемъ и дружбою государя; министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской, Н. А. Милютинъ, Я. П. Соловьевъ, при дѣятельномъ участіи выдающихся лицъ изъ общества (Ю. Ѳ. Самаринъ, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ и др.). Не послѣдняя роль въ крестьянской реформѣ принадлежала и Герцену, который въ это время (съ 1857 года) издавалъ за границею свой знаменитый «Колоколъ». Къ его голосу прислушивалось не только общество, но и само правительство.

А. Главные моменты въ ходѣ работъ по крестьянской реформѣ.

1. Въ рѣчи, обращенной къ московскимъ дворянамъ, имп. Александръ впервые далъ ясно понять, что намѣренъ уничтожить крѣпостное право: «Я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ; но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу» (1856, 30 марта).

Со временъ имп. Екатерины II Россія еще не слышала столь мудрыхъ словъ: это была цѣлая государственная программа, не только программа въ примѣненіи къ одному крестьянскому вопросу. Своимъ обращеніемъ къ дворянамъ имп. Александръ II какъ бы заявлялъ: «не слѣдуетъ дожидаться, пока разразится гроза: ее надо предупредить громоотводомъ; не слѣдуетъ допускать, чтобы у насъ насильно вырвали согласіе: необходимо брать инціативу въ свои руки, самимъ идти на встрѣчу обществу, если потребность въ перемѣнѣ стала для него настоятельною и всеобщею; въ жизни государства нѣтъ ничего «вѣчнаго» и «незыблемаго»: жизнь есть постоянное обновленіе; смѣняются поколѣнія, а съ ними мѣняются и формы, условія, сами цѣли человѣческой жизни; мудрость правительства въ томъ, чтобы угадать моментъ, когда реформа настолько назрѣла, что откладывать ее значило бы или вызвать движеніе снизу (революцію), или задержать естественный ростъ государственнаго организма, который вслѣдствіе этого неизбѣжно захирѣетъ и потеряетъ свои жизненные соки».

2. Государю хотѣлось, чтобы иниціатива шла не отъ правительства, а отъ самихъ дворянъ, но тѣ оставались глухи къ его пожеланіямъ. Первую поддержку нашелъ онъ въ вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, рѣшившей отпустить на волю 15000 чел. крестьянъ, жившихъ въ ея обширномъ помѣстьѣ Полтавской губ. (12 селъ и деревень подъ общимъ названіемъ «Карловка»), предоставивъ имъ на выкупъ часть состоящей въ ихъ пользованіи земли. «Проницательнымъ умомъ своимъ она понимала, что освобожденіе 15 тысячъ душъ съ землею, сдѣланное русской великою княгинею и старѣйшимъ членомъ императорскаго дома, будетъ въ нашей внутренней жизни событіемъ первостепенной важности, послѣдствія котораго, въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія и подражанія, могутъ быть огромны. Карловка была въ ея рукахъ будильникомъ, дававшимъ возможность время отъ времени напоминать о необходимости освобожденія и двигать съ своей стороны это дѣло. Такъ былъ положенъ первый камень къ практическому осуществленію освобожденія крестьянъ» (Кони).

3. Инертность дворянства побудила правительство учредить (1857, 3 янв.) Секретный комитетъ изъ высшихъ сановниковъ для подготовительной работы; но члены Комитета, оказалось, не раздѣляли мыслей государя, считая освобожденіе крестьянъ преждевременнымъ, опаснымъ, и потому тормозили дѣло. Одновременно крестьянскій вопросъ сталъ разрабатываться и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (министръ Ланской; его товарищъ Левшинъ, Милютинъ, Соловьевъ): остановились на мысли освободить крестьянъ, признавъ за помѣщиками право собственности на землю, а за крестьянами право пользованія ею (записка 26 іюля 1857 г.).

4. Дворяне сѣверо-западныхъ губерній (Вильно, Ковно, Гродно) первые среди русскихъ дворянъ сдвинули дѣло съ мертвой точки, проявивъ въ немъ, какъ того желалъ государь, иниціативу: они заявили о желаніи дать свободу своимъ крестьянамъ, однако безъ земли. На послѣднее имп. Александръ не согласился и, въ отвѣтъ, рескриптомъ на имя генералъ-губернатора Назимова (1857, 20 ноября), предписалъ открыть въ Сѣверозападномъ краѣ губернскіе комитеты, предначертавъ основанія, изъ которыхъ надлежало исходить въ осуществленіи реформы: а) за помѣщиками признавалось право собственности на землю; б) за крестьянами — право пріобрѣсти, за денежный выкупъ, свою усадебную осѣдлость; в) въ уплату за оброкъ или барщину помѣщикъ обязывался надѣлить своего крестьянина, въ пользованіе, необходимымъ ему количествомъ земли.

Рескриптъ государя говорилъ пока только объ «у л у ч ш е н і и б ы т а к р е с т ь я н ъ», но въ пояснительной къ нему бумагѣ министра Ланского указывалось, что подъ этими словами слѣдуетъ понимать о с в о б о ж д е н і е отъ крѣпостной зависимости. По настоянію вел. князя Константина Николаевича, Секретный комитетъ постановилъ разослать и рескриптъ, и министерское поясненіе не только въ сѣверозападныя губерніи, но вообще всѣмъ губернаторамъ для свѣдѣнія и соображенія. Эта мѣра сильно двинула впередъ дѣло освобожденія — она явилась своего рода призывомъ правительства ко всему русскому дворянству послѣдовать примѣру дворянства литовскаго. Большинство Комитета (по убѣжденію крѣпостники) на другой же день поняло великое значеніе этого шага и хотѣло испросить у государя разрѣшеніе пріостановить разсылку рескрипта; но было уже поздно: Ланской и его вдохновитель, Н. А. Милютинъ, распорядились немедленно въ ту же ночь отпечатать обѣ бумаги, и уже 21 ноября онѣ были сданы на почту.

5. Съ такимъ же рескриптомъ, какъ къ дворянамъ литовскихъ губерній, Александръ II обратился къ дворянамъ петербургскимъ (1857, 5 дек.) и на пріемѣ (9 дек.) сказалъ имъ:

«медлить долѣе нельзя; моя непремѣнная воля, чтобъ это было исполнено».

6. На царскій призывъ первымъ откликнулось нижегородское дворянство (1857, 17 дек.), за нимъ московское (1858, 7 янв.). Имп. Александръ воспользовался своею поѣздкою по Россіи (Вологда, Тверь, Кострома, Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Москва: 1858, іюнь, августъ, сентябрь), чтобы самымъ настоятельнымъ образомъ пропагандировать среди дворянъ идею освобожденія. Повсюду стали образовываться губернскіе комитеты (всего 48), для выработки проектовъ новаго положенія о крестьянахъ.

7. Вмѣсто Секретнаго комитета былъ учрежденъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и подъ предсѣдательствомъ государя «Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи» (1858, 8 янв.).

8. Годъ спустя (1859, 4 февр.) образовано двѣ редакціонныхъ комиссіи для составленія: одна — общихъ, другая — мѣстныхъ положеній, на основаніи матеріала, собраннаго губернскими комитетами, — обѣ комиссіи подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ Я. И. Ростовцева (наиболѣе выдающіеся члены этихъ комиссій: Соловьевъ, Милютинъ, М. Н. Любощинскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь Б. А. Черкасскій, П. П. Семеновъ).

9. Въ сентябрѣ 1859 г. въ Петербургѣ съѣхались депутаты отъ губернскихъ комитетовъ для детальнаго обсужденія вопроса и для примиренія разногласій, возникшихъ на мѣстѣ, въ губерніяхъ. Однако противорѣчіе во взглядахъ проявилось въ столицѣ еще рѣзче. Одни отстаивали необходимость, освобождая крестьянъ, надѣлить ихъ землею не въ условное пользованіе, а въ полную собственность, и притомъ считали необходимымъ одновременно ввести судъ присяжныхъ, независимый отъ администраціи, съ гласнымъ судопроизводствомъ; другіе же пугали государя, будто служилое чиновничество (бюрократія), изъ антагонизма къ дворянству, втайнѣ намѣревается ввести въ Россію конституцію по западному образцу. Были сторонники созданія въ Россіи крупной земельной аристократіи на подобіе англійской, съ предоставленіемъ ей вотчинныхъ правъ (сельская полиція). Значительное число помѣщиковъ, желая удержать землю въ своихъ рукахъ, соглашалось на передачу ея въ пользованіе, но только на короткій срокъ. Большинство губернскихъ депутатовъ было недовольно Главнымъ комитетомъ: по ихъ мнѣнію, размѣръ надѣла онъ опредѣлялъ слишкомъ высокій, а денежный выкупъ слишкомъ низкій.

10. По смерти Ростовцева (1860, 5 февр.), руководство выработкою реформы перешло къ министру юстиціи, графу В. Н. Панину. Онъ не сочувствовалъ освобожденію; пытался, насколько могъ, сойти съ направленія, котораго держался Ростовцевъ, но главныя основанія реформы были уже окончательно установлены и измѣнить ихъ не представлялось возможнымъ.

11. Редакціонныя комиссіи закончили свои работы (кодификацію своихъ трудовъ) и были закрыты (1860, 10 окт.).

12. Въ день своего восшествія на престолъ, въ шестую годовщину (1861, 19 февр.), имп. Александръ подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а черезъ 2 недѣли, 5 марта, манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ во всеобщее свѣдѣніе.

Б. Основанія крестьянской реформы.

1. Крестьяне получали личную свободу, становились такими же гражданами, какъ и всѣ остальные классы населенія.

2. Земля, на которой они передъ тѣмъ жили и которую обрабатывали, признана собственностью помѣщиковъ.

3. Помѣщики обязывались предоставить эту землю крестьянамъ въ ихъ пользованіе, а именно: а) оставить за ними ихъ усадебную осѣдлость (жилое помѣщеніе, надворныя постройки, выгонъ, гумно, огороды, коноплянники) и б) нарѣзать имъ нѣкоторое количество земли, такъ называемый полевой надѣлъ. За право пользованія крестьянинъ платилъ помѣщику деньгами или работой.

4. Размѣръ крестьянскаго надѣла опредѣлялся въ зависимости отъ качества земли, отъ числа крестьянъ, жившихъ на помѣщичьей землѣ, и отъ того, сколько было земли у самого помѣщика; въ разныхъ губерніяхъ онъ былъ неодинаковый и колебался отъ 1, 3, 6 десятинъ, до 8, 10, 12 дес. на душу: въ черноземныхъ меньше, въ нечерноземныхъ больше. Размѣръ вознагражденія опредѣлялся закономъ.

5. Усадебную осѣдлость крестьянинъ имѣлъ право выкупить по цѣнѣ, установляемой тоже закономъ; выкупъ зависѣлъ отъ его воли и матеріальныхъ средствъ (помѣщикъ въ этомъ случаѣ обязанъ былъ принять выкупъ); зато выкупъ земельныхъ угодій (полевого надѣла) зависѣлъ всецѣло отъ согласія помѣщика, и становился для крестьянина обязательнымъ, если помѣщикъ желалъ его.

6. Крестьяне, за рѣдкимъ исключеніемъ, не могли, выкупая свой надѣлъ, сразу выплатить за него, — выплату брало на себя правительство: оно выдавало помѣщикамъ процентныя бумаги на соотвѣтственную сумму, а съ крестьянъ выбирало ихъ долгъ постепенно, разсрочивъ его на 49 лѣтъ (т. наз. выкупная операція).

7. Помѣщикъ могъ предупредить выкупъ, предоставивъ крестьянину надѣлъ даромъ, и въ этомъ случаѣ въ размѣрѣ значительно меньшемъ, чѣмъ надѣлъ нормальный. Добровольно отказываясь отъ платы, помѣщикъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что обезпечивалъ за собою навсегда разницу между даровымъ и нормальнымъ надѣломъ, что́, особенно въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ цѣнность земли была высокая, представляло немалую выгоду, и многіе помѣщики воспользовались этимъ правомъ. Выгадывалъ крестьянинъ, получая землю даромъ, но временно: ничтожность надѣла (не даромъ таковой надѣлъ получилъ названіе сиротскаго или нищенскаго), особенно съ ростомъ семьи, вскорѣ поставила его въ положеніе безземельнаго батрака.

8. Дворовые люди также получали личную свободу, но землею ихъ не надѣлили: ею они, по самому положенію своему (барская дворня), раньше и не пользовались.

9. Мелкопомѣстные помѣщики (помѣстье менѣе чѣмъ въ 75 десятинъ, а крестьянъ менѣе 21 чел.) сохраняли землю исключительно въ своемъ пользованіи и надѣлять ею крестьянъ не были обязаны: тѣ получили одну личную свободу, но безъ земли.

Освобожденіе крестьянъ создало свободный трудъ, что чрезвычайно благотворно сказалось на производительныхъ силахъ страны, — на большей ея продуктивности. Но помѣщичій классъ пострадалъ: привыкнувъ къ даровому труду, онъ не съумѣлъ примѣниться къ новымъ условіямъ; его земли стали постепенно переходить въ не-дворянскія руки: къ зажиточнымъ крестьянамъ, къ мѣщанамъ и купцамъ, къ разнаго рода промышленникамъ и предпринимателямъ. Зато въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ земля стала давать больше и государство, въ общемъ, выиграло отъ такого перехода. Русское земледѣліе, по размѣру своего производства, сдѣлало громадные успѣхи: 7 милліоновъ четвертей хлѣба, вывозимыхъ за границу въ 1856 году, чрезъ 20 лѣтъ (1876) поднялись до 25 мил.

III. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

Освобожденіе крестьянъ логически повело къ уничтоженію тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія. Прежнее законодательство отличалось большой жестокостью. При ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе въ Сибирь, преступника предварительно публично наказывали плетьми (до 100 ударовъ); при отдачѣ въ арестантскія роты сѣкли розгами; особенно безчеловѣчно было наказаніе провинившихся солдатъ, матро-

совъ и ссыльно-каторжныхъ: ихъ прогоняли сквозь строй и били шпицрутенами (иногда давали по нѣскольку сотенъ и даже тысячъ ударовъ). Нормальное число, по закону, опредѣлялось въ 6000, и хотя съ восшествіемъ на престолъ имп. Александра II, предписано было, негласно, не давать болѣе 1000 ударовъ (при Николаѣ I — не болѣе 3000), все же самый законъ оставался неизмѣненнымъ. Плеть и прогнаніе сквозь строй нерѣдко кончались смертью истязуемаго. Помимо того, каторжниковъ клеймили, вытравляя на лбу и щекахъ три буквы: К. А. Т. («каторжникъ»). Эти жестокія наказанія вытекали не только изъ жестокости нравовъ и недостатка уваженія къ человѣческой личности, но также изъ самого взгляда на наказаніе, въ которомъ видѣли средство не исправленія, а устрашенія и возмездія.

Теперь, послѣ манифеста 19 февраля, который самую отмѣну крѣпостной зависимости объяснялъ «уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ», тѣлеснымъ наказаніямъ, — этому надруганію надъ свободною личностью, не могло быть болѣе мѣста, и указомъ 17 апрѣля 1863 г. (въ день рожденія государя) они были отмѣнены. Главными дѣятелями въ проведеніи новаго закона были: князь Н. А. Орловъ (его инициатива); вел. князь Константинъ Николаевичъ; сенаторъ Д. А. Ровинскій, оберъ-прокуроръ московскихъ департаментовъ сената Н. А. Буцковскій, военный министръ Д. А. Милютинъ. Не послѣднюю роль сыграли въ этомъ дѣлѣ только-что появившіяся тогда «Записки изъ Мертваго дома» Достоевскаго, въ яркихъ краскахъ изобразившія тяжелую обстановку жизни въ каторгѣ и ссылкѣ.

Новый законъ отмѣнилъ шпицрутены, плети, кошки, наложеніе клеймъ, но временно сохранилъ розги. Это была уступка многочисленнымъ противникамъ гуманной мѣры, опасавшимся, какъ бы полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній не разнуздала низшіе слои населенія и не была понята ими, какъ потачка самому преступленію (министръ юстиціи графъ Панинъ; московскій митрополитъ Филаретъ).

Совершенно освобождены были отъ тѣлеснаго наказанія: а) женщины; б) духовныя лица и ихъ дѣти; в) учителя народныхъ школъ; д) окончившіе курсъ въ уѣздныхъ и земледѣльческихъ и, тѣмъ болѣе, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; е) крестьяне, занимающіе общественныя должности по выборамъ. Розга оставлена: а) для крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ; б) для каторжниковъ и сосланныхъ на поселеніе; в) въ видѣ временной мѣры, до устройства военныхъ тюремъ и военно-исправительныхъ ротъ, для солдатъ и матросовъ, наказанныхъ по суду.

IV. Земская реформа.

А. Особенности земскихъ учрежденій.

«Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ» (1864, 1 янв.) имѣлось въ виду замѣнить господствовавшую до тѣхъ поръ въ областныхъ учрежденіяхъ систему бюрократическаго управленія и въ царствованіе имп. Николая I получившую особенно широкое примѣненіе. Опытъ показалъ полную непригодность руководства областной жизнью по директивамъ изъ центра (изъ столицы). Потребности мѣстной жизни столь разнообразны и, сравнительно, мелочны, у каждой мѣстности эти потребности, а равно и средства для ихъ удовлетворенія зачастую столь отличны отъ потребностей и средствъ другихъ областей, что разобраться въ нихъ могутъ только мѣстные люди, близко знакомые съ ними. Русская имперія разбросалась на необъятномъ пространствѣ отъ Вислы до Тихаго океана, отъ Бѣлаго моря до персидскаго Аракса, включила въ свои предѣлы десятки губерній и областей съ разнообразнымъ климатомъ, населеніемъ, и съ большого разстоянія эти мѣстныя особенности стушевывались; изъ министерскаго окошка, очень отъ нихъ удаленнаго, зачастую ихъ совсѣмъ даже не было видно, и потому распоряженія, посылавшіяся оттуда, при всемъ добромъ желаніи исполнительныхъ органовъ, сплошь и рядомъ оказывались непрактичными или ошибочными, несоотвѣтствующими ни цѣлямъ ни средствамъ, а кромѣ того еще и запоздалыми. Условія мѣстной жизни могутъ хорошо знать только постоянные жители края; между тѣмъ чиновникъ, посылаемый въ провинцію (губернаторъ, исправникъ), въ лучшемъ случаѣ только временный гость, несвободный въ своихъ дѣйствіяхъ, заинтересованный прежде всего въ точномъ исполненіи отданныхъ ему предписаній; ему, наконецъ, прямо не усмотрѣть за всѣмъ.

Вотъ почему новое Положеніе было построено на томъ, чтобы выдѣлить дѣла исключительно областного характера, земскія, отъ государственныхъ, и передать ихъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ людей: лучше съ ними знакомые, непосредственно заинтересованные въ благополучіи своего края, они, предполагалось, легче найдутъ средства и изыщутъ способы для удовлетворенія его нуждъ.

Въ самомъ дѣлѣ, центральныя государственныя учрежденія (сенатъ, государственный совѣтъ, министерства) даютъ общія директивы, указываютъ направленіе, по какому должна идти жизнь государства во всемъ его цѣломъ; они даютъ, такъ сказать, политическій камертонъ народной жизни; поэтому мѣры, принимаемыя центральнымъ правительствомъ, всегда будутъ мѣрами общими, одинаковыми для всѣхъ частей государства. Таковы: забота о внѣшней безопасности страны (армія, флотъ,

дипломатія), охрана порядка и силы закона (органы областной власти: губернаторы; полиція); отправленіе суда (судебныя установленія); забота о свободномъ передвиженіи населенія изъ одной области въ другую (пути сообщенія: дороги желѣзныя, водныя), о предоставленіи ему возможности сноситься между собою на большихъ разстояніяхъ (почта, телеграфъ); на немъ лежитъ забота о созданіи лучшихъ условій для развитія земледѣлія, промышленности и торговли, о привлеченіи къ этому необходимыхъ силъ; оно же опредѣляетъ размѣры государственныхъ налоговъ, заботится о пополненіи государственной казны, руководитъ просвѣщеніемъ народа.

Иное дѣло земскія, мѣстныя нужды. Онѣ относятся преимущественно къ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. Таковы: предупредительныя мѣры противъ падежа скота (устройство карантинныхъ пунктовъ); охрана полей отъ вредныхъ насѣкомыхъ (кобылка, саранча) и животныхъ (сусликъ); ознакомленіе населенія съ мѣрами ихъ истребленія; забота о путяхъ сообщенія въ предѣлахъ данной округи, уѣзда или губерніи (провести ли шоссейную дорогу, не запустить грунтовую, содержать въ порядкѣ мосты черезъ рѣчки и ручейки, проложить гати, устроить паромы на перевозахъ); забота объ устройствѣ почтовыхъ конторъ тамъ, гдѣ нѣтъ правительственныхъ, для облегченія письменныхъ сношеній населенія между собою; организація взаимнаго страхованія зданій и движимаго имущества отъ пожаровъ, засѣянныхъ полей отъ градобитія или засухи; обезпеченіе народнаго продовольствія (устройство хлѣбныхъ складовъ, сѣменныхъ депо), забота о скотоводствѣ (разведеніе племенного скота, молочное дѣло), о птицеводствѣ (разведеніе птицы на продажу; вывозъ яицъ на дальніе рынки), о народномъ здравіи (устройство больницъ, вызовъ и наемъ врачей и фельдшеровъ; подача первой помощи и устройство курсовъ для обученія ей населенія; санитарная часть въ городахъ и деревняхъ); раскладка государственныхъ сборовъ, взиманіе налоговъ на мѣстныя нужды, — все это и еще многое другое въ этомъ родѣ «Положеніе» 1864 г. передало въ вѣдѣніе земства. Кромѣ такихъ чисто хозяйственныхъ заботъ ему предоставлена была забота и о духовныхъ интересахъ населенія: насажденіе образованія путемъ устройства начальныхъ школъ, изысканіе средствъ на ихъ содержаніе, подборъ преподавателей, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, самая забота о ихъ составленіи и т. п.

Б. Организація земскаго дѣла.

Въ каждомъ уѣздѣ: уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа; въ каждой губерніи: губернское земское собраніе и губернская земская управа, — тѣ и другія выборныя, на

началахъ безсословности. Правомъ выбора въ уѣздныя собранія пользуются: а) мѣстные землевладѣльцы не изъ крестьянъ; б) мѣстные крестьяне; в) жители даннаго уѣзднаго города. Уѣздная управа состоитъ изъ 6 человѣкъ, выбираемыхъ въ своей средѣ земскимъ собраніемъ. Собраніе созывается одинъ разъ въ году (за исключеніемъ экстренныхъ случаевъ, напримѣръ, для принятія мѣръ противъ голода); управа засѣдаетъ постоянно. Собраніе отдаетъ распоряженія, контролируетъ, управа приводитъ въ дѣйствіе постановленія собраній. Собраніе есть своего рода власть законодательная, управа — исполнительная. Губернскія: земское собраніе и управа построены на тѣхъ же началахъ что и уѣздныя. Уѣздныя вѣдаютъ дѣла своего уѣзда, губернскія — дѣла, касающіяся одинаково всѣхъ уѣздовъ вмѣстѣ. Предсѣдателемъ уѣзднаго собранія — уѣздный, а губернскаго - губернскій предводитель дворянства. Правительственный контроль надъ дѣйствіями земскихъ собраній и управъ сосредоточенъ въ рукахъ мѣстнаго губернатора. Первоначально земскія учрежденія были открыты въ 33 центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ Бессарабіи, въ Землѣ Войска Донского; позже они были распространены на окраины: на западныя губерніи, на Ставропольскую, Астраханскую и Оренбургскую.

V. Городская реформа.

Городская реформа аналогична реформѣ земской: какъ та создавала самоуправленіе для населенія области, уѣзда, такъ «Городовое положеніе» (1870, 16 іюня) дало населенію городовъ мѣстное самоуправленіе, съ правомъ вѣдать свое городское хозяйство и содѣйствовать развитію просвѣщенія у себя въ городахъ. Городская дума изъ выборныхъ гласныхъ соотвѣтствовала уѣздному земскому собранію, городская управа (выбранная изъ среды гласныхъ) — земской управѣ. Предоставляя городамъ устраивать свою жизнь собственными силами и средствами, правительство оставило за собой лишь право надзора, слѣдя за тѣмъ, чтобы дѣйствія думы и управы не выходили изъ рамокъ предоставленныхъ имъ правъ («губернскія по городскимъ дѣламъ присутствія»).

Городская реформа была проведена въ томъ же духѣ, какъ главныя реформы имп. Александра II. Создавая всесословное управленіе, новый законъ сближалъ отдѣльные классы городского населенія и прежней сословной розни противополагалъ общіе интересы.

VI. Судебная реформа.

Третьей капитальной реформой имп. Александра II была реформа судебная. Необходимость преобразованія стараго суда,

притомъ преобразованія коренного, была сознана въ первые же годы царствованія (работы графа Д. Н. Блудова, 1857—1860 гг.). Громадное вліяніе на весь ходъ реформы и освободительный ея характеръ оказало освобожденіе крестьянъ. Послѣ того какъ великій актъ 19 февраля возвратилъ многомилліонному населенію, «вчерашнимъ рабамъ», ихъ гражданскія права, прежній помѣщичій (вотчинный) судъ утратилъ свой смыслъ, и его надлежало замѣнить судомъ государственнымъ, справедливымъ, общимъ и одинаковымъ для всѣхъ. «Пока крѣпостное право тяготѣло хоть надъ однимъ человѣкомъ, не могло быть рѣчи о правѣ русскаго гражданина. Только съ 1861 года установлены были первые элементы правового порядка, и потому вслѣдъ за этимъ сталъ на ближайшую очередь вопросъ о разумной, раціональной организаціи независимаго суда, — первой опоры и охраны правового порядка. Геній свободы и гуманности виталъ въ то время надъ Россіей» (Джаншіевъ).

Въ 1862 году дѣло реформы изъ рукъ Блудова перешло къ государственному секретарю Буткову, который окружилъ себя опытными юристами, учеными и практиками (Буцковскій, Стояновскій, Зарудный, Побѣдоносцевъ, Ровинскій). Предварительно были выработаны «Основныя Начала» предстоящей судебной реформы и опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, чтобы вызвать всестороннее и свободное обсужденіе ихъ. Судебные уставы, выработанные Особою Комиссіею, были обнародованы 20 ноября 1864 г. и положили начало новому суду въ Россіи. Манифестъ, опубликованный по этому случаю, содержалъ въ себѣ знаменательныя слова, возвѣщая русскому народу желаніе государя «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Какія же измѣненія внесли новые Судебные Уставы и что новаго содержалъ въ себѣ новый судъ?

А. Главнѣйшія особенности новаго суда.

1. Судебная власть была отдѣлена отъ административной и законодательной и поставлена совершенно назависимо отъ той и другой.

2. Въ уголовныхъ дѣлахъ власть судебная отдѣлена отъ обвинительной (прокурорскаго надзора), чѣмъ устранялось вліяніе послѣдней на рѣшеніе судей.

3. Судъ (судоговореніе) происходилъ гласно, при открытыхъ дверяхъ, доступно для всякаго желающаго слѣдить за ходомъ дѣла.

4. Судъ происходилъ устно, путемъ непосредственнаго распроса и обмѣна мнѣній (устный допросъ обвиняемаго, свидѣтелей; рѣчи прокурора и защитника), въ присутствіи обвиняемаго (раньше судъ былъ заочный и судьи руководились лишь письменными показаніями обвиняемаго и свидѣтелей).

5. Введенъ состязательный процессъ (обвиненіе и защита; сопоставленіе и указаніе данныхъ за и противъ обвиняемаго). Съ этою цѣлью былъ учрежденъ прокурорскій надзоръ (обвинительная власть) и институтъ присяжныхъ повѣренныхъ (защита; оффиціальная адвокатура). Въ старыхъ судахъ преимущественное вниманіе суда было направлено на обвиненіе; новый судъ, милостивый, дѣлалъ все возможное, чтобы охранить интересы обвиняемаго и предоставить ему всѣ средства доказывать свою невинность или обстоятельства, смягчающія его вину. Съ этою цѣлью создана была защита (адвокатура), которой не существовало въ старыхъ судахъ.

6. Особенно важно было введеніе въ судопроизводство присяжныхъ засѣдателей. Освобожденные отъ обязанности, налагавшейся на прежнихъ судей, руководиться исключительно формальными доказательствами, они могли судить по совѣсти, по убѣжденію. Присяжные засѣдатели выбирались по жребію изъ мѣстнаго населенія, являлись выраженіемъ общественной совѣсти и лучшей гарантіей безпристрастія («гласъ народа — гласъ Божій»). Въ отмѣну прежнихъ порядковъ, судили именно они, а не судьи, которые лишь примѣняли постановленія закона согласно тому или иному приговору присяжныхъ.

7. Для устраненія давленія со стороны административныхъ органовъ, полиція, при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ, отъ участія была устранена; слѣдствіе велось особыми судебными органами — судебными слѣдователями.

8. Чтобы лучше обезпечить безпристрастіе судебнаго слѣдствія, должность судебныхъ слѣдователей была объявлена несмѣняемою; за свои дѣйствія они отвѣчали предъ однимъ лишь Сенатомъ; несмѣняемость давала имъ гарантію въ томъ, что за свое разслѣдованіе и раскрытіе истины, кому-нибудь неугодное, сами они ни въ чемъ не потерпятъ.

9. Для мелкихъ дѣлъ учреждены мировые суды (безъ участія присяжныхъ засѣдателей). Въ самомъ названіи ихъ мировыми заключалось указаніе, что назначеніе ихъ было не столько судить, сколько мирить, убѣждать противниковъ къ соглашенію. Мировой судья становился своего рода третейскимъ судьею, что̀ сдѣлало самый судъ близкимъ и доступнымъ для населенія.

Б. Судебныя учрежденія согласно судебнымъ уставамъ 1864 г.

I. Категорія мелкихъ дѣлъ (обиды, ссоры, домашнія дрязги; драка, буйство или неприличное поведеніе въ общественномъ мѣстѣ; гражданскіе иски на небольшія суммы.)

1. Низшая инстанція: Мировой судъ (для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ) и волостной судъ (для крестьянъ).

2. Высшая инстанція: Съѣздъ мировыхъ судей (одинъ на уѣздъ): сюда переносились дѣла по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ и волостныхъ судовъ.

II. Категорія крупныхъ дѣлъ (всякаго рода уголовныя преступленія: воровство, разбой, убійство, святотатство, преступленія по должности и проч.; всякаго рода дѣла гражданскія: тяжбы на сумму выше 500 рублей; споры о наслѣдствѣ, о вводѣ во владѣніе, о матеріальныхъ убыткахъ, нанесенныхъ частному лицу по жалобѣ потерпѣвшаго и проч.).

1. Низшая инстанція: Окружный судъ (одинъ на губернію); онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: уголовнаго и гражданскаго.

2. Высшая инстанція: Судебная палата (одна на нѣсколько губерній): сюда переносились дѣла по жалобамъ на рѣшенія окружныхъ судовъ.

III. Вѣнцомъ судебныхъ учрежденій являлся Сенатъ разбиравшій жалобы на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ и судебныхъ палатъ.

VII. Военная реформа.

1. По громадному воспитательному и политическому значенію, какое имѣла въ русской жизни всеобщая воинская повинность, ее слѣдуетъ поставить наряду съ великими реформами крестьянской, земской, городской и судебной. Прежняя система рекрутскихъ наборовъ въ самой основѣ своей была крайне несправедлива, такъ какъ ложилась тяжелымъ бременемъ почти исключительно на одни низшіе, притомъ бѣднѣйшіе классы населенія. Давно уже была забыта благородная мысль Петра Великаго, которую тотъ такъ заботливо старался привить созна-

нію русскихъ людей, — что военная служба есть всеобщій и священнѣйшій долгъ передъ родиной, тяжелый, да, но облагораживающій и возвышающій человѣка. Послѣ того, какъ дворянству удалось освободить себя отъ этой повинности, она всецѣло легла на плечи податныхъ сословій (крестьянство, купеческій классъ, мѣщане-ремесленники, разночинцы), причемъ люди состоятельные могли откупаться отъ рекрутчины, внося за себя денежный выкупъ или выставляя за себя «охотника», который продавался за деньги, чаще всего съ тѣмъ, чтобы поддержать бѣдствующую родню. Эта система выкупа привела къ тому, что изъ 25 милліоновъ, подлежащихъ рекрутчинѣ, 5 милл. освобождались отъ нея, — тѣмъ, поэтому, труднѣе приходилось остальнымъ двадцати.

Рекрутъ служилъ солдатомъ почти пожизненно (25 лѣтъ), во всякомъ случаѣ отдавалъ военной службѣ лучшіе свои годы и силы. Суровая дисциплина въ войскахъ, жестокія наказанія, полная безотвѣтственность передъ начальствомъ, зачастую грубымъ, малообразованнымъ и несправедливымъ, превратила военную службу въ настоящую «каторгу», тяжелое наказаніе. Рекрутчина отрывала человѣка отъ семьи, отъ общества и возвращала обратно въ родную ему среду по большей части уже хилымъ, съ надломленными силами, настоящимъ инвалидомъ и безполезнымъ членомъ общества. Высокое званіе солдата, воина, защитника Родины, было настолько принижено, что выраженіе «отдать въ солдаты» стало равносильнымъ другому выраженію: «наказать, какъ тяжкаго преступника». Въ самомъ законѣ объ уголовныхъ преступленіяхъ отдача въ солдаты была приравнена къ ссылкѣ въ Сибирь или заключенію въ арестанскія роты. Вотъ почему въ дни рекрутскихъ наборовъ русская деревня и городъ оглашались рыданіями матерей и женъ, провожавшихъ своихъ сыновей и мужей; раздавались повсюду причитанія, лились горькія слезы, происходили раздирающія душу сцены: пойти въ солдаты — значило почти то же, что быть заживо погребеннымъ. Страшила не смерть на войнѣ — русскій простолюдинъ встрѣчалъ ее спокойно, одинаково и на полѣ брани, и въ своей избѣ, — но 25-тилѣтняя лямка, непрерывныя физическія страданія и тяготы, и, еще болѣе, полная утрата личности, такъ какъ военная служба въ прежнее время была такимъ же закрѣпощеніемъ, только еще болѣе тяжкимъ, чѣмъ то, отъ котораго страдалъ русскій мужикъ подъ властью помѣщика.

2. Гуманный духъ, какимъ былъ проникнутъ великій актъ 19 февраля, не могъ не отразиться на устарѣлыхъ началахъ несенія рекрутской повинности; освобождая крестьянина отъ личной зависимости, превращая его въ равноправнаго гражданина, нельзя было оставлять его на прежнемъ положеніи обездоленной паріи. Самая повинность военная изъ сословной должна была стать всеобщею, одинаковою для всѣхъ клас-

совъ населенія. Наряду съ безсословнымъ земствомъ, съ безсословнымъ судомъ, и арміи надлежало превратиться въ безсословную — это и было достигнуто реформою 1874 года (манифестъ 1 января). Срокъ дѣйствительной службы (въ строю) сразу понизился съ 25 до 6 лѣтъ; денежный выкупъ или наемъ за себя охотника сталъ теперь болѣе невозможенъ, равно и отдача въ солдаты за преступленія. Тяжелый трудъ выработки новаго закона и проведеніе его въ жизнь выпали на долю военнаго министра Дм. Ал. Милютина, одного изъ наиболѣе свѣтлыхъ сотрудниковъ имп. Александра II. Дѣятельную поддержку Милютину въ этомъ дѣлѣ оказалъ своимъ авторитетомъ и высокимъ положеніемъ вел. князь Константинъ Николаевичъ.

Мысль о созданіи арміи на новыхъ началахъ стала складываться еще съ 1862 года, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только-что состоявшагося освобожденія крестьянъ; но, подобно крестьянской, и реформѣ военной пришлось преодолѣвать не мало препятствій, прежде чѣмъ удалось осуществить ее. Однимъ (преимущественно дворянской средѣ) казалось унизительнымъ очутиться на одной ногѣ съ «простымъ мужикомъ», другіе — люди съ большими средствами, преимущественно изъ купеческаго класса — готовы были идти на большія матеріальныя жертвы, лишь бы сохранить за собою прежнее право выкупа. Реформа тормозилась, пока внѣшнія обстоятельства не дали ей благодѣтельнаго толчка. Въ 1870 году прусская армія, построенная на началахъ всеобщей воинской повинности, разгромила французскую, гордую традиціями наполеоновской эпохи, но набиравшуюся путемъ рекрутскихъ наборовъ. Этотъ разгромъ наглядно убѣдилъ, что реформа русскаго войска необходима не только по чувству справедливости, но и по соображеніямъ чисто техническимъ, военнымъ.

3. Характерной особенностью «Устава о воинской повинности» — его уваженіе и забота о насажденіи и укрѣпленіи просвѣщенія. Творцы этого Устава были проникнуты убѣжденіемъ, что школа и образованіе народное есть одна изъ настоятельнѣйшихъ потребностей времени; вслѣдствіе этого учащимся предоставлены были большія льготы: имъ отсрачивался срокъ призыва и давалось необходимое время для окончанія своего образованія. Съ другой стороны Уставъ укоротилъ самый срокъ службы въ зависимости отъ степени образованія призываемаго, что для многихъ являлось могучимъ стимуломъ для прохожденія школы и пополненія своихъ знаній. Всѣ, безъ различія классовъ, достигши 20 лѣтъ, призывного возраста, вынимали жребій, кому поступить въ дѣйствительную службу, въ строй, кому — въ ополченіе. Неграмотные, вообще не прошедшіе никакой школы, числились въ строю 6 лѣтъ, а потомъ переходили на 9 лѣтъ въ запасъ; для кончившихъ городскую школу шести-

лѣтній срокъ понижался до 4-хъ, для кончившихъ гимназію — до 2 лѣтъ, а студенты высшихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, служили въ строю всего одинъ годъ. Вовсе избавленъ былъ отъ строевой службы и прямо переходилъ въ запасъ педагогическій персоналъ среднихъ и высшихъ заведеній (учителя; профессора).

4. Человѣкъ съ разностороннимъ образованіемъ, убѣжденный защитникъ либеральныхъ началъ, положенныхъ имп. Александромъ въ основу своихъ великихъ реформъ, Милютинъ не ограничился простой замѣной порядковъ: онъ озаботился также тѣмъ, чтобы поднять солдата въ его собственныхъ глазахъ, превратить прежнюю ходячую машину, слѣпого исполнителя чужихъ приказаній въ разумное существо, отдающее себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При Николаѣ Павловичѣ главное, почти исключительное вниманіе обращали на внѣшнюю выправку солдата, на чистоту ружейныхъ пріемовъ, и верхъ совершенства видѣли въ равненіи кавалерійскаго фронта, въ способности цѣлыхъ шеренгъ вытягиваться, при церемоніальномъ маршѣ, какъ струны — Милютинъ свое вниманіе обратилъ на другую сторону. По его мысли, въ арміи были созданы элементарныя школы для солдатъ, улучшена медицинская и санитарная часть, помѣщеніе, пища. Много было сдѣлано и для поднятія образовательнаго уровня офицеровъ. Сообразно современнымъ требованіямъ педагогики, фронтовыя занятія, какъ не соотвѣтствующія возрасту воспитанниковъ, прекращены; на первый планъ было выдвинуто общее образованіе (военныя гимназіи). Особые педагогическіе курсы и учительская военная семинарія готовили преподавателей; пять академій: Генеральнаго Штаба, Инженерная, Артиллерійская, Военно-Медицинская и Военно-Юридическая готовили офицеровъ съ высшимъ образованіемъ (университетскимъ), а военныя училища: Артиллерійское, Инженерное, Военно-Топографическое, Павловское, Константиновское, Александровское (первыя въ Петербургѣ, послѣднее въ Москвѣ) давали знанія по спеціальнымъ отраслямъ военнаго искусства.

VIII. Великія реформы. Итоги.

1. Указанныя выше пять реформъ: Крестьянская, Земская, Судебная, Городская и Военная, вмѣстѣ съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній, составляютъ неотъемлемую славу и гордость царствованія имп. Александра II. 19-е февраля превратило безправнаго раба въ равноправнаго гражданина, сдѣлало возможнымъ воспитаніе всѣхъ классовъ обширной имперіи въ сознаніи общихъ національныхъ интересовъ. Если благо Родины еще не стало одинаково близкимъ и дорогимъ для всѣхъ безъ различія,

все же съ этой поры открылась возможность такого представленія въ будущемъ. Самое понятіе: русская нація раньше можно было принимать лишь условно и съ оговоркой; теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ, препятствія къ тому исчезли. «Крестьянская реформа, несмотря на всѣ ея несовершенства, была колоссальнымъ шагомъ впередъ; она являлась и крупнѣйшей заслугой самого Александра, въ годы ея разработки выдержавшаго съ честью натискъ крѣпостническихъ и реакціонныхъ стремленій и обнаружившаго при этомъ такую твердость, на которую лица, его окружавшія, повидимому, не расчитывали» (Корниловъ). «Съ мудрой рѣшительностью слѣдуя указаніямъ времени, имп. Александръ покинулъ традиціонный путь обсужденія реформы въ секретныхъ комитетахъ и призвалъ само общество къ разработкѣ намѣченнаго преобразованія, а затѣмъ, зорко слѣдя за ходомъ реформаціонныхъ работъ, съ чрезвычайнымъ тактомъ выбиралъ время и внѣшнія формы для заявленія своихъ личныхъ взглядовъ на ту или другую сторону крестьянскаго дѣла. Если искусство править состоитъ въ умѣніи вѣрно опредѣлять назрѣвшія потребности данной эпохи, открывать свободный выходъ таящимся въ обществѣ жизнеспособнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ, съ высоты мудраго безпристрастія умиротворить взаимно враждебныя партіи силою разумныхъ соглашеній, — то нельзя не признать, что имп. Александръ Николаевичъ вѣрно понялъ сущность своего призванія въ достопамятные (1855—1861) годы своего царствованія. Онъ твердо выдержалъ свой постъ на «кормѣ родного корабля» въ эти трудные годы его плаванія, по праву заслуживъ пріобщеніе къ своему имени завиднаго эпитета «Освободителя» (Кизеветтеръ).

2. Безсословное земство и безсословный городъ, привлекая разные классы населенія къ общей работѣ на общую пользу, значительно содѣйствовали скрѣпленію отдѣльныхъ группъ и общественныхъ классовъ въ единое государственное тѣло, гдѣ «одинъ за всѣхъ, а всѣ за одного». Въ этомъ отношеніи земская и городская реформы явились такимъ же великимъ національнымъ дѣломъ, какъ и реформа крестьянская. Онѣ положили конецъ преобладанію дворянства, демократизировали русское общество, привлекли къ общей работѣ на пользу государства новые и болѣе разнообразные слои общества.

3. Судебная реформа, въ свою очередь, имѣла громадное культурное значеніе въ русской жизни. Поставленный независимо отъ внѣшнихъ и случайныхъ вліяній; пользуясь общественнымъ довѣріемъ; обезпечивая населеніе въ справедливомъ пользованіи его правами; ограждая эти права или возстановляя ихъ въ случаѣ нарушенія, — новый судъ воспитывалъ русское общество въ уваженіи къ закону, къ личности и интересамъ ближняго, возвышалъ человѣка въ собственныхъ глазахъ, служилъ сдер-

живающимъ началомъ одинаково какъ для властвующихъ, такъ и для подчиненныхъ.

4. Военная реформа, нераздѣльно связанная съ именемъ Милютина, вся проникнута духомъ освобожденія и гуманности. Она дополнила собою другія великія реформы и совмѣстно съ ними создала изъ царствованія Александра II новую эпоху въ русской исторіи.

5. То же можно сказать и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Указъ 17 апрѣля 1863 г. имѣлъ громадное воспитательное значеніе, такъ какъ старая плеть и шпицрутены пріучали людей къ жестокости, дѣлали ихъ безучастными къ чужому страданію; кулачная расправа и наказаніе розгами, зачастую произвольное, принижало личность человѣка, однихъ озлобляло, а другихъ, наоборотъ, лишало чувства собственнаго достоинства.

6. Императору Александру II по справедливости усвоено прозваніе Царя-Освободителя: онъ освободилъ не только крестьянъ, но вообще личность русскаго человѣка, поставилъ ее въ условія самостоятельнаго существованія и развитія. Раньше личность была подавлена и поглощена: въ наиболѣе отдаленныя времена — родовымъ бытомъ, позже — государствомъ, которому должна была служить, для котораго должна была существовать. Теперь государство перестаетъ быть цѣлью, оно само превращается въ служебный органъ, въ средство для свободнаго развитія личности и удовлетворенія его матеріальныхъ и духовныхъ запросовъ.

IX. Правительственная дѣятельность въ другихъ областяхъ государственной и общественной жизни.

Таковы были реформы имп. Александра II, — шесть великихъ законодательныхъ актовъ: отмѣна крѣпостного права, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, земское самоуправленіе, самоуправленіе городское, гласный и милостивый судъ, переустройство арміи, превратившее прежнюю подневольную массу рабовъ въ стройные полки, воодушевленные сознаніемъ своего священнаго долга, который предстоитъ имъ выполнить передъ родиной. Эти реформы совершенно заново перестроили жизнь русскаго народа, создали новыя отношенія между общественными классами, внесли новыя представленія о взаимоотношеніяхъ между обществомъ и государствомъ. Отношенія эти строились на началахъ свободы и демократизма и выдѣлили царствованіе имп. Александра II, какъ новую эпоху въ русской жизни.

Но сказаннымъ собственно преобразовательная дѣятельность Царя-Освободителя еще не исчерпывается. Тотъ же

духъ свободы и раскрѣпощенія можно отмѣтить и въ другихъ мѣропріятіяхъ, хотя не во всѣхъ въ такой же степени и съ такой же послѣдовательностью.

А. Крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

Польскіе крестьяне, въ противоположность русскимъ, при воцареніи Александра II, не были крѣпостными; они пользовались (съ 1807 г.) личной свободой, зато находились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, такъ какъ законъ не признавалъ за ними никакихъ правъ на землю, на которой они сидѣли; къ тому же помѣщики пользовались т. называемымъ вотчиннымъ правомъ, т. е. могли судить крестьянъ за мелкіе проступки, приговаривать къ аресту, къ розгамъ, наряжать, въ наказаніе, на общественныя работы. Такимъ образомъ экономическая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ соединялась съ юридическою. Указы 19 февраля 1864 г. существенно измѣнили такое положеніе:

1. Земля, на которой жили крестьяне и которую они обрабатывали, перешла въ ихъ полную собственность, что̀ дѣлало выкупъ земли обязательнымъ для помѣщиковъ.

2. Уплату помѣщикамъ за отходящія отъ нихъ земли взяло на себя правительство.

3. Крестьяне, ближайшіе по мѣсту жительства, образовали сельскую волость («гмину») на началахъ самоуправленія, съ полнымъ прекращеніемъ вотчинныхъ (юридическихъ) правъ помѣщика (раньше помѣщикъ, напримѣръ, былъ наслѣдственнымъ войтомъ, т. е. старостою, предсѣдателемъ крестьянской гмины и, слѣдовательно, не только вѣдалъ всѣ дѣла ея, но имѣлъ полную возможность давать имъ угодное ему направленіе — теперь войтъ избирался крестьянами изъ своей собственной среды).

4. Крестьяне получили землю въ личную собственность; такимъ образомъ польская гмина стала автономною волостью, но не общиною, какъ въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ Имперіи (въ великорусскихъ деревняхъ).

По сравненію съ реформою 19 февраля 1861 г., реформа 19 февраля 1864 г. гораздо радикальнѣе: она поставила польскихъ крестьянъ въ значительно лучшія условія, чѣмъ крестьянъ коренныхъ русскихъ губерній: польскіе крестьяне съ перваго же дня стали собственниками; землю получили они даромъ; въ отношеніяхъ къ помѣщикамъ (мѣстному дворянскому классу) для нихъ наступила полная независимость. Эти обширныя льготы, вытекая изъ соображеній экономической пользы, изъ духа гуманности, вообще характеризующаго всѣ дѣйствія Александрова царствованія, подсказаны были еще и мотивами полити-

ческими: послѣ недавняго возстанія поляковъ, вызваннаго и поддержаннаго главнымъ образомъ дворянскимъ элементомъ, правительство сочло полезнымъ, въ предстоящемъ ему трудномъ дѣлѣ возстановленія и укрѣпленія своей власти въ краѣ, только что пережившемъ бурю революціонныхъ потрясеній, опереться главнымъ образомъ на народную массу, и потому спѣшило пойти на встрѣчу его нуждамъ и желаніямъ. Главными дѣятелями по выработкѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ были: Н. А. Милютинъ (братъ министра) и его ближайшіе сотрудники, Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій.

Б. Народное образованіе.

Не оставило правительство безъ вниманія и народнаго образованія. Въ духѣ времени и въ согласіи съ общимъ направленіемъ, какого оно держалось въ своихъ мѣропріятіяхъ, оно придало ему такой же просвѣтительный и освободительный характеръ, хотя далеко не съ надлежащей полнотой и послѣдовательностью.

1. Въ 1858 г. при университетахъ открыты были педагогическіе курсы для подготовки преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Снова возобновилась посылка за границу лучшихъ студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ и желавшихъ посвятить себя наукѣ, для подготовки къ профессорской каѳедрѣ.

2. Была сдѣлана попытка просвѣтить и темную массу: безграмотнаго или полуграмотнаго простолюдина, которому уже не подъ силу было проходить систематическую школу наравнѣ съ малолѣтними, и который могъ только урывками, въ свободные отъ работы часы, «засѣсть за книжку» и тѣмъ не менѣе нуждался въ расширеніи своего умственнаго горизонта. Съ этою цѣлью въ 1860 г. возникли въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ т. наз. воскресныя школы для взрослыхъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, вообще для рабочаго класса. Учителями въ этихъ школахъ были, добровольцами, люди разнаго званія и состоянія, педагоги по призванію, но не педагоги по профессіи: офицеры, литераторы, студенты, гимназисты. Эти школы однако продержались недолго: въ своихъ бесѣдахъ и толкованіяхъ воскресные учителя не всегда оставались въ предѣлахъ одной «грамотности», и правительство мало по малу закрыло ихъ.

3. Большой шагъ впередъ въ царствованіе имп. Александра II сдѣлало женское образованіе. Раньше оно было доступно для дѣвушки лишь въ институтахъ, въ закрытыхъ заведеніяхъ, обыкновенно съ сословнымъ подраздѣленіемъ на отдѣленія «дворянское» и «мѣщанское». Съ 1858 года стали открываться женскія гимназіи, для всѣхъ сословій, и исключительно для прихо-

дящихъ. Однѣ изъ гимназій состояли въ вѣдомствѣ имп. Маріи (т. наз. «Маріинскія»), другія — въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія («министерскія»). Освободительный духъ проникъ и въ институты: воспитанницъ стали отпускать на каникулы домой, въ родную семью, тогда какъ раньше, однажды переступивъ порогъ института, онѣ оставались тамъ на положеніи заключенныхъ вплоть до окончанія курса.

4. Въ частности, царствованіе Александра II положило прочное основаніе высшему образованію женщины.

а) Первоначально, по мысли военнаго министра Милютина, были учреждены въ Петербургѣ, при Медицинской академіи, Женскіе Врачебные курсы (1872); постепенно расширяясь, ихъ программа вскорѣ доведена была до уровня университетскаго.

б) По мысли Н. А. Вышнеградскаго, организовавшаго первыя женскія гимназіи, открыты Педагогическіе Женскіе курсы, съ словеснымъ и математическимъ отдѣленіями (1863), позже (1893) преобразованныя въ Женскій Педагогическій институтъ съ расширенной программой.

в) Подготовительною стадіею къ высшему образованію служили курсы, въ цѣляхъ восполнить пробѣлы средней школы. Таковы были: Аларчинскіе курсы въ Петербургѣ (1863) и Лубянскіе въ Москвѣ (1863).

г) Съ болѣе широкой программою (университетскою по естественнымъ и словеснымъ предметамъ) явились Владимірскіе курсы въ Петербургѣ и Публичные курсы въ Кіевѣ (тѣ и другіе съ 1870 г.).

д) Вполнѣ на уровнѣ университетскаго преподаванія стали: Высшіе Женскіе курсы, основанные проф. Герье въ Москвѣ (1872), въ Казани — проф. Сорокинымъ (1876), въ Петербургѣ — проф. Бестужевымъ-Рюминымъ (т. наз. Бестужевскіе курсы; 1878): первые — по предметамъ историко-филологическаго факультета, остальные, кромѣ того, также и физико-математическаго.

е) Существованіе въ Москвѣ одного только историко-филологическаго факультета («курсы Герье») повело къ преобразованію Лубянскихъ курсовъ въ физико-математическій факультетъ; но фактически они открылись уже въ новое царствованіе (1882).

Характерной особенностью высшаго женскаго образованія было то, что, за немногими исключеніями (Врачебные и Педагогическіе курсы), оно обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ общественной иниціативѣ, главнымъ образомъ самимъ же женщинамъ. Дѣятельно пропагандируя въ русскомъ обществѣ мысль о необходимости поднять женское образованіе и поставить его на одинъ уровень съ мужскимъ, онѣ приложили много самоотверженнаго труда, чтобы организовать самое дѣло,

изыскать необходимыя денежныя средства и матеріально обезпечить неимущихъ слушательницъ (Е. И. Конради, А. П. Философова, Н. В. Стасова, В. П. Тарновская и мн. др.).

5. Новый университетскій уставъ (1863, 18 іюня) даровалъ профессорской коллегіи самоуправленіе: ей передано было завѣдываніе университетомъ, хозяйственныя дѣла, судъ надъ проступками студентовъ, право самостоятельно выбирать преподавателей для заполненія пустующихъ каѳедръ (за министерствомъ оставлено право лишь утверждать или отказать въ признаніи); увеличено число каѳедръ и бюджетъ университетовъ (реформа министра Головнина). Въ частности, основано два новыхъ университета въ Одессѣ («Новороссійскій») и въ Варшавѣ, преобразованныхъ: первый изъ Ришельевскаго лицея (1864), второй изъ Главной Школы (1869). Университетами, но не въ полномъ объемѣ (съ однимъ только факультетомъ) можно назвать два историко-филологическихъ института: въ Петербургѣ (1867) и въ Нѣжинѣ (1874; преобразованъ изъ Лицея князя Безбородка), и юридическій Лицей въ Ярославлѣ (1874; раньше: Демидовскій Лицей).

6. Въ 1864 г., въ министерство Головнина, создано было два типа гимназій: классическія и реальныя, — тѣ и другія, одинаково на положеніи общеобразовательныхъ. Въ основу первыхъ было положено знаніе гуманитарныхъ наукъ, результаты творческой мысли человѣка; въ основу другихъ — науки естественныя, ознакомленіе съ внѣшнимъ міромъ — природой во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Однако 7 лѣтъ спустя средняя школа подверглась коренному переустройству: реальныя гимназіи превращены въ реальныя училища; прежній самостоятельный характеръ школы, которая учитъ и образовываетъ, былъ у нихъ отнятъ, и онѣ превращены въ простое подспорье и подготовительную ступень къ усвоенію спеціальныхъ техническихъ знаній; общеобразовательное значеніе было признано лишь за классическими гимназіями (онѣ давали право поступать въ университеты). Это т. наз. реформа графа Толстого (уставъ гимназій 30 іюля 1871 г.). Возлагавшихся на нее надеждъ она не оправдала. Сознательно устранивъ учащееся поколѣніе отъ «реальнаго» образованія, руководители средней школы не многаго достигли и въ области «классическаго». Программа проводилась неумѣло, «казеннымъ» способомъ; знакомство съ «классическимъ» міромъ свелось къ усвоенію трудныхъ грамматическихъ правилъ и многочисленныхъ «исключеній» въ правилахъ латинскаго и греческаго языка; самое же цѣнное въ этой программѣ — духовныя сокровища древне-греческаго и римскаго ума остались доступны лишь избраннымъ. Средство превратилось въ цѣль и лишь породило въ обществѣ враждебное отношеніе къ «классицизму», чего тотъ, конечно, не заслуживалъ.

7. Большіе успѣхи сдѣлало начальное образованіе. Съ изданіемъ «Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ» (1864, 14 іюля) число школъ стало быстро рости; много сдѣлали на пользу просвѣщенія новооткрытыя земства. Выдающіеся педагоги (Пироговъ, Ушинскій, Левъ Толстой, Стоюнинъ, баронъ Корфъ) прилагали свои усилія къ поднятію его на должную высоту. Къ концу царствованія имп. Александра II число сельскихъ народныхъ училищъ дошло до 23 тысячъ; дѣтей училось въ нихъ свыше 1 милліона.

В. Единство кассы и государственный контроль.

Съ 1862 года государственная роспись доходовъ и расходовъ, до тѣхъ поръ составлявшая государственную тайну, стала публиковаться во всеобщее свѣдѣніе, при чемъ сама она — ея составленіе, утвержденіе и исполненіе — подверглась коренному измѣненію. Введено единство государственной кассы, т. е. всѣ денежныя средства государства были сосредоточены въ рукахъ одного лишь министра финансовъ, тогда какъ раньше у каждаго министерства были свои капиталы и свое хозяйство, которымъ оно самостоятельно распоряжалось. Единая касса позволила правительству составить болѣе правильное и полное представленіе о средствахъ, какими оно располагало въ дѣйствительности.

Тогда же была произведена и реформа государственнаго контроля: государственный контролеръ принялъ активное участіе въ составленіи отдѣльными вѣдомствами своихъ росписей, получилъ право провѣрять ихъ исполненіе по подлиннымъ актамъ и документамъ. Это: а) повело къ значительному сокращенію расходовъ; б) содѣйствовало предупрежденію злоупотребленій; в) ограничило произволъ отдѣльныхъ управленій и вѣдомствъ, подчинивъ хозяйственные ихъ расчеты общимъ финансовымъ соображеніямъ государства. Съ 1866 г. отчеты государственнаго контролера по исполненію росписей тоже начали печататься во всеобщее свѣдѣніе. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ главнымъ дѣятелемъ былъ статсъ-секретарь В. А. Татариновъ (государственный контролеръ съ 1 янв. 1863 г.).

X. Внѣшняя политика.

А. Австрія. Франція и Пруссія.

1. Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе имп. Александра II опредѣлялась тѣмъ положеніемъ, въ какое поставилъ ее Парижскій миръ 18/30 марта 1856 г. послѣ Крымской войны. Онъ не только стѣснилъ прежнюю свободу ея дѣйствій, не только лишилъ ее прежняго вліянія на Балканскомъ полу-

островѣ, какъ защитницы и покровительницы славянъ, но и глубоко унизилъ: запрещеніе строить и держать въ Черномъ морѣ военныя суда, необходимыя для защиты своихъ береговъ, нарушало ея суверенныя права. Россію не допускали полновластно хозяйничать въ собственномъ домѣ, распорядиться въ немъ по своему усмотрѣнію! Съ тяжелымъ сердцемъ подписывалъ имп. Александръ Парижскій договоръ; въ тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ являлся меньшимъ изъ золъ, угрожавшихъ Россіи, но государь постоянно лелѣялъ въ мысляхъ мечту возможно скорѣе освободиться отъ навязанныхъ ему условій. Предательское поведеніе Австріи отшатнуло отъ нея имп. Александра и еще болѣе скрѣпило родственныя узы его съ прусскимъ королевскимъ домомъ[1], тѣмъ болѣе что въ Крымскую войну Пруссія единственная изъ великихъ державъ не нарушила благожелательнаго по отношенію Россіи нейтралитета. Поэтому ослабленіе Австріи, явно заявившей себя нашей соперницею въ балканскихъ дѣлахъ, входило въ интересы Россіи, и когда неудачная война съ Франціей и Піемонтомъ лишила австрійцевъ почти всѣхъ ихъ владѣній на Апеннинскомъ полуостровѣ (1859), то побѣдители не встрѣтили себѣ съ русской стороны никакого противодѣйствія. Точно также и въ 1866 году благожелательный нейтралитетъ Россіи существенно облегчилъ Пруссіи ея задачу: она безъ помѣхи могла нанести австрійскимъ войскамъ рѣшительный ударъ и принудить императора Франца-Іосифа сложить съ себя главенство въ Германскомъ союзѣ, вскорѣ затѣмъ перешедшее къ прусскому королю. Александръ II пошелъ дальше: онъ не только поддержалъ Вильгельма въ борьбѣ его съ Австріей, но допустилъ его разгромить также и Францію (1870).

2. Зато онъ использовалъ франко-прусскую распрю, чтобъ осуществить свою завѣтную мысль: въ самый разгаръ войны русское правительство неожиданно заявило (1870, 19 окт.), что возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій на Черномъ морѣ, будетъ по прежнему укрѣплять его берега и держать тамъ военный флотъ. Западноевропейскія державы, отвлеченныя войною, вынуждены были пойти на это и дали свое согласіе (Лондонская конвенція 20 февраля 1871 г.). Такимъ образомъ вычеркивалось одно изъ наиболѣе тяжелыхъ по своей унизительности условій Парижскаго трактата, смыто было оскорбленіе, нанесенное чувству національнаго достоинства.

Однако реальныя выгоды, достигнутыя Лондонской конвенціей, не уравновѣшивали опасности, которая стала грозить Россіи отъ возвышенія Пруссіи. Флота въ Черномъ морѣ кон-

---

[1]) Король Вильгельмъ, будущій германскій императоръ былъ роднымъ братомъ императрицы Александры Ѳедоровны, матери Александра II.

венція еще не создавала; Босфоръ и Дарданеллы по прежнему оставались закрытыми для русскихъ военныхъ судовъ и по прежнему, въ любой моментъ, Турція могла открыть проливы для судовъ другихъ державъ; сосѣдство же съ сильною Пруссіей не могло не связывать дѣйствій Россіи.

3. Въ старыя московскія времена, когда задачи Россіи на западной границѣ сводились къ достиженію Балтійскаго моря и къ возсоединенію Зарубежной Руси — ея врагами были Швеція и Польша; въ борьбѣ съ ними естественно было искать сближенія съ Германіей. И, дѣйствительно, съ Ивана III вплоть до Екатерины II отношенія Россіи къ Австріи сохраняются неизмѣнно дружескія: ту и другую связывали общіе интересы въ Польшѣ; та и другая одинаково страдали отъ турокъ и крымскихъ татаръ, одинаково должны были обороняться отъ нихъ. Но съ той поры, какъ Польша исчезла съ карты Европы, а Швеція перешла на положеніе второстепенной державы, «сосѣдями» Россіи, вмѣсто нихъ, оказались Австрія и Пруссія. Уже императрица Елизавета вынуждена сдерживать «скоропостижнаго» короля прусскаго, Фридриха II; Австрія же изъ бывшей союзницы прямо становится опасной соперницей, на Балканскомъ полуостровѣ. Гдѣ искать Россіи противовѣса той и другой державѣ?

Еще Петръ Великій протягивалъ Франціи руку, но тогда она была отвергнута. Сперва революція и Наполеоновскія войны, а потомъ Священный союзъ надолго отдалили двѣ державы; въ свою очередь, условія Парижскаго мира 1856 г. тоже не могли содѣйствовать сближенію, а позиція, занятая Наполеономъ III въ польскомъ вопросѣ: давленіе на Александра въ смыслѣ возстановленія польской конституціи и открытая поддержка, оказанная польскимъ повстанцамъ въ 1863 г., внесли еще болѣе охлажденія. Имп. Александръ не только поддержалъ Вильгельма въ 1870 г., но три года спустя заключилъ съ нимъ тайный оборонительный союзъ, по которому оба государя взаимно обязывались подать другъ другу помощь въ случаѣ чьего либо нападенія на одного изъ нихъ (1873).

Это былъ кульминаціонный пунктъ русско-нѣмецкой дружбы; послѣ 1873 г. она уже идетъ на убыль. Дѣло въ томъ, что, не довольствуясь разгромомъ Франція въ 1870—1871 гг., императоръ Вильгельмъ и его канцлеръ Бисмаркъ задумали сломить ея послѣднія силы и стали готовиться къ новой войнѣ. Франція, еще не оправившаяся отъ недавняго пораженія, была бы навѣрное разбита, и тогда во всей Европѣ воцарилась бы прусская гегемонія. Русскіе государственные люди не могли этого не понимать, и имп. Александръ, не смотря на личную дружбу съ Вильгельмомъ, принялъ положеніе, заставившее того отказаться отъ своего плана. Россія спасла Францію отъ

новаго униженія и тѣмъ подготовила почву для послѣдующаго союза съ нею. На этотъ союзъ, заключить который выпало на долю преемника имп. Александра II, толкала сама Пруссія своимъ поведеніемъ на Берлинскомъ конгрессѣ (1878) и союзомъ съ Австріей, явно направленнымъ противъ Россіи (1879).

В. Кавказъ, Средняя Азія и Англія.

1. Война на Кавказѣ досталась имп. Александру по наслѣдству (см. выше), и на его долю выпало закончить ее. Взятіе аула Гунибъ и плѣнъ Шамиля (1859) сломили сопротивленіе горцевъ; восточная полоса Сѣвернаго Кавказа окончательно покорилась русской власти (намѣстнику Кавказа, князю А. И. Барятинскому), а пять лѣтъ спустя (1864) докончено покореніе и Западной его половины (преемникомъ Барятинскаго, вел. княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, младшимъ братомъ государя).

2. Другимъ наслѣдіемъ предыдущаго царствованія были дѣла азіатскія. Утвержденіе русской власти въ Средней Азіи являлось настоятельною необходимостью для огражденія пограничнаго населенія отъ вторженія кочевника. Первый ударъ нанесенъ былъ Коканскому ханству завоеваніемъ крѣпости Ауліе-Ата, Туркестана, Чимкента (1864) и Ташкента (1865). Русскія войска дѣйствовали подъ начальствомъ ген. Черняева. Завоеванныя земли образовали Туркестанское генералъ-губернаторство. Потомъ завоеваніе генераломъ Кауфманомъ города Самарканда (1868) поставило Бухарскаго эмира въ вассальныя къ Россіи отношенія; тѣмъ же закончилась для Хивинскаго хана экспедиція, посланная противъ него въ 1873 году (подъ начальствомъ того же Кауфмана). Въ 1875 г. вспыхнула неурядица въ Кокандѣ (Худояръ-ханъ былъ низложенъ и ханомъ провозглашенъ его старшій сынъ, Насръ-Эддинъ); вмѣшательство русскаго войска (ген. Кауфманъ и Скобелевъ) прекратило усобицу, но Коканское ханство перестало существовать, какъ самостоятельное государство, и земли его, подъ именемъ Ферганской области, вошли въ составъ Русской имперіи (1876).

Поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи этимъ однако не закончилось. Связанная съ коренными русскими землями съ сѣвера (Омскъ-Семипалатинскъ) и съ сѣверозапада (Оренбургъ-Фортъ Перовскій), Средняя Азія оставалась отдѣленною отъ нихъ съ запада, со стороны Каспійскаго моря, степнымъ оазисомъ, гдѣ жило воинственное племя ахалъ-текинцевъ. Походъ ген. Скобелева и взятіе штурмомъ крѣпости Денгильтепе (1881, 12 янв.) восполнили этотъ пробѣлъ, а Закаспійская желѣзная дорога (уже въ царствованіе Александра III) создала

прочное звено между азіатскими окраинами и центральными областями государства.

3. Наше продвиженіе въ Среднюю Азію является одною изъ блестящихъ страницъ въ исторіи царствованія Александра II. Дѣло было не только въ успѣхахъ русскаго оружія, въ охранѣ интересовъ пограничнаго населенія, въ развитіи торговыхъ сношеній; не только въ томъ, что наступилъ конецъ длинному и тягостному періоду борьбы съ «азіатскимъ Востокомъ», — русскія завоеванія насадили въ Средней Азіи русскую гражданственность, содѣйствовали развитію мѣстной промышленности, подняли матеріальное благосостояніе края. Имп. Александръ II явился и въ Средней Азіи тѣмъ же царемъ-освободителемъ, какимъ онъ былъ и въ самой Россіи: существовавшее тамъ рабство (невольничество) и постыдный торгъ людьми были уничтожены; положенъ предѣлъ жестокимъ наказаніямъ (смертная казнь, пытки, сажаніе на колъ, отрубаніе носа, ушей, сажаніе въ клоповникъ и т. д.); улучшено правосудіе; низшіе классы, дотолѣ приниженные и обездоленные, легче вздохнули — для нихъ подчиненіе русской власти явилось прямымъ благодѣяніемъ и настоящимъ освобожденіемъ. Вообще, обширный край, жившій дотолѣ изолированно, въ сторонѣ отъ просвѣщенныхъ народовъ, вступилъ съ ними въ общеніе и получилъ возможность пользоваться благами культурнаго міра.

4. Между тѣмъ успѣхи Россіи въ Средней Азіи сильно встревожили англичанъ, опасавшихся за свои Остиндскія владѣнія: они еще помнили походъ на Индію, предпринятый Павломъ I; къ тому же власть ихъ въ Остиндіи никогда не была особенно прочною; еще сравнительно недавно она подвергалась большой опасности (возстаніе сипаевъ въ 1857 г.). Во избѣжаніе столкновеній, обѣ державы, Россія и Англія, старались найти такую нейтральную полосу (буферное государство), которая раздѣлила бы ихъ владѣнія, но это имъ не удалось. Англія настаивала на признаніи Хивинскаго ханства нейтральнымъ, на что Россія не могла согласиться — это значило бы то же, что оставлять безнаказанными набѣги хивинцевъ на русскія владѣнія. Вообще разъ начатое продвиженіе русской власти не могло остановиться на полдорогѣ. Зато русское правительство соглашалось на включеніе Афганистана въ исключительно англійскую сферу вліянія, но это англичанамъ казалось недостаточною гарантіей; отношенія между державами портились и отразились, ко вреду Россіи, на ходѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Позиція, въ ту пору занятая Англіей, была явно враждебною намъ, и затрудненія далеко не были устранены, когда умеръ Александръ II.

В. Война за освобожденіе славянъ.

Въ послѣдніе годы жизни имп. Александру выпала еще разъ завидная доля явиться царемъ-освободителемъ — на Балканскомъ полуостровѣ: вырвать родственныхъ русскому народу, по племени и вѣрѣ, болгаръ изъ турецкой неволи, обезпечить имъ самобытное политическое существованіе и, одновременно, помочь сербамъ и румынамъ окончательно сбросить съ себя зависимость отъ турокъ.

Лѣтомъ 1875 года двѣ турецкихъ провинціи, Боснія и Герцеговина, измученныя притѣсненіями властей, не выдержали насилій и подняли знамя возстанія. Турецкое иго вызвало къ себѣ столько злобы и ненависти; повсюду накопилось столько горючаго матеріала, что пожаръ легко разгорѣлся и вышелъ далеко за первоначальные предѣлы. Родственная Черногорія первая подала руку помощи возставшимъ; поднялись сербы, болгары. Возстаніе болгаръ турки подавили съ небывалой жестокостью, потопивъ его въ крови, предавая возставшихъ лютымъ казнямъ, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей, разрушая и оскверняя православныя церкви, сжигая цѣлыя селенія (1876). Сербія, вассальное княжество, объявила себя независимою и геройски защищалась отъ турецкихъ войскъ, обрушившихся на нее въ силахъ, значительно превышавшихъ ея собственныя.

Событія въ Балканскихъ земляхъ нашли живой отголосокъ въ Россіи. Русскіе люди не могли оставаться равнодушными зрителями того, какъ братскій народъ изнемогалъ въ непосильной борьбѣ за свободу: обновленные реформами своего государя, призванные къ новой жизни, они сильнѣе, чѣмъ когда, сознавали свое духовное родство съ балканскими братьями и горѣли желаніемъ оказать имъ активную помощь. По всей Россіи начались денежные сборы, стали организовать медицинскую помощь, нѣсколько тысячъ добровольцевъ поступило въ сербскія войска и завоеватель Ташкента, генералъ Черняевъ, всталъ во главѣ сербской арміи. Никогда еще Россія не стояла, мыслями и сердцемъ, такъ близко къ братьямъ-славянамъ, какъ въ эти памятные мѣсяцы, лѣтомъ 1876 года. Всякій успѣхъ или неуспѣхъ сербовъ и черногорцевъ принимался, какъ собственное торжество или неудача. Наконецъ, октябрь принесъ горестную вѣсть: турки разгромили сербовъ подъ Джунисомъ и Алексинацемъ; дорога къ Бѣлграду была имъ открыта; Сербія стояла на краю гибели. Вся Россія съ тревогой ждала: что будетъ? И въ эти знаменательные дни, когда рѣшалась судьба близкаго народа, имп. Александръ явился выразителемъ затаенныхъ желаній своихъ подданныхъ. 19 октября 1876 г. онъ отправилъ Турціи ультиматумъ, требуя пріостановки военныхъ дѣйствій.

Государь зналъ, что онъ рискуетъ войною, которая потребуетъ большихъ жертвъ, но въ то же время онъ понималъ, что покинуть въ несчастіи маленькій народъ, привыкшій всегда видѣть въ Россіи свою защитницу и покровительницу, было бы недостойно великой державы. Турція подчинилась угрозѣ, но принятіе ультиматума войны не устранило, а только отсрочило ее. Поддерживаемый Англіею и Австріею, султанъ отказался отъ коренныхъ преобразованій въ пользу своихъ христіанскихъ подданныхъ, и 12 апрѣля 1877 г. русскія войска, перейдя границу, вступили, и въ Европѣ и въ Азіи, въ турецкіе предѣлы.

Война, блестяще начатая (переправа черезъ Дунай у Зимницы, 15 іюня), неожиданно затянулась. Три «Плевны» (три штурма, 8, 15 іюля, 30 августа, окончившіеся полною неудачею и стоившіе много крови, особенно послѣдній) едва не заставили насъ вернуться обратно на лѣвый берегъ Дуная. Война изъ наступательной на время перешла въ оборонительную. Плевна была обложена — ее рѣшились брать измoромъ: Шипкинскій проходъ въ Балканахъ, занятый отрядомъ ген. Радецкаго, пришлось защищать отъ бѣшеныхъ аттакъ Сулеймана-паши въ невѣроятно трудной обстановкѣ («На Шипкѣ все спокойно»). Но съ паденіемъ Плевны и плѣненіемъ защищавшей ее арміи Османа-паши (28 ноября) положеніе дѣлъ сразу измѣнилось къ лучшему: открылся путь чрезъ Балканы (зимній походъ ген. Гурко) на Софію (взята 23 дек.) и Адріанополь (взятъ 8 янв. 1878 г.). Султану не оставалось ничего иного, какъ просить мира, тѣмъ болѣе что и на азіатскомъ театрѣ войны счастье покинуло турокъ: 6 ноября палъ Карсъ и русскія войска стояли уже подъ Эрзерумомъ.

Перемиріе пріостановило военныя дѣйствія (19 янв.), а мѣсяцъ спустя, 19 февраля 1878 г., въ день восшествія на престолъ имп. Александра, заключенъ былъ и самый миръ въ городѣ Санъ-Стефано, предмѣстьѣ Константинополя. Его условія, крайне тяжелыя для турокъ, заключались въ слѣдующемъ:

1. Обширная часть Турецкой имперіи, отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ Охридскаго озера до Чернаго моря выдѣлялась въ особое княжество Болгарское, вассальное по отношенію къ султану, но съ собственнымъ государемъ, съ самостоятельнымъ управленіемъ, своимъ отдѣльнымъ войскомъ, независимымъ судомъ и финансами.

2. За Черногоріей признавалась ея самостоятельность; ея земли увеличивались за счетъ Герцеговины и Албаніи; ей прирѣзывалась часть береговой полосы на Адріатическомъ морѣ.

3. Вассальныя отношенія Сербіи и Румыніи прекращались; они становились совершенно независимыми отъ турокъ. Ихъ территорія тоже увеличивалась: Сербія получала земли въ

Старой Сербіи, Румынія — Добруджу взамѣнъ придунайской части Бессарабіи, которая теперь возвращалась Россіи. Въ этомъ возвращеніи маленькой полосы, отнятой у него по Парижскому договору 1856 г., имп. Александръ видѣлъ вопросъ національной чести и достоинства.

4. Въ Малой Азіи къ Россіи отходили Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ окружающей ихъ территоріей, вплоть до Саганлыкскаго хребта, за которымъ лежалъ Эрзерумъ.

5. Турція обязывалась ввести реформы и улучшить положеніе малоазіатскихъ армянъ и оградить ихъ безопасность отъ курдовъ и черкесовъ.

Турки справедливо говорили: «эти условія — конецъ Турціи: самостоятельная Болгарія знаменуетъ гибель Турецкой имперіи, прекращеніе ея владычества въ Европѣ; послѣ этого намъ ничего не остается, какъ уйти обратно въ Азію». Зато полное основаніе имѣлъ говорить и главнокомандующій русскими силами на европейскомъ фронтѣ, братъ государя, вел. князь Николай Николаевичъ, извѣщая его о заключеніи мира: «Господь сподобилъ насъ, государь, окончить предпринятое вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Санъ-Стефанскій договоръ остался однако мертвою буквой. Въ образованіи новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ, въ ослабленіи Турціи и усиленіи Россіи, Австрія съ Англіей видѣли себѣ угрозу и, опираясь на Парижскій договоръ 1856 г. (всякія измѣненія въ политическомъ положеніи Турціи допустимы лишь съ общаго согласія державъ), потребовали пересмотра заключенныхъ условій. Обезсиленная войною, истративъ свои военные запасы, съ пустой казною, Россія вынуждена была выполнить это требованіе. Надежды на поддержку Пруссіи не оправдались, и въ Санъ-Стефанскій договоръ были внесены существенныя измѣненія въ ущербъ русскимъ и славянскимъ интересамъ (Берлинскій конгрессъ; постановленія 1 іюля 1878 г.).

1. Территорія Болгарскаго княжества сокращалась на половину, будучи ограничена одной сѣверной полосой, между Дунаемъ и Балканами; южная же половина образовала особую область, Восточную Румелію, административно автономную, но подъ непосредственной военной и политической властью султана, который назначалъ туда генералъ-губернатора изъ христіанъ (по соглашенію съ великими державами) и сохранялъ право держать свои войска и воздвигать новыя укрѣпленія.

2. Македонія и полоса, прилегающая къ Эгейскому морю, были совершенно выдѣлены, не вошли даже въ Восточную Румелію и возвращены обратно Турціи.

3. Земельныя пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи значительно сокращены сравнительно съ прежнимъ.

4. Крѣпость Баязетъ возвращена Турціи, а Батумъ Россія обязывалась не укрѣплять и обратить его исключительно въ коммерческій портъ.

5. Австро-Венгріи предоставлено право занять своими войсками Боснію и Герцеговину, ввести тамъ свое управленіе.

6. Ново-Базарскій пашалыкъ отдѣлялъ узкой полосою Сербію отъ Черногоріи; чтобы помѣшать имъ въ будущемъ слиться территоріально, тамъ расположенъ былъ австрійскій гарнизонъ.

Разница между Санъ-Стефанскимъ договоромъ и Берлинскимъ была разительная: вмѣшательство европейскихъ державъ остановило освобожденіе болгаръ на полдорогѣ. Австрія, враждебная, одинаково, Россіи и сербамъ съ болгарами, заняла на Балканскомъ полуостровѣ положеніе, открывавшее ей, безъ всякихъ жертвъ съ ея стороны, реальныя возможности не только вредить молодымъ славянскимъ государствамъ, но и получить надъ ними опасную гегемонію. Русское общество и правительство начинало войну съ тайною надеждою, освобождая болгаръ, освободить также и Св. Софію, возстановивъ на ней православный крестъ, и этимъ осуществить давнюю мечту русскаго народа[1]); между тѣмъ появленіе англійской эскадры въ Мраморномъ морѣ съ явно враждебными намѣреніями въ конецъ разбило эти надежды и лишило побѣдоносную армію даже заслуженныхъ лавровъ: нравственнаго удовлетворенія — пройтись съ развернутыми знаменами и музыкой по улицамъ Стамбула и если не занять ихъ навсегда, то хотя бы только «прибить щитъ Олега ко вратамъ Царяграда». Разочарованіе было большое — вѣдь въ будущемъ, значитъ, снова придется начинать ту же работу!

Русская дипломатія, въ противоположность русской арміи, оказалась не на высотѣ своего положенія. Вина была не столько въ личностяхъ (министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управлялъ канцлеръ князь А. М. Горчаковъ), сколько въ тѣхъ основаніяхъ, на какихъ строилась наша международная политика. Имп. Александръ II, подобно отцу, слишкомъ много удѣлялъ мѣста личнымъ и семейнымъ отношеніямъ, полагался на нихъ больше, чѣмъ слѣдовало. Еще со временъ Петра Великаго русскій царствующій домъ сталъ заключать браки и роднился съ нѣмецкими царствующими фамиліями, и это въ значительной степени опредѣлило характеръ и направленіе нашей политики. Родство, личная дружба и традиціи предыдущаго царствованія связы-

[1]) Назначая вел. князя Николая Николаевича главнокомандующимъ Дунайскою арміею, имп. Александръ, на вопросъ брата, какую цѣль долженъ онъ поставить себѣ, лаконически отвѣтилъ: „Константинополь!“

вали Александра II съ императоромъ Вильгельмомъ. Послѣдній, правда, платилъ ему тѣмъ же и считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ помнить объ услугѣ, оказанной ему Россіею въ 1870 году, во время франко-прусской войны; но Пруссіей, къ концу царствованія Александра II, управлялъ въ дѣйствительности не Вильгельмъ, въ ту пору уже дряхлый, безвольный старикъ (род. въ 1787 г.), а его канцлеръ, князь Бисмаркъ, первоклассный дипломатъ, выдающійся государственный умъ. Бисмаркъ искусно использовалъ русскую дружбу, но теперь, когда Пруссія стала во главѣ сильной объединенной Германіи, соперничество Австріи и Англіи съ Россіей было ему на руку; онъ сознательно толкалъ австрійцевъ на Востокъ, на Балканскій полуостровъ, предупреждая этимъ возможность соглашенія ея съ Россіей, и настоялъ передъ Вильгельмомъ на заключеніи тайнаго съ ними союза, направленнаго противъ Россіи (1879, 7 окт.). Александръ II такъ и умеръ въ убѣжденіи незыблемости прусской дружбы. Но обманъ не могъ долго продолжаться и предуказалъ русской дипломатіи новые пути: при преемникѣ Александра II вмѣсто дружбы мы стали искать общности государственныхъ интересовъ и нашли ее въ союзѣ съ Франціей.

XI. Общество и Правительство.

Духъ освобожденія, которымъ, особенно въ первое десятилѣтіе, овѣяны почти всѣ правительственныя мѣропріятія Александрова царствованія; довѣріе, оказанное обществу, влили въ русскую жизнь живую струю съ новымъ содержаніемъ. На царствованіи имп. Александра II, болѣе чѣмъ на какомъ иномъ, отразилась творческая работа обѣихъ силъ: правительства и передовыхъ культурныхъ слоевъ общества («интеллигенціи»). При Николаѣ I активно работалъ одинъ лишь правящій классъ, интеллигенція же обречена была на роль безгласной, пассивной зрительницы — теперь къ работѣ на общую пользу государства призваны были также и общественныя силы (земство, города, судъ, печать, общественныя организаціи). Сначала правительство и общество согласно шли рука объ руку, но потомъ пути ихъ стали расходиться и вскорѣ между ними выросла страшная пропасть, приведшая, въ конечномъ результатѣ, къ насильственному перевороту.

Переворотъ вызвало не одно расхожденіе этихъ двухъ силъ: та и другая разошлись еще и съ Россіей, съ самимъ народомъ, оторвались отъ его духовной жизни. Міросозерцаніе народной массы оставалось и для правительства, и для интеллигенціи скрытымъ за семью печатями, хотя они и думали, что дѣйствуютъ, каждая, во имя этой массы, идутъ на встрѣчу ея потребностямъ и желаніямъ. Со времени Петра В. правящій классъ

усиленно глядѣлъ въ «окно въ Европу» и недостаточно оборачивался назадъ, рѣдко озирался вокругъ себя; бюрократическій же, чиновный міръ глухой стѣною отдѣлилъ верховную власть отъ толщи народной. Не менѣе оторвано отъ послѣдней жила и русская интеллигенція, пополнявшаяся почти исключительно (особенно до временъ Александра II) изъ дворянскихъ слоевъ. Жалованная грамота 1785 года и крѣпостное право, создавъ дворянству привилегированное положеніе, воздвигли между нимъ и толщей народной такую же, по существу, высокую стѣну, и преодолѣть ее оказалось не по силамъ даже наиболѣе культурнымъ слоямъ, тѣмъ болѣе что и они, эти культурные слои, искали своихъ директивъ чаще всего тоже на сторонѣ, за пресловутымъ «окномъ», не всегда разбираясь, что изъ тамошняго соотвѣтствовало складу русскаго ума и что шло вразрѣзъ съ его міросозерцаніемъ и жизненными устоями. Три основныхъ силы, отъ которыхъ зависѣло направленіе русской жизни, все ея будущее: правительство, интеллигенція и народъ, — оставались чуждыми одна другой, дѣйствовали вразбродъ, безъ взаимнаго пониманія и, слѣдовательно, безъ возможности найти общую дорогу.

Царствованіе имп. Александра II, особенно первое десятилѣтіе, тѣмъ и знаменательно, что съумѣло пробить широкую брешь въ стѣнѣ, создало возможность взаимнаго пониманія, совмѣстной плодотворной работы; но добрый починъ не нашелъ продолженія, дѣло не было доведено до конца, — наоборотъ, стѣну снова возстановили, и это фатально привело Россію къ трагедіи 1917 года. Но за Александромъ II навѣки останется великая заслуга намѣтить условія и указать тотъ путь, единственно способный вывести великій народъ на надлежащую дорогу, давъ ему возможность опознать свои духовныя силы, обезпечить необходимый просторъ его національному творчеству и равноправное мѣсто среди другихъ культурныхъ народовъ.

1. 1855. Первые шаги правительства, показавшіе его желаніе смѣнить прежнее недовѣріе къ обществу готовностью пойти на встрѣчу его желаніямъ, предоставить ему больше свободы, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ публичномъ выраженіи своихъ мыслей, выразились въ облегченіи положенія печати. Было разрѣшено изданіе двухъ новыхъ журналовъ («Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда»). Это были первые журналы, послѣ смерти Николая I, которые могли обсуждать вопросы политической жизни, высказывать о нихъ свои мнѣнія и знакомить съ ними читателей въ самостоятельной передачѣ, а не путемъ, какъ раньше, перепечатки изъ тѣхъ четырехъ газетъ, которымъ дозволено было имѣть политическій отдѣлъ («Сѣвер-

ная Пчела», «Русскій Инвалидъ», «С-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости»).

2. 1855. Газеты и журналы получили право печатать корреспонденціи съ театра войны, т. е. бесѣдовать съ своими читателями на самую животрепещущую для того времени тему, — раньше этою привилегіею пользовался лишь одинъ «Русскій Инвалидъ», оффиціальный органъ военнаго министерства.

3. 1855. Съ воцареніемъ имп. Александра[1]) стали составляться записки съ проектами и планами преобразованій; онѣ или непосредственно подавались государю, или распространялись въ обществѣ въ рукописномъ видѣ. Такая форма давала возможность высказываться съ большей свободою и полнотой, чѣмъ это доступно было въ печати, и многія изъ такихъ записокъ съиграли немаловажную роль: къ ихъ содержанію прислушивалось правительство; по этимъ запискамъ складывалось общественное мнѣніе. Сравн. Конст. Аксаковъ: «О внутреннемъ состояніи Россіи»; проф. Грановскій, «Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія»; проф. Погодинъ, записка «О польскомъ вопросѣ»; А. И. Кошелевъ, «О денежныхъ средствахъ Россіи» (авторъ доказывалъ необходимость немедля созвать представителей Русской земли); П. А. Валуевъ, лифляндскій губернаторъ, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, «Дума русскаго». Наиболѣе выдающимися были записки спеціально по вопросу объ освобожденіи крестьянъ (К. Д. Кавелинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, А. М. Унковскій, М. П. Позенъ). Въ этихъ запискахъ обсуждалось положеніе крестьянъ, наши финансы, недостатки управленія; указывалось на необходимость поднять образованіе и допустить гласность въ обсужденіи дѣйствій правительства. Затронуто было и отношеніе верховной власти къ обществу. Записка К. Аксакова такъ формулировала взглядъ на это славянофиловъ: «Сила власти — царю, сила мнѣнія — народу; царю — самодержавіе, народу — неограниченная свобода совѣсти и слова, полная свобода въ частной и общественной жизни; народъ не вмѣшивается въ распоряженія царя, а царь — не вмѣшивается въ жизнь своего народа».

4. Роль, подобную вышеуказаннымъ запискамъ, игралъ издававшійся (съ 1 іюля 1857 г.) за границей А. И. Герценомъ «Колоколъ»: правительство прислушивалось къ его мнѣнію. Запрещеніе этой газеты къ обращенію внутри Россіи не мѣшало ея широкому распространенію. Особенно горячо отстаивалъ «Колоколъ» мысль объ освобожденіи крестьянъ.

5. 1855, ноябрь. Дозволенъ пріемъ студентовъ въ университеты безъ ограниченія ихъ числа — въ отмѣну распоряженія

[1]) И даже раньше: историкъ М. П. Погодинъ подалъ первую свою записку еще имп. Николаю I.

1849 года, которымъ предѣльное число на каждый университетъ было установлено въ 300 чел.

6. 1857, 28 декабря. Рескриптъ государя на имя генералъ-губернатора сѣверозападныхъ губерній Назимова, 20 ноября 1857 г., понятый русскимъ обществомъ, какъ первый несомнѣнно серьезный шагъ на пути освобожденія крестьянъ, вызвалъ большой восторгъ и одушевленіе. На многолюдномъ обѣдѣ, въ Москвѣ, собравшемъ людей разныхъ сословій, преимущественно писателей и ученыхъ (1857, 28 дек.), приподнятое настроеніе и благодарное чувство выразилось въ многочисленныхъ рѣчахъ, прославлявшихъ рѣшеніе государя и выражавшихъ надежды на лучшее будущее. Послѣ Отечественной войны, впервые за 45 лѣтъ, общество и правительство снова духовно объединились и мыслили въ унисонъ; и чѣмъ длительнѣе былъ періодъ отчужденія и взаимнаго непониманія, тѣмъ радостнѣе было сознаніе, что наконецъ-то рушилась стѣна, раздѣлявшая общество отъ верховной власти, что можно сойтись въ совмѣстной, дружной работѣ на благо родины. Люди почувствовали, что они, какъ было сказано въ одной изъ рѣчей (Каткова, редактора «Русскаго Вѣстника»), живутъ въ эпоху, «когда силы мгновенно обновляются, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ», и когда поэтому хочется сказать: «да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!»

Герценъ, въ своемъ «Колоколѣ» писалъ: «имя Александра II принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось — все равно: начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ»; и, когда вышелъ манифестъ 19 февраля, тотъ же Герценъ первый назвалъ государя освободителемъ, — прозваніе, которое потомъ дано было ему всей Россіей и крѣпко срослось съ величавою и благодушною личностью Александра.

Радостное настроеніе русской интеллигенціи прекрасно выразилъ Иванъ Серг. Аксаковъ стихами:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
. . . .
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
«Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
«Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;

«Людямъ миръ, благоволенье,
«Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
«Дню вчерашнему забвенье,
«Дню грядущему привѣтъ!»

7. 1859. Въ дальнѣйшемъ однако правительству приходилось считаться и съ настроеніемъ другого рода: среди дворянства оказалось не мало противниковъ крестьянской реформы (записка камергера Безобразова); другіе же находили, что реформу слѣдуетъ провести болѣе радикально, чѣмъ допускало это само правительство, и земельный надѣлъ, бывшій въ пользованіи у крестьянъ, передать имъ полностью, безъ урѣзокъ.

8. 1860—1861. Дворянство Владимірской, Ярославской, Нижегородской и Харьковской губ. подали адреса, ходатайствуя о реформѣ суда и областной администраціи, о введеніи мѣстнаго самоуправленія и гласности въ государственномъ и общественномъ управленіи. Среди Петербургскаго дворянства отдѣльные голоса шли еще дальше, доказывая необходимость созыва выборныхъ Русской земли, т. е. ходатайствовали о конституціи.

9. 1861. Уже въ годъ освобожденія крестьянъ замѣчается сдвигъ общества въ сторону отъ правительства. Начало ему положили студенческіе безпорядки:

а) безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ въ годовщину его основанія (8 февр.), по поводу отмѣны актовой рѣчи проф. Костомарова о Конст. Аксаковѣ, незадолго передъ тѣмъ (1860, 7 дек.) скончавшемся.

б) демонстративная панихида въ Казани, отслуженная проф. Щаповымъ и студентами по убитымъ крестьянамъ (въ селѣ Безднѣ, Казанской губ.), при введеніи Положенія 19 февраля. Два монаха, служившіе панихиду, были сосланы въ Соловецкій монастырь, а Щаповъ, за рѣчь, сказанную на панихидѣ, арестованъ (позже, въ 1864 г., сосланъ въ Сибирь).

в) уличная демонстрація петербургскихъ студентовъ; сходки въ университетѣ; столкновенія съ полиціей; массовое увольненіе студентовъ и закрытіе университета до осени 1861 г.; выходъ въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ, разошедшихся съ правительствомъ въ оцѣнкѣ его дѣйствій. Петербургскіе безпорядки отозвались и въ другихъ университетахъ.

10. 1861, лѣтомъ. Подпольные листки (политическія прокламаціи) «Великоруссъ» и «Къ молодому поколѣнію» возбуждали крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, призывали къ революціи по программѣ: всеобщій передѣлъ земли; замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ; ограниченіе самодержавной власти конституціею и даже замѣна монархіи республикою.

Поэтъ М. Л. Михайловъ, офицеръ Измайловскаго полка Обручевъ, писатель Н. Г. Чернышевъ, по обвиненію въ распространеніи этихъ листковъ, были преданы суду и осуждены на каторгу.

11. 1861. Польша въ ту пору начала волноваться, готовясь повторить попытку 1831 г. и отторгнуться отъ Россіи. Подвиги Гарибальди и его знаменитой «Тысячи» наэлектризовали тогдашнюю Европу, и русская молодежь, подъ впечатлѣніемъ итальянскихъ событій, сочувствовала освободительному движенію въ Польшѣ и въ возстановленіи независимости поляковъ видѣла дѣло политической справедливости. Не только молодежь, не только Герценъ въ заграничномъ «Колоколѣ», но и такіе русскіе патріоты, какъ Погодинъ, Иванъ Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, полагали, что полякамъ слѣдуетъ предоставить полную автономію и самобытность въ ихъ частномъ и общественномъ быту, но исключительно въ предѣлахъ Короны Польской (т. е. этнографической Польши, т. наз. «Царства Польскаго»); поляки же добивались возстановленія старой Польши въ предѣлахъ 1772 г.; поэтому разрывъ между русскимъ и польскимъ общественнымъ мнѣніемъ сталъ неизбѣженъ. Поляки вели тайную пропаганду среди русскихъ крестьянъ, искусственно вызывали въ нихъ недовольство и волненія, а среди группъ, настроенныхъ либерально, предательски поддерживали революціонное движеніе, дѣлая видъ, будто дѣйствуютъ съ ними за одно, въ общихъ интересахъ.

12. 1861—1862. Первую открытую критику дѣйствій правительства высказало Тверское дворянство. Съѣздъ мировыхъ посредниковъ заявилъ, что Положеніе 19 февраля «не удовлетворяло народныхъ потребностей ни въ матеріальномъ отношеніи ни въ отношеніи свободы, а возбудило ихъ въ самой сильной степени»; по мнѣнію же общедворянскаго съѣзда, задача могла быть рѣшена лишь путемъ созванія выборныхъ всей земли, т. е. дарованіемъ конституціи. Посредники были преданы суду, и Сенатъ приговорилъ ихъ къ заключенію въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (наказаніе потомъ было смягчено).

13. 1862. Правительство продолжало руководиться мыслью, высказанною имп. Александромъ II въ самомъ началѣ своего царствованія: лучше приступить къ реформамъ сверху, чѣмъ дожидаться, когда ихъ начнутъ проводить снизу. Съ назначеніемъ на должность министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, выдвинутаго вел. княземъ Константиномъ Николаевичемъ (1861, декабрь), стали дѣятельно готовиться къ реформѣ гимназій и университета; были выработаны временныя правила о печати, ослаблена цензура (1862, май). Министерство финансовъ перестало дѣлать изъ государственной росписи

доходовъ и расходовъ государственную тайну. Военное министерство, при новомъ министрѣ Д. А. Милютинѣ, приступило къ выработкѣ правилъ, уравнивающихъ всѣ сословія въ несеніи воинской повинности. Тогда же выработаны были «Основныя начала» судебной реформы и опубликованы съ цѣлью всесторонняго обсужденія ихъ въ печати. Все указывало на желаніе имп. Александра идти въ своей государственной работѣ рука объ руку съ обществомъ и внимательно прислушиваться къ его голосу и мнѣніямъ. Люди, прошедшіе чрезъ тяжелое горнило 30-тилѣтняго царствованія имп. Николая, хорошо знакомые съ недовѣріемъ тогдашней верховной власти къ общественнымъ силамъ, съ особенной радостью и волненіемъ откликнулись на этотъ призывъ. «Прочиталъ высочайше утвержденный проектъ новаго судопроизводства и судоустройства. Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе! Если бы въ николаевскія времена кто-нибудь вздумалъ помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта его какъ-нибудь вылетѣла бы изъ его устъ — тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ деспотизма администраціи, и все это созданіе того государя, котораго упрекаютъ въ слабости! . .» (Дневники Никитенка).

14. 1863. Польское возстаніе не остановило преобразовательной дѣятельности правительства. Введенъ былъ новый университетскій уставъ (18 іюня), срокъ службы въ войскахъ сокращенъ до 15 лѣтъ, отмѣнена отдача въ солдаты за преступленія, улучшено содержаніе солдатъ; ихъ начали обучать грамотѣ, ограничили тѣлесныя наказанія.

15. 1864. Особенно интенсивенъ былъ по работѣ 1864-й годъ: введена земская реформа (1 янв.); выработаны: Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ (14 іюня), Уставъ гимназій и прогимназій (18 нояб.), Судебные Уставы (20 нояб.), подготовлялись новыя правила о печати, введенныя въ слѣдующемъ году (1865, 6 апр.): журналы и газеты, издающіеся въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а также книги, объемомъ не ниже 10 листовъ (160 стр.), были избавлены отъ предварительной цензуры, а преступленія въ печати взыскивались по суду; газетамъ и журналамъ дозволено обсуждать распоряженія правительства и его законодательную дѣятельность; разрѣшена уличная продажа отдѣльныхъ номеровъ газетъ.

16. 1865. Въ обществѣ однако раздавались голоса, требовавшіе бо́льшаго: Московское дворянство хлопотало о созывѣ народныхъ представителей (адресъ 11 января): благодаря государя за его мудрыя начинанія, всегда клонящіяся къ благу государства, московскіе дворяне просили его не останавли-

ваться на избранномъ пути и довершить основанное имъ государственное зданіе «созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству». Имп. Александръ адреса не принялъ. — Десять лѣтъ моего царствованія, то, что сдѣлано и продолжаетъ дѣлаться за это время, говорилъ онъ, достаточное свидѣтельство «моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднить меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены» (рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ, 29 января). Такимъ образомъ, не высказываясь принципіально противъ «измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ учрежденій», имп. Александръ отстаивалъ свое право иниціативы, не допуская и мысли, чтобы реформы производились снизу. Въ частной бесѣдѣ съ однимъ изъ составителей адреса (Голохвастовымъ), Александръ II говорилъ: «Чего вы хотите? Конституціоннаго образа правленія? Даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски».

17. 1866, 4 апрѣля. Покушеніе Каракозова на жизнь государя (при выходѣ его, съ прогулки, изъ Лѣтняго сада) имѣло серьезныя послѣдствія. Въ дѣлѣ оказался замѣшаннымъ кружокъ лицъ (Ишутинскій, по имени его главаря), стремившихся къ насильственному перевороту. Довѣріе къ обществу было подорвано, вниманіе правительства стало съ этой поры обращено не столько на преобразованія, сколько на борьбу съ крамолой, и права, предоставленныя обществу, стали укорачиваться, отбираться назадъ. Преобразовательная работа, по инерціи, нѣкоторое время еще продолжалась (Городовое положеніе 1870 г.; Воинская повинность 1874 г.), но все рѣзче и

выпуклѣе выступаютъ мѣропріятія, проникнутыя инымъ духомъ. Во главу угла ставится не освобожденіе, а сдержка, недовѣрчивый надзоръ; между обществомъ и правительствомъ образовалась пропасть и съ каждымъ годомъ она становится все глубже и шире.

18. 1866—1867. Ближайшія послѣдствія покушенія Каракозова:

а) Отставка министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и замѣна его графомъ Д. А. Толстымъ[1]): естественныя науки признаны способными развивать въ юношествѣ матеріализмъ и невѣріе; во главу воспитанія и обученія поставлены классическій міръ и выработанныя имъ истины.

б) Земства были ограничены въ своихъ правахъ (право самообложенія); административный контроль надъ ними усиленъ. Публичное осужденіе петербургскимъ земствомъ дѣйствій правительства повело къ временному закрытію земской управы и къ административнымъ карамъ: ея предсѣдатель (Крузе) сосланъ въ Оренбургъ, гласный, графъ Шуваловъ, высланъ заграницу, а сенаторъ Любощинскій долженъ былъ подать въ отставку.

в) Подорвана независимость суда: судебные слѣдователи, согласно Судебнымъ Уставамъ, были несмѣняемы и за свои дѣйствія отвѣчали лишь предъ Сенатомъ; теперь вмѣсто судебныхъ слѣдователей стали назначать исправляющихъ ихъ должность; таковыхъ министръ юстиціи могъ всегда смѣстить, что давало ему возможность оказывать на нихъ давленіе не всегда безпристрастное.

19. 1868. За границей, среди русскихъ эмигрантовъ, большимъ вліяніемъ пользовался А. М. Бакунинъ. Анархистъ по убѣжденіямъ, онъ проповѣдывалъ разрушеніе вообще государства, какъ таковаго, насильственную замѣну его автономнымъ обществомъ; приглашалъ молодежь бросать университеты, вообще занятія, и идти въ народъ подготовлять разрушеніе существующаго политическаго и соціальнаго строя въ Россіи. Его ученіе довелъ до крайнихъ предѣловъ Нечаевъ, «политическій авантюристъ съ пріемами шарлатана и инстинктомъ настоящаго злодѣя». Придерживаясь принципа: «цѣль оправдываетъ средства»; признавая «необходимымъ орудіемъ революціи обманъ» (Корниловъ), Нечаевъ основалъ тайное общество «Народная Расправа» и призывалъ къ убійству всѣхъ, кто, въ той или иной формѣ поддерживаетъ существующій строй. Императору Александру II онъ готовилъ въ своихъ прокламаціяхъ, «казнь мучительную, торжественную, передъ лицомъ всего

[1]) Слѣдствіе по дѣлу Каракозова установило фактъ распространенія революціонной литературы среди учащейся молодежи.

освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства». Нечаевскій кружокъ былъ раскрытъ[1]); самому Нечаеву удалось бѣжать за границу, но его сообщники поплатились каторгою, ссылкой или тюрьмою. Нечаевская исторія тогда же нашла художественное изображеніе въ романѣ Достоевскаго «Бѣсы» (1871—1872), пророчески предсказывавшаго послѣдствія, къ какимъ доведетъ Россію пропаганда революціонныхъ идей.

20. 1870. Заявленіе правительства объ отказѣ отъ унизительнаго обязательства не держать въ Черномъ морѣ своего военнаго флота (19 окт.) вызвало всеобщее одушевленіе въ странѣ, большой подъемъ духа; дворянство, земства и города стали подавать государю адресы, что дало имъ случай высказать свои пожеланія и надежды. Московскимъ городскимъ головою въ ту пору былъ кн. В. А. Черкасскій (дѣятель по крестьянской реформѣ 1861 г.; сотрудникъ Н. А. Милютина по крестьянской реформѣ въ Польшѣ, 1864 г.). Вмѣстѣ съ Ив. Серг. Аксаковымъ, публицистомъ, такимъ же, какъ онъ, славянофиломъ, противникомъ конституціи на западно-европейскій образецъ, онъ составилъ, отъ имени думы, адресъ, въ которомъ говорилось: «Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ вы, государь, и никому не платитъ народъ такою горячею привязанностью. Отъ васъ принялъ онъ даръ и въ васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ васъ однихъ ожидаетъ онъ завершенія вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего — простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой не дѣйствительна и сама проповѣдь; наконецъ, свободы вѣрующей совѣсти — этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ души человѣческой. Государь, дѣла внѣшнія и внутреннія связуются неразрывно. Залогъ успѣха въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни». Адресъ былъ возвращенъ: министръ внутреннихъ дѣлъ (Тимашевъ) отказался подать его государю.

21. 1872 и слѣд. Съ этихъ поръ начинается хожденіе интеллигенціи въ народъ въ цѣляхъ соціалистической пропаганды[2]). Многіе шли туда, чтобы жить жизнью народа, въ тѣсномъ соприкосновеніи съ нимъ, какъ врачи, фельдшера, народные учители, волостные писари, простыми чернорабочими,

[1]) На слѣдъ навело убійство, по приказанію Нечаева, одного изъ сочленовъ, Иванова; Нечаевъ подозрѣвалъ его въ отступничествѣ.

[2]) Начало ему положилъ Долгушинъ и его кружокъ.

кузнецами, дровосѣками; дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, и сотнями шли въ деревню, беззавѣтно посвящая себя служенію бѣднѣйшей части народа. Главная цѣль, которую поставила себѣ эта часть интеллигенціи, была: обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему выбраться изъ духовной тьмы и матеріальной нищеты. Но другіе задавались иной цѣлью: пропагандировать въ народѣ революціонныя идеи и распространять ихъ посредствомъ нелегальныхъ брошюръ. Они переодѣвались въ крестьянское платье, запасались подложными видами; но ихъ пропаганда большого успѣха не имѣла; большинство было перехвачено и предано суду и поплатилось каторгой или ссылкой. Это «хожденіе въ народъ» послужило темою для романа Тургенева «Новь» (1876).

22. 1874. Въ Москвѣ была открыта тайная типографія, печатавшая прокламаціи. Виновные (Долгушинъ и его кружокъ) поплатились каторгою.

23. 1876, 6 декабря. Демонстрація въ Петербургѣ на Казанской площади: было развернуто красное знамя; демонстрантовъ избили на мѣстѣ; 21 человѣкъ были приговорены къ каторгѣ и на поселеніе.

24. 1877. Революціонная пропаганда въ народѣ повела къ судебнымъ процессамъ: процессъ 50-ти (кружокъ московскихъ пропагандистовъ), процессъ Южнорусскаго союза, процессъ 193-хъ. Наказаніе розгами одного политическаго преступника (Боголюбова), по приказанію петербургскаго градоначальника Трепова (13 іюля), вызвало месть: Вѣра Засуличъ тяжело ранила Трепова (1878, 14 янв.). Судъ оправдалъ ее (31 марта).

25. 1878—1879. Съ этой поры начинается организованный терроръ — политическія убійства. Революціонеры расчитывали напугать ими правительство и принудить его къ уступкамъ.

а) Вооруженное нападеніе, въ Кіевѣ, на товарища прокурора Ковалевскаго (1878, 23 февр.).

б) Убійство, въ Кіевѣ же, жандармскаго капитана барона Гейкинга (24 мая).

в) Въ отместку за казнь Ковальскаго, разстрѣляннаго (2 авг.) за вооруженное, въ Одессѣ, сопротивленіе полиціи, убитъ, въ Петербургѣ, Мезенцевъ, шефъ жандармовъ (4 авг.).

г) Убитъ харьковскій губернаторъ князь Кропоткинъ (1879, 9 февр.).

д) Убитъ, въ Москвѣ, полицейскій агентъ Рейнштейнъ (26 февр.).

е) Совершено покушеніе, въ Петербургѣ, на шефа жандармовъ, ген. Дрентельна (13 марта).

26. Въ борьбѣ съ крамолой правительство оставалось одинокимъ, а потому безсильнымъ; масса народная, по инертности, не могла служить ему надлежащей опорою, культурные же классы скорѣе сочувствовали революціонерамъ, чѣмъ порицали ихъ, недостаточно отдѣляя въ своемъ сознаніи разрушительное значеніе ихъ анархическихъ идей отъ той созидательной, творческой работы, какую они ожидали и требовали отъ власти. Власть не эволюціонировала, и это толкало интеллигенцію въ сторону революціи, побуждало ее оказывать ей моральную поддержку; но и интеллигенція, нарушая порядокъ (особенно часты стали въ это время студенческія волненія), занявъ враждебное положеніе, въ свою очередь, толкала правительство на борьбу съ революціей путемъ исключительныхъ мѣръ, которыя, неизбѣжно, еще больше стѣсняли общественную свободу и затрудняли работу въ преобразовательномъ духѣ. Получался заколдованный кругъ, изъ котораго ни та ни другая сторона не умѣли найти выходъ. Чья бы вина ни была, но печальный фактъ оставался фактомъ: между властью и обществомъ легла широкая пропасть, окончательно раздѣлившая ихъ.

27. 1879—1880. Между тѣмъ террористы, не довольствуясь прежними убійствами и покушеніями, подняли руку на самого царя:

а) 1879, 2 апрѣля сельскій учитель Александръ Соловьевъ, во время утренней прогулки имп. Александра близъ Зимняго Дворца, стрѣлялъ въ него. Пули не задѣли государя. Правительство отвѣтило на это покушеніе учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторствъ (въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; въ Москвѣ же, Кіевѣ и Варшавѣ таковыя уже существовали раньше) съ широкими полномочіями (всѣ гражданскія учрежденія, учебныя заведенія подчинялись генералъ-губернаторамъ; послѣднимъ предоставлено право: предавать военному суду, высылать административнымъ порядкомъ, подвергать личному задержанію). 28 мая Соловьевъ былъ повѣшенъ, а три недѣли спустя тайный съѣздъ террористовъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губ., принялъ рѣшеніе убить царя. «Число лицъ, съѣхавшихся въ Липецкѣ, не превышало пятнадцати человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, но то были самые рѣшительные изъ коноводовъ революціи, отчаянныя головы, не отступавшія ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Пропаганда соціализма — разсуждали они — невозможна въ Россіи при существующемъ образѣ правленія, а потому слѣдуетъ стремиться къ его ниспроверженію, къ ограниченію самодержавной власти, къ дарованію политическихъ вольностей и къ созыву народнаго представительства. Средствомъ къ достиженію этой цѣли долженъ былъ служить терроръ, подъ которымъ заговорщики разумѣли

убійства должностныхъ лицъ и прежде всего — цареубійство» (Татищевъ).

б) 1879, 19 ноября террористы пытались взорвать императорскій поѣздъ при слѣдованіи его изъ Крыма въ Москву. Подъ полотно жел. дороги подложена была мина, но взорвалась она въ моментъ прохода не царскаго, а свитскаго поѣзда, ранивъ нѣсколько человѣкъ, но не убивъ ни одного.

в) 1880, 5 февраля. Подъ царской столовой въ Зимнемъ Дворцѣ была заложена мина (около 3 пудовъ динамита); взрывъ ея причинилъ много поврежденій (убито 11 чел.), но государь остался невредимъ: мина взорвалась прежде, чѣмъ онъ успѣлъ войти въ столовую.

28. 1880, 12 февраля. Непереставшія покушенія на государя вызвали, по настоянію наслѣдника цесаревича, учрежденіе «Верховной Слѣдственной Комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»; главный начальникъ ея, харьковскій генералъ-губернаторъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, былъ снабженъ диктаторскими полномочіями: всѣ вѣдомства, не исключая военнаго, подчинялись ему; всѣ его требованія подлежали немедленному исполненію; онъ получалъ право принимать всѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми, и отмѣнить ихъ могъ только или самъ онъ, или государь.

29. 1880, 20 февраля. Неудачное покушеніе на жизнь Лориса-Меликова; преступникъ (Млодецкій) преданъ военному суду и на другой день повѣшенъ.

30. 1880, 12 февраля — 6 августа. Диктатура Лорисъ-Меликова была «диктатурою сердца». Рѣшительныя мѣры противъ злоумышленниковъ не помѣшали ему признать, что одними полицейскими мѣрами общества не умиротворить. Тотчасъ же по вступленіи въ должность, онъ обратился къ населенію съ заявленіемъ, что въ поддержкѣ общественной онъ видитъ «главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого государства». «Необходимо» — докладывалъ онъ государю — «рядомъ съ мѣрами непоколебимой твердости къ злоумышленникамъ, и мѣры, которыя отняли бы почву изъ-подъ вредныхъ лжеученій и укрѣпили бы ее для законнаго порядка». Необходимо «побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа, общества и къ его представителямъ. Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества и осуществленіе коихъ

останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ». Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ вывести правительство на старую дорогу преобразованій и совмѣстной работы съ обществомъ. Безпощадно преслѣдуя революціонеровъ, онъ упразднялъ ненужныя стѣсненія, значительно облегчилъ печать отъ цензурной опеки, настоялъ предъ государемъ на отставкѣ министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, чѣмъ завоевалъ большія симпатіи въ обществѣ.

31. 1880, 6 августа. Верховная Слѣдственная Комиссія была упразднена по мысли самого Лорисъ-Меликова, который ставилъ одною изъ задачъ своего управленія «возвращеніе отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ». Съ положенія диктатора онъ перешелъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ. Въ его управленіе были назначены сенаторскія ревизіи губерній (27 авг.), комиссія для пересмотра законовъ о печати; намѣчалось пребразованіе мѣстнаго управленія, пересмотръ положеній крестьянскаго, земскаго и городского; стали вырабатывать новую систему облегченія податного бремени населенія; обыски и аресты стали производиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ; административная ссылка была почти прекращена; многихъ сосланныхъ вернули — все предвѣщало новую эру въ отношеніяхъ правительства къ обществу и возвратъ къ первымъ годамъ царствованія.

32. 1881, 17 февраля. Лорисъ-Меликовъ пошелъ еще дальше. Чтобы завершить великія реформы Александрова царствованія и, какъ слѣдуетъ, согласовать ихъ между собою, онъ предложилъ государю привлечь къ этому дѣлу общественныя силы, видя въ ихъ участіи полезное и необходимое средство для дальнѣйшей борьбы съ крамолою. Будучи убѣжденнымъ противникомъ конституціи на западно-европейскій ладъ, а созывъ Земскаго Собора считая трудно осуществимымъ и небезопаснымъ, онъ предлагалъ учредить (какъ это было при выработкѣ крестьянской реформы) временныя подготовительныя комиссіи изъ членовъ правительственнахъ вѣдомствъ и приглашенныхъ свѣдущихъ и опытныхъ лицъ, для составленія законопроектовъ. Выработанные этими комиссіями законопроекты должны были передаваться въ Общую Комиссію, составленную изъ лицъ назначенныхъ и выборныхъ земствами и городами. Постановленія ея, съ характеромъ совѣщательнымъ, переходили на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе въ Государственный Совѣтъ и, потомъ, государя. Таковъ былъ проектъ, получившій въ обществѣ названіе «конституціи Лорисъ-Меликова». Имп. Александръ II утвердилъ докладъ своего министра 17 февраля 1881 г., а утромъ 1 марта утвердилъ и текстъ оповѣщенія о

принятой мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы до его опубликованія онъ былъ выслушанъ, 4 марта, въ засѣданіи совѣта министровъ. Подписывая бумагу, Александръ Николаевичъ сказалъ: «надѣюсь, что она произведетъ хорошее впечатлѣніе и послужитъ Россіи новымъ свидѣтельствомъ моего желанія дать все, что только возможно».

33. 1881, 1 марта. Рѣшеніе государя давало надежду, въ будущемъ, на мирную эволюцію политическаго строя Россіи. Соглашаясь на созывъ Общей Комиссіи съ представителями земствъ и городовъ, имп. Александръ слѣдовалъ своей излюбленной мысли: проводить реформы сверху, не дожидаясь, когда ихъ станутъ насильственно вводить снизу. Но въ тотъ самый день, когда докладъ Лорисъ-Меликова былъ подписанъ, бомба, брошенная террористами, прекратила дни государя — наступило новое царствованіе, и задуманная реформа не получила своего осуществленія.

Б. ИМП. АЛЕКСАНДРЪ III. 1881—1894.

I. Воцареніе.

Подобно тому какъ Восточная война съ ея несчастнымъ эпилогомъ — паденіемъ Севастополя и миромъ въ Парижѣ — опредѣлила направленіе государственной дѣятельности имп. Александра II, такъ точно и катастрофа 1 марта наложила свой отпечатокъ на все царствованіе имп. Александра III. Но въ то время какъ язвы, вскрытыя войною 1853—1856 гг., вывели Александра Николаевича на путь освобожденія и коренной ломки сословныхъ перегородокъ, побудили его привлечь широкіе слои русскаго общества къ совмѣстной работѣ, — кровавое наслѣдіе, доставшееся имп. Александру Александровичу, дало ему основаніе признать ошибочнымъ направленіе, усвоенное его отцомъ, и совершенно сойти съ пути, намѣченнаго «конституціей Лориса-Меликова». Убійство Царя-Освободителя, совпавшее какъ разъ съ готовностью несчастнаго государя снова проявить свое довѣріе къ общественнымъ силамъ, тягостно подѣйствовало на Александра III и опредѣлило основныя линіи предстоящаго 13-лѣтняго царствованія: возвратъ къ «сильной власти», къ правительственной опекѣ и надзору; подчиненіе мѣстныхъ автономныхъ органовъ суда и управленія органамъ правительственнымъ; строгія рамки и стѣсненіе свободному проявленію независимой общественной мысли.

Два мѣсяца спустя по воцареніи, особымъ манифестомъ (29 апрѣля) Александръ III заявилъ русскому народу, что,

принявъ престолъ «съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти», онъ считаетъ себя призваннымъ «утверждать и охранять» послѣднюю для блага народнаго «отъ всякихъ на нее поползновеній». Лорисъ-Меликовъ получилъ отставку, и послѣднее распоряженіе покойнаго государя о созывѣ общественныхъ представителей для участія въ выработкѣ законодательныхъ проектовъ было оставлено безъ дѣйствія и никогда не проведено въ жизнь. Манифестъ сталъ политической программой, и Александръ III неуклонно держался ея въ теченіе всего своего царствованія; благо народное и охрана самодержавной власти легли въ основу всѣхъ его позднѣйшихъ мѣропріятій.

II. Правительственныя мѣры.

1. Крестьянство. Правительство не мало сдѣлало и достигло въ своей заботѣ о поднятіи матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Земельные надѣлы, доставшіеся имъ согласно Положенію 19 февраля 1861 г., ко времени вступленія на престолъ имп. Александра III, еще не всѣ были выкуплены — законъ 28 декабря 1881 г. сдѣлалъ этотъ выкупъ обязательнымъ, а платежи значительно понизилъ (на одну пятую), при чемъ самые надѣлы были признаны неотчуждаемыми. Съ естественнымъ ростомъ населенія уже давно сталъ ощущаться, особенно въ центральныхъ и черноземныхъ губерніяхъ, недостатокъ въ свободныхъ земляхъ — чтобъ облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе земель, были приняты двѣ важныхъ мѣры: основанъ Крестьянскій Поземельный банкъ, для выдачи ссудъ (1882, 18 мая) и положено начало правильному переселенію крестьянъ на восточныя окраины государства, въ Сибирь и въ Среднюю Азію, гдѣ еще много земель пустовало и населеніе не было густымъ (постройка Сибирской жел. дороги дала переселенческому движенію особенно сильный толчокъ и подспорье). Кромѣ того была отмѣнена подушная подать (1885, 28 мая). Наконецъ, въ цѣляхъ содѣйствовать развитію земледѣлія, какъ одному изъ основныхъ въ Россіи источниковъ народнаго благосостоянія, учреждено особое министерство земледѣлія (1894, 21 марта).

2. Рабочій классъ. Рабочій классъ пополнялся изъ того же крестьянства, которое, въ поискахъ заработковъ, шло на фабрики и заводы, покидало деревню и стекалось въ города. Съ ростомъ промышленности число фабрикъ и заводовъ стало, во второй половинѣ XIX вѣка, быстро возрастать, и они нуждались въ рабочихъ рукахъ. Однако положеніе фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ сложилось тяжелое: оторванные отъ земли, они зависѣли отъ хозяевъ, безсильные защитить свой

трудъ отъ эксплоатаціи, зачастую корыстной и несправедливой. Это побудило правительство принять нѣкоторыя мѣры въ защиту и охрану интересовъ рабочаго люда.

Закономъ запрещено было принимать на работу на фабрикахъ дѣтей моложе 12 лѣтъ; запрещена ночная работа малолѣтнихъ и женщинъ, и вообще ограничено число ихъ рабочихъ часовъ сравнительно съ работой мужскою. Введено страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Новыя правила о наймѣ гарантировали не только предпринимателю, но и рабочему выполненіе другой договаривающейся стороною принятыхъ на себя обязательствъ. Спеціально съ цѣлью защитить рабочаго отъ произвола хозяйскаго и не допустить ни нанимателя ни нанявшагося до нарушенія установленныхъ нормъ, учреждена была фабричная инспекція.

3. Промышленность. Въ заботахъ о поднятіи отечественной промышленности правительство усиленно строило желѣзныя дороги (за 13 лѣтъ ихъ построено 14 тыс. верстъ), оградило ее новымъ таможеннымъ тарифомъ (высокими пошлинами на ввозные товары); основало много училищъ промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ, желѣзнодорожныхъ, ремесленныхъ; открыло въ Харьковѣ Технологическій институтъ. Конкуренція съ западно-европейскими рынками, вызванная покровительственной системой, и желаніе использовать природныя богатства Сибири, все еще почти нетронутыя, породили грандіозный планъ — постройку желѣзнодорожной линіи чрезъ весь материкъ Сибири, что̀ дало русскому сырью и продуктамъ обработки свободный выходъ на восточной границѣ къ открытому морю, — къ Великому океану (1891). Самая постройка Сибирской линіи была закончена уже въ слѣдующее царствованіе.

4. Финансы. Упорядочены были государственные финансы. Равновѣсіе въ бюджетѣ, сильно подорванное войною 1877—1878 гг., было возстановлено; вмѣсто 45 милліоновъ рублей дефицита за 1880 годъ, доходъ 1893 г. перевѣсилъ расходы почти на 100 милл. Впрочемъ это было достигнуто не одной экономіей въ расходахъ, но также заграничными займами, повышеніемъ косвенныхъ налоговъ и введеніемъ новыхъ. Одни изъ нихъ (налоги на наслѣдство, на процентныя бумаги) легли преимущественно на состоятельные классы населенія, на меньшинство; другіе же, наиболѣе ощутительные (акцизъ на табакъ, на вино, на сахаръ, спички, нефть; гербовый сборъ) коснулись всѣхъ слоевъ населенія безъ различія и чувствительнѣе всего отозвались на массѣ, на неимущемъ классѣ. Государственное казначейство обогатилось, оно скопило у себя большіе денежные запасы, но это было достигнуто за счетъ хозяйственнаго благосостоянія народныхъ массъ. Къ тому же благосостояніе это

было сильно подорвано неурожаемъ хлѣбовъ (1891): отсутствіе у населенія запасныхъ средствъ вызвало голодъ, который разорилъ много хозяйствъ и потребовалъ отъ государства большихъ денежныхъ жертвъ.

5. Дворянство. Особымъ вниманіемъ и заботою имп. Александра III пользовалось дворянское сословіе. Въ цѣляхъ поднять его экономическое положеніе, учрежденъ былъ Дворянскій банкъ, снабжавшій дворянъ деньгами на льготныхъ условіяхъ; приняты были мѣры къ тому, чтобы задержать переходъ ихъ имѣній въ чужія руки — предотвратить обезземеленіе дворянскаго класса; на должности губернаторовъ стали чаще всего назначать предводителей дворянства. По мысли Александра III, дворянскому сословію надлежало «первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности» (манифестъ, обращенный къ дворянству, 21 апрѣля 1885 г.). Такая привилегированность положенія шла вразрѣзъ съ основнымъ направленіемъ великихъ реформъ Александра II, и по духу была болѣе сродни временамъ имп. Николая I, когда въ дворянахъ видѣли главную опору престола и отдавали имъ, какъ сословію, предпочтеніе предъ всѣми остальными.

Въ связи съ такимъ взглядомъ дворянство снова, какъ въ эпоху крѣпостного права, было поставлено въ положеніе крестьянскаго опекуна; въ немъ стали видѣть естественнаго ближайшаго руководителя крестьянъ, ихъ жизни и занятій; въ этомъ отношеніи разница съ предыдущимъ царствованіемъ оказалась огромная: Александръ II, вѣрный идеѣ царя-освободителя, счелъ полезнымъ предоставить всѣмъ классамъ общества, не исключая и низшихъ слоевъ, извѣстную долю самостоятельности, вѣря въ здравый смыслъ русскаго человѣка и убѣжденный, что самая эта самостоятельность воспитаетъ въ людяхъ сознаніе ихъ личной отвѣтственности, научитъ жить собственнымъ умомъ и выработаетъ изъ нихъ полезныхъ членовъ общества, — его же преемникъ, наоборотъ, призналъ болѣе правильнымъ приставить къ мужику особаго д я д ь к у и далъ его въ лицѣ земскаго начальника (1889, 12 іюля).

6. Земскіе начальники. Земскіе начальники назначались исключительно изъ среды дворянъ (по нѣскольку на одинъ уѣздъ). Ихъ обязанность состояла въ надзорѣ за крестьянскимъ самоуправленіемъ, за правильнымъ и цѣлесообразнымъ расходованіемъ мірскихъ капиталовъ, въ заботѣ о хозяйственномъ благоустройствѣ и сохраненіи общественнаго порядка, вплоть до наблюденія за нравственностью и поведеніемъ крестьянина. Имъ предоставлено было право отмѣнять приговоры въ сель-

скихъ и волостныхъ сходахъ, утверждать и устранять выборныхъ крестьянами лицъ; они могли налагать на крестьянъ административныя взысканія: приговаривать, по личному усмотрѣнію, къ аресту (не свыше 7 дней) и къ денежному штрафу (не свыше 5 рублей). Наконецъ, кромѣ опеки и надзора, законъ предоставилъ земскимъ начальникамъ еще и судъ надъ крестьянами. Мировые суды (существовавшіе съ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 г.) были упразднены (за исключеніемъ главнѣйшихъ городовъ) и дѣла, касавшіяся сельскаго населенія, переданы земскимъ начальникамъ, получившимъ право судить крестьянъ и приговаривать ихъ, по суду, къ аресту до 3 мѣсяцевъ, къ тюрьмѣ до 1 года, къ денежному взысканію до 300 рублей. Это соединеніе административной и судебной власти въ одномъ лицѣ было полнымъ отступленіемъ отъ великихъ реформъ имп. Александра II и вообще началъ, польза и правильность которыхъ были признаны еще во времена Екатерины II.

Къ тому же, при всей обширности своей власти надъ крестьянами, земскіе начальники не пользовались никакой самостоятельностью: они сами зависѣли отъ губернаторовъ, надзиравшихъ за ними и руководившихъ ихъ дѣятельностью; министръ внутреннихъ дѣлъ всегда могъ смѣнить ихъ по своему усмотрѣнію или по докладу губернатора. Между тѣмъ широкія права, предоставленныя земскимъ начальникамъ, свели на нѣтъ автономію крестьянской общины, и та «тѣнь самостоятельности, которая закономъ была формально оставлена за органами крестьянскаго самоуправленія, на дѣлѣ была уничтожена» (проф. Лазаревскій). Такимъ образомъ опека надъ сословіемъ, едва только начавшимъ освобождаться отъ нея, подорвала въ корнѣ работу предыдущаго царствованія, прежде чѣмъ она успѣла принести тѣ плоды, какихъ можно было ожидать отъ нея.

7. Земство. Въ томъ же духѣ сословности и опеки произведена была передѣлка Земскаго положенія 1864 года (1890, 12 іюня). Гласные уѣздныхъ земскихъ собраній стали теперь выбираться не всей землею (уѣздомъ) сообща, какъ раньше, а по отдѣльнымъ группамъ. Выборщики были раздѣлены на три категоріи: первую составили исключительно одни дворяне-землевладѣльцы; вторую исключительно одни крестьяне-общинники (не-собственники); третьи — всѣ остальные, причемъ вторая группа (крестьяне-общинники) намѣчали только кандидатовъ, выборъ же самихъ гласныхъ предоставленъ былъ губернатору. Законъ обезпечилъ дворянамъ полный перевѣсъ надъ остальными классами населенія: въ земскихъ собраніяхъ они составляли $^{3}/_{5}$ общаго числа гласныхъ; къ тому же, кромѣ собственно выборныхъ земцевъ, въ составъ гласныхъ введены были также лица по назначенію отъ правительства изъ числа

мѣстной администраціи, набиравшейся обыкновенно изъ той же среды. Все это придало новому земству ярко сословный и дворянскій характеръ.

Если на практикѣ дворянство и при имп. Александрѣ II пользовалось не рѣдко значительнымъ перевѣсомъ въ земскихъ собраніяхъ, все же оно не выдѣлялось тамъ никакими особенными привилегіями: перевѣсъ давала ему не посторонняя воля, а превосходство культурное; вслѣдствіе чего такой порядокъ не только не содѣйствовалъ разобщенію, но скорѣе даже содѣйствовалъ сближенію сословій. Теперь же между ними поселилась рознь, и сословія не-дворянскія чувствовали себя обиженными.

Законъ 1890 года не ограничился этими измѣненіями: сословно-дворянское земство онъ поставилъ еще подъ строгій контроль губернаторской власти. «Губернаторъ получилъ право властнаго надзора за цѣлесообразностью дѣятельности земскихъ учрежденій и право направлять эту дѣятельность. Ему была присвоена роль опекуна, ограждающаго интересы населенія. Исполнительные органы земства, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, получили классъ должности и были введены въ категорію чиновниковъ, отвѣтственныхъ не столько передъ земскими собраніями, сколько, въ порядкѣ службы, передъ администраціей» (Кузьминъ-Караваевъ). Такимъ образомъ новое Положеніе 1890 г. въ корнѣ измѣнило систему земскаго представительства, и отъ прежней самостоятельности земскихъ собраній сохранилась лишь блѣдная тѣнь, такъ какъ изъ органа общественной жизни, отражавшаго собою мысль, волю и желанія мѣстнаго общества, они превратились въ простое орудіе правительственной власти.

8. Школа. Охранительный и реакціонный характеръ правительственныхъ мѣропріятій отразился и на школѣ: она тоже подпала надзору, и недовѣріе къ ней, уже подорванное въ послѣдніе годы царствованія Александра II, теперь усилилось еще болѣе. Справедливое желаніе преградить доступъ вреднымъ политическимъ идеямъ, къ сожалѣнію, осуществлялось нерѣдко въ ущербъ самому образованію. Высшіе женскіе курсы, существовавшіе въ разныхъ городахъ, были закрыты; преобразованные, они открылись снова, но въ одномъ только Петербургѣ. Новый университетскій уставъ (1884) лишилъ корпорацію профессоровъ автономіи: профессора стали теперь снова назначаться правительствомъ, а не выбираться самою коллегіей; студенты поставлены подъ надзоръ особой инспекціи; повышена плата за обученіе; порвана связь профессоровъ между собой и съ студентами; у университетской коллегіи отняли даже производство экзаменовъ (выпускныхъ), ввѣривъ его особой правительственной комиссіи, которая контролировала успѣш-

ность преподаванія и, еще болѣе, политическое направленіе профессоровъ.

Подъ столь же недовѣрчивый надзоръ поставлена была и средняя школа: классные наставники должны были посѣщать квартиры учениковъ, хотя бы они жили у своихъ родителей, и наблюдать за ихъ поведеніемъ. Снова проникъ духъ сословности: доступъ въ гимназіи и реальныя училища дѣтей низшихъ и несостоятельныхъ классовъ былъ ограниченъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась мысль передать все начальное образованіе въ руки духовенства: народный учитель изъ мірянъ казался политически неблагонадежнымъ. Намѣреніе это, осуществлено было лишь отчасти (переданы однѣ т. наз. школы грамоты), такъ какъ значительное число народныхъ школъ содержалось на счетъ земства, правительство же не располагало необходимыми на ихъ содержаніе суммами.

Существенную услугу образованію оказало основаніе Томскаго университета (1888) и учрежденіе въ разныхъ городахъ (Иркутскъ, Красноуфимскъ и др.) техническихъ и промышленныхъ школъ, а также Технологическаго института въ Харьковѣ (см. выше). Вообще техническое и промышленное образованіе сдѣлало значительные успѣхи въ царствованіе Александра III, въ соотвѣтствіи съ ростомъ промышленности и тѣмъ значеніемъ, какое послѣдняя получила въ народномъ хозяйствѣ Россіи.

III. Общество и Правительство.

Рѣшительныя мѣры положили конецъ политическимъ убійствамъ и покушеніямъ на жизнь государя: «Положеніе объ усиленной охранѣ» (1881, 14 авг.) обезвредило подпольную борьбу революціонеровъ; но это было куплено дорогой цѣною. Государь покинулъ Петербургъ и переѣхалъ жить въ Гатчину: тамъ легче было охранять его жизнь. Зато перемѣна резиденціи рѣзче обычнаго подчеркнула недовѣріе верховной власти къ подданнымъ и еще болѣе отдалила царя отъ народа. Порядокъ былъ возстановленъ, но путемъ стѣсненія общественной свободы; широкія полномочія, предоставленныя административнымъ органамъ власти, безконтрольность ихъ распоряженій; излишняя ревность въ ихъ примѣненіи, а то и прямое злоупотребленіе своею властью дѣйствовали угнетающимъ образомъ. Въ обществѣ съ сожалѣніемъ вспоминали о кратковременномъ періодѣ «диктатуры сердца» и о предшествовавшей ему эпохѣ преобразованій Александра II. Перемѣна казалась тѣмъ несправедливѣе и ощущалась тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ свѣтлѣй и смѣлѣе были надежды, порожденныя въ годину великихъ реформъ. Общество не питало никакого сочувствія революціоне-

рамъ, но оно находило, что правительство само отнимаетъ у него возможность оказать ему моральную и реальную поддержку, — и, дѣйствительно, оно не оказало ее. Въ борьбѣ съ анархистами правительство осталось одинокимъ; временно оно придавило ихъ, но совсѣмъ задушить, искоренить не могло. Корни остались и въ слѣдующее царствованіе пустили новые ростки.

Кровь, пролитая 1 марта, несомнѣнно, вопіяла къ отмщенію. «Государь, даровавшій свободу многимъ милліонамъ своихъ подданныхъ, впервые внесшій въ Россію невѣдомыя ей дотолѣ начала права и закона, совершившій въ короткое время величайшія преобразованія, о какихъ повѣствуетъ всемірная исторія, палъ, злодѣйски растерзанный убійцами, вышедшими изъ нѣдръ облагодѣтельствованнаго имъ народа». Убійство Александра II раскрыло всю бездну накопившагося въ русскомъ обществѣ зла, проявило наружу гнилые соки, заразившіе организмъ Россіи; реакція противъ совершеннаго злодѣянія была поэтому неизбѣжна, необходима, но въ борьбѣ со зломъ она ограничилась, къ сожалѣнію, одними только внѣшними средствами (усиленная охрана; обширныя полномочія, предоставленныя администраціи; стѣсненіе свободы), власть же никогда не будетъ сильна, прибѣгая къ нимъ только однимъ: для успѣха своего дѣла ей необходимо обладать еще и нравственнымъ авторитетомъ, необходимо привлечь къ себѣ довѣріе и уваженіе народа, а для этого — опереться на здоровые и крѣпкіе элементы общества. «Это въ особенности необходимо тамъ, гдѣ приходится лѣчить глубоко вкоренившуюся болѣзнь. Тутъ недостаточно однихъ внѣшнихъ средствъ; нужна реакція со стороны самого организма, а для этого надобно побудить его къ дѣятельности. Между тѣмъ, реакція, наступившая послѣ трагической смерти Царя-Освободителя, дѣйствовала какъ разъ наоборотъ, она обратилась не только противъ гнилыхъ соковъ, но и противъ самыхъ здоровыхъ элементовъ общества. Всякая независимая сила, всякая общественная самодѣятельность считались опасными. Утвержденіе власти было ввѣрено исключительно старой, оказавшейся никуда не годной и потерявшей всякій авторитетъ бюрократіи» (Чичеринъ). Вотъ почему пропасть между обществомъ и правительствомъ, и безъ того достаточно широкая при воцареніи Александра III, къ моменту его смерти не только не сгладилась, но раздвинулась еще шире: недовольство выросло, окрѣпло и ждало лишь подходящаго момента, чтобы въ бурной и разрушительной формѣ проявиться наружу.

Характерно, что, поставивъ задачею своего царствованія «утверждать и охранять самодержавную власть отъ всякихъ на нее поползновеній», имп. Александръ III безсознательно

силою вещей, самъ срывалъ съ нея ореолъ божественности и низводилъ ее съ той недосягаемой высоты, на которой, по его мнѣнію, ей слѣдовало пребывать. Политическая обстановка тогдашней Европы (см. выше) повелительно диктовала Россіи союзъ съ республиканскою Франціей, который и былъ, дѣйствительно, заключенъ (1891); и большая заслуга имп. Александра въ томъ, что, понявъ необходимость тѣснаго сближенія съ страною, гдѣ государственный строй такъ рѣзко отличался отъ русскаго, онъ не остановился передъ рѣшительнымъ шагомъ, который ему, убѣжденному самодержцу, сдѣлать было, конечно, не легко. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ гораздо больше государственной мудрости, чѣмъ его дѣдъ, имп. Николай I, упорнымъ преклоненіемъ предъ принципомъ легитимизма испортившій свои отношенія съ Западной Европою и (въ значительной степени вслѣдствіе этого) навлекшій на Россію несчастную войну 1853—1856 гг.

Зато когда, въ качествѣ самодержца всероссійскаго, Александръ III, стоя, съ отданіемъ чести, почтительно выслушивалъ французскій національный гимнъ, — ту Марсельезу, которая призывала народы, «во имя свободы», «къ оружію и къ борьбѣ съ тиранніей», и пѣніе которой не только въ публичномъ мѣстѣ, но даже въ домашнемъ кругу, въ семейной обстановкѣ въ былое время зачастую влекло за собою непріятныя послѣдствія и административныя кары; когда общество видѣло, какъ двуглавый орелъ дружитъ съ фригійскимъ колпакомъ, эмблемой республиканской и революціонной Франціи, — то, конечно, содѣйствовать укрѣпленію самодержавнаго принципа въ самой Россіи подобное зрѣлище не могло. Идея самодержавія, несомнѣнно, низводилась съ своего пьедестала; болѣе чѣмъ когда стало возможнымъ оспаривать ея абсолютную справедливость. Такъ сама жизнь, помимо воли отдѣльныхъ личностей, содѣйствовала разрушенію идей, отживавшихъ свой вѣкъ и становившихся анахронизмомъ.

Впереди предстояла трудная задача смѣнить отживающее начало началомъ болѣе жизненнымъ и разрѣшить эту задачу, по возможности, безболѣзненно, мирнымъ, не насильственнымъ путемъ. Все зависѣло отъ того, въ какія отношенія станутъ одна къ другой двѣ силы, опредѣлявшія ходъ и направленіе русской жизни: правительство и общество. Событія, наступившія по смерти имп. Александра III, показали, что ни то, ни другое не стояли на высотѣ положенія и довели дѣло до бурнаго кроваваго переворота, который потрясъ до основанія всѣ устои государственнаго и общественнаго быта Россіи, разметалъ и уничтожилъ добытое усиліями длиннаго ряда поколѣній и низвелъ страну до паденія еще небывалаго въ исторіи народовъ.

В. ИМП. НИКОЛАЙ II. 1894—1917.

I. Руководящія начала новаго царствованія.

Царствованіе имп. Николая II началось въ обстановкѣ большого напряженія. Съ внѣшней стороны все обстояло благополучно; Александръ III, пораженный болѣзнью печени, хоть и преждевременно (ему было всего 49 лѣтъ), однако спокойно передалъ власть своему сыну: Россія жила въ мирѣ съ своими сосѣдями; ничто не нарушало нормальнаго теченія жизни внутри страны, не угрожало общественному порядку,— по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны; судьба избавила новаго государя отъ тяжелой доли быть вынужденнымъ, вступая на престолъ, первый же актъ своей государственной дѣятельности запечатлѣть кровью подданныхъ, разгоняя ихъ картечью, какъ это было съ его прадѣдомъ, имп. Николаемъ I; разгромъ военный не вынуждалъ его подписывать унизительнаго мира (Александръ II); та же судьба охранила его и отъ ужаса принимать царскій скипетръ и корону, обагренными кровью своего предшественника (Александръ III), — при всемъ томъ дѣйствительное положеніе дѣлъ было гораздо серьезнѣе и тревожнѣе, чѣмъ можно было думать по внѣшнимъ признакамъ, такъ какъ съ первыхъ же дней царствованія Николая II на горизонтѣ стали накапливаться тучи, не предвѣщавшія ничего добраго.

Великій актъ 19 февраля — освобожденіе крестьянъ — пробилъ сильную брешь въ стѣнѣ стараго порядка и сдѣлалъ разъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ нему. Съ этой поры начинается постепенная эволюція государственнаго строя; формы и содержаніе новаго уклада еще не выступили достаточно рельефно, но основныя линіи уже обозначились: равенство всѣхъ передъ лицомъ закона; безсословность; самоуправленіе; участіе общества въ общей работѣ (земство, судъ, города, печать, съѣзды общественные). Эволюціонируя, гражданская свобода неизбѣжно, логически должна была, рано или поздно, привести, въ той или иной формѣ, къ свободѣ политической; но террористы прервали мирный ходъ этой эволюціи: имп. Александръ II палъ ихъ жертвою; новое царствованіе не нашло въ себѣ достаточно силъ, чтобы продолжать работу въ духѣ Царя-Освободителя, а непрекращавшаяся работа подпольныхъ силъ, не достигнувъ своихъ цѣлей, окончательно затормозила и затруднила возвратъ къ ней.

Въ такомъ положеніи обстояло дѣло, когда умеръ Александръ III и воцарился Николай II. Возникалъ тревожный вопросъ: какой курсъ государственному кораблю дастъ

новый кормчій? Оставитъ ли онъ его безъ измѣненія или снова выведетъ Россію на путь великихъ реформъ, уже давно ставшихъ въ сознаніи общества символомъ правды, общественнаго порядка и государственной мощи?

Вступленіе на престолъ сопровождалось обычными въ такихъ случаяхъ поздравительными адресами; города, земства, дворянство, казачество, привѣтствуя новаго государя, воспользовались рѣдкимъ случаемъ заявить ему о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Въ очень многихъ адресахъ высказана была просьба о допущеніи представителей земствъ къ участію въ законодательной работѣ; вообще адреса были проникнуты общей мыслью о необходимости единенія верховной власти съ населеніемъ и полученія возможности, въ кругу нашего вѣдѣнія», какъ заявляло Черниговское земство, «самостоятельно оцѣнивать наши мѣстныя пользы и нужды, безпрепятственно возлагать исполненіе земскихъ обязанностей на лицъ, которыхъ мы считаемъ наиболѣе достойными».

«Мы уповаемъ», говорили Тверитяне, — «что счастіе наше будетъ рости и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона, какъ со стороны народа, такъ и представителей власти; что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняемы. Мы ждемъ, государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго».

Отвѣтъ на эти заявленія данъ былъ 17 января 1895 года, на пріемѣ депутацій. Пожеланія объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія государь опредѣлилъ, какъ «безсмысленныя мечтанія», заявивъ, что будетъ охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ и его предшественникъ. Такой отвѣтъ опредѣленно указывалъ, чего въ будущемъ обществу не слѣдуетъ ожидать отъ правительства. Надежды на сближеніе рухнули сразу; произошелъ окончательный разрывъ; обѣ стороны потеряли довѣріе другъ къ другу. Неудачныя мѣры правительства злорадно подхватывались, служили мишенью для нападокъ; удачныя же и полезныя не производили надлежащаго впечатлѣнія, и примиренія не вносили.

Возобновились активныя выступленія анархистовъ, и спокойные, умѣренные элементы общества очутились межъ двухъ огней: сочувствовать террору они не могли, не хотѣли, но и стать открыто противъ него не рѣшались, опасаясь, какъ бы торжество правительства, олицетворявшаго въ ихъ глазахъ реакцію, не повлекло за собою къ полному ея торжеству. Въ результатѣ, отказывая морально поддержать власть, они без-

сознательно оказывали моральную поддержку террору, и тотъ не замедлилъ дать почувствовать свою силу.

II. Дѣйствія анархистовъ.

Началось со студенческихъ безпорядковъ. Они вызвали рядъ репрессивныхъ мѣръ: былъ установленъ комплектъ студентовъ; студенты прикрѣплены къ тѣмъ учебнымъ округамъ, гдѣ они закончили свое гимназическое образованіе; при университетахъ созданы общежитія; усилена инспекція. Мѣры эти цѣли своей однако не достигали. Новое распоряженіе — отдача студентовъ, въ наказаніе за безпорядки, въ солдаты (1899, іюля 29.) — только усилило волненія. Кромѣ того оно вызвало неудовольствіе и въ военныхъ кругахъ, оскорбленныхъ тѣмъ, что армію низводили на положеніе исправительныхъ арестантскихъ ротъ, въ полномъ противорѣчіи съ основной идеей всеобщей воинской повинности, которая пріучила видѣть въ солдатѣ лучшаго сына Родины, гордаго своимъ призваніемъ, тѣмъ болѣе что самый законъ 1874 года категорически исключалъ возможность проникновенія въ солдатскую среду порочныхъ элементовъ.

1901, 14 февраля. Министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ, въ управленіе котораго проводилась эта послѣдняя мѣра, былъ смертельно раненъ уволеннымъ за безпорядки студентомъ Карповичемъ. Выстрѣлъ Карповича (приговореннаго къ 20 годамъ каторги) открылъ собою новый періодъ террора и политическихъ покушеній на министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1901, 22 мая. Покушеніе (неудавшееся) студента Лаговскаго на оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева.

1902, 2 апрѣля. Убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ (студентомъ Балмашевымъ; его повѣсили).

1902. Покушеніе на харьковскаго губернатора князя Оболенскаго.

1903. Убитъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ (террористомъ Гершуни); тяжело раненъ главнокомандующій на Кавказѣ, князь Голицынъ.

1904, январь. Покушеніе на жизнь ломжинскаго губернатора барона Корфа; другое покушеніе на тифлисскаго полицмейстера.

1904, 3 іюня. Убитъ финляндскій генералъ-губернаторъ Бобриковъ (Шаумановъ, сыномъ финляндскаго сенатора; убійца застрѣлился на мѣстѣ преступленія).

1904, 15 іюля. Убитъ министръ внут. дѣлъ Плеве (студентомъ Сазоновымъ; его сослали на каторгу).

1905, 4 февраля. Убитъ московскій генералъ-губернаторъ, великій князь Сергѣй Александровичъ, дядя государя (Каляевымъ; его повѣсили).

III. Правительственная дѣятельность въ первое десятилѣтіе. 1894—1904.

Мы видѣли, что въ царствованіе имп. Александра III было приложено много старанія къ поднятію матеріальнаго благосостоянія страны и на развитіе въ ней промышленности. Работа въ этомъ направленіи пошла еще интенсивнѣе съ назначеніемъ на постъ министра финансовъ С. Ю. Витте (1892—1903). Повышеніемъ косвенныхъ налоговъ (на спиртъ, сахаръ, нефть, табакъ, хлопокъ, чай, спички); введеніемъ питейной монополіи; выкупомъ изъ частныхъ рукъ наиболѣе важныхъ желѣзнодорожныхъ линій, что̀ позволило сосредоточить доходъ съ нихъ въ государственной казнѣ; постройкою новыхъ линій[1]) государственный бюджетъ былъ поднятъ до небывалой еще высоты: съ одного милліарда до (свыше) двухъ милліардовъ рублей, а это, въ свою очередь, позволило произвести большіе расходы на перевооруженіе арміи, усилить военный флотъ, достроить Сибирскую желѣзную дорогу[2]) и сдѣлать крупныя затраты на Дальнемъ Востокѣ, ставшія необходимыми послѣ занятія нами Портъ-Артура (см. ниже), и совершить денежную реформу (девальвацію рубля), которая, въ свою очередь, укрѣпила кредитъ и придала больше устойчивости государственнымъ финансамъ.

Доходы казны увеличились также вслѣдствіе введенія пониженнаго пассажирскаго тарифа, особенно на дальнихъ разстояніяхъ. Мѣра эта, казалось, должна была дать результаты прямо противуположные; въ дѣйствительности же дешевизна проѣзда значительно усилила пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, вслѣдствіе чего поднялась и доходность дорогъ, не говоря о выгодѣ такого облегченнаго передвиженія для торговыхъ сдѣлокъ и расчетовъ.

Большое вниманіе въ министерство Витте обращено было на распространеніе техническаго знанія, въ которомъ основательно видѣли залогъ успѣха и развитія промышленности. Были открыты (и прекрасно оборудованы) Технологическій институтъ въ Томскѣ, три политехническихъ института: въ Петербургѣ, Кіевѣ и Варшавѣ; четвертый, въ Ригѣ, существовавшій тамъ съ 1862 года, былъ преобразованъ; значительно

[1]) За 11 лѣтъ число желѣзныхъ дорогъ почти удвоилось: съ 29 тыс. до 54 тысячъ верстъ.

[2]) Длиною въ 6 000 верстъ; съ Восточно-Китайскою вѣткою до Портъ-Артура всего 8 700 вер. Обѣ обошлись въ полмилліарда рублей.

увеличилось число коммерческихъ училищъ (съ 8 до 147); по селамъ завелись ремесленныя учебныя мастерскія; приложены мѣры къ развитію техническаго образованія въ рабочемъ классѣ. Всероссійская Промышленная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ (1896) тоже дала не малый толчекъ промышленному дѣлу.

Увеличеніе доходовъ и накопленіе денегъ въ Государственномъ банкѣ имѣло и свои отрицательныя стороны: косвенные налоги на предметы потребленія неизбѣжно тяжелѣй всего ложились на неимущіе классы населенія; питейная монополія, введенная съ цѣлью упорядочить потребленіе вина, самаго тяготѣнія къ нему, издавна вкорененнаго въ массахъ, остановить не могла, что, при постоянномъ повышеніи цѣнъ на спиртъ, дорого обходилось населенію; Россія («простой мужикъ») ежегодно пропивала на хлѣбномъ винѣ свыше полумилліарда рублей. Отмѣна паспортнаго сбора (1897), круговой поруки въ крестьянской общинѣ (1903) и пошлинъ на сельско-хозяйственныя орудія и машины; а также болѣе заботливое вниманіе къ матеріальному положенію крестьянина при взиманіи съ него податей не въ состояніи были уравновѣсить зла. Для выясненія мѣръ, необходимыхъ для улучшенія хозяйственнаго быта сельскаго населенія, было учреждено, по иниціативѣ Витте, «Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» (1902—1905). Къ дѣлу привлечены были общественные дѣятели, люди науки, но Совѣщаніе было распущено прежде, чѣмъ успѣло выработать что-либо положительное.

Перечень другихъ правительственныхъ мѣръ за первое десятилѣтіе.

1. Всеобщая народная перепись 28 января 1897 г. (все населеніе имперіи доходило до 129 милліоновъ душъ обоего пола).

2. Судебные Уставы 1864 г. введены въ Сибири (1896, 13 мая).

3. Выработано и утверждено новое Уголовное Уложеніе (1903, 28 марта), въ замѣну прежняго, 1845 года.

4. Создано Временное Переселенческое Управленіе (1896, 2 дек.) — съ этой поры заселеніе Сибири и русскихъ Средне-азіатскихъ владѣній пошло ускореннымъ темпомъ.

5. Отмѣна подушной подати въ царствованіе имп. Александра III (1889) коснулась только Европейской Россіи; теперь она была распространена и на Сибирь (1898).

6. Учреждено Попечительство о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ (1895). Цѣлью его было поддерживать бѣдныхъ не путемъ милостыни, а трудовой помощью, — предоставляя имъ заработокъ, который бы поддерживалъ ихъ существованіе.

7. Основано Инженерное Училище въ Москвѣ (1895).

8. Основанъ Восточный Институтъ во Владивостокѣ (1899).

9. Высшее женское образованіе, прерванное въ предыдущее царствованіе, сдѣлало теперь большіе успѣхи. Были открыты: Женскій Медицинскій Институтъ въ Петербургѣ; Педагогическіе курсы (тамъ же) преобразованы въ Женскій Педагогическій Институтъ; открыты Высшіе Женскіе курсы въ Москвѣ, Одессѣ. Позже (1906—1910) открылись такіе же Высшіе курсы въ Кіевѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Юрьевѣ, Новочеркасскѣ, Варшавѣ, Томскѣ.

10. Въ Петербургѣ основанъ, задуманный еще имп. Александромъ III, «Русскій Музей» его имени (1895, 13 апр.). Съ первыхъ же лѣтъ существованія онъ выросъ во всероссійское хранилище національнаго художественнаго творчества (живопись, современная и старинная (иконописаніе); ваяніе; коллекціи этнографическія; памятники историческаго содержанія).

11. **Рядъ мѣръ, касавшихся земства.** Почти всѣ онѣ проникнуты недовѣріемъ къ нему, боязливою мыслью, какъ бы ростъ земскихъ учрежденій не нанесъ ущерба самодержавію верховной власти. Правительство справедливо исходило изъ убѣжденія, что развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія рано или поздно неизбѣжно приведетъ къ непосредственному участію въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ (взглядъ, формулированный министромъ Витте).

а) Фиксація земскаго обложенія; въ цѣляхъ предохранить населеніе отъ чрезмѣрнаго обложенія его земскими сборами, земству запрещено было повышать послѣдніе выше извѣстной нормы (1900, 12 іюня).

б) Продовольственное дѣло (устройство хлѣбныхъ магазиновъ, вообще обезпеченіе населенія въ снабженіи питательными продуктами, находившееся раньше въ вѣдѣніи земства) передано мѣстнымъ правительственнымъ органамъ (уѣзднымъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ) (1900, 12 іюня).

в) Земствамъ запрещено заниматься собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ (1902, 30 мая).

г) Регламентирована и поставлена подъ непосредственный контроль администраціи дѣятельность земства по ветеринарному дѣлу (1902, 12 апр.).

д) Введены земскія учрежденія въ шести западныхъ губерніяхъ, въ Ставропольской, Астраханской и Оренбургской, но съ самоуправленіемъ еще болѣе урѣзаннымъ, чѣмъ это было установлено въ царствованіе имп. Александра III Положеніемъ 1890 года (1903, 2 апр.).

е) Ревизія земскихъ учрежденій въ четырехъ губерніяхъ закончилась (въ Тверской губ.) устраненіемъ отъ службы и высылкой нѣкоторыхъ земцевъ и замѣной ихъ новыми лицами уже не по выбору, а по назначенію отъ правительства (1904, январь).

12. **Гаагская конференція.** Въ 1899 г. въ Гаагѣ, столицѣ Голландіи, собралась, по личной иниціативѣ имп. Николая II, мирная конференція, въ которой приняли участіе всѣ европейскія государства, С.-А. Соед. Штаты, Мексика, Японія, Сіамъ и Персія. Государь руководился благороднымъ желаніемъ «положить предѣлъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія». Въ приглашеніи на съѣздъ указывалось на то, что постоянный ростъ вооруженій ложится тяжелымъ бременемъ на народное благосостояніе, отвлекаетъ духовныя и физическія силы народовъ отъ производительнаго труда, тормозитъ просвѣщеніе и, грозя сдѣлать нестерпимымъ такое положеніе дѣла, роковымъ образомъ ускоряетъ приближеніе кровавой развязки, страшной и пагубной одинаково для всѣхъ. Прямая цѣль, указанная Гаагской конференціи — сократить вооруженія и военные бюджеты, или по крайней мѣрѣ обязаться не увеличивать ихъ впредь — достигнута не была: взаимная подозрительность и недовѣріе помѣшали державамъ придти къ соглашенію. Приняты были, и то не всѣми единодушно, рѣшенія второстепеннаго значенія: запрещено бросать взрывчатые снаряды съ воздушныхъ шаровъ; пользоваться на войнѣ удушливыми газами, разрывными пулями; въ самой Гаагѣ учрежденъ постоянный третейскій судъ (трибуналъ), къ которому спорящія стороны могли обращаться для разсмотрѣнія ихъ спора; нейтральныя державы получили право предлагать свое посредничество (безъ того, чтобы это зачтено было за вмѣшательство въ чужія дѣла) для предотвращенія войны или ея прекращенія, если бы военныя дѣйствія уже начались.

Большихъ практическихъ результатовъ Гаагская конференція не принесла; возлагавшихся на нее надеждъ она не оправдала; конца войнамъ она не положила; но идейное значеніе ея прочное, не преходящее: она лишній разъ напомнила міру и освѣжила въ его сознаніи великую воспитательную идею братства народовъ, противопоставивъ ее враждѣ и грубому эгоизму, какъ тормазамъ прогресса и процвѣтанія человѣчества.

IV. Война съ Японіей.

Между тѣмъ началась война съ Японіей. Утвержденіе на Дальнемъ Востокѣ было для Россіи исторической необходимостью. Нельзя безнаказанно отказываться отъ дѣла, завѣщан-

наго предками, прерывать работу на полпути къ достиженію цѣли, когда на эту работу уже затрачены усилія многихъ поколѣній и принесены тяжелыя жертвы. Въ этомъ отношеніи Японская война оправдывалась всѣмъ нашимъ прошлымъ. Конечную цѣль намѣтили еще русскіе Землепроходы, когда вслѣдъ за Ермакомъ они двинулись за Уральскія горы и въ теченіе одного столѣтія (XVII-го) прошли весь материкъ Сибири изъ конца въ конецъ. Клубокъ, катясь, все развертывался, пока не встрѣтилъ серьезнаго препятствія. Этимъ препятствіемъ явилась Японія, вчера еще мало извѣстное, слабое государство, сегодня — уже сильная держава.

При всемъ томъ война съ Японіей была, въ данныхъ условіяхъ, совершенно несвоевременна; къ тому же она велась безъ достаточной подготовки, а ближайшіе мотивы ея были не настолько возвышенны, чтобы вызвать національное воодушевленіе и сдѣлать ее популярною въ массѣ народной.

Наши владѣнія на берегу Тихаго океана, расположенныя на крайнемъ Востокѣ, оставались еще недостаточно связанными съ центромъ Россіи; уже Севастопольская кампанія въ 1850-хъ годахъ наглядно показала, что значитъ вести войну на отдаленной окраинѣ государства, лишенной путей сообщенія и отрѣзанной отъ областей, изъ которыхъ черпаются военныя силы. Сибирская желѣзная дорога, хотя къ 1904 году и была построена, но еще не вполнѣ оборудована и потому не обладала надлежащей провозоспособностью. Кромѣ того мы были совершенно неосвѣдомлены о дѣйствительныхъ силахъ непріятеля и считали ихъ гораздо ниже, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ; да и къ самому непріятелю относились съ неосновательнымъ презрѣніемъ, не дооцѣнивали его духовныхъ силъ. Подобно тому какъ въ Крымскую войну мы хвастались, что «закидаемъ шапками» непріятеля, такъ и теперь мы не допускали и мысли, чтобы какіе-то «макаки», маленькіе «обезьяноподобные люди», «варвары», вчера еще совершенно незнакомые съ европейскою культурой, смогли оказать намъ серьезное сопротивленіе. Японцы предлагали намъ мирно уладить дѣло и сговориться по спорнымъ вопросамъ, домогаясь значительно меньшаго, чѣмъ то, что пришлось отдавать имъ потомъ, но мы отвергли ихъ предложенія.

Несвоевременна была война и въ силу общей политической обстановки. Берлинскій конгрессъ 1878 г. остановилъ Россію, въ дѣлѣ освобожденія славянъ, на полдорогѣ: ея старанія укрѣпить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчали упорное сопротивленіе со стороны Австріи, Англіи и особенно Германіи. Эти державы вели противъ насъ въ Константинополѣ сложную дипломатическую борьбу, и потому связывать себя какъ разъ въ это время на Дальнемъ Востокѣ

значило ослаблять себя на Ближнемъ, что и не замедлило потомъ, дѣйствительно, сказаться. Германіи было выгодно вовлечь Россію въ Японскую войну, и она съумѣла добиться этого.

Густое населеніе и тѣсная, переполненная территорія вынуждала Японію искать новыхъ земель, куда она могла бы направить избытокъ своего населенія. Удачная война съ Китаемъ на первый разъ открыла ей выходъ: по миру въ Симоносеки (1895, 17 апр.) японцы получили большой островъ Формозу и Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ: кромѣ того Китай отказывался отъ принадлежавшаго ему протектората надъ Кореей, что облегчало японцамъ проникновеніе и въ эту страну.

Такое усиленіе Японіи русское правительство сочло опаснымъ. Ляодунскій полуостровъ являлся естественной окраиной Сибирскаго материка, и допускать японцевъ утвердиться на немъ, значило, дѣйствительно, нажить себѣ очень неудобнаго сосѣда. Во избѣжаніе пагубныхъ послѣдствій, Россія, поддержанная другими державами, настояла на отказѣ Японіи отъ всей территоріи Ляодуна и на возвращеніи его Китаю. У Японіи вырывали изъ рукъ плоды ея побѣдъ. Безсильная сопротивляться, она подчинилась требованію, но глубоко затаила оскорбленіе, нанесенное ея національному самолюбію. Между тѣмъ Россія, для бо́льшаго обезпеченія, заарендовала у Китая, въ 1898 г., этотъ самый Ляодунъ съ Портъ-Артуромъ на 99 лѣтъ и стала укрѣпляться тамъ, спѣшно провела къ Портъ-Артуру желѣзнодорожную вѣтку отъ Сибирской магистрали и, для лучшей ея охраны, заняла своими войсками въ Манджуріи полосу земли, по которой проходила эта вѣтка, и въ то же время стала домогаться у Японіи уступки ей въ Кореѣ двухъ гаваней.

Японія на этотъ разъ отвѣчала отказомъ. 30 января 1902 г. она заключила оборонительный союзъ съ Англіей[1]) и, обезпечивъ себя съ этой стороны[2]), стала дѣятельно готовиться къ войнѣ.

Военныя дѣйствія начались неожиданнымъ нападеніемъ японцевъ на русскія суда, стоявшія въ гавани Портъ-Артура (1904, 27 янв.). Зловѣщее начало какъ бы предопредѣлило дальнѣйшій ходъ войны: она все время велась крайне для насъ несчастливо, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Нашъ

---

[1]) Каждая изъ договаривающихся сторонъ обязывалась поддержать другую, если бы той пришлось вести войну одновременно съ двумя державами.

[2]) Союзъ съ Англіей для Японіи имѣлъ то значеніе, что, въ случаѣ ея войны съ Россіей, Англія не могла бы оказать послѣдней вооруженную поддержку.

флотъ былъ уничтоженъ или приведенъ въ негодность; крѣпость Портъ-Артуръ отрѣзана отъ Россіи и подверглась тяжелой осадѣ; только-что великолѣпно оборудованный коммерческій портъ Дальній, стоившій государству большихъ денежныхъ затратъ, былъ занятъ японцами и послужилъ прекрасною опорною базою для ихъ флота. Первыя столкновенія на сушѣ произошли у границъ Кореи, отъ которыхъ русскимъ войскамъ, послѣ цѣлаго ряда сраженій (Тюренчень, Вафангоу, Дашицао, Ляоянъ, Шахе, Мукденъ), пришлось отступать каждый разъ все дальше и дальше. Въ концѣ года (1904, 22 дек.) Портъ-Артуръ, послѣ геройской обороны, вынужденъ былъ сдаться, а нѣсколькими мѣсяцами позже, сооруженная съ большимъ напряженіемъ въ Кронштадтѣ новая эскадра, лишь появилась у японскихъ береговъ, была почти вся уничтожена (бой у острова Цусимы, 15 мая 1905 г.).

Не смотря на эти тяжелыя пораженія, Россія отнюдь еще не утратила возможности продолжать борьбу: къ арміи постоянно подходили подкрѣпленія войсками и боевыми снарядами; но если не въ военныхъ, то въ правительственныхъ кругахъ вѣра въ собственныя силы была уже утеряна; въ странѣ война не пользовалась сочувствіемъ; къ тому же борьба, если продолжать ее, неизбѣжно потребовала бы новыхъ жертвъ, идти на которыя представлялось особенно затруднительнымъ при тѣхъ волненіяхъ и безпорядкахъ, какіе разгорались въ ту пору внутри Россіи. Поэтому правительство стало искать мира. Искали его и японцы: побѣды обошлись имъ крайне дорого; въ своихъ усиліяхъ они уже дошли до высшаго напряженія и сознавали, что при первомъ же успѣхѣ русскихъ войскъ они рискуютъ потерять все.

Вотъ почему обѣ стороны охотно приняли предложенное имъ посредничество президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Рузвельта. Миръ былъ заключенъ на американской нейтральной территоріи, въ городѣ Портсмутѣ (1905, 23 авг.). Россія уступала Японіи Портъ-Артуръ и Дальній со всѣмъ Ляодунскимъ полуостровомъ, отдавала ей южную половину острова Сахалина и отказалась отъ своихъ притязаній на Корею, предоставивъ Японіи тамъ полную свободу дѣйствій. Портсмутскимъ миромъ прежнее вліятельное положеніе Россіи въ дѣлахъ Восточной Азіи было подорвано въ конецъ.

V. Борьба за конституцію.

Неудачная война не замедлила оказать рѣшающее вліяніе на положеніе правительства и на судьбу всего государственнаго строя. Политическая мощь Россіи была поколеблена; война нанесла тяжелый ударъ національному самолюбію и

неизбѣжно порождала тревожный вопросъ: въ чемъ зло? Какія причины привели къ такому постыдному пораженію? Подобно Крымской войнѣ и война Японская вскрыла несовершенства дѣйствующей системы управленія и, самое главное, ложность тѣхъ основаній, на которыхъ она строилась. Правительству ставили въ упрекъ, что оно черпаетъ свои законодательныя и административныя силы въ слишкомъ тѣсной средѣ (бюрократіи), недостаточно освѣдомленной ни о средствахъ и текущихъ нуждахъ страны ни о наилучшихъ способахъ ихъ разрѣшенія; что въ то же время оно лишаетъ широкіе круги населенія свободно обмѣниваться мнѣніями, устраняетъ его отъ соучастія въ своей работѣ и сознательно отказывается отъ его содѣйствія. Недовольство приняло размѣры столь серьезные, что подавить его старыми мѣрами оказалось невозможно.

Еще въ первое полугодіе военныхъ дѣйствій, когда накопилось достаточно основаній, чтобы тревожиться за благополучный исходъ ихъ, произошло убійство министра внутр. дѣлъ Плеве (1904, 15 іюля). Этотъ анархическій актъ вызвалъ въ обществѣ не отвращеніе, а почти что открытое сочувствіе къ нему — до того низко палъ авторитетъ и репутація правительства. Убійство Плеве явилось поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ событій. Новый министръ внутр. дѣлъ, князь Святополкъ-Мирскій (назначенъ 23 авг.), прежде всего обратился къ обществу съ призывомъ къ взаимному «довѣрію», обѣщалъ «освѣжить воздухъ». Его слова сулили поворотъ къ лучшимъ днямъ; отъ нихъ «повѣяло весной», и общество съ радостью ухватилось за нихъ, въ надеждѣ на политическое обновленіе страны.

Однако «весна» и возбужденныя ею надежды продолжались не долго. Хотя назначеніе Святополкъ-Мирскаго и явилось сдвигомъ, уклоненіемъ отъ прежней системы управленія, но сдвигомъ вынужденнымъ; надежда скоро смѣнилась разочарованіемъ. Правительство не успѣвало за обществомъ, не рѣшаясь дать ему всего того, чего ждали отъ него. Между тѣмъ дѣла на театрѣ войны шли хуже и хуже; недовольство правящими кругами усиливалось; разладъ принималъ все болѣе рѣзкія формы, и скоро, всего черезъ годъ, у верховной власти насильно было вырвано то, что составляло предметъ вожделѣнія многихъ, — конституція.

Вотъ хронологическій перечень событій за это время. Изъ него можно видѣть, что завѣтъ имп. Александра II — проводить реформы сверху, по собственному почину, предупреждая насильственное осуществленіе ихъ снизу — выполненъ не былъ; уступки дѣлались вынужденно, подъ давленіемъ. Между тѣмъ давленіе снизу, само по себѣ нежелательное,

представляло, сверхъ всего, большую опасность: оно подрывало авторитетъ власти, сама же власть предупредить давленіе не умѣла, и потому оно становилось неизбѣжнымъ. Съ этой поры Россію вело и указывало ей дорогу не правительство, а общество, чѣмъ и объясняется небывалое дотолѣ значеніе общественныхъ съѣздовъ и принятыхъ на нихъ постановленій.

1904, 6-8 ноября. Съѣздъ земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ. Его постановленія: 1) личность и частное жилище должны быть неприкосновенны; необходимо прекратить аресты и высылки административнымъ (не по суду) порядкомъ; необходимо привлекать къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, нарушившихъ постановленія закона; 2) необходимо обезпечить свободу совѣсти, вѣроисповѣданія, слова и печати, свободу собраній и союзовъ; 3) уравнять всѣхъ гражданъ Россійской имперіи въ гражданскихъ и политическихъ правахъ; 4) уравнять личныя права крестьянъ съ правами другихъ сословій; освободить крестьянъ отъ административной опеки; 5) возстановить Земскія учрежденія 1864 г. въ полномъ ихъ объемѣ, предоставивъ земству дѣйствительную самостоятельность и распространивъ дѣйствіе этихъ учрежденій на всѣ части Русскаго государства; 6) по вопросу о политической дѣятельности большинство высказалось за необходимость привлечь народъ, въ лицѣ его представителей, къ участію въ законодательной власти съ рѣшающимъ голосомъ, меньшинство — довольствовалось преобразованіемъ Государственнаго Совѣта, превращеніемъ его въ выборный земскій совѣтъ, съ правомъ доклада о всѣхъ дѣлахъ непосредственно государю.

1904, 12 декабря. Правительство не осталось совершенно глухо къ заявленіямъ земскихъ дѣятелей и въ нѣкоторой, неполитической части, согласилось удовлетворить ихъ. Оставляя незыблемыми основные законы имперіи (т. е. старый самодержавный порядокъ управленія страною), государь возложилъ на Комитетъ Министровъ задачу: «объединить законы о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи», «предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства», уравнять передъ судомъ лица всѣхъ состояній, пересмотрѣть исключительныя законоположенія, вызванныя борьбою съ терроромъ, проявить вѣротерпимость въ дѣлахъ вѣры и облегчить положеніе печати. Практическаго значенія указъ этотъ однако не имѣлъ: событія опередили его осуществленіе.

1905, 3-8 января. Забастовка и волненія рабочихъ на заводахъ въ Петербургѣ.

1905, 9 января. «Кровавое воскресенье». Мирная демонстрація рабочихъ, съ священникомъ Гапономъ во главѣ, передъ зданіемъ Зимняго Дворца, для подачи петиціи государю. Рабочіе шли съ пѣніемъ церковныхъ молитвъ, несли впереди церковныя хоругви, портреты государя и государыни. Толпа была разогнана войсками, при чемъ было много убитыхъ и раненыхъ. Событія повели къ отставкѣ министра внутр. дѣлъ Святополкъ-Мирскаго и къ замѣнѣ его Булыгинымъ (20 января).

1905, 18 февраля. Убійство вел. князя Сергѣя Александровича (4 февр.) и тревожное настроеніе въ провинціи побудили государя обнародовать рескриптъ на имя министра Булыгина: государь возвѣщалъ о своемъ намѣреніи привлекать на будущее время «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Сравнительно съ указомъ 12 декабря, это былъ большой шагъ впередъ: передъ обществомъ открывалась возможность политической дѣятельности, и оно призывалось принять въ ней участіе, какъ совѣщательный органъ правительственной власти. Выработка основаній народнаго представительства была возложена на Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ того же Булыгина.

1905, 25 февраля. Разрѣшено, раньше строго воспрещавшееся, печатаніе богослужебныхъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ.

1905, 17 апрѣля. Знаменитый актъ, даровавшій русскому народу религіозную свободу. Указъ отозвался главнымъ образомъ на старообрядцахъ, которые, послѣ двухъ вѣковъ гоненія получили, наконецъ, право свободно придерживаться своихъ церковныхъ обрядовъ. Указъ повелѣвалъ: 1) никого не преслѣдовать за отпаденіе отъ православія въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе; такое отпаденіе не должно влечь за собою утраты личныхъ или гражданскихъ правъ; 2) тѣхъ, кто признавалъ основные догматы христіанской церкви, но не слѣдовалъ всѣмъ ея обрядамъ и совершалъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, запрещалось называть раскольниками (какъ это дѣлалось раньше): имъ усвоялось названіе старообрядцевъ (какъ они сами себя называли); 3) разрѣшить старообрядцамъ строить свои церкви, а тѣ, что запечатаны по распоряженію административныхъ властей, распечатать, передавъ ихъ въ пользованіе старообрядческихъ церковныхъ приходовъ; 4) признать существованіе особаго духовнаго старообрядческаго сословія (раньше старообрядческихъ священниковъ приписывали къ мѣщанамъ или сельскимъ обывателямъ), освободить его отъ воинской повинности

и вообще поставить въ одинаковое положеніе съ православнымъ духовенствомъ господствующей церкви. Новый законъ однако не рѣшался еще назвать старообрядческія церкви ихъ настоящимъ именемъ («молитвенные старообрядческіе дома») и священниковъ и епископовъ величалъ «настоятелями и наставниками»; 5) секты ранѣе считавшіяся вредными (штундисты, духоборы), получили право общественнаго богослуженія.

1905, 22-26 апрѣля. Второй общеземскій съѣздъ въ Москвѣ. Въ связи съ рескриптомъ 18 февраля, онъ занялся вопросомъ объ организаціи народнаго представительства. Его постановленія: 1) безсословность представительства; 2) при выборахъ подача голосовъ — всеобщая, равная и тайная; 3) народные представители должны выбираться непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право (такъ называемые «прямые» выборы); 4) двѣ равноправныхъ палаты: одна — изъ народныхъ представителей; другая — отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; 5) повсемѣстная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ; 6) отмѣна административной карательной власти земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

1905, 24-26 мая. Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ пораженія при Цусимѣ (15 мая), въ Москвѣ собрался третій земскій съѣздъ, на этотъ разъ съ участіемъ представителей отъ городовъ. Съѣздъ выработалъ текстъ адреса, который рѣшено было подать государю императору. Члены съѣзда писали: «Государь! преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіемъ Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну; наша армія не могла одолѣть врага; нашъ флотъ уничтоженъ и, грознѣе опасности внѣшней, разгорается внутренняя усобица. Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола, полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждаютъ путь, открытый Вами, дабы голосъ правды не могъ доходить до Васъ. Государь! Пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего, равно и безъ различія, всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный

вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Государь! Въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, держава Ваша, Вашъ престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ! Не медлите, Государь! Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей!»

1905, 6 іюня. Пріемъ государемъ депутаціи, поднесшей вышеупомянутый адресъ. Рѣчь одного изъ депутатовъ (кн. С. Н. Трубецкого) такъ мотивировала желанія апрѣльскаго съѣзда: «Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасною, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ царя и въ несокрушимое могущество Россіи, но именно поэтому, онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ царя. И когда народъ видитъ, что царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ: и въ генералахъ, и въ совѣтникахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ« вообще. Вотъ грозная опасность. Единственный выходъ изо всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій, это — путь, указанный Вами, Государь: созывъ избранниковъ народа. Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винимъ не отдѣльныхъ лицъ, а приказный строй. Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственною».

Государь на это отвѣтилъ: «Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля, воля царская, созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна; привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ».

1905, 6 августа. Опубликовано выработанное министромъ Булыгинымъ Положеніе о Государственной Думѣ («Булыгинская Дума»). Учреждалась Государственная Дума для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній. Ея вѣдѣнію подлежали: государственные законо-

проекты, бюджетъ, отчетъ государственнаго контроля, постройка желѣзныхъ дорогъ, если таковая велась на счетъ казны. Думѣ предоставлялось право вносить на обсужденіе свои предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ законовъ, также объ изданіи новыхъ. Заключенія Думы передавались въ Государственный Совѣтъ, а оттуда, съ его заключеніемъ, поступали на благоусмотрѣніе государя императора. Законопроектъ, выработанный министромъ, считался отклоненнымъ и до государя не восходилъ, если большинство двухъ третей и въ Думѣ и въ Совѣтѣ оказывалось противъ него. Засѣданія Думы, какъ и въ Совѣтѣ, были закрытыми и публикѣ недоступны. Предварительные съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и уполномоченныхъ отъ крестьянскихъ волостей выбирали, каждая группа отдѣльно, своихъ выборщиковъ, а тѣ въ свою очередь, выбирали, въ отдѣльности, членовъ въ самую Думу. Принимая участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, Дума «6 августа» могла лишь высказываться, но сама ничего не рѣшала; она была органомъ совѣщательнымъ. Законъ этотъ не удовлетворилъ общество, остался мертвою буквой и вскорѣ замѣненъ другимъ.

VI. Конституція.

Между тѣмъ страна волновалась все болѣе и болѣе. Стачки, аграрные безпорядки, бунтъ матросовъ на броненосцѣ «Потемкинъ Таврическій» (офицеровъ побросали въ воду; бомбардирована Одесса) завершились всеобщей забастовкой. Двѣ нелегальныхъ организаціи: «Союзъ союзовъ» и «Центральный Совѣтъ рабочихъ депутатовъ» прекратили движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, прервали телефонное сообщеніе; пошли митинги съ зажигательными рѣчами; по деревнямъ крестьяне стали сжигать помѣщичьи имѣнія, рѣзать скотъ; во многихъ мѣстахъ происходили кровавыя столкновенія съ войсками и полиціей. Подвозъ жизненныхъ припасовъ въ города прекратился; цѣны на продукты сильно поднялись; центральное правительство оказалось совершенно отрѣзаннымъ отъ провинціи; его распоряженія не доходили до назначенія — вся жизнь страны была парализована.

Такое положеніе дѣлъ грозило всеобщей анархіей, и потому предсѣдатель Комитета Министровъ, графъ Витте, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Америки, гдѣ ему удалось прекратить войну и заключить миръ съ Японіей (23 авг.), представилъ государю докладъ съ указаніемъ, что выходъ изъ создавшагося затрудненія можетъ быть лишь одинъ изъ двухъ: или диктатура, энергичное, безжалостное подавленіе волненій въ

самомъ ихъ корнѣ, хотя бы цѣною большого кровопролитія, или же путь конституціонный, при сознаніи, что, разъ вступивъ на этотъ путь, сойти съ него потомъ будетъ уже невозможно.

Государь, совершенно естественно, нѣкоторое время колебался; ему предстояло сдѣлать, быть можетъ, самый важный шагъ въ своей жизни, — шагъ, отъ котораго зависѣла вся будущность народа, ввѣреннаго его заботамъ и попеченію; трудность рѣшенія осложнялась, сверхъ всего, борьбой съ личными симпатіями и убѣжденіями: путь диктатуры былъ для него закрытъ; онъ не рѣшался сознательно проливать кровь тѣхъ, въ комъ видѣлъ, уже въ силу одного обычая, своихъ «дѣтей», а самъ былъ для нихъ «царемъ-батюшкой»; да и военные авторитеты утверждали, что примѣненіе военной силы, при сложившихся обстоятельствахъ, цѣли не достигнетъ; выступить же на путь конституціонный значило отказаться отъ программы и завѣтовъ своего отца, котораго онъ чтилъ сыновне, противорѣчить самому себѣ, своимъ прежнимъ дѣйствіямъ и категорическимъ заявленіямъ (на пріемѣ депутацій 17 янв. 1895 г.). Однако, послѣ нѣсколькихъ дней колебанія и совѣщаній съ приближенными, имп. Николай нашелъ въ себѣ достаточно силы побороть себя и рѣшился вступить на путь реформъ и завершить великое дѣло своего великаго дѣда, Александра II: онъ ограничилъ свое самодержавіе и даровалъ русскому народу конституцію (1905, 17 окт.).

Манифестъ 17 октября, еще не называя конституцію ея настоящимъ именемъ, постановлялъ, «какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобреанія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей». Правительству вмѣнялось въ обязанность «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Въ ближайшемъ будущемъ — заявлялъ манифестъ — надлежало выработать, въ отмѣну закона 6 августа, новый законодательный порядокъ, пока же, «не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ«.

Къ манифесту былъ приложенъ всеподданнѣйшійъдокладъ графа Витте, своего рода дополненіе и дальнѣйшее развитіе идей манифеста. Такое значеніе докладу придавала помѣта на немъ государя: «принять къ руководству». «Волненіе, охва

тившее разнообразные слои русскаго общества» — говорилось въ докладѣ — «не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они — въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы. Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности».

Манифестъ 17 октября сталъ краеугольнымъ камнемъ новаго государственнаго строя, открылъ новую эру въ русской жизни. Ближайшимъ его слѣдствіемъ было изданіе новаго избирательнаго закона (1909, 11 дек.) и новаго Положенія о Государственной Думѣ (1906, 20 февр.). Согласно этому послѣднему, Дума изъ прежняго совѣщательнаго органа становилась учрежденіемъ законодательнымъ съ рѣшающимъ голосомъ. Всякій законопроектъ получалъ силу закона лишь съ одобренія Думы и Государственнаго Совѣта, который, въ свою очередь, былъ реформированъ: кромѣ лицъ по назначенію (изъ каковыхъ онъ состоялъ раньше), въ него вошли теперь еще выборные члены: отъ духовенства, дворянства, губернскихъ земскихъ собраній и представители науки (Академія Наукъ, университеты), торговли и промышленности. Такимъ образомъ на утвержденіе государю подносились лишь законы, одобренные обѣими палатами; отвергнутый Думою или Совѣтомъ проектъ дальнѣйшаго движенія имѣть не могъ. Кромѣ того Дума получила право бюджетной инициативы, право утверждать или не утверждать бюджетъ (за исключеніемъ впрочемъ нѣкоторыхъ его отдѣловъ).

VII. Послѣдніе годы царствованія. 1906—1917.

Новая конституція вошла въ силу съ открытіемъ Государственной Думы и началомъ ея работъ (1906, 27 апр.). Но она не внесла въ жизнь страны надлежащаго успокоенія. Около трона не было недостатка въ элементахъ, враждебныхъ новому порядку — это были, почти безъ исключенія, всѣ тѣ, кто и раньше являлся ближайшими совѣтниками и сотрудниками государя — и ихъ совѣты сводились къ тому, чтобы, насколько возможно, парализовать силу новаго закона и свести на нѣтъ права, дарованныя Думѣ. Эти совѣты выслушивались тѣмъ

охотнѣе, чѣмъ труднѣе было верховной власти примириться съ новымъ порядкомъ: всѣ чувствовали и понимали, а государь отчетливѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ кто либо иной, что конституція, въ дѣйствительности, была не „дарована", а вырвана изъ его рукъ и навязана ему.

Съ другой стороны побѣдители не довольствовались достигнутымъ, хотѣли сразу и полностью осуществить свои желанія; среди нихъ было не мало такихъ, которые неумѣренно пользовались своею побѣдою, спѣшили сорвать плодъ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ созрѣть, забывая мудрое правило, путемъ долгаго опыта выработанное старыми конституціонными государствами (Древній Римъ, Англія, С. А. Штаты): „чѣмъ медленнѣе созрѣваютъ государственныя учрежденія, тѣмъ они прочнѣе и долговѣчнѣе".

Такимъ образомъ обѣ стороны не мало тормозили нормальный ходъ дѣятельности Государственной Думы. Одни не съумѣли понять, что пробилъ рѣшительный часъ, когда надлежало разстаться со старымъ, что стараго больше не вернешь и что потому всякая попытка задержать естественный ходъ событій поведетъ лишь къ новому разладу и новымъ волненіямъ; другіе же не съумѣли понять, что еще не настало время для полнаго осуществленія ихъ идеаловъ, что одного завоеванія еще недостаточно: чѣмъ рѣзче скачекъ, чѣмъ больнѣе для побѣжденнаго переходъ къ новому положенію, тѣмъ труднѣе ему сжиться съ нимъ, тѣмъ скорѣе надо будетъ ожидать съ его стороны сопротивленія: возстаютъ вѣдь и побѣжденные! и что поэтому, въ интересахъ самаго побѣдителя, облегчить противнику примиреніе съ утраченнымъ. Тѣ и другіе пошли по ложной дорогѣ: одни забыли о принятыхъ на себя обязательствахъ, другіе — о предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ. Поэтому каждая сторона имѣла основаніе обвинять противную въ нарушеніи установленнаго соглашенія.

Вслѣдствіе этого общая работа Государственной Думы съ правительствомъ съ самаго же начала пошла недружно. Члены Думы избирались на 5 лѣтъ; но Дума перваго созыва была распущена уже на третій мѣсяцъ (27 апр. — 8 іюля). Новые выборы не оправдали расчетовъ правительства: Вторая Дума оказалась настроенною еще враждебнѣе и тоже была скоро распущена (1907, 20 февр. — 3 іюня). Опасаясь, какъ бы третьи выборы не явились повтореніемъ прежнихъ, правительство, распустивъ Вторую Думу, издало, въ отступленіе отъ дѣйствующихъ законовъ, безъ согласія Думы и Государственнаго Совѣта, новый избирательный законъ, давшій большія преимущества дворянству и лицамъ съ высокимъ имущественнымъ цензомъ (1907, 3 іюня).

На этотъ разъ Третья Дума просуществовала положенное ей число (пять) лѣтъ; но ей недоставало того авторитета, какимъ пользовались первыя двѣ; волненія, политическія убійства не прекращались. Одни винили правительство въ томъ, что оно тормозитъ нормальную работу Думы, другіе, наоборотъ, считали самую Думу и элементы, находившіе въ въ ней поддержку, причиною тревожнаго положенія въ странѣ.

Такъ продолжалось до той поры, когда возгорѣлась Міровая война (1914, 19 іюля). Россіи она была навязана. Опасность, грозившая родинѣ, вызвала горячій взрывъ патріотизма; весь народъ, безъ различія партій, всѣ слои общества, съ Думою во главѣ, восторженно сплотились вокругъ своего государя. Къ сожалѣнію, этотъ взрывъ былъ минутный; единеніе народа съ престоломъ продолжалось не долго.

Вначалѣ военныя дѣйствія складывались благопріятно для русскаго оружія; быстро завоевана была значительная часть Галиціи; передовые отряды доходили вплоть до Кракова; даже гибель двухъ корпусовъ въ Мазурскихъ болотахъ, на прусскомъ театрѣ войны, не осталась безплодною: наша диверсія въ Восточную Пруссію отвлекла туда часть нѣмецкихъ силъ съ Западнаго фронта и, раздробивъ ихъ, помѣшала нѣмцамъ овладѣть Парижемъ. Но уже весною 1915 года недостатокъ въ вооруженіи и боевыхъ снарядахъ вынудилъ русскія войска покинуть Галицію, сведя на нѣтъ громадныя жертвы, принесенныя для ея завоеванія. Недостатокъ въ снарядахъ ощущался тогда всѣми: онъ тормозилъ военныя дѣйствія одинаково и нашихъ союзниковъ, и нашихъ враговъ — никто изъ воюющихъ не предвидѣлъ, какіе громадные размѣры приметъ война; но это соображеніе не могло ослабить горечь сознанія, что войскамъ приходится зачастую, при отступленіи, отбиваться чуть не однимъ холоднымъ оружіемъ; что въ отвѣтъ на ураганный огонь непріятеля, на сотню вражескихъ выстрѣловъ, наши баттареи могли выпускать всего одинъ-два заряда. Къ тому же и союзники, и враги легче и быстрѣй справились съ этимъ горемъ, у насъ же, помимо всего, открылись еще большіе непорядки и упущенія въ организаціи тыла арміи и — что особенно смутило умы — преступныя дѣйствія въ руководящихъ сферахъ (военное министерство). Вслѣдствіе этого довѣріе къ правительству снова и уже окончательно было подорвано, разладъ проявился съ прежнею силой. Критика и осужденіе дѣлались сперва втихомолку. затѣмъ громче и громче; правительство стали обвинять въ явной неспособности, въ неумѣньи и непониманіи того, что надлежало дѣлать. Наконецъ по всей странѣ глухо полетѣло страшное слово „измѣна“. Подъ настойчивымъ

давленіемъ общественнаго мнѣнія, правительство вынуждено было привлечь земскихъ и городскихъ дѣятелей къ совмѣстной работѣ по снаряженію арміи, заготовленію продовольствія и подачѣ медицинской помощи раненымъ; но, сдѣлавъ эту уступку, оно старалось, насколько могло, съузить кругъ ихъ дѣятельности, изъ опасенія, какъ бы власть совсѣмъ не ускользнула изъ его рукъ. Дѣло отъ этого тормозилось, а народное недовольство усилилось до опасныхъ и грозныхъ размѣровъ. Глухое броженіе перешло наконецъ въ открытый ропотъ. Продолжавшіяся неудачи на войнѣ давали ему новую пищу: послѣ Галиціи непріятель вытѣснилъ насъ изъ Польши и вторгся въ коренныя русскія земли; Полѣсье, Волынь и Литву. Горючій матеріалъ быстро накапливался, и достаточно было неосторожной искры, чтобы зажечь его страшнымъ пожаромъ.

Помимо всего, война потребовала небывалаго напряженія народныхъ силъ; подъ ружье призваны были не только молодежь, но и люди средняго возраста (до 43 лѣтъ); она утомила населеніе. Вдобавокъ, желѣзныя дороги, будучи постоянно заняты подвозомъ къ театру войны свѣжихъ полковъ и боевого матеріала, волей-неволей обслуживали почти исключительно военныя нужды — это вызвало разстройство нормальнаго сообщенія въ странѣ; рынокъ сталъ испытывать недостатокъ въ товарѣ, вплоть до продуктовъ первой необходимости, а это удорожило жизнь, подняло цѣны на все. На почвѣ дороговизны и недостатка въ хлѣбѣ, мясѣ, мукѣ, овощей въ Петербургѣ вспыхнули уличные безпорядки, перешедшіе въ открытый бунтъ при дѣятельномъ участіи запасныхъ батальоновъ гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ въ столицѣ. Правительство оказалось безсильнымъ справиться съ волненіемъ; бунтъ выросъ въ цѣлую революцію, которая вынудила имп. Николая II сложить съ себя корону. Въ ночь съ 2 на 3 марта 1917 г. онъ отрекся отъ престола и передалъ верховную власть своему брату, великому князю Михаилу Александровичу, но тотъ, подъ давленіемъ лицъ, руководившихъ въ эти дни революціоннымъ движеніемъ, отказался принять ее.

Отреченіе однако не поправило дѣла; новые люди, пришедшіе на смѣну старымъ, одинаково, какъ и тѣ, оказались не на высотѣ положенія. Въ конечномъ результатѣ Россія пережила за послѣдніе годы неслыханные по своимъ размѣрамъ и ужасу потрясенія и по днесь еще не выпила до дна горькую чашу позора и униженія.

Лишь будущая исторія сможетъ спокойно и всесторонне освѣтить всѣ обстоятельства, которыя довели Русскую землю

до нынѣшняго ея печальнаго состоянія, — до этой разрухи, невыразимо болѣе горшей, чѣмъ та, какую пережила она 300 лѣтъ назадъ; но, думается, однимъ изъ коренныхъ золъ она признаетъ отсутствіе въ русскомъ обществѣ, во всѣхъ его слояхъ, и высшихъ и низшихъ, горячаго патріотизма, сознательной, живой любви къ родинѣ, отсутствіе готовности жертвовать собою, отбросивъ въ сторону партійные счеты, забывъ личные интересы, привычки и симпатіи. Отсутствіе сильнаго патріотическаго чувства сказалось въ эти годы одинаково какъ среди правящихъ такъ и управляемыхъ, среди образованныхъ и непросвѣщенныхъ, состоятельныхъ классовъ и неимущихъ. Единичныя исключенія, индивидуальныя или групповыя, лишь рѣзче подчеркивали общее явленіе. Когда жизнь идетъ по заведенному порядку и ничто не нарушаетъ его, то безъ патріотизма страна съ грѣхомъ пополамъ, пожалуй, еще можетъ существовать; но когда она стоитъ на краю глубокой пропасти, когда рѣшается ея судьба, все ея будущее — тогда одна лишь беззавѣтная любовь и преданность родинѣ въ силахъ спасти ее и не допустить до паденія.

Въ свое время самодержавіе совершило великое національное дѣло, создавъ единую Россію, изъ прежней разрозненной и слабой превративъ ее въ мощную державу; но этой единой и мощной Россіи не доставало гражданъ: 170 милліоновъ ея населенія были лишь подданными, въ сущности на такомъ же положеніи, какъ во времена Грознаго или Алексѣя Михайловича. Между тѣмъ и по своему международному положенію міровой державы, и въ силу условій внутренней жизни, Россія нуждалась именно въ гражданахъ: чѣмъ сложнѣе становилась жизнь, чѣмъ неотразимѣе вовлекалась Россія въ круговоротъ міровыхъ отношеній, тѣмъ настоятельнѣе представлялась необходимость, чтобы чувство долга органически срослось съ духовнымъ бытіемъ человѣка, чтобы надъ міромъ личныхъ, семейныхъ и тѣсно-кружковыхъ интересовъ властно царилъ въ нашемъ сознаніи интересъ общества, олицетворяемый въ Родинѣ и Государствѣ.

Между тѣмъ достаточно ли любили родину, всегда ли готовы были ради нея пожертвовать собою правящіе классы, классы интеллигентные и масса народная, — тѣ, чьи дѣйствія и поступки опредѣлили ходъ событій послѣднихъ лѣтъ? Одни — всѣмъ своимъ поведеніемъ создавали условія благопріятныя для революціи; другіе — сами толкали на нее, всемѣрно содѣйствуя ея проявленію; третьи — первоначально слѣпое орудіе въ чужихъ рукахъ, позже явились слѣпой разрушительной стихіей. Одни цѣпко хватались за власть и ради нея забыли о Родинѣ; другіе — авторитетъ власти, и безъ того ею самою подорванный, роняли еще болѣе, и тоже не

на пользу Родинѣ; третьи — со своимъ грубо-эгоистическимъ, узко-утилитарнымъ „моя хата съ краю“, „мы вятскіе, нѣмецъ все равно до насъ не дойдетъ“, совсѣмъ не думали о ней и творили, хорошо не сознавая, что творятъ.

Послужитъ ли русскому обществу настоящее бѣдствіе поучительнымъ урокомъ и указаніемъ на будущее? Вызоветъ ли оно къ жизни тѣ духовныя силы, безъ которыхъ не мыслимо наше возрожденіе? станетъ ли Родина главнымъ импульсомъ нашего поведенія? съумѣемъ ли мы подняться на ту высоту, на которой жертва перестаетъ быть жертвою, но превращается въ неотразимую потребность нашихъ помысловъ и нашего сердца?...

Памятники духовной культуры. 1855—1917.

I. Художники-писатели (проза и поэзія).

И. А. Гончаровъ. 1812-1891.
Алексѣй К. Толстой, графъ. 1817-1875.
И. С. Тургеневъ. 1818-1883.
А. А. Шеншинъ (псевдонимъ: Фетъ). 1820-1892.
Я. П. Полонскій. 1820-1898.
Н. А. Некрасовъ. 1821-1877.
Ѳ. М. Достоевскій. 1821-1881.
А. Н. Майковъ. 1821-1897.
А. Н. Островскій. 1823-1886.
М. Е. Салтыковъ (псевд.: Щедринъ). 1826-1889.
Левъ Н. Толстой, графъ. 1828-1910.
В. Г. Короленко. 1853-1921.
А. П. Чеховъ. 1860-1904.
А. М. Пѣшковъ (псевд.: Максимъ Горькій), род. 1868 г.
И. А. Бунинъ, род. 1870 г.

Кромѣ того еще: Леонидъ Андреевъ, Апухтинъ, Ахматова, Бальмонтъ, Блокъ (умеръ отъ голодной цынги въ 1921 г.), Боборыкинъ, Брюсовъ, Бугаевъ (псевд.: Андрей Бѣлый), Виленкинъ (псевд.: Минскій), Гаршинъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, Гумилевъ (разстрѣлянъ въ 1921 г. большевиками), Засодимскій, Златовратскій, Вячеславъ Ивановъ, Купринъ, Лѣсковъ, Маминъ (псевд.: Маминъ-Сибирякъ), Марковичъ (псевд.: Марко-Вовчокъ), Мей, Мельниковъ (псевд.: Анрей Печерскій), Мережковскій, Надсонъ, Писемскій, Плещеевъ, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Ѳедоръ Сологубъ, графъ Алексѣй Н. Толстой, Глѣбъ Успенскій, Хвощинская („В. Крестовскій-псевдонимъ“), Щербина.

II. Художники-живописцы.

И. К. Айвазовскій. 1817-1900. Маринистъ: „Овцы въ бурю, загоняемыя въ море“; „Девятый валъ“; „Черное море“.

Н. Н. Ге. 1831-1894: «Тайная Вечеря»; «Допросъ Петромъ Великимъ своего сына, царевича Алексѣя"; «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ»; картины на евангельскія темы.

И. И. Шишкинъ. 1831-1898. Пейзажистъ: «Сосновый лѣсъ»; «Рубка лѣса»; «Рожь»; «Лѣсная глушь».

В. Г. Перовъ. 1833-1882. Русскій бытъ: «Пріѣздъ станового на слѣдствіе»; «Монастырская трапеза»; «Сынъ дьячка, произведенный въ первый чинъ»; «Деревенскія похороны»; „Проповѣдь въ селѣ"; „Пріѣздъ гувернантки въ купеческую семью»; «Птицеловъ»; «Охотники на привалѣ»; «Чистый понедѣльникъ".

И. Н. Крамской. 1837-1887: «Созерцатель»; «Майская ночь" (Гоголя); «Христосъ въ пустынѣ»; портреты писателя Григоровича, Льва Толстого, семьи Гинзбурговъ, гр. Д. А. Толстого (министра внутр. дѣлъ) и мног. другихъ.

К. Е. Маковскій, род. 1839 г.: «Русалки», «Свадебный пиръ въ боярской семьѣ"; «Смерть Іоанна Грознаго».

А. И. Куинджи, род. 1842 г. Пейзажистъ: «Лунная ночь въ Украйнѣ»; «Ночь на Днѣпрѣ»; «Березовая роща».

В. В. Верещагинъ. 1842-1904: а) Туркестанскій циклъ картинъ: «Окружили»; «Забытый»; «Вошли»; «Трофеи»; б) Индійскій; в) циклъ изъ войны за освобожденіе болгаръ, 1877-1878 гг.: « На Шипкѣ все спокойно»; г) Наполеоновскій циклъ: «Пожаръ Москвы»; «Отступленіе Великой арміи»; д) Новозавѣтный циклъ.

Г. И. Семирадскій, род. 1843 г.: «Фрина передъ судомъ»; „Свѣточи Нерона".

И. Е. Рѣпинъ, род. 1844 г.: «Бурлаки на Волгѣ»; «Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ, умирающій отъ руки отца»; «Не ждали».

В. Д. Полѣновъ, род. 1844 г.: «Христосъ и грѣшница»; «Христосъ отрокомъ среди книжниковъ».

В. Е. Маковскій, род. 1846 г. Жанристъ: «Крестьянскіе мальчики стерегутъ лошадей»; «Любители соловьевъ»; «Пріемная доктора»; «У мирового»; «Казначейство въ день выдачи пенсіи".

В. И. Суриковъ, род. 1848 г.; историческая живопись: «Казнь стрѣльцовъ»; «Меншиковъ въ ссылкѣ»; «Боярыня Морозова»; «Завоеваніе Сибири Ермакомъ»; «Суворовъ на Сен-Готардѣ».

В. М. Васнецовъ, род. 1848 г.: «Богатыри»; «Сиринъ и Алконостъ"; стѣнная живопись во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ («Богоотецъ», «Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ", «Страшный Судъ», «Великая княгиня Ольга», «Серафимъ».

М. А. Врубель. 1856-1910: декораціи Владимірскаго собора въ Кіевѣ; «Демонъ» (серія рисунковъ и картинъ); «Панъ»; «Царевна-Лебедь».

И. И. Левитанъ. 1860-1900. Пейзажистъ: «Надъ вѣчнымъ покоемъ»; «Вечеръ на Волгѣ»; «У омута»; «Сумерки»; «Ранняя весна».

М. В. Нестеровъ, род. 1862 г.: «Пустынникъ»; «Св. Сергій Радонежскій».

В. А. Сѣровъ. 1865-1911. Портретистъ (имп. Николай II, Левитанъ, Ида Рубинштейнъ).

III. Художники-скульпторы.

М. М. Антокольскій. 1842-1902: «Иванъ Грозный»; «Петръ Великій»; «Несторъ-лѣтописецъ»; «Спиноза».

IV. Художники-композиторы.

А. Н. Сѣровъ. 1820-1871. Оперы: «Юдифь», «Рогнѣда», «Вражья сила».

А. Г. Рубинштейнъ. 1829-1894. Оперы: «Демонъ», «Фераморсъ», «Купецъ Калашниковъ». Историческіе концерты 1885-1886 г.; публичныя музыкальныя лекціи 1888-1889 г.

А. П. Бородинъ. 1834-1887. Опера «Князь Игорь».

М. А. Балакиревъ. 1836-1910: симфоніи; «Король Лиръ»; пьесы духовнаго содержанія.

М. П. Мусоргскій. 1839-1893. Оперы: «Борисъ Годуновъ», Хованщина», «Сорочинская ярмарка».

Н. А. Римскій-Корсаковъ, род. 1844 г. Оперы: «Псковитянка», «Майская ночь», «Снѣгурочка»; симфонія «Садко».

П. К. Глазуновъ, род. 1865 г.: симфоніи, увертюры, концерты.

V. Художники-театральной сцены.

Съ 1882 г. разрѣшены въ столицахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, частные театры; раньше тамъ могли существовать только казенные.

Л. Н. Ѳедотова, род. 1846 г. — М. Н. Ермолова, род. 1853 г. — В. Ф. Комисаржевская, ум. 1910 г.

Московскій Художественный театръ (Станиславскій, В. И. Качаловъ, С. Л. Книпперъ).

VI. Путешественники-изслѣдователи малоизвѣстныхъ странъ.

П. П. Семеновъ-Тяньшанскій. 1827-1910. Тянь-шань, его природа и геологическое строеніе (1856-1858). Семеновъ «пер-

вымъ изъ европейскихъ путешественниковъ проникъ въ Тянь-Шань и первый посѣтилъ высочайшую горную группу — Ханъ-Тенгри» (Шокальскій).

Г. Н. Потанинъ. 1835-1920. Четыре экспедиціи въ Монголію и Тибетъ (1876-1892). Богатыя данныя по всѣмъ отраслямъ географическихъ знаній.

В. В. Радловъ. 1837-1919. Въ 1860-хъ годахъ: Алтай, Джунгарія; этнографія и языки тюркскихъ племенъ. Экспедиція 1892 г.: развалины Каракорума.

Н. М. Пржевальскій. 1839-1888. Самый знаменитый изъ русскихъ путешественниковъ за послѣднія 50 лѣтъ. Это Русскій Ливингстонъ: что одинъ сдѣлалъ для Центральной Африки, то другой — для Центральной Азіи. Въ общей сложности Пржевальскій провелъ тамъ свыше девяти лѣтъ, совершилъ 4 большихъ путешествія (1871-1886) и прошелъ до 30 тысячъ верстъ по неизвѣстнымъ дорогамъ. «До Пржевальскаго въ Средней Азіи не было ни одного точно нанесеннаго на карты мѣста, а о природѣ этой части Азіи знали очень мало положительнаго». Онъ первый изслѣдовалъ природу горной системы Куень-Луня, хребтовъ Сѣвернаго Тибета, собралъ богатыя ботаническія и зоологическія коллекціи, открылъ новыя породы животнаго міра: дикаго верблюда, тибетскаго медвѣдя, лошадь, названную, въ честь его, «лошадью Пржевальскаго»; опредѣлилъ астрономическіе пункты, сдѣлалъ маршрутные съемки, барометрическія опредѣленія высотъ. Ему первому изъ европейцевъ удалось посѣтить истоки рѣки Желтой и Голубой, окончательно установить теченіе рѣки Тарыма и мѣсто Лобъ-Нора, куда она впадаетъ. Онъ первый выяснилъ строеніе земной поверхности этихъ мѣстъ, «первый далъ въ общемъ картину всего Сѣвернаго Тибета» (Шокальскій). Готовясь къ пятому путешествію, Пржевальскій умеръ (1888, 20 окт.) въ г. Караколѣ, который потомъ былъ переименованъ, въ честь его, въ городъ Пржевальскъ.

В. В. Юнкеръ. 1840-1892. Гидрографія, природа и населеніе Экваторіальной Африки (1877-1887). Богатыя этнографическія коллекціи.

М. В. Пѣвцовъ, род. 1843 г. Сотрудникъ (1876-1879) и преемникъ (1888-1891) Пржевальскаго: Монголія, Джунгарія, Тибетъ.

Н. Н. Миклухо-Маклай. 1847-1887. Природа и этнографія Малайскаго архипелага и острововъ Тихаго океана, главнымъ образомъ Новой Гвинеи (1871-1883).

И. Е. Мушкетовъ, род. 1850 г. Геологическая экспедиція въ Туркестанъ; область Тянь-Шаня; Зарявшанскій край и его ледники (1875-1880).

Б. Л. Громбчевскій. 1855-1905. Памиръ, истоки Инда, Кашгарія, Кафиристанъ (1883-1890).

В. И. Роборовскій, р. 1856 г. Сотрудникъ Пржевальскаго и Пѣвцова. Самостоятельная экспедиція (1893-1895) въ Центральную Азію (Тибетъ, Западный Китай).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло, род. 1860 г. Четыре экспедиціи въ Тянь-Шань, Памиръ и Турфанъ (1884-1890).

П. К. Козловъ. Центральная Азія (1889-1891).

В. В. Сапожниковъ. Южный Алтай. русскій и монгольскій (ледники Бѣлухи); нѣсколько экскурсій, начиная съ 1895 года.

VII. Русская наука въ 1855—1917 г.

Анатомія: Груберъ.

Антропологія: Анучинъ.

Археологія: графъ Уваровъ.

Астрономія: Струве, Бредихинъ.

Біологія: Бэръ, Ковалевскій, Мечниковъ.

Византинисты: Васильевскій, Успенскій, Кондаковъ.

Востоковѣдѣніе: Хвольсонъ (гебраистъ), Радловъ (тюркскія народности), Васильевъ (китаистъ), Минаевъ, Ольденбургъ (изслѣдователи буддизма), баронъ Розенъ (арабистъ).

Геологія: Карпинскій.

Исторія политическая: Забѣлинъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ, Иловайскій, Антоновичъ, Иконниковъ, Ключевскій, Милюковъ, Платоновъ.

Исторія русскаго быта: Забѣлинъ (см. выше), Д. Ал. Ровинскій.

Исторія русской литературы: Буслаевъ, Тихонравовъ, Пыпинъ, Александръ Ник. Веселовскій, Несторъ Ал. Котляревскій.

Исторія русскаго права: Чичеринъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ.

Исторія древняго русскаго искусства: Буслаевъ (см. выше), Филимоновъ.

Криминалистика: Неклюдовъ, Таганцевъ, Фойницкій, Кони.

Кристаллографія (и геометрія): Ѳедоровъ.

Математика: Буняковскій, Чебышевъ, Софья Ковалевская, Марковъ, Ляпуновъ.

Минералогія: Кокшаровъ, Еремѣевъ, Бернадскій.

Нумизматика: графъ И. И. Толстой.

Психіатрія: Мержеевскій, Бехтеревъ.

Славистика: Срезневскій, Гильфердингъ, Ламанскій, Ягичъ, А. А. Котляревскій.

Терапія: Боткинъ, Захарьинъ.

Физика: Лебедевъ.

Физіологія: Сѣченовъ, Павловъ.

Филологія (русскій языкъ): Потебня, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Шахматовъ, Соболевскій.

Философія: Владиміръ С. Соловьевъ.

Химія: Менделѣевъ, Бутлеровъ.

Хирургія: Пироговъ.

Этнографія: Даль, Аѳанасьевъ, Анучинъ (см. выше), Всеволодъ Ѳ. Миллеръ, П. Ап. Ровинскій, Смирновъ.

VIII. Ученыя общества.

1. Археологическая Комиссія для производства археологическихъ раскопокъ и изслѣдованія древностей (Спб.), основана въ 1859 г.

2. Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (Москва). 1863.

3. Общество любителей древне-русскаго искусства (Москва). 1864.

4. Московское Археологическое Общество. 1864.

5. Кавказская Археологическая Комиссія (Тифлисъ). 1864.

6. Имп. Русское Историческое Общество (Спб.). 1866.

7. Археологическіе съѣзды; собирались періодически; всего 15 съѣздовъ съ 1869 по 1911 годъ.

8- Общество любителей древней письменности (Спб.). 1877.

9. Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. 1895.

IX. Просвѣтительныя учрежденія (художественныя и техническія).

1. Въ 1825 г. въ Москвѣ учреждена гр. С. Г. Строгановымъ первая рисовальная школа; въ 1860 г. она была преобразована въ Центральное училище техническаго рисованія, съ художественно-промышленнымъ музеемъ при ней.

2. Педагогическій Музей учебныхъ пособій и прикладныхъ знаній (Спб. въ «Соляномъ Городкѣ»). 1864.

3. Политехническій Музей (Москва). 1872.

4. Центральное Училище техническаго рисованія, съ художественно-промышленнымъ музеемъ при немъ, основанное барономъ А. Л. Штиглицемъ въ 1876 г. (Спб.) По богатству своихъ коллекцій и пособій для учащихся, это первая школа въ мірѣ.

5. Имп. Россійскій Историческій Музей (Москва). 1883.

6. Радищевскій Музей въ Саратовѣ — первый губернскій художественно-промышленный музей съ школой техническаго рисованія. 1885.

7. Третьяковская галлерея картинъ, въ Москвѣ, переданная въ собственность городу въ 1892 году.

8. Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III (Москва). 1893.

9. Русскій Музей имени имп. Александра III (Спб.). 1895.

10. Музей Стараго Петербурга (Спб.).

11. Пушкинскій Музей (Спб. Лицей).

12. Лермонтовскій Музей (Спб. Николаевское Кавалерійское Училище).

13. Толстовскій Музей (Спб.).

14. Товарищество передвижныхъ выставокъ («Передвижники»). 1870.

15. Консерваторія въ Петербургѣ. 1862.

16. Консерваторія въ Москвѣ. 1866.

X. Частныя собранія (Музеи, Галлереи).

1. Собраніе гр. С. Г. Строганова въ Спб. (старинныя русскія и византійскія монеты; древности Пермскаго края; произведенія древняго искусства; картинная галлерея).

2. Музей М. П. Боткина въ Спб. (памятники искусства, стараго и новаго; предметы художественной промышленности).

3. Музей П. И. Щукина въ Москвѣ (вещественные памятники русской старины, гражданской и церковной; рукописи).

4-6. Собранія произведеній древней иконописи Постникова, Третьякова и Остроухова въ Москвѣ.

7. Собраніе П. Л. Шабельской въ Москвѣ (старинное одѣяніе; женскіе уборы; старинное шитье и вышиваніе въ примѣненіи къ домашнему обиходу).

8. Собраніе гр. А. С. Уварова въ с. Порѣчьѣ, Московской губ. (древности ископаемыя; предметы церковной старины; богатое собраніе рукописей).

9. Собраніе гр. А. А. Бобринскаго въ м. Смѣлѣ, Кіевской губ. (предметы, добытые въ курганахъ).

10. Собраніе А. Н. Поля въ Екатеринославлѣ (тоже).

11-15. Собранія: Базилевскаго (прикладное искусство), кн. С. В. Голицына (русская старина), Д. А. Ровинскаго (офорты Рембрандта) и картинная галлерея П. П. Семенова (голландская школа) стали достояніемъ Эрмитажа; а собраніе египетскихъ (и другихъ восточныхъ) древностей В. С. Голенищева — поступило въ Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III въ Москвѣ.

XI. Церковные памятники архитектуры.

Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ. — Владимірскій соборъ въ Кіевѣ. — Храмъ Спасителя въ Москвѣ. — Храмъ Воскресенія Господня въ Петербургѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ имп. Александръ II. — Соборъ въ Тифлисѣ.

XII. Возсозданіе древне-русской гражданской архитектуры.

Верхніе Торговые Ряды въ Москвѣ. — Домъ Игумнова въ Москвѣ. — Музей Щукина въ Москвѣ. — Историческій Музей въ Москвѣ.

Перо, которымъ имп. Александръ II подписалъ манифестъ 19 февраля 1861 г., возвѣщавшій освобожденіе крестьянъ и паденіе рабства въ Россіи (Москва. Историч. Музей).

Оглавленіе.

ЭПОХА ТРЕТЬЯ. 1462—1613.

Московское государство.

ЭПОХА ЧЕТВЕРТАЯ. 1613—1725.

Превращеніе въ европейскую державу.

ЭПОХА ПЯТАЯ. 1725—1855.

Россія — европейская держава.

Главный Складъ Изданій:

Книгоиздательства „ДѢТИНЕЦЪ“.

Исключительное Представительство русскаго книж. маг. „Градъ Китежъ“:

16. Родіоновъ: «Москва-Матушка». Былина (62 стр.) . . . . . . 25.—
17. И. А. Родіоновъ: «Жертвы вечернія» (не вымыселъ, а дѣйствительность). 328 страницъ . . . . 100.—
18. В. Куликовскій: «Ея грѣхъ». Романъ (157 стр.) . . . . . . 35.—
19. В. Б.: «Основы русской грамматики» (16 стр.) . . . . *) 10.—
20. Проф. В. О. Ключевскій: «Преподобный Сергій Радонежскій» Сергіева лавра и ея основатель. Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа. (47 страницъ) . . . . 10.—
21. Г. В. Немировичъ-Данченко: «Лѣто Господне». Симфоніи (130 стр.) . . . . *) 25.—
22. Н. Н. Зворыкинъ: «Крушеніе золото-валютной монетной системы». Потрясеніе экономическое, Международная задолженность, Инфляція, Что такое деньги?, Французскій Банкъ, Національный Эмиссіонный Банкъ, Монополія золота, Къ судьбѣ Россіи. (176 стр.) . . . . 50.—
23. Генералъ С. В. Денисовъ: Записки. Гражданская война на Югѣ Россіи 1918-1920 г. Въ семи книгахъ, съ приложеніемъ картъ-схемъ, исполненныхъ въ краскахъ. (120 стр.) Кн. 1-ая. (Январь — май 1918 г.) . . . . 60.—
24. И. Меркурьевъ «Голосъ военноплѣннаго» (поэма) 80 стр. . . 25.—
25. П. П. Булыгинъ: Стихотворенія. (129 страницъ) . . . . 40.—
26. Н. А. Лаппо-Данилевская: «На комъ вина?» Романъ. III-я часть «Развала». 228 страницъ . . . . 75.—
27. И. А. Родіоновъ: «Наше преступленіе». (Не бредъ а быль) 7-е изданіе. 376 страницъ. . . . . 100.—
28. В. Витухинъ: Перстень Іоанна Грознаго. Повѣсть на фонѣ эмигрантской жизни . . . . 35.—
29. В. Мятлевъ: Фонъ Братенъ. Романъ въ стихахъ изъ Петербургской великосвѣтской жизни . . . . 30.—
30. В. Сумбатовъ: Стихотворенія . . . . 40.—

Указанныя цѣны — съ 1-го августа 1922 года.

---

*) Только для Германіи. Для странъ съ высокой валютой — закономъ установленная надбавка.

Адресъ:

BUCHHANDLUNG „GRAD KITESCH“

BERLIN W 35, LÜTZOWSTR. 80.